

Восточная Европа в Средневековье

НАУКА

Владимир

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Восточная Европа в Средневековье

*К 80-летию
Валентина Васильевича
СЕДОВА*

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 902/904
ББК 63.4
В78

Редакционная коллегия:

Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Л.И. Авилова*,
кандидат исторических наук *С.З. Чернов*

Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова /
Ин-т археологии. – М.: Наука, 2004. – 352 с.: ил. – ISBN 5-02-009869-8 (в пер.)

Книга подготовлена к юбилею выдающегося российского археолога-слависта академика В.В. Седова и открывается статьей, посвященной его жизни и творческому пути. Участниками сборника стали коллеги и ученики В.В. Седова, большинство из них хорошо известны в мире науки. Авторы статей представляют разные города и научные центры России, а также Украины, Белоруссии, Латвии и Литвы. Все публикуемые материалы представляют собой оригинальные исследовательские работы высокого уровня.

Для археологов, историков, учащейся молодежи и читателей, интересующихся прошлым нашей страны.

По сети “Академкнига”

Научное издание

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

К 80-летию Валентина Васильевича Седова

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*. Художник *И.В. Яковлева*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*. Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова*

Подписано к печати 18.08.2004. Формат 70 x 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,6 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 29,7. Уч.-изд.л. 30,2. Тип. зак. 10586

Издательство “Наука” 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука” 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-009869-8

© Коллектив авторов, 2004

© Российская академия наук, 2004

© Издательство “Наука”, художественное
оформление, 2004

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ

21 ноября 2004 г. исполняется 80 лет академику Валентину Васильевичу Седову – выдающемуся ученому, имя которого известно сегодня каждому, кто хоть сколько-нибудь интересуется средневековой археологией и историей. В.В. Седов – создатель современной концепции этнокультурной истории славянства, автор обобщающих трудов по средневековой археологии Восточной Европы. Мало кто из археологов может сравниться с ним в умении свободно ориентироваться в огромных массивах доисторических и средневековых древностей, происходящих из самых различных областей Европы – от Повисленья и Подунавья до Заполярного Урала. Мало кто обладает равной ему способностью к созданию синтетических исследований, в которых разрозненные факты, отдельные блоки археологических материалов, нередко далеко отстоящие друг от друга географически и хронологически, выстраиваются в целостную историко-культурную панораму. Не будет преувеличением сказать, что В.В. Седов, отдавший немало сил и энергии делу охраны археологического наследия и отстаиванию интересов российской археологии перед лицом властных структур, известный своей принципиальностью и независимостью суждений, стал в глазах своих коллег символом подлинного служения науке и высокого понимания профессионального долга.

Круг научных интересов В.В. Седова чрезвычайно широк. Главной темой его исследований стали этногенез и этническая история славян от момента их выделения из среды индоевропейцев до формирования европейских народностей в средневековье. С этой проблематикой связана большая часть его книг, вышедших в последние годы. Однако В.В. Седов внес значительный вклад и в другие области средневековой археологии. Он – автор цикла статей по археологии средневекового города и истории становления городов на Руси и одновременно – основоположник археологического изучения древнерусской деревни. Небольшие заметки В.В. Седова о языческих культовых комплексах в Новгороде, опубликованные в 1950-х годах, дали мощный импульс для археологического изучения славянского язычества. В 1980 – начале 1990-х годов В.В. Седов выступил с серией статей по истории распространения христианства на Руси, которые стали едва ли не единственными публикациями, обобщающими и суммирующими обширный археологический материал по распространению новой религии. Сфера исследовательских интересов В.В. Седова не ограничена географическими рамками славянского мира. Он является признанным знатоком балтских и финно-угорских древностей. Его перу принадлежат многочисленные ра-

боты по археологии и этнической истории Прибалтики и финно-угорских областей Центра и Севера России, в том числе изданная в Риге на латышском языке книга “Балты в древности” (“Balti senatņ”). В.В. Седов – редактор и автор значительной части текста в книге “Финно-угры и балты в средневековье” – одном из томов “Археологии СССР”. Можно с полным основанием сказать, что в России не нашлось бы другого археолога, для которого была бы посильной задача обобщения столь огромного и разнородного материала. Всего же им написано более 550 научных трудов, в том числе 15 монографий.

В.В. Седов счастливо сочетает в себе качества ученого-энциклопедиста, археолога-эрудита, хранящего в памяти огромную сумму знаний, почерпнутых при изучении архивов и музейных хранилищ, и археолога-полевика, талантливого раскопщика, способного безошибочно выбрать для исследования наиболее яркие памятники и делать острые и оригинальные наблюдения, раскрывающие характер исследуемых объектов. В.В. Седов открыл языческое святилище в Перыни, убедительно интерпретировал конские черепа, лежащие под срубами новгородских построек, как остатки жертвоприношений, обнаружил и исследовал интереснейший древнерусский поселенческий комплекс конца X–XIII в. у Пирова городища – на крайнем востоке древнерусского расселения, практически целиком раскопал древнерусский город Изборск – памятник, имеющий ключевое значение для реконструкции начала славянского расселения на Северо-Западе. Не приходится доказывать, сколь существенными оказались эти материалы для воссоздания полнокровной картины русского средневековья.

В.В. Седов родился 21 ноября 1924 г. в подмосковном городе Ногинске. Его отец Василий Васильевич Седов и мать Анна Фоминична работали на Истомкинской текстильной фабрике. После окончания средней школы в сентябре 1941 г. В.В. Седов поступил в Московский авиационный институт, но учиться там ему пришлось недолго. Летом 1942 г. он был зачислен в Гомельское военно-пехотное училище, а в ноябре 1942 г. был направлен в действующую армию. В.В. Седов провел в армии почти три года, был командиром стрелкового и пулеметного отделений на Сталинградском, Южном, Степном, 1-м Украинском, 1-м Белорусском и Прибалтийском фронтах, участвовал в боях с Японией. Об ожесточенности боев, в которых ему довелось участвовать, свидетельствует то, что батальон, где он служил, дважды отправлялся на переформирование после тяжелых потерь. Мужество и боевые заслуги Валентина Васильевича отмечены многочисленными наградами, в том числе орденом Красной Звезды, медалью “За боевые заслуги”, грамотами верховного главнокомандующего за Сталинградскую битву, освобождение Борисова, Минска, Молодечно, Вильнюса, Шяуляя, Елгавы, Риги.

После разгрома квантунской группировки, в Харбине, в конце 1945 г., в руки В.В. Седова неожиданно попали книги из русских эмигрантских библиотек, в том числе разнообразные сочинения по русской истории, многие из которых были тогда недоступны в Советском Союзе. Знакомство с этой литературой пробудило глубокий интерес к прошлому и заставило изменить сделанный ранее выбор специальности. После демобилизации В.В. Седов поступил на исторический факультет МГУ и избрал специализацию по кафедре археологии. В 1951 г. выпускник университета был принят в аспирантуру Института археологии (в те годы – Института истории материальной культуры), с которым оказалась прочно связана вся его дальнейшая судьба.

Как и многие археологи его поколения, В.В. Седов в студенческие годы прошел школу Новгородской экспедиции, возглавлявшейся в 1940-х – 1950-х годах

его учителем – А.В. Арциховским. Археологические открытия в Новгороде, на Северо-Западе Руси, который традиционно рассматривался в историографии как зона этнического взаимодействия славян и финнов, пробудили у молодого исследователя интерес к проблемам этнокультурной истории Новгородской земли, изучение которых было практически прекращено в 1930-х годах с утверждением марровской теории стадиальности. В.В. Седов обращается к анализу курганных могильников северо-запада Новгородской земли, содержащих многочисленные украшения как славянских, так и финно-угорских типов, и пытается разделить славянские, водские и ижорские памятники. Одних археологических материалов для решения этой задачи оказалось недостаточно, и исследователю пришлось обратиться к изучению краниологических серий из курганов Ижорского плато, осваивая методы антропологии под руководством Г.Ф. Дебеца. В итоге В.В. Седову впервые удалось выделить водские древности и восстановить картину славянского освоения Ижорского плато и Нижнего Полужья и славяно-водской метисации. Статья “Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода”, опубликованная в 1953 г. в сборнике “Советская археология”, поставила молодого ученого в ряд ведущих специалистов по этнокультурной истории Северной Руси. Глубокий интерес к культурной ситуации на славяно-финском пограничье сохранился у ученого до настоящего времени, а проблемы славяно-финского взаимодействия заняли серьезное место в его научном творчестве.

Изучение курганных древностей Ижорского плато быстро переросло в исследование более обширных курганных материалов Новгородской, Псковской и Смоленской земли, послуживших основой для кандидатской диссертации В.В. Седова – “Кривичи и словене”. В диссертации был собран и систематизирован весь накопленный к тому времени археологический материал I – начала II тыс. н.э., связанный с этими летописными племенами. Отталкиваясь от работ А.А. Спицына, А.В. Арциховского и Б.А. Рыбакова, в которых курганные древности X–XIII вв. были с успехом использованы для реконструкции расселения и культуры отдельных восточнославянских племен, В.В. Седов вместе с тем несколько изменил акцент исследования, уделив большое внимание памятникам ранней поры – длинным курганам и сопкам. В работе был сделан вывод, что кривичи и словене – этнические, а не территориально-политические группировки. Диссертация была защищена в ноябре 1954 г. Текст ее не был полностью издан, однако отдельные главы стали основой для дальнейших исследований и со временем выросли в самостоятельные книги.

Длинный перечень книг В.В. Седова открывается монографией “Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.)”, вышедшей из печати в 1960 г. Трудно переоценить значение этого исследования. Небольшая книга, в основу которой положены материалы собственных полевых исследований В.В. Седова на селищах и городищах Смоленской земли, проведенных в 1955–1959 гг., стала первым опытом археологического изучения древнерусской деревни. Проведя сплошные разведки на левых притоках Днепра выше Смоленска, В.В. Седов впервые получил полноценные материалы, характеризующие древнерусские селища как тип археологического памятника, собрал достоверные данные об их топографии, размерах, группировке, ландшафтной приуроченности, проследил основные закономерности в развитии сельских поселений. Сегодня мы уже с трудом осознаем, что многие аксиоматические представления о средневековом расселении, например заключение о преобладании в X–XI вв. сравнительно крупных поселений, в более позднее

время уступивших место малодворным, или заключение о приуроченности ранних древнерусских селищ к долинам рек и о позднем освоении водоразделов были впервые изложены В.В. Седовым. Центральные районы Смоленской земли стали первой систематически изученной территорией Древней Руси. В то же время в монографии В.В. Седова сформулирован оригинальный и эффективный подход к археологическому изучению сельских территорий, предполагающий сплошное обследование отдельных районов, получение полноценной информации о памятниках путем сборов материалов с поверхности, использование керамических материалов для датирования селищ, подробный анализ структуры гнезд селищ – малых групп поселений. Методы и приемы полевых исследований и общий подход к аналитическому изучению сельских памятников, предложенный в этой книге, прочно вошли в практику отечественной археологии и в почти неизменном виде использовались несколькими поколениями исследователей древнерусской деревни.

В 1970-е годы В.В. Седов издал два выпуска Свода археологических источников, посвященные интереснейшим типам погребальных памятников, которые имеют ключевое значение для реконструкции этнокультурных процессов на Севере Европейской России в средневековье – сопкам (Новгородские сопки. М., 1970) и длинным курганам (Длинные курганы кривичей. М., 1974). Эти книги стали одним из первых опытов каталогизации погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. в лесной полосе Восточной Европы и одновременно важным шагом в разработке общей картины начальных этапов славянского расселения на Северо-Западе. Оба свода стали настольными книгами археологов-славистов. Однако появление их вызвало и ряд полемических откликов: не все исследователи приняли этнические атрибуции В.В. Седова и оценку им длинных курганов и сопок как памятников, составивших основу для формирования древнерусской культуры на севере. Оценивая сегодня значение этих книг, стоит отметить, что они стали мощным катализатором новых полевых исследований сопок и длинных курганов – поисков новых памятников и уточнения данных об уже известных объектах, раскопок курганных насыпей и выявления поселений, соответствующих могильникам. За почти три десятилетия, прошедшие со времени издания сводов, ареалы сопок и длинных курганов существенно детализированы, каталоги памятников заметно пополнились, несколько изменились представления о хронологии обоих типов погребальных памятников. Однако принципиальные выводы В.В. Седова о связи сопок со славянским населением Новгородской земли – летописными словенами, а длинных курганов – с летописными кривичами с учетом новых данных представляются сегодня еще более убедительными.

Предметом докторской диссертации В.В. Седова, защищенной в 1967 г., стала этническая история населения Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья на значительном хронологическом отрезке времени между серединой I тыс. до н.э. и XIII в. Основные итоги этого исследования изложены в монографии “Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья” (М., 1970). По заключению самого автора, книга посвящена предыстории белорусов, “анализу тех явлений и обстоятельств, которые, в конечном счете, привели к обособлению днепровско-понеманской части восточного славянства и образованию белорусской народности”. В этом исследовании В.В. Седов впервые попытался выделить балтский субстрат в средневековых славянских древностях и оценить вклад балтских племен в древнерусскую культуру. Процесс формирования средневекового восточнославянского населения Верхнего Поднепровья и По-

двинья В.В. Седов рассматривает как постепенную ассимиляцию местных балтских племен под воздействием сравнительно немногочисленных групп пришельцев-славян. Недостаток письменных источников, характеризующих этнокультурную ситуацию в исследуемом регионе, В.В. Седов с успехом компенсировал широким привлечением топонимических, диалектологических и антропологических материалов. Особое внимание было уделено анализу гидронимии, в которой четко выделяется слой географических названий балтского происхождения. Признавая, что балтские субстратные элементы присутствуют на территории, далеко выходящей за географические рамки Верхнего Поднепровья и Подвинья, В.В. Седов видит специфичность этого ареала в том, что “балты здесь были единственным этническим и языковым субстратом и занимали эту территорию по крайней мере около двух тысяч лет”. Однородный балтский субстрат явился наиболее существенным фактором, обусловившим формирование на этой территории после распада древнерусской народности белорусского этноса. Ограничив свое исследование жесткими географическими рамками, определенными в заглавии книги, автор фактически выходит далеко за их пределы и рассматривает культурную ситуацию на гораздо более широкой территории – от Балкан до Балтийского моря.

Монография интересна еще и тем, что в ней В.В. Седов формулирует некоторые теоретические и методологические положения, которым он следует в своих этногенетических реконструкциях. “...Археологическая культура или группа родственных археологических культур соответствуют этнической общности. Исходная связь между данными истории языка, антропологическим строением и продуктами материальной культуры не подлежит сомнению”. Эти послышки, предполагающие достаточно жесткую связь между культурными и этническими процессами, были несколько скорректированы в других исследованиях, созданных в последующие годы. В книге “Происхождение и ранняя история славян” (М., 1979) В.В. Седов специально рассматривает методы и приемы этногенетических реконструкций, исходя из того, что археологическая культура не всегда соответствует определенному этническому образованию, и вопрос о подобном соответствии в каждом случае должен решаться конкретно, с учетом всех элементов и признаков, характеризующих ту или иную культуру. Большое внимание здесь уделено принципам ретроспективного метода, позволяющего следовать от известного к неизвестному и являющегося, по мнению В.В. Седова, “единственным удовлетворительным путем для археологического изучения этногенеза”. Трудности, стоящие на пути этногенетических исследований, могут быть преодолены путем более корректного использования ретроспективного метода и более широкого охвата материала.

В 1970-е годы В.В. Седов постепенно переходит к изучению все более масштабных проблем и ставит перед собой задачу воссоздания общей картины славянского этногенеза и этнической истории, реконструкции этнокультурной ситуации в Восточной Европе в эпоху средневековья и становления древнерусской народности. Многие “узлы” этого исследования были фактически подготовлены в предшествующие десятилетия при изучении отдельных территориальных групп памятников, археологических культур, этнических образований и процессов культурного взаимодействия в различных регионах. Реализация исследовательских планов потребовала не только досконального изучения обширной археологической литературы, но и знакомства с археологическими коллекциями в десятках музеев России, Украины, Польши, Чехословакии, Германии, Венгрии и Финляндии. Итоги многолетних этнокультурных изысканий изложены в

восьми монографиях, вышедших в период между 1979 и 2003 гг.: “Происхождение и ранняя история славян” (1979), “Восточные славяне в VI–XIII вв.” (1982), “Очерки по археологии славян” (1994), “Славяне в древности” (1994), “Славяне в раннем средневековье” (1995), “У истоков восточнославянской государственности” (1999), “Древнерусская народность” (1999), “Славяне: Историко-археологическое исследование” (2002). Едва ли возможно тезисно изложить основное содержание этих книг, последовательно раскрывающих общий ход этнокультурной истории славянства в различных регионах и на различных хронологических срезах. Отметим лишь некоторые их положения, принципиально меняющие наш взгляд на характер процессов, связанных с формированием средневековых славянских этноязыковых образований.

Начало славянского этногенеза В.В. Седов связывает с культурой подклешевых погребений, сформировавшейся в Висло-Одерском междуречье, в ареале лужицкой культуры под воздействием племен поморской культуры. Сложение культуры подклешевых погребений (около 400 г. до н.э.) стало, по его мнению, началом нового этноязыкового образования, связанного последовательной преемственностью с достоверно славянскими культурами эпохи раннего средневековья. Впоследствии славяне стали одними из создателей пшеворской культуры. В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. славяне испытали мощное воздействие кельтской культуры, а затем – германцев. Начало широкого славянского расселения в восточном направлении было обусловлено неблагоприятной климатической ситуацией конца IV–V в., вынудившей славян оставить низменные и болотистые территории Повисленья. С первым миграционным потоком славян связано формирование культуры длинных курганов на Псковщине и в Ильменском бассейне и появление древностей среднеевропейских типов в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепровье и Волго-Клязьминском междуречье. Для характеристики процесса расселения славян в середине – второй половине I тыс. н.э. из Висло-Одерского и Днестровско-Днепровского регионов В.В. Седов ввел термин “великая славянская миграция”.

В.В. Седов убедительно показал, что позднепраславянское этноязыковое состояние характеризуется сильной диалектно-племенной раздробленностью, а широкое славянское расселение в раннем средневековье разрушило и деформировало прежнюю племенную структуру славянства. Освоение Восточно-Европейской равнины рассматривается исследователем как сложный и многоактный процесс, в который были вовлечены различные этнографические группировки славян, расселявшиеся из разных исходных районов различными путями и вступавшие во взаимодействие с различными иноэтничными группами. Славянам во второй половине I тыс. н.э. соответствует конгломерат археологических культур, заметно различающихся по многим характеристикам. Некоторые из этих культур несоотносимы с летописными племенами. Становление относительно культурного единства в восточнославянском ареале в самом конце I тыс. н.э. было обусловлено не изначальной однородностью восточнославянских племен, а мощными интеграционными процессами, связанными с развитием городской жизни и государственности. Древнерусская народность формировалась путем интеграции и нивелировки нескольких этноязыковых групп в условиях единого культурного пространства, образовавшегося на территории Древнерусского государства. Взаимосвязи между племенными образованиями последнего периода существования праславянского этноса и средневековыми славянскими народностями повсеместно носили сложный характер и не могут рассматриваться как простая эволюция. Эти идеи, заставляющие археологов-славистов отказаться

от поисков некоей единой восточнославянской культуры второй половины I тыс. н.э., являвшейся основой для развития древнерусской народности и государственности, последовательно развиваются В.В. Седовым во всех восьми книгах, сфокусированных на различных исторических периодах и географических регионах, различающихся по характеру изложения и вместе с тем органически дополняющих друг друга. Одна из последних книг специально посвящена обоснованию исторической реальности древнерусской народности как особой этнической общности средневековья.

Монография “Восточные славяне в VI–XIII вв.” занимает, пожалуй, особое место среди научных трудов В.В. Седова, опубликованных за два последних десятилетия. Изданная как часть многотомной серии “Археология СССР”, она представляет собой единственный “авторский” том этого издания, целиком принадлежащий перу одного ученого. Для выпуска всех остальных томов были созданы специальные научные коллективы. Ценность книги определяется тем, что это не только исследование проблемы этногенеза восточнославянских племен и последующей консолидации их в средневековую народность, но и систематическое изложение огромного материала, относящегося к расселению, культуре, хозяйству и духовному миру восточного славянства во всем его ареале – от Приднестровья до Приладожья и Костромского Поволжья. Среди десятков изданий по средневековой археологии Восточной Европы нет второй книги, в которой этот материал разобран столь же детально и представлен с такой же полнотой.

Полевые работы В.В. Седова оставили яркий след в археологии различных исторических областей России, но предметом его особого исследовательского внимания стали памятники Псковской земли. В 1966–1968 гг. В.В. Седов провел раскопки кривических курганов в верхнем течении р. Великой и в Себежском Поозерье. В 1971 г. руководимая им экспедиция начала раскопки Изборского городища. Изборск был хорошо известен историкам и археологам как один из древнейших летописных городов, упомянутый в Сказании о призвании варягов, как мощная крепость на северо-западных рубежах Руси, сыгравшая исключительную роль в военном противостоянии Пскова и Ливонского ордена в XIII–XV вв., а в 1920–1940 гг. оторванный от России поселок в составе Эстонии, где нашли прибежище русские эмигранты, наконец, как один из красивейших исторических ландшафтов России. Однако значение Изборска как археологического памятника, открывающего уникальные возможности для изучения ранних этапов славянского расселения и начала процесса урбанизации на Северо-Западе, стало ясным лишь после раскопок В.В. Седова. В ходе полевых работ, продолжавшихся более 20 лет, площадка городища была вскрыта почти полностью. Раскопками исследованы остатки нескольких десятков жилых построек и оборонительные сооружения различных хронологических периодов (вал, стены и въезд на городище) и собрана огромная коллекция средневековых вещей. Древнейшие культурные напластования Изборска В.В. Седов относит к рубежу VII–VIII вв. По мнению исследователя, Изборск, основанный славянами-кривичами, с момента своего возникновения выполнял определенные административные функции и был включен в сферу международной торговли. Во второй половине X в. поселение подверглось перепланировке и приобрело трехчленную социально-топографическую структуру, характерную, по мнению В.В. Седова, для первых русских и западнославянских городов. Развитие города на “Труворовом городище”, превратившегося в крупный административный и торгово-ремесленный центр, продолжалось

до 1330 г., когда город был перенесен на Жеравью гору, очевидно, в связи с необходимостью увеличения площади, защищенной крепостными стенами. Основные итоги изучения древнейшего периода истории Изборска изложены в монографии “Изборск – протогород” (М., 2002).

Широкомасштабные раскопки в Изборске потребовали организации крупного исследовательского коллектива, в состав которого вошли археологи из Москвы, Пскова, Петербурга и других городов Северо-Запада России. В Изборске Валентин Васильевич много работал со своими аспирантами и студенческой молодежью из Иванова, Пскова, Орла, Ленинграда, Москвы, Свердловска, Ижевска, Владивостока, обучая их методике полевых исследований и первичной обработке материала. Он привлек к работе в экспедиции уроженцев Изборска – преподавательницу местной школы Л.Е. Грушину (Сергееву), школьников А.Р. Артемьева и Б.Н. Харлашова, ставших под его руководством профессиональными археологами. В конце каждого полевого сезона В.В. Седов устраивал выставку находок и выступал с докладом об итогах проделанной работы, которые пользовались большим успехом у исследователей Пскова, музейных работников и общественности. Сотрудникам Изборской, а затем Псковской экспедиций памятливы многочисленные поездки в выходные дни и по окончании работ во главе с В.В. Седовым по наиболее интересным археологическим памятникам Северо-Запада и Прибалтики. На многих из этих памятников – в Залахтовье на Чудском озере, в Городце под Лугой, в Полоцке, в Турайде, Гарту, Олусвере, Варболе и под Калининградом тогда также работали экспедиции, и приезд Валентина Васильевича неизменно давал новый импульс этим исследованиям. Ответные посещения знакомили коллег с эталонными древностями Изборска.

Работы в Изборске совпали по времени с активизацией охранных раскопок в Пскове. Для более эффективной организации полевых работ Институтом археологии РАН и Псковским государственным музеем-заповедником была создана единая Псковская археологическая экспедиция, начальником которой в 1983 г. стал В.В. Седов. Несколько ранее, с 1980 г., под руководством В.В. Седова начинает работать научный семинар “Археология и история Пскова и Псковской земли”, в рамках которого обсуждаются как конкретные результаты археологических исследований на Псковщине, так и общие проблемы археологии и средневековой истории Северо-Запада и Прибалтики. В работе семинара приняли активное участие исследователи из Пскова, Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Твери, научных центров Прибалтики и Белоруссии. Семинар продолжает работать и сейчас, спустя более 20 лет после выхода первого выпуска его материалов. В октябре 2003 г. состоялось юбилейное 50-е заседание семинара, приуроченное к празднованию 1100-летия образования Пскова.

В качестве руководителя Псковской экспедиции В.В. Седов, опираясь на правительственное постановление об охране культурного слоя Пскова, сумел значительно расширить масштабы охранных исследований и обеспечить их высокий методический уровень. В дальнейшем Валентин Васильевич возглавил работу по введению в научный оборот обширных материалов, накопленных за несколько десятилетий раскопок. Сегодня издание этих материалов продолжают его ученики и коллеги по экспедиции. В том, что Псковская земля стала одной из наиболее изученных в археологическом отношении областей Европейской России, а в Пскове сложился один из самых сильных региональных коллективов археологов, решающая заслуга принадлежит В.В. Седову.

В.В. Седов – крупный организатор науки, самоотверженно бравший на себя руководство и координацию многих труднореализуемых проектов, необходи-

мых для поступательного развития археологии и консолидации археологического сообщества. С 1973 по 1988 г. он заведовал сектором археологических сводов Института археологии, занимавшимся обследованием и паспортизацией археологических памятников всех исторических эпох в Европейской России и систематизацией собранных материалов. Сегодня не вызывает сомнений, что программа выявления и паспортизации археологических памятников и составления областных Сводов, финансировавшаяся в 1960-е–1980-е годы Министерством культуры, при всех своих недостатках значительно продвинула вперед накопление первичных археологических материалов и инвентаризацию археологического наследия России. Однако в 1970-е годы она многими воспринималась скептически, а перспектива издания сводов казалась сомнительной. В.В. Седов исключительно ответственно относился к своим обязанностям и отдал много сил для совершенствования организации разведок, повышения их профессионального уровня, создания научного архива сектора сводов со всей необходимой документацией. По достоинству оценить результаты работы возглавлявшегося В.В. Седовым коллектива стало возможно лишь в 1990-е годы, когда архив Сектора сводов стал источником для составления “Археологической карты России”. Основу многих выпусков АКР составляют материалы, накопленные в 1970-х–1980-х годах.

С 1988 г. В.В. Седов взял на себя нелегкое бремя руководства отделом полевых исследований ИА РАН, небольшим подразделением, отвечающим за регламентацию всех полевых археологических работ на территории России, научный контроль их качества, разработку современных методик раскопок и разведок и сбор отчетных материалов. По сути дела, В.В. Седов оказался ответственным за организацию системы лицензирования и контроля за проведением полевых работ в тот момент, когда центробежные тенденции в археологическом сообществе достигли максимальной силы, а возможности для сохранения единого центра координации полевых работ и хранения документации о раскопках, существовавшего в России со времен учреждения Императорской археологической комиссии, оказались значительно ограничены. В этой непростой ситуации В.В. Седову удалось не только сохранить единую федеральную систему контроля за проведением полевых исследований и централизованного хранения архивной документации о раскопках, но и продвинуть вперед работу по совершенствованию нормативных документов, регламентирующих охрану археологических памятников и методику полевых работ. Налаживанию нормальных деловых отношений между Отделом полевых исследований и региональными центрами способствовал высокий научный авторитет В.В. Седова, принимавшего живое участие в становлении многих археологических центров в областных и республиканских городах Европейской России, где работают сегодня его ученики. Для сохранения единого археологического пространства России огромное значение имело возобновление с 1993 г. по инициативе В.В. Седова издания ежегодника “Археологические открытия”. Выступая в качестве редактора ежегодника, В.В. Седов несколько изменил традиционную схему его построения, открывая каждый выпуск обзорной статьей, характеризующей общее состояние полевых работ в стране. На сегодняшний день это единственные аналитические материалы, позволяющие судить об объемах, характере, географии и историко-культурной проблематике археологических разведок и раскопок в России.

Широко известна роль В.В. Седова как организатора крупных научных конференций, редактора наиболее авторитетных изданий по средневековой архео-

логии, активного члена исполнительных органов международных археологических организаций, наконец, научного руководителя, воспитавшего несколько десятков кандидатов и докторов наук. В течение многих лет он был редактором выпусков КСИА, посвященных славяно-русской и средневековой проблематике, а с 2001 г. является главным редактором возобновленного издания. В 1980 г. он стал членом Исполнительного комитета и постоянного совета Международной унии славянской археологии (МУСА), а в 1985 г. вошел в состав Бюро МУСА. Он выступил в качестве инициатора создания Славянского археологического атласа. В течение более 10 лет (1980–1893 гг.) В.В. Седов представлял Россию в Международном совете по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) при ЮНЕСКО. В 1996 г. В.В. Седов стал инициатором и главным организатором VI Международного конгресса славянской археологии в Новгороде. Он стал ответственным редактором трудов Конгресса, изданных в пяти томах. С момента организации национальных научных фондов – РФФИ и РГНФ – В.В. Седов принял деятельное участие в работе экспертных советов, а с 1997 г. возглавил экспертный совет РГНФ по историческим наукам.

Свидетельством признания выдающегося вклада В.В. Седова в отечественную археологию и историю стало избрание его членом-корреспондентом РАН (1997 г.), а в 2003 г. – действительным членом РАН, присуждение ему Государственной премии СССР (1984 г.), премии РАН имени И.Е. Забелина (1994 г.), Государственной премии России (1998 г.) и Демидовской премии (1998 г.), награждение его орденом Почета (1999 г.). В.В. Седов избран почетным академиком Латвийской академии наук (1994 г.), ему присуждена медаль Брюссельского университета за достижения в области славистики.

В.В. Седов встречает свой юбилей полным творческих сил и энергии. Одно из свидетельств этого – недавно изданная капитальная монография “Славяне: Историко-археологическое исследование” (М., 2002), суммирующая итоги многолетних исследований в области славянского этногенеза. В этой книге ученый, с одной стороны, опираясь на результаты предыдущих изысканий, представляет целостное освещение развития исторических процессов в славянском мире и его окружении, с другой стороны, дополняет эту картину новыми наблюдениями и фактами. На рабочем столе и в компьютере у В.В. Седова – подготавливаемые для полного монографического издания материалы раскопок в Изборске, материалы для книги по этнической истории балтов. Историки и археологи с нетерпением ждут завершения работы над этими рукописями.

Всякому археологу приходится считаться с тем, что накопление новых материалов заставляет корректировать, а иногда и пересматривать исторические построения, какими бы широкими знаниями и блестящей научной интуицией ни обладали их создатели. Обращаясь сегодня к трудам выдающихся русских историков-медиевистов и археологов конца XIX – начала XX в., мы вынуждены многое уточнять и от многого отказываться, учитывая новое состояние источниковой базы. Тем не менее, многие ключевые положения работ Н.П. Кондакова, А.А. Спицына, В.А. Городцова ни в коей мере не утратили своего значения и остаются сегодня важнейшими ориентирами в наших оценках историко-культурных процессов древности и средневековья. “Автор отчетливо осознает дискуссионность некоторых построений и положений своей работы, полагая, что они неизбежны в любом исследовании, освещающем исторический процесс отдаленного прошлого”, – пишет В.В. Седов в предисловии к книге “Древнерусская народность”. Но для младшего поколения его современников очевидно, что основные выводы его работ покоятся на прочном фундаменте и выдержат испы-

тание временем, как выдержали его труды корифеев русской археологии, работавших в предреволюционные и первые послереволюционные десятилетия.

Коллеги и ученики Валентина Васильевича сердечно поздравляют его с юбилеем и от всей души желают ему здоровья и долгих лет творческого труда.

* * *

Тематика настоящего сборника отражает широкий круг научных интересов Валентина Васильевича. Его основное ядро составляют статьи по средневековой истории и археологии Восточной Европы, публикации новых материалов из раскопок древнерусских городов и средневековых погребальных памятников. Свойственный В.В. Седову интерес к этнокультурным процессам древности делает естественным присутствие в настоящем издании исследований по некоторым узловым проблемам культурной истории Балкан и Передней Азии эпохи неолита и бронзы. Собранные в сборнике материалы свидетельствуют, что идеи и концепции В.В. Седова дают мощный импульс для развития самых различных направлений археологии и постоянно находят отклик в исследованиях его коллег – корифеев российской медиевистики и молодых ученых.

Н.А. Макаров, А.Р. Артемьев

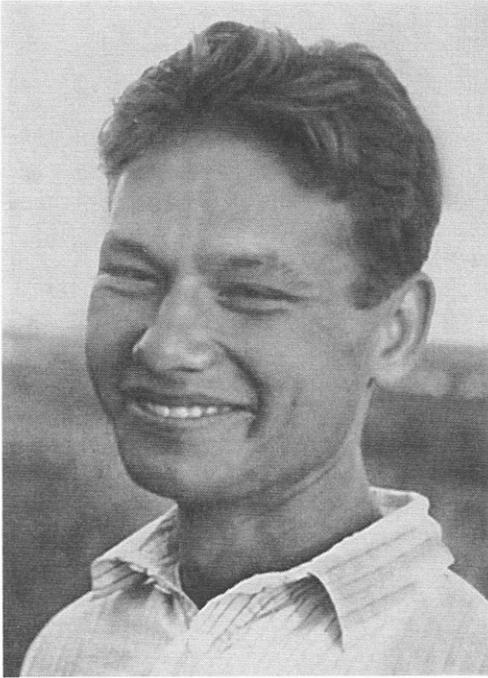

Семья Седовых. Сидят родители – Василий Васильевич и Анна Фоминична. На переднем плане – Маргарита, Всеволод, Валентин. Богородск, 1929 г.

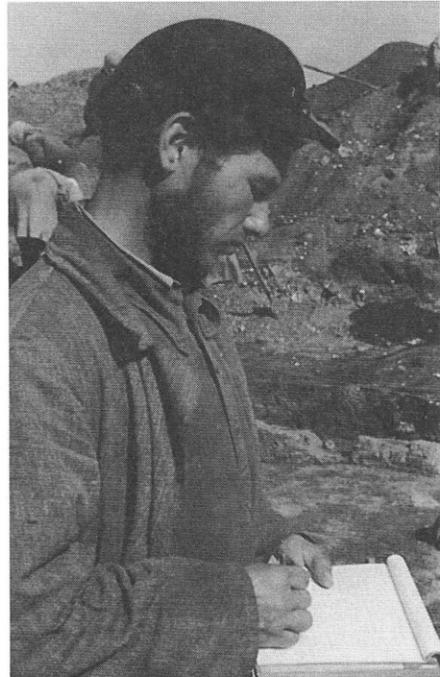
1944 г.

В.В. Седов с А.В. Арциховским. Новгород, 1947 г.

Вциж, 1949 г.

Болгар, 1950 г.

Новгород, 1948 г.

Изборск, Труворово городище, начало 1980-х годов. Экскурсия на раскопе

В.В. Седов с А.Р. Артемьевым

Старая Ладога, 2003 г. Слева направо: Н.А. Макаров, В.В. Седов, Н.В. Хвоцинская, Е.А. Рыбина, В.Л. Янин, Е.Н. Носов

В.В. Седов с Марией Владимировной Седовой. Новгород, 2001 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Г.Г. Литаврин (Москва)

ПЕЛОПОННЕССКАЯ МАГНАТКА ДАНИЛИХА: ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Только в тех византийских памятниках, авторство которых приписано историографической традицией Константину VII Багрянородному (913–959), славянам присвоены в качестве мест обитания столь обширные (близкие к реальным) пространства, какие не уделены ни одному другому этносу из близких и дальних соседей империи (арабов, латинян и тюрок). Это и земли вдоль восточных границ Франкского королевства (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 28. 18–19), и области, занятые племенными союзами славян на территории Древней Руси (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 9.9, 10.107, 108; 37. 44), и регионы, населенные хорватами и сербами¹, и милинги и эзериты на юге Пелопоннеса и, наконец, не названный по имени союз славянских племен на севере полуострова, в Ахайе, в округе города Патр (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 49, 50).

Везде при этом (кроме последнего случая) все виды славянских союзов, имеющих собственные наименования, обозначены общим родовым понятием “славинии”. Как совершенно независимые, так и признававшие временно или до своей полной дезинтеграции суверенитет сильного соседнего государства, славинии являлись социально и политически организованными сообществами. Их вожди, принадлежавшие, как правило, к “излюбленному” в каждой славинии роду (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 29.76–78), регулировали внутренние отношения и внешние связи, вступали в союзные отношения с соседями, организовывали торговые экспедиции и военные походы, взимали дань с подвластных иноплеменников или сами ее выплачивали, обменивались пленными с бывшими врагами, обеспечивали охрану границ и укрепляли подвластные им поселения, превращавшиеся в города (*Литаврин*, 1984).

Несомненно, особую славинию составлял и населенный славянами регион на севере Пелопоннеса. Славяне Ахайи, как и других районов полуострова, долго отказывались подчиниться византийским императорам, стремящимся восстановить здесь свое господство. Со времени их поселения на Пелопоннесе во второй половине VI–VII в. они более 200 лет не только сохраняли независимость, но и господствовали здесь над местным греческим населением (Свод... Т. II. С. 325–

¹ Состав перечня славянских народов на северо-западе Балкан и порядок их перечисления в труде “Об управлении империей” (хорваты, собственно сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы, аренданы – лаганы) и у Продолжателя Феофана абсолютно одинаковы (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 31–36; *Theophanis Chronographia*. P. 288).

348). Неоднократно вынужденные из-за неравенства сил уступать, они формально признавали суверенитет империи, уплачивая в казну незначительную дань, чтобы через некоторое время снова претендовать на полную самостоятельность.

Так, в 805 г. славяне Ахайи, признавшие на рубеже VIII–IX вв. власть империи, вновь восстали и осадили главный город региона Патры (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 49). Восставшие были разбиты, часть их по приказу императора была передана в услужение митрополии Патр, которая получила право взимать с этих славян поборы и заставлять их в качестве казенной повинности, лежавшей ранее на митрополии, обслуживать постоянный двор в городе. Спустя примерно 80–85 лет до императора Льва VI (886–912), отца Константина VII, дошла жалоба этих славян на митрополита, обременявшего их непосильными поборами. Лев VI специальным указом определил те нормы, которые митрополит при эксплуатации подвластных церкви славян не мог преступать (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 49.71–75). Это последнее событие по времени и месту действия почти совпало, как мы думаем, с другим, о котором пойдет речь ниже.

Пятая книга хронографии Продолжателя Феофана рассматривается нередко как отдельное произведение, содержащее жизнеописание императора Василия I Македонянина. Большинство ученых, несмотря на критику И. Шевченко (*Шевченко*, 1993. С. 27–29), продолжают считать и этот труд сочинением Константина VII, внука Василия I (см.: *Продолжатель Феофана*, 1992. С. 244; *Die Byzantiner und ihre Nachbarn*, 1995. S. 46, Anm. 14). Там рассказано о неслыханно богатой магнатке Данилиде (назовем ее пока так), господствовавшей в середине X в. в упомянутом “ославянившемся” регионе близ Патр.

Около 860 г. Патры посетил по заданию императора Михаила III (842–867) крупный имперский чиновник Феофил. В его свите находился состоявший на его личной службе будущий император юный Василий. Случилось будто бы так, что местный монах–“провидец” при первой же встрече с Василием оказал ему исключительные почести, которыми не удостоивал ни его господина Феофила, ни важнейшую в Патрах и в округе персону – Данилиду. На ее вопрос, в чем причина столь великого почтения к “человеку низкому, чужаку (ξένον) и многим неведомому”, монах ответил, что он распознал в Василии будущего императора. Данилида познакомилась с Василием, склонила его к заключению духовного братства (πνευματικῆς ἀδελφότητος) с ее сыном Иоанном и попросила благоволить ей и ее сыну, если судьба высоко вознесет Василия. Он обещал выполнить ее просьбу, в том числе “сделать ее госпожой всей той земли” (τῆς γῆς ἐκεῖνης ἀπάσης... κυρίαν αὐτὴν ἀποφῆναι) (Theoph. Cont. P. 228). Данилида богато одарила Василия: она дала ему, помимо прочего, много золота и 30 рабов (ἀνδράποδα). Вскоре после этого Василий вззошел на императорский трон и, соблюдая уговор, возвел Иоанна в чин протоспафария и приблизил к себе. Данилида возымела желание посетить императора и воспользоваться его милостями. Поездка состоялась, однако, “по велению императора” (προσταξάντος τοῦ βασιλέως) (Theoph. Cont. P. 317). Не перенося езду ни верхом, ни в коляске, она приказала тремстам своим рабам (τῶν οἰκιστῶν) нести ее на носилках, сменяя друг друга.

Во дворце ей был оказан неслыханный по почестям прием в самом роскошном зале дворца – Магнавре, где императоры по обычаю принимают “некоторых иноплеменников, из властью украшенных и славных” (τινὰ τῶν ἐφ’ ἡγήμονίας ἔθνοῦς περιφανῶν καὶ μεγάλων) (Theoph. Cont. P. 318). Щедрый дары Данилиды императору были такими, какие ему и цари иноплеменников (τῶν ἔθνων

βασιλέων) не подносили: она подарила Василию 500 рабов (οἰκετικὰ πρόσωπα), из которых 100 были евнухами, специально предназначенными дарительницей для дворцовых нужд императора, 100 золотошвей-вышивальщиц (так у Я.Н. Любарского. – *Продолжатель Феофана*, 1992. С. 133) (?) (γυναικες σιδάστριαι), 500 кусков дорогих тканей, в том числе 100 тончайших, “как паутинка”, и утварь из золота и серебра.

Также богато одаренная, Данилида получила звание “матери императора” (μήτηρ βασιλέως) и добавила в ответ “не малую часть Пелопоннеса, которую как ее собственное владение с благодарностью даровала тогда сыну и царю” (οὐ μικρὸν τῆς Πελοποννήσου μέρος, ὅπερ ὡς ἴδιον κτῆμα τυχεῖον αὐτῆς φιλοδώρωσ τότε τῷ υἱῷ καὶ βασιλεῖ ἐχαρίζετο) (Theoph. Cont. P. 319). Затем она тем же способом отправилась “в свою землю как некая госпожа, царица тамошних жителей” (πρὸς τὴν οἰκείαν χώραν... ὥσπερ τις δέσποινα τῶν ἐκειθεν βασιλίсса) (Theoph. Cont. P. 319). По прибытии домой Данилида отправила в дар для пола строящейся дворцовой церкви специально изготовленные “огромные шерстяные ковры”.

И далее, пока был жив Василий, она ежегодно обменивалась с ним дарами. За два года до смерти, пережив императора, Данилида захотела взглянуть на его сына Льва VI. Около 890 г. она прежним способом отправилась в столицу империи. На этот раз она сделала императора своим наследником (κληρονόμον) (Theoph. Cont. P. 320) (ее сын Иоанн к тому времени умер) и попросила прислать царского чиновника (βασιλικόν), чтобы переписать и передать царю во владение ее имущество (Theoph. Cont. P. 320).

Роль эту выполнил протоспафарий Зиновий, прибывший в Навпакт, где его встретил внук Данилиды Даниил (названный так, несомненно, в память о деде), чтобы, по-видимому, вместе следовать морем в Патры. От Даниила Зиновий узнал, что его бабушка уже покинула этот мир². Принимал имущество Зиновий, держа в руках копию завещания (τὸ ἴσον τῆς διατάξεως) Данилиды. Принято было много золота и серебра в монетах и в драгоценных сосудах, немало одежд и изделий из меди, а также много скота и рабов. Из бесчисленного множества ее “домашних рабов” (οἰκετικὰ αὐτῆς ἀνδράποδα) три тысячи по царскому приказу были отправлены “по освобождении как бы на поселение” (ὥσπερ εἰς ἀποικίαν ἐπ’ ἐλευθερίᾳ – Theoph. Cont. P. 321) “в фему Лонгивардия”. Остальные владения, деньги и рабы (ψυχάρια) были разделены (διεμεμήθη) в согласии с завещанием (мы думаем, что здесь имеется в виду прежде всего внук Данилиды³), и царю как наследнику досталось “в собственный [его] жребий” (εἰς ἴδιον κληρον) также 80 имений (проастиев – προάστεια) (Theoph. Cont. P. 321). Тогда же, вероятно, Зиновий урегулировал, в согласии с указом Льва VI (см. выше), и споры митрополии Патр с ее славянами.

Изложенные пассажи “Жизнеописания Василия” анализировались многократно. Ставились в основном три вопроса: 1) о достоверности рассказа; 2) о личности Данилиды и происхождении ее богатств; 3) об истинных целях ее поездки и мотивах ее завещания в пользу императора.

Суждения отвечавших на эти вопросы ученых различались кардинально: от почти полного отрицания значения рассказа о Данилиде как источника (рассказ

² Здесь, в Навпакте, по маловероятному предположению А. Каждана, она и умерла (The Oxford Dictionary of Byzantium, 1991. P. 583).

³ А. Каждан считает, что внук был совсем обойден бабкой в ее завещании (The Oxford Dictionary of Byzantium, 1991. P. 583).

предлагалось рассматривать как сказку по мотивам легенд о царице савской – *Anagnostakes*, 1989; *Avraméa*, 2001; среди источников по теме рассказ о Данилиде даже не назван) до признания его в основном достоверным, за исключением мелких деталей и благочестивых домыслов (см. об этом: *Runciman*, 1950; *Zakythinos*, 1974. S. 133, 153, 157). В последнее время все большее преобладание в литературе приобретает вторая точка зрения (*Шевченко*, 1993. С. 36. Примеч. 67, 69; *Turlej*, 1999. P. 393, 394, 399), которую разделяем и мы.

В самом деле, весьма легко назвать в повествовании десятки деталей, полнотью отвечающих реалиям эпохи. И наоборот, крайне трудно вычлениить в рассказе легендарные мотивы. В качестве таковых расценивали обычно в рассказе три момента: неслыханный способ передвижения Данилиды, невиданные богатства, какими она располагала, и, наконец, чрезвычайные почести, оказанные ей в Константинополе самими императорами.

Во-первых, что касается способа путешествия Данилиды, то он поразил воображение уже самих ее современников. Очевидцами передвижения Данилиды в сопровождении огромной свиты были тысячи людей вдоль всего ее пути, и молва, бежавшая впереди нее, собирала, конечно, толпы любопытных в каждом поселении (включая столицу). Память об этом путешествии, повторенном через 25–30 лет тем же способом, вряд ли изгладилась полностью у ромеев через 55–60 лет, к середине X в., когда какая-то версия рассказа об этом была записана если не Константином, то его секретарем (Продолжателем Феофана).

Во-вторых, что касается личности Данилиды, то мысль о ее славянском происхождении является наиболее естественной. Это мнение основывалось обычно на том факте, что ее владения были расположены в заселенном славянами регионе, а также на том, что ни ее муж, ни она не имели, как видно, до миссии Феофила прямых контактов с имперскими властями (господство империи в мятежном славянском регионе было далеко не устойчивым). Но наиболее веским аргументом является само имя магнатки. В хронографии сказано, что эта особа “называлась по ее мужу Данилидой” (Δανελίς ἀπὸ τοῦ ἀνδρὸς ὀνομαζέτο) (*Theoph. Cont.* P. 227). По византийским источникам IX–XIII вв. не известно ни одного случая образования имени женщины не от родового имени мужа, а от личного, как в данном случае (Данилиха от Даниил) и как это было в обычае не у греков, а у славян, в частности – в русских деревнях до сей поры (Иваниха от Иван, Макариха от Макар), Данилихой, конечно, с ее согласия, прозвали госпожу сами ее подданные – славяне. Богатства Данилихи преувеличены, по-видимому, не без тайного расчета. Во-первых, обращение в казну большей части ее богатств должно было восприниматься как определенный успех деда и отца Константина. Во-вторых, надо было осведомить общество о добропорядочном способе обретения Василием, скромным слугой чиновника, значительных средств еще до того, как на него посыпались милости императора⁴.

Легче составить представление о составе имущества Данилихи, чем о его происхождении. Часть ее богатств прямо или косвенно названа в изложенном выше рассказе. К движимым относились деньги, драгоценные металлы, изготовленная из них посуда, дорогие одежды и ткани, ковры, скот и рабы, к недвижимым принадлежали земельные поместья (80 проастиев, считая только те, которые отошли Льву VI), разного рода мастерские (ткацкие, пошивочные, ков-

⁴ Константинопольцы были поражены тем, что ко времени своей гибели в 867 г. Михаил III успел промотать на забавы и клевретов почти всю казну государства (*Theoph. Cont.* P. 256).

ровые). Безусловно, наживалась Данилиха и на внутренней и внешней торговле: наличие удобного морского порта в Коринфском заливе (Патры), к которому примыкали ее владения, позволяло поддерживать регулярные торговые связи с городами Эпира, Далмации и Италии.

И все-таки вопрос о том, как сумели муж Данилихи и она сама приобрести все это в довольно короткое время, остается загадкой. Дело в том, что данное сообщение (если ему верить) – одно из первых свидетельств вообще о крупном землевладении на территории империи в середине IX в.: оно едва складывалось в это время, и его рост подвергался, во всяком случае с правления Льва VI, все более строгому контролю со стороны центральной власти. К тому же и регион, о котором идет речь, не был, кажется, благоприятным в то время для умножения частных имуществ. Греческое население севера Пелопоннеса было до тла разорено восставшими славянами в 805 г., а славянское – войсками империи в ходе подавления восстания. Репрессии против славян Пелопоннеса повторились и в начале 840-х годов. Тем не менее, едва через полстолетия с небольшим обязанные военной службой императору подданные фемы Пелопоннес, включая Патры и ее округу, располагали достаточными средствами и предпочитали откупиться от участия в военном походе, выставив, помимо взноса в казну крупной суммы денег, тысячу полностью снаряженных для похода боевых коней (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 50.197–204; 51.1–15. С. 447–450). (Допустим в связи с этим, что и в поместьях Данилихи разводили коней и выделывали кожи.)

Самое примечательное, однако, в составе имущества Данилихи – это огромное число принадлежавших ей рабов, факт почти сказочный, во всяком случае весьма редкий для имений византийской аристократии в это время. Видимо, славянская знать в провинциях, хотя и приняла крещение, еще пренебрегала утверждавшимся среди ромеев обычаем избегать владения рабами-христианами. Известно, что древние славяне в VI–VII вв. не останавливались перед обращением в рабство пленных из враждебного славянского племени (Свод... Т. I. С. 181; *Литаврин*, 1986), а в VIII в. среди рабов у славян Фессалии было немало христиан, за выкуп которых они брали большие деньги (*Литаврин*, 1996). Лев VI, внезапно оказавшись обладателем множества рабов, являвшихся в сущности его подданными, счел наилучшим решением проблемы отправку 3000 из них в качестве свободных военнообязанных поселенцев в Лангобардию, подвергавшуюся нападением африканских арабов. Проще решалась проблема с 500 рабами, подаренными Данилихой Василию I: 100 евнухов нашли, конечно, применение при дворе и дворцовых службах, 100 белошвеек попали скорее всего в императорские мастерские. Остальные были, по-видимому, превращены в зависимых крестьян казны (париков) в тех 80 поместьях, которые Данилиха завещала Льву VI. Однако мы не можем уверенно ответить на вопрос, в какой сфере хозяйства Данилихи находил применение труд ее рабов, какая доля ее богатств была создана их руками и, наконец, каков был в данном случае главный источник рабства.

Наконец, чем были обусловлены те необычные почести, которые были оказаны императорами вдове, частной персоне, ранее малоизвестной в придворных кругах. Мы полагаем, что эти поступки венценосцев следует истолковать как ловкий прием дипломатии, направленный на бескровное и полное подчинение властям империи значительного региона, мало до этого склонного к повиновению, и на увеличение без затрат и усилий денежных средств казны и земельных владений царской семьи.

Характерно, что в повествовании о Данилихе упоминаются и ее большая свита и охрана (μετὰ μεγάλης δορυφορίας καὶ ὑπηρεσίας) (Theoph. Cont. P. 317), но нет ни слова об окружавших ее местных архонтах и старейшинах. Видимо, Данилиха в ее регионе уже ни с кем не делила власть. Конечно, внешние проявления почтения и славословия по ее адресу были продиктованы указанными выше целями дипломатии и являлись, по сути дела, лицемерными⁵. В результате, однако, почти все владения магнатки стали государственной собственностью...

А. Каждан назвал “контролируемый в начале IX в. славянскими племенами” подвластный Данилихе регион “полунезависимым княжеством” (semi-independent “princedom”), а дарование титула протоспафария ее сыну как пример появления при дворе обычая возводить в этот чин иностранных правителей (foreign princes) (The Oxford Dictionary of Byzantium, 1991. P. 583).

Мы хотели бы уточнить эту интерпретацию. Во-первых, и сама Данилиха, как некогда ее муж, а затем сын и внук, проживали на территории византийской фемы Пелопоннес, созданной на рубеже VIII–IX вв., и уже не могли не признавать себя, хотя и формально, подданными императора (иноплеменниками, но не иностранцами). Мотивы ее поступков определялись уже не желанием упрочить свою власть, а стремлением обезопасить себя, своих близких и благополучие своей семьи через крупные уступки центральной власти. На ее памяти было подавлено восстание славян на Пелопоннесе в 841 г. стратигом этой фемы (*Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 50. 6–25. С. 434). Она не могла не знать, что с воцарением Василия I власть империи упрочилась и в соседней Далмации (Theoph. Cont. P. 291). Богатства же ее семьи, включая земельные, были созданы в пору безвременья, и у нее не было, как мы думаем, заверенных документами прав на владения.

Сознавая, что опасность репрессий со стороны верховной власти вполне реальна, вдова стала искать покровителя в столице уже в лице молодого Василия, может быть, действительно предугадав, что этот способный молодец сделает большую карьеру. Ее посещение Константинополя имело целью получить от императора утверждение ее прав. Состоялась сделка: в ответ на дары Данилихи Василий I обещал не тревожить ее до конца дней, а Лев VI – не нарушать прав ее внука на то, что ему досталось от бабки. (Подобные сделки, в частности, с кавказскими владетелями, византийские императоры заключали в X–XI вв. неоднократно – см.: *Константин Багрянородный*, 1991. Гл. 46.64 сл.; *Кекавмен*, 2003. Гл. 299.5–10.)

Рассказ о Данилихе представляет, на наш взгляд, наглядный пример того, каким образом некоторые из славиний, возникших на балканских территориях империи в VII–VIII вв., постепенно, по мере восстановления на полуострове власти империи интегрировались в ее состав, причем не только военными, но и мирными средствами. Возникновение славянского государства на Пелопоннесе в IX в., в частности в Ахайе, было вполне вероятно. Однако условия не благоприятствовали реализации этой тенденции: слишком далеко оказались эти славяне от главного массива заселенной их соплеменниками территории. Успешно завершился сходный процесс только на севере и северо-западе бывших балканских провинций Византийской империи.

⁵ Сведения об этом, пишет А. Каждан, “ничего не стоят” (worth noting) (The Oxford Dictionary of Byzantium, 1991. P. 583).

ЛИТЕРАТУРА

- Кекавмен, 2003. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Изд. Г.Г. Литаврина. М.
- Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А. Новосельцева. М.
- Литаврин Г.Г., 1984. Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Литаврин Г.Г., 1985. Из комментария к 49-й главе труда Константина Багрянородного “Об управлении империей” // BYZANTINA. Т. 13.
- Литаврин Г.Г., 1986. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // ВВ. Т. 47.
- Литаврин Г.Г., 1996. Патриарх Никифор о выкупе пленных ромеев у славян // Славяноведение. № 6.
- Продолжатель Феофана, 1992. Жизнеописание византийских царей / Изд. подгот. Я.Н. Любарский. СПб.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I: (I–VI вв.); М., 1995. Т. II: (VII–IX вв.).
- Шевченко И., 1993. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. Т. 54.
- Αναγνωστάκης Η. ΤΟ ΕΠΕΙΣΟΔΙΟ ΤΗΣ // ΚΑΘΗΜΕΡΙΝΗ ΖΩΗ ΣΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ. Αθήνα, 1989.
- Avraméa A. Les Slaves dans le Péloponnèse // OI SKOTEINOI AIWNES TOU BYZANTIΟΥ (7ος–9-ος): ΔΙΕΘΝΗ SYMPOSIA. Αθήνα, 2001.
- Die Byzantiner und ihre Nachbarn: Die *De administrando imperio* genannte Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos für seinen Sohn Romanos / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Klaus Belke und Peter Soustal. Wien, 1995.
- Runciman S., 1950. The Widow Danelis // Etudes dédiées à la mémoire d'André M. Andréadès. Athen.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 1.
- Theoph. Cont., 1838. Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. J. Bekker. Bonnae. (CSHB).
- Theophanis Chronographia / Ed. C. De Boor. Leipzig, 1883.
- Turlej Sr., 1999. The Legendary Motiv in the Tradition of Patras: St. Andrew and the Dedication of the Slavs to the Patras Church // Byzantinoslavica. Praha. Т. LX.
- Zakythinis D., 1974. Byzantinische Geschichte: 324–1071. Wien; Köln; Graz.

П.Ф. Лысенко (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ТУРОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В конце X в. в общественной жизни Восточной Европы происходят очень серьезные изменения. Образуется единое государственное объединение летописных восточнославянских племен – Великое Киевское княжество, включающее в себя земли соседних иноязычных племен. Происходит централизация государственного управления и административная реформа, заменившая местных племенных князей назначенными – сыновьями великого князя Киевского Владимира Святославича (ПСРЛ, 1962. Стб. 105). Происходит создание единого для всего великого государства пантеона языческих божеств (ПСРЛ, 1962. Стб. 67) и замена его в 988 г. единой государственной христианской религией по восточному византийскому обряду (ПСРЛ, 1962. Стб. 102).

Одним из первых актов, способствовавших распространению христианства в отдельных регионах, было учреждение епископий в крупнейших княжеских центрах Древней Руси. Летописи конкретно называют такие древнейшие центры – Новгород (989 г.), Ростов (992 г.), Чернигов (992 г.), Владимир Волынский (992 г.), Белгород (992 г.) (ПСРЛ, 1862. С. 64; *Голубинский*, 1901. С. 334–335, 952; *Соловьев*, 1960. С. 56, примеч. 144). Никоновская летопись называет 15 епархий, существовавших в Древней Руси в домонгольское время (ПСРЛ, 1862. С. XIII). Этот список дважды повторяется в начальной части Никоновской летописи и оба раза упоминает Полоцкую и Туровскую епархии. Крупнейший исследователь истории Русской Церкви Е.Е. Голубинский писал: “Из всех домонгольских епархий неизвестно время основания только трех (Полоцкая, Туровская, Тмутараканская), остальные основаны определенно после Владимира, все три названные епархии были открыты при Владимире” (*Голубинский*, 1901. С. 334).

Киево-Печерский патерик, изданный под редакцией Иосифа Тризны, датой основания Туровской епископии называет 1005 г. (*Ластоўскі*, 1926. С. 18). Однако правомерность использования Киево-Печерского патерика XVII в. редакции Иосифа Тризны для определения даты основания Туровской епархии вызывает серьезные сомнения. Во всех более ранних версиях Киево-Печерского патерика документ о создании Туровской епархии в 1005 г. отсутствует. В патерике под редакцией Иосифа Тризны нет данных об открытии документа, отсутствуют его исторический и палеографический анализ, обоснование подлинности памятника, также не приводятся сведения о его выявлении, историческом анализе, графологическом описании и экспертизе. Между тем, само содержание ставит под сомнение древность документа об основании Туровской епархии. В описании ее территории перечисляются населенные пункты, не известные по древним летописным источникам; по археологическим данным ранний культурный слой в этих пунктах отсутствует. Это заставляет сомневаться в самом существовании древнего документа о создании Туровской епархии в 1005 г. и дает основание для допущения более ранней даты ее основания.

Отсутствие летописных упоминаний о возникновении Туровской епископии используется отдельными авторами для различных предположений о времени

основания и конфессиональной принадлежности древнейшей Туровской епархии. В. Ластовский писал: “Святополк... Замест грэцкага духавенства ен выпісеу з Нямецчыны, ці з Польшчы лацінскага біскупа Рэйнберга і хрысціць тураўцаў” (*Ластоўскі*, 1926. С. 22). В “Истории Белоруссии” этот вопрос не разработан, и авторы раздела ограничились лишь констатацией факта, что Рейнберн, епископ Колобжегский, насаждал в Турове христианство латинского обряда (Гісторыя Беларусі, 2002. С. 282). В научно-популярном издании “150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі” С.В. Тарасов пишет, что в Турове была основана католическая епархия (*Тарасаў*, 2002. С. 13). Основание для подобных утверждений названные авторы усматривают в сообщениях Титмара Мерзербургского о событиях начала XI в. в Древней Руси. Титмар, епископ Мерзербургский, современник события, в своей хронике сообщает о женитьбе в начале XI в. туровского князя Святополка Владимировича на дочери польского князя Болеслава Храброго. Как полагает В.Д. Королюк, свадьба состоялась в 1009 г. (*Королюк*, 1964. С. 217). Вместе с польской королевной на Русь приехал ее духовник Рейберн, епископ Колобжегский (*Королюк*, 1964. С. 219). С его прибытием в Туров отдельные исследователи связывают учреждение в Турове епископской кафедры (*Тарасаў*, 2002. С. 13; *Ластоўскі*, 1926. С. 22; *Рапов*, 1988. С. 368). Но оснований для такой трактовки прибытия Рейнберна в Туров явно недостаточно. Рейнберн ни в каком раннем источнике не назван епископом Туровским. Нигде не говорится о том, что он возглавил Туровскую епископскую кафедру или о поставлении его туровским епископом. Наоборот, Титмар Мерзербургский называет его епископом Колобжегским (*Королюк*, 1964. С. 219).

Рейнберн был епископом Колобжега, но не Турова. Нет упоминаний о нем как “епископе Туровском”, “Рейнберне Туровском”, об учреждении им епископской кафедры в Турове или о поставлении его здесь епископом. Предположение о пребывании Рейнберна на туровской епископской кафедре основано лишь на сведениях о его пребывании в Турове, которое вовсе не обязательно связано с возглавлением им туровской епископии. Факт пребывания в Киеве в 1008 г. католического епископа (Бонифация) Бруно Кверфуртского не означал возглавление им киевской митрополии (*Королюк*, 1964. С. 213; *Рапов*, 1988. С. 385). Епископ Колобжегский Рейнберн был в Турове в другой роли, в другом качестве. Вероятнее всего он был духовником, духовным отцом дочери Болеслава Храброго, жены туровского князя Святополка Владимировича, сына великого князя киевского Владимира Святославича, посаженного на Туровское княжение в 988 г. (ПСРЛ, 1962. Стб. 105). Женитьба Святополка Туровского на дочери Болеслава Храброго была политическим актом Киевского великого князя, желавшего династическими узами укрепить свои позиции на западных рубежах Великого княжества Киевского. В политических интересах, в межгосударственных отношениях конфессиональная принадлежность при заключении династических союзов всегда отступала на второй план. Такие примеры многочисленны в русских летописях и зарубежных хрониках. Поэтому более убедительным выглядит предположение, что прибытие Рейнберна вместе с женой туровского князя Святополка вызвано и связано с выполнением им миссии духовника королевской дочери, а не функций епископа, учредителя новой католической Туровской епархии (*Королюк*, 1964. С. 224, 225).

Рейнберн не мог быть епископом – основателем Туровской епархии и по той причине, что ко времени его прибытия в Туров (1008 г.) Туровская епархия уже существовала. В исторической литературе иногда используются сведения об основании Туровской епархии в 1005 г., содержащиеся в Киево-Печерском пате-

рике под редакцией Иосифа Тризны. Если допустить, что составители Киево-Печерского патерика под редакцией Иосифа Тризны действительно располагали ранним документом о поставлении Туровской епархии в 1005 г., впоследствии утерянным, то учреждение Туровской епархии должно датироваться ранее прибытия на Русь Рейнберна.

Однако не исключено, что учреждение Туровской епархии происходит ранее 1005 г. Оснований для такого предположения несколько. Одно из них – географическая близость Турова к Киеву, центру христианизации Восточной Европы. Конечно, основание епархий производилось и в отдаленных от Киева регионах (Новгород – 989 г., Ростов – 992 г.). Но прежде всего епархии учреждались в ближайших окрестностях Киева, важнейших городах Великого княжества Киевского (Чернигов, Белгород, Владимир-Волынский). Туров также принадлежит к числу центров крупных княжеств, расположенных недалеко от Киева.

Второе предположение, которое следует учитывать при определении времени учреждения Туровской епархии – важное значение Туровского княжества при Владимире Святославиче. При административной реформе 988 г. и назначении своих сыновей по их старшинству в отдельные княжеские центры, бывшие ранее центрами племенных княжений, Туров был назначен в княжение третьему по старшинству сыну Владимира – Святополку. Только старший по возрасту Вышеслав получил более важный город – Новгород Великий, а второй сын Владимира – Изяслав – древний и значительный Полоцк. Такое распределение княжеств сыновьям Владимира Святославича убедительно свидетельствует о важном значении Туровского княжества и дает веское основание предполагать, что оно не должно было быть забыто при учреждении первых епископий.

Не оставляет сомнений и вопрос конфессиональной принадлежности Туровской епархии. Это была, несомненно, православная епископия. Владимир Святославич, производивший сравнение и выбор веры (по легенде и летописи), был осведомлен в преимуществах и достоинствах различных конфессий, и осознанно, с учетом многих обстоятельств (политических, экономических, военных, географических, культурных, династических и др.) отдал предпочтение христианству восточного, византийского обряда. В централизованном государстве, каким стремился сделать Великое княжество Киевское Владимир Святославич, единой должна быть и идеология. Подтверждение подобному стремлению мы видим в установлении Владимиром единого пантеона языческих божеств уже в первый год его правления (980 г.) в Киеве (ПСРЛ, 1962. Стб. 67). Это было продуманным, естественным и мощным средством объединения разноплеменного населения Киевского государства в единое общество. Естественно, что такое же средство использовано Владимиром Святославичем и несколько лет спустя. В едином государстве должна была быть единая идеологическая основа, единая религия, не допускавшая сосуществования соперничающих церковных организаций западного и восточного обряда. Строгий государственный контроль не допускал неопределенности в этом важном деле. Государственной идеологической политикой в этом вопросе было централизованное установление в Киеве православной религии по византийскому образцу, распространение ее во всех княжествах и регионах Великого княжества Киевского. Об этом убедительно свидетельствует целый ряд государственных мероприятий, проводимых Великим князем Киевским. К таким мероприятиям относятся длительные переговоры с византийским императором и константинопольским патриархом, длительная осада Корсуня, заключение государственного, династического и религиозного союза Византии и Киева, перевоз из Корсуня в Киев духовенства, церков-

ной утвари, крещение киевлян в Днепре и ниспровержение языческих идолов, провозглашение личным недругом великого князя всех, не пожелавших принять христианскую веру, строительство церквей, заимствование славянской письменности, организация переписки переводной духовной и светской литературы, учреждение епископий и поставление митрополита для организации и энергичного распространения государственной христианской религии, организация школ для подготовки грамотных кадров, используемых, в основном, в духовной области.

Огромный круг целенаправленных мероприятий государственного масштаба свидетельствует о большом внимании киевской великокняжеской власти к распространению новой государственной религии – христианства византийского обряда. В таких условиях невероятным и невозможным представляется индифферентное отношение киевского князя к произвольному установлению в отдельных регионах обособленных церковных организаций другого обряда, в частности, основание в Турове католической епархии.

Гораздо больше оснований полагать, что в Турове, в условиях огромного внимания к этому вопросу великого князя Киевского была учреждена епископия православного обряда, находившаяся под руководством Киевского митрополита. Подтверждением этому служат древние кириллические манускрипты (Туровское евангелие XI в., многочисленные произведения Кирилла Туровского середины XII в., “Сказание о Мартыне мнихе” середины XII в., Пинская летопись, находка печати киевского митрополита Кирилла II (1225–1232 гг.) в Турове (1993 г.), строительство православных церквей в Турове, Пинске, Берестье, Дрогичине Надбужском, Гродно, Волковыске, основание православных монастырей (в Турове – Борисоглебский, Св. Николаевский, Св. Варваринский; в Пинске – Лещинский), погребения туровских князей в церквях Киева (Десятинная церковь, Софийский собор, церкви Михайлова монастыря), находки в материалах археологических исследований предметов с кириллическими (не латинскими) надписями (в Пинске – “Ярополче вино”, “Настасино праслене”, в Берестье – часть кириллического алфавита на деревянном гребешке).

Предположение о том, что Туровскую епархию мог основать и возглавить католический епископ по той причине, что в начале XI в. еще не произошло окончательного разрыва византийской и римской церквей (1054 г.), не представляется достаточно убедительным. Расхождение и соперничество восточной, православной, и римской, католической, церквей обозначилось еще столетия назад, было актуально не только для духовного сословия, но и для высших слоев светского общества, учитывалось при принятии христианства в славянских странах (Чехия, Польша) (ПСРЛ, 1962. Стб. 71–74, 101). Принятие христианства по византийскому православному обряду было осознанным выбором политического главы Киевского государства, великого князя Киевского, и его приближенных бояр, осознавших раскол в христианской религии на два обряда – восточный, византийский, и западный, римский. Это понимание раскола в христианской религии отражено и в древнерусских летописях, зафиксировавших процесс выбора новой религии из четырех конфессий, в которых византийская и римская церковь рассматривались как отдельные, самостоятельные виды христианства (ПСРЛ, 1962. Стб. 93–94). В таких условиях принятие христианского вероисповедания по византийскому образцу совершалось как общегосударственный акт огромного значения, не оставлявший для отдельных регионов альтернативного выбора. Поэтому допущение о занятии Туровской епископской

кафедры представителем католического духовенства кажется не только маловероятным, но и невозможным (Рапов, 1988. С. 368).

Относительно конфессиональной принадлежности Туровской епархии в качестве одного из аргументов может быть использована историческая реминисценция. В XII в. известны имена туровских православных епископов (Голубинский, 1880. С. 560, 561). Со службой в туровских церквях и монастырях в XII в. связаны имена православных святых епископа Кирилла Туровского, Мартына Мниха, епископа Лаврентия. В Пинске, в одном из древнейших религиозных центров Туровского княжества и Туровской епархии, до Люблинской унии (1569 г.) было подавляющее преобладание православных храмов и монастырей (16) и лишь один костел (Миловидов, 1898).

Таким образом, Туровская епархия была православной, возглавляемой православным епископом. Предположение о возможности возглавления Туровской православной епископии католическим епископом (О.М. Рапов) более чем маловероятно. Утверждение о принятии населением Туровского княжества католического вероисповедания (С.В. Тарасов) декларировано бездоказательно, не аргументировано и по этой причине не может быть принято к серьезному рассмотрению.

Что же касается времени учреждения Туровской епархии, то на сегодняшний день, ввиду отсутствия прямых указаний письменных источников, придется ограничиться относительными сопоставлениями. Несомненно, в соответствии с указаниями Никоновской летописи, Туровская епархия относится к числу древнейших, учрежденных еще при Владимире Святославиче. Однако дата 1005 г., упоминаемая в Киево-Печерском патерике редакции Иосифа Тризны, может быть поставлена под сомнение ввиду отсутствия древнего документа, послужившего основанием для Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны (XVII в.). Очевидно, учитывая территориальную близость Турова к Киеву, высокое государственное значение Турова, выделяемого третьему по старшинству сыну Владимира Святославича, нужно признать учреждение Туровской епископии одновременно другим древнейшим епископиям Киевской Руси. По крайней мере одновременной с Полоцкой епархией, также не имеющей указаний на точную дату ее основания. Туров ближе к Киеву, чем Полоцк, а его государственное значение в X–XI вв. мало уступало Полоцку, выделенному Владимиром Святославичем второму сыну – Изяславу. В Никоновской летописи при перечислении ранних епископий Древней Руси названия этих городов стоят рядом. Учитывая эти обстоятельства, Е.И. Голубинский говорит об одновременности учреждения Полоцкой и Туровской епископий (Голубинский, 1901. С. 952). Такого же мнения придерживается и известный исследователь древнерусской истории М.Ю. Брайчевский (Брайчевский, 1989. С. 193). Истинная дата учреждения Туровской епархии скорее всего совпадает с учреждением Полоцкой (в числе тех “иных многих градом”, которые упоминаются летописью после перечисления утвержденных в 992 г.) (ПСРЛ, 1862. С. 65).

ЛИТЕРАТУРА

- Брайчевский И.Ю., 1989. Утверждение христианства на Руси. Киев.
Голубинский Е.И., 1901. История русской церкви. М. Т. I.
Гісторыя Беларусі, 2002. Мінск. Т. I.
Королюк В.Д., 1964. Западные славяне и Киевская Русь. М.
Ластоўскі В., 1926. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна.

Миловидов А.И., 1898. Церковно-археологические памятники города Пинска: Реферат, прочитанный на Рижском археологическом съезде 11 августа 1896. Пинск.

ПСРЛ, 1962. М.; Л. Т. II.

ПСРЛ, 1862. СПб. Т. IX: Никоновская летопись.

Рапов О.М., 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. М.

Соловьев С.М., 1960. История России с древнейших времен. М. Т. II.

Тарасаў С.В., 2002. Калі прыйшло ў Беларусь хрысціянства? // 150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Вільня.

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт (Москва)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА КАВКАЗЕ И НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ НА СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Историческая наука придает особое значение разработке общей проблемы изначальных стадий формирования цивилизаций, зарождения и развития наиболее ранних форм государственности, возникновения городов, а также специфических форм этих процессов в конкретных географических ареалах и в различные хронологические периоды. Сразу же отметим, что под остро дискуссионным термином “цивилизация” мы имеем в виду не высокоразвитую культуру или группу археологических культур, но определенный уровень духовного, социального и материального развития, обуславливающий возможность объединения и взаимодействия значительных масс населения, общность их мировосприятия, духовных представлений и принципов восприятия организационных начал, все более расширяющихся разделения труда и обмена. На большей части ойкумены все эти феномены возникают на базе формирующихся религий в духовной сфере и на базе производящих форм хозяйства при все возрастающей дифференциации товарного производства и активизации торговли в сфере материальной. Финалом их развития является появление классового общества, городов, государственности.

В настоящей статье мы рассмотрим два региона евразийского пограничья, территориально заметно отстоящих друг от друга, но в то же время равно показательных и, более того, подобных по специфике своего развития на протяжении значительных периодов древней истории двух континентов. Оба их сближает прежде всего то, что очень рано и почти синхронно они явились местами самостоятельного формирования важнейших экономических и культурных центров, оказавших решающее воздействие на развитие обширных смежных территорий. Изначальные ступени сложения цивилизации и перехода к урбанизму были достигнуты в обоих центрах почти одновременно с исходными областями этих процессов в пределах Восточного Средиземноморья. И оба они не преодолели последний барьер. В отношении Месопотамии можно с уверенностью говорить о сложении наидревнейших государственности и цивилизации не позднее последней четверти IV тыс. до н.э., тогда как на Балканах и на Кавказе соответствующий уровень был достигнут не ранее периода с середины II до первой половины I тыс. до н.э. Оба центра представляют превосходный пример как закономерности отмеченного процесса, так и неравномерности его, обусловленной всей суммой экологических и исторических условий.

Представляется целесообразным поэтому определить пути культурного и социально-экономического развития этих ареалов и причины, пресекавшие их безусловное развитие в сторону цивилизации и государственности. Во исполнение этого необходимо рассмотреть конкретные и специфические особенности каждого ареала и общие для обоих процессы развития.

Оба региона поразительно богаты естественными ресурсами и расположены на важнейшем перекрестии торговых путей и культурных связей с многообразными прочими ареалами, включая и первичные очаги производящей экономики Ближнего Востока. Между ними очень много общего и в характере

ландшафта, и в климате, и в других естественных условиях, включая исключительное богатство и разнообразие их флоры, фауны и залежей металлов. Оба изобилуют как горными массивами, так и межгорными долинами с разветвленной речной сетью.

Кратко коснемся некоторых конкретных их показателей.

Уже академик Н.И. Вавилов обосновал тот факт, что как Южный, так и Северо-Восточный Кавказ беспрецедентно богат дикими предками пшеницы и ячменя при огромном многообразии видов (*Вавилов, 1957а–б; 1987*). Вместе с тем, Кавказ расположен в зоне обитания диких предков древнейших одомашнированных животных. Нет необходимости повторять хорошо известные свидетельства исключительного богатства Кавказа минеральными ресурсами и прежде всего медью, мышьяком, золотом. Кавказ изобилует обсидианом и залежами ряда видов камня, что решительно обуславливало активизацию функционирования путей, связующих Кавказ с первичными земледельческими центрами Ближнего Востока, начиная по меньшей мере с VII тыс. до н.э. (*Renfrew, 1969; 1977*). Зона, охваченная этими путями, постепенно и совершенно естественно расширялась, а связи были, несомненно, двусторонними. Материальные свидетельства их достаточно хорошо известны. Так, кавказский обсидиан распространился на огромную территорию вплоть до Средней Месопотамии и Восточного Средиземноморья.

Земледелие появилось на Кавказе не позже VI тыс. до н.э. (*Кизурадзе, 1986*). Оно зафиксировано здесь как в формах, выработанных в ближневосточных центрах, так и в совершенно оригинальных собственных формах (*Амирханов, 1987*). Последние достаточно четко представлены в Чохском поселении. Список одомашнированных на этом древнейшем этапе кавказского неолита животных содержит те же виды, что и соответствующие памятники Месопотамии – фактически все стадо за исключением лошади. Если же мы обратимся к следующей ступени развития раннеземледельческих культур, то наше внимание будет привлечено прежде всего к поразительному сходству планировки поселений Южного Кавказа и Ближнего Востока и особенно такому специфическому архитектурному индикатору, как круглоплановые постройки типа талосов. Это наиболее характерная форма жилых, хозяйственных и культовых сооружений энеолитического периода обширного закавказского ареала (*Джавашвили, 1973; Нариманов, 1987; Мунчаев, 1982*) и не менее значительного ареала Средней и Верхней Месопотамии – от Тигра до Среднего Евфрата – в пределах знаменитой халафской культуры, а далее и Северного Убеида. Особо отметим, что энеолит обоих названных ареалов сближается не только строительными традициями, планировкой поселков и специфической формой построек. В слоях энеолитических теллей Южного Кавказа неоднократно встречена как типичная керамика безусловно месопотамского производства, так и ее имитация (*Мунчаев, 1982. С. 116–117, 120, 121, 123; Абибуллаев, 1963. С. 163*). Это касается как халафского, так и убейдского периодов (*Мартиросян, Теросян, 1967. С. 62; Теросян, 1976. Табл. X; Мунчаев, 1982. С. 123*). Таким образом, есть основания говорить о достаточно длительном и многообразном взаимодействии двух рассматриваемых ареалов еще до начала урукской эпохи, в которую оно уже превратилось в традицию. Целый ряд археологических свидетельств предшествующего многовекового развития обуславливают заключение о неуклонных активизации и расширении этого процесса, особенно усилившихся в урукскую эпоху в связи с распространением металлургии и металлообработки и формированием на Кавказе важнейшего их очага (*Иессен, 1935; Джапаридзе,*

1955; *Мартиросян*, 1964; *Геворкян*, 1980; *Гаджиев*, 1986; *Мунчаев*, 1994. С. 38–43). Последний явился весьма значительным фактором, способствовавшим дальнейшему сближению обоих ареалов и даже определенному параллелизму развития ряда конкретных их феноменов. Хорошо известно единство репертуара и форм металлических изделий – оружия, орудий, украшений – как внутри самих рассматриваемых ареалов, так и на обширных смежных им территориях. А это – прямой индикатор резкого расширения системы связей Кавказа и Ближнего Востока, однозначно свидетельствующих о происходящих внутри обоих ареалов цивилизационных процессах, предпосылки которых прослеживаются начиная с ранних ступеней развития производящей экономики (*Амирханов*, 1987; *Мунчаев*, 1982; *Нариманов*, 1987; *Кизурадзе*, 1986; *Cauvin*, 1989. Р. 3–36; *Нюг*, 1994. Р. 27–152). При этом отмеченный выше параллелизм отнюдь не снимает вопросов о первоначальных импульсах указанных процессов на Ближнем Востоке, что касается как основных отраслей производящего хозяйства, так и металлургии (*Черных*, *Авилова*, *Орловская*, 2000. С. 14–17; *Рындина*, 1998. С. 22–27). И в этом плане Кавказ может по праву рассматриваться как северо-восточный форпост левантийско-месопотамского первичного очага цивилизационного процесса.

Принципиально близкая ситуация в результате исследований последних десятилетий вырисовывается на Балканском полуострове. И здесь поразительное богатство ботанических ресурсов, в первую очередь злаковых, сочетается с очень ранними связями с Передним Востоком и соответственно с определенными импульсами с его стороны (*Quita*, 1971; *Николов*, 1986). Последние документируются рядом свидетельств. Наиболее значительным из них представляется наличие здесь среди наиболее ранних образцов domesticiрованных злаков как исконных местных форм, дикие предки которых были распространены на самих Балканах и представляют сравнительно ограниченное число полевых культур (*Вавилов*, 1987. С. 164, рис. 1–2), так и форм, скорее всего привнесенных с Переднего Востока. Наиболее показательны здесь ячмени: лишь в последние десятилетия сделаны первые их находки в пещере Франшти в Пелопоннесе, количественно весьма скромные и стратиграфически недостаточно четкие.

На Ближнем же Востоке дикие предки культурных ячменей распространены чрезвычайно широко (*Вавилов*, 1987. Рис. 3) при весьма значительном сортовом их многообразии.

То же в полной мере относится и ко второй основной отрасли производящего хозяйства – животноводству. Безусловно, Балканский полуостров явился важнейшим центром распространения его в Европе. Но если домашняя корова явилась результатом domestикации исконных местных видов, то домашние овцы не имели диких предков ни на Балканах, ни в Европе вообще и были скорее всего привнесены с Переднего Востока, где они распространились начиная с раннего неолита (*Шнирельман*, 1980. С. 46–48; *Воронцов и др.*, 1972. С. 77; *Цалкин*, 1951; 1972; *Vökönyí*, 1974).

Так же, как и в Кавказском регионе, древнейшие балканские земледельческо-скотоводческие культуры достаточно скоро приобрели специфический местный характер и последовательно развивались при безусловной преемственности основных своих показателей на протяжении огромного отрезка времени от среднего (и даже раннего) неолита до финального энеолита (*Teocharis*, 1973; *Тодорова*, 1986). Древнейшие свидетельства земледелия фиксируются в Фессалии не позднее VII тыс. до н.э. (*Milojčić*, 1960; *Milojčić*, *Voessneck*, *Hopf*, 1962), а поселения VI тыс. до н.э. уже не уступают соответствующим памятникам

Ближнего Востока по общему своему характеру, домостроительству, оформлению жилищ, керамике с ее орнаментацией, культовой пластике, что убедительно представлено, например, в Неа Никомедии (Rodden, 1962; 1965). Но при всей оригинальности и высокой развитости этих культур их первоначальный ближневосточный импульс не может быть игнорирован (Weinberg, 1961). Наряду с документирующими его палеобиологическими показателями, здесь следует подчеркнуть отсутствие на Балканах достаточно четких свидетельств формационного периода “неолитической революции”, возникновения (в ряде случаев диахронного) основных ее феноменов, лишь позднее составивших определенную взаимосвязанную систему, оправдывающую приведенный термин. На Балканах эта система появилась фактически в уже сформировавшемся виде не ранее конца VII тыс. до н.э. На Ближнем же Востоке формационный процесс – медленный и прогрессивный – продолжался по меньшей мере с X до конца VII тыс. до н.э. и ничто ему на Балканах не соответствовало (Treuil, 1989. P. 130). Там первые земледельческие поселки обладали уже всем комплексом неолитических параметров: прочной оседлостью, выработанной формой поселений, основными видами производящей экономики, техникой полировки и сверления камня, наконец, керамикой. Специфика же всех компонентов этого комплекса на Балканах позволяет согласиться с Рене Трейлем, пишущим о пограничной зоне, проходящей здесь между двумя культурными мирами с ближневосточным импульсом и восточноевропейским его воплощением (Treuil, 1989. P. 141).

Следует подчеркнуть, что, вопреки ряду культурных трансформаций, последовательное развитие земледельческо-скотоводческих коллективов как Кавказа, так и Балкан не нарушалось тотальными катаклизмами вплоть до IV тыс. до н.э., когда в обоих регионах был достигнут апогей энеолитических культур. Он был выражен в них глубоко своеобразно и равно блестяще. Куроракская культура Южного Кавказа с такими памятниками, как Алекемек Тепеси и Нахичеванский Кюль Тепе в Азербайджане, Храмис Дидигора, Квацхелеби и ряд столь же информативных поселений Грузии, Техут, Шенгавит с его каменной стеной и многие другие в Армении, а несколько позже знаменитая майкопская культура Северного Кавказа, знаменуют формирование крупнейшего и глубоко оригинального очага финального энеолита и раннего бронзового века юго-востока евразийского пограничья (Мунчаев, 1975; 1982; 1994). И не менее ярко и многообразно подобный же процесс выражен в Балканском регионе целым рядом поразительных энеолитических феноменов – от уникального акрополя Димини в Фессалии с его сложнейшими каменными фортификациями до обширных поселенческих систем равно пространных и территориально и хронологически, таких как Винча, Бубани-Хум, Марица, Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Салкуца-Вучедол и др., наконец, до беспрецедентного и до сего времени далеко не полностью интерпретированного Варненского некрополя (Тодорова, 1986; Черных, 1976).

Особенно выразительны в этом аспекте гигантские для своего времени разработки медной руды энеолитической эпохи, открытые и исследованные в широком масштабе на севере Балканского полуострова (Черных, 1978а).

Они сочетаются с не менее выразительными свидетельствами металлообработки, позволяющими уверенно говорить о создании именно в этом регионе древнейшего в Европе металлургического центра, ни по времени, ни по масштабам своим не знающего подобного ни в остальной Европе, ни на Ближнем Востоке.

Это может рассматриваться как безусловное доказательство широкомащштабной и высокой организации производства и обмена, а также сложной внутренней структуры общества с далеко зашедшей его дифференциацией.

Некоторые находки из Балкано-Дунайского региона свидетельствуют даже о возможности наличия здесь “знаковой системы”, т.е. начатков своего рода “протописьменности” (*Birnbaum, 1974; Gimbutas, 1973; Rosenkranz, 1975*). Подобная интерпретация связана с общим вопросом об истоках здесь письменной системы. Конкретное решение его пока преждевременно, но сам вопрос закономерен при учете уровня развития энеолитических культур Юго-Восточной Европы, достаточно близких соответствующим культурам Месопотамии – прежде всего убейдской и раннеурукской. Добавим, что такое заключение полностью приложимо и к одновременной ситуации в Кавказском регионе.

Отмеченные выше конкретные индикаторы приводят к заключению, что высокоразвитые энеолитические культуры обоих затронутых выше регионов – Кавказского и Балканского – стояли на пороге цивилизации и знаменовали ступень “протоцивилизации”. В этом аспекте они сопоставимы с ранним уруком Месопотамии. Но, в отличие от последнего, ни в одном из названных регионов порог этот преодолен не был. Более того, многовековая преемственность и последовательность их культурного развития были пресечены и приняли в дальнейшем совершенно иные формы (что вызывает предположение об известной близости достигших их судеб).

Инновации, охватившие оба региона и смежные с ними территории, были столь значительны, что могут уверенно считаться знаменующими новую эпоху, которой и явился ранний бронзовый век. Начало его как на Кавказе, так и на Балканах, может быть отнесено к последней четверти IV тыс. до н.э. С самого начала подчеркнем, что речь здесь идет не о переходном периоде, а о смене всей системы культур рассматриваемых регионов абсолютно новой, резко отличной от предшествующей и связанной с иными традициями, складывавшимися на иных территориях. Вместе с тем нет оснований говорить о том, что новая система была бы принципиально отличной от предшествующей по общему уровню социально-экономического развития. Ее создатели восприняли технические, экономические, хозяйственные, социальные достижения энеолитической эпохи, в определенной мере переработав их в связи с крупномасштабной сменой населения, включением в культуротворческий процесс новых крупных человеческих групп, переориентацией доминирующих культурных связей и воздействий. В ходе этого сложного процесса прогрессивные импульсы его неизбежно сочетались с определенной, в ряде случаев достаточно решительной, ломкой веками укоренившихся традиций как материальных, в сфере производства, так и духовных, в сфере мировосприятия, культовых представлений, культовой практики. Выработанные ранее каноны, в отличие от Ближнего Востока, не получили дальнейшего развития, новые же требовали еще выработки, упрощения, длительного развития и распространения, т.е. того пути, который последовательно и преемственно продолжался на Ближнем Востоке в ином естественном и историческом окружении.

С самого начала раннего бронзового века почти весь Кавказ был охвачен процессом формирования крупных культурных общностей, наиболее значительными из которых были куро-аракская и майкопская. Первая охватила все Закавказье со смежными ему областями Восточной Анатолии, Левантийского побережья и Северо-Западного Ирана, а также Северо-Восточного Кавказа (*Кушнарера, Чубинишвили, 1970; Мунчаев, 1975; 1982; 1994*). В конце IV – начале III тыс.

до н.э. обширный ареал этой культуры включал ряд густо заселенных долин и предгорий и даже горных областей с Альпийскими лугами. Никогда ни до этого времени, ни после него – вплоть до средневековья – очерченный ареал не был заселен столь густо (*Ханзадян, 1967; Джанаридзе, 1961*). Здесь зафиксировано не менее 500 памятников, располагавшихся более всего в междуречье Куры и Аракса. Между ними намечается уже определенная иерархия, выраженная в размерах, наличии или отсутствии фортификаций, общей структуре, присутствии поселений различных “рангов” внутри единой группы. Наиболее информативным памятником может здесь служить Шенгавит в Араратской долине Армении. Поселение площадью 0,4 гектара располагалось на берегу реки и было укреплено массивной оборонительной стеной. Из поселения к реке вел подземный туннель. Само же оно представляло собой систему круглоплановых домов на массивных каменных основаниях и четырехугольных построек различного назначения, сочетающихся с жилыми домами. И Шенгавит отнюдь не исключение для куро-аракской культуры: она в целом характеризуется резким возрастанием и совершенствованием фортификационного строительства, усложнением поселков и общим прогрессом их архитектуры (*Джавахишвили, 1973*).

Многочисленные материалы свидетельствуют о развитии ремесла – прежде всего керамического и металлообрабатывающего. На многих поселениях найдены ныне различные свидетельства медеплавильных мастерских. Есть определенные данные в пользу вынесения крупных керамических мастерских за пределы больших поселков. Такие мастерские могут рассматриваться как специальные производственные центры, чья производительность значительно превышала потребности отдельного поселения, поэтому они требовали наличия специальной организации как самого производства, так и реализации его продукции. Еще в большей мере это касалось продукции металлургии и металлообработки. Организация добычи руды и доставка ее в конкретные производственные центры, где медь плавилась и снабжалась примесями, далее производство самих изделий, подлежащих соответствующей реализации, – все это доказывает достаточно высокий уровень социального развития с наличием функционально специализированных групп и лиц, координировавших их действия.

Но в целом при весьма высоком развитии своего ремесла экономика племен куро-аракской культуры базировалась на скотоводстве и прежде всего на земледелии. Они выработали различные формы обработки земли, в том числе террасную. Земледелие, несомненно, было чрезвычайно плодородным. И концентрация больших масс зерна в крупных поселениях засвидетельствована прежде всего обнаружением в них зернохранилищ. Распределение же продукции и использование прибавочного продукта в свою очередь настоятельно требовали определенной формы организации. Весьма возможно, что лица, которым были вверены эти функции, находились в крупнейших укрепленных поселках. Есть основания считать, что последние служили одновременно культовыми центрами. Прямыми свидетельствами этого являются открытые в ряде поселений остатки святилищ, включая и монументальные культовые сооружения (*Кушнарера, Чубинишвили, 1970. С. 165*). Особую важность приобретают в этой связи пиктограммы, найденные в ряде памятников рассматриваемой культурной системы, в том числе в Амиранис Гора (*Чубинишвили, 1963. Табл. V; Куфтин, 1941. Fig. 116*).

Суммируя все свидетельства комплекса куро-аракской культуры, мы приходим к заключению, что создавшее ее население выработало сложную социальную структуру и имело четко оформившуюся правящую элиту.

В полном соответствии этому заключению оказываются свидетельства и второй крупнейшей культурной системы раннего бронзового века – майкопской, охватившей значительную часть Северного Кавказа. Для нее также характерны развитые укрепленные поселения с хорошо выработанными и многообразными строительными традициями. Она также базировалась в экономике на производящих формах хозяйства – земледелии и особенно скотоводстве. С ней прежде всего связывается и превращение Кавказа в крупнейший очаг металлургии и металлообработки.

Но, в отличие от куро-аракса, наряду с развитыми укрепленными поселениями, майкопская культура обладает многочисленными, чрезвычайно информативными и в ряде случаев поразительно богатыми погребальными памятниками при безусловном господстве курганного обряда. Курганы располагаются как в одиночку, так и большими группами с многими десятками насыпей. Наряду с небольшими курганами со скромными погребальными сооружениями и столь же скромным инвентарем, открыты огромные, превышавшие 10 м в высоту насыпи, сооруженные с широким применением камня и перекрывавшие сложные системы погребальных камер с могилами, по богатству своему не уступающими “царским погребениям” раннединастической эпохи Переднего Востока (*Мунчаев*, 1975; 1994). Здесь достаточно вспомнить знаменитый Майкопский курган и подкурганное погребение в дольменах у станицы Новосободной (Царской), открытые в конце XIX в., а также подобные памятники, исследованные на Северном Кавказе в последние десятилетия.

Сооружения подобных конструкций чрезвычайно трудоемки и требуют концентрации усилий больших человеческих групп, что позволяет предполагать чрезвычайно высокий социальный статус погребенных (*Массон*, 1973). Что же касается сопровождающего их богатейшего инвентаря, то он полностью подтверждает такое предположение и позволяет видеть в них лидеров (или вождей) крупных племенных (“предгосударственных”) объединений. И в этом аспекте закономерно сопоставление майкопских курганов с погребальными памятниками Первой династии Ура и Чатал-Уйюка. А соответственно закономерно и заключение о том, что социальное развитие населения рассмотренных обширных регионов Кавказа достигло стадии формирования цивилизации.

Подобная же ситуация фиксируется и на севере Балканского полуострова. Сходство между обоими ареалами резко возрастает в результате включения их в Циркумпонтийскую культурно-историческую зону, сформировавшуюся в ходе развития раннего бронзового века как система активных контактов, охвативших фактически со всех сторон (и прежде всего с южной) причерноморские территории и примыкающие к ним области (*Черных*, 1976; 1978; 1988; *Мерперт*, 1972; 1984; 1988).

Обратимся прежде всего к материалам Севера Балканского полуострова как области Юго-Восточной Европы, наиболее тесно связанной с Анатолией, а через нее и с более восточными территориями. Исследования второй половины XX в. убедительно показали, что вопреки резким культурным изменениям раннего бронзового века здесь сохранилась обширная поселенческая система. Подобно Кавказу, северобалканские материалы свидетельствуют о наличии внутри этой системы определенного иерархического ранжирования, о возрастании напряженности между различными ее звеньями, выраженными, в частности, резкой активизацией фортификационного строительства по всей этой зоне (*Мерперт*, 1972). В этой связи достаточно показательным представляется появление крупных и, как правило, укрепленных поселков наряду с концентрирующими

щимися при них меньшими неукрепленными, в свою очередь сопровождающимися отдельными “фермами” из одного-двух хозяйств. Все это позволяет говорить об экономической структуризации всего ареала, внутри которого каждая поселенческая система занимала определенную территорию с четко выделенным центром, господствующим над ней. Эти центры различались по размерам, длительности существования, наличию или отсутствию фортификационной системы и ряду прочих параметров. Отметим также, что определенная иерархическая система могла выделяться среди прочих “центров”, превосходя их по всем перечисленным показателям. Примерами здесь могут служить гигантские телли близ сел Караново и Дядово в Верхнефракийской долине. Весьма показателен и расположенный там же телль Езеро, подвергнутый, как и первые два, широкомасштабным раскопкам (Езеро, 1979). Это был центр системы, включавшей еще не менее трех меньших поселений и значительное число “ферм”. Соотношение между элементами этой системы очень выразительно. Центральное поселение укреплено двумя concentрическими рядами каменных стен. Оно четко делилось на две части: между стенами располагались обычные жилища, тогда как верхняя площадка представляла собой своего рода акрополь. Раскопки поселения показали концентрацию здесь ряда ремесел, включая и бронзолитейное, а также значительных зерновых запасов, явно превышавших нужды собственных жителей и рассчитанных, очевидно, на население всех поселков системы, особенно в случае военной опасности.

Не менее выразительные свидетельства сложности внутренней структуры получены в результате раскопок поселения Юнаците в той же долине, несколько западнее Езера. Оно также являлось центральным для определенной поселенческой системы. Его “акрополь” находился на высоком (свыше 9 м) холме и по площади не превышал 1 гектара. Внизу же к нему примыкал рядовой поселок площадью свыше 4 гектаров. Но и внутри “акрополя” был выделен укрепленный участок с наиболее крупными и совершенными домами, свидетельствами ремесел и концентрацией зерновых ям, содержащих, возможно, прибавочный продукт, явившийся результатом деятельности населения поселка в целом.

Есть основания считать, что значительная часть центров поселенческих систем раннего бронзового века Балкан имела подобную структуру: крупные телли являются остатками не поселений в целом, а их акрополей. Это позволяет говорить о достаточной сложности структуры как отдельных поселков, так и определенных их группировок, обладавших внутренней взаимосвязью и подчиненных единым организационным началам, а еще более вероятно, – и единому органу власти.

Таким образом, мы должны и здесь предполагать достижение того же уровня общественного развития, что и в раннем бронзовом веке Кавказа. К сожалению, погребальные памятники этого периода на севере Балканского полуострова до сего времени остаются изученными далеко недостаточно: в этом аспекте ситуация здесь близка Южному Кавказу. Но, принимая во внимание идентичный уровень развития обоих рассмотренных ареалов и активный характер контактов внутри циркумпонтийской культурно-исторической зоны, следует констатировать, что и известные ныне погребальные комплексы, и клады согласуются с нашим заключением относительно того, что и север Балканского полуострова в раннем бронзовом веке приблизился к порогу цивилизации. Приблизился, но, повторим еще раз, не перешел его (Черных, 1976; Мерперт, 1980).

Следует подчеркнуть, что такая ситуация не единична и характерна не только для рассмотренных регионов. Незавершенность цивилизационного процесса

фиксируется также в Анатолии (Нижний “город” Трои, Демирчиуйюк (Korfmann, 1983. S. 193 и др.), северо-восточном Иране (Яхья Тепе и др.) (Lamberg-Karlovsky, 1978; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973), Южной Туркмении (Массон, 1981). Объяснение причин незавершенности этого исторического процесса требует углубленного исследования для каждого конкретного случая с равным вниманием как к специфике внутреннего – социально-экономического – развития региона, так и к внешним факторам, воздействующим на общие его судьбы. К внутренним факторам в интересующем нас аспекте могут быть наряду с прочими отнесены ущербность технологического базиса и отсутствие крупных ирригационных систем, которые не только резко увеличивали производственные возможности населения, но и обуславливали необходимость объединения больших масс последнего для общих массовых мероприятий, требующих в свою очередь контроля и организационных акций, а следовательно и создания властных структур. Весьма значительную роль играла здесь также система регулярных связей, особенно с обществами, находящимися на близком уровне развития. Во всех этих аспектах и Кавказ, и Балканы заметно отличались от Месопотамии, где процесс развития достиг стадии своего логического завершения.

Не меньшее значение имели и внешние факторы. Оба региона с севера граничили с зоной евразийских степей, развитие населения которых шло иным путем. Не позже V тыс. до н.э. здесь сложились все более возрастающие группы подвижных степных скотоводов, расселение которых охватывало все более широкие пространства. Само их возрастание и распространение обуславливало неизбежность их активных контактов с более развитыми, в основном земледельческими, обществами. Взаимодействие оседло-земледельческой и подвижно-скотоводческой систем явилось одним из ключевых факторов праистории Старого Света, начиная с “неолитической революции”. Продолжалось оно и в дальнейшем. И далеко не всегда было мирным и позитивным (Мерперт, 1980). Многочисленные, часто укрепленные, но еще не объединенные и не включенные в состав государственных образований оседлые поселения не всегда могли противостоять вторжениям степных скотоводов, которые в ряде случаев принимали перманентный характер. Эти вторжения не только резко нарушали стабильность развития, являющуюся необходимым условием завершения процесса формирования цивилизации, но в ряде случаев полностью пресекали этот процесс.

Все эти факторы резко различны, но в то же время равно значительны и требуют тщательного анализа при разработке сложнейшей проблемы сложения цивилизаций и специфики ее в конкретных, в том числе и высокоразвитых, областях древнейшей истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
Абибуллаев О.А., 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане // СА. № 3.
Вавилов Н.И., 1957а. Мировые ресурсы зерновых культур и льна. М.; Л.
Вавилов Н.И., 1957б. Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур // Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использования в селекции. М.; Л. Т. I.
Вавилов Н.И., 1987. Происхождение и география культурных растений. Л.
Воронцов Н.Н., Коробицына К.В., Надлер Ч.В., Хофман Р., Сапожников Г.Н., Горелов Ю.К., 1972. Хромосомы диких баранов и происхождение диких овец // Природа. № 3.

- Гаджиев М.Г., 1986. О древней металлообработке в Дагестане // *Studia Prachistorica*. София. № 8.
- Геворкян А.Ц., 1980. Из истории древнейшей металлургии Армянского Нагорья. Ереван.
- Джавахишвили А.И., 1973. Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V–III тысячелетий до н.э. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1955. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзового века. Тбилиси.
- Езеро / Ред. Г.Ил. Георгиев, Н.Я. Мерперт, Р.В. Катинчаров, Д.Г. Дмитриев. София, 1979.
- Иессен А.А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. № 120.
- Кигурадзе Т.В., 1986. К вопросу о становлении производящей экономики на территории Грузии // *Вестн. Гос. музея Грузии*. Тбилиси. Т. XXXIII.
- Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- Мартиросян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Мартиросян А.А., Теросян Р.М., 1967. К вопросу о интерпретации энеолитической культуры Армении // *Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР*. Ереван. № 3.
- Массон В.М., 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М.
- Массон В.М., 1981. Алтын Депе. Л.
- Мерперт Н.Я., 1972. Древнейшие каменные крепости Болгарии // *Новое в археологии*. М.
- Мерперт Н.Я., 1980. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // *Studia Prachistorica*. София. Вып. III.
- Мерперт Н.Я., 1984. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М.
- Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в Циркумпонтийской зоне // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М., 1982. Энеолит Кавказа // *Археология СССР: Энеолит СССР*. М.
- Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура // *Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. М.
- Мунчаев Р.М., 1994а. Майкопская культура // *Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. М.
- Нариманов И.Г., 1987. Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана в эпоху энеолита (VI–IV тысячелетия до н.э.). Баку.
- Николов В., 1986. К вопросу о проникновении южно-анатолийских элементов и человеческих групп на Балканы // *Археология*. София. № 2.
- Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.
- Теросян Р.М., 1976. Раннеземледельческое поселение Техут (IV тыс. до н.э.). Ереван.
- Тодорова Х., 1986. Каменно-медная эпоха в България. София.
- Ханзаян Э.В., 1969. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н.э. Ереван.
- Цалкин В.И., 1951. Горные бараны Европы и Азии. М.
- Цалкин В.И., 1972. Происхождение домашних животных в свете данных современной археологии // *Проблемы domestикации животных и растений*. М.
- Черных Е.Н., 1976. На пороге несостоявшейся цивилизации // *Природа*. М. № 2.
- Черных Е.Н., 1976а. Об европейской зоне циркумпонтийской металлургической провинции // *Acta Archaeologica Carpatica*. Krakow. Vol. XVIII.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация раннего металла на территории СССР // *СА*. № 4.
- Черных Е.Н., 1978а. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Черных Е.Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древние индоевропейцы // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.

Чубинишвили Т.Н., 1963. Амиранис Гора: Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавახети. Тбилиси.

Шнирельман В.А., 1980. Происхождение скотоводства. М.

Birnbaum H., 1974. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkan and the Aegean // Journal of the Indo-European Studies. Vol. 2, № 4.

Bökönyi S., 1974. History of domestic mammals in Central and Eastern Europe. Вр.

Cauvin J., 1989. La neolithization au Levant et sa premiere diffusion // Aurenche O., Cauvin J. Neolithization. Lyon. P. 3–36. (BAR. Intern. Sér. 516.)

Gimbutas M., 1973. Old Europe c. 7500–3500: The Earliest European Civilization Before the Infiltration of the Indo-European Peoples // The Journal of the Indo-European Studies. Vol. 1, № 1.

Huot J.-L., 1994. Les premiers villageois de Mésopotamie: Du village a la ville. P.

Korfmann M., 1983. Demircihüyük. Mainz-am-Rhein. Bd. I.

Lamberg-Karlovsky C.C., 1978. The proto-elamites on the Iranian Plateau // Antiquity. Vol. 52.

Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi V., 1973. Sharh-I-Sokhta and Tepe Yahya: tracks on the earliest history of the Iranian Plateau // East and West. Roma. Vol. 1–2.

Miložič V., 1960. Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel // Germania. № 38.

Miložič V., Boessneck J., Hopf M., 1962. Die Deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien // Das Präkeramische Neolithikum sowie die Tier und Pflanzenreste // Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer Kulturraumes. Bonn. Vol. 1–2.

Quita H., 1971. Der Balkan als Mitterzwischen Vordern Orient und Europe // Evolution und Revolution im Alten Orient und Europa / Ed.: F. Schlette. B.

Renfrew C., 1969. The Sources and Supply of Deh Luran Obsidian // Hole F., Flannery K.V., Neely J.A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Appendix III. Ann Arbor.

Renfrew C., 1977. The Latter Obsidian of Deh Liran – the Evidence of Chaga Sefid // Hole F. Studies in the Archaeological Hystory of the Deh Luran Plain: The Excavation of haga Sefid. Appendix II. Ann Arbor.

Rodden R., 1962. Excavation at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 season). L.

Rodden R., 1965. An Early Neolithic Village in Greece // Scientific American. April 1965. Vol. 212, № 4.

Rosenkranz B., 1975. Nichtalphabetische Schriften der antiken Welt. Universität Köln.

Teocharis D.R., 1973. Neolithic Greece. Athene.

Treuil R., 1989. La neolithisation dans les Balkans: quelque reflexion prématurées // Aurenche O. et Cauvin J. (ed.). Neolithisations. Lyon.

Weinberg S., 1961. Halafian and ubaidian influence in neolitic Greece // Bericht über den V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Hamburg.

В ПОИСКАХ ЗАГАДОЧНОГО РУССКОГО КАГАНАТА

Известия арабских авторов IX в. о стране Русов, царя которых зовут “*хакан русов*”, не находят среди исследователей единодушного толкования. Труднее всего им дается проблема локализации этой загадочной страны. О. Прицаку казалось, что Русский каганат, являвшийся политическим предшественником Киевской Руси, располагался в междуречье Волги, Трубежа и Которосли (*Pritsak*, 1983. Р. 555, 556; 1981. Р. 182). Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников, К. Цукерман убеждены, что он находился в Волховско-Ильменском бассейне, а его столицей была Ладога (*Мачинский*, 1984. С. 21, 22; *Кирпичников*, 2002. С. 58–60; *Цукерман*, 2003). Б.А. Рыбаков, Х. Ловмянский, П.П. Толочко, В.В. Седов и другие обосновывали среднеднепровское местоположение изначальной Руси (*Рыбаков*, 1982. С. 99; *Ловмянский*, 1985. С. 194–197; *Толочко*, 1990. С. 104–108; *Седов*, 2003. С. 255–195).

В последнее время, в связи с празднованием 1250-летнего юбилея Старой Ладogi, идея Ладожской Руси обрела как бы второе дыхание. По мнению А.Н. Кирпичникова, во второй половине VIII – первой половине IX в. Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути. Ладога стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, т.е. столицей державы Рюриковичей (*Кирпичников*, 2002. С. 39, 40)¹.

Аналогичного мнения придерживается и Д.А. Мачинский. Согласно ему, в пяти из семи известных списков “Повести временных лет” первым городом, где “*сел*” приглашенный на княжение Рюрик, т.е. столицей, названа Ладога. Причем, уже в дорюриково время ее властелины будто бы не удовлетворялись титулами конунга или князя, а претендовали на более высокий – “*хакана народа рос*” (*Мачинский*, 2002. С. 58–60).

В полном согласии с петербургскими археологами находятся выводы французского исследователя К. Цукермана. До образования Руси Киевской, как ему кажется, русская государственность пережила два этапа своего формирования. И оба на севере. Первый приходится на 30–70-е годы IX в., второй – от прихода к словенам Рюрика в 895 г. до начала X в., когда ее политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе это государственное образование называлось Русским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей имело Ладогу. В начале 70-х годов IX в., в результате какой-то неизвестной межплеменной войны Русский каганат оказался разрушенным, на смену ему пришло новое образование во главе с Рюриком, сохранившее прежнее название “*Русь*”. Вдохновившись идеей северной локализации Русского каганата, К. Цукерман объявил гипотезу о среднеднепровской Руси совершенно бесперспективной (*Цукерман*, 2003. С. 82–89). Какими же аргументами поддерживают названные исследователи свою концепцию? Прежде всего априорным убеждением в том, что Русский каганат основали шведы, обретшие название *Ros*, *Rus*, или *Русь* от финского *Ruotsi*. Второй аргумент сводится к тому, что в

¹ Если возможно говорить о Ладоге IX в. как о столице державы, то все-таки не “Рюриковичей”, а самого Рюрика, и то всего на два года.

пределах всего восточнославянского региона для столь раннего времени кроме Ладоги не было никакого другого крупного военно-торгового центра, который бы мог претендовать на роль столицы. К. Цукерман, понимая, что рассуждения о Русском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся показать, что Киев в это время и вовсе не существовал, значительную часть своей статьи посвятил именно этому доказательству. Согласно ему, история Киева берет начало лишь с конца IX в. На это утверждение К. Цукермана натолкнула дендродата одной из построек Подола, относящаяся к 887 г. (Цукерман, 2003. С. 84).

Это действительно наиболее ранняя киевская дендродата, но она вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из его ранних построек. Она покоилась на культурном слое, образовавшемся в VIII–IX вв. и содержащем керамику, изготовленную на ручном круге (так называемого курганного типа) и лепную. Если исходить только из дендродат, тогда придется признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вообще не наступил, ведь там археологическое дерево не сохранилось вовсе. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 70-е годы XX в.

Еще одним доказательством “небытия” Киева в IX в. является, как утверждает К. Цукерман, отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Вывод этот не новый. Он высказан еще М.К. Каргером. Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в., не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX в. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в это время, как полагал М.К. Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком (Каргер, 1959. С. 123–126, 216).

Мне уже приходилось писать об этом необъяснимом заблуждении М.К. Каргера и последовавших за ним нумизматов (Толочко, 1983. С. 165, 166). Для характеристики торговых связей Киева с Востоком абсолютно неважно, каким временем датируются клады, но важно то, как датируются содержащиеся в них монеты. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе вовсе не указывает на дату его зарытия, а лишь свидетельствует о том, что с этого времени сокровища больше не пополнялись новыми монетами. Разумеется, есть в Киеве и монеты второй половины IX в. Это аббасидские диргемы, чеканенные в Багдаде, Бердаа и других городах (771–890 гг.), тагеридские диргемы, происходящие из Шаша, Мерва и Самарканда (862–878 гг.), саманидские диргемы из Шаша, Самарканда и Балха (893–906 гг.). К сожалению, не все киевские находки восточных монет были достаточно хорошо атрибутированы. Так, о кладе в усадьбе проф. И. Сикорского (Б. Подвальная ул., д. 15), в первой публикации сказано, что состоял он из 2930 монет, чеканенных между 749 и 900 годами. В кладе 1863 г. на кладбище Иорданской церкви находились монеты чеканки 895–936 гг., однако в каком соотношении, неизвестно. Крупнейший клад куфических монет, найденный в 1706 г. при постройке Печерской крепости, был депаспортизирован и растворился в собрании монет Азиатского музея Академии наук (Каргер, 1959. С. 116–119, 121, 122).

Характерно, что и одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII–X вв. Без признания существования на-

лаженных торговых связей Киева с Востоком в VIII–X вв. (большее число монет относится к IX – началу X в.), о чем свидетельствуют и восточные авторы, подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена.

Кроме монет наличие связей Киева с Востоком подтверждают находки керамики салтовского облика, выявленные в жилище VIII–IX вв., а также в культурном слое Подола. В пределах “города Ярослава” обнаружен могильник с катакомбными погребениями. В целом же культурные слои Киева, датирующиеся VIII–IX вв., обнаружены на площади, исчисляющейся десятками гектаров.

Не более убедительным является и аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет якобы полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье (Цукерман, 2003. С. 84). Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори делается вывод о том, что русы это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве и Среднем Поднепровье ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси. Объективности ради следует сказать, что со скандинавскими следами IX в. в Киеве и Среднем Поднепровье не все так безнадежно. Их хотя и немного, но они есть.

Однако причем тут Русь? В летописи северные пришельцы выступают под названием “варяги”². Чудесное их превращение в “русов” происходит только после прихода в Киев (Толочко, 1996. С. 28, 29). На Киев Олег выступил, “поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю, весь, кривичи”. После овладения Киевом он провозгласил его матерью городам русским, а северная дружина получила наименование “руси”. «И съде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: “Се буди мати градомъ русьскимъ. И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью”» (Повесть временных лет, 1950. С. 20).

Летописцы и позже будут четко отличать русичей от варягов и даже от новгородских словен. В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с одной тысячей варягов и “прочими воями”. Навстречу ему из Киева вышел Святополк, “пристрои беицисла вои, Руси и печенѣгъ” (Повесть временных лет, 1950. С. 96). После утверждения в Киеве уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для нового похода против Святополка и Болеслава он “совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ” (Повесть временных лет, 1950. С. 96). Во всех других известиях о варягах (ст. 944, 980, 1024, 1036 гг.), которых киевские князья привлекали для участия в военных кампаниях, нет и намек на то, что они были еще и русами. Из летописных свидетельств явствует, что варяги не приносили на юг восточнославянского мира название “русь”, но сами иногда обретали его здесь.

² Летописная статья 862 г., являющаяся, по существу, единственным источником для вдохновения сторонников отождествления руси со шведами, настолько внутренне противоречива, что основываясь на ее свидетельствах можно прийти к самым различным выводам. Представители северных племен “Русь, чюдъ, словѣни и кривичи и веси” идут за море “к варягамъ, к руси” просить себе князя. Следовательно, “русь” просит князя у “руси”. Далее летописец объясняет, что русью назывались варяги точно так же, как другие “зовутся свеи, дружи же урмане, англыне, дружи гѣте”. Назвав все балтийские народы своими именами, летописец тем самым не оставил и наименьшего шанса расположить в этом регионе еще и варяго-русов. К тому же шведы (свеи), оказывается, известны славянам под собственным именем. Нет сомнений, что всю эту противоречивость следует отнести на счет редакции “Повести временных лет” времени Мономаха–Мстислава.

Если на севере (в том числе и в Скандинавии) этноним “русь” практически не обнаруживается³, то для Среднего Поднепровья он был органичным уже с сарматского времени. Вероятнее всего это название действительно произошло от иранского *Rhos* (*Rosomani*, *Roxoloni*), о чем писали в свое время Г. Вернадский, Б.А. Рыбаков и другие историки. Позже этот вывод нашел подтверждение в исследованиях ираниста В.И. Абаева. Согласно ему, этноним “русь” соответствует персидскому *ruhs* = сияние или осетинскому *ruhs/roxs* = светлый (Абаев, 1973. С. 435–437).

Б.А. Рыбаков, объясняя летописное выражение “Поляне иже нынѣ зовома^я Русь”, предположил, что полянский союз Среднего Поднепровья взял имя одного из племен, вошедшего в него, – народа “Рос”, известного уже в VI в. далеко за пределами восточнославянского мира (Рыбаков, 1982. С. 285). Произошло это, видимо, в начале IX в., и не случайно именно в это время “Русь” как государство и народ часто упоминается арабскими и византийскими писателями.

В арабской литературе название “Русь” впервые встречается в сочинении ученого IX в. Аль-Хорезми. В “Книге картин земли”, написанной между 836 и 847 гг., он упоминает реку Д’рус (Данапрос – Днепр), которая берет начало из горы Джабал-Рус. Ибн-Хардадбег, написавший в 80-е годы IX в. “Книгу путей и стран”, говорит о купцах ар-Рус, которые являются одной из разновидностей славян. Сочинение неизвестного автора IX в. “Худуд-ал-Алам” сообщает, что “страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и славянами на западе. А царя их называют хакан русов” (Новосельцев, 1965. С. 399). Свидетельства иностранных источников IX в. о военной активности русов на Черном море находят свое подтверждение в отечественных летописях. “А Днѣпръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть Русское” (Повесть временных лет, 1950. С. 12). Ни Ильменское озеро, ни Балтийское море, которые бороздили варяги, такого названия не имели.

Сторонники северного происхождения названия “Русь” убедительным аргументом в его пользу считают свидетельство Бертинской хроники епископа Пруденция. В ней рассказывается о посольстве русов 838–839 гг. к византийскому императору Феофилу и франкскому императору Людовику I Благочестивому. В столице Византии послы отрекомендовались представителями народа “Рос” (*Rhos*), посланниками от хакана (*chacanus*). В резиденции Людовика Ингельхейме, при пристрастном допросе, назвались не русами, а свеонами (шведами). Вот это признание послов будто бы и является неопровержимым доказательством скандинавского происхождения названия “Русь”.

В действительности вывод здесь напрашивается совсем другой. Мнимое тождество варягов (свеонов) и русов отвергнуто самими послами. Они действительно не были русами, но являлись их посланниками, находились на службе у народа “Рос”. Ничего необычного в этом не было. Шведы будут входить в состав русских посольств в Константинополь и позднее – при Олеге и Игоре, но их этническое происхождение ни в коем случае не может служить отрицанием того факта, что выступали они как представители Руси. “Мы от рода русскаго, Карлы, Ингельдъ, Фарлоф, Вермуд, Рулавъ, Гуды... иже послани от Олга, ве-

³ Даже если согласиться, что прибалтийско-финское название шведов было действительно Ruotsi/Rootsi, доказать его дивную трансформацию в термин “Русь” совершенно невозможно. К тому же на Русь приходили не только шведы, но и норвежцы, датчане.

ликого князя русскаго” (Повесть временных лет, 1950. С. 25). Наверное они также бы признались в своем шведском происхождении, если бы их допросили с таким же пристрастием, как это имело место с их предшественниками в Ингельхейме.

При определении местонахождения ранней Руси небезынтересно обратиться к летописным свидетельствам конца XI – начала XIII в. В них понятия “Русь” или “Русская земля” выступают в двух значениях – широком, обозначавшем все государственное пространство, и узком, употреблявшемся только по отношению к южнорусским землям. Юрий Долгорукий выступил из Ростово-Суздальской земли “в Русь”, т.е. в Киев. Оскорбленный изгнанием из Киевской земли сына Ростислава и неуважением к нему самому, он воскликнул: “Тако ли мнѣ части нѣту в Русской земли”. После убийства Андрея Боголюбского владимирские бояре говорили: “Князь наш убьенъ, а дѣтей у него нѣту, сынок его в Новѣгородѣ, а братья его в Руси”. Новгородцы также понимали под “Русью” Киев. В летописной статье 1135 г. говорится: “Иде в Русь архиепископ Нифонт”. Князь Изяслав Мстиславич, вынужденный оставить Киев, ушел из “Русской земли” на Волынь, затем снова вернулся в Русь.

Подобных примеров в летописях множество, и все они показывают Русь в ее узком значении в Среднем Поднепровье: между Десной на севере, Росью и Тясмином на юге, Сеймом и Сулой на востоке, Горынью на западе. Характерно, что в этом регионе сохранилось больше всего гидронимов и топонимов, связанных с названием “Русь” – Рось, Росава, Роставица, Ростовец, Рославичи. Согласно крупному российскому ученому-лингвисту О.Н. Трубачеву, исследовавшему Днепро-Донской регион архаических славянских гидронимов, именно здесь начал шириться этноним “Рус”, “Русь” (Трубачев, 1997. С. 207).

Нет и наименьшего сомнения в том, что летописные свидетельства очертили именно ту начальную Русь, которая стала ядром Киевского государства. Можно думать, что и Константин Порфирородный имел в виду среднеднепровский регион, когда говорил о внутренней Руси. Искать ее на далеком севере или северо-востоке восточнославянского мира нет никаких оснований. В Идриси этот регион совершенно конкретно назван “Внешней Русью”.

Из сообщений о походах русов в Крым, Амастриду, на Каспий и Кавказ можно прийти к выводу о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшем значительными людскими и материальными ресурсами. О малозаселенном волховско-ильменском крае в IX в. этого не скажешь. Разумеется, была Ладога, однако попытки представить ее столицей Русского каганата совершенно некорректны. В ряде летописных списков она названа местом, где сидел Рюрик, но ни в одном не обозначена как центр какого-то раннегосударственного образования. Даже если предположить, что Рюрик первоначальным местом своего “сидения” избрал Ладогу, из этого вовсе не следует, что она обладала каким-то особым столичным статусом. В летописи говорится, что Рюрик “сѣде в Ладозѣ”, а не “сѣде на столе в Ладозѣ”, как интерпретирует это место Д.А. Мачинский (Мачинский, 2002. С. 59). К тому же, слово “сѣде” относится не только к Рюрику, но и к его братьям. Следовательно, если он сел на столе, то и они сели на столах. Таким образом, следуя подобной логике, можно утверждать, что на севере Руси в IX в. было три стольных города, а не один. Через два года (“по двою же лѣту”) братья Рюрика умирают, а сам он перебирается в Новгород (вероятно, в городок, именуемый ныне “Рюриково городище”), что также предполагает наличие в нем княже-

ского стола. Кстати, если в Ладоге Рюрик просто “сѣл”, то в Новгороде “сѣде ту княжа”⁴.

К какому бы выводу ни пришли исследователи о первоначальном административном центре ильменских словен, он никогда не сможет обрести доказательной силы относительно существования здесь Русского каганата. В письменных источниках нет никаких сведений, что глава “этносоциума, сплавленного из скандинавов и славян, с возможным включением балтов и финнов” настаивал на том, чтобы на международной арене его именовали не конунгом или князем, а тюркским титулом “хакан” (Мачинский, 2002. С. 64). Не странно ли, не имея в этом хитром “этносоциальном сплаве” ни одного процента тюркского элемента и будучи отдаленным от тюркского мира на тысячу километров, его глава хочет именоваться хаканом?

Практически невозможно представить себе, как в условиях раннего Средневековья можно было регулярно осуществлять военные экспедиции из волховско-ильменского далека на Кавказ и в Византию. И уж совсем невероятным кажется то, что предполагаемый Русский каганат в бассейне Волхова, не отличавшийся воинственностью по отношению к своим соседям и, кстати, совсем не замеченный ими, наводил ужас на народы и страны, удаленные от него на несколько тысяч километров.

Я не знаю, корректен ли вообще вывод о Русском каганате IX в. Так его называли арабские географы, но так ли он именовался самими славянами? Летописные известия дают серьезные основания сомневаться в этом. Начиная от времен Кия и до утверждения в Киеве Олега летопись говорит исключительно о княжеском титуле первых восточнославянских правителей. Кий “княжаще в родѣ своем”, Рюрик “княжащу в Новѣгородѣ”, Аскольд и Дир “княжита” в Киеве, Игорь “княжич”, Олег “сѣде княжа въ Киевѣ”. Ни о каких киевских “хаканах” летописцы не знают, скорее всего их и не было в природе. Это восточные авторы называли русских князей знакомым и привычным им титулом “хакан”. В скандинавских сагах, как известно, они именуются конунгами. В свою очередь русские летописцы называли правителей Хазарии князьями: “Поляне вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему” (Повесть временных лет, 1950. С. 16). Иногда русские летописцы понимали титул правителя Хазарии как его имя. “Иде Святославъ на Козары: слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своим Каганомъ” (Повесть временных лет, 1950. С. 47). Что касается представления русских послов 838 г. в Константинополе, то его можно отнести на счет дипломатического этикета. Они ведь знали, что титул “хакан” в это время равнялся титулу “император”, а поэтому и сказали Феофилу, что посланы к нему не каким-то неизвестным князем, а хаканом Руси.

Однако как бы ни называлась начальная Русь, княжеством или каганатом, искать ее следует не на далеком севере, а на юге восточно-славянского мира, соседившем с Хазарским каганатом. Такой вывод вытекает из сообщений о славянах и руси всех арабских авторов, а также так называемого “Баварского географа”. В перечислении им племен и народов Средней и Восточной Евро-

⁴ Е.Н. Носов отмечает, что материальная культура Рюрикова городка имеет гораздо более выраженный воинский – “дружинный” – характер, чем культура Ладоги. Именно этот городок, по мнению исследователя, выполнял военно-административные функции, связанные с его ростом как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно Новгородской земли (Носов, 2002. С. 51, 52).

пы “*Ruzzi*”, в которых несомненно следует видеть русь, названы вслед за “*Coziri*”, т.е. хазарами.

Именно так локализует этот загадочный каганат В.В. Седов. Выполнив большую источниковедческую работу, он пришел к выводу, что “создателями Русского каганата первой половины IX в. были русы – носители волынцевских древностей и эволюционировавших на их основе роменской, боршевской и окской культур⁵. Что касается административного центра Русского каганата, то, как полагает В.В. Седов, им мог быть только Киев, представлявший собой в IX в. агломерацию крупных поселений торгово-ремесленного характера (Седов, 2003. С. 278, 293).

Кроме археологии в пользу Киева как политического средоточия ранней Руси свидетельствуют и письменные источники. В недатированной части “Повести временных лет”, в рассказе об основании Киева, содержится глухое известие о ранних отношениях его с Хазарией. Последняя пыталась подчинить Киев своему влиянию, а киевляне, выплатив дань обоюдоострыми мечами, будто бы показали всю тщетность хазарских намерений. Тем не менее Киев вплоть до утверждения в нем Аскольда и Дира (60-е годы IX в.) пребывал в даннической зависимости от хазар. Отвечая на вопрос пришельцев: “*Чий се градокъ?*”, киевляне ответили, что являются наследниками Кия, Щека и Хорива и платят дань хазарам: “*А мы сѣдимъ родъ ихъ платяче дань козарамъ*” (Повесть временных лет, 1950. С. 16).

Ни один другой центр Среднего Поднепровья, кроме Киева, не может претендовать на то, чтобы из него осуществлялись далекие походы на Византию. Если о военных акциях русов в Амастриду и Крым это можно лишь предполагать, то поход 860 г. на Константинополь определенно организован Киевом. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с первыми датированными статьями “Повести временных лет”. В них события русской (киевской) истории увязаны с византийской. Летописец отмечает, что начало царствования императора Михаила III, по существу, стало и началом дипломатического признания Византией Руси: “*Начению Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русска земля*” (Повесть временных лет, 1950. С. 17).

Неоспоримым доказательством этого являются также находки в Киеве византийских монет. Наиболее ранние из них (херсонского чекана) принадлежат Михаилу III (842–867 гг.), Василию Македонянину (867–886 гг.), а также Василию I и Константину (876–879 гг.). Монеты названных императоров встречены и в других пунктах Среднего Поднепровья. По свидетельству Б.В. Антоновича, в значительном количестве они найдены в Триполье (древнерусский город Треполь).

В Ладоге или Рюриковом городке таких свидетелей русско-византийских контактов для этого времени практически нет. Конечно, это было бы невероятным, если бы именно отсюда осуществлялись посольские визиты и военные экспедиции в Византию.

Подводя краткий итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Начальная Русь (или Русский каганат восточных авторов) находилась на юге восточнославянского мира, в Среднеднепровском регионе, и была западным соседом Хазарского каганата.

⁵ Такая локализация начальной Руси несколько расходится с понятием “Русской земли” в узком значении. Последняя на Левобережье Днепра не простиралась дальше Подесенья и Посулья, но зато на Правобережье доходила до Горыни. А это, как известно, земли не только северян, но и полян, а также древлян.

2. Она образовалась на основе полянского и северянского союзов племен, с последующим включением территории древлян, а ее административно-политическим средоточием изначально был Киев.

3. Название “Русь”, ставшее впоследствии политонимом и этнонимом для всех восточных славян, имеет южное происхождение. Его бытование засвидетельствовано со времен проживания здесь ираноязычных сарматских племен.

4. Скандинавы не приносили в Среднее Поднепровье название “Русь”, но обретали его здесь, причем лишь тогда, когда поступали на службу к киевским князьям и интегрировались в административно-политические структуры Киевского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.*, 1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. Т. 2.
- Каргер М.К.*, 1959. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
- Кирпичников А.Н.*, 2002. 1250-летие Старой Ладogi // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб.
- Ловмянский Х.*, 1985. Русь и норманы. М.
- Мачинский Д.А.*, 1984. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. М.
- Мачинский Д.А.*, 2002. Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб.
- Новосельцев А.П.*, 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Носов Е.Н.*, 2002. Некоторые итоги изучения Рюрикова городища // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб.
- Повесть временных лет, 1950. М.; Л. Ч. 1.
- Рыбаков Б.А.*, 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Седов В.В.*, 2003. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Толочко П.П.*, 1983. Древний Киев. Киев.
- Толочко П.П.*, 1990. Спорные вопросы ранней истории Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев.
- Толочко П.П.*, 1996. Київська Русь. Київ.
- Трубачев О.Н.*, 1997. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.
- Цукерман К.*, 2003. Два этапа формирования древнерусского государства // Археологія. Київ. № 1.
- Pritsak O.*, 1981. The Origin of Rus. Cambridge. Vol. 1.
- Pritsak O.*, 1983. Where was Constantines inner Rus // Harvard Ukrainian Studies. Okeanos. Vol. VII.

Б.Н. Флоря (Москва)

КУПЕЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПСКОВЕ И ПСКОВСКОЕ БОЯРСТВО

Важной особенностью сохранившегося фонда источников по истории Новгородского и Псковского государств является то, что они не только содержат сведения о существовании в Новгороде и Пскове купеческих организаций, но и дают возможность судить о месте этих организаций в псковском и новгородском обществе. Для выяснения особенности положения “Иванского купечества” в новгородском обществе XIV–XV вв. много сделано в исследованиях В.Л. Янина. Отталкиваясь от полученных им результатов, можно попытаться раскрыть содержание тех немногих известий, которые говорят о купеческой организации Пскова в XIV – начале XVI в.

О существовании особой купеческой организации во Пскове XIV–XV вв. писал еще в прошлом веке А.И. Никитский. Исследователь имел в виду запись в Псковской 1-й летописи под 1352 г.: “В лето 6860-го церковь святыя Софии поставиша коупци древяною новоую” (ПЛ. Вып. 1. С. 22; в Псковской 3-й летописи это известие дано под 1354 г. – ПЛ. Вып. 2. С. 103). Как отметил А.И. Никитский, в этом известии церковь Софии выступает в качестве “патронального храма особого торгового товарищества” (Никитский, 1873. С. 172). Церковь святой Софии или, как она точнее определяется в более поздних летописных известиях, “церковь святых мучениц Веры, Любве, Надежи и матере их Софии” (ПЛ. Вып. 2. С. 36), находилась “в Домантове стене”. О месте храма в псковской жизни говорит запись в той же Псковской 1-й летописи под 1357 г.: “Тогда и другои збор во Пскове оучиниша попове ко святей Софии и вседневную службу дръжати” (ПЛ. Вып. 1. С. 22). Из нее видно, что церковь святой Софии уже через пять лет после ее постройки стала вторым городским собором Пскова после храма Троицы. Храм такого значения был, конечно, построен не локальным или профессиональным объединением, а общепсковской организацией купечества. Такое соображение может быть подкреплено записью Псковской 2-й летописи, где под 1357 г. как бы соединены тексты обоих летописных сообщений о церкви Софии: “купци псковския поставиша церковь древяную во имя святыя Софья” (ПЛ. Вып. 2. С. 27). В начале XV в. храм продолжал находиться под патронатом псковского купечества, о чем говорит запись Псковской 2-й летописи под 1415 г.: “Того же лета купци псковскыя разбиша старую святую Софью и начаша новую делати” (ПЛ. Вып. 2. С. 36).

Новая церковь была уже не деревянной, а каменной постройкой. Окончание строительства отмечено во Псковской 2-й летописи следующей записью: “Того же лета мастер Еремеи съверши церковь камену святых мучениц Веры, Любве, Надежи и матере их Софии месяца иуния 18 день ... благословением служителя святых мучениц Иоанна Хахилева, повелением купецких старост Андрея Тимофеевича и Осея и всех купцов” (ПЛ. Вып. 2. С. 36). Комментируя это известие, А.И. Никитский отметил: “псковские купцы являются в этом случае целым, имеющим во главе своей двух купеческих старост” (Никитский, 1873. С. 172). Налицо была бы в этом случае полная аналогия с новгородским “Иванским купечеством”, во главе которого также стояли двое старост. Однако с мне-

нием А.И. Никитского не позволяет согласиться запись о том же событии в Псковской 3-й летописи, где говорится, что церковь была построена “при старостах святей Троицы Андреи Тимошкинич и при Осьи и при попе Иване Хихилеве” (ПЛ. Вып. 2. С. 120). В этой записи Андрей Тимофеевич и Осей фигурируют не как “купеческие старосты”, а как старосты главного псковского собора св. Троицы. А.И. Никитский, отметивший расхождение между данными двух источников, отдавал предпочтение свидетельству Псковской 2-й летописи, полагая, что “в описании постройки храма св. Софии естественно должны быть упомянуты старосты св. Софии, а не св. Троицы” (*Никитский*, 1873. С. 172). Однако Никитский никак не объясняет, каким образом они могли под пером летописца превратиться в “старост святой Троицы”. Гораздо естественнее предположить, что в источнике, которым пользовался составитель Псковской 2-й летописи, Андрей Тимофеевич и Осей были названы просто “старостами” и летописец, рассуждая так же, как А.И. Никитский, решил, что речь идет о “купеческих старостах”.

Кроме указанного места “старосты святой Троицы” упоминаются в летописных известиях XV в. еще дважды: в 1402 г. и 1467 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 26, 73). Старосты, осуществлявшие опеку над главным городским храмом Пскова, принадлежали к верхушке псковского боярства: из упомянутых в этих известиях четверых старост трое – Роман Сидорович, Леонтий Макаринович, Юрий Тимофеевич Винков, были посадниками (Сводку сведений о них см.: *Кафенгауз*, 1969. С. 39, 40, 43, 44), четвертый – Арист Павлович – был, по-видимому, отцом посадника Степана Аристовича (О Степане Аристовиче см.: *Кафенгауз*, 1969. С. 40).

То, что храм, находившийся под коллективным патронатом псковского купечества, был построен “повелением” старост св. Троицы, говорит о том, что эти магистраты Псковского государства в каких-то формах осуществляли руководство деятельностью псковской купеческой организации. В Новгороде такой контроль, как показал В.Л. Янин, стал осуществляться с 30-х годов XIV в., тогда, когда стоявший во главе торгового суда тысяцкий стал избираться из числа новгородских бояр. В каких-то иных формах такой контроль, очевидно, осуществлялся и во Пскове XV в.

Последнее летописное известие, в котором упоминается псковская купеческая организация, читается в Псковской 1-й летописи и датировано 1465 г.: “Побиша железом храм святых мучениц, трех дев Веры, и Любви, и Надежи и матери их Софии повелением раба божия старосты купецкого Якова Ивановича Кротово и всех рядовичь купцов” (ПЛ. Вып. 1. С. 71). Это известие содержит важные дополнительные сведения об организации псковских купцов. Обращает на себя внимание, что члены объединения названы не только “купцами”, но и “рядовичами”. Значение этого термина в данном тексте выясняется при сопоставлении известия 1465 г. с одним из мест псковской повести о присоединении Пскова к Русскому государству в 1510 г. В повести помещен перечень псковичей, отправившихся в Новгород жаловаться Василию III на московского наместника. Среди них в повести упоминаются “купецкие старосты всех рядов” (ПЛ. Вып. 1. С. 93). Это сопоставление показывает, что “рядовичи” – это владельцы лавок в одном из “рядов” псковского торгового центра. Каждый “ряд” имеет свою организацию во главе со “старостой”. Указание летописца, что храм святой Софии построен “повелением всех рядовичь”, еще раз указывает на то, что храм св. Софии был патрональным храмом всего псковского купечества. Во главе этого купечества стоял один купеческий староста. В летописи указаны его имя и фамилия – Яков Иванович Кротов.

Комментируя это известие, Н.Н. Масленникова отметила, что Я.И. Кротов принадлежал к верхушке псковского боярства (*Масленникова*, 1955. С. 46, 47). Действительно, уже в первом летописном известии, где он упоминается под 1461 г., читаем, что на переговоры к дерптскому епископу “послаша... Якова посадника Ивановича Кротова и с ним инех бояр” (ПЛ. Вып. 1. С. 60, 61). Указание на “посадничество” может и не быть точным, так как в параллельном известии Псковской 3-й летописи слово “посадника” отсутствует (ПЛ. Вып. 2. С. 149), но принадлежность Я.И. Кротова к кругу псковских бояр очевидна. В 1463 г. Я.И. Кротов был старостой собора св. Троицы (см. запись с упоминанием “Якова Ивановича” в Евангелии, написанном в этом году для Троицкого собора – РГБ. Собр. М.П. Погодина. № 18). С 1470 г. начинается ряд сведений о деятельности Я.И. Кротова как псковского посадника (О библиографии Я.И. Кротова как посадника см.: *Кафенгауз*, 1969. С. 41). Все это позволяет говорить о Я.И. Кротове как одном из предводителей псковского боярства того времени.

Занимая пост “купецкого старосты”, Я.И. Кротов, конечно, осуществлял контроль за деятельностью псковского купечества со стороны боярства. В такой роли “купецкого старосты” во Пскове нельзя не видеть близкого сходства с той ролью, которую играл по отношению к купечеству Великого Новгорода новгородский тысяцкий. Сходство может быть прослежено и в отдельных деталях. Из летописного известия 1465 г. следует, что Я.И. Кротов как “купецкий староста” руководил работой по ремонту патронального храма псковских купцов – собора св. Софии, т.е. осуществлял определенную опеку над этим храмом. Новгородский тысяцкий также осуществлял опеку над патрональным храмом “Иванского купечества”, церковью Ивана на Опоках, как один из “иванских старост”.

В Новгороде XIV–XV вв. кроме тысяцкого в торговом суде и в опеке над храмом Ивана на Опоках участвовали двое “купецких старост”, которые выбиравались из числа “иванских купцов”. В XIII–XV вв. эти старосты участвовали в заключении договоров с Ганзейским союзом, скрепляя их своими печатями (*Янин*, 1970. С. 108, 109). С середины XV в. такая практика установилась и при заключении договоров с Ливонским Орденом (уже зимой 1445 г. из Новгорода послали “на съезд ... с местером ... и бояр, и купцов” – Новгородская Первая летопись..., 1950. С. 425; см. также текст договора с Ливонским Орденом 1448 г. – ГВНиП, 1949. № 73. С. 120). В отличие от этого псковские и новгородские источники не содержат сведений об участии псковских купцов в переговорах с Ливонским Орденом и заключении мирных соглашений с ним (единственное исключение – известие 1463 г. о посылке в Дерпт принять целование дерптского епископа Иуды “суконника”, т.е., очевидно, торговца сукном – ПЛ. Вып. 1. С. 68, 69). В пограничных съездах с немцами участвовали посадники и бояре из “концов” (ПЛ. Вып. 1. С. 57, 82; Вып. 2. С. 193). В посольствах, направлявшихся для переговоров или для принятия присяги от ливонских властей участвовали только псковские бояре (ПЛ. Вып. 1. С. 46, 60, 61, 79; Вып. 2. С. 196, 198; ПСРЛ, 1889. Т. 16. Стб. 203; ГВНиП, 1949. № 78. С. 136). При утверждении мирных соглашений во Пскове крест целовали посадники, иногда вместе с ними “судьи” и сотские (ПСРЛ, 1889. Т. 16. Стб. 204; ПЛ. Вып. 1. С. 60, 69; Вып. 2. С. 198; ГВНиП, 1949. № 78. С. 135).

В начале XVI в. положение изменилось. Во вводной части псковско-ливонского договора 1503 г. (сохранился только его немецкий текст) перечислен состав посольства, участвовавшего в его заключении, в который входили два посадника, пять псковских бояр и трое лиц, которые в немецком тексте обозна-

чены как “*olderman der koplude*”, т.е. купеческие старосты – Фома Александров, Тимофей Макарьин, Труфан Козел (ГВНИП, 1949. № 347. С. 332). Каких-либо других сведений об этих лицах не имеется. Однако стоит отметить, что у всех пяти псковских бояр указаны имя, отчество и фамилия, в то время как у двух старост указаны лишь имя и отчество, а у третьего – только прозвище. Такое оформление текста указывает на разное положение псковских бояр и старост на лестнице социальной иерархии. Это позволяет видеть в “старостах” договора 1503 г. лиц, принадлежащих к купеческой среде. В свою очередь тем самым можно заключить, что во Пскове, как и в Новгороде, у купцов имелись “старосты”, выбиравшиеся ими из своей среды и стоявшие во главе объединения псковских купцов. Привлечение этих “старост” к заключению договора с Ливонией свидетельствует об определенном повышении их статуса в псковском обществе.

Так как наряду с этими старостами в тексте не упоминается “купецкий староста” из числа псковских бояр, то на этом основании можно было бы сделать вывод, что на последнем этапе существования Псковского государства псковские купцы избавились от опеки со стороны псковского боярства. Обращение к последнему международному соглашению еще самостоятельного Пскова – к его договору с дерптским епископом, заключенному в марте 1509 г. (русский текст: Книга посольская..., 1843. № 70. С. 163; немецкий текст: Русско-ливонские акты, 1868. С. 263), показывает, что такой вывод был бы преждевременным. Перечень лиц, входивших в состав заключившего договор псковского посольства, открывается в тексте соглашения именами и фамилиями четырех посадников, а затем читается следующий текст: “да бояре псковские Иван Харитонович Пученкин, староста купецкий, а владычин наместник Василеи Игнатъевич Галкин, Алексеи Михайлович, старый дьяк городский, Яков Ермолин, староста гостебной, и городской дьяк Захарья”. В этом документе “купецкий староста” помещен сразу после посадников, назван с отчеством и фамилией и прямо причислен к участвовавшим в заключении договора псковским боярам. С полным основанием в нем можно видеть преемника Якова Ивановича Кротова, руководившего псковской купеческой организацией по решению боярского совета Пскова. Другой упоминаемый в тексте “староста”, Яков Ермолин, назван только по имени и отчеству, поставлен в перечне после не только бояр, но и “старого” городского дьяка. В нем есть все основания видеть старосту, стоящего ниже “купецкого старосты” на лестнице сословной иерархии, которого купцы выбирали из собственной среды. Характерно, что в тексте соглашения они обозначены разными терминами “староста купецкий” и “староста гостебный”. По-видимому, таким образом составитель русской версии договора хотел подчеркнуть различный, неодинаковый статус обоих “старост” в псковском обществе. В немецкой версии договора они обозначены одинаковым выражением: “*olderman der koplude*”.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что существовавшая уже в первых десятилетиях XV в. опека псковского боярства над местным купеческим объединением сохранялась до самого конца существования Псковского государства. В этом заключалось принципиальное сходство отношений боярства и купечества во Пскове с отношениями этих двух социальных групп в Новгороде XIV–XV вв., хотя конкретные способы оформления этой опеки в обоих обществах были выбраны разные.

ЛИТЕРАТУРА

- ГВНиП, 1949. М.; Л.
Кафенгауз Б.Б., 1969. Древний Псков. М.
Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, 1843. М. Т. II.
Масленникова Н.Н., 1955. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.
Никитский А.И., 1873. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.
Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Пл. М.; Л. 1941. Вып. 1; М., 1950. Вып. 2.
ПСРЛ, 1889. СПб. Т. 16.
Русско-ливонские акты / Изд. К.Э. Напьерским, 1868. СПб.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. II.

А.А. Формозов (Москва)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
Н.Г. ЛЕКЛЕРКА И П.Ш. ЛЕВЕКА
И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Имена Николая Габриеля Леклерка (1726–1796) и Пьера Шарля Левека (1736–1812) изредка упоминаются в трудах по русской историографии (хотя их нет в “Советской исторической энциклопедии”). Обычно говорится (Д.М. Шанский, В.А. Сомов), что изданная в 1783 г. шеститомная “Естественная, нравственная и политическая история Древней и Новой России”, во-первых, и выпущенная в 1782–1783 гг. пятитомная “История России” (в 1800 г. к ней добавился том, посвященный царствованию Екатерины II), во-вторых, представляют собой всего лишь компиляции, составленные по русским публикациям (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов и др.). В то же время авторы – люди эпохи Просвещения, близкие к Вольтеру и Дидро, – внесли в книги и свои оценки, с возмущением писали о деспотической системе и крепостном праве в России. Это вызвало раздраженный отклик в письме Екатерины II к Г. Гримму (“скоты глупые и грубые”) и критический разбор книги Леклерка И.Н. Болтиным. В целом это верно, но встает ряд вопросов, требующих архивных поисков, а некоторые выводы должны быть сформулированы иначе.

Леклерк после своего второго приезда в Россию и Левек за все время своего пребывания в ней были связаны с одними и теми же учреждениями – Академией художеств и Сухопутным шляхетским корпусом. Они не могли не знать, что параллельно готовят сочинения на одну и ту же тему. Левек опередил Леклерка, и тот обвинял его в плагиате. Необходимо искать документы, способные разъяснить, что подтолкнуло авторов к их работе. Это мог быть заказ французских издателей, чувствовавших интерес к России в годы ее успешных войн с Турцией и участия в двух разделах Польши. Но это мог быть и заказ официальных кругов в самой России, стремившихся к созданию положительного образа страны за рубежом. Сбор материалов для многотомных трудов не мог пройти незамеченным в Петербурге. Ссылки Леклерка на помощь, оказанную ему И.И. Бецким, историографом М.М. Щербатовым и неким Собакиным, позволяют предполагать, что работа (по крайней мере, Леклерка) велась при известном поощрении официальных кругов России, хотя исполнение заказа их разочаровало.

Нельзя говорить о книгах Левека и Леклерка как о простом пересказе трудов Татищева и Щербатова. К началу 1780-х гг. оба многотомных обзора истории России увидели свет еще не полностью. К тому же оба они не охватывают события XVII–XVIII вв., а у Татищева даже XV–XVI вв., подробно изложенные Леклерком и Левеком. Очевидно, имели место и их самостоятельная работа с материалами, и помощь русских информаторов. Хотя на французском языке к концу XVIII в. вышел уже ряд книг по истории России, Левек и Леклерк привлекли много неизвестных для Запада фактов и источников. Так, в 1762 г. Ж. Лякомб в “Сокращенной летописи Севера” писал о России как о единственной стране, где не составляли исторические хроники. Результаты изучения летописей Татищевым и Щербатовым были учтены Леклерком и Левеком и вве-

дены в оборот западноевропейской науки раньше, чем А.Л. Шлецер опубликовал свои труды по летописанию (1802–1809).

Имело место и влияние западной историографии на русскую. М.Б. Свердлов писал в 1996 г., что вопрос о феодализме на Руси поставлен впервые И.Н. Болтиным. В действительности этот вопрос был поднят Леклерком, что и вызвало отклик Болтина. Говорил о феодализме на Руси и Левек. Накануне Французской революции, когда публицисты эпохи Просвещения атаковали “Старый порядок”, проблема феодализма во Франции была крайне актуальна, а в России еще не осмыслена. Книги Леклерка и Левека (I том его “Истории” издали порусски в 1787 г.) были хорошо известны русским читателям. Левека широко цитировал декабрист М.А. Фонвизин. Надо выявить и другие отголоски.

Особая тема – Пушкин и Левек. “Том Левека” упомянут в черновиках “Евгения Онегина”. Важнее другое. В Царскосельском лицее И.К. Кайданов преподавал русскую историю “по Левеку”. Поэма “Руслан и Людмила” начата еще в лицее. И хотя в ней заметно воздействие вышедшей в 1818 г. “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина (Рогдай, Фарлаф, волшебник Финн), можно уловить и представления о Древней Руси, пришедшие к Пушкину от Левека (набег печенегов).

Б.Н. Харлашов (Псков)

ПОГОСТЫ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ И ПРОЦЕСС СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Псковские погосты известны по источникам XIV – XVII вв. как поселения – центры сельских округ, называемых губами. Их размещение по территории отражает изменения в структуре сельского расселения в Псковской земле в первой половине – середине II тыс. н.э.

Одним из факторов, оказывавших большое влияние на структуру расселения, является природный. Зависимость расселения от физико-географических условий неоднократно отмечалась исследователями (*Седов*, 1960; 1995. С. 210; *Долуханов*, 1989. С. 86–89; *Юшко*, 1991. С. 5–10; *Дворников*, 1998. С. 78–83 и др.). Территория, на которой сформировалась Псковская земля, охватывает бассейн р. Великой со всеми крупнейшими ее притоками в среднем и нижнем течении, а также побережье Псковского озера, восточное побережье Чудского озера и правобережье р. Нарвы до устья р. Плюсы. Естественными границами тяготеющей к Пскову территории на западе являются возвышенности Ханья и Латгальская, а также соединяющий их водораздел, с которого берут начало западные притоки р. Великой. С юга и юго-востока границы Псковской земли доходили до Себежского поозерья и Бежаницкой возвышенности, на востоке – до Судомской возвышенности. На северо-востоке Псковскую и Новгородскую земли разграничивал водораздел между бассейнами р. Великой и Шелони, Лужская возвышенность, водораздел между Чудским озером и р. Плюсой. Преобладающий тип рельефа – плоские и волнистые озерно-ледниковые, а также плоские слабовыпуклые болотистые равнины. В районах Изборска, Гдова, к северу от Пскова, на западных оконечностях Лужской, Судомской и Бежаницкой возвышенностей распространены плоские и пологоволнистые моренные равнины и холмисто-моренный рельеф. Юго-восточнее Пскова, а также между Псковом и Изборском довольно большие пространства заняты озерно-аллювиальными равнинами. В восточных районах описываемой территории и южнее Изборска представлен холмисто-котловинный камовый рельеф (*Атлас...*, 1969. С. 3–7).

В районе Псковского и Чудского озер большинство погостов находятся на их берегах либо на берегах впадающих в озера небольших речек и ручьев. На структуру расселения большое влияние здесь оказали болотистые равнины, охватывающие пространства вдоль восточного и западного побережий Псковского озера. Это привело к концентрации населения вдоль береговой кромки, где и возникли наиболее ранние погосты. Существенную роль в хозяйстве населения этих районов играло рыболовство, как это видно из писцовых книг XVI в. и прослеживается по более поздним источникам вплоть до современности (*Волкова*, 1990). Погосты бассейна р. Великой также тяготеют к берегам естественных водоемов. Особенностью топографии поселений в этом районе является размещение их на высоких сухих речных террасах, по берегам рек с разработанными долинами. Крупнейшей из них является р. Великая.

Размеры рек и озер не оказывали существенного влияния на расселение. Например, обширные заболоченные пространства вдоль таких крупных притоков

р. Великой, как Утроя, Синяя, Исса, долгое время не осваивались, в то время как в низовьях р. Великой сухие участки вдоль небольших ручейков обживались уже в начальный период расселения. Особенности рельефа повлияли на возникновение различных вариантов расположения погостов. На озерно-ледниковых равнинах в древнерусское время были широко распространены поселения, вытянутые вдоль берегов ручьев, рек, озер. Примерами могут служить Каменный Конец, Ремда, Пониковичи, Колбежицы, Выбуты. В условиях моренно-холмистого рельефа предпочтение в выборе места поселения отдавалось невысоким пологим холмам (Пруды, Руски, Наволок, Навережье, Кунево, Крекшино).

Периодизация возникновения погостов в целом соответствует этапам развития других сельских поселений. С.В. Белецким, проводившим сплошное археологическое обследование микрорайонов вблизи Пскова, Воронича и Велья, отмечено, что памятники XII–XIII вв. не находят продолжения в более позднее время. Вместе с тем поселения, возникшие в XIV–XV вв., продолжали развиваться в XVI–XVIII вв. и в более позднее время (*Белецкий, Лесман и др.*, 1985. С. 91). Аналогичное явление имело место в округе Изборска (*Харлашов*, 1986. С. 70, 75).

Процесс отмирания старых поселений и возникновения новых зафиксирован в разных регионах. В странах Западной и Центральной Европы это явление, связанное с внутренней колонизацией, имело место в XII–XIII вв. (История крестьянства в Европе, 1989. С. 49; *Риер*, 1989. С. 286). На территории Руси новая структура расселения стала развиваться с некоторым запозданием. В округе Москвы поселения домонгольского времени приходят в запустение в XIII в., а новые сменяют их в основном в XIV столетии (*Чернов*, 1983. С. 15). В Смоленской земле новая группа поселений возникает в XIV–XV вв. (*Седов*, 1960. С. 16). В XIV–XV вв. исчезают древнерусские поселения в Могилевском Поднепровье, постепенно сменяясь новыми (*Риер*, 1982. С. 139).

Объективным фактором, повлиявшим на сельское расселение, явилось изменение климатических условий. В Западной Европе с XII в. отмечается повышение уровня грунтовых вод, вызванное увлажнением климата. В связи с заболачиванием низменных мест начался массовый перенос поселений на более высокие места (*Грингмут-Дальмер*, 1975. С. 82). В XIII в. увлажнение и похолодание климата наступило в Восточной Европе (История крестьянства в СССР, 1990. С. 16), конечно, затронув территорию Псковской земли, где также заметны изменения в структуре сельского расселения.

Для размещения земледельческого населения большое значение имело качество земли (История крестьянства в Европе, 1985. С. 26). Пригодность почвы для земледелия в большой степени определяется ее механическим составом. Пестрота почв на территории Псковской земли затрудняет суждение о зависимости расселения от определенных ее типов. Необходимо учитывать, что на объективности выводов может также сказаться и изменение в результате деятельности человека видового состава и географии растительного мира (*Жекулин*, 1974. С. 31; История крестьянства в Европе, 1989. С. 21). Освобожденные от растительности под пашню пространства подвержены эрозии, оказывающей влияние на качество почв (*Королев*, 1982. С. 20; *Роде*, 1984. С. 91). Тем не менее исследования, проведенные на Русском Севере, показали, что оценки земли, данные писцами XVII в., соответствуют современным сведениям о качестве почв (*Копанев*, 1984. С. 121, 122).

Современные данные о распространении почв показывают, что в засадах Псковского уезда и на значительном участке побережья Чудского озера преоб-

ладают дерново-подзолистые средне- и легкосуглинистые супесчаные валунные почвы. В междуречье Черехи и Великой, а также в бассейнах левых притоков р. Великой распространены дерново-карбонатные выщелоченные почвы (Атлас.... 1969. С. 16). Дерново-подзолистые почвы характеризуются высокой биологической активностью и дают хорошие результаты при возделывании (Королев, 1982. С. 16). То же касается и дерново-карбонатных оподзоленных почв (Жекулин, 1974. С. 20; Копанев, 1984. С. 121).

В Бельской, Завелицкой и Прудской засадах, а также в Островском и Изборском уездах писцами 80-х годов XVI в. было записано наибольшее количество “доброй” земли (Масленникова, 1978. С. 90). По-видимому, это послужило основной причиной их земледельческого освоения к XIV в., что прослеживается и по размещению на данной территории большинства погостов XI–XIV вв. В южной части Псковской земли (южнее Острова) большое пространство занимают дерново-подзолистые почвы, но на глинистых и тяжелосуглинистых ленточных глинах (Атлас..., 1969. С. 16). Представляется, что с этим обстоятельством связано более медленное хозяйственное освоение Вышгородского, Краснородского, Вельевского, большей части Опочецкого и Вороничского уездов. Для освоения этих районов требовалась новая технология сельскохозяйственного производства.

К середине II тыс. н.э. происходит повсеместное распространение трехпольного севооборота (Горский, 1963. С. 75; Шапиро, 1971. С. 50), внедряется в практику навозное удобрение полей (Шапиро, 1971. С. 58; Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980. С. 29) и, следовательно, появляется возможность освоения малопродуктивных земель. Внедрение новых методов землепользования, наряду с сохранением старых систем (Пьянков, 1961. С. 101; Этнография народов СССР. С. 79), привело к широкому освоению незаселенных ранее земель, что и прослеживается по возникновению в XV–XVI вв. погостов в южных уездах Псковской земли.

Система погостов развивалась в соответствии с динамикой сельского расселения, обусловленной перечисленными факторами. Земледельческая колонизация новых районов приводила к появлению новых центров сельских округ (Рыбаков, 1982. С. 528; Платонова, 1984. С. 178–197; Спиридонов, 1989. С. 17). Будучи административными и культовыми центрами сельских общин, погосты отличаются большей стабильностью развития. Небольшие археологические раскопки, проведенные на селищах на местах погостов, показали, что эти поселения не имели существенных перерывов в своем функционировании. К одним из наиболее древних относятся Выбуты и Колбежицы, стабильно развивавшиеся начиная со второй половины I тыс. н.э. Большая группа погостов, возникших в XI–XIV вв. в бассейне Псковского и Чудского озер и низовьях р. Великой, существовала вплоть до новейшего времени.

Нетрудно заметить, что число погостов находится в прямой зависимости от количества проживающего населения, а следовательно, от степени хозяйственного освоения земель. Одним из районов, где известно наибольшее число погостов, была округа Пскова. Ближайшие к городу погосты удалены от него всего на 8–15 км (Камно, Устье, Кривовицы, Торошино, Выбуты, Стремут, Руха). Интенсивное археологическое обследование территории, прилегающей к Пскову и к устью р. Великой, показало высокую концентрацию поселений, основная часть которых датируется XV–XVII вв. (Белецкий, Фролов, 1985. С. 74, 81). Для размещения различных по размеру поселений были использованы практически все удобные площадки по берегам рек Великой и Псковы (Александров, Харла-

шов, 1992. С. 11–15). Расстояние между соседними селищами, как правило, не превышает 1,5 км. Плотность поселений на 1 кв. км составляет 1,3 ед. В долине р. Псковы этот показатель возрастает до 3. Высокая концентрация селищ отмечена вблизи Велья (до 2 поселений на 1 кв. км) и Воронича (Белецкий, 1981; Белецкий, Раев, Фролов, 1982). Вблизи этих городов погосты как сельские поселения не известны. Административные функции здесь выполняли сами пригороды, в которых находились также приходские храмы ближайших пяти губ. Кроме Воронича и Велья по несколько губ относились к Опочке, Вреву и Выбору, однако слабая археологическая изученность округ этих городов пока не позволяет сделать выводы о численности проживавшего там населения.

В целом же археологические материалы соответствуют заключению, сделанному А.Я. Дегтяревым, о высокой плотности населения в Псковской земле, по сравнению с соседними территориями. По подсчетам исследователя, среднее расстояние между поселениями составляло около 1,4 км (Дегтярев, 1980. С. 89). Это же обстоятельство, по-видимому, может служить одним из объяснений небольших размеров очень многих псковских губ, особенно расположенных вблизи городов, по сравнению с новгородскими погостами-округами.

Псковские погосты-поселения возникали в наиболее обжитых и плотно заселенных микрорайонах и таким образом являются своеобразными маркерами внутренней земледельческой колонизации.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А.А., Харлашов Б.Н., 1992. Археологические памятники на территории современного Пскова (за пределами стены 1465 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Атлас Псковской области. М., 1969.

Белецкий С.В., 1981. Отчет о полевых работах в г. Пскове и Псковской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9846.

Белецкий С.В., Лесман Ю.М., Станюкович А.К., Фролов В.П., Шишкин К.В., 1985. Сельское расселение на северо-западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.

Белецкий С.В., Раев Б.А., Фролов В.П., 1982. Отчет о раскопках в Пскове и разведках // Архив ИА РАН. Р-1. № 9652.

Белецкий С.В., Фролов В.П., 1985. Средневековые сельские поселения в нижнем течении р. Великой // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.

Буганов В.И., Преображенский А.В., Тихонов Ю.А., 1980. Эволюция феодализма в России. М.

Волкова М.П., 1990. Рыболовство – основной промысел жителей Обозерья начала XX в. // Земля Псковская древняя и современная: Тез. докл. научно-практической конференции. Псков.

Горский А.Д., 1963. Некоторые аспекты изучения землевладения в Древней Руси (IX–XV вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига.

Гринмут-Дальмер Э., 1975. Развитие культурного ландшафта в западно-славянских областях: проблемы, методы, результаты исследования // СА. № 2.

Дегтярев А.Я., 1980. Русская деревня в XV–XVII вв.: Очерки сельского расселения. Л.

Дворников А.С., 1998. Бежецкий верх: взаимодействие экосистемы “Человек – окружающая среда” в эпоху средневековья // Труды международного конгресса славянской археологии. М. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян.

Долуханов П.М., 1989. Палеоландшафты и древнее заселение территории северо-запада Европейской части СССР // Палеогеография озерных и морских бассейнов Северо-Запада СССР в плейстоцене. Л.

Жекулин В.С., 1974. Историческая география ландшафтов (по материалам Новгородского края): Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Л.

- История крестьянства в Европе, 1989. М. Т. 1: Эпоха феодализма.
- История крестьянства в СССР. 1990. М. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма.
- Копанев А.И.*, 1984. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.
- Королев А.В.*, 1982. Особенности земледелия на Северо-Западе нечерноземной зоны. Л.
- Масленникова Н.Н.*, 1978. Псковская земля // Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Л.
- Платонова Н.И.*, 1984. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.
- Пьянков А.П.*, 1961. Сельская община Северо-Восточной Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига.
- Риер Я.Г.*, 1982. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X–XIV вв. // Древности Белоруссии и Литвы. Минск.
- Риер Я.Г.*, 1989. Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике "Archaeologia historica". Vrnо; Nitra, 1985. № 10. 524 S. // СА. № 1.
- Роде А.А.*, 1984. Генезис почв и современные процессы почвообразования. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Седов В.В.*, 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М.
- Седов В.В.*, 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Спиридонов А.М.*, 1989. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // КСИА. Вып. 198.
- Харлашов Б.Н.*, 1986. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. Вып. 183.
- Чернов С.З.*, 1983. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Шапиро А.Л.*, 1971. Шелонская пятина: Старорусский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XV–XVI вв. Л.
- Этнография народов СССР. М., 1971.
- Юшко А.А.*, 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

В.Л. Янин (Москва)

НОВГОРОД И ВЕНЕЦИЯ

(об изображении на новгородских монетах)

С 1420 г., когда в Новгороде началась чеканка собственных серебряных монет, и вплоть до конца новгородской независимости тип новгородских денег оставался неизменным. На одной стороне они содержали надпись ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА, а на другой изображение двух фигур: левая, снабженная атрибутами власти или достоинства, стоит или сидит на престоле; правая, лишенная каких-либо атрибутов и даже, по-видимому, одежды, противостоит ей в коленопреклоненной позе. Между этими фигурами иногда помещен крест, звездочка или геральдическая лилия, но чаще всего – небольшая миндалевидная фигура или ряд точек, расположенных вертикально (рис. 1). Наиболее основательная публикация таких монет была предпринята в 1884 г. знаменитым нумизматом графом И.И. Толстым, который оба преимущественных изображения (миндалевидную фигуру и ряд точек) положил в одну из основ классификации более чем изобильного материала (*Толстой*, 1884). Следует особо отметить неизменность типа новгородских денег. Тогда как монетный чекан любого другого русского центра XV в. демонстрирует бесконечное разнообразие сюжетов, стабильность описанной композиции на новгородских монетах позволяет догадываться о ее символическом характере, превращая ее в некую эмблему Новгорода заключительной эпохи его государственной самостоятельности.

Литература, посвященная попыткам истолкования изображения на новгородских монетах, обширна и разноречива. Несомненным для всех исследователей являлось только неравенство участников композиции, подчеркнутое коленопреклонением правой фигуры, о которой принято писать, что она “стоит в просительной позе”. Она к тому же простирает руки к левой фигуре, снабженной инсигниями власти. Подробный разбор исследовательских мнений толкователей монетной композиции был предпринят А.В. Арциховским, в 1948 г. опубликовавшим статью “Изображение на новгородских монетах” (*Арциховский*, 1948. С. 99–106).

Главное внимание, естественно, всегда привлекала левая фигура. Ее атрибуты (трон, корона), разумеется, более красноречивы, чем обнаженная правая

Рис. 1. Деньги Великого Новгорода (увелич. 2 : 1)

фигура. Не останавливаясь на ранних (до появления капитального труда И.И. Толстого) случайных толкованиях, отмечу сразу версию этого выдающегося исследователя, который был убежден, что на новгородских монетах “было вычеканено изображение московского великого князя со стоящим перед ним в просительной позе человеком. Человек этот неизменно представлен без всяких признаков одежды, очевидно голым; это сделано, без сомнения, с умыслом – чтобы указать на несравненно низшее положение этого лица по отношению к другому; на некоторых штемпелях голый проситель держит какой-то предмет в руках (...) на других он протягивает руки по направлению к великому князю снизу вверх – жест, означающий, по-видимому, просьбу. В этом изображении бросается в глаза его аллегоричность, так как без натяжки можно предположить, что нагой фигурой олицетворяется сам вольный Новгород с волостью, признающий свою зависимость от великого князя” (Толстой, 1884. С. 20, 21). Предмет, помещенный между фигурами, И.И. Толстой трактовал как некий “дар” великому князю.

Версия И.И. Толстого вызвала справедливое возражение самого первого рецензента его труда – П. Петрова: “Мы (...) можем признавать, что сами новгородки явились в смысле местных денег, которые должны были приниматься (...) для взноса всякого рода податей, а при таком значении самого монетного знака, что же всего естественнее было изображать на них, как не правителя и вносителя подати, вручающего ее в виде монеты?” Под правителем, однако, П. Петров никак не подразумевал великого князя, видя в рассматриваемой композиции “намерение изобразить простого человека плательщика в противоположность сидящему на престоле князю, облаченному в плащ, с короною на голове. Эта коронованная глава в XV веке никак не может быть принимаема за Русского князя уже по самой форме головного убора, который тогда князьями нашими не был употребляем в этом виде” (Петров, 1885; эта рецензия, к сожалению, оказалась вне внимания А.В. Арциховского в его ценном обзоре). Вопреки неясности общего вывода П. Петрова, очевидно, что под левой фигурой он понимал некоего правителя Новгорода, но не князя (посадника?).

Его наблюдение было подхвачено Д.Н. Чудовским, который, не придавая значения форме головного убора, трактовал левую фигуру как изображение новгородского (не великого) князя: “...находящаяся на лицевой стороне новгородок фигура в короне, с мечом и в длинном платье не может быть великий князь Московский (...) Мы твердо убеждены, что на новгородках изображен князь Новгородский и что голая перед ним фигура действительно изображает аллегорическую фигуру Великого Новгорода, но не в позе униженной, просительской, а в позе вежливо-наклонившейся, приглашающей князя на Новгородское княжение и вручающей ему для сего что-то...” (Чудовский, 1887. С. 45). В этом сюжете Д.Н. Чудовский, вслед за Н.И. Костомаровым, усмотрел символическое изображение Новгорода, подающего князю договорную грамоту, и считал, что на своих монетах “новгородцы изображали дорогое по памяти для них право свободного выбора себе князя” (Чудовский, 1887. С. 52). Эта красивая гипотеза никак не может быть поддержана, так как в условиях XV в. новгородский князь был принципиально тождествен московскому великому князю, несмотря на периодически возникавшие размирия между ним и Новгородом.

Замечание П. Петрова, касающееся головного убора левой фигуры, остается руководящим для ее понимания. А.В. Арциховский на основании совокупного анализа разнообразных изобразительных материалов (и прежде всего многих тысяч средневековых русских миниатюр) убедительно доказал, что корона на

Руси была атрибутом царского убора и была усвоена как инсигния главы Русского государства только после венчания на царство Ивана Грозного в 1547 г., а до этого времени, в соответствии с иконографической традицией, венчала головы библейских царей, византийских императоров и ордынских ханов. Коль скоро подобные изображения не имели отношения к сюжету новгородских монет, А.В. Арциховский с заслуженным энтузиазмом присоединился к мнению П.Л. Гусева, предположившего, что левая фигура интересующей нас композиции соответствует небесной патронессе Новгорода – св. Софии Премудрости Божией (Гусев, 1911. С. 105–113). И не просто присоединился, но и окончательно обосновал эту атрибуцию. Если П.Л. Гусевым было произведено лишь беглое сопоставление зубчатого венца, жезла и одеяния левой фигуры с иконными атрибутами Новгородской Софии, то А.В. Арциховский последовательно сопоставил все детали сравниваемых изображений и с помощью Н.Д. Мец, систематизировавшей в Государственном Историческом музее обширную коллекцию серебряных новгородок, обнаружил на ряде штампелей контуры крыльев над тронем сидящей фигуры, что окончательно разрешило проблему: в короне и с крыльями, с жезлом и в далматике (длинном, широком, обрамленном широкими полосами облачении, расширенном внизу) изображалась именно св. София (Арциховский, 1948. С. 101, 102).

Кого же изображала правая фигура? Сначала познакомимся с мнением А.В. Арциховского: “Кто склоняется перед Софией? Видеть здесь олицетворение Новгорода трудно, такая отвлеченность для древней Руси маловероятна. Ни посадником, ни тысяцким, ни владыкой, ни князем эта фигурка не может быть – все эти лица изображались с теми или иными атрибутами власти. Остается предположить денежного мастера, и это подтверждается обликом подносимого Софии дара. Дар, состоящий из нескольких точек, естественнее всего считать изображением монет. Овал тоже можно признать монетой (масштаб в таком схематическом рисунке нарушался почти неизбежно), ведь форма новгородок обычно овальная” (Арциховский, 1948. С. 106).

Согласиться с изложенным предположением весьма трудно. Вереница точек между фигурами никак не вызывает зрительного образа какого-то количества монет. Точки расположены вертикально, напоминая некую условно переданную ленту. Овальная (вернее – подчеркнуто миндалевидная) фигура не только во много раз превосходит желаемое изображение монеты, но очень часто снабжена точкой в центре, не находящей объяснения при трактовке этой фигуры как монеты. Существует еще один важный вопрос, который практически не был поставлен в наличной литературе: действительно ли коленопреклоненная фигура вручает св. Софии “дар”? Может быть, она, наоборот, принимает нечто от св. Софии?

Постановка этого вопроса подсказана тем же А.В. Арциховским. “Композиция новгородок, – писал он, – напоминает композицию венецианских монет, где перед святым Марком склоняется дож. Никакого подражания, конечно, не было, оба рисунка порождены общеевропейской средневековой религиозно-политической идеологией” (Арциховский, 1948. С. 106). Мне представляется, что Артемий Владимирович был готов развить предложенное им сопоставление, и не исключено, что оно подсказало бы ему иное решение проблемы и иное истолкование изучаемой композиции, если бы не эпоха, в которую была опубликована его замечательная статья. 1948 год – мрачная година борьбы с космополитизмом и “чуждыми иноземными влияниями”, памятная мне, тогдашнему студенту, проработочными “дискуссиями” и реальными расправами с “инакомыслящими”.

Рис. 2. Монета Венеции (увелич. 2 : 1)

Что же изображено на венецианских монетах и печатях XIII–XVIII вв.? Им свойствен столь же традиционный, как и в Новгороде, но еще более долговечный сюжет: св. Марк, небесный патрон Венеции, вручает коленопреклоненному дожу символы власти со словами, чеканенными вокруг этой композиции: *SIT TIBI DATUS ISTE DUCATUS*, т.е. “Да будет тебе дано это правление” (рис. 2). Исключительное композиционное сходство изображений на венецианских и новгородских монетах заставляет заново подойти к проблематике сюжета, помещенного на новгородских деньгах. Если раньше исследователи видели в правой фигуре изображение человека, вручающего “дар”, то венецианская аналогия заставляет предположить, что он, наоборот, принимает “дар”. Что же это за “дар”? На подавляющем большинстве новгородских монет предмет, переходящий из рук св. Софии в руки коленопреклоненного человека, имеет, как уже говорилось, миндалевидную форму, а во многих случаях в центре его помещена еще выпуклая точка. Эти особенности предмета заставляют предполагать в нем схематическое изображение щита, показанного во многих случаях с умбомом. Св. София вручает стоящему перед ней человеку щит, т.е. символ защиты, символ оберегания, символ власти. Следует заметить, что изображение щита угадывали в этой композиции многие исследователи, в том числе И.И. Толстой и его первые оппоненты.

Становится понятным и изображенная между св. Софией и коленопреклоненным человеком вертикальная линия точек. Думаю, что так изображен еще один символ власти – пояс, который был не только частью доспеха, но и почитался как знак воинского достоинства (*Срезневский*, 1989. Стб. 1340).

Если приведенные наблюдения справедливы, композицию новгородских серебряных монет возможно понимать как изображение св. Софии, вручающей главе боярского Новгорода, посаднику, символы власти. Само это изображение оказывается сознательно использованной репликой традиционного сюжета венецианских монет, где св. Марк вручает символы власти главе патрицианской Венеции дожу.

Существует ли историческая основа такого заимствования? Ведь мы привыкли наблюдать разницу в экономическом и политическом строе этих территориально неблизких государств, хотя оба эти государства были средневековыми республиками. В прежнее время, когда, вслед за В.О. Ключевским, исследователи видели экономическую основу Новгорода в торговле, а новгородское боярство почитали некой корпорацией богатейших купцов, близость экономичес-

ких основ Новгорода и Венеции казалась в какой-то степени наглядной: ведь и венецианских патрициев было принято считать сословием крупных купцов, разбогатевших левантийской торговлей. Затем было выяснено (в том числе и трудами А.В. Арциховского), что в основе процветания новгородского боярства лежит не торговля, а крупнейшее землевладение. А уже в послевоенное время в итальянской историографии утвердилось хорошо обоснованное представление о том, что главной основой процветания венецианского патрициата была не только и не столько торговля, сколько владение крупнейшими латифундиями на левантийском востоке. Хорошо помню реферативный доклад на эту тему, сделанный на Историческом факультете МГУ В.В. Самаркиным. Историография сначала сделала неверный шаг, противопоставив эти две государственные структуры, а затем, снова шагнув, сблизил их.

Такого сближения явно недостаточно для заимствования символов и эмблем. Существует однако более важная основа близости – политическая. Известно, что демократическая государственность обретает сходные формы вне зависимости от местонахождения государства. Но здесь очень важны хронологические совпадения.

После восстания Степанки 1418 г. в Новгороде была предпринята реформа власти, в результате которой нормы кончанского представительства в главном органе государственного управления – посадничестве – были резко расширены. Вместо шести с этого момента стали избирать 24 посадников. Начался необратимый процесс дальнейшего расширения посадничества, в результате которого представители практически всех боярских семей Новгорода получили возможность быть носителями государственной власти. Из их числа глава боярской республики – степенный посадник – стал избираться не один раз в год, а один раз в полгода. Разросшийся корпус посадников и тысяцких (в число которых избирались только бояре) образовал некое подобие Большого совета, противостоящего общегородскому вечу. На место вечевого строя пришла боярская олигархия (Янин, 1962).

Возникновение олигархического органа максимально сблизило структуру новгородской государственности со структурой государственности венецианской, в которой “высшим органом власти был Большой совет, в который входили представители всех знатных семейств республики, внесенных в особую книгу” (Брагина, Карпов, 1997. С. 438). Надо полагать, что именно осознание этой близости и привело к заимствованию в Новгороде старинной венецианской эмблемы. Это был не первый пример ее заимствования: венецианская монета уже послужила образцом для ряда монетных типов в других регионах Италии, а также в Византии и Сербии. Могли ли в Новгороде 1420 г. быть знакомыми с государственными порядками Венеции? Само заимствование эмблемы в обстановке кардинальной реформы говорит о том, что эти порядки в Новгороде были известны. Имя Венеции в Новгороде не было пустым звуком: о “Маркове острове Венедик” упоминается под 1204 г. уже в Синодальном списке Новгородской Первой летописи (Новгородская Первая летопись..., 1950. С. 49, 245). Материальным подтверждением знакомства новгородцев с Венецией являются и некоторые находки из раскопок в Новгороде. Одним из значительных предметов прикладного искусства является камея XIII в. итальянской работы с изображением Мадонны (Рындина, 1968. С. 209–216). Кроме того, на богатых боярских усадьбах неоднократно встречаются фрагменты сосудов венецианского стекла (Шапова, 1989. С. 82–88).

Предложив эту статью в сборник, посвященный юбилею Валентина Васильевича Седова, я как бы окунулся в свои студенческие годы, прожитые на одном курсе и в одной – Новгородской – экспедиции с ним. 1948 год памятен мне и по некоторым обстоятельствам, связанным с темой этой статьи. Оттиск статьи А.В. Арциховского об изображении на новгородских монетах с автографом автора был первым его трудом, полученным от него в подарок. Несогласие с трактовкой правой фигуры этого изображения стало предметом первой моей дискуссии с Учителем, увенчавшейся одобрением с его стороны. В том же году приехавший летом в Новгород Виктор Никитич Лазарев рассказал мне о том, что небо Новгорода невероятно похоже на небо Венеции, причина чему – обилие воды в венецианской лагуне и в Ильмене с Волховом. Именно тогда Венеция прочно вошла в число привлекательных для меня научных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В.*, 1948. Изображение на новгородских монетах // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. Т. V, № 1.
- Брагина Л.М., Карпов С.П.*, 1997. Италия в XIII–XV вв. // История средних веков. М. Т. 2.
- Гусев П.Л.*, 1911. Символы власти в Великом Новгороде. 1. Святая София // Вестник археологии и истории. СПб. Вып. 21.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
- Петров П.*, 1885. Деньги Великого Новгорода // ЖМНП. 1885. С. 232–238.
- Рындина А.В.*, 1968. Итальянская камея XIII в. с изображением Богоматери Одигитрии из Новгорода // СА. № 4.
- Срезневский И.И.*, 1989. Словарь древнерусского языка. М. Т. 2, ч. 2.
- Толстой И.И.*, 1884. Русская допетровская нумизматика. СПб., 1884. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода.
- Чудовский Д.Н.*, 1887. “Новгородки”: Критический разбор первых двух выпусков Русской допетровской нумизматики гр. Ив.Ив. Толстого. Киев.
- Шапова Ю.Л.*, 1989. Новый взгляд на две новгородские находки (Венецианское стекло в Новгороде) // История и культура древнерусского города. М.
- Янин В.Л.*, 1962. Новгородские посадники. М.

КУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

А.А. Егорейченко (Минск, Беларусь)

ОБ АРЕАЛЕ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Одной из ярких культур эпохи поздней бронзы и железного века лесной полосы Восточной Европы была культура штрихованной керамики. Ее ареал впервые наметил еще в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. А.Н. Лявданский (*Ляўданскі*, 1930. С. 336; 1932. С. 216, 217). Окончательное выделение культуры и ее характеристика принадлежит А.Г. Митрофанову, который занимался исследованием ее памятников свыше 30 лет (*Митрофанов*, 1955; 1978). Как предполагал этот исследователь, культура штрихованной керамики существовала длительное время, пройдя в своем развитии ряд этапов (*Митрофанов*, 1978. С. 9–28; 1980. С. 102, 103). Близких позиций придерживаются и другие авторы, занимавшиеся ее изучением (*Третьяков*, 1966. С. 176; *Седов*, 1970. С. 18–25; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1986. Р. 46, 47; *Васкс*, 1991. С. 123; *Luchtanas*, 1992. Р. 84; *Grigalavičienė*, 1995. Р. 237–239; *Медведев*, 1996. С. 47–50 и др.). Аналогичную точку зрения до недавнего времени разделял и автор (*Егорейченко*, 1997. С. 73–77; *Егарэйчанка*, 1999. С. 156). Однако различия между ранними (конец II–I тыс. до н.э.) и поздними (первые века н.э.) памятниками этой общности настолько велики, что заставляют поставить вопрос о правомерности объединения их носителей в единую общность. В чем суть этих принципиальных расхождений?

Для ранних поселений характерно доминирование костяных и каменных изделий. Железного инструментария и оружия их обитатели не знали. На поздних городищах, наоборот, железные изделия являются господствующими. Практически повсеместно встречаются остатки железоделательного производства в виде кусков шлаков и печей (Кащеличи, Кимия, Лабенщина, Оздятичи, Свидно и др.). Все это вместе взятое, равно как и металлографический анализ ведущих орудий труда (серпов, ножей, кельтов), свидетельствует о развитой черной металлургии и металлообработке (*Егорейченко*, 1996а. С. 55–57). Кость и камень практически полностью потеряли свое значение в качестве сырья и используются в основном для изготовления рукоятей, амулетов, точильных брусков, зернотерок. Таким образом, наличие принадлежности ранних памятников к эпохе бронзы, поздних – к железному веку. Тем не менее, только этого аргумента явно недостаточно, чтобы убедительно декларировать деление культуры штрихованной керамики на две самостоятельные. Смена сырьевых ресурсов и наступивший за ней существенный прогресс могли быть индикаторами нового этапа в развитии одной и той же общности, как это предполагают перечисленные выше исследователи.

Не менее вескими аргументами, свидетельствующими именно о двух самостоятельных культурах штрихованной керамики, ранней и поздней, являются следующие. Практически одновременно с распространением железных изделий происходит смена керамических форм. На классических памятниках культуры поздней штрихованной керамики (КПШК) нет слабопрофилированных и баночных сосудов, которые составляли основу кухонного набора носителей культуры ранней штрихованной керамики (КРШК). На городищах конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. повсеместное распространение получили горшки ребристых форм. На городищах предшествующего времени они составляют незначительный процент. Кардинально меняются приемы штриховки и декорации сосудов. Для слабопрофилированных и баночных горшков характерна беспорядочная штриховка тулова, начиная от края венчика и до днища. На ребристых горшках штрихи, как правило, имеют вертикальную, реже диагональную направленность. Наносили их обычно от ребра до днища, оставляя венчик гладким. Для посуды КРШК характерна бедность орнаментации. Обычно – это ямочные вдавления на венчике (Grigalavičienė, 1986. Pav. 29; 3; 30; 1; *Егарэйчанка*, 1999. Мал. 41, 1–4, 9, 11, 12, 14). У ребристых горшков приемы нанесения декора значительно разнообразнее. Доминирующее положение занимают разнообразные пальцевые защипы, нанесенные на ребре, и ямочные вдавления. В меньшей степени распространены нарезные линии, ногтевые вдавления, отпечатки штампа и др. (Danilaitė, 1968. Pav. 1; *Егарэйчанка*, 1999. Мал. 42).

Существенные отличия наблюдаются в структуре хозяйственной деятельности. У носителей КРШК приоритетный характер имело животноводство при сохранении важной роли охоты и рыбной ловли (Лухтан, 1986. С. 8, 9). О земледелии могут свидетельствовать только находки зернотерок и пестов. Орудия уборки урожая в этой культуре не известны. Совершенно иная картина наблюдается при анализе городищ рубежа – начала н.э. Бесспорно, в это время земледелие выходит на первый план. На всех без исключения исследованных поселениях обнаружены железные серпы и жатвенные ножи. К примеру, на 800 кв. м изученной площади городища Ивань найдено свыше 40 единиц этих орудий. Сходную статистику дают материалы городищ Лабенщина и Малышки.

Не менее важно подчеркнуть, что на памятниках КРШК практически не известны глиняные пряслица, в то время как на укрепленных поселениях КПШК они составляют вторую по численности группу находок после обломков посуды. В качестве примера можно привести городище Ивань, где найдено свыше 800 пряслиц. Конечно, это не означает, что носители КРШК не знали прядения. По-видимому, материалом для изготовления пряслиц служило дерево, которое в культурном слое не сохраняется. Подтверждением тому может служить обугленная находка пряслица из городища Тарилово.

В КРШК значительную группу находок составляют предметы вооружения. Среди них доминируют костяные наконечники стрел самых разнообразных форм (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. Pav. 33–35; 36, 2; *Егарэйчанка*, 1999. Мал. 44, 1–11, 14–19). Вторую по численности группу составляют наконечники копий и дротиков, также изготовленные из кости. У племен КПШК оружие дальнего боя не известно вовсе. Здесь отмечены исключительно железные наконечники копий и дротиков, сходные с зарубинецкими образцами оружия ближнего боя (Митрофанов 1978. Рис. 20, 1; 22, 2; *Егарэйчанка*, 1999. Мал. 48, 6–9).

Нетрудно выделить ряд отличий в топографии поселений этих культур, фортификационном деле, домостроительстве (*Егарэйчанка* 2002. С. 170). Наиболее важными объединяющими моментами между ними являются отсутствие погребений и обычай покрывать штриховкой поверхность сосудов, что свидетельствует наряду с другими признаками о генетической связи носителей этих общностей.

Наконец, нельзя не отметить несовпадение территорий их расселения. Памятники КРШК были распространены в Северо-Восточной Литве, Юго-Восточной Латвии и на северо-западе Беларуси (*Егарэйчанка*, 2002. С. 67–69). Основной ареал КПШК лежит южнее. Обладая резко отличной от соседних культур посудой, КПШК имеет сравнительно четкие границы. На севере ее памятники локализуются в поречье Западной Двины и низовьях ее притоков (Юго-Восточная Латвия и Северо-Западная Беларусь). На территории Литвы ребристая штрихованная керамика присутствует на всех без исключения городищах КРШК, однако основной ареал новой культуры находится южнее, в области Няриса (Вилии) и среднего течения Немана.

Естественными западными рубежами культуры выступают реки Неман и Швянтойи. На территории Беларуси западная граница не совсем ясна вследствие недостаточной изученности этой территории и отсутствия городищ. Вместе с тем отдельные находки из обследованных либо частично раскопанных открытых поселений показывают, что граница, как и в Литве, по-видимому, проходила по Неману и низовьям его левобережных притоков (Свислочь, Рось, Зельвянка).

Частично и довольно точно южные пределы КПШК определил еще А.Н. Лявданский. Опираясь на собственные обследования и раскопки городищ в Южной Беларуси, он провел разграничительную черту по линии от советско-польской границы (имеется в виду территория Западной Беларуси, которая до 1939 г. входила в состав Польши. – А.Е.) на восток приблизительно через города Слуцк – Рогачев. Послевоенные исследования позволили уточнить и детализировать позицию А.Н. Лявданского. А.Г. Митрофанов полагал, что южная граница памятников со штрихованной керамикой проходила по водоразделу Днепра и Немана, верховьям Лани, Случи и Птичи, выходя в дальнейшем на Друть (*Митрофанов*, 1969. С. 71, рис. 1). Подобное предположение в целом подкрепляется новейшими полевыми изысканиями. Действительно, концентрация городищ с ребристой штрихованной керамикой отмечена в верховьях левобережных притоков Припяти (Случь, Морочь, Лань), переходя западнее в бассейн Верхнего Немана, на р. Шару, где на некоторых открытых поселениях обнаружены обломки поздней штрихованной посуды (*Подгородецкий*, 1988. С. 375, 376).

Наибольшую сложность представляет выделение восточной границы. В свое время А.Н. Лявданский доводил ее до Днепра (*Ляўданскі*, 1930. С. 336; 1932. С. 216). А.Г. Митрофанов первоначально предполагал, что она могла проходить по рекам Усяж-Бук и верхнему течению Друти (*Митрофанов*, 1969. С. 71). Однако в дальнейшем он изменил свою позицию и вслед за А.Н. Лявданским и В.В. Седовым довел локализацию памятников культуры штрихованной керамики до Днепра, не исключая вероятности их нахождения и в бассейне р. Сож (*Митрофанов*, 1978. С. 8). Подобная точка зрения ошибочна, поскольку штрихованная керамика части Поднепровья и Посожья связана с милоградской культурой и группой Чечерск-Кистени зарубинецкой культуры. Присутствие в последней значительного числа горшков, покрытых штрихами, А.М. Облом-

ский связывает с сильным влиянием со стороны носителей культуры штрихованной керамики (*Обломский*, 1983. С. 16; 1993. С. 53). Однако кроме штриховки, которая в этом районе имеет местные традиции, других признаков, указывающих на присутствие здесь племен этой общности, нет.

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что группа Чечерск-Кистени послужила основным компонентом в формировании позднезарубинецких памятников типа Грини-Вовки. Вместе с тем отдельные исследователи не исключают прямого или косвенного участия в их генезисе и носителей культуры штрихованной керамики, мотивируя это опять-таки исключительно штриховкой груболепной посуды (*Терпиловский*, 1985. С. 58; *Обломский*, 1993. С. 51; *Шукин*, 1994. С. 238; 1995. С. 115). Как показано выше, только этот признак не может являться убедительным аргументом. Судя по исследованным памятникам, носители КПШК южнее устья Березины не проникали.

Область распространения ребристой штрихованной посуды на востоке ограничивается, в основном, правым берегом Березины. На левобережье городища КПШК единичны, но тем не менее они зафиксированы вплоть до р. Друть (рис. 1). На исследованных здесь укрепленных поселениях (Лемница, Эсьмоны) выявлены фрагменты ребристых штрихованных горшков, однако они, по наблюдениям А.М. Медведева, немногочисленны и значительно уступают гладкостенной посуде прежде всего днепро-двинской культуры (*Медведев*, 1995. С. 114, 115).

По мнению В.В. Седова, определенная инфильтрация носителей культуры штрихованной керамики наблюдается и севернее по Днепру вплоть до Смоленска. В качестве доказательства он приводит керамику изученного им городища Церковище (Воищина), на котором в нижнем слое найдены обломки сильнопрофилированных горшков, покрытых, по его предположению, штриховкой (*Седов*, 1964. С. 71, 72. Рис. 25: 1–6). К этой точке зрения присоединился и М.Б. Шукин (*Шукин*, 1994. С. 238). Однако уже сам В.В. Седов отмечал, что ребристая посуда, характерная для КПШК, на этом памятнике отсутствует, а следы на поверхности горшков, принятые им за штрихи, судя по рисунку, представляют собой расчесы, характерные для керамики киевской культуры. Более того, около 5% венчиков имело орнаментацию в виде насечек либо зацепов, характерных для зарубинецкой или постзарубинецкой традиций. Таким образом, включать Смоленское Поднепровье либо его какую-то часть в область прямого или опосредованного распространения КПШК представляется невозможным.

Смешение различных культурных традиций просматривается не только в Верхнем Поднепровье, но и в бассейне Западной Двины, который составляет значительную часть ареала днепро-двинской культуры. Здесь на целом ряде исследованных городищ (Замошье, Заговалино, Кубличи, Кострица, Урагово) выявлена днепро-двинская посуда, поверхность которой покрыта штрихами. Классической ребристой посуды на большей части Полоцко-Витебского Подвинья нет, за исключением единичных фрагментов, найденных на городищах Урагово и Кострица (*Егорейченко*, 1996б. С. 10, 11). Однако обращает на себя внимание тот факт, что некоторые типы орудий труда, найденные на укрепленных поселениях этой зоны, ничем не отличаются от изделий, известных в ареале КПШК. Это прежде всего касается ряда железных серпов. Как известно, для днепро-двинских племен были характерны изделия, у которых лезвие переходило в черенок под углом в 90 градусов (*Шадыро*, 1985. Рис. 33: 8–13; *Шмидт*, 1992. Табл. 24: 9; 25: 4; 26: 5). Наряду с ними значительную се-

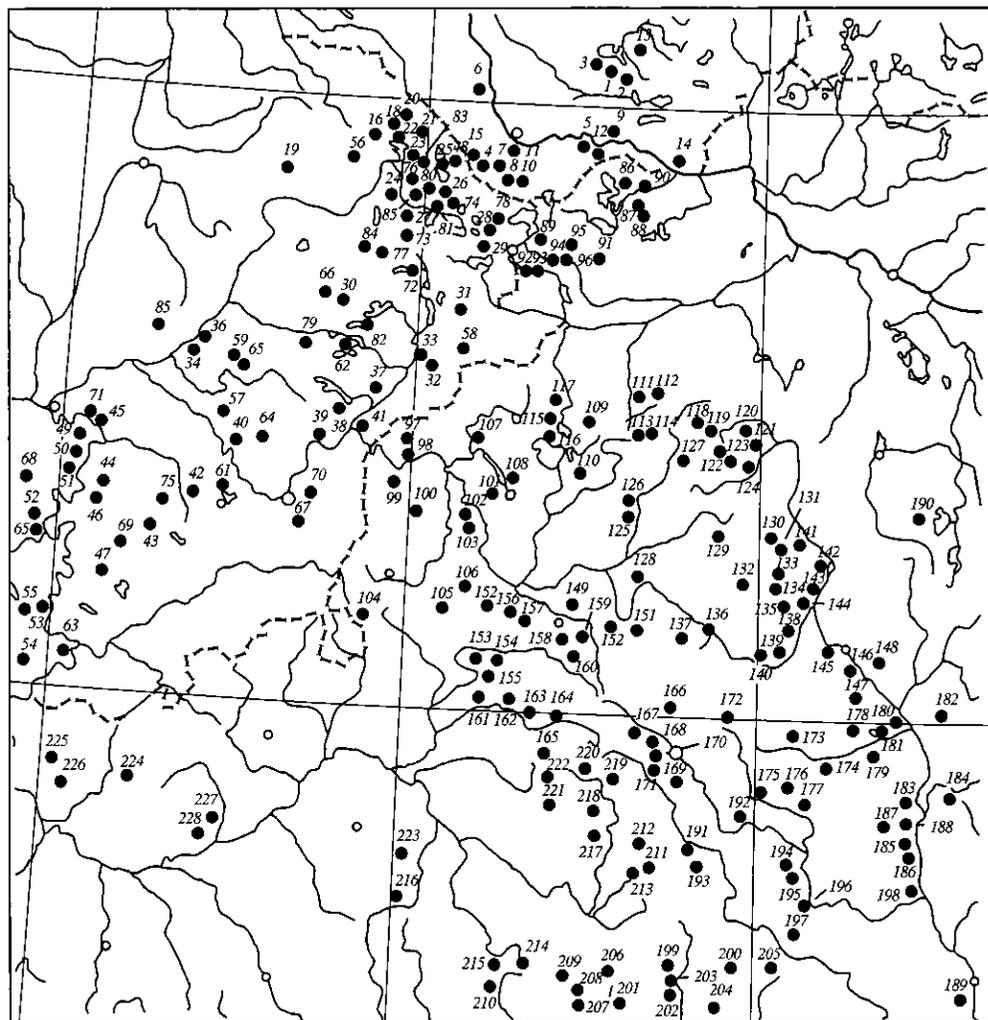

Рис. 1. Карта распространения поселений культуры поздней штрихованной керамики

1 – Упурсала; 2 – Мадаланы; 3 – Кристапини; 4 – Криганы; 5 – Краплава; 6 – Керкузы; 7 – Вилмани; 8 – Маргаскалнс; 9 – Дигная; 10 – Мелдершкис; 11 – Замок Даугавпилсский; 12 – Замок Каплавский; 13 – Брикули; 14 – Индрица; 15 – Кебены; 16 – Мошкенай; 17 – Меленай; 18 – Пятрашонай; 19 – Керяляй; 20 – Калначай; 21 – Манюлишкес; 22 – Вялекушкес; 23 – Пакачинес; 24 – Возгеляй; 25 – Голубишкес; 26 – Шишпонишкес; 27 – Гатаучяй; 28 – Сокишкяй; 29 – Дукштас; 30 – Воренай; 31 – Мажюленис; 32 – Акверишке; 33 – Богутишке; 34 – Антагилчяй; 35 – Пажилвляй; 36 – Берзгайнай; 37 – Павяндяне; 38 – Сюжонис; 39 – Няменчине; 40 – Брадялишкес; 41 – Лаворишкес; 42 – Пипиришкес; 43 – Аукштадварис; 44 – Майсеюнай; 45 – Довайнонис; 46 – Мигонис; 47 – Потяронис; 48 – Пилякалнис; 49 – Жегждрай; 50 – Гуочай; 51 – Бачкининкеляй; 52 – Норкунай; 53 – Румбонис; 54 – Павейсинникай; 55 – Обелите; 56 – Иодонис; 57 – Кярнаве; 58 – Няверишке; 59 – Барткунай; 60 – Бярзгойнай; 61 – Бражуоле; 62 – Куленис; 63 – Лишкява; 64 – Майшягала; 65 – Наркунай; 66 – Пакальняй; 67 – Папишкес; 68 – Пашлавантис; 69 – Паукшчяй; 70 – Пучкоряй; 71 – Румшишкес; 72 – Шейматис; 73 – Антилгесте; 74 – Асавитай; 75 – Баландишкес; 76 – Гугяй; 77 – Яурялес; 78 – Юркакалнис; 79 – Малкестас; 80 – Марцюнишкес; 81 – Минейкишкес; 82 – Паскубетшкес; 83 – Скинейкяй; 84 – Спитренай; 85 – Шинкунай; 86 – Ратюнки; 87 – Тарилово; 88 – Зазоны; 89 – Нурвяны; 90 – Слободка; 91 – Замошье; 92 – Дявгуны; 93 – Симаньки; 94 – Галбея; 95 – Осиногородок; 96 – ...; 97 – ...; 98 – ...; 99 – ...; 100 – ...; 101 – ...; 102 – ...; 103 – ...; 104 – ...; 105 – ...; 106 – ...; 107 – ...; 108 – ...; 109 – ...; 110 – ...; 111 – ...; 112 – ...; 113 – ...; 114 – ...; 115 – ...; 116 – ...; 117 – ...; 118 – ...; 119 – ...; 120 – ...; 121 – ...; 122 – ...; 123 – ...; 124 – ...; 125 – ...; 126 – ...; 127 – ...; 128 – ...; 129 – ...; 130 – ...; 131 – ...; 132 – ...; 133 – ...; 134 – ...; 135 – ...; 136 – ...; 137 – ...; 138 – ...; 139 – ...; 140 – ...; 141 – ...; 142 – ...; 143 – ...; 144 – ...; 145 – ...; 146 – ...; 147 – ...; 148 – ...; 149 – ...; 150 – ...; 151 – ...; 152 – ...; 153 – ...; 154 – ...; 155 – ...; 156 – ...; 157 – ...; 158 – ...; 159 – ...; 160 – ...; 161 – ...; 162 – ...; 163 – ...; 164 – ...; 165 – ...; 166 – ...; 167 – ...; 168 – ...; 169 – ...; 170 – ...; 171 – ...; 172 – ...; 173 – ...; 174 – ...; 175 – ...; 176 – ...; 177 – ...; 178 – ...; 179 – ...; 180 – ...; 181 – ...; 182 – ...; 183 – ...; 184 – ...; 185 – ...; 186 – ...; 187 – ...; 188 – ...; 189 – ...; 190 – ...; 191 – ...; 192 – ...; 193 – ...; 194 – ...; 195 – ...; 196 – ...; 197 – ...; 198 – ...; 199 – ...; 200 – ...; 201 – ...; 202 – ...; 203 – ...; 204 – ...; 205 – ...; 206 – ...; 207 – ...; 208 – ...; 209 – ...; 210 – ...; 211 – ...; 212 – ...; 213 – ...; 214 – ...; 215 – ...; 216 – ...; 217 – ...; 218 – ...; 219 – ...; 220 – ...; 221 – ...; 222 – ...; 223 – ...; 224 – ...; 225 – ...; 226 – ...; 227 – ...; 228 – ...

рию в западнодвинском регионе составляют жатвенные орудия труда, аналогичные серпам КПШК. Подобные находки зафиксированы в Заговалино, Замошье, Кострице, Кубличах, Мазурино и других городищах (*Шадыро*, 1985. Рис. 32, 33).

Не характерны для носителей днепро-двинской культуры глиняные пряслица. Их практически нет в Смоленском Поднепровье (*Шмидт*, 1992. Табл. 33: 10, 11). Немногочисленны они и в Белорусском Подвинье (*Шадыро*, 1985. Рис. 57–59), причем большинство из них как по форме, так и по орнаментации тождественны аналогичным изделиям КПШК. Важно подчеркнуть, что найдены эти пряслица на тех же городищах, на которых обнаружены серпы с обычной для КПШК профилировкой (Бураково, Заговалино, Кострица).

Приведенные выше факты свидетельствуют об инфильтрации небольших групп КПШК в ареал днепро-двинской культуры. Подобное предположение подкрепляется материалами новых раскопок, проведенных А.М. Медведевым на городище в г. Глубокое Витебской обл. Здесь при общем доминировании посуды днепро-двинской культуры в небольшом количестве обнаружены венчики ребристых горшков с уплощенным верхом, штриховкой, нанесенной от ребра к днищу, и вертикальными пальцевыми защипами по ребру, что характерно для классической посуды КПШК. Наряду с ними найдены и глиняные пряслица, типичные для этой культуры. Все же основной массив поселений с классическими чертами поздних “штриховиков” в бассейне Западной Двины локализуется ниже по течению этой водной магистрали. На территории Латвии граница проходила в Краславском р-не, а затем спускалась на юг, в Браславский р-н Витебской обл. Беларуси, проходя по линии городищ Зазоны – Ратюнки – Укля (рис. 1).

←

96 – Сороки; 97 – Кореняты; 98 – Якубишки; 99 – Игнацово; 100 – Гуры; 101 – Горани; 102 – Нефеды; 103 – Войстом; 104 – Щепановичи; 105 – Монтатишки; 106 – Сутьково; 107 – Свирь; 108 – Островляны; 109 – Микольцы; 110 – Бояры; 111 – Некасец; 112 – Дягили; 113 – Шиковичи; 114 – Городище; 115 – Денисово; 116 – Боровичи; 117 – Ревячка; 118 – Варганы; 119 – Бирули; 120 – Осетичи; 121 – Березино; 122 – Старое Запонье; 123 – Асиновик; 124 – Городище; 125 – Малышки; 126 – Орпа; 127 – Долгиново; 128 – Безводное; 129 – Двиноса; 130 – Прусовичи; 131 – Тарасино; 132 – Городище; 133 – Малый Казинец; 134 – Камено; 135 – Васильковка; 136 – Мочаны; 137 – Кузевичи; 138 – Логойск; 139 – Силичи; 140 – Свидно; 141 – Дедиловичи; 142 – Корсаковичи; 143 – Кимия; 144 – Лавники; 145 – Лещины; 146 – Новоселки; 147 – Слободка; 148 – Оздятичи; 149 – Насилово; 150 – Красное; 151 – Загорцы; 152 – Кашеличи; 153 – Калдыки; 154 – Узболоть; 155 – Ясенишки; 156 – Городилово; 157 – Васьковцы; 158 – Дубровы; 159 – Радошковичи; 160 – Вязынка; 161 – Воложин; 162 – Доры; 163 – Яршевичи; 164 – Раков; 165 – Замостяны; 166 – Збаровичи; 167 – Лабенщина; 168 – Банцеровщина; 169 – Михановичи; 170 – Городище; 171 – Дворище; 172 – Прилепы; 173 – Туры; 174 – Уборки; 175 – Городище; 176 – Гребенка; 177 – Волковск; 178 – Городище; 179 – Городок; 180 – Уша; 181 – Мурово; 182 – Дмитриевичи; 183 – Прибрежная; 184 – Каплянцы; 185 – Чижаяха; 186 – Городище; 187 – Богушевичи; 188 – Красная Зорька; 189 – Петровичи; 190 – Лемница; 191 – Дудичи; 192 – Жоровка; 193 – Ковалевичи; 194 – Болочанка; 195 – Междуречье; 196 – Блужский Бор; 197 – Мацевичи; 198 – Свислочь; 199 – Греск; 200 – Амговичи; 201 – Ленино; 202 – Ивань; 203 – Слуцк; 204 – Заградье; 205 – Осовец; 206 – Грозово; 207 – Степуры; 208 – Дороговица; 209 – Мысли; 210 – Горбуновщина; 211 – Теплень; 212 – Городище; 213 – Алеховка; 214 – Качановичи; 215 – Аношки; 216 – Городище; 217 – Старая Рудица; 218 – Дзержинск; 219 – Новосады; 220 – Каменка; 221 – Василевщина; 222 – Сула; 223 – Воронча; 224 – Ошурки; 225 – Салы; 226 – Славичи; 227 – Яселевичи; 228 – Волчки

ЛИТЕРАТУРА

- Васкс А.В.*, 1991. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига.
- Егорейченко А.А.*, 1996а. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н.э. – II в. н.э.). Минск.
- Егорейченко А.А.*, 1996б. Этнокультурная ситуация в Белорусском Подвинье в железном веке // ГАЗ. Минск. № 10.
- Егорейченко А.А.*, 1997. Поздний этап культуры штрихованной керамики // Этногенез и этнокультурная история славян: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3.
- Егарэйчанка А.А.*, 1999. Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2.
- Егорейченко А.А.*, 2000. Культура или культуры штрихованной керамики? // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мінск.
- Егарэйчанка А.А.*, 2002. Культура ранняй штрыхаванай керамікі: асноўныя прыкметы і арэал // Весці НАНБ. Серыя гуманітарных навук. № 1.
- Лухтан А.*, 1986. Скотоводство і охота в Восточной Литве в I тыс. до н.э. (по материалам городища Наркунай) // Istorija. Vilnius. T. XXV.
- Ляўданскі А.Н.*, 1930. Археалегічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі // Працы археалегічнай камісіі. Менск. Т. 2.
- Ляўданскі А.Н.*, 1932. Археалегічныя досьледы ў БССР пасяля Кастрычнікаўскай рэвалюцыі // Працы секцыі археалогіі. Менск. Т. 3.
- Медведев А.М.*, 1995. Раскопки городища в Бельничском районе // Гістарычныя лесы Верхняга Падняпрў'я. Магілёў. Ч. 2.
- Митрофанов А.Г.*, 1955. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Митрофанов А.Г.*, 1969. Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск.
- Митрофанов А.Г.*, 1978. Железный век Средней Белоруссии. Минск.
- Митрофанов А.Г.*, 1980. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Из древнейшей истории балтских народов. Рига.
- Обломский А.М.*, 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Обломский А.М.*, 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М. (Археология СССР).
- Подгородецкий И.И.*, 1988. Исследования на берегах Шары // АО, 1986. М.
- Седов В.В.*, 1964. Городище Церковище // КСИА. Вып. 102.
- Седов В.В.*, 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Терпиловский Р.В.*, 1985. Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев.
- Третьяков П.Н.*, 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Шадьро В.И.*, 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Шмидт Е.А.*, 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.
- Шукин М.Б.*, 1994. На рубеже эр. СПб.
- Шукин М.Б.*, 1995. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. СПб. № 9.
- Danilaitė E.*, 1968. Lietuvos brūkšniuotosios keramikos ornamentos // MADA. A serija. Vilnius. T. 1(26).
- Grigalavičienė E.*, 1995. Žalvario ir ankstyvasis geležios amžius Lietuvoje. Vilnius.
- Luchtanas A.*, 1992. Rytų Lietuva I tūkst. pr. m. e.ą // LA. Vilnius. T. 8.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1986. Narkunų didžiojo piliakalnio tyrinėjimo rezultatai // LA. Vilnius. T. 5.

И.В. Исланова (Москва)

СЛАВЯНСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА ВАЛДАЕ И ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

(история решения вопроса по данным археологии)¹

Два смежных региона – Валдай и Верхнее Поволжье – принадлежат к разным территориям и в географическом, и в культурно-историческом отношении. Для первого региона характерны многочисленные озера, густо переплетенная речная сеть, рельеф ледникового происхождения, чередование возвышенных и низинных участков, преобладание песчаных почв. Реки (основная из них – Мста) относятся к Балтийскому бассейну. К этому региону также тяготеют участки озер Волговерховья и верхнего течения р. Тверцы, возможно, среднего течения Мологи. Второй регион определяют крупная водная магистраль – Волга и ее значительные притоки (реки Вазуза, Шоша, Тверца, Медведица, Молога), преобладает равнинный рельеф, распространены относительно плодородные почвы, в том числе и лессовидные, благоприятные для занятия земледелием.

В древнерусский период регионы относились к разным государственным образованиям: Валдай, верховья Волги, Тверцы входили в состав Новгородской земли. Правобережье верхнего течения Волги предположительно относилось к Смоленской земле. Районы по течению Волги, нижние течения ее основных левых притоков первоначально входили в состав Ростово-Суздальских земель (Насонов, 2002. С. 81–83). Исключением является территория верхнего течения Мологи (летописная Бежецкая волость), по рельефу и почвам тяготеющая к Волжскому региону, но принадлежавшая Новгороду.

От географических условий того или иного региона в какой-то степени зависел характер расселения (в том числе и славянского) на этих территориях, особенности культурных контактов и т.п.

В раннем железном веке территория обоих регионов входит в ареал дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 76–77. Табл. X). По данным гидронимии, в раннедьяковское время территория была занята племенами финно-угорской языковой группы. В позднедьяковский период в верховьях Волги, примерно до впадения р. Сестры, выделяется пласт балтских гидронимов (Седов, 1971. Рис. 1. С. 108, 111–113).

Сведений о населении Валдая в начальной летописи нет. Что касается Волги, то в летописных известиях повествуется следующее: “...на Полоте иже Полочане от них же Кривичи же сядят на верх Волги а на верх Двины и на верх Днепра их же град есть Смоленск...” (Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 10).

Первоначально к древностям славян Валдайского региона относили только сопки (культуру сопок)². Территория распространения сопок позволила

¹ Статья написана при финансовой поддержке программы ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”.

² Ниже рассматриваются концепции, в той или иной степени касающиеся Валдайской и Верхневолжской территорий. Анализ общего круга идей по проблеме славянской колонизации более широкой территории изложен в работе В.Я. Конецкого (Конецкий, 1998. С. 226–241).

А.А. Спицыну отнести их к погребальным памятникам новгородских словен (*Спицын*, 1899а. С. 308–310; 1899б. С. 142–152; *Обозрение*, 1897. С. 240). Отказавшись затем от мнения о славянской принадлежности этих памятников (например: *Спицын*, 1908. С. 16; 1921. С. 13–14), А.А. Спицын впоследствии возвращается к первоначальной этнической интерпретации сопок (*Седов*, 1970. С. 7). В дальнейшем большинство исследователей рассматривают сопки как древности новгородских словен, оговаривая, что в их этногенезе приняли участие также и местные финноязычные племена, и население культуры псковских длинных курганов (например: *Седов*, 1995. С. 246).

Серия скоплений памятников культуры сопок известна в Валдайском регионе: в бассейне Мсты (*Исланова*, 1986. Рис. 1), в бассейне Верхней Тверцы, несколько объектов, относимых к культуре сопок, отмечено на озерах Волговерховья (*Малыгин*, 1994. Рис. 4; *Олейников*, 2002а. Рис. 14). Поселения и могильники культуры сопок известны также на Средней Мологе и в верховьях этой реки. В последнем случае, скорее всего, это результат славянского расселения из Мстинско-Моложского междуречья в восточном направлении (*Исланова*, 1995. С. 161–162).

В настоящее время сопки датируются VIII–X вв., причем не исключено омоложение верхней даты до XI в. (*Носов*, 1981. С. 54–55; *Седов*, 1999. С. 160). Раскопанная сопка в Удомельском Поозерье отнесена к VIII–IX вв. (*Исланова*, 1997. С. 111–112). Возникновение культуры сопок большинством исследователей связывается с так называемой второй более поздней волной славянской колонизации (*Носов*, 1981. С. 56; 1982. С. 65; *Седов*, 1994. С. 135).

Относительно путей расселения новгородских словен существовало две точки зрения. Первая – расселение шло из областей Днепровского бассейна или конкретно из Верхнего Поднепровья (*Третьяков*, 1966. С. 284). Вторая – славяне появились в Поильменье из региона, лежащего в междуречье Нижней Вислы и Одера. Последняя гипотеза историков была поддержана В.В. Седовым (см. подробнее: *Седов*, 1970. С. 32–33). Позднее исследователь отказывается от идеи распространения культуры сопок из Вислинского бассейна (*Седов*, 1999. С. 161).

Ближе к первой точке зрения лежит предположение Е.Н. Носова о верхнеокском (мощинская культура) происхождении обычая сооружения сопок (*Носов*, 1974. С. 231–234) и Г.С. Лебедева о происхождении традиции сопок от “больших курганов”, известных на Верхней Оке, Смоленщине, Полотчине и к юго-западу от Приильменья (*Лебедев*, 1982. С. 32–33).

После выявления памятников третьей четверти I тыс. н.э. в бассейне верхней Мсты (удомельский тип), генетически связанных с древностями культуры сопок (*Исланова*, 1997. С. 126–127), появилась возможность рассматривать возникновение собственно культуры сопок на месте – из предшествующих древностей. Наше предположение о том, что культурный импульс, в результате которого возникают памятники удомельского типа, шел с юго-запада (территория пражской культуры), поддерживает и В.Я. Конецкий (*Конецкий*, 2003). По В.В. Седову, славяне появляются здесь в результате “миграционного потока средневропейского населения в середине I тыс. н.э.” с запада – из Среднего Повисленья (*Седов*, 1995. С. 245–246).

Этнокультурная принадлежность второй группы памятников Валдайского региона – так называемой культуры псковских (псковско-новгородских) длинных курганов (КПДК) – и сейчас остается дискуссионной, несмотря на неоднократные высказывания В.В. Седова, что мнение об иной принадлежности этих древностей “представляет чисто историографический интерес” (*Седов*, 1999.

С. 122). В первом обзоре длинных и удлиненных курганов А.А. Спицын относит эти памятники к славянам – кривичам (*Спицын*, 1903. С. 196–202). Впоследствии исследователь склоняется сначала к финской, а затем к литовской принадлежности этих памятников (*Седов*, 1974. С. 6–7). Упомянув о длинных курганах, расположенных на территории Тверского края (тогда уже были раскопаны курганы на Валдае в могильнике Березовский Рядок), А.А. Спицын писал следующее: “Трудно допустить, что эти курганы были русские или литовские, и поэтому их приходится приписать финнам, но вопрос этот еще не решен” (*Спицын*. Рукопись. С. 22).

В своды длинных курганов (*Чернягин*, 1941; *Седов*, 1974) вошли единичные пункты с удлиненными насыпями, известные к тому времени в Валдайском регионе: Березовский Рядок, Яблонька, Яхново, Пуйга, Шихино.

Различия в элементах погребального обряда, ландшафтной приуроченности, инвентаря и хронологии памятников, позволили выделить два крупных массива памятников: культуру смоленских (смоленско-полоцких) длинных курганов и культуру псковских длинных курганов (*Шмидт*, 1968. С. 224–229; 1983. С. 30–32; *Седов*, 1980; 1995. С. 211–217, 229–238). Для Валдайского региона, судя по обряду и ландшафтной приуроченности, характерны так называемые псковские длинные курганы или культура псковских длинных курганов. Правда, на озерах Верхневолжья О.М. Олейников выделяет памятники обеих культур – псковских длинных курганов и смоленско-полоцких длинных курганов; отличительной чертой последних является “расположение в непосредственной близости от одновременных поселений” (*Олейников*, 2002а. Рис. 18; 2003. С. 12).

Существенное увеличение количества погребальных памятников культуры длинных курганов, в том числе и в Валдайском регионе, “произошло” не столько после проводимых разведочных обследований, сколько после того, как стало очевидным (по погребальному обряду и инвентарю), что расположенные рядом с длинными и по отдельности насыпи иных форм (округлые, овальные, квадратные, прямоугольные) относятся к одной и той же культуре (*Носов*, 1981. С. 51). В результате в Валдайском регионе был выделен значительный пласт памятников КПДК (*Мальгин*, 1994. С. 115–116. Рис. 1).

Возвращаясь к вопросу о форме курганных насыпей, следует отметить, что уже А.А. Спицын обратил внимание на то, что “удлиненные курганы представляют только видоизменение курганов круглых, которые неизменно наблюдаются в одних группах с ними...” (*Спицын*. Рукопись. С. 23). При анализе материалов из раскопанных в 50–60-х годах XX в. в окрестностях Вышнего Волочка курганов различной формы (длинных, прямоугольных, полусферических – последним термином обозначены округлые в основании насыпи) М.В. Фехнер и В.А. Мальм обратили внимание на то, что разные по форме насыпи имели общие признаки обряда, общую хронологию и культурную принадлежность (*Мальм*, *Фехнер*, 1969. С. 186–188). Тогда эти курганы были датированы VIII–IX вв. и отнесены к финнам.

На современном этапе исследований формирование КПДК в Валдайском и смежных регионах относится к V в. н.э. (*Седов*, 1999. С. 120). Что касается этнокультурной принадлежности памятников, то наиболее аргументированной остается отстаиваемая (с отдельными добавлениями в сравнении с ранними работами) В.В. Седовым концепция о преобладании славянского компонента в составе населения КПДК (*Седов*, 1974. С. 36–41; 1982. С. 55–58; 1994. С. 127–135; 1995. С. 216–217; 1999. С. 125–127 и др.). В последних работах В.В. Седова носи-

тели КПДК определяются как переселившееся средневропейское население, в составе которого основную роль играли славяне; по пути передвижения к ним примкнули группы балтов и прибалтийских финнов (см., например: *Седов*, 1999. С. 124–125). Детально изучая памятники КПДК Валдайского региона (в бассейне р. Шлины), В.А. Буров придерживается славянской принадлежности этих древностей, подчеркивая при этом высокий удельный вес местного (финно-угорского) компонента в формировании КПДК (*Буров*, 1996. С. 122–129). Исследователь также предлагает обратить особое внимание на проблему соотношения культуры длинных курганов (КДК) и предшествующей культуры позднедьяковского времени.

Миграцию носителей КПДК относят к первой ранней волне славянской колонизации Северо-Запада, причем расселение происходит практически одновременно на территориях от современной Псковской области до бассейна Мсты и средней Мологи (*Носов*, 1981. С. 55–56; *Седов*, 1994. С. 127–131).

Е.Н. Носов, анализируя раннюю волну славянского расселения, предполагает, вслед за Р.С. Минасяном, что “культура длинных курганов псковско-новгородской группы целиком или частично сложилась на базе древностей типа Тушемли – Акатова – Банцеровщины”, не исключая славянскую принадлежность этих культур (*Носов*, 1982. С. 63). По В.В. Седову, КПДК – это “местное новообразование, сложившееся как результат оседания... массы переселенцев из провинциально-римского ареала Средней Европы” (в частности из Повисленья).

С несколько других позиций к вопросу об исходной территории населения КПДК и удомельского типа подходит Н.В. Лопатин, проанализировавший состав керамики указанных древностей (*Лопатин*, 2003. С. 55, 56). По его мнению, часть керамического материала восходит к прототипам, известным в киевской (по-видимому, в основном раннеславянской) культуре. Исходная территория КПДК определяется в результате анализа керамических наборов памятников этой культуры разных регионов. Набор керамики памятников КПДК Валдайского региона близок набору Двинско-Ловатского региона. Древности последнего, сложившиеся на основе памятников круга Заозерье – Узмень, по мнению Н.В. Лопатина, являются исходными при распространении КПДК.

Касааясь происхождения рассматриваемой культуры, В.Я. Конецкий, так же как и П.Н. Третьяков, и Е.Н. Носов, обращается к древностям Верхнего Поднепровья, но относящимся к более раннему периоду. По мнению исследователя, КПДК имела более широкую по территории культурную подоснову (чем это предполагают Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев), представляющую собой синтез местных финно-угорских и пришлых балтских компонентов, возникшую в результате импульса, исходившего из Поднепровья в первые века н.э. и принесшего элементы, связанные с постзарубинецкой традицией (*Конецкий*, 1997. С. 218–219).

Фиксируемые разнородные компоненты в материальной культуре и в элементах погребального обряда КПДК, почвенная приуроченность памятников являются той основой, на которую опирается мнение о неславянской принадлежности памятников. Принадлежность дославянскому населению древностей КПДК рассматриваемой территории, помимо М.Ф. Фехнер, последовательно отстаивает В.Я. Конецкий (см. например: *Конецкий*, 1998. С. 219). Памятники КПДК расположены на почвах, где могли развиваться только подсечное земледелие и животноводство (продолжение хозяйственных традиций прибалтийско-финского населения раннего железного века данной территории). Для славянского населения, напротив, характерно распространение пашенного земледелия.

лия, что фиксируется для памятников культуры сопок. Постепенная славянизация населения КПДК происходит в том числе и при переходе на новый тип хозяйства (Конецкий, 1998. С. 225–228).

Отмечаемое в работах еще конца 70-х – начала 80-х годов XX в. так называемое чересполосное расположение сопок и длинных курганов (Конецкий, 1977. С. 83–85; Носов, 1981. С. 47, 49) при уточнении датировки памятников (на самом деле в Валдайском регионе эти древности хронологически асинхронны) претерпело корректировку в связи с выявлением раннеславянской группы памятников, предшествовавшей сопкам. По нашему мнению (Исланова, 1997), не сопки, а “предсопочные памятники” – древности удомельского типа третьей четверти I тыс. н.э. – существовали чересполосно с КПДК, что признается и другими исследователями (Седов, 1999. С. 162; Конецкий, 1998. С. 231–232; 2003).

В конечном итоге население КПДК восточной части ареала, переселяясь на более плодородные земли, вливается в состав словен новгородских. Здесь исследователи, отстаивающие разные точки зрения по поводу этнической принадлежности КПДК, единодушны. По В.В. Седову, нельзя также исключать отток части населения в южные регионы, где возникают памятники культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Седов, 1999. С. 142–143).

Проблема славянского расселения в Верхневолжье, как правило, рассматривалась или в рамках вопроса о восточной границе распространения сопок и длинных курганов, или в связи с вопросом колонизации земель, лежащих восточнее – в Волго-Окском междуречье, занятом мерянскими племенами. В конце XIX – начале XX в. выдвигаются (преимущественно на основе письменных источников) концепции о “кривичском” (с юго-запада) и “новгородском” (с северо-запада) направлениях славянского расселения на эти территории. Фактически гипотеза, учитывающая оба направления колонизации, просуществовала и до наших дней.

Верхнеднепровского направления придерживался А.А. Спицын (Спицын, 1906. С. 1–6). По А.А. Спицыну, путь проникновения славян маркируют курганы смоленских кривичей. Аргументом являлись сведения о длинных курганах в Ярославской губернии (Спицын, 1903) и найденный в древнерусских курганах Волго-Окского междуречья вещевой материал. В противоположность А.А. Спицыну, И.А. Тихомиров поддерживает гипотезу историков о колонизации с северо-запада и движении новгородцев по рекам Шексне и Мологе (Тихомиров, 1914. С. 25).

П.Н. Третьяков первоначально придерживается только “кривичского” направления, полагая, что на этот путь указывают единичные длинные курганы, зафиксированные по берегам Верхней Волги (Третьяков, 1939. С. 51). В 1935 г. исследователь раскопал такой курган, где обнаружил погребение по обряду трупожжения; этот объект он датирует IX – началом X в. (Третьяков, 1966. С. 298; 1970. С. 124).

После работ Я.В. Станкевич в Ярославском Поволжье (Станкевич, 1941. С. 56–88) гипотеза о “новгородском” направлении получает “археологическую основу”. По ее мнению, высокие курганы Тимеревского и Михайловского могильников генетически связаны с сопками. На эту работу затем опирались все исследователи, в той или иной степени касавшиеся проблематики славянского заселения Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья.

Учитывает путь славянского расселения с северо-запада и П.Н. Третьяков (Третьяков, 1957. С. 64–68). В дальнейших своих работах он рассматривает уже

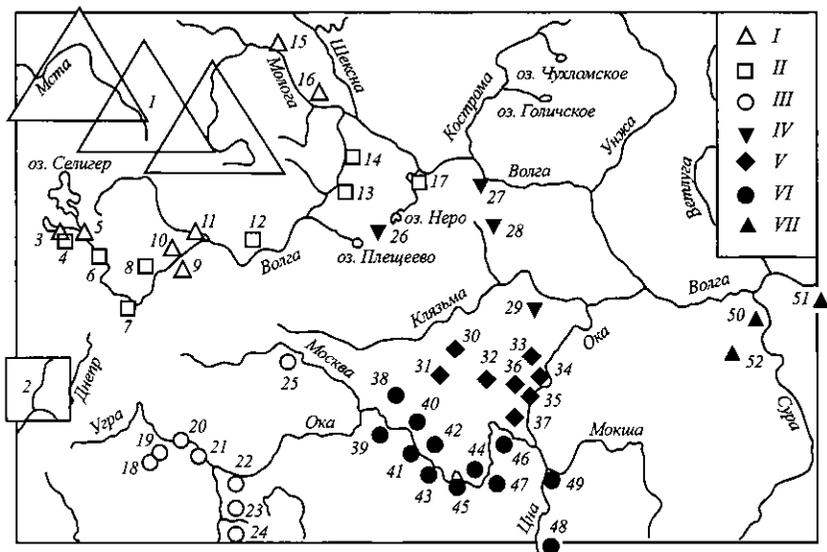

Рис. 1. Схема распространения славянских и финно-угорских древностей второй половины I тыс. н.э. в пределах Волго-Окского междуречья (по П.Н. Третьякову)

I – сопки славян новгородских, II – длинные курганы кривичей, III – курганы верхнеокского типа, IV – мерянские могильники, V – муромские могильники, VI – мордовские могильники, VII – финно-угорские могильники на реках Сура и Цивиле.

1 – сопки в бассейне Мсты и Мологи, 2 – длинные курганы в бассейне верховьев Днепра, 3 – Нечаево и Овселуг, 4 – Изведово, 5 – Казнаково и Сиг, 6 – Коша, 7 – Алешино близ г. Зубцова, 8 – Боровая, 9 – Никола Пустынь и Воскресенская, 10 – Урцово и Воеводино, 11 – Дуденево, 12 – Кузьминское, 13 – Кукса, 14 – Охотино, 15 – Юрьевская и Прозорово, 16 – Перекладная и Заречье, 17 – Заячий Холм у с. Великого, 18 – Дубровка, 19 – Шаньково и Почепок, 20 – курганы на правом берегу р. Угры напротив с. Никола Ленивец, 21 – Горбенки, 22 – Ждамирово, 23 – Доброе, 24 – Воронеж, 25 – Беседы, 26 – Сарский могильник, 27 – Подольский, 28 – Хотимльский, 29 – Холуйский, 30 – Новленский, 31 – Пустошинский, 32 – Заколпский, 33 – Мальшевский, 34 – Муромский, 35 – Подболотьевский, 36 – Максимовский, 37 – Урванский, 38 – Жабинский, 39 – Вакинский, 40 – Кузьминский, 41 – Борковский, 42 – Дубровицкий, 43 – Гавердовский, 44 – Облачинский, 45 – Шатрищенский, 46 – Курманский, 47 – Кулаковский, 48 – Темниковский, 49 – Кошибеевский, 50 – Ивановский, 51 – Яндашевский, 52 – Сергачский

три направления продвижения славян в Волго-Окское междуречье: с юго-запада, запада и северо-запада. Первое направление связывается им с распространением по поречью Оки почти до устья Москвы-реки круглых курганов с “домовинами” и “оградами” (относимых в настоящее время к мощинской культуре), оставленных, по его мнению, балтами, “испытывшими на себе длительное славянское воздействие” (Третьяков, 1966. С. 294–297). На западное направление расселения по Волге указывают могильники с длинными курганами. Опираясь на карту размещения известных к тому времени памятников (рис. 1), П.Н. Третьяков предполагает, что “цепочка могильников с длинными курганами, тянущаяся вдоль Волги от ее верховьев до района Ярославля, представляет собой ответвление их северо-восточной двинско-ильменской группы” (Третьяков, 1966. С. 298). Фактически он фиксирует распространение по Волге памятников (в современной литературе относимых к культуре псковских длинных курганов) не из Верхнего Поднепровья, а с озер Волговерховья и Верхнего Подвинья.

Из-за неисследованности “волжских курганов” они были отнесены к “несколько более позднему времени – концу третьей и началу последней четверти I тыс. н.э.” (Третьяков, 1966. С. 298).

По П.Н. Третьякову, в VIII–IX вв. появляются “первые следы” колонизации Верхнего Поволжья из Новгородских земель (Третьяков, 1966. С. 299–300). Расселение проходило по двум путям: “через верховья Волги из южного Приильменья и по Мологе из области Валдайской возвышенности”. Пути маркируют зафиксированные здесь сопки или сопковидные насыпи.

Четкая схема этапов славянской колонизации Верхней Волги и мерянской земли с учетом новгородского и верхнеднепровского направлений излагается в монографии Е.И. Горюновой (Горюнова, 1961. С. 182–206) (рис. 2). Первоначальное “капиллярное” проникновение отдельных славянских поселенцев относится к IX–X вв. Первую волну представляют новгородские словене. Этот путь отмечен сопками по Мологе. Новгородская волна неоднородна (судя по неоднородности погребальных памятников), в колонизации также участвуют ослабившиеся чудь и весь. Вторая волна – это движение кривичей со стороны верховьев Днепра и Волги. Путь отмечен длинными курганами, правда Е.И. Горюнова считает, что эти памятники нельзя определять “как исключительно славянские” (Горюнова, 1961. С. 185). По тем же направлениям прослеживаются и дальнейшие “крупные” волны славянской колонизации: во второй половине X – XI в. и в конце XI–XIII в. (Горюнова, 1961. С. 190–234).

В начале 80-х годов XX в. В.В. Седов, опираясь на археологический (на те же сведения о длинных курганах и сопках, что были в распоряжении П.Н. Третьякова) и лингвистический материал, фактически придерживается господствующей основной концепции о кривичской и новгородской колонизации Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Исследователь ставит лишь разные акценты при рассмотрении главных направлений колонизации: до IX в. на Верхнюю Волгу проникали лишь небольшие изолированные группы кривичей, в IX–XI вв., как и в период длинных курганов, из Верхнего Поднепровья продвигаются также небольшие изолированные группы. Со стороны же Новгородской земли через бассейн Мологи в междуречье Волги и Клязьмы устремляется “значительный поток переселенцев”. В.В. Седов подчеркивает неоднородность происхождения новгородских переселенцев (славяне и западные финны) (Седов, 1982. С. 188).

Исследователи, анализирующие в целом раннесредневековые древности Волго-Окского или только Волго-Клязьминского междуречья и примыкающего участка по р. Волге, при характеристике славянского расселения опираются на господствующую (выше изложенную) гипотезу, особо выделяя новгородское (с северо-запада) направление колонизации данных территорий (Дубов, 1982. С. 40–44; Леонтьев, 1996. С. 271–272; Рябинин, 1997. С. 165–172). И.В. Дубов подчеркивает важность Волжского пути, начиная с IX в. определявшего направление славянского расселения. Участок течения Волги ниже впадения р. Медведицы А.Е. Леонтьев включает в территорию, заселенную в VI–X вв. мерей; интенсивное освоение славянами Угличского Поволжья, по его мнению, началось не ранее начала XI в. (Леонтьев, 1996. С. 122–123, 222, 223, рис. 1).

Путь расселения словен по р. Тверце и далее в Волжско-Шошинский регион – в сторону Волоколамска (входившего в древнерусский период в состав Новгородских земель) обосновывает П.Д. Малыгин, опираясь на находки длинных, удлинённых курганов, а также высоких курганов, по его мнению, сопки (Малыгин, 1994. С. 116, 117, 121; Черных, Малыгин и др., 1998. С. 394, 403). Эти древ-

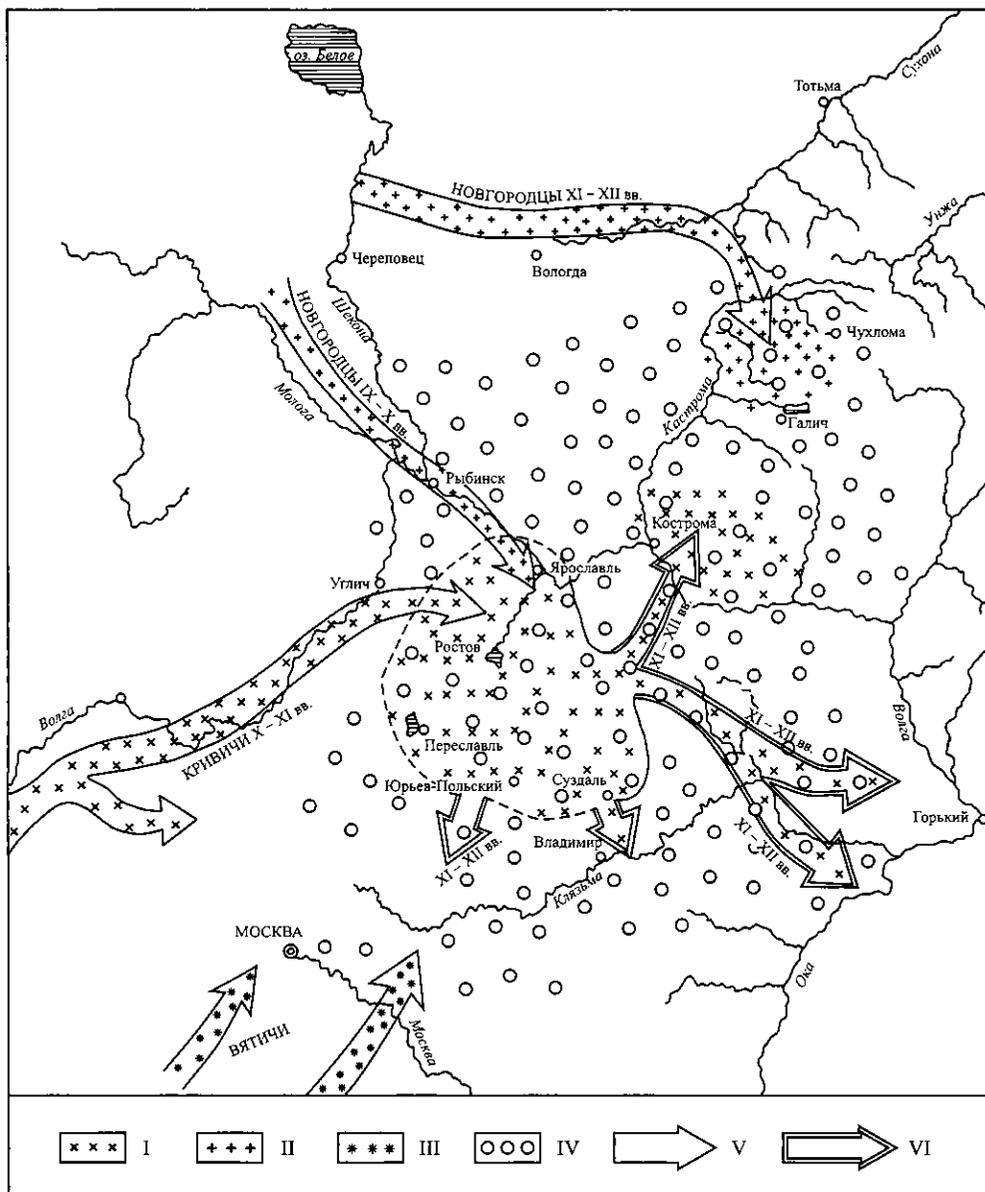

Рис. 2. Карта этапов и направления славянской колонизации Ростово-Суздальской земли (X-XII вв.) (по Е.И. Горюновой)

I – кривичи; II – новгородцы; III – вятичи; IV – меря; V – первый этап славянской колонизации (X – конец XI в.); VI – второй этап славянской колонизации (конец XI-XII в.)

ности исследователь связывает и с двумя миграционными волнами славянского расселения с северо-запада (КПДК и культуры сопок), которые фактически достигают северо-восточных районов.

В русле общей гипотезы и учитывая построения П.Д. Малыгина, более сложную и динамичную картину расселения по Волге так называемых носителей культуры псковских длинных курганов (КПДК), культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) и культуры сопок рисует О.М. Олейников (*Олейников*, 2002а. С. 548; 2002б. С. 112–130; 2003. С. 9–23). В своих работах он рассматривает территорию от Верхневолжских озер до устья Тверцы (рис. 3, 4).

С конца VI в. в южные районы Тверского Поволжья проникают “выходцы с верховьев Оки и из Верхнего Поднепровья (племена мощинской культуры)” (*Олейников*, 2003. С. 18–19). Интересно, что выдвинутое предположение перекликается с гипотезой П.Н. Третьякова (см. выше) о продвижении населения мощинской культуры с Верхней Оки. Правда, П.Н. Третьяков говорит только о северо-восточном направлении движения этого населения – в сторону Москворечья.

В расселении носителей КПДК с Верхневолжских озер вниз по Волге О.М. Олейниковым фиксируется несколько этапов и направлений: первое – с Верхневолжских озер на юго-восток по Волге и ее правым притокам – рекам Песочне, Тудовке; второе – с севера по рекам Тверце, Осуге (притоке Тверцы), Тьме до Волги и среднего течения р. Шоши (*Олейников*, 2003. С. 11–12). В конце VIII–IX в. (*Олейников*, 2003. С. 12–13) или в IX в. (*Олейников*, 2002а. С. 548) в южные и западные районы рассматриваемой территории по рекам Западная Двина, Жукопа, Песочня и Тудовка проникают носители КСПДК, которые расселяются по берегам Волги и Тудовки от Селижарова до Зубцова (*Олейников*, 2003. С. 12). В последней четверти I тыс. н.э. в регион продвигаются носители культуры сопок: одна группа “спускалась” с Верхневолжских озер вниз по Волге, другая – в направлении “верхняя Мста – Торжок – Волок Ламский и Торжок – Тверь” (*Олейников*, 2003. С. 13, 19). “В конце IX в. на Волге встретились три переселенческих потока”: носители КПДК, пришедшие с севера и северо-запада, культуры сопок, двигавшиеся в основном с севера, и переселенцы с Верхнего Поднепровья, связанные с КСПДК, пришедшие с юга и юго-запада (*Олейников*, 2002а. С. 548). Очередной приток населения из Смоленской и Новгородской земель фиксируется с конца X – первой половины XI в. (*Олейников*, 2003. С. 20).

Предваряя обзор следующих работ, нельзя не вспомнить о гипотезе (основывавшейся на находках пальчатых фибул, обряда трупосожжения) о раннем славянском расселении в Волго-Окском междуречье, в IV–VI вв., не встретившей поддержки большинства исследователей (*Горюнова*, 1961. С. 188; *Очерки...*, 1958. С. 149–150). Следует также отметить, что П.Н. Третьяков, рассматривая образование во второй и третьей четверти I тыс. н.э. так называемой области “этнического приоритета” восточных балтов (эта территория включала и Верхневолжье, а на востоке доходила до линии Ярославль – Плещеево озеро – Коломна), не исключал возможного проникновения сюда вместе с балтами отдельных групп славян (*Третьяков*, 1966. С. 286).

С середины 90-х годов XX в. В.В. Седов последовательно отстаивает концепцию о первоначальном достаточно раннем появлении славян на Верхней Волге и в Волго-Окском междуречье (*Седов*, 1995. С. 218–229; 1999. С. 133–139, 145–158; 2002. С. 380–397 и др.). Гипотеза опирается на серию вещевых находок, сделанных на позднедыяковских памятниках меридионального течения Верхней

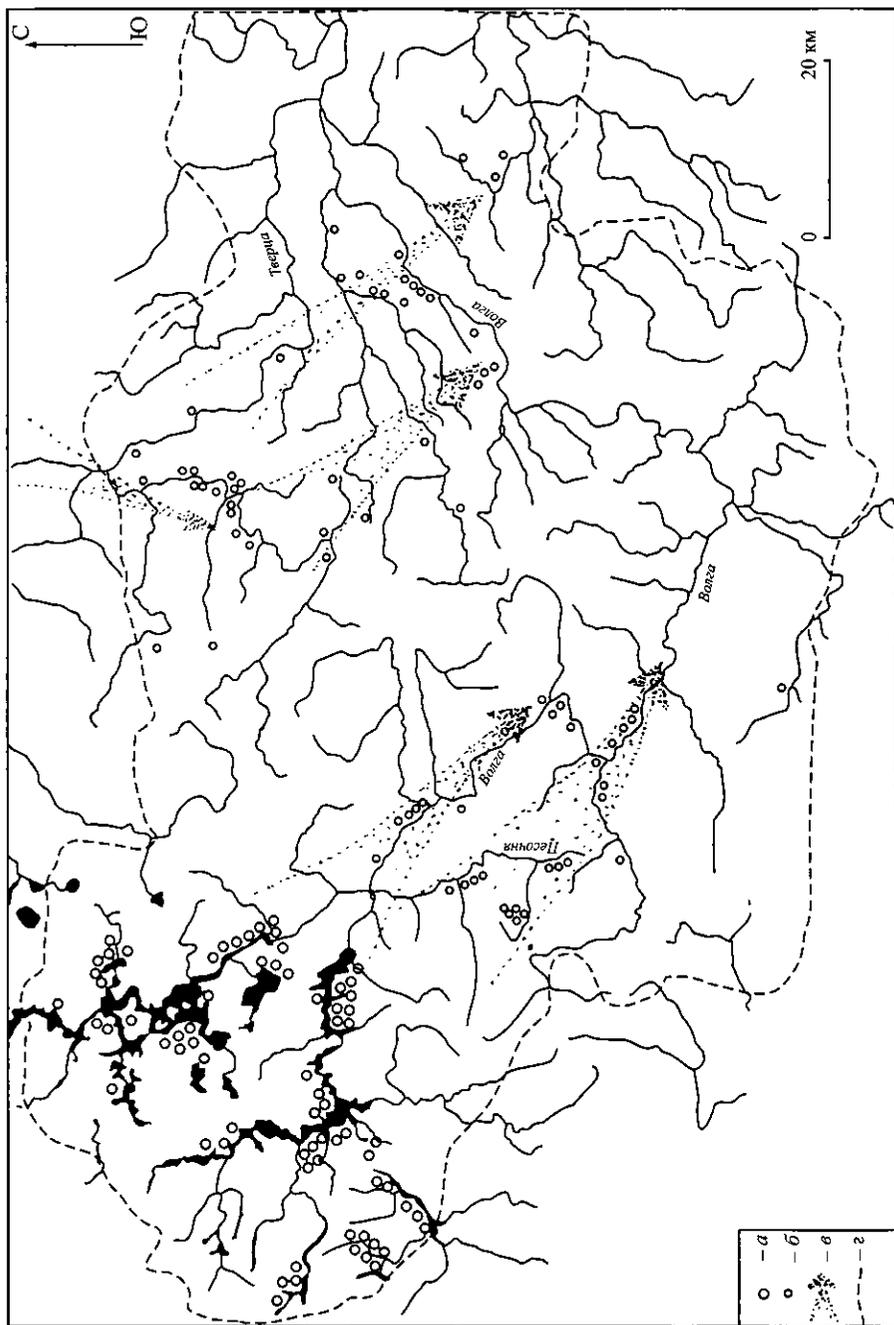

Рис. 3. Карта памятников КПДК на территории Тверского Поволжья (по О.М. Олейникову)

а – могильники, функционировавшие с третьей четверти I тыс. н.э.; б – могильники, функционировавшие с четвертой четверти I тыс. н.э.; в – направления продвижения носителей КПДК в Тверское Поволжье; г – граница изучаемой территории

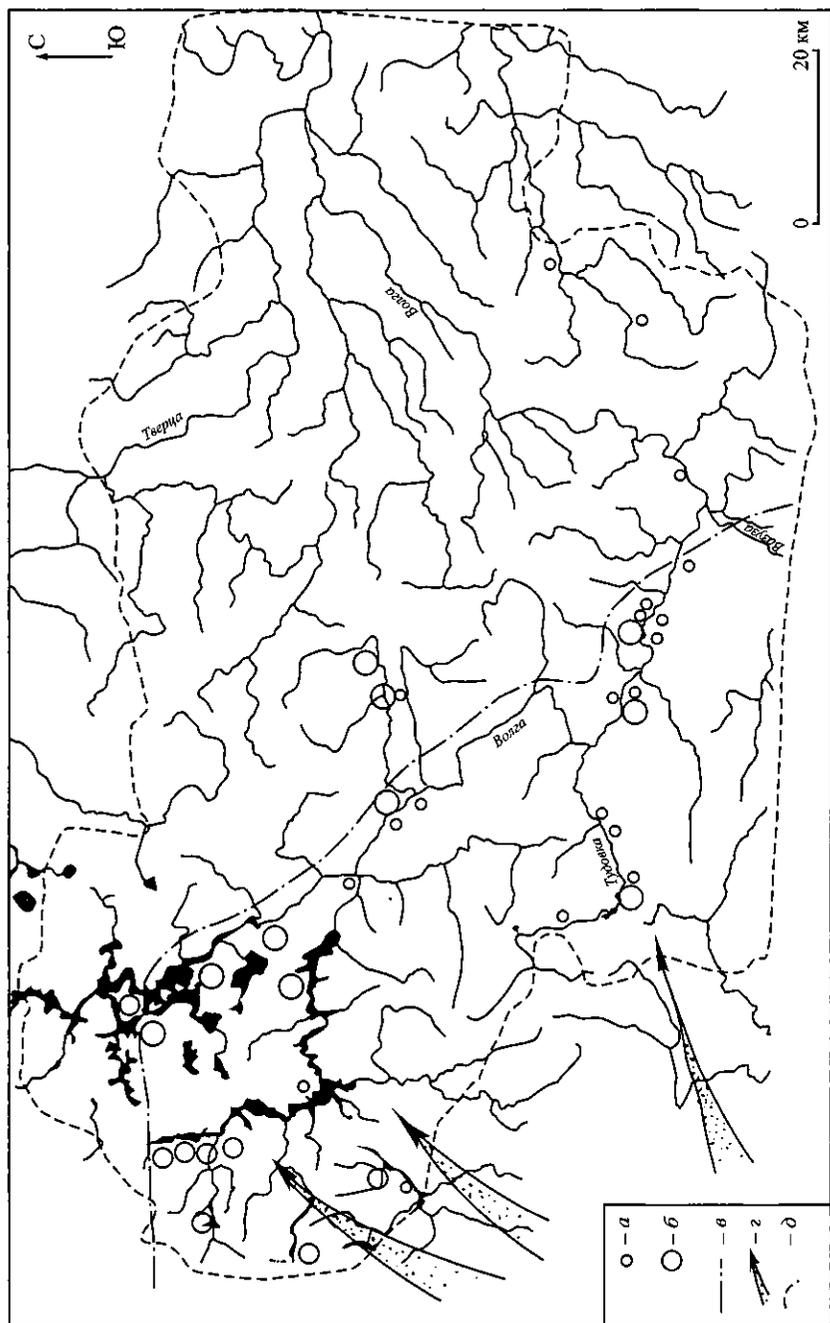

Рис. 4. Карта памятников КСПДК на территории Тверского Поволжья (по О.М. Олейникову)

а – поселения конца I тыс. н.э. с керамикой, характерной для КСПДК; б – могильники КСПДК; в – граница Смоленской земли (по А.Н. Насонову); з – направления проникновения носителей КСПДК; д – граница изучаемой территории

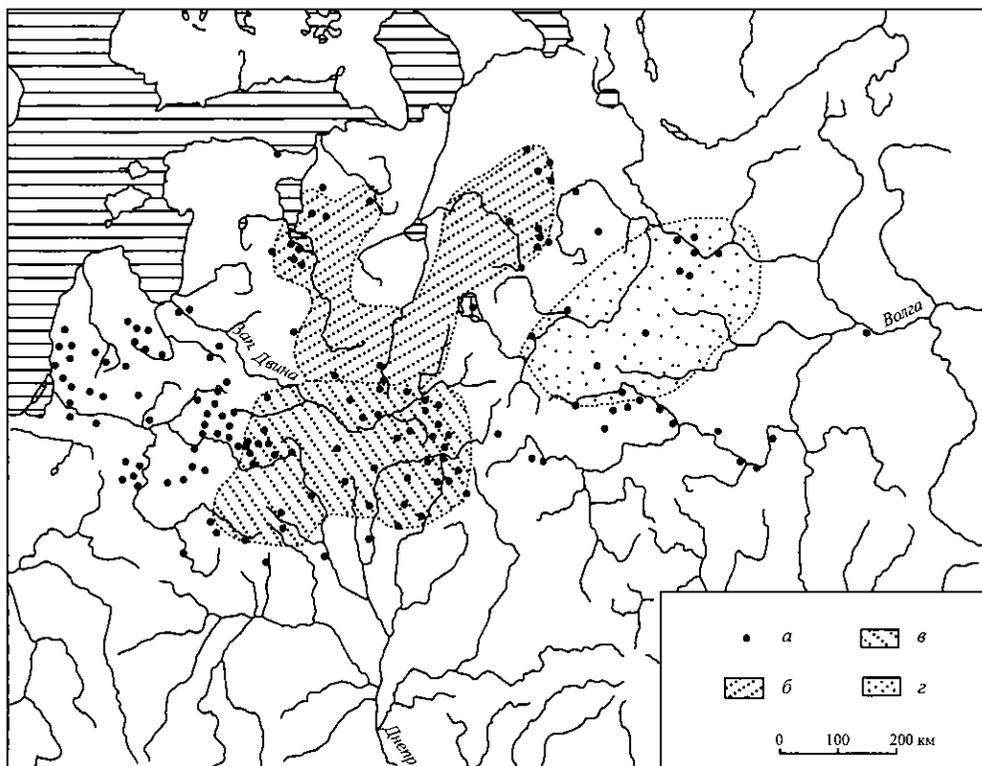

Рис. 5. Культурные новообразования в связи с расселением средневропейского населения
 а – памятники с находками средневропейских провинциально-римских типов; б – ареал культуры псковских длинных курганов; в – тушемлинской культуры; г – мерянской культуры

Волги, и диалектное своеобразие севернорусской народности. Мигранты связываются с так называемым средневропейским населением, но относятся к иному, нежели создатели КПДК, племенному образованию. Славянский этнический элемент в составе средневропейского населения, колонизовавшего междуречье Волги и Оки, фиксируется прежде всего по браслетообразным височным кольцам с сомкнутыми или заходящими концами (рис. 5). Судя по этим находкам, на Верхнюю Волгу население продвигается с запада–юго-запада на северо-восток, т.е. через регионы Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья. В.В. Седов отрицает какое-либо воздействие со стороны населения киевской культуры и носителей позднезарубинецких древностей. Славяне, осевшие в середине I тыс. н.э. в западных районах Волго-Окского междуречья и в междуречье Волги и Клязьмы, в течение нескольких столетий ассимилировали проживавшее здесь балтское и финское население (Седов, 1999. С. 150, 154). Похоже, из-за вторжения нового населения происходят трансформация и затухание дьяковской культуры (Седов, 1999. С. 146–147). Анализируя ход переселенческих процессов, В.В. Седов указывает, что в отличие от Волго-Клязьминского междуречья, вопросы, касающиеся этнических процессов в Волжском районе, решать невозможно из-за отсутствия здесь выявленных поселений VII–VIII вв. (Седов, 1999. С. 146–147).

Последующее развитие культурной ситуации в регионе, видимо, следует рассматривать, опираясь на предыдущую концепцию, но с учетом “ранней волны”. По В.В. Седову, проникавшие в Волго-Окское междуречье словене новгородские и смоленско-полоцкие кривичи были менее многочисленны и растворялись в славянской среде “первой волны” (Седов, 1999. С. 158).

Итак, возникновение и развитие концепций, касающихся славянского расселения, в определенной степени было связано с источниковедческой базой. Сведения об археологических памятниках, их изучение, выявление новых объектов непосредственно влияли на изменение, уточнение старых или выдвигание новых гипотез. Обоснование времени и путей славянского расселения также было тесно связано с этнокультурной интерпретацией и хронологией археологических (как правило, погребальных) памятников в рассматриваемых регионах.

С конца XIX в. в основе гипотез лежат письменные источники, сведения о размещении разных погребальных памятников и материалы из раскопок курганов древнерусского времени. Построения опираются на две, а затем на три группы погребальных памятников (выявленных в регионах прежде всего визуально и до настоящего времени слабоизученных): сопок и длинных курганов, позднее выделенных соответственно в культуру сопок, культуру псковских и культуру смоленских длинных курганов. Они различаются по хронологии, территориям распространения. Большинство исследователей относят их к славянским древностям, но учитывают также присутствие разных дополнительных этнических компонентов. Наиболее ранняя волна славянского расселения связана с древностями КПДК, появившимися в середине–начале третьей четверти I тыс. н.э. на Валдае и затем распространившимися на Волгу с Верхневолжских озер, а также по Тверце в сторону Волго-Шошинского междуречья. Ко второй волне отнесена культура сопок – древности новгородских словен – датируемая последней четвертью I тыс. н.э. В Верхневолжье славянское расселение фиксировалось в основном несколько позднее, чем в смежном регионе – в последней четверти – конце I тыс. н.э.

С середины 90-х годов XX в., после увеличения источниковедческой базы в результате региональных исследований и выявления новых типов памятников, выдвигается гипотеза о крупном миграционном потоке средневропейского населения, в составе которого основную роль играли славяне. В результате этой миграции возникает культура псковских длинных курганов, появляются так называемые памятники удомельского типа (“предсопочная культура”), а также группа населения, фиксируемая по наличию браслетообразных височных колец. По мнению исследователей, различные племенные группировки имели разные исходные территории. Так, например, население КПДК, по одной версии, двигалось из Повисленья (В.В. Седов), а по другой – могло продвигаться из Двинско-Ловатского региона (Н.В. Лопатин). В Валдайском регионе на основе двух первых групп, первоначально расселившихся отдельными “островами”, и в результате их дальнейшего взаимодействия возникает культура сопок, славянская принадлежность которой признается всеми исследователями. Последняя перерастает в древнерусскую культуру. В Верхневолжье славянская группа существует какое-то время изолированно (В.В. Седов). Дальнейший ход этнокультурных процессов из-за малочисленности источников строится пока на основе концепции, касающейся расселения в конце I тыс. н.э. новгородских словен и кривичей.

ЛИТЕРАТУРА

- Буров В.А., 1996. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. № 1.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.
- Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Исланова И.В., 1986. Анализ расположения сопок в бассейнах Мологи и верхней Мсты // КСИА. Вып. 190.
- Исланова И.В., 1995. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье в VI–XIII вв. // Славянская археология, 1990: Раннесредневековый город и его округа: Материалы по археологии России. М. Вып. 2.
- Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Конечкий В.Я., 1977. К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
- Конечкий В.Я., 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // ННЗИА. Новгород. Вып. 11.
- Конечкий В.Я., 1998. Славянская колонизация северо-запада в отечественной исторической и археологической литературе // ННЗИА. Новгород. Вып. 12.
- Конечкий В.Я., 1999. Раннеславянская культура Северо-Запада: опыт построения теоретической модели // ННЗИА. Новгород. Вып. 13.
- Конечкий В.Я., 2003. Славянская колонизация Южного Причудья на фоне общих этнокультурных процессов Северо-Запада // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Псков.
- Лаврентьевская летопись, 2001. ПСРЛ. 2-е изд. М. Т. 1.
- Лебедев Г.С., 1982. Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. Л. Вып. 1 (11).
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.
- Лопатин Н.В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214.
- Малыгин П.Д., 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС. Тверь. Вып. 1.
- Мальм В.А., Фехнер М.В., 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н.э. // Экспедиции Государственного Исторического музея. М.
- Насонов А.Н., 2002. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М.
- Носов Е.Н., 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. Т. VI.
- Носов Е.Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА. № 1.
- Носов Е.Н., 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л. Вып. 1 (11).
- Обозрение, 1897. Обзор некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. СПб. Т. IX, вып. 1–2.
- Олейников О.М., 2002а. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. Тверь. Вып. 5.
- Олейников О.М., 2002б. Историческая ситуация в Тверском Поволжье во второй половине I тыс. н.э. (к проблеме реконструкции) // История и культура Тверского края: Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Тверь. Вып. 1.
- Олейников О.М., 2003. История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Очерки истории СССР. М. 1958.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Седов В.В., 1970. Новгородские сопки. М. (САИ. Вып. Е1-8).
- Седов В.В., 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie. М.
- Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей. М. (САИ. Вып. Е1-8).
- Седов В.В., 1980. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166.

- Седов В.В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).
- Седов В.В.*, 1994. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Седов В.В.*, 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов В.В.*, 1999. Древнерусская народность. М.
- Седов В.В.* 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Смирнов К.А.*, 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Спицын А.А.*, 1899а. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб. Вып. 1.
- Спицын А.А.*, 1899б. Сопки и жальники // ЗРАО. СПб. Т. XI, вып. 1–2.
- Спицын А.А.*, 1921. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т. V, вып. 1.
- Спицын А.А.*, 1906. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Тр. Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь.
- Спицын А.А.*, 1908. Археологические разведки. СПб.
- Спицын А.А.*, 1921. Бежецкие древности // Бежецкий край. Бежецк.
- Спицын А.А.* Рукопись // Архив ТГОМ. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 267.
- Станкевич Я.В.*, 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X вв. // МИА. № 6.
- Тихомиров И.А.*, 1914. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома.
- Третьяков П.Н.*, 1939. Древнейшее прошлое Ярославского Поволжья. Ярославль.
- Третьяков П.Н.*, 1957. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // СА. № 2.
- Третьяков П.Н.*, 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Третьяков П.Н.*, 1970. У истоков древнерусской народности // МИА. Л. № 179.
- Чернягин Н.Н.*, 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.
- Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В.*, 1998. Исследование памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. Тверь. Вып. 3.
- Шмидт Е.А.*, 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.
- Шмидт Е.А.*, 1983. Погребальный обряд смоленских кривичей VIII–X вв. // Древнерусское государство и славяне. Минск.

С.И. Кочкуркина (Петрозаводск)

КАРЕЛЫ, ВЕПСЫ И СЛАВЯНЕ

Огромные пространства лесной зоны Восточной Европы, занятые финно-угорскими племенами, во второй половине I – начале II тыс. н.э. начали активно осваиваться славянами, что привело к существенному изменению этнической карты. В процессе расселения славян возникли особые административно-политические образования средневековой Руси: Водская, Корельская, Ижорская земли. Древнерусским политико-экономическим феодальным центром на Северо-Западе Руси стала Новгородская земля (рис. 1).

В “Повести временных лет” записано: “Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород”, т.е. стали называться ильменскими (новгородскими) словенами. О том, что до появления славян здесь в раннем железном веке проживало прибалтийско-финское население, свидетельствуют некоторые прибалтийско-финские гидронимы, сохраненные славянами в соответствии с правилами своего языка – некоторые речки бассейна р. Шелони (Колокша, Судома, Ильзна), р. Ловати (Сережа, Сергачма, Насва и некоторые др.), оз. Ильмень, р. Мста. В бассейне р. Мсты довольно много неславянских речных и озерных названий – Хомащукса, Мда, Шильда, Шегринка и т.д. А.И. Попов обратил внимание на то, что некоторые неславянские названия принесены сравнительно недавно карелами, выходцами с Карельского перешейка, точнее беженцами, после заключения Столбовского договора в 1617 г., когда часть карельских земель перешла к Швеции. Их потомки – “валдайские карелы” до сих пор живут в Валдайском районе Новгородской области. Между тем сохранились и более древние дославянские гидронимы (Шерегородо, Лимандрово, Шабодро). О неславянских народностях напоминают оз. Чудинское, ручей Корельский в бассейне р. Мсты. Но преобладают славянские названия (Попов, 1981. С. 36–48). О наличии прибалтийско-финского населения и об участии дославянского финского субстрата в формировании антропологического типа новгородских словен свидетельствуют краниологические материалы (Алексеев, 1969. С. 207). Согласно М.В. Витову (Витов, 1964. С. 97), для новгородских словен характерен ильменско-беломорский антропологический тип.

В бассейне оз. Ильмень в X–XI вв. начала формироваться древнерусская культура сельского населения Новгородской земли, в создании которой участвовало и население культуры длинных курганов, и население, оставившее сопки. В XI–XII вв. этот процесс завершился созданием единой материальной и духовной культуры, носителями которой являлись, согласно территориально-диалектическому образованию, “новгородцы”, включившиеся позднее в формирование древнерусского населения Новгородской земли (Конецкий, 1989. С. 3–19; Седов, 1999. С. 158–165).

Контакты славяно-русского населения с водью, ижорой, корелой и весью проходили по-разному. Племена, подвергшиеся массовой славянской колонизации, – водь, ижора, весь – быстро исчезли со страниц русских летописей. Подчиненность карельского населения Новгороду носила символический характер и выражалась в сборе дани, в совместных военных операциях по защите государственных рубежей, социально-экономических и торговых мероприятиях. Ко-

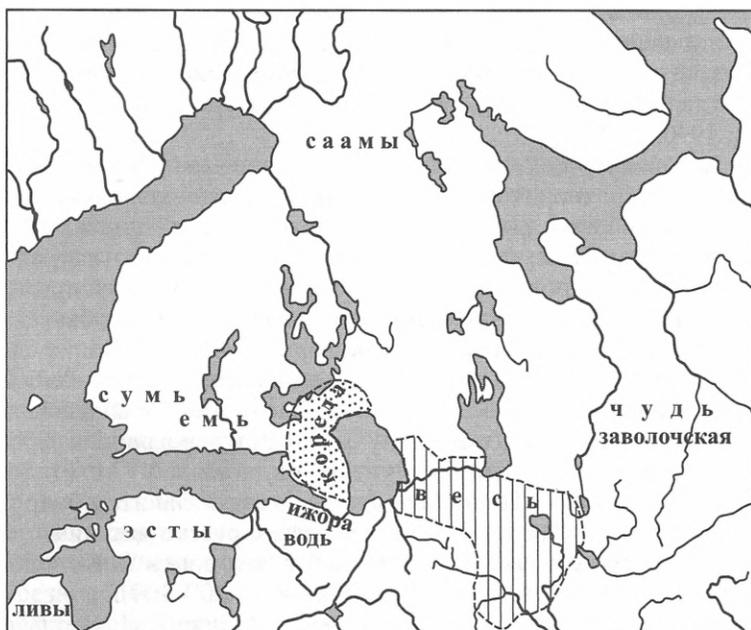

Рис. 1. Финно-угорское население Северо-Запада Восточной Европы

рельская земля вошла в состав Новгородского государства на правах равноправного или почти равноправного члена.

На Карельском перешейке и в северо-западном Приладожье, на территории летописной корелы, славянское влияние ощутимо стало сказываться в начале II тыс. н.э. Оно выразилось прежде всего в появлении предметов, изготовленных в Новгороде, возможно, по заказу корелы. Некоторые типы украшений, глиняная посуда, оружие, традиции меднолитейного и железоделательного ремесла фиксируют прочные связи со славянским миром. Даже растительный орнамент, характерный для древнекарельских изделий, возник, видимо, в художественных мастерских Новгорода из сплава различных орнаментальных стилей.

Главный топонимический пласт в северо-западном Приладожье – финско-карельский. Наиболее древние – саамские топонимы. По отношению к ним топонимы славянского происхождения более поздние, но довольно часты в ландшафте Карельского перешейка, поскольку славянское влияние проникло во все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карел, особенно тех, которые жили в центральной части Карельского перешейка, т.е. в местах, близких к административным центрам того времени (*Кочкуркина, 1981; 1982*).

По антропологической характеристике карелы относятся к европеоидным народам с незначительной примесью монголоидности. Одонтологическое исследование погребенных из нескольких десятков кладбищ XVIII–XIX вв. на территории Республики Карелия выявило, что по особенностям зубов карелы близки многим народам, населявшим Север Европейской части России (*Гравер, 1982*). Исследование же черепов из этих кладбищ показало, что карелы занимают особое место в восточноевропейском ареале и отличаются от эстонских, финских, саамских, русских. Видимо, протокарелы, оттесненные на территорию Карелии, находясь в изоляции, сохранили в своем антропологическом ти-

пе наиболее древние черты (Хартанович, 2001. С. 133). Смешанное происхождение антропологического типа населения северо-западного Приладожья, в силу оживленности и активности различных групп населения, подтверждается материалами кладбища XVIII–XX вв. вблизи пос. Куркиёки (Хартанович, 1986. С. 117–118; 1990. С. 224).

Сложный характер политических взаимоотношений Новгорода с населением древнекарельских территорий раскрывают русские летописи.

Активную роль карел как во внутренней, так и во внешнеполитической деятельности объясняли тем, что в новгородских властных структурах отдельные представители этого народа занимали высокие должности. Например, воевода Валит Корелянин (1337 г.). Деятельность его, как мы сказали бы сейчас, не была однозначной. Во время осады шведами городка Корелы Валит сдал его врагам, но когда пришли новгородцы, перешел на их сторону. Тот же Валит успешно воевал с Норвегией и присоединил “Лопскую землю” к владениям Новгорода. Его авторитет сыграл положительную роль при переговорах русских послов с датским правительством, которое во второй половине XVI в. стало претендовать на “Лопскую землю”. Полный текст рассказа о Валите обнаружен в подборке материалов 1614 г., составленной в связи с русско-датскими переговорами о Лапландии. Там есть сведения, что Валит похоронен “в Кореле, на посаде в церкви Преображенья Спасова” (Флоря, 1988. С. 107–109).

Новгородского боярина Ивана Федоровича Валита В.Н. Бернадский (1961. С. 156–158) считал выходцем из карельской знати. Однако ни одного из двух известных новгородских посадников XIV в. по имени Иван Федорович нельзя соотнести с Иваном Федоровичем Валитом. Должность воеводы Валита Корелянина, по мнению В.Л. Янина, “отнюдь не высокая в государстве... Подчинение Корельской земли Новгороду с его сложившейся системой государственности само по себе было тормозящим обстоятельством феодализации... главной особенностью феодального землевладения Новгорода была концентрация землевладельцев в самом Новгороде... Феодализация Корельской земли в сильнейшей степени тормозилась и тем, что начиная с XIV в. эта земля стала кормлением служилых князей... Она управлялась аппаратом наместников и поэтому не могла обрести статус наследственной вотчины, что, в свою очередь, препятствовало ее обояриванию. С другой стороны, к XIV в. в Новгороде окончательно сложилась кастовость боярства, препятствующая его пополнению извне (отзыв В.Л. Янина в качестве официального оппонента на докторскую диссертацию С.И. Кочкуркиной, в 1985 г.).

В документах того времени упомянут Григорий Рокульский, владевший 50 обжами земли. Однако В.Л. Янин полагает, что земли Рокульского рода в XV в. активно осваивались новгородскими боярами, например, посадником Дмитрием Васильевичем Глуховым. Он покупал их не у карельской общины, а у новгородских владельцев, каковой была Ховра, дочь Василия Кукуя.

Общинное землевладение уцелело только на севере. Судя по купчим грамотам, земли, прилегающие к Белому морю, находились во владении “пяти родов карельских детей”, которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам.

На протяжении веков со стороны Новгорода наблюдалась плотная “опека” населения Корельской земли. Она привела к тому, что помимо административного центра Корелы – города русских и, в меньшей степени, карельских поселенцев, других городов не возникло. По Ореховецкому договору западная Корела отошла к Швеции, основная же часть осталась под властью Новгорода,

тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами. В этих условиях проходила активная ассимиляция русскими карел, в результате которой карелы сохранили язык только на бытовом уровне, но остались без своей письменности, компактной зоны проживания и, в конечном счете, своего государства.

При объединении русских земель и карельско-новгородских владений в составе Русского централизованного государства на бывших новгородских территориях создаются новые административные единицы – пятины, в которых сохранилось прежнее деление на погосты. Карельские земли входили в состав Корельского уезда Водской пятины. На исконной древнекарельской территории проживали в основном карелы – потомки летописной корелы.

Шведская агрессия в конце XVI в. привела к опустошению края: после заключения Тязвинского мира в погостах Кирьяжском (Куркиёки), Сердобольском (Сортавала), Иломанском (Иломанси) и Соломенском (Салми) имелось около 3000 пустых дворов и только 322 “живущих” (заселенных). Часть населения погибла, другая ушла в Россию (Очерки..., 1957. С. 108). По Столбовскому миру 1617 г. Кексгольмский уезд, как и Ингерманландия, отошли к Швеции. Россия потеряла важную в политическом и экономическом отношениях территорию, лишилась выхода к Балтийскому морю. На сто лет Корельский уезд оказался отрезанным от Русского государства. Эта порубежная территория управлялась как завоеванная местность, ее жители не были представлены в рикстаге, их не брали в армию. Когда живших в Кексгольмском уезде карел начали насильно обращать в лютеранство, тысячи семей бежали в Россию, особенно после войны 1656–1661 гг. (Ютиккала, 1995. С. 48).

В XI в. новгородцы стали продвигаться на Север и, в частности, в юго-восточное Приладожье (Ленинградская область и южная часть Карелии), в землю летописной веси. В курганах, особенно вблизи административных и культурных центров, появляются христианские и славянские элементы. Исчезают богатые захоронения, возникают кладбища при церквях. На южной границе приладожской культуры сосредоточено более 250 курганов XII–XIII вв., оставленных в подавляющем большинстве славянским населением. Однако в глубине территории языческие обряды продолжали соблюдаться. К началу XIII в. население отходит от курганной погребальной обрядности. Здесь появляются грунтовые кладбища – “жалньики”, надгробные каменные кресты и т.д. (Кочкуркина, 1989).

О присутствии новгородских славян свидетельствуют типичные для них предметы украшения и другие образцы материальной культуры. В XIII в. в юго-восточном Приладожье утвердилась новгородская налоговая система. Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1136/37 г. о церковной десятине с позднейшими приписками об Обонежском и Бежецком рядах предоставила право новгородским епископам получать десятину от княжеских доходов, собираемых в виде податного и судебного налогов, но не в виде фиксированной суммы от поступающих в казну доходов, как это было при прежних князьях, а постоянной, гарантированной князем суммой в 100 гривен новых кун. Возможная недостача при сборах покрывалась из княжеской казны (Янин, 1991. С. 138–141).

Ранее считалось, что географические наименования Устава – это названия погостов (Насонов, 1951. С. 74–75). Заметим, что при перечислении земель в Обонежском ряду нигде не встречено слово “погост”. А такие названия, как “у Пахитка”, “у Пермина”, “у Кокорка”, “у Липсуевич”, обоснованно связыва-

ются с именами крупных землевладельцев, вероятнее всего, с именами местных старейшин. Из 14 пунктов Устава Святослава только девять (один сомнительный на Кожеле) можно увязать с погостами XVI в. Кроме того, территория “погостов” не совпадает с ареалом славянского антропологического типа. Поэтому предположение Л.В. Даниловой (1955. С. 208), по которому погосты с прибалтийско-финским звучанием их наименований, упомянутые в Уставе, сложились на основе каких-то местных образований дославянского периода, на наш взгляд, подтверждается. Новгородцы воспользовались уже сложившимися административными единицами для взимания дани (*Кочкуркина, 1973. С. 72–76*). Наличие элементов славянской культуры и влияние славян в юго-восточном Приладожье объясняется постепенным проникновением их на данную территорию. Проникновение, судя по всему, было мирным, иноязычные народы прекрасно уживались друг с другом, обогащая свои культуры. Влияние было разносторонним и охватило социальную, хозяйственную и религиозную области их жизни. Но славянское освоение края не означало коренного изменения этнического состава населения. Современное русское население северного Приладожья, Свирско-Оятского водораздела – это в массе своей обрусевшие вепсы (*Муллонен, 1985. С. 184–185*).

В свое время на вопрос: сопутствовало ли феодальным захватам XII–XV вв. проникновение на север русского земледельческого населения или дело ограничивалось лишь установлением феодальной власти над населением? – М.В. Витов предложил ответить так. Если бы происходила славянская колонизация, тогда этнический состав населения изменился бы сразу; при втором варианте имел бы место длительный процесс ассимиляции местного населения пришлым. Изучение черепов из курганов юго-восточного Приладожья привело к выводу о неоднородности погребенных в курганах. Одни из них в наибольшей чистоте сохранили черты протоевропейского типа, который, с одной стороны, близок славянам Верхнего Поволжья и Белоруссии, а с другой – обнаруживает сходство со скандинавами (*Дебец, 1948. С. 240*). Отмечена антропологическая близость ильменцев с жителями Северной Европы. Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь у русских Северо-Запада России. По предположению шведских исследователей (*Lundborg, Linders, 1926*), физические особенности населения Новолadoжского и Волховского районов близки среднему типу шведов (*Витов, 1964. С. 59, 97*). Другие черепа отнесены к урало-лапоноидной группе типов, представленных чудским населением Восточной Европы (*Седов, 1952. С. 78*). Однако подчеркнем, что детальный анализ антропологического состава населения, оставившего приладожские курганы, пока еще не сделан.

Что касается антропологического исследования вепсов, то специалисты пришли к следующему заключению. Вепсы представляют собой однородную группу северных светлопигментированных европеоидов с легкой примесью монголоидности. Тип северных вепсов ближе к собственно вепсскому антропологическому типу эпохи средневековья. Он не подвергся ни карельскому, ни русскому влиянию. Облик же южных вепсов, в том числе и средних, несет следы контактов с соседними народами, в первую очередь, с русскими (*Цветкова, 1993*).

Оказывается, ареал ильменско-беломорского антропологического типа, характерного для новгородских словен, захватывает территорию городов Тихвина и Ладоги, обходя юго-восточное Приладожье. Следовательно, в юго-восточном Приладожье Новгород ограничился установлением власти феода-

лов над уже сложившимися административными единицами для взимания дани. При наличии славян основной состав населения оставался прибалтийско-финским.

Наиболее мощный топонимический славяно-русский пласт отмечен на всей древневепсской территории, хотя характер взаимоотношений вепсов и русских был не везде одинаковым. Согласно топонимическим свидетельствам, можно говорить о массовом вторжении русских в иноязычную среду и усвоении ими местных названий в западных и южных частях вепсского ареала. На остальной территории засвидетельствовано появление двуязычия местного прибалтийско-финского населения и его постепенное обрусение (*Муллонен*, 2002. С. 325–330).

Продвижение славян из юго-восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи русских диалектов отметили, что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами юго-восточного Приладожья, и в первую очередь, с бассейнами рек Ояти, Паши, Сяси, а также новгородскими диалектами бассейнов Волхова и Ильменя.

Особо следует сказать о средневековом населении Прионежья: прионежских вепсах. Под Прионежьем понимается узкая полоса западного берега Онежского озера от с. Вознесенья до низовьев р. Шуи. Заселение этой территории происходило несколько позднее, чем остальной части Онежско-Ладожского водораздела. Здесь практически отсутствуют археологические памятники начала II тыс. н.э. О поселениях в Оштинском погосте известно из писцовой книги 1496 г., деревни Шуйского и Остречинского погостов стали объектом переписи лишь в книге 1560-х годов. По топонимическим материалам (*Муллонен*, 1994), заселение Прионежья вепсами шло из Присвирья по Онежскому озеру и р. Ивине. Традиционным объяснением такого невнимания средневекового населения к Прионежью является отсутствие удобных для земледелия участков. Напомним, что в эпоху каменного века западное побережье Онежского озера было плотно заселено. Под давлением новгородского населения, пришедшего на земли юго-восточного Приладожья, вепсы начали осваивать северные территории, но вынуждены были остаться в Прионежье, так как основную часть южной Карелии уже заняли карелы.

Этнографические материалы (*Винокурова*, 2001. С. 319–320) свидетельствуют о влиянии карельской культуры на прионежских вепсов, но подчеркивают более характерное русское воздействие. Правда, еще в XIX в. оно было не столь значительным (по антропологическим данным, северный тип вепсов почти не испытал русского влияния), но уже через 2–3 поколения жители деревень по рекам Ивина и Свирь считали себя русскими. Процесс обрусения вепсского населения Прионежья продолжался и в XX в.

Заонежский полуостров и прилегающие к нему острова в настоящее время являются территорией проживания русскоязычного населения. Исследователи полагают, что славяне в Заонежье переселились из псковско-новгородских земель. Следы проживания дорусского населения прослеживаются по письменным источникам, но главным образом устанавливаются по топонимическим данным. Самый ранний пласт топонимов принадлежит древним саамам. Что касается прибалтийско-финского пласта топонимов, оставленного обитавшим здесь населением до прихода славян, то он вепско-карельский (ливвиковский и людиковский). Наиболее мощным является карельский элемент, сформировавшийся в ходе неоднократного заселения карелами этого

региона. Вепское наследие в языке и топонимии Заонежья носит более ограниченный, чем принято считать, характер. Оно прослеживается в западном людиковском Заонежье. И.И. Муллонен (2001. С. 332–348) реконструированы пути, по которым происходило заселение этих территорий. Вепсы и русские шли из Присвирья в Заонежье, а затем в Беломорье. Карельское население, передвигаясь на восток по рекам Шуе и Суне, в Заонежье столкнулось с уже почти обрусевшими вепсами. Поэтому вепсская по происхождению топонимия воспринималась карелами через посредство русских. Следы людиков, речь которых является сплавом языка карел и вепсов, на основной части региона отсутствуют. Лишь на западе Заонежья вепсы и карелы взаимодействовали напрямую, без посредничества русских. В результате многосложных миграционных потоков на огромных просторах Русского Севера сформировалось единое северорусское этнокультурное пространство (Герд, 2001. С. 415), но населяющие его народы, тем не менее, сохранили самобытные черты как в материальной, так и в духовной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.*, 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Бернадский В.Н.*, 1961. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М; Л.
- Винокурова И.Ю.*, 2001. Прионежье: этническая история ареала // Очерки исторической географии. СПб.
- Витов М.В.*, 1964. Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. 1964. № 6.
- Герд А.С.*, 2001. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб.
- Гравере Р.У.*, 1982. Одонтологическая характеристика карел // Изв. АН Латв. ССР. № 6 (419).
- Данилова Л.В.*, 1955. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М.
- Дебец Г.Ф.*, 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Конечкий В.Я.*, 1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. Л. Вып. 3(13).
- Кочкуркина С.И.*, 1973. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.
- Кочкуркина С.И.*, 1981. Археологические памятники карелы (V–XV вв.). Л.
- Кочкуркина С.И.*, 1982. Древняя корела. Л.
- Кочкуркина С.И.*, 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- Муллонен И.И.*, 1985. О гидронимии бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси. Петрозаводск.
- Муллонен И.И.*, 1994. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И.И.*, 2001. Этнолингвистическая карта Обонежья // Очерки исторической географии. СПб.
- Муллонен И.И.*, 2002. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск.
- Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957.
- Насонов А.Н.*, 1951. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М.
- Попов А.И.*, 1981. Следы времен минувших. Л.
- Седов В.В.*, 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИА. Вып. XV.
- Седов В.В.*, 1999. Древнерусская народность. М.
- Флоря Б.Н.*, 1988. Русско-норвежские отношения XIII–XIV вв. и рассказ о Валите // Внешняя политика Древней Руси. М.

Хартанович В.И., 1986. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

Хартанович В.И., 1990. Краниология населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. Рига.

Хартанович В.И., 2001. Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии // Очерки исторической географии. СПб.

Цветкова Н.Н., 1993. Антропология вепсов (обзор и новые данные) // Историческая этнография. СПб. Вып. 4.

Юттикала Э., 1995. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1639 г. // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля.

Янин В.Л., 1991. Новгородские акты XII–XV вв. М.

Lundborg H., Linders F., 1926. The Racial Characters of the Swedish Nation. Uppsala.

В.И. Кулаков (Москва)

ЭСТИИ, ВЕНЕДЫ И ГЕРМАНЦЫ НА САМБИИ

В работах В.В. Седова традиционно важное место занимает изучение и оценка вклада кельтского этнокультурного компонента в процесс сложения и развития археологических культур, считающихся в Центральной Европе прото- и раннеславянскими. Известен факт продвижения масс кельтского населения из их исходного западноевропейского ареала в юго-восточном направлении, совпавший с формированием гальштатской и латенской культур раннего железного века. К III в. до н.э. кельты достигают верхнего течения р. Вислы в районе современной Южной Польши. Далее, во II–I вв. до н.э. в Среднем Повисленье происходит сложение пшеворской культуры, при этом ведущая роль отводится славяно-кельтскому этнокультурному симбиозу (Седов, 2002. С. 88, 89). Обряд (трупосожжения как в виде скопления остатков погребального костра, так и урновые кремации) и керамический инвентарь сохраняют традиции считающейся раннеславянской подклошовой культуры, а металлический инвентарь “пшеворцы” продолжают изготавливать в соответствии с кельтскими традициями. При этом германцы, носители ясторфской культуры к этому времени, по мнению В.В. Седова, именовали славян “венедями” (Седов, 2002. С. 79). Как считает исследователь, этот этноним связан со славянами Восточного Поморья, чьими соседями на рубеже античности и раннего средневековья на западе были германцы, на востоке – западные балты (Седов, 2002. Рис. 65). Замечателен факт упоминания римскими авторами этнонима “венеды” именно в западнобалтском ареале – в Юго-Восточной Балтии, далеко к востоку и от устья р. Вислы и, тем более, от Восточного Поморья. Опыту выяснения этнокультурной ситуации здесь в раннеримское время посвящена предлагаемая заметка.

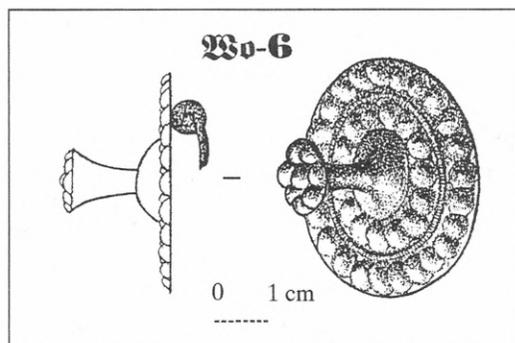
Античные письменные источники упоминают янтароносные зоны Балтики под разными именами: у Пифея янтарь собирают на острове Адалус, Плиний Старший передает информацию Гимея о таких же богатых “солнечным камнем” островах Базилия/Балтия и об Озерикте (Voigt, 1827. S. 23). Кроме того, Плиний в “Естественной истории” сообщает о событиях, происшедших в эпоху Августа: римские мореплаватели один из янтароносных островов в “Северном” (Балтийском) море назвали “Glaesaria” (от древнегерм. *glaesum* – “прозрачный”, “янтарь”, отсюда – *Glaðs-heimr* – “Мир блеска” = Царство Одина для павших героев. – Топорова, 2002. С. 403). Плиний упоминает о том, что “... у варваров раньше он назывался *Austeravia*” (Плиний Старший, 1937. С. 42). При всем этом не следует забывать о том, что в античную эпоху “янтарные провинции” (геол. – “месторождения”) находились в Юго-Восточной Балтии (*Ost-Preussen*) и на п-ове Ютланд (*Danemark & Land Schleswig-Holstein Deutschlands*). Обитатели Янтарного берега (позднейшая земля Самбия в Юго-Восточной Балтии) известны античным авторам под общим именем *Aestii*. Этот этноним имеет германское происхождение и переводится как “восточный [народ]”. С некоторой долей осторожности можно связать этот этноним с кельтск. *Austeravia* и древнегерм. *Ozericta*, переводимыми одинаково – “Восточная страна”. Определение эстиев как обитателей Аустеравии/Озерикты является общепризнанным (Okulicz-Kozaryn, 1997. S. 93).

Известная исследовательница древностей балтов Мария Гимбутас высказывала сомнение в точности идентификации этникона “эстии” по Тациту: «Наверное не установимо, относится ли обозначение “эстии” ко всем балтским племенам, также непонятно, относил ли Тацит (это) название сугубо к балтам или, точнее, к пруссам, т.е. западным балтам, либо лишь к собирателям янтаря на (берегах) Frischen Haff (= Вислинский/Калининградский залив, на самом деле Тацит описывает сбор янтаря на берегу нынешней Гданьской бухты. – К.В.), который ныне зовется литовцами Aistmares» (*Gimbutas*, 1983. S. 18). Однако балтская аутентичность эстиев ни у кого сомнения в XIX–XX вв. не вызывала.

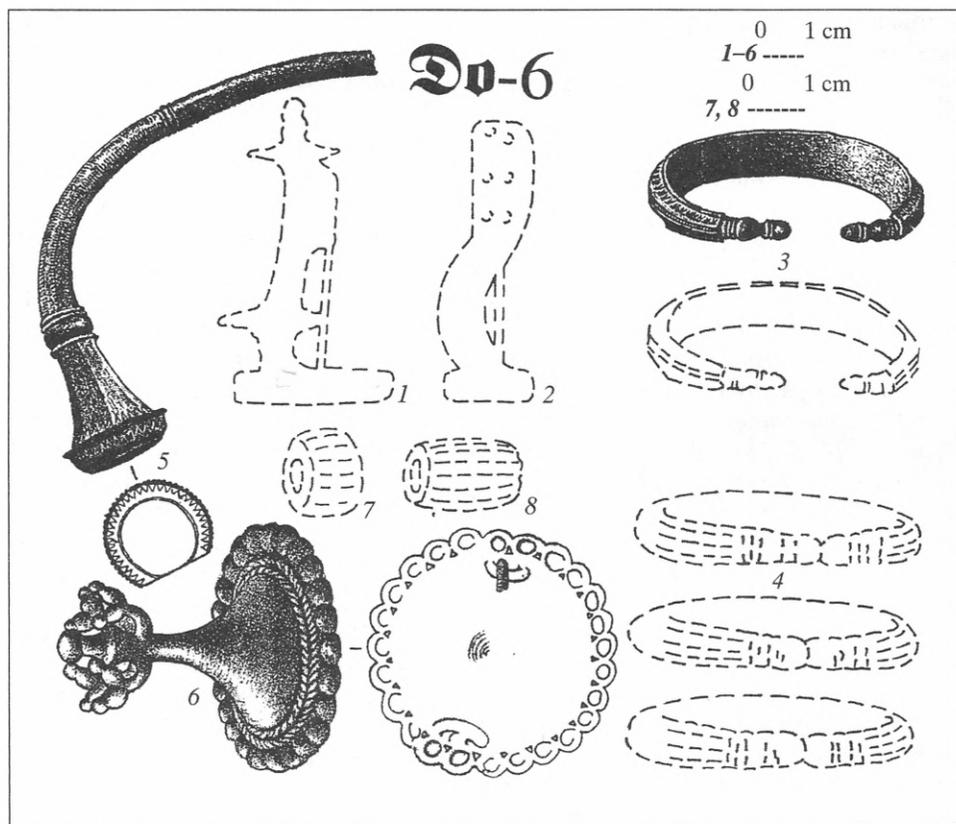
В своем исследовании погребального обряда пруссов I тыс. н.э. один из отцов-основателей прусской археологической школы, Эмиль Холлак, вслед за Отто Тишлером (*Tischler*, 1889. S. 22) выделил самбийские древности начала нашей эры в особую группу. Для нее характерными чертами обряда считались урновые трупосожжения, перекрытые каменными кладками (*Hollack*, 1908. S. 146–155). Самбийские древности входят в единый археологический массив – западнобалтскую культуру. Восходящая корнями к культуре западнобалтийских курганов I тыс. до н.э., известная в основном по погребальным памятникам, западнобалтская культура первой половины I тыс. н.э. включала всю Юго-Восточную Балтию от Мазурского Поозерья на юге до нынешнего Литовского Взморья и “Куршского полуострова” (историческая земля Kuzeme в современной Латвии) на севере. Данная культура характеризуется преобладанием кремированных на стороне захоронений в грунтовых могилах под каменными кладками. Кости помещались в керамической урне или во вместилищах из органики. Составляющие погребальный инвентарь фибулы, пряжки, браслеты, предметы вооружения и быта без следов пребывания в огне в пределах данной культуры сопоставимы не только по номенклатуре, но и типологически (*Jaskanis*, 1974. S. 211–244). Ареал “приморских эстиев” соответствует самбийско-натангийской группе (СНГ) западнобалтской культуры и охватывает Самбию (собственно Янтарный берег), бассейн р. Преголи и междуречье рек Пасленки/Passarge и Лавы/Alle. СНГ характеризуется для фаз B₂/C₁–C₂ присутствием в погребальных комплексах “змеевидных” браслетов, ведерковидных подвесок, янтарных литавровидных бусин, орнамента типа “двойной крест” на сосудах-приставках, нередко связанных с могилами воинов конских захоронений или комплексов воинского снаряжения (включая оголовья типа Proto-Vimose).

Бурные события эпохи римского влияния, прежде всего прессинг, осуществившийся на эстиев их западными и южными соседями, привел к перемещению значительной части автохтонов Янтарного края в восточном и северо-восточном направлениях, что, возможно, отразилось в изменениях культурно-исторической картины в Восточной Европе (*Кулаков*, 2001. С. 47, 48). Уже на фазе V₁ древности Самбии как по обряду (ингумация), так и по инвентарю не имеют ничего общего ни с более ранними местными древностями, ни с культурами соседних балтских племен.

Существуют две концепции этнических перемен в Янтарном крае римского времени. “Автохтонную” гипотезу представляет Войцех Новаковский. Им была сделана попытка идентифицировать населявших в начале I в. н.э. окраину Свевии (Германии, Барбарикум) эстиев с кругом древностей западных балтов (Самбия и Мазуры), а “диких феннов”, находившихся, по Тациту, вне пределов Барбарикума – с носителями культуры штрихованной керамики (*Nowakowski*, 1990. S. 91–96). При этом указанные выше новации в материальной культуре Самбии в расчет не принимались. Противоположную точку зрения представляет

A

B

Рис. 1. А – бронзовая фибула типа tutula из погребения 6 Wogau, Kr. Pr. Eylau (ныне – пос. Лермонтово, Багратионовский р-н Калининградской обл.), по: Tischler O., Kemke H., 1902, Taf. VIII, 5, 5a, S. 46. В – инвентарь погребения 6 Dollkeim, Kr. Fischhausen (ныне – пос. Коврово, Зеленоградский р-н). Находки, известные лишь по текстовому описанию, показаны пунктиром, по: Tischler O., Kemke H., 1902, Taf. II, 10; I, I; XIV, 10; XIV, 9; XIV, I; VIII, 4; Tischler O., 1879, Taf. V, 23; V, 27

М.Б. Шукин. По его мнению, уже в середине – второй половине I в. н.э. эстии-балты могли не составлять большинства на Самбии, будучи потесненными группами пришельцев из Подунавья – “блуждающих венеков”, ведомых перспективой янтарной торговли и заселивших, согласно Плинию Старшему, полуостров Энигию у дельты р. Вислы (Шукин, 1998. С. 206). Кстати, ранее В. Новиковский косвенно подтверждал этот очевидный исторический факт (Nowakowski, 1995. Rys. 1). Очевидно, этим группам кельто-романского населения принадлежат ингумации (на 35 могильниках Аустеравии), широко распространенные на Самбии на фазах B_1 – B_2 и восходящие к провинциально-римской традиции (Schultze, 1992. S. 205). Эта традиция отражена, в частности, в виде уникальных для Балтии форм круглых фибул типа *tutula* (Dornfibeln), известных на северо-восточной оконечности Барбарикума лишь в древностях Самбии фазы B_1 (рис. 1, А, В) и в составе клада, найденного в 1895 г. у дер. Трииги (Северная Эстония), широко датируемого I–II вв. н.э. (Lõugas, *Selirand*, 1989. Lz. 301). Кельтский импульс отмечен в таких погребениях гривнами-torques типа Navor (рис. 1, В).

Перемены в этнической ситуации, происшедшие благодаря распространявшемуся по Янтарному пути кельтскому влиянию в интересующем нас регионе, фиксируются письменными источниками. Если для первой половины I в. н.э. Тацит помещает эстиев, западнобалтская принадлежность которых пока не вызывает сомнений, на Самбии и к востоку от нее (Nowakowski, 1990. Rys. 1), то для периода между 50–170 гг., согласно Птолемию, земли между реками $\text{Ouis\tau\upsilon\lambda\alpha\sigma}$ (Висла), $\text{K\rho\nu\nu\omega\sigma}$ (Свежая/Frisching или Преголя), $\text{Pou\delta\omega\nu}$ и $\text{Tou\rho\rho\nu\tau\omicron\sigma}$ (Гильге/Gilge и Неман?) заселялись венедами и вельтами (велиты или кельты?), эстии же (в их числе – галинды и судины) передвинулись в северо-восточном направлении от Самбии (Ellegård, 1987. P. 14, 15). Таким образом, происшедшая в эпоху Нерона стабилизация Янтарного пути открыла янтароносную Самбию для этнокультурного импульса с юга, в том числе из бывшего кельтского ареала.

Если на квазикельтские черты этноса индивидуумов, погребенных на Самбии в I в. н.э. несожженными (эта – бесспорная черта кельтского обряда конца I тыс. до н.э. – *Седов*, 2002. С. 86), указывают гривны типа Navor и конские оголовья типа Proto-Vimose, то связи с провинциальными традициями подчеркивает присутствие в ингумациях браслетов типа *armilla* и паннонских поясов с орнаментом в стиле *opus interrasile*. Таким образом, информаторы Корнелия Тацита встретили на Янтарном берегу не автохтонов, а аллохтонов – венеков и вельтов (по Птолемию), язык которых был “близок британскому”.

На фазе B_2/C_1 на Янтарном берегу распространяются курганные насыпи типа *Walenta III*. Данный тип погребальных сооружений южноскандинавского происхождения знаменует появление на материке новой волны скандинавских переселенцев (*Walenta*, 1980/81. S. 52, 94). Эту точку зрения впервые выдвинули представители прусской археологической школы в межвоенный период, она была подкреплена широким распространением в самбийских погребениях урновых кремаций в сопровождении различных форм наступательного и оборонительного вооружения (рис. 2, 3).

Пока трудно конкретизировать вывод относительно “блуждающих венеков”, попавших в своих странствиях на Самбию не позднее эпохи Нерона. Правда, упоминание Тацита о том, что знакомые с явно кельтскими культовыми традициями (носимые ими фигурки-обереги кабанов) эстии “... собирают янтарь, который сами называют *glaesum*” (*Тацит*, 1969. С. 372), т.е. по-германски, поз-

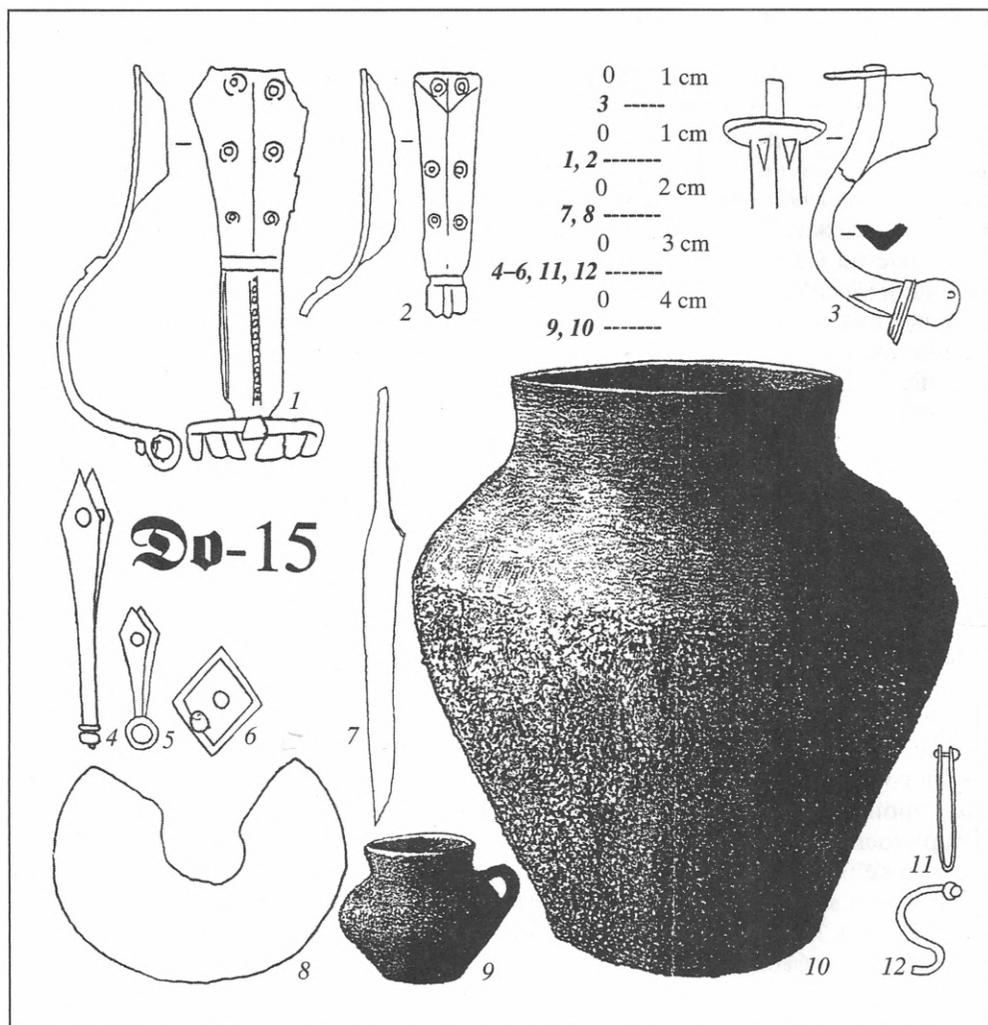

Рис. 2. Часть инвентаря погребения 15 Dollkeim, по: *Tischler O., Kemke H., 1902, Taf. XIX, 7, 14; Raddatz K., 1992–1993, Abb. 11, 5*

воляет предполагать некий германский компонент среди жителей Самбии на фазе B_2 . Более результативной в отношении своей интерпретации складывается ситуация вокруг германцев, появившихся на Янтарном берегу в процессе Маркоманских войн и развивших ритуал конского захоронения, существовавший на Самбии еще в “венедском” горизонте. Самыми ранними из известных к настоящему времени в Юго-Восточной Балтии погребений с конским снаряжением являются погребение 21 Луговское и погребение III Поваровка. Используя хронологическую схему У. Лунд-Хансен (*Lund Hansen, 1987. S. 39*), по фибулам эти комплексы можно отнести к фазе B_1b = ок. 60–80 гг. н.э. (по С. Вильберс-Рост – B_2).

Реестр инвентаря погребения 16 могильника Коврово (ингумация под каменной кладкой) содержит не западнобалтские, а скорее кельто-германские

этнокультурные индикаторы. В состав инвентаря входят бронзовые фибулы АII, 42 и АIII, 61 с железными деталями, череп коня (?) с удилами, железные втульчатая пешня (навершие сохи?), два наконечника копий, пара бронзовых (?) шпор типа Ginalski B₂ с декоративным кольцом у острия, сосуд-приставка (Тур Wiekau), нож, скребница, пинцет, точило, кусок янтаря, две “деревянных рукояти” и прочие предметы (Tischler, Kemke, 1902. S. 17). Согласно данным картотеки Г. Янкуна, пешня и череп коня с удилами в погребении 16 Коврово обнаружены в стороне от каменной кладки (Wilbers-Rost, 1994. S. 202). Это погребение, содержащее останки мужчины-воина, по фибулам и шпорам датируется этапом B₁ (0–80 гг.). Как следует из приведенного описания, погребение 16 Коврово (как и остальные комплексы, отмеченные в обеих частях каталога) не имеет ни одного артефакта, который можно было бы соотнести с западнобалтскими древностями римской эпохи, известными, например, на территории Западной Литвы или в Мазурском Поозерье.

Одно из германских (судя по кругу из камней вокруг могилы – рис. 4) погребений с конем обнаружено на могильнике Ярославское Зеленоградского р-на (ehem. Schlakalken, Kr. Samland). Этот напоминающий плоский курган погребальный комплекс представляет собой перекрытый двумя–тремя слоями камней выложенный из камней же круг диаметром ок. 5 м. В северной части этого круга выявлено ориентированное на север труположение, причем борта его могилы были выложены камнями. Среди инвентаря этого воинского захоронения найдена бронзовая фибула типа AV, 125, датирующая погребение 1 фазой B₂/C₁ = 150–200 гг. н.э. К западу от этой могилы обнаружены зубы коня с двумя пряжками (Jankuhn, 1939. S. 246, 247). Данный комплекс, не находящий по своему обряду никаких аналогий в местном материале предшествующего времени, до сих пор ошибочно считался одним из древнейших погребений с захоронением коня в Юго-Восточной Балтии (Nowakowski, 1996. S. 63).

Присутствие конских костяков на могильниках Самбии следует трактовать не как знак пути умершего в мир иной, а как принадлежность воина в заоблачных чертогах Владыки Павших – Одина, т.е. как субъект жертвоприношения в соответствии с древнегерманскими культовыми традициями. Таким образом, еще раз подчеркивается германский этнос пришельцев, принесших на фазе B₂/C₁ на Янтарный берег традиции каменных погребальных конструкций и серию материальных новаций (Кулаков, 2003. С. 81).

На фазе C₁ на могильниках Самбии распространяются оголовия типа Vimose, новые типы предметов вооружения, “сосуды типа Доллькайм”, характерные для самбийских могильников фаз C₁–C₂, сопоставимые с керамикой типа 1c2 (фазы C_{1b}–C₂) могильника Hjemsted-2, Южная Дания (Ethelberg, 1990. P. 78), находившегося во II в. н.э. в южной части древнего ареала кимвров. Тогда же на Янтарном берегу появляются урны биконической формы с горизонтальными налепами по “плечу”, аналогии которым известны в юго-западной Скандинавии. Все эти косвенные показатели позволяют выдвинуть предположение о миграции на Янтарный берег части ютландского населения, принесшей с собой традиции урновых и безурновых трупосожжений, сопровождавшиеся сосудами-приставками типа Dollkeim и оружием, обычай сооружения над могилами каменных кругов и “стел”. Таксонами историко-этнографических черт аллохтонов в материальной культуре Юго-Восточной Балтии являются провололочные кольца с завязанными концами, S-видные соединители концов нити ожерелий, секировидные и ведековидные подвески, в значительной мере определяющие характер западнобалтской культуры фаз B₂/C₁–C₂ и заведомо не являющи-

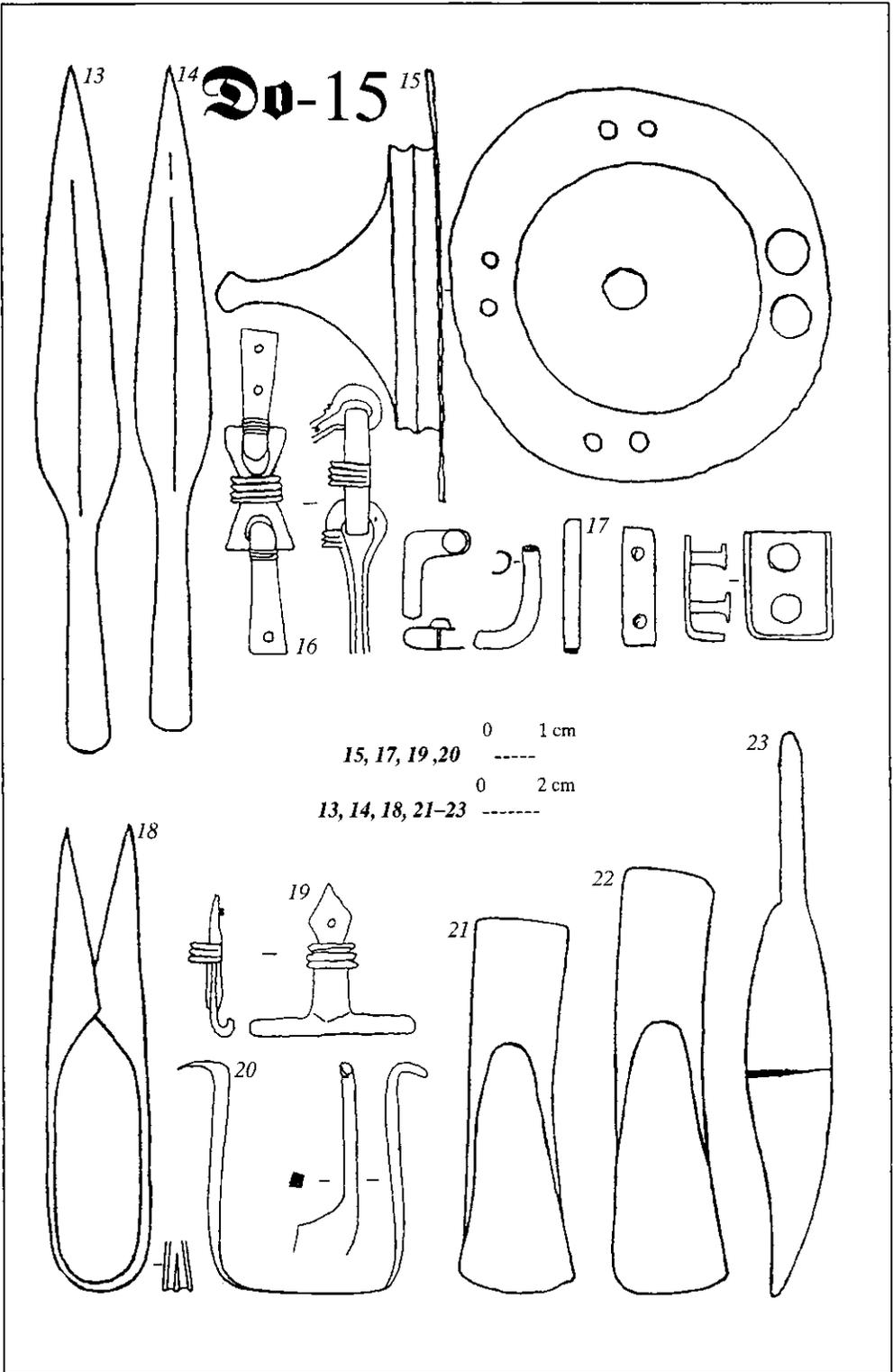

Рис. 3. Часть инвентаря погребения 15 Dollkeim, по: *Raddatz K.*, 1992–1993, Abb. 11, 5

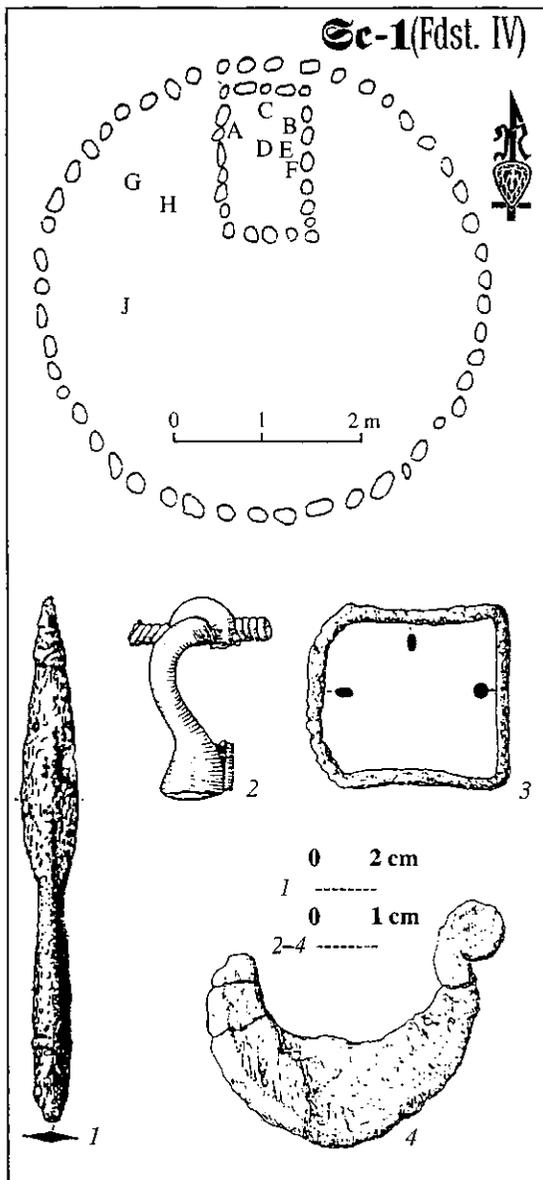
Рис. 4. План “кургана 1” Schlakalken, Кг. Fischhausen (ныне – пос. Ярославское, Зеленоградский р-н) и обнаруженный в нем с остатками ингумации инвентарь, по: *Jankuhn H.*, 1939, Taf. I, II

Расположение находок на плане могилы: А, В – два наконечника копий; С – сосуд; D – две (?) бронзовые фибулы; Е – бритва; F – нож; G, H – две железные (?) пряжки; J – зубы коня

еся “импортами”. Таким образом, о балтской принадлежности носителей СНГ упомянутой культуры говорить можно с гораздо меньшей степенью уверенности, нежели на предыдущих этапах исследования.

Возвращаясь к этнокультурной интерпретации этникона “эстии”, следует отметить, что, судя по упомянутым выше письменным источникам, это население в эпоху Флавиев начинает свое движение на восток от моря. Венеды Самбии, напротив, распространяются к устью р. Вислы, в область Энигию (“остров Гепедойос” Йордана, географически – Эльблонгская возвышенность). Причем на ареал “эстиев” античные авторы никогда не “накладывают” ареалы племен с более четкими этнокультурными признаками. Все это позволяет сохранить традиционную точку

зрения об условно западнобалтской принадлежности “эстиев”. Правда, их исключительная моноэтничность ставится под сомнение Тацитом в пассаже о том, что эстии “... собирают янтарь, который сами называют *glaesum*” по-германски. Возможно, его информаторы именовали термином “восточный народ” все те племена (балтов, часть таинственных венедов и, не исключено, группы германцев), которые были трудно различимы на туманной восточной границе Барбарикума, мало контактируя с основной, более западной частью кельто-германского мира. Возникший в рамках проблемы самбийских этносов I–III вв. н.э. частный вопрос о происхождении “местных” венедов можно достаточно уверенно решать с учетом исхода этих венедов из Нижнего Подунавья (провинции

Паннония и Норик). Вышедшие именно оттуда кельты-ремесленники и торговцы вместе с традицией ингумации, норико-паннонскими поясами, гривнами типа Навог могли способствовать распространению на берегах Балтики этникона “венеды”, совпадающего со скоплением квазикельтских находок на Самбии в эпоху Юлиев–Клавдиев и несколько позднее. Связь данного этникона с заведомо позднейшими славянскими этническими группировками в Восточном Поморье нуждается в особом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулаков В.И., 2001. Козельский микрорегион в среднем железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. Вып. IX, ч. I.
- Кулаков В.И., 2003. История Пруссии до 1283 года. М.
- Плиний Старший, 1937. Естественная история // Древние германцы. М.
- Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Тацит, 1969. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л. Т. 1.
- Топорова Т.В., 2002. Древнегерманские представления о смерти // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М.
- Шукин М.Б., 1998. Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. СПб. Вып. 4.
- Ellegård A., 1987. Who were the Eruli? // Scandia. Bd. 53 : 1.
- Ethelberg P., 1990. Hjemsted 2 – tre gravpladser fra 3. og 4. årh.e.Kr. // Skrifter fra Museumsrådet for Sønderjyllands amt. Haderslev. [Bd.] 3.
- Gimbutas M., 1983. Die Balten. München; Berlin.
- Hollack E., 1908. Die Grabformen ostpreussischer Gräberfelder // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 40, H. 2.
- Jankuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte u. Zr. aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // Prussia. Bd. 32, H. II.
- Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w.n.e.), Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Lõugas V., Selirand J., 1989. Archeologiga Eestima teedel: Teine, parandatud ja täiendatud trükk, Tallinn.
- Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. København.
- Nowakowski W., 1990. Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum: “Germania” Tacyta w świetle analizy źródeł archeologicznych // Meander. Bd. 2, H. 3.
- Nowakowski W., 1995. Σουδινοι – lud między Bałtykiem a Morzem Czarnym // Nunc de Svebis dicendum est. Warszawa.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt: Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Marburg; Warszawa. Sonderband 10.
- Okulicz-Kozaryn Ł., 1997. Dzieje prusów. Wrocław.
- Raddatz K., 1992/93. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa. Bd. 49/50.
- Schultze E., 1992. Zu den Grab- und Bestattungssitten in Mitteleuropa während der ersten Jahrhunderte n. Chr. // Praehistorische Zeitschrift. Bd. 67.
- Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder. Königsberg. Th. III.
- Tischler O., 1889. Das Gräberfeld bei Oberhof, Kr. Memel // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Bd. XXIX.
- Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.
- Voigt J., 1827. Geschichte Preussens. Königsberg. Bd. 1.
- Walenta K., 1980/1981. Obrządek pogrzebowy w okresie późnolatenskim i rzymskim // Archaeologia Baltica. Łódź. Vol. V.
- Wilbers-Rost S., 1994. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germanis Libera. Oldenburg.

М. Михельбертас (Вильнюс, Литовская Республика)

НАХОДКИ ПЕРЕКЛАДЧАТЫХ ФИБУЛ ТИПА А96 В ЛИТВЕ

За последние два десятилетия на территории Литвы раскапывалось много погребальных памятников римского периода (I–IV вв. н.э.). Археологические исследования проводились в Западной Литве (могильники с каменными венцами), Центральной Литве (грунтовые могильники), на территории низовья Немана (грунтовые могильники), в Жемайтии (курганные могильники). В некоторых погребальных памятниках (Дауглаукис, Таурагский р-н, Марвяле, г. Каунас, Парагаудис, Шилальский р-н) было обнаружено большое количество погребений римского периода, которые дополнили наши сведения о погребальном обряде балтских племен, о различных предметах быта, ремеслах, торговых отношениях. Среди погребального инвентаря преобладают украшения, позволяющие не только выделять богатые погребения родовой знати, но также в некоторой степени говорить об одежде, “модах” различных фаз римского периода.

Надо отметить, что украшения имеют более точную датировку по сравнению с другими бытовыми предметами. Среди украшений, которые являются хорошим хронологическим индикатором, необходимо выделить фибулы. Металлические застежки-фибулы были одним из наиболее распространенных украшений среди балтских племен в римский период. Жители территории Литвы в данный период пользовались фибулами местного производства, фибулами, которые были распространены на более обширной территории балтских племен, фибулами общеевропейских типов, импортными фибулами. Обращают на себя внимание перекладчатые фибулы V группы О. Альмгрена (1 серия, тип 96, см.: *Almgren*, 1923. S. 50–51, Taf. V, Fig. 96), которые до последнего времени были мало известны в Литве.

Фибулы данного типа изготовлены из бронзы, некоторые в верхней части украшены серебряной или золотой фольгой. Все фибулы имеют по 3 перекладыны на дужке. Верхняя перекладина находится ниже пружины, которая спрятана в цилиндрической трубочке. Длина всех перекладин – различная. Обычно самой длинной является средняя перекладина, а короткая нижняя составляет ножку, которая чаще всего заканчивается небольшим шариком или другим профилированным украшением. Все фибулы имеют невысокий иглоприемник.

Уже О. Альмгрен охарактеризовал основную территорию распространения фибул типа 96 (*Almgren*, 1923. S. 51, 166–167, К. II). Судя по работам Альмгрена и других европейских исследователей, фибулы типа А96 были известны на широкой полосе южного побережья Балтийского моря, т.е. в низовьях р. Висла, между Вислой и Одером, на западном берегу Одера (ср.: *Domański*, 1973. S. 145–147, гус. 6). Вышеупомянутая территория охватывает ареалы вельбарской, любошицкой, частично – пшеворской культуры. Фибулы типа А96 наиболее были распространены на территории вельбарской культуры в Польше (*Domański*, 1973. Rys. 6; *Prahistoria ziem polskich*, 1981. T. V. S. 167, tab. XXXIII: 62, 63; *Wolagiewicz*, 1966. S. 172–177; 1995. S. 39, Taf. VI: 1, 2, XLV–XLVIII; и др.). Они также известны в памятниках вельбарской культуры в Белоруссии (*Кухаренко*, 1980. С. 43, рис. 7). Надо отметить, что на территории распространения вельбарской культуры довольно часто встречаются бронзовые фибулы, укра-

шенные серебряной или золотой фольгой (Wolągiewicz, 1995. Taf. VI-16: 1, 2; Pietrzak, 1997. Taf. LXXII: 11,13, CXXXIII-444: 2, 3). Фибулы А96 обнаружены также в Скандинавии и Финляндии, но там они сравнительно редки (Almgren, 1923. S. 167; Okulicz, 1963. S. 205; Кухаренко, 1980. С. 43, рис. 7; и др.).

Фибулы А96 обнаружены и в памятниках западнобалтских племен на территории северо-восточной Польши и Калининградской области России.

Сводку находок перекладчатых фибул на балтских землях опубликовал В. Новаковски (Nowakowski, 1996. S. 157–159, К. 6), указав и некоторые литовские находки. К находкам из балтских земель следует добавить фибулу из Руцавы-Мазкатужи, Латвия (Moora, 1938. S. 97; и др.). Как видим, территория распространения фибул типа А96 довольно обширная. Они обнаружены в археологических памятниках германских, балтских и финноугорских племен. Картины значительно дополняют находки данных фибул в Литве.

Не излагая подробно историю находок перекладчатых фибул А96, можно отметить, что до 1938 г. фибулы данного типа в Литве были неизвестны. В 1938 г. во время раскопок могильника Вершвай в погребении № 39 была найдена первая такая фибула. Только двадцать лет спустя ее опубликовали Р. Куликаускаене и Р. Римантене (LLM. 1958. Кп. I. № 174). В 1962 г. фибула А96 была найдена в погребении № 3 Рудайчяйского могильника, Кретингский р-н (Michelbertas, 1968. Pav. 9, I). Количество находок данных фибул значительно увеличилось во время раскопок могильников Дауглаукис и Марвяле, однако лишь небольшая часть новых находок была опубликована (Astrauskas, 1994. P. 21, pav. 1)*. Правда, краткие данные о фибулах А96 из могильника Марвяле привел в своей диссертационной работе А. Астраускас (Astrauskas, 1998. P. 21, Pav. 8, lentelė № 6), однако они в научной печати не появились.

Целью настоящей статьи является публикация фибул типа А96, обнаруженных в Литве. Картографирование литовских находок дополняет данные об их распространении на племенных территориях балтов, показывает, в какой степени они были в обиходе жителей Литвы римского периода.

Данные о всех фибулах А96 приведены в каталоге (Прил. 1), большинство фибул представлены в рисунках. Поэтому нет необходимости приводить какие-то обобщающие данные о размерах и конструкции фибул типа А96 из Литвы. Можно лишь отметить, что все фибулы сделаны из бронзы, две фибулы украшены в верхней части серебряной фольгой (Дауглаукис, погр. № 16, рис. 2, 2, Марвяле, погр. № 57, рис 1, 2), одна – золотой (Парагаудис).

Как показывает составленная нами карта, в настоящее время на территории Литвы известно 5 мест нахождения, в которых обнаружено 12 фибул типа А96 (рис. 3).

В могильниках с каменными венцами Западной Литвы и в курганах Жемайти обнаружено по 1 фибуле, в могильниках низовьев Немана – 3 фибулы, в могильниках Центральной Литвы – 7 фибул. Надо полагать, что такая картина не случайна. Местность Центральной Литвы у слияния рек Нярис и Неман в римское время была довольно густо заселена. На территории современного г. Каунас и в его окрестностях известно несколько поселений (городищ) и могильников римского периода, к числу которых относятся могильники Вершвай и Марвяле. В данном регионе наблюдается большое скопление римских импортных

* Автор приносит свою благодарность руководителям раскопок в Дауглаукис и в Марвяле доц. д-ру Е. Йовайша и д-ру А. Астраускасу за разрешение пользоваться неопубликованными материалами.

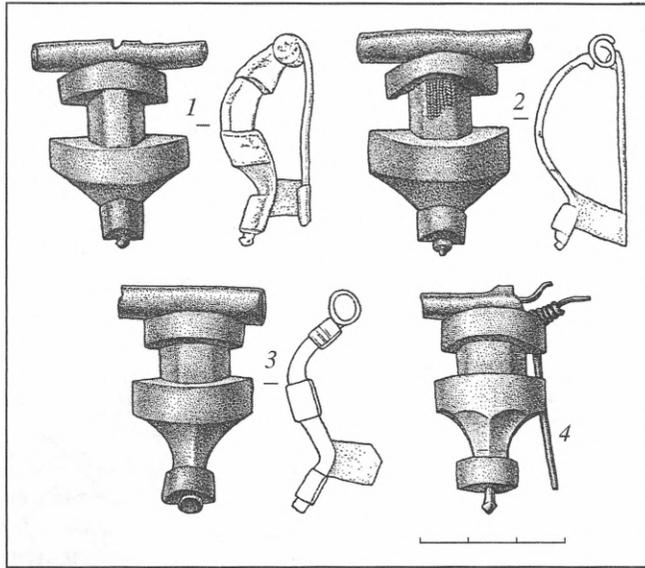

Рис. 1. Фибулы из могильника Марвяле

1 – погребение 21; 2 – погребение 57; 3 – погребение 684; 4 – погребение 724; 1, 3, 4 – бронза; 2 – бронза с серебряной фольгой. Рисунок И. Мацюкайте

предметов (фибулы, бусы из стекла и эмали, монеты и др.), что указывает на его значимость как центра торговли.

Все вышеупомянутые регионы Литвы в настоящее время исследователи относят к племенным территориям западных балтов.

Фибулы А96 в Литве обнаружены и в мужских, и в женских, и в детских погребениях. Некоторые погребения выделяются сравнительно богатым инвентарем. Например, в детском погребении № 16 из Дауглаукиса вместе с фибулой А96, украшенной серебряной фольгой, обнаружено ожерелье из стеклянных и эмалевых бус, бронзовая шейная гривна с конусовидными концами, 2 бронзовых линейных и 2 спиральных браслета. Много других предметов найдено в женском погребении № 21, в мужском погребении № 22 из Марвяле. Хотя в части погребений инвентарь был довольно скудным (Вершвай, погр. № 39, Марвяле, погр. № 684, 724).

Интересно, что в некоторых случаях вместе с фибулами А96 найдены другие фибулы и булавки. Так, в вы-

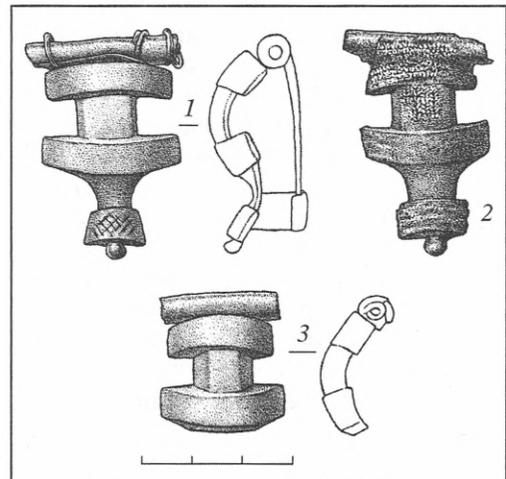

Рис. 2. Фибулы из различных погребений

1 – Марвяле, погребение 1038; 2 – Дауглаукис, погребение 16; 3 – Дауглаукис, погребение 5; 1, 3 – бронза, 2 – бронза с серебряной фольгой. Рисунок И. Мацюкайте

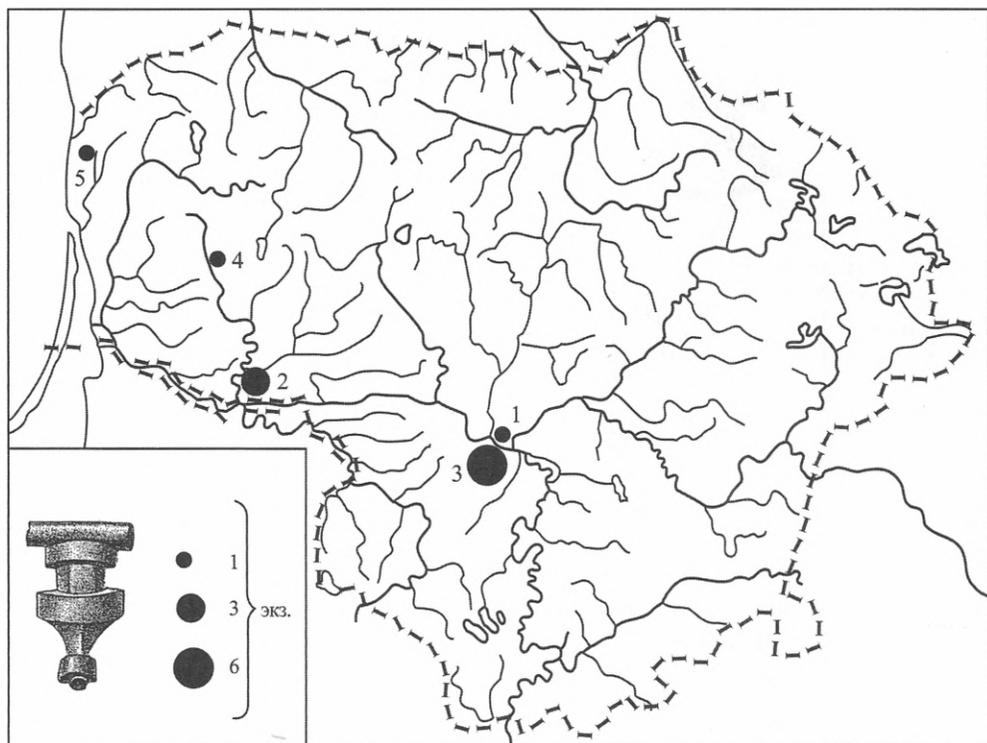

Рис. 3. Карта распространения фибул А96 в Литве

шеупомянутом погребении № 22 из Марвяле была обнаружена другая переключенная фибула (III группа, II подгруппа) и бронзовая булавка с бочковидной головкой (II группа). В погребении № 21 из Марвяле найден фрагмент железной булавки, в погребении № 3 из Рудайчяй II – бронзовая булавка с бочковидной головкой (I группа). Во всех трех случаях мы имеем комбинацию грудных украшений: 2 фибулы и булавка, фибула и булавка. Такие случаи в материалах литовских могильников римского периода не являются исключением. Возможно, что фибулами и булавками застегивалась различная одежда.

Положение фибул в погребениях позволяет утверждать, что верхняя одежда застегивалась и украшалась чаще всего на груди. Также возможны случаи застегивания одежды в области пояса, так как в некоторых погребениях фибулы были найдены на бедренных костях.

Хронология фибул А96 не вызывает больших споров. Многие исследователи относят данные фибулы к фазе B_2/C_1 римского периода, т.е. в основном ко второй половине II в. н.э. или к рубежу II и III вв. (Domański, 1973. S. 145–147; Prahistoria ziem polskich, 1981. T. V. Tab. XXIII; Woląiewicz, 1995. S. 44; Pietrzak, 1997. S. 92; и др.). Несомненно, что большинство фибул А96, обнаруженных в Литве, тоже можно датировать фазой B_2/C_1 римского периода. Данные фибулы обнаружены в погребениях с такими типичными украшениями вышеупомянутой фазы, как шейные гривны с конусовидными концами (I группа), булавками с бочковидной головкой (I группа). Некоторые фибулы А96 из Литвы могут принадлежать и к концу фазы C_{1a} , т.е. к началу III в.

Распространение фибул типа А96 на обширной территории европейского Барбарикума немного усложняет вопрос о центрах их производства. Надо согласиться с В. Новаковским, что фибулы А96 были межрегиональным украшением (Nowakowski, 1996, S. 50). Однако, как уже отмечалось, наибольшее распространение данные фибулы имеют в вельбарской культуре, которая связывается с готским этносом (ср.: Kokowski, 1999). Поэтому, мы и дальше склонны считать, что большинство фибул А96 в Литве является импортом из вельбарской культуры (Michelbertas, 1998, S. 428). Наше убеждение укрепляет тот факт, что некоторые фибулы украшены серебряной и золотой фольгой. Такие технические приемы на изделиях местного балтского производства неизвестны. Конечно, не исключена возможность, что фибулы А96 могли изготавливать и местные мастера, проживающие в Центральной Литве. Например, фибула из погребения № 1038 в Марвяле имеет дужку плоского сечения, нижняя переключина украшена сетчатым орнаментом (рис. 2, 1), характерным для многих балтских украшений. Данную фибулу можно считать местным подражанием фибулам А96.

Связи вельбарской культуры и западнобалтских племен были охарактеризованы В. Новаковским и А. Битнер-Врублевской (Nowakowski, 1989, S. 143–159; Bitner-Wróblewska, 1989, S. 160–177). Данные связи не были односторонними. Интересно отметить, что на территории вельбарской культуры найдены украшения, очень характерные для памятников Литвы, – булава с колесообразной головкой, шейная гривна с конусовидными концами и лунницами (Moora, 1938, S. 189, 249; Bitner-Wróblewska, 1989, S. 160). Находки фибул типа А96 в Литве расширяют наши познания о связях вельбарской культуры и западнобалтских племен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ*

1. Вершвай, г. Каунас.

Погребение № 39 (женское?). Раскопки И. Пузинаса 1938 г.

Бронзовая фибула. Высота – 4,1 см, ширина в верхней части – 2,5 см.

Цилиндрическая трубочка не сохранилась.

Фибула обнаружена на правой бедренной кости. Рядом лежал фрагмент железного шила.

Каунасский военный музей им. Витаутаса Великого. (Далее: КВМВВ). Инв. № 1590.

LLM. 1958. Кп. I. № 174.

2. Дауглаукис, Таурагский р-н

А. Погребение № 5. Раскопки И. Бальчюнаса 1983 г.

Фрагмент бронзовой фибулы (рис. 2, 1). Нижняя часть фибулы не сохранилась.

Высота фрагмента – 3 см, ширина цилиндрической трубочки – 2,5 см.

Национальный музей Литвы в Вильнюсе. (Далее: НМЛ). Инв. № AR666:8. Balčiūnas, 1984. P. 11, 36, 68.

Б. Погребение № 16 (детское). Раскопки Е. Йовайша 1984 г.

Бронзовая фибула, верхняя часть которой (дужка, переключина и трубочка) украшена серебряной фольгой (рис. 2, 2). Высота фибулы – 4,59 см, ширина трубочки – 3,33 см. Игла и часть иглоприемника не сохранились.

* Номера памятников в каталоге соответствуют номерам на карте (рис. 3).

Фибула обнаружена в области груди покойника.

Остальной инвентарь погребения: бронзовая шейная гривна с конусовидными концами, ожерелье из стеклянных бусин, 2 бронзовых ленточных и 2 спиральных браслета, бронзовое цельное кольцо.

КВМБВ. Инв. № 2397: 21.

Jovaiša, 1986. P. 50–51.

В. Погребение № 43. Раскопки Е. Йовайша 1988 г.

Бронзовая фибула с железной пружиной (последняя не сохранилась). Высота – 4,12 см.

Фибула обнаружена в области груди покойника.

КВМБВ. Инв. № 2419 : 13.

3. Марвяле, г. Каунас.

А. Погребение № 21 (женское). Раскопки А. Астраускаса 1991 г.

Бронзовая фибула (рис. 1, 1). Высота – 4,2 см, длина цилиндрической трубочки – 3,4 см, диаметр трубочки – 0,5 см.

Фибула обнаружена между левой бедренной костью и локтем левой руки, пружиной была обращена во внешнюю сторону от оси погребения.

В погребении также обнаружены: ожерелье из стеклянных позолоченных бус, 2 бронзовых браслета четырехугольного сечения, фрагмент железной булавки.

КВМБВ. Инв. № 2427: 27.

Astrauskas, 1994. P. 21, Pav. 1.

Б. Погребение № 22 (мужское). Раскопки А. Астраускаса 1991 г.

Бронзовая фибула. Высота фибулы – 4,5 см, длина цилиндрической трубочки – 3,3 см, диаметр трубочки – 0,8 см.

Фибула вместе с другой перекладчатой фибулой обнаружена на груди умершего, в левой стороне. Обе фибулы лежали поперек груди, пружинами обращены в левую сторону.

Вторая бронзовая перекладчатая фибула представляет вариант фибул III группы, II подгруппы. В погребении еще обнаружена бронзовая шейная гривна с конусовидными концами (II группа), бронзовая булавка с бочковидной головкой (II группа), бронзовое цельное кольцо и железный втульчатый топор.

КВМБВ. Инв. № 2427: 31.

Astrauskas, Bertašius, 1992. D. I. P. 19, 47.

В. Погребение № 57 (женское). Раскопки А. Астраускаса 1991 г.

Бронзовая фибула, которая на дужке между перекладинами украшена серебряной фольгой (рис. 1, 2). Высота фибулы – 4,6 см, ширина трубочки – 3,5 см.

Фибула лежала почти на середине груди, поперек нее, ниже челюсти, пружиной обращена в левую сторону.

В погребении найдено также железное шило.

КВМБВ. Инв. № 2427: 57.

Astrauskas, Bertašius, 1992. D. I. P. 35.

Г. Погребение № 684 (женское). Раскопки А. Астраускаса 1994 г.

Бронзовая фибула (рис. 1, 3). Игла не сохранилась. Высота фибулы – 4,6 см, ширина трубочки – 3 см.

Фибула обнаружена в перевернутом положении, на правой бедренной кости.

В погребении также обнаружены: бронзовое спиральное кольцо и железное шило.

КВМБВ. Не инвентаризована.

Astrauskas, Bertašius, 1995. D. I. P. 73.

Д. Погребение № 724 (мальчика-подростка). Раскопки А. Астраускаса 1994 г.

Бронзовая фибула (рис. 1, 4). Часть трубочки сломана, пружина переломана.

Высота фибулы – 4,8 см, длина цилиндрической трубочки – ок. 3,2 см.

Фибула найдена на груди, ниже челюсти.

В погребении обнаружено также бронзовое спиральное кольцо.

КВМБВ. Не инвентаризована.

Astrauskas, Bertašius, 1995. D. I. P. 7, 82.

Е. Погребение № 1038 (мужское). Раскопки А. Астраускаса 1997 г.

Бронзовая фибула (рис. 2, 1). Нижняя перекладина украшена сетчатым орнаментом. Высота фибулы – 4,4 см, длина трубочки – 3,1 см.

Фибула обнаружена в области груди покойника.

Остальной погребальный инвентарь: бронзовое спиральное кольцо, железный втульчатый топор.

КВМБВ. Не инвентаризована.

Astrauskas, Bertašius, 1998. D. I. P. 22, 54.

4. Парагаудис, Шилальский р-н.

Раскоп I. Раскопки автора статьи.

Случайная находка в курганном могильнике.

Бронзовая фибула, на дужке украшена золотой фольгой. Верхняя часть фибулы (перекладина и пружина с трубочкой) не сохранилась, отсутствуют игла и приемник. Высота фрагмента – 3,8 см, ширина средней перекладины – 2,3 см.

НМЛ. Инв. № AR 721:131.

Michelbertas, 1997. P. 23, Pav. 77; Michelbertas, 1998. S. 428, Abb. 4.

5. Рудайчяй П, Кретингский р-н.

Погребение № 3 (женское). Раскопки автора статьи 1962 г.

Бронзовая фибула. Верхняя часть (пружина, трубочка) фибулы и игла не сохранились. Фибула найдена в области груди покойницы.

Остальной погребальный инвентарь: 2 стеклянных бусины с позолотой, бронзовая булавка с бочковидной головкой (I группа) и фрагментами цепочки.

Кретингский музей.

Michelbertas, 1968. P. 66, 70, Pav. 9; 1.

ЛИТЕРАТУРА

Кухаренко Ю.В., 1980. Могильник Брест–Тришин. М.

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrußsischen Formen. 2. Aufl. Leipzig.

Astrauskas A., 1994. Laidojimo papročiai Marvelės kapinyne // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius. P. 21–27.

Astrauskas A., Bertasius M., 1992. Marvelės kapinyno 1991 metų tyrinėjimų ataskaita. Vilnius. D. I. // Архив Ин-та истории Литвы. Далее: АИИ. Д. № 1831.

Astrauskas A., Bertašius M., 1995. Marvelės kapinyno tyrinėjimo ataskaita Vilnius. D. I. // АИИ. Д. № 2413.

Astrauskas A., Bertašius M., 1998. Marvelės kapinyno 1997 m. tyrinėjimų ataskaita. D. I, II // АИИ. Д. № 2905.

Astrauskas A., 1998. Marvelės bendruomenė II a. pabaigoje – V a. Vilnius // Архив каф. археологии Вильнюсского ун-та, Д. № D11. Рукопись диссертационной работы на соискание ученой степени доктора гуманитарных наук.

Balčiūnas J., 1984. Dauglaukio, Tauragės raj. kapinyno 1983 m. žvalgomųjų tyrinėjimų ataskaita. Vilnius // АИИ. Д. № 1144.

Bitner-Wróblewska., 1989. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin. T. II. S. 160–177.

Domański G., 1973. Zagadnienie tak zwanej kultury burgundzkiej // Przegląd Archeologiczny. Wrocław. T. 21. S. 123–163.

Jovaiša E., 1986. Dauglaukio plokštiniis kapinynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1984 ir 1985 metais. Vilnius. P. 49–52.

Kokowski A., 1999. Archäologie der Goten: Goten im Hrubieszów-Becken. Lublin.

LLM., 1958. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. I kn. Sudarė R. Kulikauskienė ir R. Rimantienė. Vilnius.

Michelbertas M., 1968. Rūdaičių II kapinynas // Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I–VII a. kapinynai. Vilnius. P. 56–73.

Michelbertas M., 1997. Paragaudžio pilkapynas. Vilnius.

Michelbertas M., 1998. Die römzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren: Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. 5. Wünsdorf. S. 425–432.

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu. Th. II.

Nowakowski W., 1989. Kultura wielbarska a zachodniobałtyjski krąg kulturowy // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin. T. II. S. 143–159.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa.

Okulicz J., 1963. Sprawozdanie z badań prowadzonych w 1959 r. na osadzie i grodzisku w Osinkach, pow. Suwałki // Wiadomości archeologiczne. T. XXIX, zes. 2. S. 193–209.

Pietrzak M., 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10: Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpomern. Kraków.

Prahistoria ziem polskich, 1981. Wrocław i i. T. V: Późny okres lateński i okres rzymski.

Wolańgiewicz R., 1966. Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników // Materiały zachodniopomorskie. T. XI. S. 169–191.

Wolańgiewicz R., 1995. Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. V. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr. Kraków.

А.М. Обломский (Москва)

О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ ДВУХ ГРУПП ПАМЯТНИКОВ КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПОСЕЙМЬЕ*

Сейм (левый приток Десны) – одна из наиболее протяженных рек Днепровского Левобережья. Ее истоки находятся на границе Белгородской и Курской областей, а сама она протекает по Курской обл. России, Сумской и Черниговской обл. Украины (рис. 1). Посеймье расположено на границе лесостепной и лесной зон, в долине Сейма чередуются залесенные и остепненные участки. Среднее и Верхнее Посеймье является одним из наиболее населенных регионов в ареале киевской культуры. В позднеримское время здесь были распространены памятники двух культурно-хронологических групп этой археологической общности: деснинского и сейминско-донецкого вариантов. Цель предложенной вниманию читателя статьи – определить границы этих групп, однако прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, необходимо сделать несколько вводных замечаний о специфических признаках обоих упомянутых выше вариантов и об историографии исследований Посеймья.

Деснинский вариант киевской культуры выделен Р.В. Терпиловским. В своей монографии, опубликованной в 1984 г., он определил специфику материалов этой культурно-хронологической группы на фоне прочих известных в то время (средне- и верхнеднепровских) (*Терпиловский*, 1984. С. 43–47). В ставшем уже классическим своде памятников киевской культуры Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной деснинская группа локализуется в бассейне Нижней и Средней Десны и в низовьях Сейма (*Терпиловский, Абашина*, 1992. С. 21). Принадлежность серии памятников Среднего Посеймья к этому варианту киевской культуры аргументирована в некоторых моих работах и в публикации материалов поселения Попово-Лежачи-4, подготовленной мною совместно с Р.В. Терпиловским (*Обломский*, 1991. С. 95–100, 121–123; 1996. С. 62–69; *Обломский, Терпиловский*, 1998. С. 85–89).

Сейминско-донецкий вариант киевской культуры выделен автором статьи. В монографии 1991 г. указано, что памятники этой культурно-хронологической общности распространены в верховьях Сейма, Псла, Северского Донца с притоками и в долине Оскола (*Обломский*, 1991. С. 25–30, 47–68, 108–119). В 1994 г. установлено, что к сейминско-донецкому варианту относятся и некоторые памятники бассейна Ворсклы, например поселение Боромля-2 (*Обломский*, 1994).

Основные признаки, отличающие друг от друга деснинский и сейминско-донецкий варианты, заключаются в наборе форм сосудов, структуре керамического комплекса памятников, пропорциях горшков, конструкции и планировке построек.

Подавляющее большинство форм сосудов обоих вариантов сходны между собой. Тем не менее, округлобокие с вертикальными венчиками горшки таксона I, 1, б (рис. 4, 7) встречены только на памятниках сейминско-донецкого

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 03-01-00263а/Б.

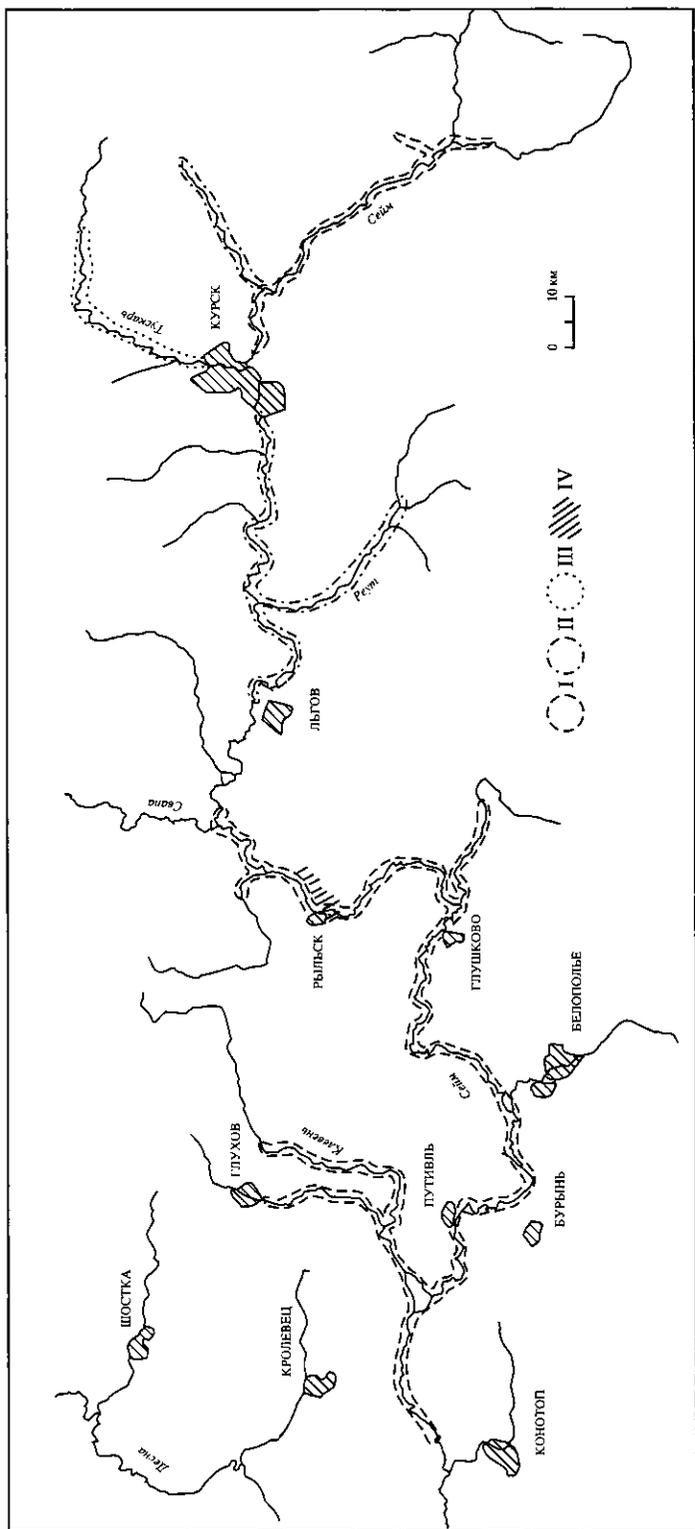

Рис. 1. Среднее и Верхнее Посыемье, зоны сплошных разведок

Территории, обследованные: I – Белгородской/Левобережной Раннеславянской экспедицией ИА АН СССР/РАН (А.М. Обломский, В.В. Приймак, Р.В. Терпиловский); II – Централно-Черноземным отрядом ИА АН СССР (А.В. Кашкин, А.А. Узянов); III – экспедицией Курского областного краеведческого музея (Н.А. Тихомиров); IV – Рыльской археологической экспедицией ТОО «Кром» (М.В. Фролов)

круга¹, хотя эти формы и редки. Для поздних (периода черняховского влияния) поселений этой культурно-хронологической группы достаточно типичны конические или чашевидные миски-плошки на полом поддоне или с плоским дном (рис. 4, 15, 16, 18).

Резко различается структура керамического комплекса двух групп памятников. Для поселений деснинского варианта характерно преобладание округлобоких закрытых, близких к баночным, но с отогнутыми наружу венчиками горшков таксона I, 3-а (рис. 2, 2, 10, 11; 3, 1, 2, 7), на втором месте, как правило, находятся “тюльпановидные” закрытые формы I, 3-б (рис. 2, 7; 3, 6, 8, 13, 14), на третьем, четвертом и пятом – сравнительно редкие округлобокие горшки с выпуклой дугой в верхней части профиля и отогнутыми наружу венчиками I, 1, а (рис. 3, 10, 11), баночные I, 4 (рис. 2, 6; 3: 3–5, 9) и ребристые класса II (рис. 3, 15, 16) (*Обломский*, 1996. С. 62–63). На поздних поселениях деснинского круга довольно часты диски. На памятниках сейминско-донецкого варианта, напротив, господствуют горшки I, 1, а (рис. 4, 1, 3–6), на втором месте обычно находятся сосуды I, 3-а (рис. 4, 8, 9, 14), хотя из этого правила и имеются исключения (см. табл. 1 – поселения Букреевка-2 и Авдеево). Прочие формы (тюльпановидные, баночные, ребристые – рис. 3, 2, 10–13) сравнительно редки. Диски немногочисленны и представлены не на всех памятниках (*Обломский*, 1991. С. 95).

Различие в пропорциях горшков наиболее ощутимо в профилировке их верхних частей. На сейминско-донецких памятниках наиболее широко распространены сильнопрофилированные сосуды с углом наклона венчика относительно верхней части корпуса более острым, чем 150° (их бывает до 72%). Большинство горшков деснинского варианта имеют более сглаженный профиль с углом наклона венчика больше 150° . На памятниках Посеймья деснинского круга таких сосудов может насчитываться до 92% (*Обломский*, 1996. С. 64).

На поселениях деснинского варианта киевской культуры² преобладают подпрямоугольные в плане полуземлянки с открытыми очагами (если они прослежены). Эти жилища зачастую имели центральные опорные столбы кровли (*Терпиловский*, 1984. С. 11–16). Хозяйственные постройки единичны, а остатки больших наземных домов, вероятно бывших местами общественных собраний или культовыми сооружениями, прослежены только на селище Попово-Лежачи-4 (*Обломский, Терпиловский*, 1998. С. 61–65). На памятниках сейминско-донецкого варианта очень часты углубленные в грунт хозяйственные постройки, котлованы которых имели весьма разнообразную форму, хотя и известны жилища-полуземлянки, аналогичные деснинским (*Обломский*, 2002. С. 50–56). В Посеймье примерами могут служить поселение Букреевка-2, где из 10 исследованных построек жилыми были только 5, и селище Тазово, на котором из пяти сооружений только одно было жилищем (*Сымонович*, 1986; 1990; *Обломский*, 1991. С. 234–236).

Э.А. Сымоновичем, А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским и В.В. Приймаком, А.Е. Алиховой, Н.А. Тихомировым, О.Н. Енуковой и В.В. Енуковым в Посеймье к настоящему времени стационарно исследованы 13 памятников киев-

¹ В статье используется классификация керамики киевской культуры, изложенная в работах: *Обломский*, 1991. С. 35–37, табл. II; 2002. С. 7–8, табл. 1.

² Для позднего этапа киевских древностей Подесенья имеются в виду поселения круга Ульяновки. О присутствии на Десне в раннегуннское время двух групп населения – местной по происхождению, оставившей памятники типа Ульяновки, и пришедшей с юга, для которой характерны древности типа Роища, см.: *Обломский*, 2002. С. 65–66.

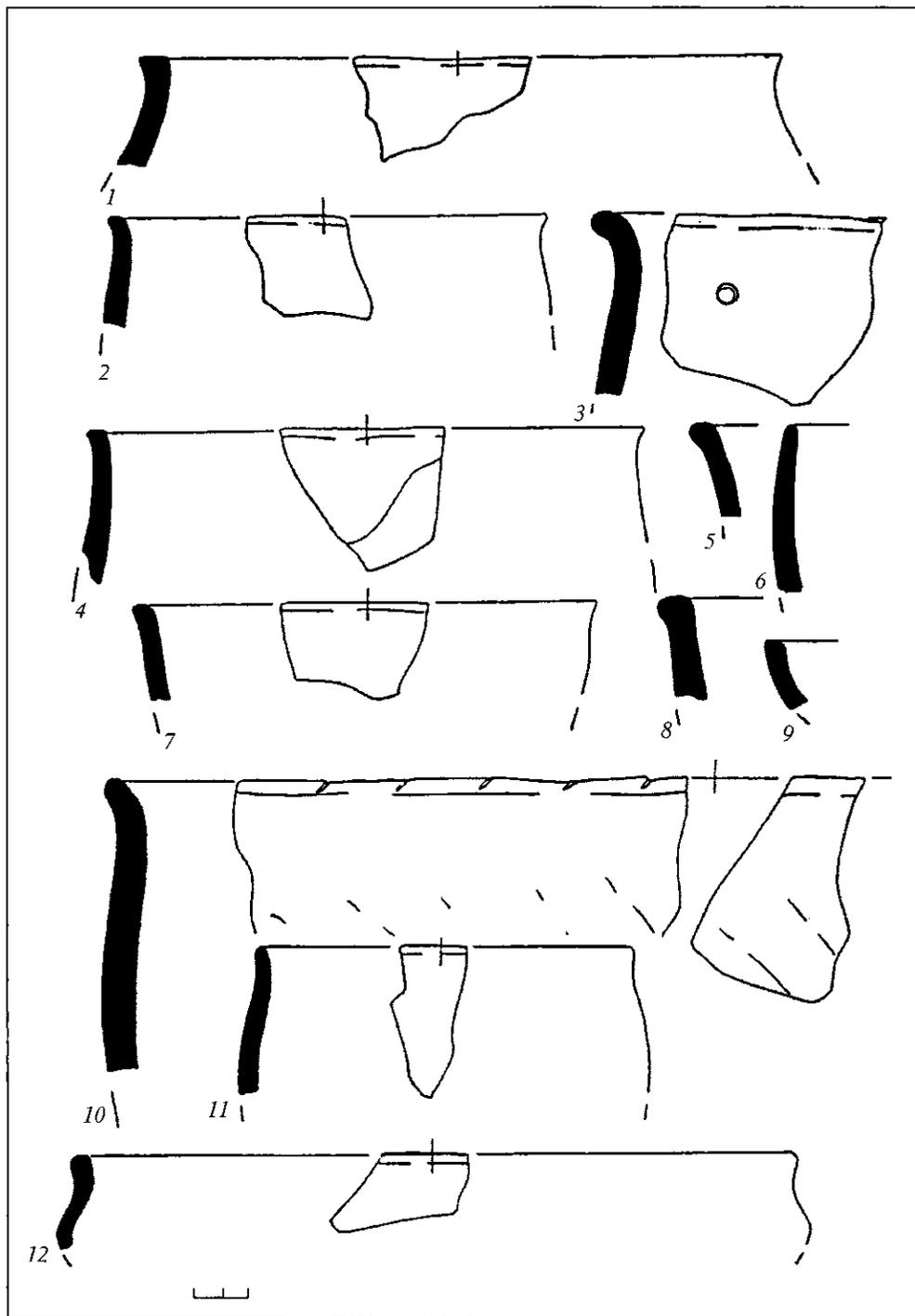

Рис. 2. Поселение Веселое-2. Материалы римского времени из культурного слоя и заполнения более поздних сооружений

1-11 – груболепная керамика; 12 – фрагмент лепной чернolощеной миски

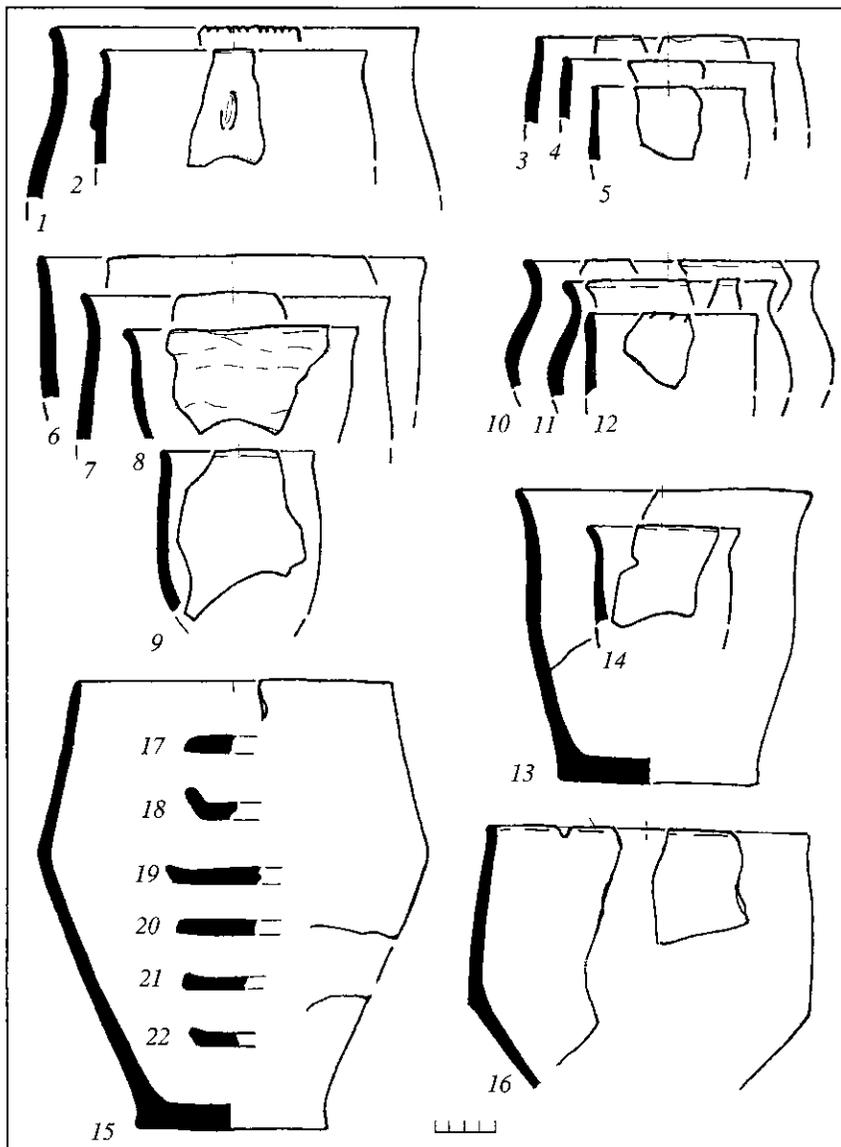

Рис. 3. Груболопная керамика заключительного этапа деснинского варианта киевской культуры

1, 2, 6-9, 13, 14, 15 – Чаплици-3; 3-5, 10-12, 16-22 – Пересыпки-1

ской культуры (Попово-Лежачи-4, Воробьевка Вторая-2; Тазово, Комаровка-2, 10-й Октябрь, Букреевка-2, Каменево-2, Лебяжье-1, Авдеево, Студеновский-5, Пересыпки-1, Чаплици-3, Веселое-2). Еще два поселения (Шостка-Локотки и Кролевец-Подолово) раскопаны на водоразделе Сейма и Десны в верховьях рек, впадающих в Десну, Л.И. Белинской и В.Б. Звагельским в 2000 и 2001 гг. Все они представляют собой селища. Могильники киевской культуры в Посеймье пока не известны.

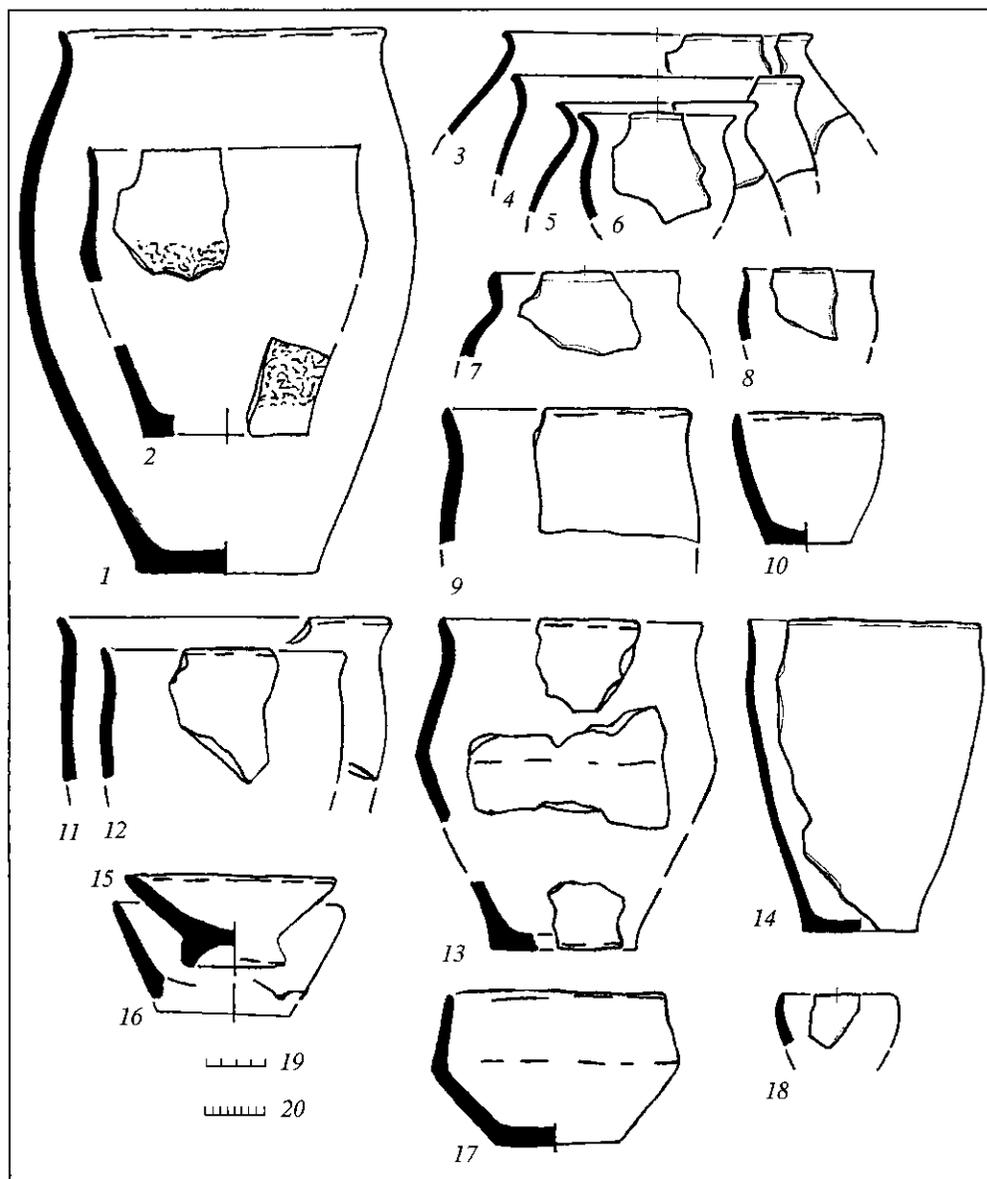

Рис. 4. Материалы позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры

1, 3-18 - грубелепная керамика; 2 - обломки сосуда с подлощенными верхней и нижней частями и хрупчатой поверхностью в центре. 1, 2, 9-13, 15-17 - Букреевка-2; 3-6, 8, 14, 18 - Авдеево; 7 - Лебяжье-1; 19 - масштаб к позициям 1-13, 15-18; 20 - масштаб к позиции 14

Сведения о памятниках, керамический набор которых позволяет рассчитать процентное соотношение форм сосудов, приведены в табл. 1. По перечисленным выше признакам керамического набора к деснинскому варианту относятся поселения Попово-Лежачи-4, Пересыпки-1, Чаплищи-3, Комаровка-2; к сейминско-донецкому - Букреевка-2, Тазово, Авдеево.

Таблица 1. Процентное соотношение форм лепных сосудов на памятниках киевской культуры Среднего и Верхнего Посеймья

Памятник	Таксоны формы									
	I, 1, а	I, 3-а	I, 3-б	I, 4	II, 1	II, 2	II, 3	II, 5	диски	конические крышки
Попово-Лежачи-4	9	38	17	4	9	12	2	9		
Пересыпки-1	6	25	19	11		6			33	
Чаплищи-3	7	30	21	4		4		4	30	
Комаровка-2	5	50	21	3	5				16	
Каменево-2	26	21	17	13	2	6		6	2	7
Букреевка-2	32	6	8	15	5	6				28
Тазово	56	12	4	8					16	4
Авдеево	68		6	6	14					6

Своеобразным является комплекс посуды поселения Каменево-2. Горшков таксонов I, 1 и I, 3-а здесь приблизительно поровну. Специальное исследование показало, что пропорции слабопрофилированных сосудов из Каменево близки к происходящим из Комаровки-2 и ряда других памятников деснинского варианта. Специфика материалов поселения Каменево-2 объясняется смешением традиций деснинского и сейминско-донецкого населения (*Обломский*, 1991. С. 119–121; 1996. С. 63–69).

На прочих селищах материала гораздо меньше. Тем не менее, по некоторым деталям археологического комплекса их также можно отнести к одной из двух известных в Посеймье культурно-хронологических групп киевских древностей. Так, из культурного слоя поселения Веселое-2 (общее описание памятника см.: *Приймак*, 1994. С. 40–41) происходит серия обломков верхних частей груболепных сосудов, среди которых явно преобладали слабопрофилированные (рис. 2, 2, 4–8, 10, 11). Набор форм груболепных горшков составляют 3 фрагмента сосудов I, 3, а (рис. 2, 2, 10, 11), 2 – “тюльпановидных” I, 3-б (рис. 2, 7, 8), 1 – баночного I, 4, а (рис. 2, 6). Памятник, таким образом, относится к деснинскому варианту. Наличие среди материалов памятника обломка чернолощеной лепной миски с зигзаговидным профилем (рис. 2, 12), близкой к позднезарубинецким образцам, и верхней части груболепного горшка с насечками по венчику (рис. 2, 10), что для древностей деснинского круга является архаичным признаком (*Обломский*, 2002. С. 18), свидетельствует о сравнительно ранней дате киевского горизонта поселения. Слой римского времени Веселого можно датировать III в.н.э. или даже первой его половиной (по аналогии с поселением Попово-Лежачи-4).

Выразительный комплекс груболепной посуды, среди которой преобладают фрагменты слабопрофилированных горшков и встречено довольно много обломков сковородок с низкими бортиками и дисков, происходит из построек, хозяйственных ям и культурного слоя поселений Шостка-Локотки и Кролевец-Подолово. В первом случае с этим набором посуды найдены низкие биконические пряслица с широкими отверстиями, характерные для деснинского варианта

киевской культуры (*Терпиловский*, 1984. С. 33), и язычок пряжки гуннского времени, а во втором – черняховская гончарная керамика (*Белінська, Звагельський, Карась*, 2000; *Белінська, Звагельський, Нікітін*, 2001).

На поселении 10-й Октябрь найдены два обломка конических мисок-плошек. Одна из полуземлянок имеет неправильно прямоугольную форму и неровное дно (*Обломский*, 2002. Рис. 39, 4; 41, 4; 42). Эти детали являются признаками сейминско-донецкого варианта. К последнему относятся также поселения Лебяжье-1, Воробьевка-2, Студеновский-5. На первых двух памятниках из перечисленных, кроме обломков сильнопрофилированных округлобоких горшков с отогнутыми наружу венчиками таксона I, 1, а, а, найдены фрагменты сосудов I, 1, б с вертикальными венчиками, а в Лебяжьем-1 – еще и почти целая миска-плошка оригинальной формы (со слегка отогнутым наружу краем) (*Сымонович*, 1974. Рис. 3, 2–4; сообщение автора раскопок Лебяжьего-1 Н.А. Тихомирова). Из вымосток-субструкций очагов 1 и 2 поселения Студеновский-5 и связанной с очагом 2 ямы 34 происходят обломки 5 типологически определимых сосудов I, 1, а, а, по одному – таксонов I, 3-а и I, 3-б (сообщение О.Н. и В.В. Енуковых). Этот набор вполне типичен для поселений сейминско-донецкой традиции.

Перейдем к вопросу о районировании киевских памятников в Посеймье. Разведки, проводившиеся в этом регионе в 40–80-е годы Д.Т. Березовцом, Ю.А. Липкингом, И.И. Артеменко, Э.А. Сымоновичем, В.А. Ильинской, О.В. Сухобоковым, А.И. Пузиковой и другими исследователями, либо имели очаговый характер, либо были направлены на поиски материалов определенно-интересовавшего авторов, хронологического диапазона. Эти изыскания дали весьма важные сведения для построения общей хронологической колонки древностей Посеймья железного века. Первые памятники киевской культуры (Авдеево, Букревка-2, Тазово, Каменево-2) были открыты А.Е. Алиховой и Э.А. Сымоновичем в результате именно таких разведок.

Тем не менее, для реконструкции общей картины распространения памятников в регионе необходимы сплошные обследования речных долин. Такие работы начались только на рубеже 70–80-х годов. На протяжении 1979–1990 гг. в Верхнем Посеймье они проводились Центрально-Черноземным отрядом Института археологии АН СССР под руководством А.В. Кашкина (*Кашкин, Узанов*, 1991; Археологическая карта, 1998. С. 20–21), в 1981–1984 гг. – экспедицией Курского областного краеведческого музея (начальник – Н.А. Тихомиров) (*Тихомиров*, 1985), в 1988 г. – Белгородской раннеславянской экспедицией ИА АН СССР, которую возглавлял автор настоящей статьи. В результате была полностью обследована долина Сейма от его верховьев до г. Льгова, включая притоки Тускарь, Реут, Рать. В 1990–1994 гг. эти работы были продолжены в Среднем Посеймье Левобережной раннеславянской экспедицией ИА АН СССР/РАН под моим руководством, в исследованиях которой принимали участие Р.В. Терпиловский и В.В. Приймак. Долина Сейма была обследована по обоим берегам от г. Рыльска Курской обл. России до г. Конотопа Сумской обл. Украины. Разведки проводились также на притоках Сейма Снагости, Клевени и на впадающей в последнюю р. Эсмань от устья Клевени до г. Глухова Сумской обл. (*Обломский, Терпиловский*. 1991; 1994; *Обломський, Приймак*, 1992; *Обломский*, 1995). Окрестности г. Рыльска в 1992–1993 гг. планомерно обследовал М.В. Фролов (*Фролов*, 1994. С. 307). В 2003 г. после многолетнего перерыва разведки в Посеймье продолжили автор статьи и В.В. Приймак. Был осмотрен участок долины Сейма от г. Рыльска вверх до устья р. Свапы, включая низовья рек Амоньки и Свапы. Во время этих разведок обследовались все участки речных

долин, которые могли быть заселены в древности: от высокой поймы, разнообразных останцов и первых надпойменных террас до края коренного берега. Территории, где проводились сплошные разведки, отмечены на рис. 1. Важное значение для определения границ регионов, занятых в Посеймье населением киевской культуры, имел выход свода археологических памятников Курской обл. под редакцией Ю.А. Краснова и А.В. Кашкина, где учтены все имеющиеся данные по 1996 г. включительно (Археологическая карта, 1998; 2000).

На карте, которая приводится на рис. 5, отмечены все памятники киевской культуры, известные в Среднем и Верхнем Посеймье по разведкам и раскопкам. Они образуют две обширные зоны концентрации: западную, которая охватывает долину Сейма от устья р. Клевень до участка, лежащего немного севернее р. Снагость (между городами Глушково и Рыльском Курской обл.), и восточную от устья р. Реут до района, находящегося по Сейму несколько выше г. Солнцево. В эту зону входит практически вся долина Реута, нижнее и среднее течение р. Тускарь. К западному “стугу” киевских памятников тяготеют поселения Шостка-Локотки и Кролевец-Подолово, исследованные на водоразделе Сейма и Десны.

В западной области концентрации киевских памятников сосредоточены почти все поселения деснинского варианта, изученные в Посеймье раскопками, а в восточной – сейминско-донецкого. Долина Сейма от обширной излучины, лежащей южнее г. Рыльска, до приблизительно г. Льгова Курской обл. является, таким образом, границей двух вариантов киевской культуры в Посеймье.

Тем не менее, из этого правила имеются два исключения. Так, поселение 10-й Октябрь, материалы которого обладают признаками сейминского-донецкого варианта, входит в состав западной “деснинской” зоны, а селище Каменево-2 с чертами деснинской традиции находится в бассейне р. Тускарь, где сосредоточены памятники сейминско-донецкого круга.

Каждый из этих фактов имеет свое объяснение. Селище 10-й Октябрь, строго говоря, расположено не в долине Сейма, а на ручье Мужича, впадающем в левый приток Сейма р. Снагость. Этот памятник тяготеет не столько к Посеймью, сколько к водоразделу Сейма и Псла. Его могла оставить группа населения, продвинувшаяся в бассейн Снагости с юга. В верховьях Псла локализуется особая область концентрации памятников киевской культуры. Раскопками на Псле исследованы поселение и могильник Шмырево, селища Гочево-1, 2, 3 и 4, могильник Песчаное-Кулига. На всех этих памятниках имеются материалы сейминско-донецкого варианта (*Обломский*, 1991. С. 205, 228–231, 242–243).

Поселение Каменево-2 является одним из самых поздних памятников киевской культуры. Мною уже высказывалось мнение, что его следует рассматривать в ряду таких селищ, как Курган-Азак, Беседовка, Сенча и Песчаное в лесостепной части Днепровского Левобережья. Все эти памятники отражают процесс продвижения деснинского населения в раннегуннское время на юг и юго-восток, что предшествовало формированию колочинской культуры (*Обломский*, 1996; 2002. С. 69–74).

Области сосредоточения киевских памятников разделяет обширное пространство, где они неизвестны. Отмечу, что большая часть этой территории обследована. Естественно, в этом регионе могут быть открыты новые памятники, поскольку ни одна из разведок не может дать исчерпывающих сведений о характере заселенности территории в древности. Новые поселения и могильники могут быть обнаружены после корчевки участков леса, где не было обнажений слоя почвы, распашки задернованных площадей на краях террас, осушения пой-

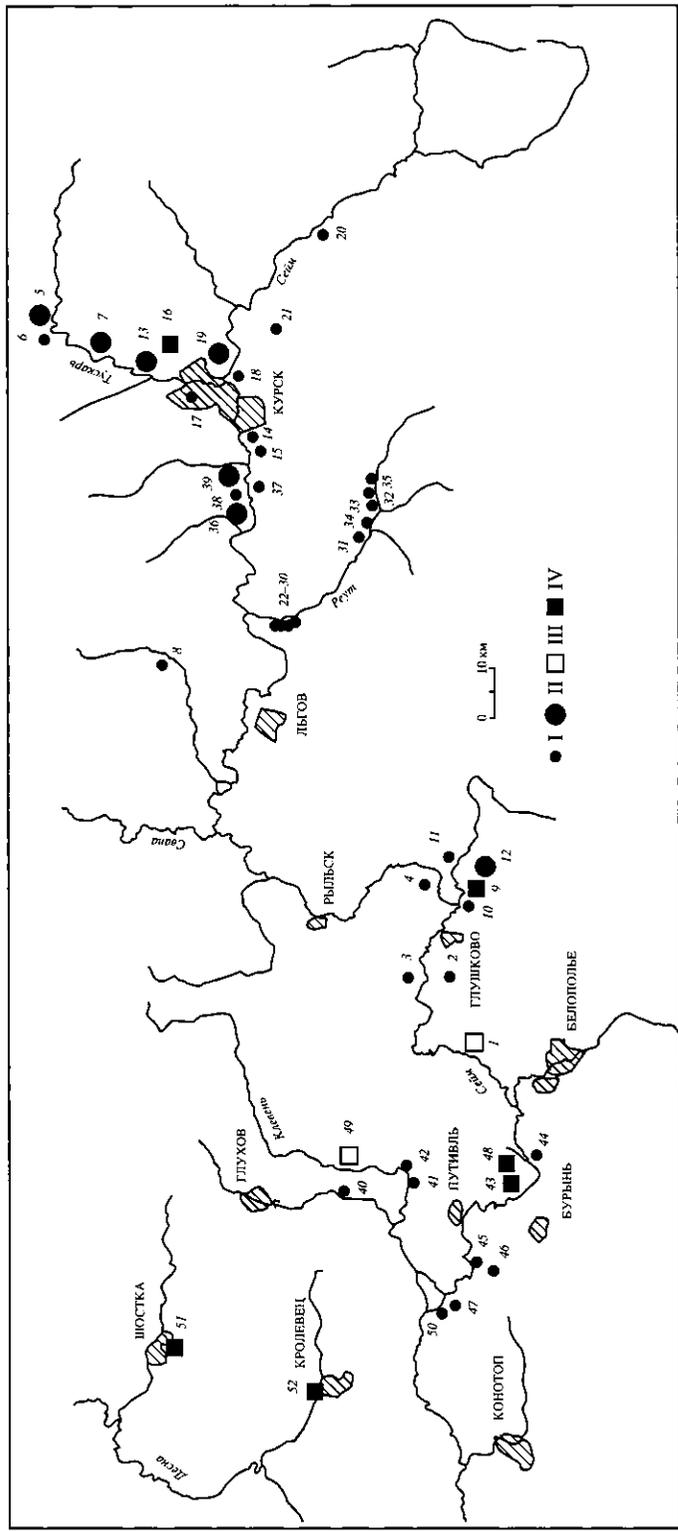

Рис. 5. Памятники киевской культуры на территории Среднего и Верхнего Посеймья

I – памятник, известный по разведкам; II – памятник сейминско-днепцовского варианта (черняховский период), исследованный раскопками; III – памятник деснинского варианта, исследованный раскопками (ранний); IV – памятник деснинского варианта, исследованный раскопками (поздний).

1 – Попово-Лежачи-4; 2 – Ходяковка; 3 – Лециновка-3; 4 – Забелино-3; 5 – Воробьевка Вторая-2; Дубовец-2; 7 – Тазово; 8 – Павловка; 9 – Комаровка-2; 10 – Комаровка-3; 11 – Слагодь-3; 12 – 10-й Октябрь; 13 – Букреевка-2; 14 – Ворошнево-1; 15 – Ворошнево-2; 16 – Каменево-2; 17 – Курск, Кировский мост; 18 – Курск, Сеймский мост; 19 – Лебязь-1; 20 – Хвостово; 21 – Шатовка; 22 – Чапли-2; 23 – Чапли-5; 24 – Чапли-6; 25 – Чапли-8; 26 – Чапли-9; 27 – Чапли-10; 28 – Чапли-11; 29 – Чапли-12; 30 – Чапли-14; 31 – Благодатное (Маково); 32 – Господня Первая-4; 33 – Господня Первая-5; 34 – Самсоново-4; 35 – Сласское; 36 – Авдеево; 37 – Прямычино-2; 38 – Студеновский-3; 39 – Студеновский-5; 40 – Перемога-1; 41 – Вегеровка-2; 42 – Руднево-2; 43 – Пересыпки-1; 44 – Пески-4; 45 – Шерченково-1; 46 – Гвинтовое-1; 47 – Хижки-2; 48 – Чаплищи-3; 49 – Веселое-2; 50 – Хижки-3; 51 – Шостка-Локотки; 52 – Кролевец-Подолово

мы и последующего ее хозяйственного освоения и т.д. Тем не менее, как показывает опыт, речь может идти лишь об отдельных пунктах. Общие границы массивов при этом практически не изменяются.

Несколько замечаний о дальнейших перспективах изучения памятников киевской культуры Посеймья. В первую очередь необходима ликвидация хронологических лагун. В западной области концентрации киевских памятников стационарно исследованы наиболее ранние для деснинского варианта поселения (Попово-Лежачи-4, Веселое), основной диапазон существования которых относится к первой половине III в. (*Обломский, Терпиловский, 1998. С. 72–86*), и относящиеся к финальному этапу развития культуры, т.е. ко второй половине IV – началу V в. (Чаплищи-3, Пересыпки-1, Комаровка-2, Шостка-Локотки, Кролевец-Подолово) (*Обломский, 2002. С. 65–75*). Памятники, синхронные второму этапу деснинского варианта по Р.В. Терпиловскому и Н.С. Абашиной, датирующиеся второй половиной III–IV вв., близкие по археологическому комплексу к эталонным для этого периода селищам Лавриков Лес, Киреевка-2, Деснянка, Форостовичи и др. (*Терпиловский, Абашина, 1992. С. 87–89*), в Среднем Посеймье пока не известны.

В восточном “сгустке” киевских древностей все изученные раскопками памятники сейминско-донецкого круга относятся к периоду черняховского влияния, который для древностей этой традиции датируется второй половиной III–IV вв. (*Обломский, 2002. С. 56–60*). Поселения и могильники более раннего этапа этой культурной традиции (Шишино-5, Шмырево, Приоскольское-2, Песчаное-Кулига) пока исследованы только южнее – в верховьях Псла, Северского Донца и Оскола.

Ответить на вопрос, отражает ли подобное “хронологическое распределение” киевских древностей Среднего и Верхнего Посеймья историческую реальность или оно обусловлено нехваткой наших знаний, помогут дальнейшие раскопки.

Насущными являются также поиски могильников. Без их изучения наши представления об археологическом комплексе киевской культуры Посеймья односторонни.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России: Курская обл. М., 1998. Ч. 1.
Археологическая карта России: Курская обл. М. 2000. Ч. 2.
Белінська Л., Звагельский В., Карась А., 2000. Звіт про археологічні дослідження м. Кролевець у 2000 р. // Архив Института археологии НАН Украины. 2000/76.
Белінська Л.І., Звагельский В.Б., Нікітін Ю.О., 2001. Звіт про археологічні дослідження у м. Шостка Сумської обл. у 2001 р. // Архив Института археологии НАН Украины.
Кашкин А.В., Узанов А.А., 1991. Между Сеймом и Пслом (археологические памятники на р. Реут) // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск.
Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва; Сумы.
Обломский А.М., 1994. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. № 2.
Обломский А.М., 1995. Исследования в Посеймье // АО, 1994 г. М.
Обломский А.М., 1996. Среднее Посеймье в позднеримское время: Формирование южной границы колочинской культуры // РА. № 4.
Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в.). М.
Обломський А.М. Приймак В.В., 1992. Розвідки ранньослов'янських і давньоруських пам'яток на р. Клевень і р. Єсмань // Історико-культурна спадщина Глухівщини. Глухів, 1992.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Работы на Сумщине // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1994. Новые данные о раннеславянских памятниках Посеймья // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілья.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1998. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica. Łódź. Zesz. 22.

Приймак В.В., 1994. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми.

Сымонович Э.А., 1964. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА. № 116.

Сымонович Э.А., 1974. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка-2 возле Курска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Сымонович Э.А., 1986. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // СА. № 4.

Сымонович Э.А., 1990. Букреевка-2 – селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры: (Свод археологических источников). Киев.

Тихомиров Н.А., 1985. Работы Курского музея // АО, 1983 г. М.

Фролов М.В., 1994. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 гг. г. Рильска и его округи // Хрестоматия для провинциального юношества по истории г. Рильска. Курск. Ч. 1.

Н.И. Шутова (Ижевск)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СВЯТИЛИЩА КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ¹

Камско-Вятский регион расположен на востоке Восточно-Европейской равнины в западном Предуралье в пределах четырех административных образований – Удмуртской Республики, Кировской и Пермской областей, частично Республики Татарстан. В конце I – начале II тыс. н.э. эти земли были заселены преимущественно финно-угорскими племенами, принимавшими участие в формировании современных удмуртов, бесермян, коми, марийцев. Судя по расположению археологических памятников, средневековое население проживало в бассейне Верхнего Прикамья и средней Чепцы, в меньшей степени – в среднем течении Вятки и по правым притокам Камы в ее среднем течении (юг современной Удмуртии). Сведения о местонахождении культовых мест рассматриваемого времени в регионе немногочисленны из-за существующих проблем с их идентификацией. Цель настоящей работы – систематизировать имеющуюся информацию по средневековым святилищам и определить основные характеристики археологических объектов такого рода.

Поломское II городище VI – первой половины VIII в. (рис. 1, 2) занимает невысокий мыс (высотой 12 м) левого берега Гыркесшур, укреплено двумя линиями валов и рвов. Культовое сооружение размещалось на мысовой части поселения. Оно представляло собой глиняную площадку прямоугольной формы размерами 5,5 × 3,6 м. По ее краям прослежены следы кольев от ограждения либо навеса. Около северной стенки выявленной площадки располагался очаг в виде сруба в один венец из бревен. Заполнение внутренней части сруба представляло собой подушку-основу чашевидной формы размерами 1,5 × 1,6 м, забученную глиной на глубину 10 см так, что и бревна сруба были сверху прикрыты глиной на 2–4 см. В центральной части кострища прослежен мощный слой прокала. В заполнении очага, на бревнах и за пределами сруба лежал пласт беловато-серой золы и множество кальцинированных костей животных и птиц, в том числе три обожженных зуба лошади. Перед южной стенкой очага выявлен след от деревянного столба (Семенов, 1979. С. 126–135). Столб, вероятно, символизировал местное божество, в честь которого здесь разжигали огонь и совершали ритуальные обряды с принесением в жертву животных и птиц. Выявленное средневековое сооружение имеет типологическое сходство с родовыми святилищами местного финно-угорского населения – небольшим бревенчатым срубом *вей киськан* бесермян и деревянным строением *куала* удмуртов². Сведений о почитании этого места позднее окрестным удмуртским населением не сохранилось.

В 1 км к ЮЮВ от Поломского II городища на возвышении (высота 24 м) между небольшими речушками располагалось **Поломское I городище VIII** –

¹ Работа выполнена в рамках целевой программы фундаментальных исследований РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

² Культовые бревенчатые строения без крыши или с крышей, используемые для проведения семейных и родовых молений.

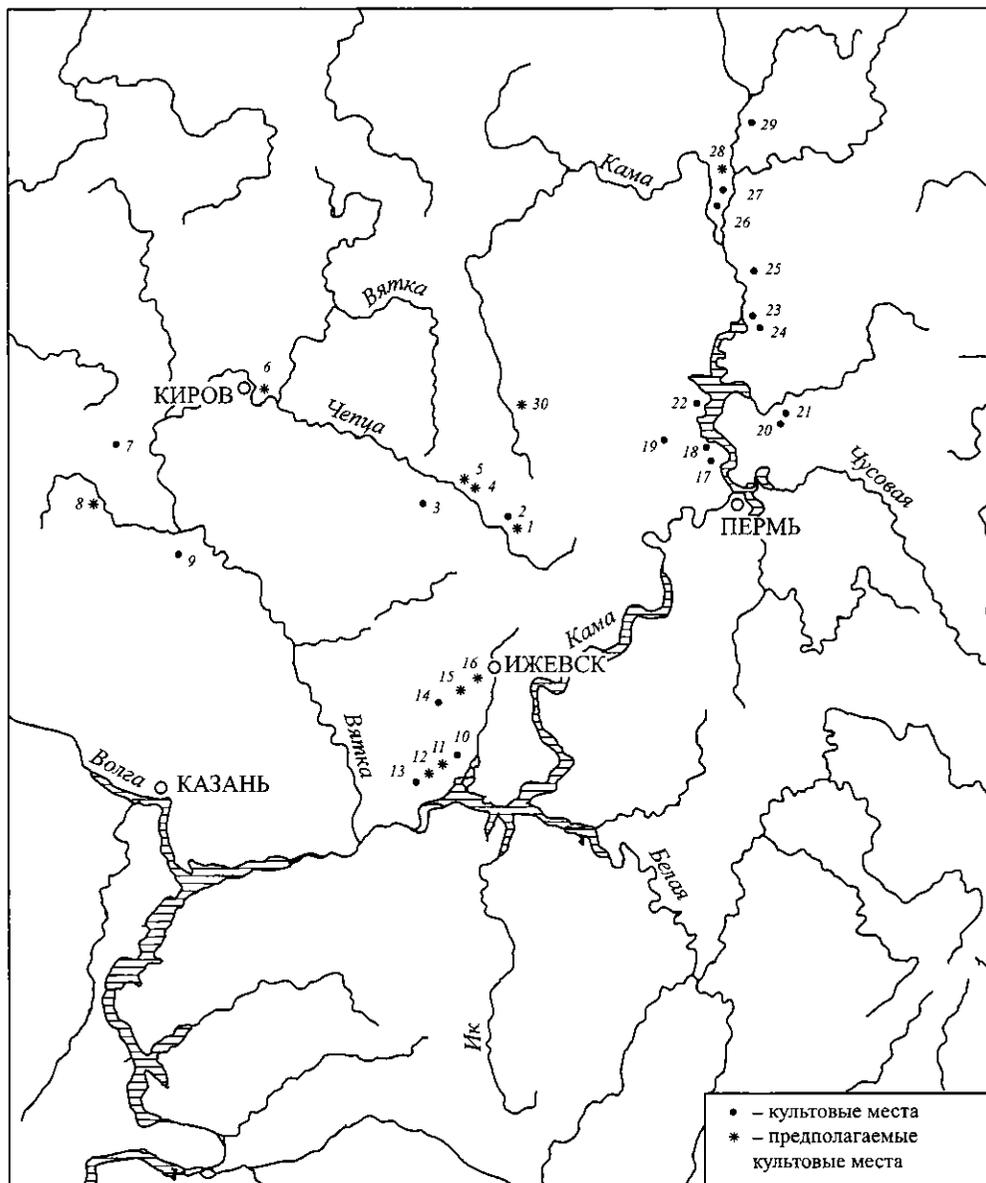

Рис. 1. Карта священных мест второй половины I – начала II тыс. н.э.

1 – Поломское I городище; 2 – Поломское II городище; 3 – Маловенижское городище; 4 – городище Вельякар; 5 – городище Иднакар; 6 – Никульчинское городище; 7 – Юмское святилище; 8 – Еманаевское городище; 9 – Чумбулатское святилище; 10 – Кузубаевское городище; 11 – Верхнеутчанское городище; 12 – Варалинское городище; 13 – Староигринское городище; 14 – жертвенное место Чумойтло, 15 – Бобья-Учинское городище; 16 – Чужьяловское городище; 17 – Опутятское городище; 18 – Назаровское городище; 19 – Рождественское городище; 20 – Лаврятское городище; 21 – Баяновское городище; 22 – Анюшкарское городище; 23–24 – селища Володин Камень I и II, 25 – Городищенское городище; 26 – Пянтежское селище; 27 – Редикорское городище; 28 – городище Чердынь, 29 – Искорское городище; 30 – городище Шудьякар

первой половины IX в. (рис. 1, 1). В пределах небольшого раскопа здесь исследованы остатки жилищ, амбара, производственных сооружений. Специальных культовых строений при этом не обнаружено (Семенов, 1979. С. 139–145), однако окрестные жители называют городище Чортовым и указывают, что на его площадке было “нечисто”: чудилось. В конце XIX – начале XX в. неподалеку от этого памятника располагалась Великая куала местных удмуртов (Первухин, 1896. С. 43–45; Полевые материалы автора 2003 г.).

Маловенижское городище XI–XIII вв. (рис. 1, 3) располагается на высоком мысу правого берега р. Убыти. Площадка поселения ограничена со стороны поля валом и рвом. Возле вала прослежены остатки культового места в виде глиняной вымостки прямоугольной формы, размерами 3 × 3,2 м, окруженные следами кольев от ограждения или навеса. Очевидно, при помощи перегородки строение делилось на две части. В одной его половине, имеющей большие размеры, было устроено жертвенное кострище диаметром 1 м, состоящее из плотной массы кальцинированных костей и золы. В северном углу святилища у выхода обнаружены остатки столбов-кольев, которые служили, очевидно, опорой стола или скамьи. В пределах второй части культового сооружения, имеющей меньшие размеры, обнаружена яма прямоугольной формы размерами 80 × 100 см (Семенов, 1982. С. 27–51). В наше время окрестное население (удмурты, бесермяне, татары и русские) считают окрестности городища нечистыми, а само городище называют Чортова или Шайтан гора (удм. *Шайтангурезь*; тат. *Шайтантау*) (Полевые материалы автора, 2002 г.). Сохранились сведения, относящиеся к концу XIX в., что в окрестности городища было перенесено общественное мольбище с р. Вятки, сюда на моления каждые два года съезжались удмурты не только из бывшего Глазовского, но и из соседних уездов. Позднее само святилище и его сакральные принадлежности были сожжены священником. Точное местонахождение этого культового объекта выявить не удалось.

Несомненно, сакральные участки для поклонения родоплеменным святыням могли располагаться на площадках или вблизи других средневековых укрепленных поселений бассейна Чепцы. Так, при раскопках **городища Вельякар** IX–XII вв. (рис. 1, 4) выявлены очаги со скоплениями кальцинированных и обожженных костей (Семенов, 1985. С. 48–77), которые вполне можно интерпретировать как остатки жертвенной площадки. На городище **Иднакар** (рис. 1, 5) в пределах некоторых сооружений также прослежены остатки ям или очагов, содержащих угли, золу, кости животных и различные металлические подвески и амулеты (Иванова, 1998. С. 32–38 и др.). Помимо этого, в исторической литературе имеются указания на существование традиции совершать поминальные обряды под определенными елями в честь легендарных богатырей, основателей чепецких городищ Идна-батыр, Донды, Велья, Сепыч, Гурья. К сожалению, такого рода священные места пока не выявлены.

Никульчинское городище (Чудь-Болванский городок) было устроено на высоком обрывистом берегу Вятки (рис. 1, 6). С напольной стороны находится оборонительная система, состоящая из двух валов и глубокого рва. В северной части городища прослежен еще один сильно заплывший вал, ограничивающий мысовую часть площадки “малое городище”. По данным “Повести о стране Вятской” и удмуртским преданиям, на его площадке располагалось общеплеменное капище древних удмуртов, стояли языческие идолы (болваны) из дерева или камня. Как свидетельствует вятская “Повесть”, новгородцы, прибегнув к хитрости и помощи “святых страстотерпцев Бориса и Глеба”, взяли приступом Чудь-Болванский городок и побили множество “чуди-отяков” (т.е. древних уд-

муртов и коми). В благодарность за оказанную помощь новые обитатели городка построили за валом захваченного городища Борисоглебскую церковь (Гаврилов, 1880. С. 152; Спицын, 1893. С. 179; Повесть о стране Вятской, 1905. С. 28–36; Гуссаковский, 1962. С. 118–121; Низов, 1995. С. 119–125). В процессе археологических раскопок на памятнике выявлено огромное количество ям и углистых пятен, прокалов, обнаружены остатки кальцинированных и обожженных костей (Макаров, 1979; 1981 и др.). Однако древнеудмуртский слой оказался разрушен более поздними напластованиями, глубокой распашкой и перекопами, поэтому четкие очертания культовых сооружений не зафиксированы.

Юмское (Ивкинское) святилище X–XIV вв. (рис. 1, 7) расположено на мысу левого берега старицы Юмы высотой до 5–6 м. В процессе раскопок здесь выявлены следы двух кострищ, вокруг них располагались 7 ям с песчаным заполнением и 11 скоплений сырых и слегка обожженных костей животных. Помимо этого, кости животных и небольшое количество фрагментов лепной глиняной посуды были беспорядочно разбросаны в центральной части мольбища. Найдены также костяные и железные наконечники стрел, точильные бруски из песчаника и сланца, песчаниковая плита (Халиков, 1957. С. 178–184). Судя по обнаруженным остаткам, на площадке святилища закалывали жертву, разводили костры, в котлах варили мясо и поедали его. После трапезы кости животных зарывали в ямы. Немногочисленные обломки керамики, наконечники стрел и другие предметы служили своеобразными вещественными дарами Хозяину этих мест. Аналогичные культовые объекты известны среди мольбищ удмуртов и марийцев XVII – начала XX в. (Смирнов, 1899. С. 156–163; ШUTOVA, 2001. С. 71–80 и др.).

Остатки сооружения с прокалами, углистыми пятнами, скоплениями сырых и кальцинированных костей животных выявлены на площадке **Еманаевского городища** VII–X вв. (рис. 1, 8). Они могли возникнуть в результате выполнения обрядов, связанных с производственной магией.

Чумбулатское святилище (рис. 1, 9) занимало высокую каменистую стрелку левого берега Немды. Главный костер разжигался здесь на огромном гладко обтесанном известняковом камне кубической формы. Это место захоронения и святилище марийского богатыря Чумбылата (рус. Чумбулат, Чимбулат). Согласно преданиям, в минуты опасности он с оружием в руках появлялся на белом коне из горы, чтобы защитить свой народ. Здесь при большом стечении людей совершались общественные моления с принесением в жертву животных (прежде коня, жеребенка, а позже – птиц и щук). Сюда несли монеты, одежду, другие вещи, ставили восковые свечи и просили о помощи. Мольбище почитается марийским населением и в настоящее время (Кузнецов, 1905; Архипов, Халиков, 1960. С. 100; Тойдыбекова, 1997. С. 126–131).

Кузбаевское I городище IV–V, VII вв. (рис. 1, 10) располагается на мысу левого берега Варзи (высота 42 м). Площадка памятника укреплена со стороны поля валом и рвом. Городище являлось местом постоянного обитания местных племен, служило ремесленным центром и могло использоваться окрестными жителями в качестве убежища в случае военной опасности. Судя по имеющимся остаткам, здесь в средневековое время проводились религиозные церемонии. Так, в СЗ части памятника обнаружена яма, в которой целый костяк лошади был уложен на левом боку с вытянутыми задними и согнутыми передними ногами. Захоронение находилось в окружении целого комплекса ям и очагов с выкладкой из камней – обломков жерновов (Останина, 2002. С. 3–17). Помимо конского захоронения, в северо-западном конце городища, в дерновом слое,

сразу под дерном зафиксировано 15 зольных пятен, оставшихся от временных кострищ, разводимых во время молений современными жителями д. Кузубаево. Это место используется ими для молений в честь хозяина лугов и полей Луда и в настоящее время.

На **Верхнеутчанском городище** V–IX вв. (рис. 1, 11) при проведении раскопок также выявлены культурные остатки, которые могли появиться вследствие проведения церемоний культового характера. Легенды и фольклорные данные связывают это место с княжеским двором Карчеткер (удм. *кар* 'городище', *четкер* 'старое поселение'), на котором обитали Алангасары – мифические великаны удмуртских преданий. В конце XIX в. площадка Верхнеутчанского городища использовалась местным населением в качестве святилища, на что указывали следы кострищ, состоявших из сожженных костей животных. Имеются сведения о функционировании языческих культовых мест удмуртов XIX – начала XX в. (Булда или Луд/Кереметь) на площадках других городищ юга Удмуртии – **Варалинского** (рис. 1, 12), **Бобья-Учинского** (рис. 1, 15), **Чужьяловского** (рис. 1, 16).

Староигринское городище (рис. 1, 13) располагалось на берегу (высота 16 м) небольшой речки. Площадка памятника укреплена двумя валами и рвами. При раскопках здесь обнаружены остатки 22 кострищ, 3 ям и 123 столбовые ямки. Кострища были размещены цепочкой вдоль южного, западного и восточного склонов городища. Столбовые ямки также располагались в определенной последовательности: одна группа ямок шла по краю склона городища, словно фиксируя границы площадки городища, а другая располагалась на центральной наиболее расширенной части площадки мыса, образуя три концентрических круга. Внутренний круг имел диаметр 3–4 м, средний – диаметр около 6 м и внешний – диаметр 8–9 м. Наибольшее количество находок составляют фрагменты керамики и кости животных. Найдены два бронзовых перстня, бусина, железные колечко, наконечники стрелы и дротика, пряслица, точильные бруски, обломки жерновов, серп (*Останина*, 1985. С. 78–91). Близкие параллели этой разновидности культового объекта имеются на юге Удмуртии. В конце XIX – начале XX в. в окрестностях д. Пирогово Алнашского района на вершине горы функционировало святилище *Тыловъсь* 'моление с огнем'. Моления проводились здесь раз в 3 года после Троицы в течении 7 дней. Резали овец, гусей, телок, бычков. Место было огорожено в виде двойного круга (Полевые материалы автора, 1998 г.; информант Т.Е. Садовникова 1904 г.р.).

Жертвенное место Чумойтло X–XIII вв. (рис. 1, 14) располагается на мысу левого берега Валы. В центральной части раскопа прослежено пятно зольно-пепельной супеси размерами 6,04 × 3,1 м, насыщенное кальцинированными костями. На концах этого пятна располагались остатки двух кострищ в виде пятен прокала. Вокруг кострищ располагались столбовые ямки от изгороди или навеса. Остатки третьего кострища обнаружены в 2 м к ЮВ от центрального сооружения. В 3 м к СВ от центра святилища выявлено общее захоронение взрослого мужчины и женщины (подростка), относящееся, по мнению Р.Д. Голдиной, к середине I тыс. н.э. Характер инвентаря, сопровождающий умерших, по преимуществу мужской: железные копье и стрелы, ножи, фрагменты неопределенных вещей, а также бронзовые застёжки, накладки, пронизки. Между центральными кострищами и погребением располагалось скопление 33 железных наконечников стрел.

Культурный слой насыщен сырыми, реже – кальцинированными костями животных, различными предметами и обломками средневековой керамики.

В составе жертвенных животных были лоси, северные олени, бобры, медведи, лошади, крупный рогатый скот. Остальные виды животных (мелкий рогатый скот, свинья, косуля, барсук, куница, лиса) встречены в единичных экземплярах. Вещевой инвентарь состоит в основном из костяных и железных наконечников стрел и фрагментов керамики. Изредка встречаются другие железные предметы, бронзовые изделия, поделки из камня и кости. Качество изготовления предметов свидетельствует о некоторой спешке, небрежности, фиксируется асимметричная форма стрел, очевидно, эти изделия были предназначены для жертвенных даров и не использовались в утилитарных целях (Голдина, 1987. С. 84–106).

Несмотря на средневековый облик инвентаря святилища, оно могло почитаться местным удмуртским населением и позднее, о чем свидетельствуют находки монет 1801 г. Судя по характеру остатков, моления происходили здесь под открытым небом, на поросшей лесом местности. Центральная часть святилища была, очевидно, огорожена. Жертвенных животных закалывали, варили мясо в котелках на двух (реже – трех) кострах. Кости принесенных в жертву животных оставляли на месте, реже – сжигали на костре. В качестве даров Хозяину святилища использовались фрагменты битой посуды, обломки старых железных предметов и другие изделия, а железные наконечники стрел вонзались в стоявшее священное дерево в ритуальных целях. Обнаруженные археологические данные хорошо коррелируются с преданиями о родоначальнике местных удмуртов Мардан/Мордан-батыре, в честь которого раз в три года в этих краях проводились общественные мольбища. Последнее моление, устроенное в память знаменитого богатыря, было проведено в 1921 г.

Опутьатское городище V–VI вв. (рис. 1, 17) расположено на мысу, ограниченном с южной и северной сторон двумя глубокими оврагами, а с напольной стороны укреплено пятью рядами валов и рвов. В процессе раскопок вскрыта почти вся площадка памятника. Изучены остатки сооружений производственного и хозяйственно-бытового назначения. Следы совершения ритуальных действий представлены в виде двух жертвенных ям. В первой яме обнаружены три поставленных друг в друга сосуда, в одном из них размещен череп лошади. На дне ямы прослежены следы воздействия огня в виде плотно спрессованной массы золы и углей. В верхней части второй ямы лежал большой известняковый камень, под которым находились кости преимущественно от черепа быка и два–три раздавленных сосуда. Здесь же размещен железный наконечник стрелы (Генинг, 1980. С. 99, 107, 110, 115).

В жертвенной яме **Назаровского городища** (рис. 1, 18) на выкладке из булыжника в слое угля были найдены скелеты двух молодых медведей, лежавших на обломке жернова, а ниже их – еще четырех медвежат и наконечники стрел. На **Рождественском городище** (рис. 1, 19) небольшой жертвенник в виде выкладки челюстей лося располагался рядом с металлургической ямой. В яме **Лаврятского городища** (рис. 1, 20) среди крупных глиняных сосудов, заполненных глиняными шариками непонятного назначения, находились кости животных и птиц и крупная бляха звериного стиля. В верхнем слое **городища Анюшкар** XII–XIII вв. (рис. 1, 22) рядом с домницей и кузницей в центре площадки располагался жертвенник в виде заключенного в раму глинобитного очага квадратной формы. В слое золы лежал медный птицевидный идол с человеческой личиной. Рядом находился очаг поменьше, вокруг него по кругу – шесть скоплений обгорелого зерна, прикрытых черепками сосудов. Верхняя часть большого очага была сложена из обломков жерновов, а рядом лежал

железный ральник. Сходные следы совершения ритуальных действий выявлены на селищах **Володин Камень I, II** (рис. 1, 23, 24), **Городищенском** (рис. 1, 25) и **Редикорском городищах** (рис. 1, 27) (Белавин, 1986. С. 130–132; Оборин, 1999. С. 295–296).

Пянтежское селище XII–XIII вв. (рис. 1, 26) располагается на левом берегу Камы, на месте современного села Пянтег. По преданию, на месте села существовало древнее святилище коми-пермяков. После прихода русских здесь совершалось поклонение местным языческим богам и Перуну. В начале XVII в. на пнях срубленных священных кедров была поставлена христианская церковь. В XVII в. вокруг церкви совершались захоронения христиан и язычников. Тем не менее, даже в конце XIX в. местные плотогоны, проплывая мимо села, молились местным языческим божествам – Пянтегу и Амбору, чтобы те пропустили плоты по основному руслу Камы и не заносили их в старицы. Напротив с. Пянтег на правом берегу Камы, у д. Большие Долды находилась еловая роща, в которой местные жители в середине XIX в. приносили жертвы Перуну и другим деревянным “болванам”. А в экспозиции Чердынского музея хранятся остатки языческих жертвоприношений (яйца, лоскутки, монеты), которые жители деревень Малые и Большие Долды совершали еще в начале XX в. (Оборин, 1990. С. 87–89).

Искорское городище (рис. 1, 29) расположено на скалистом мысу левого берега (высота до 40 м) р. Люнвы. Небольшая площадка защищена четырьмя валами. Святилище в виде округлой глинобитной площадки диаметром до 8 м было уложено на два яруса бревен. На ней находилась деревянная культовая постройка столбовой конструкции размерами 7 × 2,5 м, она имела два входа. На полу сохранились следы горевших когда-то священных костров и кости принесенных в жертву животных и птиц. С памятника происходят находки большой медной посеребренной бляхи с изображением всадника/всадницы в окружении животных и птиц, возле головы которой имелись обозначения солнца/солнечного диска и луны/полумесяца³ и других культовых предметов. Коми-пермяцкое святилище функционировало до прихода русских⁴, затем оно было разрушено, на его месте насыпан вал городища, а на месте срубленного священного дерева установлена христианская часовня. В XVI–XVII вв. вокруг часовни совершались захоронения христиан с нательными крестами и язычников с местными украшениями. Позднее, вплоть до XX в. площадка городища находилась в совместном пользовании коми-пермяков и русских, здесь проводили христианские праздники и языческие обряды с приношением монет (Оборин, 1981. С. 147–148; 1990. С. 89). По мнению В.А. Оборина, городища Верхнего Прикамья **Искор**, **Анюшкар**, **Чердынь** (рис. 1, 28) и **Шудьякар** (рис. 1, 30) являлись не только укрепленными торгово-ремесленными поселениями, но и культовыми центрами коми-пермяков.

Рассмотренные материалы показывают, что священные места средневековых финно-угорских племен Камско-Вятского региона достаточно разнообразны, каждое из них уникально, как по планировке и организации сакрального пространства, так и по набору используемых для ритуала средств. Как можно заметить при описании, одна группа культовых мест располагается на площад-

³ Кстати, бляхи с таким изображением удмурты использовали при молениях в родовой куале.

⁴ В русских летописях под 1472 г. упоминается, что Искорское городище было взято штурмом московской ратью князя Федора Пестрого как основной центр Перми Великой.

ках городищ, реже – селищ. Для устройства другой группы сакральных памятников использовались горы, холмистые образования и увалы, а в равнинных и болотистых местах – пригорки и небольшие возвышения. Непременным условием выбора места для размещения мольбищ являлась близость к водным источникам – реке, роднику. Священная площадка, как правило, имела ограждение прямоугольной или округлой (овальной) формы искусственного или естественного происхождения. Свообразными маркерами сакрального центра могли служить кострище, столб, небольшое углубление, дерево или камень. В ряде случаев в планировке культовой площадки наблюдалось несколько границ сакральности. Так, центральная, наиболее сакральная часть имела дополнительное ограждение в одну или две линии, либо на культовой площадке размещалось деревянное строение. Отмеченные особенности сакральных мест наблюдались и в обустройстве святилищ высшего ранга у финно-угорского населения региона в XVII–XX вв. (*Шутова, 2003. С. 462–469*).

Почти обязательно в самом кострище, на поверхности памятника или в ямках вокруг кострища располагались кальцинированные, обожженные и сырые кости жертвенных животных, реже – птиц, обломки глиняной посуды, наконечники стрел, монеты и другие предметы. Следы воздействия огня на каждом памятнике варьируются от более легких форм (небольшое количество кальцинированных костей, слабые остатки золы, угля, прокала) до более интенсивных способов его применения в виде мощных кострищ, толстых слоев пережженных кальцинированных костей. Свообразие священных мест Верхней Камы составляют находки специальных культовых пластин, целых черепов или скелетов диких животных и лошади, оставшихся после проведения обрядовых действий. Отличительной чертой жертвенников, устроенных на верхнекамских городищах, является также то, что они часто располагаются рядом с металлургическими комплексами и их появление было, по-видимому, связано с производственной магией.

Важным критерием, позволяющим вычленивать культовые памятники средневекового времени, является факт почитания средневековых святилищ или урочищ, участков территории возле них окрестным населением и в более позднее время, в XIX–XX вв. Как правило, с такими почитаемыми местами связаны разнообразные легенды и предания. Для таких мест характерны проявления духовных энергий – видения, чудесные исцеления или, наоборот, жестокие наказания за неблагочестивое или неправильное отношение к объекту, людей здесь “водит”, “носит”. Часто на площадке средневекового мольбища или неподалеку от него строили христианские церкви или часовни.

Вместе с тем следует заметить, что несмотря на существование вполне определенных характерных черт сакральных мест, трудно перечислить строгий набор критериев, позволяющих легко интерпретировать их в качестве святилищ. Ибо полное сочетание всех перечисленных признаков культовых объектов будет свойственно лишь идеальной абстрактной модели святилища. На практике по ряду причин – вследствие частичной изученности памятника, слабой сохранности культурного слоя и остатков ритуала, особенностей выполнения религиозных обрядов, степени сохранности исторической памяти окрестных жителей и пр., – мы почти не будем иметь одновременно в наличии все отмеченные выше характеристики священных мест.

ЛИТЕРАТУРА

Архинов Г.А., Халиков А.Х., 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола.

Белавин А.М., 1986. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средневековье. Устинов.

Гаврилов Б., 1880. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань.

Генинг В.Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э. // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.

Голдина Р.Д., 1987. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.

Гуссаковский Л.П., 1962. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып. 2.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.

Кузнецов С.К., 1905. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олехария // Этнографическое обозрение. Кн. 62.

Макаров Л.Д., 1979. Отчет об исследованиях на средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского, Халтуринского и Юрьянского районов Кировской области, проведенных летом 1979 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 7465.

Макаров Л.Д., 1981. Отчет об исследованиях на средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского и Даровского районов Кировской области, проведенных летом 1981 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 8613.

Низов В.В., 1995. Небесные покровители новгородских ушкуйников // Церковная археология. СПб.; Псков.

Оборин В.А., 1981. Раскопки Искорского городища и святилища // АО, 1980 г. М.

Оборин В.А., 1984. Раскопки в Пянтеге // АО, 1982 г. М.

Оборин В.А., 1990. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск.

Оборин В.А., 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.

Останина Т.И., 1985. Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.

Останина Т.И., 2002. Кузбаевское городище IV–V, VII вв.: Каталог археологической коллекции. Ижевск.

Первухин Н.Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. Вып. 2.

Повесть о стране Вятской: (Вятский летописец) // ТВУАК. 1905. Вып. 3.

Семенов В.А., 1979. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Семенов В.А., 1982. Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Семенов В.А., 1985. Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.

Смирнов И.Н., 1899. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань.

Спицын А.А., 1893. Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. 1.

Тойдыбекова Л., 1997. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсу. (Joensuu yliopisto: Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisu. № 116).

Халиков А.Х., 1957. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1957 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 1470.

Шутова Н.И., 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск.

Шутова Н.И., 2003. Проблема сакральной топографии Камско-Вятского междуречья: (По данным археологии и этнографии) // Этнос – Культура – Человек. Ижевск.

Ю.Л. Шапова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТЕЙ

Датировать и разделить на периоды историю древностей, древних вещей, может быть, сложнее, чем определить их происхождение. Современное состояние хронологии и периодизации существенно отличается от того, в котором оно находилось 40–50 лет тому назад. Широкое применение в археологии естественных методов датирования существенно изменило и традиционное датирование, его методы и подходы. Самыми первыми и наиболее заметными оказались изменения в хронологии средневековых древностей. Хронология Неревского раскопа стала тем полигоном, на котором был введен, проверен и получил оценку принцип датирования, в основе которого оказалась “ярусология”. Ярусологией неофициально называли таблицы, в которых каждый квадрат (первых десяти неревских раскопов), дополненный сведениями о номере пласта, имел номер яруса, соответствующий стратиграфии слоя изучаемого раскопа. Возникла новая, почти механическая процедура датирования, которой можно подвергать все без исключения находки – и уникальные, и индивидуальные, и массовые. Эти данные, дополненные сведениями о числе находок, давали общее представление о динамических изменениях в хронологии новгородских находок (Колчин, 1956).

Со временем, благодаря дендрохронологии, номер яруса стал соответствием, синонимом надежной абсолютной дате, не только признаком относительной хронологии. Новая процедура датирования выдвинула на первый план динамику изменения вещей во времени, прежняя доминанта – уточнение хронологии – отошла на второй план. “Ярусология” неизмеримо облегчала распределение находок по ярусам новгородской стратиграфии и, следовательно, построение числовых и графических моделей, таблиц процентного содержания находок в ярусе, разного рода гистограмм и кривых. Наибольшую популярность и распространение приобрела Гауссова кривая, которая описывала так называемое нормальное распределение. Нормальное распределение имеет одну вершину, оно симметрично относительно средней линии (восходящая и нисходящая ветви симметричны); отрезок прямой, на которой кривая построена, делится на равные части, на три до и три после средней линии. Если представить, что основание кривой является осью времени, то полную историю изучаемой вещи описывает выражение $\bar{M} \pm 3\sigma$, близкую к полноте $\bar{M} \pm 2\sigma$, основную часть $\bar{M} \pm \sigma$. Полная история – это 99%, близкая к полноте – 95%, основная часть, находящаяся в центре, – 66% (Федоров-Давыдов, 1989; Шапова, 1989).

Из сравнения конкретных кривых с нормальной кривой был сделан главный вывод: распределение древностей во времени соответствует нормальной кривой лишь в тех случаях, когда их развитие совершается внутренне закономерно, без заметных воздействий извне. Отклонения от нормальной кривой заслуживают оценки и комментария, цель которого – найти и понять причины, определившие замеченные отклонения. Эти первые опыты использования кривых распределения в изучении древностей дали жизнь двум новым направлениям в археологии. Во-первых, они открывали путь к широкому применению статистического ана-

лиза и затем вероятностно-статистического подхода к изучению древностей. Во-вторых, они породили внимание и интерес к графическим формам выражения истории древних вещей, коль скоро стало очевидным, что распределение древностей во времени в большинстве случаев описывают кривые более сложные, чем Гауссова.

Благодаря новгородскому опыту экспедиции, датирование средневековых восточноевропейских древностей обрело новый статус: из конечной цели исследования оно превратилось в надежный инструмент исследования. Другими словами: изменение акцентов и новый баланс сил позволили расширить и углубить археологические исследования, придав им больший историзм.

Новгородский опыт разрешения хронологических проблем – самый яркий, но не единственный. Не утратили своей остроты дискуссии о широких и узких датах, о датах-интервалах, о принципах синхронизации городских слоев и погребальных комплексов и т.д. Надежная хронология событий привела к пониманию того, что развитие древнего вещного мира – это естественно-исторический процесс, который, несмотря на особенности и неравномерность развития в целом, не только закономерен, но и подчиняется общим законам. И сама процедура, и методологическая основа датирования и хронологии стали предметом специального исследования в археологии (*Деоник*, 1963; *Каменецкий*, 1965; *Федоров-Давыдов*, 1966; *Щукин М.Б.*, 1978. С. 28–32; *Шапова*, 1989; *Щукин*, 1991; *Богачев*, 1992).

Современное датирование – это не только эрудиция, мастерство и интуиция. Это и умение, которое включает в себя простые процедуры сопоставления и подсчетов будь то число находок, проценты и коэффициенты связей, это и построение кривых и графов; это и моделирование исторического процесса. Более того, археологическое датирование и хронология древностей в целом приобрели естественнонаучные черты и признаки. Точность и надежность датирования определяют возможности методов. Методы могут быть разными, получаемые результаты – проверяемыми и сопоставимо близкими.

Такое новое по характеру датирование в большей степени обнаруживает зависимость от последовательной упорядоченности процедур, от подходов к рассмотрению, интерпретации и оценок результатов и самих изучаемых процессов, чем от археологического контекста. Естественнонаучное датирование выявляет последовательность событий и процессов, их надежную упорядоченность и в конце концов законы, которые управляют изучаемыми процессами. В центре внимания такой хронологии оказываются закономерности событий и процессов, их жесткий порядок, исключающий всякую “свободу проявления”, которая создает неуправляемый произвол и хаос там, где царствует закон и порядок.

Датирование событий – это лишь половина дела. Вторая его половина – это удобная в пользовании форма регистрации и представления этого порядка. Как известно, хронологически упорядоченная история вещей совершается поэтапно. Такое представление имеет и априорно словесное выражение в виде противопоставления есть – нет, много – мало, часто – редко, повсеместно – в отдельных регионах и т.д. Эти утверждения в аналитической форме иллюстрируют гistogramмы и кривые, построенные на основе нормального распределения.

Уместно было бы освежить в памяти его основные свойства. Нормальное распределение представляет кривая, построенная на горизонтальной оси. Кривую составляют две ветви, они симметричны относительно средней линии (медианы). Отрезок – основание разделен на 6 равных частей, три до и три после средней линии. Отрезкам соответствуют этапы развития (вещей): начальный

(первые два), основной (два отрезка от средней линии вправо и влево) и заключительный (последние два). Основной этап объемлет две трети ее истории, 66%. Оставшуюся треть делят пополам: по 17% явления приходится и на начальный, и на заключительный этап, называемый инволюцией и равный по продолжительности тем же 17%. Разделение на этапы есть не что иное как периодизация.

Нормальное распределение – это очевидная основа периодизации истории вещи. Однако его симметрия, равная продолжительность отрезков и строго симметричный объем начального и заключительного периодов эволюции – это скорее частный случай, чем правило. Более того, считается, что асимметричное распределение более точно описывает эволюционный процесс и что асимметричных распределений известно немало. Асимметрия эволюционных кривых проявляется и в местоположении пика развития, и в большей продолжительности начального этапа, и, напротив, в меньшей – заключительного, и в наличии скрытого периода инволюции, который археологи хорошо чувствуют и знают. Кроме конкретных подтверждений асимметрии эволюционного процесса, среди многочисленных формул и уравнений можно подобрать и такую, которая подошла бы для нашего случая.

Асимметрию развития аналитически описывает числовой ряд “по дискрете” 1, 2, 3, 5 (Уайлд, 1956). Эволюционные процессы, изучаемые археологией, рассматриваются в ретроспективе, и счет времени идет от большего числа к меньшему. Естественно, что при таком взгляде период становления должен быть более продолжительным, чем все последующие. Эволюцию представляет ретроспективный ряд чисел: 5, 3, 2, 1. Трехчастность явного эволюционного процесса описывают первые три числа. Из подсчетов очевидно, что продолжительность периода становления – это 5 частей – и сумма двух следующих равны: $5 = 3 + 2$. Отсюда следует заключение, что средняя линия нормального распределения, которую считают пиком в эволюции явления, на самом деле является моментом завершения формирования самого явления, основное развитие которого лишь предстоит.

Таким образом закономерная периодизация представляет собою деление хронологических пределов явления в соответствии с отношением 3 : 2 : 1. Таким образом, идеальная периодизация явления (истории вещей, в частности) представляет собой несложную вычислительную процедуру, выполняемую с помощью четырех арифметических действий. Подчеркну: все вычисления удобно проводить, используя арабские цифры, не римские и буквенные, и тем более не словесные или комбинированные хронологические определения. Поэтому все даты нужно обозначить арабскими цифрами. Даты так обозначают нередко в зарубежной археологии, так же обозначают даты новгородских находок и раннесредневековую хронологию Восточной Европы (Амброс, 1971. С. 96–123). Все хронологические границы периодов определяются путем вычислений. Задача по разделению на периоды явной части эволюционного процесса, именно она выявляется археологически, решается в 5 действий.

1. Находим продолжительность бытования вещи: вычитаем из большего числа меньшее и ставим знак большего;
2. Исходя из соотношения 5 : 3 : 2, находим сумму частей. Делим на 10 продолжительность бытования и находим модуль;
3. Умножив модуль на 5, находим продолжительность периода становления;
4. Умножив модуль на 3, находим продолжительность основного периода;
5. Умножив модуль на 2, находим продолжительность заключительного этапа, инволюции.

Скрытый период инволюции равен одному модулю. Чему равен скрытый период становления вещи (или явления), точно сказать нельзя. Асимметричное распределение такого вида, квазинормальное. В отличие от нормального, оно описывает эволюционный процесс с ускорением. Ускорение равно 1,61–1,62. Это означает, что каждый следующий период в эволюции в 1,61 раз короче предыдущего (Шапова, 2002. С. 146–147).

Представления об историческом процессе, ускоряющемся со временем, хрестоматийно. Развитие вещей – именно такой процесс. Коэффициент ускорения, равный 1,60–1,62, соответствует золотому сечению. Напомню, что золотое сечение всегда выражает гармонический характер (процесса). Квазинормальное распределение соответствует общим теоретическим представлениям об эволюционном процессе и является, видимо, аксиомой в понимании эволюции древних вещей.

Периодизация эволюционного процесса, описываемого квазинормальным распределением, представляет собой вычислительную операцию и на этом основании может быть названа вычислительной периодизацией. Такая периодизация возможна, когда известна хронология вещи в целом, ее начальная и конечная дата. Следуя же нормальному распределению, эволюцию можно представлять только как равномерное движение с постоянной скоростью. Подобное представление и понимание эволюции выступает лишь как частный и, видимо, редкий случай.

Небезынтересно сравнить результаты периодизации новгородских стеклянных браслетов, построенной с учетом нормального и квазинормального распределений, опираясь на опубликованные данные (Шапова, 1989. С. 94).

Продолжим расчеты. Периодизация браслетов, вычисленная с учетом нормального распределения, выглядит следующим образом: 1055 – 1118 – 1180 – 1242 – 1304 – 1366 – 1429 гг. Периодизация явной истории стеклянных браслетов в Новгороде вычислена с учетом квазинормального распределения. (Стеклянные браслеты были известны в течение 374 лет с 1055 по 1429 г. Модуль для расчетов равен 37,4.) Новая периодизация имеет иной вид: 1055 – 1242 – 1354 – 1429 г. К этому нужно добавить еще один модуль 37,4 на скрытый период инволюции и довести историю стеклянных браслетов в Новгороде до 1462 г.

Каждый вариант распределения является лишь моделью действительности. Работа с моделями привела к разным результатам. Основной период существования браслетов датировался по-разному: 1180–1304 гг. – с учетом нормального распределения, 1242–1354 гг. – с учетом квазинормального. Какой модели следует отдать предпочтение? Естественно той, которая более обоснована и более соответствует общему правилу. По этим критериям, квазинормальное распределение предпочтительнее.

Согласно одной модели, 1242 г. – пик в бытовании стеклянных браслетов; согласно другой – 1242 годом завершается их становление, своего пика они должны были бы достигнуть лишь к 1298 г. За период 1242–1298 гг., который соответствует половине эпохи их расцвета, в культурном слое Неревского раскопа их оказалось более 1000 (1089 экземпляров). Примерно столько же следовало ожидать и во второй половине, 1298–1354 гг., но их оказалось всего 147 экземпляров, в семь раз меньше расчетного. Такое состояние могло возникнуть только при условии сильного воздействия внешнего угнетающего фактора. Таким фактором было монголо-татарское завоевание, таково общее справедливое мнение.

Известные данные, истолкованные в рамках этой модели, заставляют более строго оценивать масштаб последствий, которые, пусть с небольшим опозданием, нашли отражение в археологических данных. Можно надеяться, что квазинормальное распределение, будучи использованным для периодизации истории вещей, позволит по-новому взглянуть на хорошо известные обстоятельства и события.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К.*, 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Богачев А.В.*, 1992. Процедура-методические аспекты археологического датирования. Самара.
- Деопик В.Б.*, 1963. Хронология и классификация украшений VI–IX вв. (по материалам могильника северо-кавказских алан в Чми) // МИА. М. № 114.
- Каменецкий И.С.*, 1965. Сероглиняные амфоры Нижнегниловского городища // МИА. М. № 129.
- Колчин Б.А.*, 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА, М. № 55.
- Уайлд Дж.*, 1956. В поисках экстремума. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1989. Статистические методы в археологии. М.
- Щапова Ю.Л.*, 1989. Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Щапова Ю.Л.*, 2002. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, ряд Фибоначчи // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. М. № 30: Материалы VII конференции ассоциации “История и компьютер”. Санкт-Петербург, 26–29 июня 2002 г.
- Шукин М.Б.*, 1978. Об “узких” и “широких” датировках // Проблемы археологии II: сб. статей в память профессора М.И. Артамонова. Л.
- Шукин М.Б.*, 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.Р. Артемьев (Владивосток)

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ СРЕДИ ДРЕВНЕРУССКИХ МАТЕРИАЛОВ XIII в.

Предметы вооружения являются одной из самых массовых категорий вещей, встречающихся при археологических исследованиях древнерусских городов. Основная часть этих материалов издана в ставших классическими сводах А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева (*Кирпичников*, 1966а; 1966б; 1971; 1976; *Медведев*, 1966а) и в их совместном разделе в “Археологии СССР” (*Кирпичников*, *Медведев*, 1985).

Согласно подсчетам ведущего отечественного оружейеда А.Н. Кирпичникова, на 1991 г. “на территории древней Руси отдельно и в 1300 погребениях, а также более чем в 120 поселениях IX–XIII вв. были найдены целые и в обломках несколько тысяч стрел, почти 800 наконечников копий, около 600 боевых топоров, 183 меча, 150 сабель, свыше 100 булав, более 130 кистеней; из защитного снаряжения посчитаны 37 шлемов, 112 кольчуг, 26 пластинчатых доспехов, остатки 23 щитов” (*Кирпичников*, 1991. С. 161). Примерно около трети этого количества оружия отложилось в культурном слое древнерусских городов в XIII в.

Вооружение монголо-татар было долго известно нам буквально по нескольким работам С.В. Киселева и Н.Я. Мерперта, Г.А. Федорова-Давыдова, А.Ф. Медведева и Н.В. Малиновской (*Киселев*, *Мерперт*, 1965; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 11–36; *Медведев*, 1966б; *Малиновская*, 1974). Однако в последнюю четверть XX в. был опубликован целый ряд работ, значительно расширивший наши представления по этой проблематике. Это статьи М.В. Горелика о защитном снаряжении монголо-татар в IX – начале XV в. (*Горелик*, 1979; 1983; 1987), работа В.Ф. Немерова об оружии монгольских воинов в XIII–XIV вв. (*Немеров*, 1987), статья Ю.С. Худякова о монгольских наконечниках стрел и его же раздел о вооружении монголов в XI–XIV вв. в монографии о вооружении центрально-азиатских кочевников (*Худяков*, 1985; 1991). К сожалению, источниковедческая база всех этих исследований ограничена и неравноценна. Так, М.В. Горелик реконструирует защитное вооружение монголов путем сопоставления его изображений на персидских, китайских и японских миниатюрах с широким кругом зачастую не оправданных археологических аналогий, произвольно меняя даты последних, за что уже был подвергнут критике (*Кирпичников*, 1985. С. 233–234; *Артемьев*, 1989. С. 284–286). В отличие от него, статья В.Ф. Немерова основана на оригинальных материалах монгольских могильников Восточного Забайкалья XII–XIV вв. (*Немеров*, 1987). В работе Ю.С. Худякова о наконечниках стрел с территории Монголии рассматриваются всего 105 наконечников 12 ти-

пов (Худяков, 1985. С. 108–109). Раздел его монографии включает материалы с территории Монголии, Тувы, Прибайкалья и Забайкалья. В нем фигурируют накладки от 30 луков, 371 железный и 37 костяных наконечников стрел, по одному обломку меча и палаша, три сабли, девять кинжалов, восемь наконечников копий, два дротика, семь палм, три топора, одна булава и две панцирных пластины (Худяков, 1991. С. 99–140). Зная скрупулезность этого исследователя, можно не сомневаться, что он привлек весь имеющийся в наличии материал. Однако этого явно недостаточно для характеристики экипировки воинов, покрывших полмира. В десятки, а по отдельным категориям вещей в сотни раз их превышают не только древнерусские материалы, но и предметы вооружения других покоренных монголо-татарами народов, например, чжурчжэней империи Цзинь 1115–1234 гг. (Шавкунов, 1993) или населения Волжской Булгарии (Хузин, 1985; Измайлов, 1997).

Все вышеизложенное заставляет более тщательно проанализировать предметы вооружения, обнаруженные при раскопках древнерусских городов, которые монголы взяли штурмом. Первый удачный опыт по вычленению монгольских древностей среди материалов из древнерусских городов осуществил А.Ф. Медведев, который сопоставил наконечники стрел из Каракорума с восточноевропейскими находками (Медведев, 1966б). Его выводы были приняты крупнейшими исследователями древнерусских городов Северо-Восточной Руси, пострадавших при монголо-татарском нашествии. – Ярополча Залесского (Седова, 1978. С. 106), Серенска и Болдыжа (Никольская, 1974. С. 35. Рис. 11, 6–8; 1981. С. 140; 1987. С. 130).

В настоящее время работа по выделению монголо-татарского оружия среди древнерусского облегчается хорошей изученностью материалов из Новгорода, Пскова и Изборска, которые не подверглись разграблению кочевниками и содержат чистые от степных реминисценций комплексы (Медведев, 1959; Кирпичников, 1976; Седов, 1975; 1982; 1984; 1988; 1993; Артемьев, 1978; 1982; 1990; 1991; 1998. С. 93–109. Табл. 77–79). Конечно же, как отмечал еще А.Ф. Медведев, при раскопках в Новгороде, Пскове и некоторых других древнерусских поселений, за исключением Изборска (Артемьев, 1978; 1998. С. 102–106. Табл. 77, 5–28), иногда встречаются монгольские наконечники стрел (Медведев, 1959. С. 167–168. Рис. 13, 32, 34, 35; 15, 9, 10). По его мнению, “они могли попасть туда с баскаками, послами, численниками татарскими или завезены русскими из Орды и, наконец, могли быть сделаны по случайно завезенным образцам татарских наконечников стрел” (Медведев, 1966б. С. 55). Позволю себе не согласиться с первой частью процитированной фразы. Опыт пятнадцатилетней работы по поиску и исследованию памятников русских землепроходцев в Забайкалье и Приамурье позволяет мне утверждать, что пребывание отрядов до 500 человек на одном месте в течение нескольких месяцев, особенно в окружении местных жителей, археологически почти неуловимо. Поэтому ни о каких следах пребывания баскаков, послов и численников в древнерусских городах говорить не приходится. Несомненно, более вероятно, что предметы вооружения кочевников завозились русскими или делались по завезенным образцам. В той же статье А.Ф. Медведевым высказана очень продуктивная мысль о том, что «оружие всегда было более “международным”, чем другие предметы материальной культуры. Новые его виды, более совершенные и эффективные, появлявшиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствовались и распространялись у соседних народов, чем украшения или орудия труда» (Медведев, 1966б. С. 51). Полагаю, что вещи “путеше-

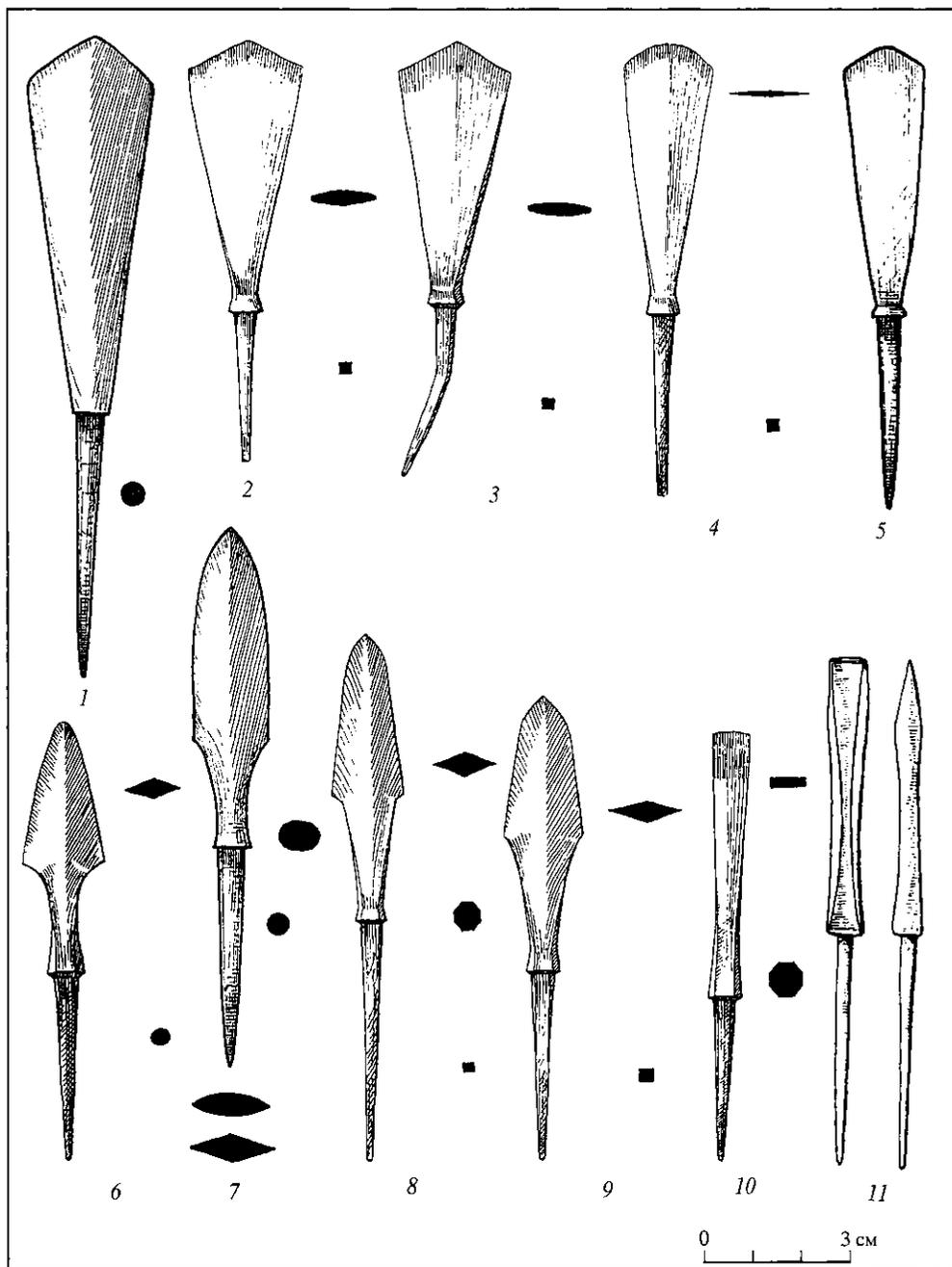

Рис. 1. Наконечники стрел

1, 7 – Каракорум; 2, 4, 8–10 – Изяславль; 3, 6 – Торжок; 5 – Старая Рязань; 11 – Серенск.
1–11 – железо

ствовавали” гораздо чаще, чем люди, хотя некоторые исследователи придерживаются другого мнения (*Кызласов, 1997*).

По моим подсчетам, на территории древнерусских городов, захваченных монголо-татарами в 1237–1241 гг., найдено более 2000 железных наконечников стрел, принадлежавших кочевникам (*Артемов, 1996*). Это крупные трехлопастные наконечники типа 23 (здесь и далее по А.Ф. Медведеву), двушипные с короткими шипами наконечники типа 31, наконечники с боковыми выступами типа 32 (рис. 1, 6, 8, 9), килевидные вытянутые наконечники типа 33 с наибольшим расширением в средней трети длины пера (рис. 1, 7), наконечники с коротким треугольным пером и длинным черешком типа 37, килевидные наконечники вытянутых пропорций типа 38, ромбовидные наконечники с расширением в середине пера и пропорциями пера 1 : 3 типа 43, ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера типа 51, ромбовидные наконечники с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера типа 52, листовидные наконечники с наибольшим расширением у острия и с пропорциями пера 1 : 4 – 1 : 5 типа 65, веслообразные наконечники типа 66, срезы в виде узкой вытянутой лопаточки типа 67 (рис. 1, 11), секторообразные крупные срезы типа 68, наконечники в форме широкой лопаточки с тупоугольным острием типа 70, фигурнолистные или пламевидные наконечники с наибольшим расширением в средней трети или верхней длине пера типа 71, кунжутнолистные наконечники типа 72, пирамидальные квадратного и ромбического сечения наконечники с круглой шейкой типа 87, шиловидные квадратного сечения наконечники со скошенными углами основания типа 90, шиловидные ромбического сечения наконечники с простым упором типа 94, бронебойные в виде кинжалчиков ромбического сечения с вогнутыми плечиками и цилиндрическим основанием пера типа 97/4, долотовидные в виде лопаточки с шейкой наконечники типа 99 и долотовидные наконечники типа 100 (рис. 1, 10, 11) (*Медведев, 1966а. С. 61–64, 66, 67, 69, 70, 75–78, 82–86*). Наиболее распространенные костяные килевидные с плоским черешком наконечники стрел типа 7 (по А.Ф. Медведеву), обнаруженные на Руси, – также монгольские. Их нет в городах северо-западной Руси, зато они, так же как и перечисленные выше железные наконечники, найдены на большинстве памятников со следами татарского погрома: на Райковецком городище (рис. 2, 3–5), Княжей горе, Девич-горе, Сахновке, Колодяжине, в Изяславле (рис. 2, 10), Торжке (рис. 2, 2) и Киеве (*Гончаров, 1950. С. 145. Табл. XIV, 21–23, 25, 27, 28; 1951. С. 49–53; Шендрик, 1958. С. 171. Табл. VI, 10, 11; Юра, 1962; Медведев, 1966а. С. 88. Табл. 30, 107; Артемов, Малыгин, 1990. С. 246*). Эти костяные наконечники совершенно идентичны стрелам из монгольских погребений (рис. 2, 7–9) Восточного Забайкалья (*Немеров, 1987. С. 224–225. Рис. 7, 1, 2, 6; 8, 9–16*) и найденным нами на территории города племянника Чингис-хана – хана Есунгу в Забайкалье (рис. 2, 6, 11). Кстати, судя по находке в Увекке (рис. 2, 1), монголы использовали их и в дальнейшем (*Недашковский, 2000. С. 74. Рис. 17, 1*).

Несомненно, кочевникам принадлежали пиковидные наконечники копий, найденные в количестве около 50 экземпляров на городищах Райковецком, Изяславль, Княжа гора, Сахновка, в Серенске и Болдыже (*Гончаров, 1950. С. 92. Табл. XII, 2, 5–7; Кирпичников, 1978. С. 80; Никольская, 1974. С. 38. Рис. 13, 10; 1981. С. 256. Рис. 95, 15; 1987. С. 130. Рис. 68, 1*). Их явное количественное преобладание над другими типами наконечников именно на этих памятниках и почти полное отсутствие в городах северо-западной Руси – убедительное тому свидетельство.

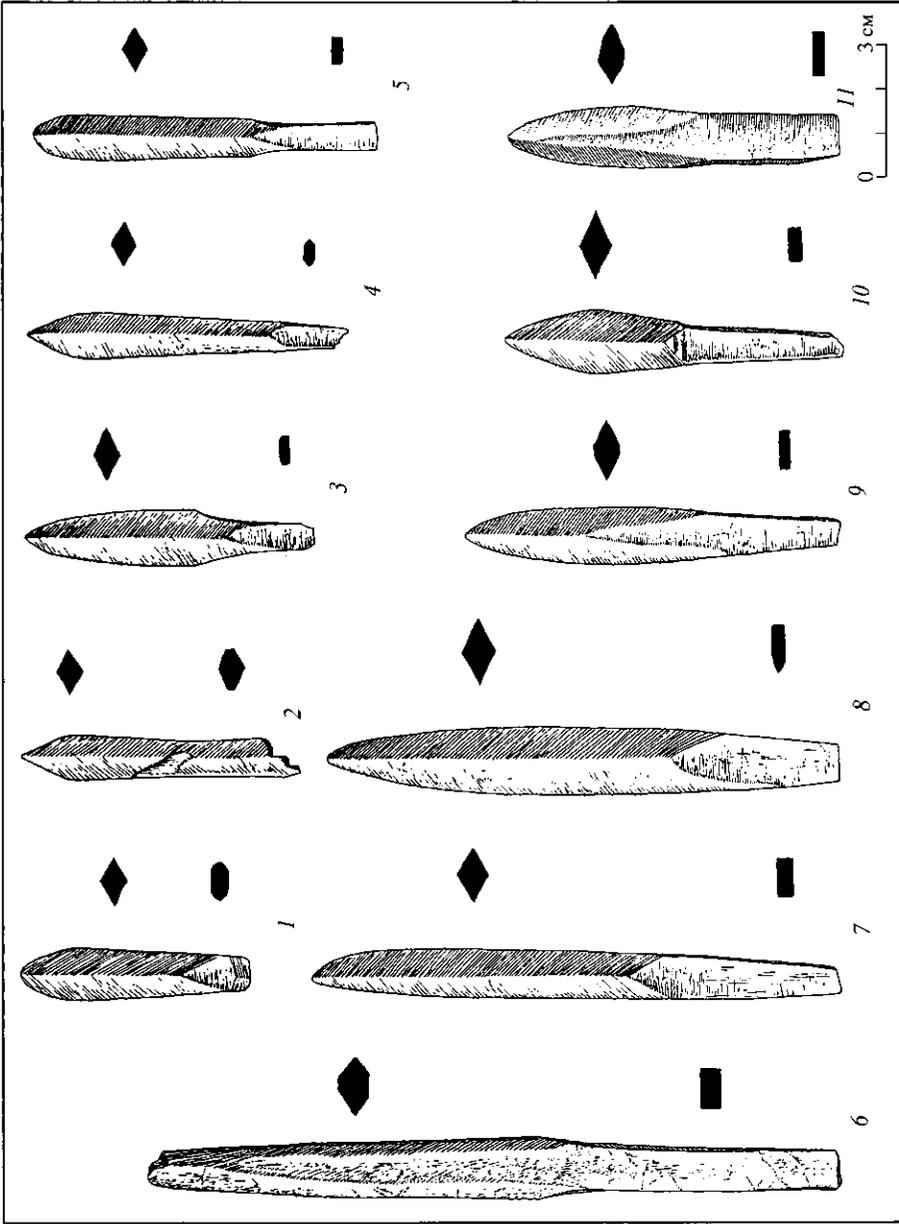

Рис. 2. Наконечники стрел

1 – Увек; 2 – Торжок; 3–5 – Райковецкое городище; 6, 11 – город хана Есунгу; 7–9 – Восточное Забайкалье;
10 – Изяславль

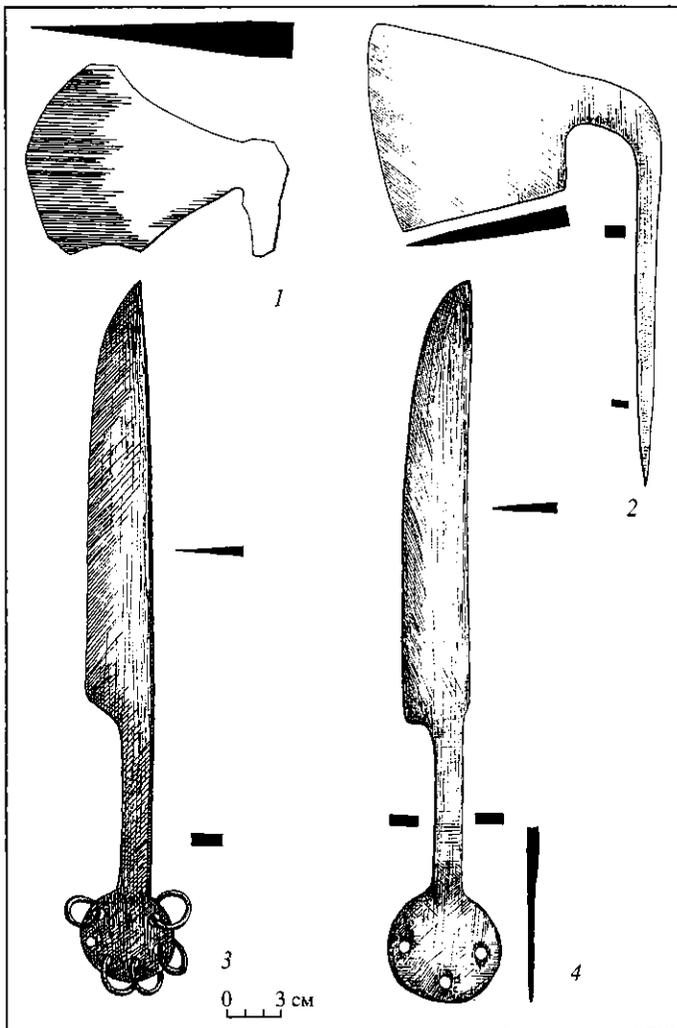

Рис. 3. Секиры (1, 2) и ножи (3, 4)
 1 – Каракорум; 2, 3 – Старая Рязань; 4 – Новгород

В слое пожарищ, оставленных монголами, в Серенске найдены сабля, два перекрестия сабель и наконечник ножен от сабли, в Болдыже – перекрестие сабли (Никольская, 1974. С. 37–38. Рис. 12, 6, 14; 1987. С. 131. Рис. 68, 15), а в Торжке – сабля и два перекрестия от сабель (Артемьев, Малыгин, 1990. С. 246).

По-видимому, также монгольскими являются обнаруженные на Райковецком городище девять кинжалов, о чем предполагал еще В.К. Гончаров. К сожалению, в его монографии нет их изображений, но согласно описанию, они имеют длину 18,5–19,2 см, из которых на лезвие приходится 8–8,5 см. Их рукояти состоят из двух скрученных стержней, заканчивающихся петлями, в которые продеты кольца, а к ним приделаны цепочки из тонкой проволоки (Гончаров, 1950. С. 95). Ничего подобного на территории других древнерусских городов не встречено, и предположение В.К. Гончарова не вызывает возраже-

ний. По авторитетному мнению А.Н. Кирпичникова, русские кинжалы, появившиеся в XIII в., сходны с западноевропейскими (*Кирпичников*, 1966а. С. 73). Действительно, найденный в Новгороде на Ярославовом Дворище в слое середины XIV в. кинжал имеет четырехгранный желобчатый клинок и “подобен классическому русскому штыку” (*Медведев*, 1959. С. 125. Рис. 4: 14; 3: 6). Кинжал из напластований XIV–XV вв. Готского раскопа имеет форму трехгранного стилета (*Рыбина*, 1978. С. 224). Восточный облик имеет только самый большой нож из Неревского раскопа, относящийся к концу XIII – первой половине XIV в. Его длина составляет 41,4 см, из них 25,7 см приходится на слегка изогнутое в верхней половине лезвие и 9,5 см – на рукоять, которая завершается плоским круглым навершием диаметром 6,2 см с тремя отверстиями (рис. 3, 4). Почти аналогичный нож найден на городище Старая Рязань (рис. 3, 3). Единственным его отличием от новгородского экземпляра является наличие шести отверстий в плоском, круглом навершии рукояти и продетых в них колец (*Монгайт*, 1955. Рис. 69, 7). Совершенно очевидно, что эти ножи объединяет с найденными на Райковецком городище наличие приспособлений для их подвешивания. Это нерусская традиция, поскольку у нас мечи, ножи и даже топоры было принято помещать в ножны.

Еще одним предметом вооружения, занесенным на Русь монголами, является черешковая секира из Старой Рязани (рис. 3, 2), где, кстати, найдено немало наконечников стрел кочевников (*Монгайт*, 1955. С. 183. Рис. 143, 4, 10, 13, 16, 18). Она почти аналогична секире, найденной С.В. Киселевым при раскопках Кара-Корума (рис. 3, 1), являвшегося в 1220–1257 гг. столицей монгольской империи (*Киселев, Мерперт*, 1965. С. 206. Рис. 110). Такие секиры не являются монгольскими по происхождению. Они заимствованы монголами у чжурчжэней, на городищах которых в Приморье их обнаружено 12 экземпляров (*Шавкунов*, 1993. С. 56. Рис. 34). Вполне вероятно, что они были принесены в Монголию и на Русь самими чжурчжэнями, которые были втянуты в завоевательные походы монголов. Известно, что уже в 1213 г. они были представлены в их армии 46 бригадами (*Д'Оссон*, 1937. С. 97).

Секиры – не единственная категория предметов вооружения, заимствованная монголами или привнесенная в их среду чжурчжэнями. Еще одним таким видом вооружения являются комбинированные копьа с крюками или ножами, крепившимися на втулке оружия. Комбинированные копьа и запасные ножи к ним найдены на всех крупных городищах чжурчжэней в Приморье (*Шавкунов*, 1993. С. 42–46. Рис. 23). Копьа этого типа не встречены ни в Монголии, ни на Руси. Один-единственный наконечник копьа с крюком найден на территории столицы Золотой Орды в Новом Сарае (*Федоров-Давыдов*, 1981. Рис. 98, 23; 1994. С. 183). Однако они описаны Плано Карпини, видевшим их у монголов в 1246 г. (*Плано Карпини*, 1957. С. 51) и, очевидно, использовались и в последующие столетия, причем, как татарами, так и русскими. Крюки на длинном древке, наряду с копьями и топорами у русских и татар, изображены на 22 из 64 миниатюр Лондонского лицевого списка “Сказания о Мамаевом побоище”, датированного XVII в. (*Кирпичников*, 1980. С. 76–77. Рис. 6, 7).

Несомненно, чжурчжэньскими по происхождению являются долотовидные бронебойные наконечники (рис. 1, 10, 11) типов 99 и 100 (по А.Ф. Медведеву), обнаруженные на территории ряда городов, уничтоженных монголами (*Медведев*, 1966а. С. 86. Рис. 21, 47, 48). От древнерусских наконечников этого типа они отличаются более вытянутыми пропорциями. На собственно монгольских памятниках они пока не встречены, но на территории городов последнего государ-

ства Восточное Ся (1215–1233 гг.), уничтоженных кочевниками в Приморье, их обнаружено около 2000 экземпляров (*Шавкунов*, 1993. С. 24–25. Табл. 1. Рис. 4; *Леньков, Артемьева*, 2003. С. 32. Табл. 18, 19).

Этим монгольские заимствования у чжурчженей не заканчиваются. По авторитетному заключению М.Г. Крамаровского, киданьской и цзиньской традициям принадлежит определяющая роль в сложении стилистики золотоордынского и ильханидского поясных наборов (*Крамаровский*, 2001. С. 51).

Бесперспективным, на мой взгляд, кажется поиск защитного вооружения монголо-татар XIII в. на территории древнерусских памятников. Прежде всего потому, что его практически не найдено и на достоверно монгольских памятниках. В своде Ю.С. Худякова учтены всего две панцирные пластинки из Забайкалья (*Худяков*, 1991. С. 140), к которым можно добавить еще одну, найденную нами на территории города монгольского хана Есунгу в Восточном Забайкалье. Попытки М.В. Горелика объявить монгольскими наруч, найденный на городище вблизи с. Сахновка Киевской области, наплечник и поножи из Новгорода уже давно и справедливо раскритикованы А.Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1985. С. 233–234). Единственная находка кожного панциря монгольского облика происходит с территории Волжской Булгарии. Он обнаружен на Билярском городище в колодеце XII – начала XIII в. И.Л. Измайлов считает его болгарским, но остатки 15 кольчуг и пластины примерно от 18 панцирей, найденные при раскопках болгарских городов (*Измайлов*, 1988; 1997. С. 114–121) делают непонятным употребление столь неудобного доспеха, каким являлись кожаные панцири, наряду с пластинчатыми. Гильом Рубрук, побывавший при дворе Мункэ-хана в 1253–1254 гг., сообщал, что татары сами изготовляли “только колчаны, луки и меховые панцири. Я видел, – писал он, – как им доставляли из Персии железные панцири и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные” (*Гильом де Рубрук*, 1957. С. 186).

Таким образом, можно заключить, что культурные напластования древнерусских городов, пострадавших в ходе монгольского нашествия 1236–1240 гг., более перспективны для изучения процесса сложения монголо-татарского комплекса вооружения, чем собственно монгольские памятники.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев А.Р.*, 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. Вып. 155.
Артемьев А.Р., 1982. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. Вып. 171.
Артемьев А.Р., 1989. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // СА. № 4.
Артемьев А.Р., 1990. Кистени и булавы из раскопок Великого Новгорода // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М.
Артемьев А.Р., 1991. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М.
Артемьев А.Р., 1996. Вооружение татаро-монгольских воинов в походе на Волжскую Булгарию и Русь в 1236–1241 гг. // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен: Тез. докл. Улан-Удэ. Ч. 1.
Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток.
Артемьев А.Р., Малыгин П.Д., 1990. Предметы вооружения из раскопок средневекового Торжка // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.
Гильом де Рубрук, 1957. Путешествие в восточные страны. М.
Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
Гончаров В.К., 1951. Древний Колодяжин // КСИИМК. Вып. 41.

- Горелик М.В.*, 1979. Средневековый монгольский доспех // Третий Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор. Т. III.
- Горелик М.В.*, 1983. Татаро-монгольское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции). М.
- Горелик М.В.*, 1987. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Д'Оссон К.*, 1937. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Иркутск. Т. 1.
- Измайлов И.Л.*, 1988. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.
- Измайлов И.Л.*, 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан.
- Кирпичников А.Н.*, 1966а. Древнерусское оружие. М.; Л. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.
- Кирпичников А.Н.*, 1966б. Древнерусское оружие. М.; Л. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени.
- Кирпичников А.Н.*, 1971. Древнерусское оружие. Л. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.
- Кирпичников А.Н.*, 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М.
- Кирпичников А.Н.*, 1978. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 155.
- Кирпичников А.Н.*, 1980. Куликовская битва. М.
- Кирпичников А.Н.*, 1985. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М.
- Кирпичников А.Н.*, 1991. Вооружение Руси IX–XIII вв. // Ex Oriente Lux: Melanges offerts en hommage au professeur Jean Blankoff, a l'occasion de ses soixante ans. Bruxelles. Vol. 1: Histoire, archeologie, histoire de l'art, numismatique.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.*, 1985. Вооружение // Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. М.
- Киселев С.В., Мерперт Н.Я.*, 1965. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.
- Крамаровский М.Г.*, 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Кызласов И.Л.*, 1997. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). Санкт-Петербург; Псков. Т. 1.
- Леньков В.Д., Артемьева Н.Г.*, 2003. Лазовское городище. Владивосток.
- Малиновская Н.В.*, 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.
- Медведев А.Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М. Т. 2. (МИА. № 65).
- Медведев А.Ф.*, 1966а. Ручное метательное оружие: (Лук и стрелы, самострел): VIII–XIV вв. М.
- Медведев А.Ф.*, 1966б. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2.
- Монгайт А.Л.*, 1955. Старая Рязань // МИА. М. № 49.
- Недашковский А.Ф.*, 2000. Золотоордынский город Увек и его округа. М.
- Немеров В.Ф.*, 1987. Военное снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. № 2.
- Никольская Т.Н.*, 1974. Военное дело в городах земли вятичей: (По материалам древнерусского Серенска) // КСИА. Вып. 139.
- Никольская Т.Н.*, 1981. Земля вятичей: К истории бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.
- Никольская Т.Н.*, 1987. Городище Слободка XII–XIII вв.: К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.
- Плано Карпини Д.*, 1957. История монгалов. М.
- Рыбина Е.А.*, 1978. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.
- Седов В.В.*, 1975. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. Вып. 144.

- Седов В.В.*, 1982. Некоторые итоги раскопок в Изборске // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Седов В.В.*, 1984. Изборск – город-крепость XII–XIII вв. // Древнерусский город: Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию Киева. Киев.
- Седов В.В.*, 1988. Древний Изборск // Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исследования. М.
- Седов В.В.*, 1993. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков.
- Седова М.В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Худяков Ю.С.*, 1985. Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С.*, 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.
- Хузин Ф.Ш.*, 1985. Предметы вооружения // Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.
- Шавкунов В.Э.*, 1993. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток.
- Шендрик Н.І.*, 1958. Наконечники стріл з Княжої гори // Праці Київського державного історичного музею. Київ. Вып. 1.
- Юра Р.А.*, 1962. Древній Колодяжин // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.

В. Жулкус (Клайпеда, Литовская Республика)

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ КУРШЕЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Без сомнения, приход христианства в страны балтов – одно из самых важных событий прошедшего тысячелетия. Не случайно большинство исследователей интересуются этим событием, имея в виду конфликт между балтским языческим мировоззрением и христианством. Однако существует и другой контекст трансформаций мировоззрения в племенах балтов в более ранний период. Археологи констатируют, что в течение тысячелетий обычаи погребения неоднократно менялись, и связывают это с изменениями в мировоззрении. Курши в эпоху викингов пережили последнюю трансформацию дохристианского мировоззрения, которая заключалась в появлении и внедрении обряда кремации. На вопросы “как это происходило?” и “откуда пришли новые обычаи?” археологи более или менее точно ответить могут, однако на вопрос “почему это произошло?” ответов пока нет. Как раз этому явлению мы и будем уделять наше внимание.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЫЧАЕВ

Изменение обряда погребения в раннем средневековье не было частым явлением. Когда после Великого переселения народов закончилось образование балтских племен, традиции погребения в большинстве племенных территорий не менялись вплоть до внедрения христианства. С другой стороны, в Викингское время в мире балтов существовало большое разнообразие погребальных обрядов.

На литовском побережье Балтийского моря так же, как и в области культуры восточнобалтских курганов между р. Неман и Даугава, в римский период преобладали труположения. От реки Шентойи до верхнего течения реки Миния (приток Немана) в то время были распространены труположения с каменными кругами, в которых иногда погребались также лошади. На севере этого ареала, в сегодняшней Латвии, были распространены труположения в низких курганах без каменных кругов с почти идентичным погребальным инвентарем. Можно предположить, что на летто-литовском побережье в римское время существовала группа населения, которую Птолемей называл “*Kareotai*” (Nowakowski, 1990; Żulkus, 1999. P. 10f), т.е. курши или протокурши (Michelbertas, 1989).

В конце данного периода в самбийско-натангйской культурной группе появились трупосожжения. В течение более позднего периода эпохи Великого переселения народов появляется разрыв между западнобалтской и восточнобалтской культурами. В самбийско-натангйской культурной группе и в ее соседстве обряд кремации стал главенствующим. Погребения в урнах исчезали, они заменялись трупосожжениями в ямах. Одновременно распространялся обычай погребать несожженную лошадь под останками сожженного мертвеца. Обычай кремации держался, по-видимому, в многочисленных разновидностях до момента проникновения Немецкого ордена (Кулаков, 1994. С. 32). Этот обычай распространялся на восток от р. Неман в центральнолитовские регионы.

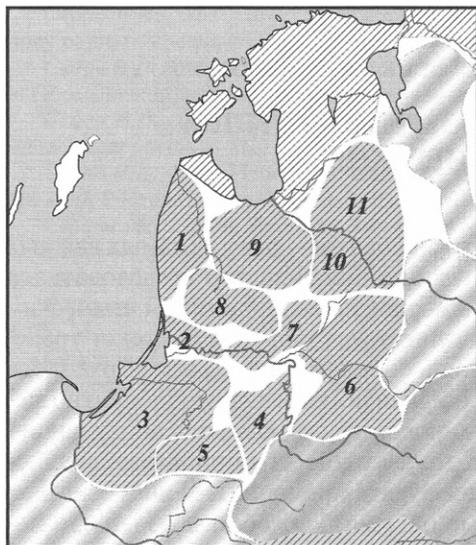

Рис. 1. Племена балтов в XII веке

1 – курши; 2 – скальвы и земля Ламата; 3 – пруссы; 4 – ятвяги; 5 – галинды (судины); 6 – литовцы; 7 – аукштайты (Центральная Литва); 8 – жемайты; 9 – жемгалы (земигалы); 10 – сели (селоны); 11 – латгалы

В конце периода великого переселения народов формирование отдельных племенных территорий балтов закончилось. Севернее низовьев Немана обитали жемайты, жемгалы, сели (селоны), латгалы и курши. Все они хоронили умерших по обряду трупоположения. Этот способ погребения держался в упомянутых племенах, за исключением куршей, вплоть до прихода христианства (Caune, 1991; Žilkus, 1991. P. 4).

Чужие влияния периода великого переселения народов на территории куршей вызвали много изменений культурного и общественного порядка. Тем не менее, обычаи погребения изменились незначительно, только в VIII в. в южных областях куршей стало появляться все больше трупосожжений. О возникновении и распространении этого обряда археологи спорили довольно много. По мнению А. Тауравиčiusа, обычай кремации из Скальвы (из пруссов), где он практиковался с IV в., сначала пришел в низовья Немана (земля Ламата). Оттуда кремация распространялась далее в земли куршей и частично в земли жемайтов (Tautavičius, 1989).

В настоящее время, после анализа данных о куршских погребениях, можно представить себе, как распространялась кремация в землях куршей. Трупосожжения появились на территории земли Пилсатс (рядом с Ламатой) уже в VIII в.; в X в. они составляли здесь примерно 50%, около 1050 г. – уже 80%, и около 1100 г. они преобладали абсолютно.

Далее в направлении севера, в земле Мегове около 1000 г. сжигали примерно 50% умерших, около 1050 г. – примерно 65%, и около 1100 г. этот обычай уже главенствовал. В земле Цеклис кремация распространялась позже, первые трупосожжения появились около 850 г., около 950 г. кремировалось еще меньше чем 20% умерших, только около 1050 г. кремировалось уже 50% умерших, и около 1150 г. они уже преобладали. Еще дальше на севере, в новых областях куршей (Пемаре, Бандава, Вентава, Ванема), ритуал кремации стал преобладать только в XII в. – трупоположения встречались здесь вплоть до XIII в. (Žilkus, 1995. P. 2). Здесь без сомнения усматривается влияние традиций погребения автохтонных угро-финнов, т.е. ливов (Mugurevič, 1985; Mugurēvičs, 1997).

Таким образом, сегодня уже выяснено, откуда в земли куршей пришел обычай сжигать умерших и как он распространялся. Конечно, в общей тенденции распространения кремации имеются исключения. В некоторых местах кремация появлялась раньше, прежде чем этот обычай распространился по всей территории. В большинстве земель куршей обычай кремации преобладал полностью, в то время как у их непосредственных соседей, жемайтов и жемгалов, он распространялся только единично, традиционный обряд погребения здесь менялся не существенно.

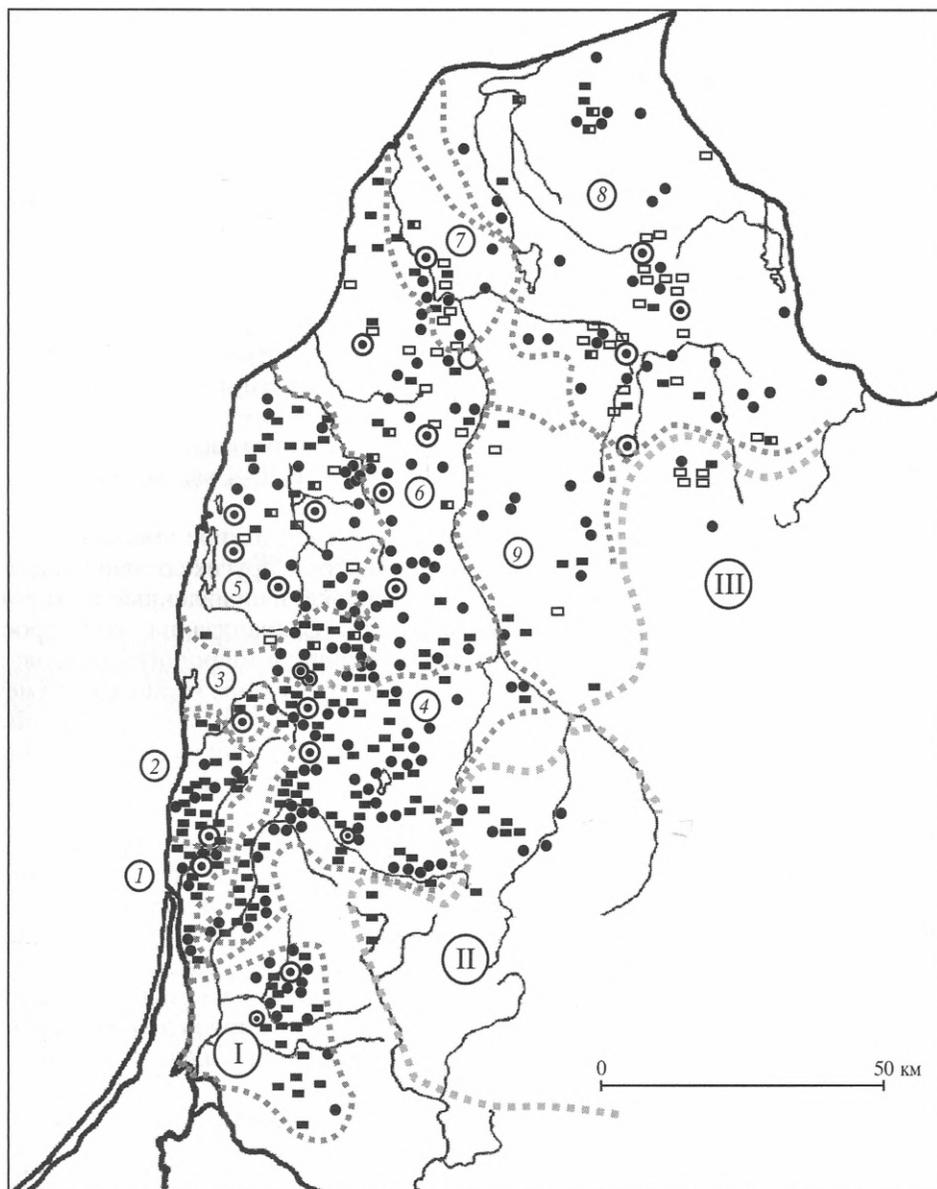

Рис. 2. Куршские земли, городища и могильники в XII веке

I – Земля Ламата; II – Жемайты; III – Жемгалы

Куршские земли: 1 – Пилсатс; 2 – Мегове; 3 – Дувзаре; 4 – Цеклис; 5 – Цемаре; 6 – Бандава; 7 – Вентава; 8 – Ванема; 9 – земля между Скрундой и Жемгалой

Без сомнений, кардинальные изменения в обряде погребения связаны также с трансформациями мировоззрения. Одним из самых стабильных признаков мировоззрения является ориентировка умерших по странам света. Ориентировка умерших нередко считается одним из самых важных племенных признаков.

Различия в ориентировке погребений объясняются различным мировоззрением. Соответствующую ориентировку умерших коррелируют с положением небесных тел или циклами времени. После более пристального изучения ориентировки умерших на территориях западнобалтских племен было установлено, что унифицированной ориентировки умерших нет не только во всем этом ареале, но и у отдельных племен. Ориентировка трупоположений VIII–XIII вв. в земле Ламата, на территориях племен жемайтов, куршей, жемгалов, аукштайтов, латгалов, селей, прибалтийских финнов различалась даже в пределах каждого отдельного племени. Погребения очень часто были направлены в сторону смежных племен. Это замечено в “пограничных” местах захоронения как у куршей, так и у жемайтов, жемгалов и латгалов. Легко можно установить, что могильные ямы направлены в сторону межплеменных пространств. Подобный феномен был замечен как у соседних ливей, так и у некоторых восточнославянских племен. Эта тенденция выражена также в Жемайтии, где вплоть до XIII в. трупоположения мужчин и женщин ориентированы в противоположные стороны. Обычная для куршей ориентировка погребений VIII–X вв. на северо-запад у границ отдельных земель заметно меняется.

Объяснения этому следует искать в представлении о мире умерших. В могильниках куршей, жителей земли Ламата, жемайтов и других соседних племен находят погребения, вопреки обычной ориентировке, направленные в сторону сакрализованных межплеменных пространств. Сакрализация этих пространств соответствует представлению о мире умерших в мифологии балтов: за горами, за водами, у истоков рек, в лесах. Для живших у моря куршей мир умерших связан, так же как у других приморских народов, с морем. В общем, в западнобалтском язычестве ясно выражена ориентировка на хтонический подземный мир, в восточнобалтском, напротив, больше на небесную сферу (Velius, 1983; Žulkus, 1989).

Изменения в ориентировке погребений в приморских землях отмечены снова в VIII–XI вв., и это совпадает по времени с появлением и распространением кремации. В земле Ламата, где кремация была широко распространена уже в VIII в., ориентировка погребений в направлении запад–восток была обычной. С распространением кремации у куршей, как и в других регионах, ориентировка погребений менялась постепенно. В земле Пилсатс среди трупоположений VIII–X вв. преобладала северо-западная – юго-восточная ориентировка. Трупосожжения IX–XIII вв. направлены в разные стороны света (Žulkus, 1989; Stankus, 1995. P. 101).

В могильниках земли Мегове (Паланга, Лаздининкай, Генчай 1, Кяуляй-кяй) трупоположения VIII–IX вв. были направлены головами на северо-запад, в то время как ранние трупосожжения были ориентированы по-разному. Ямы трупосожжений X–XII вв. были ориентированы на запад и юго-запад, однако в Гинталишке 100% трупосожжений XI–XII вв. были ориентированы на северо-восток. В могильниках северного Курша, куда обряд трупосожжения пришел позже, преобладала северо-западная – юго-восточная ориентировка (Asaris, 1996).

В общем, с появлением обряда трупосожжения ориентировка погребений в куршских землях изменилась немного, только в некоторых местах можно заметить определенную тенденцию могил “поворачиваться” на запад. Связь между появлением обряда трупосожжения и тенденцией хоронить в направлении восток–запад более отчетливо выявляется в могильниках, расположенных рядом с наиболее важными центрами.

В куршских могильниках трупосожжения в большинстве случаев находились раздельно от трупоположений. Установлено, что самые древние погребения находятся на склонах небольших возвышенностей, поближе к воде, в то время как более поздние располагаются на самих возвышенностях. В могильнике Паланги более древние погребения находились на склоне возвышенности, а более поздние трупосожжения были на более высоком месте, где трупоположения были редки (*Tautavičius*, 1963).

В Лаздининкай погребения римского времени находились на склоне рядом с рекой, а трупоположения VIII–X вв. лежали в более высоких местах. Наряду с поздними трупоположениями были и трупосожжения, но они не перемешивались друг с другом. В могильнике Сленгяй многочисленные трупоположения VI–VII вв. лежали на южном краю возвышенности, ранние трупосожжения были на другой стороне возвышенности, а трупосожжения XI–XII вв. были обнаружены на самом высоком месте. На склоне возвышенности могильника Кашучай, у реки Акмяна, лежали трупоположения III–IV вв., а более поздние, VIII–IX вв., обнаружены на обособленном месте (*Žulkus*, 1993. P. 215).

ОБРЯД ТРУПОСОЖЖЕНИЯ ПРИШЕЛ ИЗ ЗЕМЛИ ПРУССОВ

В настоящее время существует мнение, что распространение кремации в землях куршей не вызвало никаких более существенных изменений в материальной культуре (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 2001. P. 171). Действительно ли было так?

Прежде всего надо заметить, что VIII–IX вв. для некоторых балтских племен были периодом, в который отчетливо изменились типы некоторых орудий труда, оружие и традиционная одежда. Увы, пока что мы плохо знаем, как в связи с этим менялись общественные отношения. Появление новых орудий труда, оружия и украшений свидетельствует об инновациях в области материальной культуры, которые, как показано ниже, в различных балтских племенах происходили по-разному. Доказательством этой динамики являются артефакты, которые датируются периодом VII–XII вв.: 11 типов и подтипов шейных гривен, 12 типов фибул, 7 типов браслетов, 7 типов топоров, 8 видов мечей и несколько видов других изделий (*LAA IV*; *Kazakevičius*, 1998. P. 287; *Žulkus*, 1997. P. 165).

Среди племен, в которых в IX–XII вв. не замечены более существенные изменения в материальной культуре, находим литовцев и ятвягов, больше инноваций находим в Жемайтии, 2–4 новых типа каждое столетие появлялись среди аукштайтов, жемгалов, латгалов и селей, а также в Ламате. В землях пруссов (кроме скальвов) было констатировано от 2–3 до 11 новых видов артефактов в каждом столетии, больше всего в XI в.; в куршских областях в период IX–XI вв. таких инноваций было от 8 до 10. Итак, самые заметные инновации и изменения происходили в IX–XI вв. у пруссов и, особенно, у куршей. Если мы возвратимся к ритуалу погребения, то существенные изменения в землях куршей и в Центральном Литве найдем также в VIII–XII вв.

Так как обряд кремации шел от прусских племен, то можно предположить, что в куршских землях, по меньшей мере в южных, распространялись и артефакты прусского происхождения. В настоящее время определено, что часть артефактов, которые ранее принимались за прусские (*Engel, La Baume*, 1937. P. 190), больше свойственны куршам, а именно: подковообразные фибулы со звездными концами с поперечником или без него из могильника Ирзекапинис (Клин-

цовка). В Ирзекапинис они были найдены в 11% всех погребений XI в. (Кулаков, 1990); в куршской Паланге – в 11,5%, в Лаздининкай – в 18,5%, в Пришманчяй – в 26%; в Гиркаляй – в 23% всех погребений. В общем, эти фибулы в земле Мегове были обнаружены примерно в 15% всех погребений XI в. и 18% всех погребений XII в. Скорее всего эти фибулы производились в южнокуршских землях и оттуда проникли в Самбию (Žulkus, 1991). Среди фибул разных типов, распространенных в Самбии в VIII–XII вв., Кулаков не находит ни одного типа, который был бы характерен только для пруссов и оттуда мог бы распространяться в куршских областях. Наоборот, почти все виды подковообразных фибул, которые известны у пруссов, находят в куршских землях гораздо чаще, чем в Пруссии. Некоторые из них, без сомнения, куршского происхождения (Кулаков, 1994. С. 47; Žulkus, 1997a).

Так или иначе, Кулаков, кроме обычаев погребения, не находит никакие только пруссам свойственные “материальные этнографические признаки” (Кулаков, 1994. С. 163). То же самое говорится и о других изделиях. Распространенные среди пруссов и куршей мечи принадлежат к общеевропейским X-типам. Мечи других западноевропейских и скандинавских типов (I-N, T, Z) больше распространены среди куршей, чем среди пруссов. Еще не известны собственно прусские типы мечей, пруссы использовали и куршские мечи типа T1 (по В. Казакевичюсу – Kazakevičius, 1996. Yl. 30, 53, 67, 76). Погребения, которые могли бы считаться прусскими, в куршских землях неизвестны. С другой стороны, признаки куршской культуры в Самбии выражены довольно отчетливо (Кулаков, 1994. С. 154). На вопрос, влияла ли культура пруссов на материальную культуру куршей при распространении обряда кремации, можно ответить однозначно: доказательств непосредственного влияния мы не находим.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ КРЕМАЦИИ

Остается искать ответ на особенно важный вопрос: почему изменялось мировоззрение куршей?

Обращает на себя внимание интересный факт: в куршских могильниках трупосожжения концентрируются на отдельных местах, они обычно покрывают свободные места и редко накрывают более ранние захоронения.

Среди трупосожжений X в. (переходный период) имеются такие, которые примыкают к трупоположениям или их накрывают, возможно, это указывает на существование традиций семейных погребений. В некоторых случаях, однако, трупосожжения были четко отделены от трупоположений (Лаздининкай).

Результаты статистического анализа погребений в могильнике Паланга, проведенного автором, позволяют сделать некоторые важные заключения социального характера. Здесь вопреки изменению формы погребения сохранился обычай хоронить хорошо вооруженных мужчин на обособленном месте. На исследованной части могильника (около 4/5 всего могильника) имелись 5 небольших групп таких “погребений воинов”. Все эти погребения, как трупоположения VIII–X вв., так и более поздние трупосожжения, занимали обособленное пространство в юго-западной и в центральной части могильника. По крайней мере половину трупосожжений, которые располагались в зоне трупоположений, составили погребения хорошо вооруженных мужчин. Почти половина из них принадлежала к категории богатых погребений. Таким образом, вопреки изменению формы погребения, сохранился обычай хоронить членов семьи (и, вероятно, также рабов) наряду с мужчиной, а хорошо вооруженных мужчин

хоронить отдельно. При преобладании обычая кремации, традиция хоронить вооруженных мужчин на отдельных местах стала проявляться еще отчетливее.

Такие же тенденции отмечены и в Скандинавии, в Бирке трупосожжения были ясно сконцентрированы на западной части могильника (*Müller-Wille*, 1993).

В X в. в землях куршей появляется обычай хоронить сожженных умерших в неглубоких ямах величиной до 5 м. В таких погребениях кости, угли, оружие и украшения нескольких сожженных индивидов находились, как правило, на дне ям. Чаще всего этот обычай практиковался в XI–XII вв. (*Būtieniē*, 1964; *Bertašius*, 1998. Р. 38; 2002. Р. 67). Эти коллективные погребения являются продолжением старых традиций. Во многих куршских могильниках в VIII–IX вв. и особенно в IX–X вв. встречаются труположения, где в ямах покоятся останки двух, реже трех индивидов. В могильнике Паланги найдены 3 погребения, в которых соответственно были похоронены двое мужчин и ребенок (№ 79), мужчина и два ребенка (№ 114), трое вооруженных копьями мужчин (№ 197; IX–X вв.) (*Tautavičius*, 1963). В погребении 357–358 (конец X – начало XI в.) были останки женщины и девочки (*Žulkus*, 1988).

Без сомнения, большинство таких погребений были семейными. Иначе можно было интерпретировать погребение 197 в Паланге. Трое вооруженных мужчин могли быть одновременно погибшими воинами. Это может быть отражением новых общественных связей и дифференциации “по профессии”. Самостоятельную “профессию” в куршском обществе в эпоху викингов имели только воины. Воинам могла принадлежать и часть коллективных трупосожжений в Паланге. Хорошим примером являются и трупосожжения, которые были найдены в могильнике Дурбес Дири (земля Пемаре). В коллективном погребении II обнаружены три воина, в другом было похоронено семеро мужчин. Все умершие были хорошо вооружены (были найдены боевые топоры, мечи и шлем), часть инвентаря была поломана. Исследователи полагают, что в этом могильнике захоронены воины, погибшие в битве под Дурбе в 1260 г. (*Stepinš*, 1967), однако мечи в коллективных ямах II и III датируются XI–XII вв. (*Kazakevičius*, 1996. Р. 108, 112).

В могильнике Греже (земля Цеклис) было найдено 12 ям с коллективными трупосожжениями. Ямы были величиной от 2,5 × 2,5 до 3 × 7,5 м, прямоугольные, ориентированы в направлении юго-восток – северо-запад. Сколько людей было погребено в могильной яме, не установлено. В ямах имелся инвентарь, свойственный как женщинам, так и мужчинам, было много оружия, частично поломанного. Особенно богатыми были погребения в яме XI, где были обнаружены положенные рядом 3 богатых трупосожжения воинов, в каждом меч (*Varnas*, 1984). Погребения в яме XI датировались XII в. (*Kazakevičius*, 1996. Р. 108, 120). Часть погребений в Греже, очевидно, принадлежала воинам, другие могли быть коллективными семейными погребениями.

В Сленгяй (земля Пилсатс) в яме размером 3 × 3,2 м было похоронено 3 или 4 кремированных индивида. Двое из них были воинами – там лежали копья и боевые топоры, одно погребение было женским, еще одно осталось невыясненным. Под этой ямой было двойное трупосожжение хорошо вооруженного мужчины и женщины. Погребение датируется по мечу не ранее XII в. (*Kazakevičius*, 1996. Р. 89).

В Лайвяй (земля Цеклис) 4 коллективных трупосожжения X–XI вв. обнаружены в ямах размерами 5 × 3 м. Среди них только одно мужское погребение выделялось особенно богатым инвентарем, другие изобилием инвентаря не отличались (*Būtieniē*, 1964).

Коллективные погребения IX–XII вв. известны и в Центральной Литве. Там их появление связывают с импортом прусских погребальных традиций. Как заметил М. Берташюс, инвентарь этих погребений и традиция порчи оружия хорошо отражали социальное положение погребенных мужчин (*Bertašius*, 1998. P. 53). Здесь, как и везде, коллективные погребения мужчин большей частью были богаты оружием и другим инвентарем.

Подобный обряд погребения воинов в коллективных могилах с рассыпанием останков сожженных и инвентаря на большой площади известен не только в землях пруссов и ассимилированных западными балтами восточных славян, но и у западных славян (до X в.). В Скандинавии кремация стала стандартной формой погребения во второй половине первого тысячелетия. Там тоже в VIII–IX вв. кости сожженных вместе с остатками костра, обугленными камнями и фрагментами инвентаря нередко рассыпались на поверхности земли (*Müller-Wille*, 1993; *Bertašius*, 1998. P. 40; 2002. P. 111).

В поисках связи между обрядом кремации и определенными социальными группировками было статистически проанализировано более 700 погребений в земле Мегове (Паланга, Пришманчяй, Лаздининкай). Установлено, что 22–26% трупосожжений можно отнести к богатым погребениям. Число богатых погребений среди всех мужских погребений (труположений и трупосожжений) начиная с IX в. уменьшалось – в X в. они составляли примерно 11%, а в XI в. только около 8% (*Žulkus, Klimka*, 1989). Число богатых мужских трупосожжений в то время несколько увеличивалось.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди богатых погребений южных куршей в IX–XI вв. трупосожжения встречались в два–три раза чаще, чем среди остальных, т.е. обычай кремации был более свойствен представителям высшего социального слоя. Кроме того, не вызывает сомнений связь ритуала кремации с богатыми погребениями воинов, очевидно, инициаторов этого нового обряда. Женские куршские погребения того времени, как и в Скандинавии (*Roesdahl*, 1991. P. 60), были обычно богаче мужских, что может отражать важность матери в семье и в обществе, хотя в общественной жизни она оставалась на втором месте. Женщина в обществе балтов в IX–XII вв., как и раньше, была зависима от мужчины (*Vaitkunskienė*, 1995. P. 163).

Само собой разумеется, члены высших слоев общества были и влиятельнее, и динамичнее, они были независимее от традиций общества. Представители высших и более влиятельных социальных слоев куршей, как и всюду (*Blomkvist*, 1999. P. 295), выделялись не только материальным положением, но и менталитетом. Они были способны инициировать разнообразные инновации. Распространение групповых погребений показывает, что эта человеческая группа была организована на эгалитарной основе. Понадобилось по крайней мере 100 лет, пока обычай кремации проник во все общественные слои в различных землях куршей.

Таким образом, причина распространения обряда кремации, очевидно, была социального характера. В VIII–IX вв. образовалась влиятельная общественная группа, которая пропагандировала различные инновации, постепенно перенятые обществом. В течение двух столетий менялись традиции погребения, ушел обычай труположения, возник и укрепился обряд трупосожжения. Смена обычаев погребения была связана с изменениями в представлениях о переходе в мир умерших и, возможно, о мире умерших в целом.

Эти предположения позволяют утверждать, что распространение кремации было связано с конкретными социальными слоями общества. Сначала обычай

кремации был характерен для определенной группы людей, и только постепенно стал “модой погребения”, а позже и этническим признаком. Социальные истоки кремации были забыты, исключение стало привычкой.

ДРУЖИНА

В период до образования государств в обществе балтов находят только один достаточно влиятельный, хорошо организованный, сравнительно мало от других слоев общества зависимый слой: дружина. По мнению В.И. Кулакова, в конце VII – начале VIII в. дружина в обществе пруссов образовалась как отдельная группа в пределах рода, которая была мало связана с племенными традициями и быстро обрела мультиэтнические черты. Исчезновение отдельных женских погребений в прусских могильниках связывается с всеобщим распространением дружины. Женские украшения и трупосожжения женщин VII–XI вв. поверх погребений воинов (двойные погребения) В.И. Кулаков интерпретирует как признак абсолютной зависимости женщины от воина-дружинника (Кулаков, 1994. С. 148, 149).

Двойные погребения мужчин и женщин в западнобалтских землях и у соседних племен появляются в V–VI вв. В Пагрибис была найдена двойная могила воина и женщины; полагают, что женщина могла быть рабыней (*Vaitkunskienė*, 1995. Р. 165). Двойные или даже тройные могилы V–VII вв. известны в Центральной Литве, Жемайтии, отдельные двойные погребения мужчины и женщины – в земле Ламата (*Tautavičius*, 1996. Р. 59, 65, 78).

Признаки появления дружины, которая была связана с институцией князя и осуществляла его стремление создать подвластную ему военную силу, можно найти уже в конце периода великого переселения народов. На территории литовского племени, в курганном могильнике Таурапилис, обнаружено богатое погребение воина с конем, так называемая “княжеская могила”, датированная второй половиной V – началом VI в.

“Княжеская могила” и окружающие погребения отчетливо выделялись среди других, так как здесь мужчин похоронили с конями, многочисленным оружием и богатыми украшениями (*Tautavičius*, 1981). Очень похожее, уже в древности ограбленное, погребение V или VI в. обнаружено в Марвеле, Центральная Литва. В низовьях Немана (Видгирай) обнаружены несвойственные балтам погребения и украшения V–VI вв. (*Šimenas*, 1994). По находкам в могильнике Пагрибис Вайткунскене датирует образование организованных групп воинов V–VI вв. (*Vaitkunskienė*, 1995. Р. 163).

Упомянутые находки наводят на мысль, что первые признаки образования дружины в обществе балтов появились уже в V–VI вв. На возникновение образований, подобных дружинам, могли повлиять и воины балтского происхождения, вернувшиеся из грабительских походов в Европу и принесшие с собой идеи новых социальных образований.

По мнению В.И. Кулакова, дружина в обществе пруссов возникла в конце VII – начале VIII в. Он подчеркивает ее мультиэтнический состав и связывает ее появление со значительным влиянием скандинавов и даже со скандинавской колонизацией в X в. (Кулаков, 1992. С. 141)¹.

¹ В XI–XII в. в могильниках Самбии исчезли погребения воинов, членов дружины. Возможно, что дружина покинула прусские земли, возможно прусские воины селились на северо-западе Руси, много воинских погребений прусского характера обнаружено в Литве, особенно в окрестностях Каунаса (Кулаков, 1994. С. 154). Существование прусских древностей в Центральной Литве подтверждается и литовскими археологами (*Urbanavičius, Urbanavičienė*, 1988; *Bertašius*, 1998; 2002. Р. 201, 209).

В X столетии начался второй этап образования дружины у куршей. С образованием дружины в южнокуршских землях можно связывать заметное уменьшение в X в. процента мужских захоронений с оружием (*Žulkus, Klimka*, 1989). Дружина начиная с X столетия в куршских, а вскоре также в соседних землях стала самой влиятельной общественной группировкой. Предполагают, что в северных областях, где курши поселились только в XI в., расцвет дружины наступил позже, чем в южных (*Asaris*, 1996. P. 41). Среди трупосожжений в могильнике Сарай с копьями было похоронено 90% мужчин, в 68% погребений мужчин найдены мечи, ножны мечей и шлем. Такое необычайно большое число погребений вооруженных мужчин в XII–XIII вв. явно указывает на позднее появление дружины (*Asaris*, 1994).

Дружина, эта исключительно организованная часть общества, сформулировала особые мировоззренческие представления и заняла особое место как в обществе живых, так и умерших. Доказательства этого мы обнаруживаем в некоторых куршских могильниках. Возникновение дружины указывает также на возникающую группу “владельцев” различной степени, высший слой общества с собственной культурой².

В заключение нужно сказать, что изменения в мировоззрении куршей в X–XI вв., проявившиеся в возникновении и распространении обряда кремации, были определены трансформациями в общественной жизни. Несколько позже в земли языческих куршей пришедшее христианство там уже нашло совсем другую социальную среду.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулаков В.И.*, 1990. Поселенческая ситуация в Самбии во II–XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии. М. С. 69–85.
- Кулаков В.И.*, 1992. Конское снаряжение пруссов X–XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // *LA. Vilnius*. Т. 9. С. 137–144.
- Кулаков В.И.*, 1994. Прусы (V–XIII вв.). М.
- Мугуревич Е.С.*, 1985. Проблемы формирования латышской народности в средневековье (по данным археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Вильнюс. С. 56–65.
- Asaris J.*, 1994. *Vīriešu apbedījumi Sāraju senkapos* // *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1992. un 1993. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga. Lpp. 15–18.
- Asaris J.*, 1996. *Par kuršu izplatību Ziemeļkurzemē 11–13. gs.* // *Arheolog'ija un etnogrāfija*. XVIII. Rīga. Lpp. 38–42.
- Bertašius M.*, 1994. *Marveles degintiniai kapai I* // *Vidurio Lietuvos archeologija*. P. 56–69. Vilnius.
- Bertašius M.*, 1998. *Vidurio Lietuva VIII–XII amžiais: Daktaro disertacijos santrauka*. Vilnius.
- Bertašius M.*, 2002. *Vidurio Lietuva VIII–XII a.* Vilnius.
- Blomkvist N.*, 1999. *Common People in Common Places. [Pt.] 2 // Europeans or not? Local Level Strategies on the Baltic Rim 1100–1400 AD*. Visby. P. 293–314.
- Būtenienė E.*, 1964. *Laivių kapinyno laidosena* // *Mokslų akademijos darbai*. Sēr. A. Kn. 1 (16). P. 83–99.
- Caune A.*, 1991. *Die Gräbertypen und Bestattungssitten im Ostbaltikum in der Zeit vom 1. bis 13. Jahrhundert* // *Horst H. Keiling (Hrsg.). Bestattungswesen und Totenkult*. Berlin. S. 257–274.
- Engel C., La Baume W.*, 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande*. Königsberg (Pr.)

² Можно полагать, что образование дружины в куршских землях не обошлось без участия скандинавов, ходивших в земли куршей военными походами и для сбора дани, и без быстро распространяющейся в регионе Балтийского моря “моды” викингских походов: грабежей и торговли.

- Kazakevičius V.*, 1996. IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius.
- Kazakevičius V.*, 1998. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos: (Kalavijų makštų apkalai) // *LA*. Vilnius. T. 15. P. 287–327.
- LAA IV. Lietuvos TSR archeologijos atlasas / Red. A. Tautavičius. Vilnius, 1977. T. IV.
- Michelbertas M.*, 1989. Vakarų Lietuvos apgyvendinimas senajame geležies amžiuje ir kai kurie šio regiono etnines istorijos klausimai // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda. P. 13–21.
- Mugurēvičs Ē.* 1997. Kurlands Siedlungsplätze in frühgeschichtlicher Zeit // *Archaeologia Baltica*. Vilnius. Bd. 2. S. 85–93.
- Müller-Wille M.*, 1993. Graves // *Medieval Scandinavia an encyclopedia* / Ed. P. Pulsiano. NY; L. P. 237–240.
- Nowakowski W.*, 1990. Baltes et Proto-Slaves dans l'antiquité: Textes et archéologie // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. [Fasc.] 16/1. P. 359–402.
- Roesdahl E.*, 1991. The Vikings. L.
- Stankus J.*, 1995. Bandužių kapinynas // *LA*. Vilnius. T. 12.
- Stepišs P.*, 1967. Durbes kauja 1260 g. Rīga.
- Šimėnas V.*, 1994. Pajūrio, Nemuno žemupio ir Vidurio Lietuvos kapinynai I m.e. tūkstantmečio pirmojoje pusėje // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius. P. 10–17.
- Tautavičius A.*, 1963. Ataskaita uz Palangos kapinyno kasinėjimus 1962 ir 1963 metais. Vilnius. LIIASA, b. 182, 183.
- Tautavičius A.*, 1981. Taurapilio "kunigaikščio" kapas // *LA*. Vilnius. T. 2. P. 18–43.
- Tautavičius A.*, 1989. Del mirusiųjų deginimo papročio plitimo V–VIII a. Žemaitijoje // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda. P. 28–32.
- Tautavičius A.*, 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.
- Urbanavičius V., Urbanavičienė S.*, 1988. Obelių kapinynas // *LA*. Vilnius. T. 6.
- Vaitkunskienė L.*, 1995. Pagrybio kapinynas // *LA*. Vilnius. T. 13.
- Varnas A.*, 1984. Griežes plokštinis kapinynas // *ATL* 1982 ir 1983 metais. Vilnius. P. 108–111.
- Velius N.*, 1983. Senovės baltų pasaulėžiūra. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 2001. Lietuva valstybės priešaušriu. Vilnius.
- Žulkus V.*, 1988. Palangos VIII–XIII a. kapinyno ribų tikslinimas // *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1986 ir 1987 metais*. Vilnius. P. 123–125.
- Žulkus V.*, 1989. Tarpgentinės dykros ir mirusiųjų pasaulis baltų pasaulėžiūroje // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda. P. 107–116.
- Žulkus V.*, 1991. Die Kuren im 13–15. Jahrhundert // *Prußen, Kuren und Masuren: Drei Beiträge zur Landeskunde Ostpreußens*. Weissenburg. S. 15–29.
- Žulkus V.*, 1993. Mirusiųjų pasaulis baltų pasaulėžiūroje (archeologijos duomenimis) // *Žemaičių praeitis*. Vilnius. [Kn.] 2. P. 23–35.
- Žulkus V.*, 1995. Senieji kuršiai // *Baltų archeologija*. 1995. Kn. 4 (7). P. 2–6.
- Žulkus V.*, 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten // *Archaeologia Baltica*. Vilnius. [Bd.] 2. S. 165–188.
- Žulkus V.*, 1997a. Palangos viduramžių gyvenvietės // *AHUK*. Klaipėda. Kn. VII.
- Žulkus V.*, 1999. Kuršiai vakarinių baltų geležies amžiaus kultūroje ir visuomenėje. Habilitacinis darbas (mašinraštis). Vilnius.
- Žulkus V., Klimka L.*, 1989. Lietuvos pajūrio žemės viduramžiais: Lietuvos istorija. Vilnius.

В.И. Завьялов (Москва)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАЛЛОГРАФИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Металлография уже более 50 лет активно используется для исследования древних предметов из металла. Необходимость применения специального естественнонаучного метода при изучении древнего ремесла была обоснована Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков*, 1948. С. 237). Хотя металлография использовалась для изучения древних предметов еще в первой половине XX в., но основные принципы применения этого метода к археологическому материалу сформулированы в конце 40-х – начале 50-х годов XX в. Б.А. Колчиным. Ученым были очерчены возможности метода и круг вопросов, которые можно решать с его помощью. Б.А. Колчин явился основателем нового направления в исследовании истории кузнечного ремесла – археологической металлографии (археометаллографии). Хотя сам он не использовал этот термин, но в последнее время именно этим названием пользуются специалисты, занимающиеся историей металлообрабатывающего производства. На мой взгляд, термин археометаллография удачен, поскольку он раскрывает как название метода исследования – металлография, так и объект исследования – древний металл.

В настоящей работе я не ставлю задачи дать сколько-нибудь исчерпывающий очерк истории отечественной археометаллографии – это тема специальной работы, далеко выходящей за рамки отдельной статьи. Отдельные обзоры и публикации по истории применения археометаллографического метода уже появляются в научной литературе (*Гурин*, 1982; *Завьялов*, *Розанова*, *Терехова*, 2001). Но все предшествующие историографические штудии в основном ограничивались перечислением публикаций и их краткой аннотацией. Пришло время историографического анализа археометаллографических исследований. Не претендуя на полноту и всестороннее рассмотрение вопроса, в настоящей статье мне хотелось бы заострить внимание на основных моментах в развитии метода археологической металлографии и некоторых достижениях в изучении древнего кузнечного ремесла в отечественной науке.

Список публикаций по железообрабатывающему ремеслу насчитывает более 300 наименований. Большая их часть (около 40% всех работ) посвящена славянскому и древнерусскому кузнечеству. Среди них можно выделить такие труды, как “Черная металлургия и металлообработка Древней Руси” и “Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого” Б.А. Колчина, коллективная монография украинских археологов, посвященная металлургии и металлообработке ранних славян и Киевской Руси (*Вознесенська*, *Недопако*, *Паньков*, 1996), “Кузнечное ремесло Полоцкой земли” М.Ф. Гурина.

Значительная часть работ посвящена другой важной проблеме истории кузнечества – зарождению черной металлургии и металлообработки в Восточной Европе. Во многом эти вопросы остаются до сих пор дискуссионными. Тем не менее, благодаря работам Н.Н. Тереховой, Г.А. Вознесенской, Л.С. Розановой, Б.А. Шрамко и его группы, можно констатировать, что Восточная Европа являлась вторичной (или даже третичной) зоной освоения железа по отношению к Малой Азии и Кавказу. Хотя первые железные орудия (метеоритное железо)

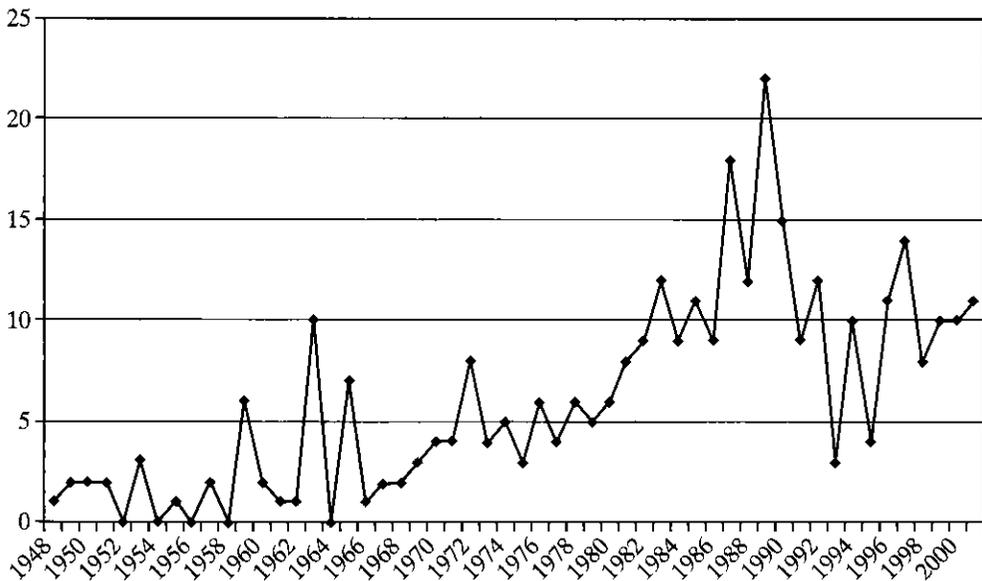

Рис. 1. Динамика числа публикаций по кузнечному ремеслу

появляются у восточноевропейских племен во второй четверти II тыс. до н.э. (Шрамко и др., 1965; Терехова и др., 1997. С. 35–39), но, по справедливому замечанию Н.Н.Тереховой, “опыты по обработке железных метеоритов никак не были увязаны с возможностью получения железа металлургическим путем” (Терехова и др., 1997. С. 39).

Как уже отмечалось, литература по кузнечному ремеслу обширна и разнообразна. Интересно проследить динамику числа публикаций за прошедшие 50 лет по годам (рис. 1). При анализе графика я рассматриваю только количественные показатели, не давая оценки сущности опубликованных работ – это слишком увеличило бы размеры публикации. Распределение работ по истории кузнечного ремесла демонстрирует неравномерное, но все возрастающее количество публикаций по археометаллографии. До начала 60-х годов XX в. это были отдельные работы, что не удивительно – ведь в это время большинство трудов принадлежало одному автору – Б.А. Колчину. Но зато какие это были работы! Именно они заложили основу новой археологической дисциплины. В начале 60-х годов наблюдается резкое возрастание интереса археологического сообщества к естественнонаучным методам и к металлографии в частности. В немалой степени этому способствовало создание по инициативе Б.А. Колчина в Институте археологии Лаборатории естественнонаучных методов и проведение ряда совещаний и конференций по применению новых методов в археологии. На графике этому времени соответствует резкий пик количества вышедшей в середине 60-х годов годов литературы по древнему кузнечеству. В дальнейшем интерес к истории кузнечного ремесла продолжал неуклонно расти и вместе с ним росло число публикаций. На рубеже 80–90-х годов на графике наблюдается новый, более мощный, пик. Ежегодное число публикаций по археологической металлографии в это время превышает десять наименований, а рекордным оказался 1989 г., когда вышло в свет более 20 работ. Именно в этот период в течение двух–трех лет защищается несколько кандидатских и докторских

диссертаций по истории кузнечного ремесла. Еще одним фактором, вызвавшим такой резкий рост археометаллографических работ, является активная работа наряду со столичными исследователями (Москва, Киев, Минск) специалистов из периферийных научных центров (Екатеринбург, Ульяновск, Псков, Кемерово). С начала 90-х годов наблюдается резкий спад публикаций работ, что объясняется общим кризисом в России и странах СНГ. Новый рост числа публикаций происходит с конца 90-х годов. Этот рост дает возможность полагать, что уменьшение количества публикаций по истории кузнечного ремесла было временным и действительно связано с внешними причинами, а не с кризисом археометаллографии как научной дисциплины.

Основные принципы археометаллографического анализа были сформулированы Б.А. Колчиным в его монографии “Черная металлургия и металлообработка в древней Руси” (Колчин, 1953). Борис Александрович подчеркивал, что для исторических исследований важен *массовый* (выделено мной. – В.З.) металлографический анализ большого количества орудий труда, оружия, ремесленного инструмента, утвари и т.д. Такой подход позволяет делать обобщение отдельных технологических характеристик, на основе которых возможно построение уже более широких историко-технических и исторических выводов (Колчин, 1953. С. 11–12). Очень важно отметить, что с самого начала применения археометаллографии Б.А. Колчин рассматривал этот метод как инструмент именно исторического исследования. Именно этим во многом объясняется тот факт, что в отечественной науке историей кузнечного ремесла занимаются специалисты с археологическим образованием.

В 60–90-е годы XX в. метод археометаллографии совершенствовался учениками и продолжателями Б.А. Колчина. Заметный вклад в развитие этой дисциплины внесли Г.А. Вознесенская, Н.В. Рындина, Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, Б.А. Шрамко, М.Ф. Гуринов и др.

В это время работы по изучению кузнечного ремесла велись по двум основным направлениям. Уже в своей монографии “Черная металлургия и металлообработка в древней Руси” Б.А. Колчин наметил необходимость исследования железных изделий раннего железного века. В рамках этой задачи изучались поковки из памятников Кавказа и Северного Причерноморья (Вознесенская, 1975; Терехова, 1983; 1986; 1989; Терехова, Эрлих, 2000; Шрамко, 1969; Шрамко и др., 1965; 1977; 1986), финно-угорские (Вознесенская, 1965а; Завьялов, 1992; 1999; Завьялов, Чеснокова, 1991; Перевоицков, 2002; Розанова, Терехова, 2000; 2002а; 2002б; 2003а; 2003б; Хомутова, 1978б; 1982; Zavyalov, 1995) и раннеславянские материалы (Вознесенская, 1965б; 1967; 1978; Гопак, 1976; 1983; Гопак, Горюнова, 1990; Гопак, Хавлюк, 1972). Плодотворная работа велась по изучению железообрабатывающего производства Сибири и Дальнего Востока (Леньков, 1974; Зиняков, 1997; Зыков, 1986; Зыков, Терехова, 1983; Зыков, Федорова, 2001; Жирных, Зыков, 2001).

Вторая линия развития археометаллографических исследований была направлена на углубленное изучение кузнечного ремесла в отдельных городах и регионах Древней Руси. Здесь прежде всего следует отметить труд Б.А. Колчина “Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого” (Колчин, 1959), ставший эталонной работой не только для историков древнего ремесла, но и для широкого круга медиевистов. Подтверждение и дополнение выдвинутых в этой работе положений по железообработке Новгорода отражены в исследованиях Л.С. Розановой и автора (Завьялов, Розанова, 1990; 1992). Заметный вклад в историю древнерусского кузнечного ремесла внесли исследования материалов

Киева (Новое в археологии Киева, 1981), Пскова (*Вознесенская*, 1996; *Закурина*, 1996; 1997; 1998; 2000), Суздаля (*Rozanova, Sedova*, 1984), Чернигова (*Вознесенская, Коваленко*, 1985), Рязани (*Толмачева*, 1983), Полоцка (*Гурин*, 1987), Серенска (*Хомутова*, 1973), Ярополча Залесского (*Хомутова*, 1978а).

Но развитие отечественной археометаллографии шло не только по пути количественного увеличения аналитических данных. Развивались и представления о древнем металле и способах его обработки. Так, еще Б.А. Колчин обратил внимание на повышенную по сравнению с современным железом, микротвердость ряда древних поковок. Он видел объяснение этому факту в развивающемся с течением времени процессе старения железа (*Колчин*, 1953. С. 48). Однако уже в конце 50-х годов XX в. польский ученый Е. Пясковский обосновал зависимость микротвердости феррита от содержания фосфора в металле (*Piaskowski*, 1959; 1968; 1989). В настоящее время влияние фосфора на микротвердость феррита подтверждена многочисленными металлографическими исследованиями древнего металла.

В отечественной литературе на железо с высоким содержанием фосфора обратил внимание М.Ф. Гурин (*Побаль, Гурин*, 1975) при изучении серии анализов химического состава железных предметов. Позднее рядом исследователей были сформулированы основные черты фосфористого железа, позволяющие определять эту микропримесь металлографическим способом без проведения химического анализа. К таким чертам относится высокая микротвердость феррита и его крупнозернистость, своеобразная структура фосфорной ликвиции, особый серебристый блеск железа после полировки, слабая протравливаемость металла металлографическими реактивами (*Кулаков, Толмачева*, 1987; *Носов, Розанова*, 1989).

Открытие, связанное с фосфористым железом, было сделано при анализе ножей, изготовленных по схеме трехслойного пакета. Оказалось, что фосфористое железо очень часто использовалось на боковые полосы трехполосных ножей (*Rozanova, Sedova*, 1984. Р. 101; *Пушкина, Розанова*, 1992. С. 217). Детальный анализ технологической схемы позволил исследователям сформулировать основные черты “классической” трехслойной технологии. К ним относятся четкая схема (железо—сталь—железо), определенное сырье (высокоуглеродистая сталь и фосфористое железо), высокое качество сварки, термообработка готового изделия (как правило, резкая закалка) (*Завьялов, Розанова*, 1990. С. 156, 158; *Исланова, Розанова*, 1994. С. 232; *Терехова и др.*, 1997. С. 281).

Большой интерес представляет сравнение технологической схемы трехслойного пакета и типа ножа. При анализе средневековых восточноевропейских ножей Р.С. Минасян выделил клинки с прямой спинкой, четкими уступами при переходе клинка в длинный черенок (соотношение длины клинка к длине черенка составляло 2 : 1—1 : 1) в отдельную, четвертую, группу. Автор связал происхождение этого типа с Северной Европой, где подобные ножи бытуют уже в меровингское время (*Минасян*, 1980. С. 73). Следует отметить, что сочетание данного типа ножа с технологической схемой трехслойного пакета обосновал еще Б.А. Колчин (*Колчин*, 1959. С. 51-52). Дальнейший анализ восточноевропейских ножей позволил вполне обоснованно связать скандинавское происхождение не только IV группы ножей, но и наиболее характерную для них технологию “классического” трехслойного пакета (*Хомутова*, 1984. С. 208; *Кочуркина, Розанова*, 1987. С. 90; *Завьялов*, 1989).

Существенные изменения за последние десятилетия произошли в оценке технико-технологического строя древнерусского кузнечного ремесла. В резуль-

тате первых исследований древнерусской кузнечной продукции Б.А. Колчин пришел к выводу, что на юге и на севере Руси встречаются одни и те же технические приемы и одна и та же закономерность их применения (Колчин, 1953. С. 184). Однако в дальнейшем при накоплении аналитического материала этот вывод удалось существенно скорректировать. В 80-е годы Г.А. Вознесенская и Л.С. Розанова приходят к заключению о различии технологических традиций в кузнечном производстве северных и южных земель Древней Руси (Вознесенская, Коваленко, 1985. С. 107; Вознесенская, 1990. С. 83; Новое в археологии Киева, 1981. С. 283; Кочкуркина, Розанова, 1987. С. 92; Пушкина, Розанова, 1992. С. 218; Rozanova, Sedova, 1984. P. 103). Это наблюдение, сделанное на основании многочисленных металлографических анализов древнерусской кузнечной продукции (прежде всего ножей) оказалось весьма продуктивным. Исследования последних лет подтвердили различия между Севером и Югом Древней Руси и в других отраслях ремесла.

Важным этапом в изучении древнего кузнечества стала коллективная монография «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе» (Терехова и др., 1997). В ней подводятся итоги многолетних металлографических исследований восточноевропейских материалов. Одним из основных итогов работы стало выявление основных рубежей в истории кузнечного производства. Намечены этапы развития техники обработки черного металла со времени первого знакомства населения с самородным – метеоритным – железом, освоения металлургических способов получения черного металла до развитого средневековья. Дан сравнительный анализ техники железообработки в хронологическом и культурно-этническом аспектах, прослежены закономерности развития кузнечества в различных регионах. Достоверность выводов базируется на экспериментальных данных, позволивших получить эталонные образцы для каждой стадии металлургического и технологического процессов (Завьялов, Розанова, Терехова, 2001. С. 3).

Многолетние археометаллургические исследования предоставили в распоряжение археологов апробированный инструмент для изучения одного из важнейших ремесел – кузнечного. Развитие отечественной археометаллографии подтвердило правильность намеченного Б.А. Колчиным направления развития новой дисциплины. В настоящее время без привлечения аналитических данных становится невозможным не только изучение истории кузнечного ремесла, но и полноценное исследование археологической культуры и даже отдельного памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Вознесенская Г.А., 1965а. Металл Троицкого городища // Археология и естественные науки. М.
- Вознесенская Г.А., 1965б. Обработка черного металла на городище Титчиха // Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж.
- Вознесенская Г.А., 1967. Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников // КСИА. Вып. 110.
- Вознесенская Г.А., 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древних производств. М.
- Вознесенская Г.А., 1978. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н.э. // Древняя Русь и славяне. М.
- Вознесенская Г.А., 1990. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

- Вознесенская Г.А.*, 1996. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3.
- Вознесенская Г.А., Коваленко В.П.*, 1985. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XI вв. Киев.
- Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В.*, 1996. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ.
- Гопак В.Д.*, 1976. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н.э. // СА. № 2.
- Гопак В.Д.*, 1983. Кузнечные изделия памятников киевского типа в Среднем Поднепровье и Черниговском Подесенье // Древнерусское государство и славяне. Минск.
- Гопак В.Д., Горюнова В.М.*, 1990. Черный металл раннеславянских памятников Днепро-вского Левобережья // СА. № 4.
- Гопак В.Д., Хавлюк П.І.*, 1972. Про технологію обробки заліза в уличів // Археологія. № 12.
- Гурин М.Ф.*, 1982. Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н.э.). Минск.
- Гурин М.Ф.*, 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. Минск.
- Жирных Е.А., Зыков А.П.*, 2001. Технология кузнечного производства городка Эмдер // Зыков А.П., Кошкарлов С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург.
- Завьялов В.И.*, 1989. Технологические схемы железных ножей Восточной Европы в X–XIV вв. // Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Завьялов В.И.*, 1992. Техничко-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника // Средневековые древности Волго-Камья: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 21.
- Завьялов В.И.*, 1999. Итоги изучения железных изделий из Мокинского могильника // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С.*, 1990. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С.*, 1992. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. М.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2001. Археометаллография как исторический источник (итоги изучения кузнечного ремесла в России за 1995–2000 годы) // КСИА. Вып. 212.
- Завьялов В.И., Чеснокова Н.Н.*, 1991. Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура) // СА. № 2.
- Закурина Т.Ю.*, 1996. Кузнецы средневекового Пскова (XV–XVII вв.) // Земля Псковская, древняя и современная. Псков.
- Закурина Т.Ю.*, 1997. Топография следов железоделательного и железообрабатывающего ремесла в Пскове // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.
- Закурина Т.Ю.*, 1998. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова // РА. № 3.
- Закурина Т.Ю.*, 2000. Железообрабатывающее ремесло Пскова (X–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков.
- Зиняков*, 1997. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово.
- Зыков А.П.*, 1986. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск.
- Зыков А.П., Терехова Н.Н.*, 1983. Металлографические исследования железных изделий городища Барсов Городок XII–XIII вв. // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.*, 2001. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков. Екатеринбург.
- Исланова И.В., Розанова Л.С.*, 1994. Железные изделия из памятников Удомельского Поозерья // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 1.
- Колчин Б.А.*, 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. М. № 32.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М. № 65.

- Кочкуркина С.И., Розанова Л.С.*, 1987. Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы // КСИА. Вып. 190.
- Кулаков В.И., Толмачева М.М.*, 1987. Технология изготовления копий пруссов // КСИА. Вып. 190.
- Леньков В.Д.*, 1974. Metallургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. Новосибирск
- Минасян Р.С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. № 21.
- Новое в археологии Киева, 1981. Киев.
- Носов Е.Н., Розанова Л.С.*, 1989. Технология обработки железа на поселениях Приильменя в IX–X вв. // КСИА. Вып. 198.
- Перевоицков С.Е.*, 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск.
- Побаль Л.Д., Гурьин М.Ф.*, 1975. Жалезныя вырбы з Тайманавя Быхаускага раёна // Весті АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск. № 2.
- Пушкина Т.А., Розанова Л.С.*, 1992. Кузнечные изделия из Гнёздова // РА. № 3.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2000. Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2002а. Особенности технологии изготовления наконечников копий у волжских финнов в VIII–VI вв. до н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2002б. Появление первых железных изделий у финно-угров среднего Поволжья и становление местной металлообработки // Сучасні проблеми археології. Київ.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2003а. Этнокультурный фактор в становлении железообработки у населения Среднего Поволжья в ананьинскую эпоху // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М. Ч. II.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.*, 2003б. Кузнечные традиции у позднеананьинского населения Среднего Прикамья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь.
- Рыбаков Б.А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.; Л.
- Терехова Н.Н.*, 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. № 3.
- Терехова Н.Н.*, 1986. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Султан-Гора III // КСИА. Вып. 186.
- Терехова Н.Н.*, 1989. Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Керермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагинском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Терехова и др.*, 1997. *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.*, 2000. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе (к проблеме выделения традиций) // Скифы и Сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Толмачева М.М.*, 1983. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. № 1.
- Хомутова Л.С.*, 1973. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII–XIV в.) // СА. № 2.
- Хомутова Л.С.*, 1978а. Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий // Седова М.В. Ярополч Залесский. М.
- Хомутова Л.С.*, 1978б. Металлообработка на поселениях дяковской культуры // СА. № 2.
- Хомутова Л.С.*, 1982. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тивверска и Паасо // Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л.
- Хомутова Л.С.*, 1984. Кузнечная техника на земле древней веси // СА. № 1.
- Шрамко Б.А.*, 1969. Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА. № 3.
- Шрамко и др.*, 1965. *Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // СА. № 4.
- Шрамко и др.*, 1977. *Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // СА. № 1.

Шрамко и др., 1986. *Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д.* К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // *СА*. № 2.

Piaskowski J., 1959. Metaloznawcze badania wczesnosredniowiecznych wyrobów żelaznych na przykadzie zabytków archeologicznych // *Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa*. Wrocław. T. 3.

Piaskowski J., 1968. Fosfor w starożytnych i wczesnosredniowiecznych wyrobach żelaznych // *Sprawozdania z posiedzeń komisji naukowych oddziały PAN w Krakowie*. Lipiec-grudzień.

Piaskowski J., 1989. Phosphorus in Iron Ore and Slag, and in Bloomery Iron // *Archeomaterials*. V. 3, № 1. (Winter 1989).

Rozanova L.S., Sedova M.V., 1984. The Art of Metal Working in the Ancient City of Suzdal // *The Crafts of the Blacksmith*. Belfast.

Zavyalov V.I., 1995. The Ironworking of the Permian tribes in the Early Middle Ages // *La farga catalana en el marc de l'arqueologia siderurgia*. Andorra.

Н.А. Кренке (Москва)

ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (по материалам раскопок 1981–1987 гг.)

В 1980 г. в связи с учреждением Дирекции охранной зоны заповедника “Коломенское” появилась возможность для продолжения исследования эпонимного памятника – Дьякова городища. Заявленная программа изучения памятника предполагала, в первую очередь, выяснение его стратиграфии и хронологии методами археологии XX в. Полевой комитет Института археологии по предложению Б.Д. Шелова выдал автору для проведения исследований открытый лист по форме 1. Рецензентом моего первого отчета о раскопках (1981 г.) был В.В. Седов. Он выявил в отчете массу технических ошибок, написал строгий отзыв, но в целом оценил работу положительно и согласился стать моим научным руководителем при подготовке диссертационной работы. Таким образом, В.В. Седов оказался самым непосредственным образом в курсе процесса раскопок Дьякова городища, направлял работу по интерпретации результатов полевых исследований и способствовал тому, чтобы эти раскопки достигли логической завершенности.

Задача настоящей статьи – представить в краткой форме наиболее значимые результаты комплексных археолого-естественнонаучных исследований культурного слоя городища, проведенных в 1980–1987 гг.

За семь полевых сезонов 1981–1987 гг. (в 1980 г. был лишь снят план площадки городища и зафиксированы профили небольшого грабительского шурфа) культурный – слой был исследован на площади 290 кв. м. Основной раскоп – “центральный” охватил северо-западную часть площадки между двумя крестообразно расположенными траншеями раскопок 1875 г. Кроме того, был разрезан вал, охватывающий площадку с южной стороны, и повторно раскопан северный участок траншеи 1875 г., ориентированной по линии С–Ю (рис. 1).

Раскопки велись по квадратам со стороной 1 м, пласты снимались по 5–10 см, остатки сооружений расчищались “по слоям”. Культурный слой просеивался через сетки с размером ячейки в 1 кв. см. Были выделены также контрольные квадраты, где применялись сетки с меньшими ячейками 0,5 × 0,5 см. Нивелировка производилась от постоянного репера (железный штырь, вкопанный на западном краю площадки), значение которого было принято за – 100 (в балтийской системе высот, по измерениям Д.Г. Цветкова, значение этого репера – 157,3 м)¹. Уровень репера – 100 примерно соответствовал высотной отметке поверхности центральной части площадки городища до начала раскопок XIX в. Керамический материал отбирался полностью, так же как и остеологический. Кроме этого, в нижнем культурном слое оказалось возможным отобрать в коллекцию палеозоотомологические остатки – надкрылья жуков, захороненные на глубине 2,5–3 м. Производился систематический отбор проб для извлечения из культурного слоя палеоботанических остатков – зерен культурных злаков, пыльцы и фитоцитов, определялась порода древесины по углям.

¹ Железная труба на валу городища (дополнительный репер) имеет отметку 159,9 м.

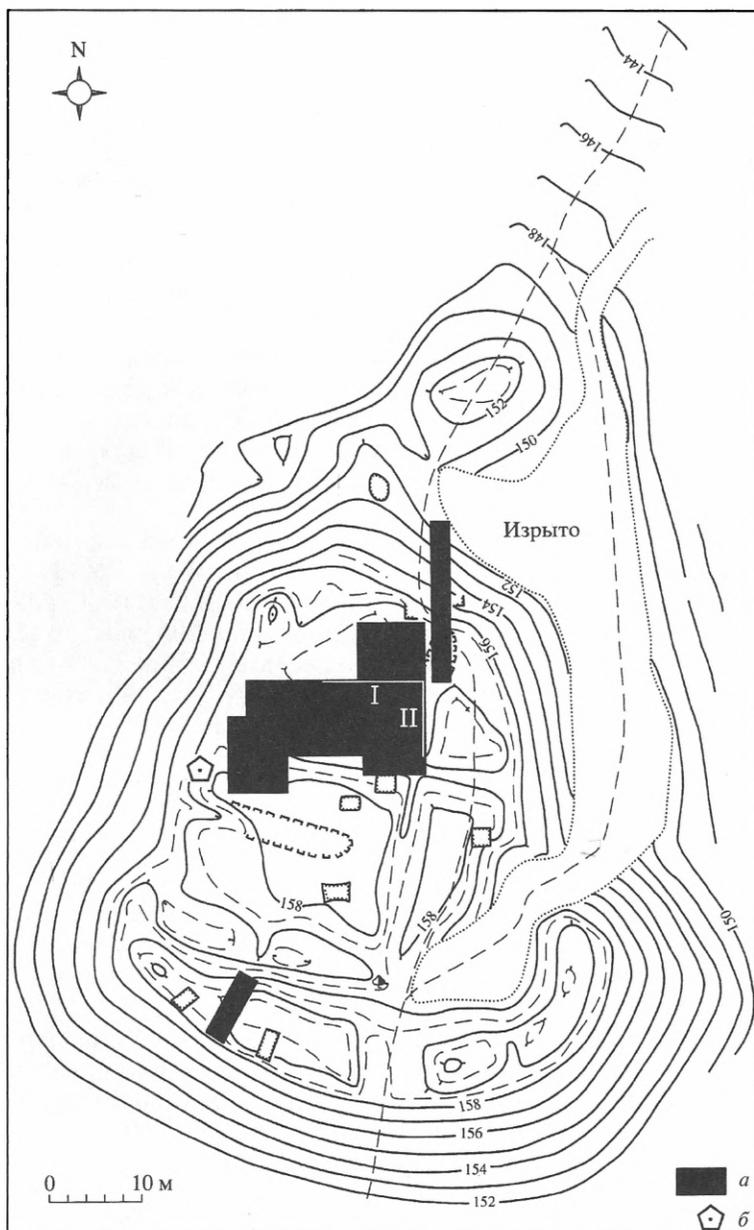

Рис. 1. План Дьякова городища (съемка 1992 г. Б.Е. Янишевского и Д. Киселева) с обозначением мест разрезов, представленных на рис. 2 (на плане – I) и 3 (II)
Сечение горизонталей 1 м. а – раскопы 1981–1987 гг.; б – репер – 100

При раскопках городища широко был применен метод радиоуглеродного датирования, всего получено 80 определений возраста, большинство из которых опубликованы (Кренке, Сулержицкий, 1988). В настоящей статье приводится полный список датировок. Большая часть дат была получена по образцам углей из сгоревших построек, помимо этого, серия дат была получена по костям жи-

вотных (кухонным остаткам) и гумусовым вытяжкам из слоев, насыщенных органикой, так называемым коричневым органическим прослойкам (КОП), слагающих преимущественно нижний слой городища.

Применялся также и радиотермолюминесцентный (РТЛ) метод датирования образцов керамики, для чего в полевых условиях замерялся радиационный фон на участках отбора образцов. Всего было получено 6 датировок методом РТЛ, показавших хорошее соответствие с радиоуглеродными датами (Власов, Куликов, 1988).

Существенное значение для понимания генезиса отложений и их последующих трансформаций имело почвоведческое изучение культурного слоя и погребенной под ним почвы.

Помимо изучения собственно городища для понимания характера освоения прилегающей к нему территории и системы хозяйства интенсивно исследовалась округа в радиусе около 1 км. Всего на этом пространстве было зафиксировано 9 памятников железного века. Эти археологические данные сопоставлялись с реконструкцией системы древнего землепользования, основанной на палеоландшафтном анализе (Гунова и др., 1996).

Во всех вышеперечисленных работах была задействована команда ученых-естественников, включавшая А.Л. Александровского (ИГАН), Л.И. Алексееву (ГИН), В.К. Власова (МГУ), А.А. Гольеву (ИГАН), В.С. Гунову (МГУ), Р.Д. Жантиева (МГУ), Г.В. Захаренко (ПИН), В.Н. Калякина, Б.Н. Кедрова (МГУ), Н.К. Киселеву (ИМЭЖ), О.А. Куликова (МГУ), Н.А. Кирьянову (ГИМ), В.А. Низовцева (МГУ), Л.Д. Сулержицкого (ГИН), Е.А. Цепкина (МГУ), Е.А. Ярилову.

СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ

Дьяково городище неоднократно подвергалось раскопкам. Их проводили: в 1872 г. – Д.Я. Самоквасов, в 1875 г. – Г.Д. Филимонов, в 1889, 1890, 1893 гг. – В.И. Сизов, в 1921 г. – Ю.В. Готье, в 1926 г. – О.Н. Бадер, в 1935 г. – К.Я. Виноградов. В трех случаях, а именно, при работах Г.Д. Филимонова, В.И. Сизова и К.Я. Виноградова культурный слой был исследован до материка. Исследователи XIX в. оставили лишь самые краткие словесные описания. От работ 1935 г. сохранилась опись находок с указанием глубин их залегания и фотографии, сделанные И.Ф. Барщевским, дающие представления о мощности культурных напластований (Кренке, Нефедова, 1995).

До начала работ 1980-х годов наиболее подробное (и, как оказалось, в главных чертах верное), описание стратиграфии Дьякова городища было дано Г.Д. Филимоновым. Он писал: “Верхний слой насыпи, толщиной несколько более аршина, состоял из чистого чернозема, в котором не находили никаких предметов древности. Глубже следовали слои угольев с золою, а затем, на глубине двух с половиною аршин, слой песку, которые местами тянулись неровно, то тоньше, верхка в два, то толще, до четырех и пяти верхков... По мере дальнейшего углубления, аршина на четыре от поверхности и до самого материка, постоянно встречались тонкие слои мелкого угля с золою, а самый материк был покрыт толстым, местами в один аршин, слоем бурой земли с остатками из растительного царства – чем-то вроде торфа, отваливающегося кусками” (Филимонов, 1876. С. 107).

Борта раскопа “центральный”, копавшегося несколько лет, представляют собой серию профилей значительной (до 15 м) протяженности и характеризуют

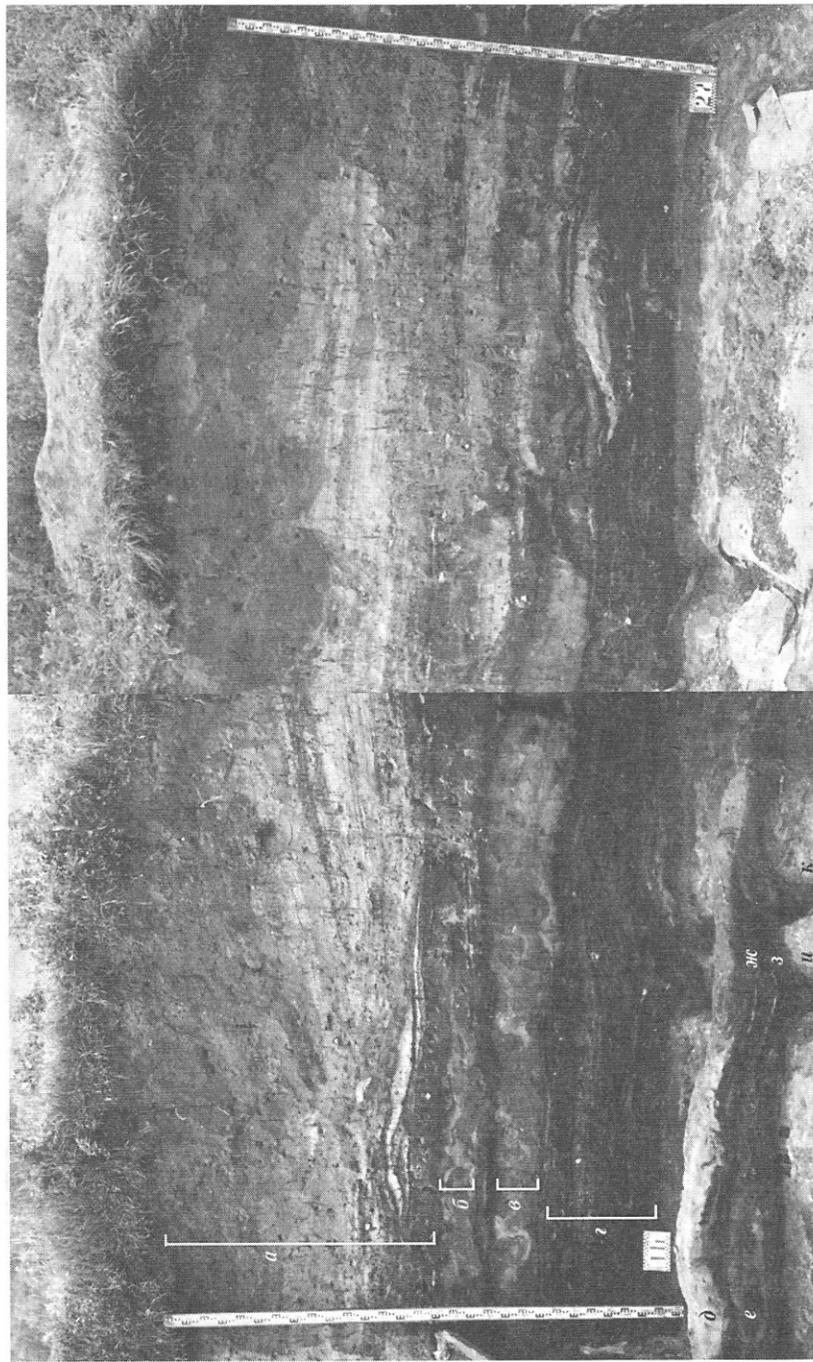

Рис. 2. Дьяково городище. Северный борт раскола 1983, 1984 гг. (совмещены два снимка 1984 г., так как раскоп копался в два приема)

На переднем плане – отдельный разрез очагов. а – верхний слой; б, в – прослойки стерильного песка с пеплом; г – нижний слой; д, е – очаги; ж, з – выстилки полов; и, к – канавы стен длинного дома

как периферию, так и центральную зону площадки городища. Понимание значения многих четко различимых в профилях прослоек песка, суглинка, золы стало возможным после нескольких лет раскопок, когда были изучены в плане разнообразные типы жилищ, мусорных куч, зольник.

По данным раскопок 1981–1987 гг., толщина культурного слоя на всей исследованной площади составляла 3 м, за исключением нескольких участков, испорченных поздними ямами (например, в 1941 г. на городище находился наблюдательный пост зенитной батареи, в 1960-е годы стоял трамплин для лыжников). Вдоль траншей XIX в. залежали выбросы из них мощностью до 1 м. В результате, материк здесь находился на глубине почти 4 м от современной поверхности.

Наиболее полное представление о стратиграфии памятника, дают профили северного и восточного бортов раскопа 1983–1984 гг. (рис. 2, 3). Даже при самом первом взгляде на разрез культурного слоя Дьякова городища бросается в глаза его членение на две части (верхнюю и нижнюю), разделенную прослойкой почти “стерильного” песка (рис. 2). Это представление о стратиграфии Дьякова городища, введенное в научный оборот еще В.И. Сизовым (*Сизов*, 1897. С. 265), не подлежит пересмотру.

В основании культурного слоя Дьякова городища залегает дерново-подзолистая почва, сформировавшаяся на покровном суглинке (определение А.Л. Александровского). Гумусовый горизонт этой почвы сизовато-серого цвета имеет толщину около 10 см и содержит артефакты, преимущественно керамику. Эти находки были, видимо, “втоптаны” в поверхность почвы. Керамика из погребенной почвы имеет существенные отличия от керамики из нижнего слоя городища. Ее отличает, в первую очередь, орнамент, выполненный оттисками гребенчатых штампов и вдавлениями наклонной палочки (?). Аналогии и единичные радиоуглеродные датировки (по другим памятникам) позволяют отнести этот комплекс к начальному периоду железного века в Подмоскowie, а именно к IX–VI вв. до н.э. (*Кренке*, 1995).

На некоторых участках погребенная почва перекрыта прослойками мешаного суглинка серо-бурого цвета (с включениями материала подзолистого горизонта) толщиной до 15 см – это так называемые материковые выбросы из канавок, вырытых под стены построек, существовавших на площадке в период накопления нижнего слоя².

Нижний слой имеет среднюю толщину 0,7 м. Местами он частично срыт, и его толщина не превосходит 0,25–0,3 м, а местами его мощность достигает 0,9 м. Этот слой представляет собой чередование горизонтов углистой серой супеси и коричневых органогенных прослоек (КОП), с различимыми даже невооруженным глазом растительными макроостатками. Данные прослойки имели горизонтальную микрослоистость (толщина микропрослоек измеряется в миллиметрах). Накопление нижнего слоя целиком обусловлено жизнедеятельностью людей на городище. Слой содержит остатки построек. Постройки типа длинных домов располагались в центральной зоне городища параллельно друг другу. В раскоп вошли фрагменты двух синхронных построек, которые перестраивались по три раза каждая (вероятно, они горели одновременно). В культурном слое границы построек прослеживались сравнительно хорошо благодаря сохранившимся

² В южной части площадки городища при раскопках 2003 г. в основании свиты напластований культурного слоя был зафиксирован горизонт с керамикой вышеописанного типа (сообщение А.О. Ладыченко). Возможно, поселение этого периода занимало лишь часть городищенского мыса.

обугленным и истлевшим деревянным конструкциям стен. Характерными элементами построек являлись глинобитные полы в некоторых помещениях, очаговые линзы песка и остатки сгоревших выстилок полов, имевших вид пленок белой золы. Представленные на рис. 2, 3 разрезы пересекают длинные дома вдоль (рис. 3) и поперек (рис. 2). На рис. 2 на переднем плане виден разрез через очаг одного из помещений длинного дома. Собственно очаг представлен линзой песка (очаговое место, заполненное песком, имело деревянные бортики)³. Поверхности земляных полов, сменявших друг друга, маркированы нитевидными прослойками белой золы от сгоревших растительных выстилок, начинавшихся от очага и достигавших стен постройки. Две из них хорошо видны на фотографии (рис. 2). Специфику нижнего слоя, как уже отмечалось, составляют прослойки коричневой земли, насыщенной органикой. На периферии площадки они составляют основу слоя, ближе к центру, на местах, где стояли постройки, они выклиниваются. Для выяснения происхождения прослоек коричневой органики почвовед Е.А. Ярилова провела микроскопический анализ шлифов, на основании чего ею был сделан вывод о том, что органическая составляющая прослоек является в различной степени преобразованными остатками разнородных растительных тканей. Важное значение для интерпретации прослоек коричневой органики имеют найденные в них многочисленные остатки надкрыльев жуков-бронзовок *Cetonia aurata* (определение В.В. Янушева и Р.Д. Жангиева). По мнению энтомологов, жуки синхронны слою⁴ и свидетельствуют о том, что прослойки, где они были найдены, преимущественно состояли из слежавшейся массы листьев и веток. Скопление на городище больших запасов листьев и веток может объясняться различными причинами. Они могли использоваться как корм скота, быть строительным материалом (стены длинных домов были из плетня).

Наблюдение В.И. Сизова о том, что верхнюю границу нижнего слоя образовывала прослойка чистого песка (Сизов, 1897. С. 258), может быть полностью принято. Толщина этого песка местами достигает 60 см. По мере приближения к центру памятника, слой песка выклинивается. Важно отметить, что прослойка песка – двойная (рис. 2). Слой “стерильного” песка резко выделяется на фоне всех остальных прослоек в разрезе. Песок – “чистый” с примесью пепла голубовато-желтоватого цвета с характерными “карманами” – оплывшими ямами от столбов, впущенных из вышележащих горизонтов. Прослойка песка имеет сажистое обрамление. Изучение фитоцитов, сохранившихся в пепле в слое песка, проведенное Н.К. Киселевой, позволило установить, что пепел происходил в основном от сжигания различных травянистых и кустарниковых растений. Светлый цвет, отсутствие горизонтальной слоистости, малое количество находок свидетельствуют о быстром накоплении прослойки. То есть на городище людьми были специально принесены многие десятки кубометров песка, который был рассыпан почти по всей площади и устроен огромный костер. Причем весьма вероятно, что это действие производилось дважды (две прослойки песка). Вероятно, в этом действе был какой-то “санитарно-ритуальный” смысл. В данном случае в макромасштабе произошло то, что повторялось при возобновлении жилищ – на очажное место подсыпался

³ Подобные конструкции очагов зафиксированы этнографически, например у хантов на севере Западной Сибири (Finsh, 1876. Abb. 25, 30).

⁴ Для окончательного доказательства древности надкрылий нужно было датировать их радиоуглеродным методом на ускорителе. К сожалению, все отобранные образцы были сразу положены в глицерин для обеспечения сохранности форм, что исключило возможность датирования.

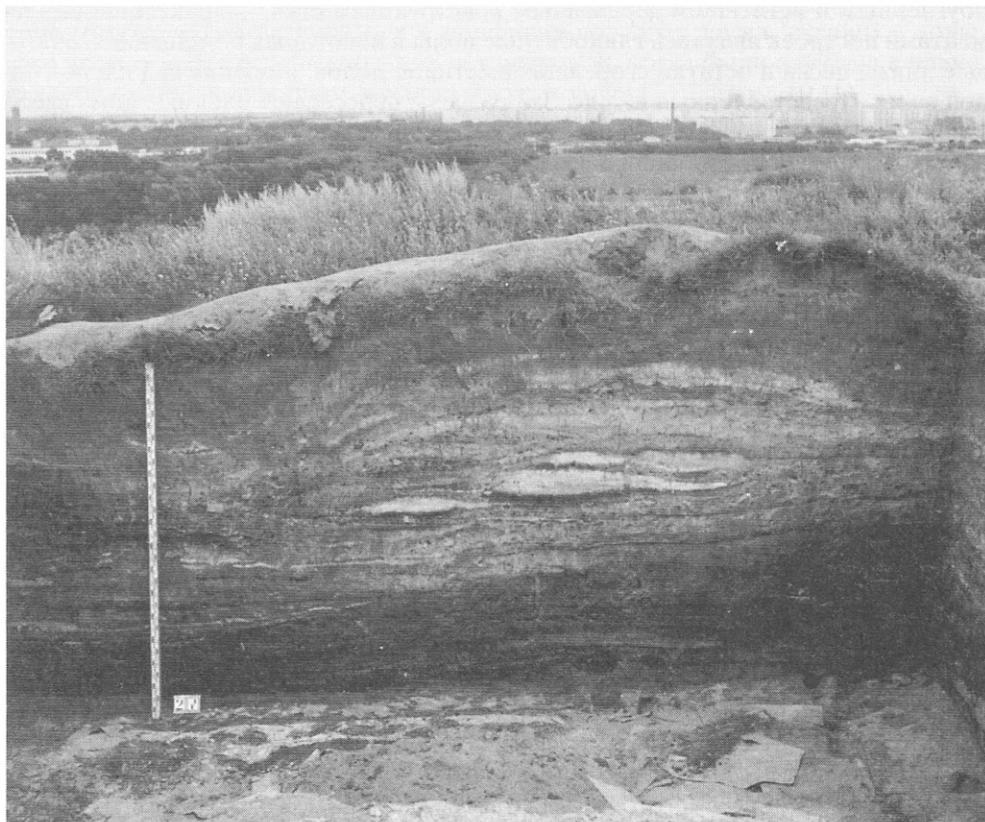

Рис. 3. Дьяково городище. Восточный борт раскопа 1983, 1984 гг. Видны песчаные и суглинистые прослойки от подсыпок полов жилищ

новый песок, на загрязненный земляной пол настилался новый слой суглинка и песка.

Верхний слой – наиболее мощный, его толщина в непо потревоженных участках составляет около 2 м. Верхний горизонт этого слоя наиболее подвергся разрушению поздними перекопами. Там, где верхний слой был перекрыт отвалами раскопок XIX в., сохранилась коричневая прослойка погребенного дерна. Основу верхнего слоя составляла золистая супесь, более легкая в верхней части слоя и более плотная – в нижней. В верхнем слое прослеживаются многочисленные прослойки, связанные с интенсивной строительной деятельностью. По данным раскопок, постройки верхнего слоя, вероятно, столбовой конструкции возводились обычно на одном и том же месте. Они имели прямоугольную, близкую к квадрату форму. Длина стен колебалась в пределах 4–6 м. На месте построек слой накапливался несколько быстрее, чем в межжилищных пространствах. Очень четко это демонстрирует профиль восточной стенки раскопа 1983–1984 гг. (рис. 3). В разрезе этого борта можно увидеть, как на одном и том же месте не менее семи раз возобновлялась постройка. Прослеживается кратное чередование прослоек – песчаные линзы на месте очагов, поверх них идут коричневатые прослойки от сгнивших растительных выстилок полов⁵, затем про-

⁵ По данным анализов фитолитов, в выстилках присутствовал мох и хвоя.

слойка серой супеси (накопившаяся “грязь”), затем опять песчаные, либо суглинистые подсыпки и т.д. Разница высотных отметок синхронных слоев построек и межжилищных понижений достигает 30–40 см. То есть в период жизни городища его площадка не была ровной. Постройки находились на образовавшихся всхолмлениях, между которыми были довольно глубокие западины. Затем, после запустения городища, под воздействием естественных процессов произошло заплывание западин за счет перемещения туда грунта с вершин всхолмлений. Верхние 30–50 см культурного слоя имеют аморфную структуру без ясно выраженной слоистости. Это не результат позднейших перекопов, а, видимо, следствие почвенных процессов, так как такой характер имеет самая верхняя часть слоя даже в тех местах, где он был “законсервирован” отвалами XIX в.

На Дьяковом городище есть лишь “намек” на слой, который можно было бы обозначить как древнерусский. Поселение на площадке городища в XI–XIII вв., вероятно, существовало, о чем можно судить по довольно большому количеству находок (более двух сотен фрагментов керамики, полтора десятка вещей). Большинство этих находок приурочено либо к участкам перекопов, либо к дерну, погребенному под отвалами XIX в., либо к линзам особенно темной, почти черной супеси, прослеженным в нескольких местах непосредственно под дерном XIX в.

ДАТИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА

Как отмечалось выше, использовались три основных метода – археологический, радиоуглеродный и термолюминесцентный.

Радиоуглеродное датирование.

Из раскопа на площадке для нижнего слоя было получено 17 датировок, которые могут быть признаны валидными, т.е. соответствующими времени накопления слоя. Для верхнего слоя получено более 40 датировок (рис. 4).

Оценивая в целом распределение радиоуглеродных датировок, можно отметить, что только некоторые из них существенно отклонились от основного “тренда” (чем глубже, тем древнее). В некоторых случаях эти отклонения могут быть логично объяснены. Например, в верхнем слое на глубине –245–250 была прослежена тонкая коричневая органическая прослойка, которая, видимо, является выбросом из перекопа, затронувшего нижний слой. Образцы из этой прослойки дали возраст, соответствующий именно нижнему слою (рис. 4).

Особенный интерес представляет распределение датировок из узких стратиграфических горизонтов и комплексов построек. Можно отметить некоторые закономерности. В каждой серии датировок, характеризующих один узкий горизонт культурного слоя, либо одну постройку, “разбег” датировок обычно укладывается в трехсотлетний интервал, что примерно в три раза превышает стандартное среднеквадратичное отклонение отдельной датировки.

Десять датировок получено по образцам угля, происходящим от различных элементов конструкции одной постройки, залегавшей примерно в средней части верхнего слоя на отметках около –200. Разрезы культурного слоя внутри стен постройки позволили выявить как минимум три уровня поверхности земляных полов, разделенных несколькими сантиметрами серой супеси. Это наблюдение позволяет предполагать, что постройка могла иметь сложную строительную историю. Однако полученные археологические данные не позволяют утверждать, что обновление полов сопровождалось реконструкцией стен. Десять

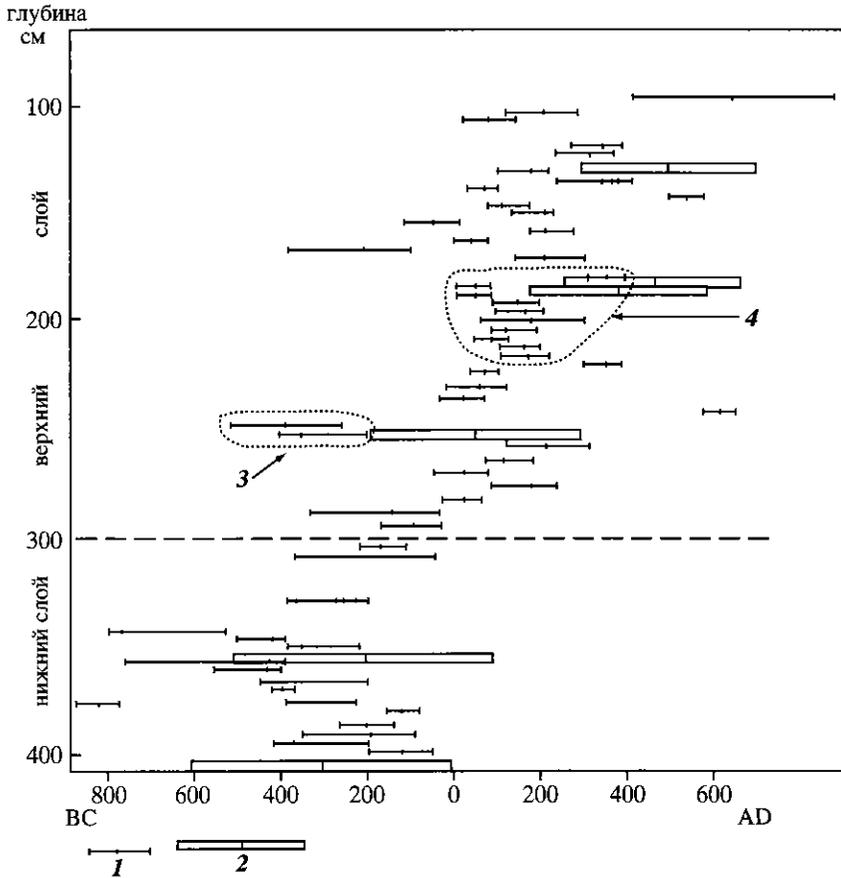

Рис. 4. Шкала радиоуглеродных и термолуминесцентных датировок для культурного слоя Дьякова городища

1 – калиброванные радиоуглеродные датировки; 2 – термолуминесцентные датировки; 3 – даты, полученные по образцам, переложеным из нижнего слоя; 4 – комплекс датировок для одной постройки, остатки которой залегали на глубине – 195–215

радиоуглеродных датировок из постройки на глубине –200 охватывают временной интервал в 300 лет (рис. 4).

Возможно, этот 300-летний интервал характеризует реальное разрешение радиоуглеродного метода применительно к датированию археологических объектов типа культурного слоя Дьякова городища.

Распределение радиоуглеродных датировок из верхнего и среднего горизонтов верхнего культурного слоя (до глубины –240) показывает отсутствие хронологических отличий между этими сериями, полученными по образцам из толщи мощностью 1,2 м (рис. 4). Однако, на мой взгляд, не следует из этого делать слишком пессимистические выводы относительно самого метода датирования. Изучение археологического контекста показывает, что скорость накопления верхней части культурного слоя могла быть весьма высокой. Прослойки песка и суглинка от полов нескольких сменявших друг друга на одном месте построек были основной причиной такого быстрого накопления слоя. Трудно представить, что общая продолжительность существования этих примитивных жилищ

из недолговечных материалов могла превысить 200–300 лет (30–40 лет на одну постройку).

Переходя от радиоуглеродных датировок к календарному возрасту слоев Дьякова городища, с учетом калибровки можно отметить следующее. Основная масса датировок из нижнего слоя укладывается в интервал от V до II в. до н.э.

Датировки из основания верхнего слоя указывают на II–I вв. до н.э. То есть перерыва в накоплении слоев, различного с точки зрения радиоуглеродного датирования, не наблюдается.

Основная масса датировок из верхнего слоя укладывается в интервал с I по IV в. н.э. В том числе средний горизонт верхнего слоя, где широко представлена подлощенная столовая керамика, найдены украшения с выемчатыми эмальями, имеет серию датировок, покрывающих интервал со второй половины I в. по конец III в. н.э.

Термолюминесцентное датирование.

Как уже отмечалось выше, было получено 6 РТЛ датировок. Не будучи посвященным в “кухню” лабораторного процесса, могу лишь отметить, что в процессе обработки данных лабораторная методика совершенствовалась. В результате первоначальные и итоговые результаты датирования различались в среднем на 450 лет. Это означает, на мой взгляд, что реальная статистическая ошибка полученных РТЛ-дат превышает заявленные 15% от возраста. В целом РТЛ-даты мало разнятся от радиоуглеродных. Для верхнего горизонта верхнего слоя они допускают более молодой возраст – V–VI вв. н.э.

Археологическое датирование.

Коллекция предметов, полученная при раскопках, насчитывает более 2 тыс. индивидуальных находок и около 100 тыс. фрагментов керамики (в том числе более 60 целых керамических форм). В литературе имеются достаточно устоявшиеся представления о датировке комплексов инвентаря и керамики из раскопок городищ дьякова типа (Крис и др., 1984; Розенфельдт, 1974; Смирнов, 1974). Дискуссионным является лишь вопрос о верхней дате городищ, где расхождения между версиями исследователей достигают двух–трех веков (Розенфельдт, 1982). В какой мере точны археологические датировки, и насколько их можно считать окончательными? Типичный пример дают нам украшения с выемчатыми эмальями – распространенный тип, вероятно, престижных изделий, встречающихся в позднедьяковских комплексах. За последние 100 лет многие археологи высказывали свое мнение о хронологии эмалей. Можно условно выделить три этапа в эволюции представлений о хронологии эмалей: формативный период, когда ученые-пионеры еще колебались, период установившейся традиции и, наконец, период, когда традиция была подвергнута сомнению (рис. 5). Хронология стилистических вариаций украшений с эмалью еще более дискуссионна. Эволюционистский подход обычно основан на допущении о равномерной скорости развития форм, что может быть подвергнуто сомнению.

В ходе исследований XIX в. и раскопок 1981–1987 гг. на Дьяковом городище было найдено несколько украшений с эмалью. Некоторые из них были обнаружены в стратифицированных отложениях, другие – в перекопах. Толщина горизонта, в котором были обнаружены эмали, составляла 40 см. Радиоуглеродные даты (с учетом статистических ошибок), полученные из этого горизонта, охватывают хронологический интервал в 400 лет (рис. 6), который в принципе совпадает с современными археологическими представлениями. Важно подчеркнуть, что этот пример показывает приблизительно одинаковую разрешающую возможность обоих методов датирования (точность – 3–4 столетия). Такая точ-

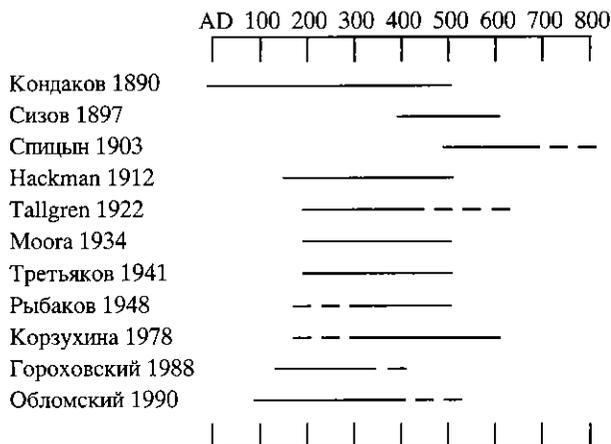

Рис. 5. Эволюция представлений исследователей о хронологии украшений с выемчатыми эмалями

ность не может быть признана высокой, но это реалистическая оценка. На мой взгляд, она лучше, чем самообман.

Возвратимся теперь к конкретному вопросу о датировке слоев Дьякова городища.

Начало обживания площадки городища относится к интервалу IX–VI вв. до н.э., на что указывает комплекс керамики с характерными типами орнаментации и набор литейных форм (Кренке, Тавлицева, 2002)⁶.

Нижний слой содержал серию находок (костяные стрелы, синие глазчатые бусины, умбовидную серьгу, керамику), которые, согласно археологической традиции, датируются V–III вв. до н.э. (Кренке, Сулержицкий, 1988). Радиоуглеродные датировки в массе согласуются с этим возрастом, хотя дают основание продлить интервал до II в. до н.э. Археологических аргументов против такой верхней датировки слоя – нет.

В основании верхнего слоя не было найдено ярких узко датированных предметов. Почти все находки из этого горизонта (костяные и железные стрелы, умбовидные серьги, нашивные бляшки с зубчатым краем и пр.) датируются в широких пределах: II–I вв. до н.э. – первые века н.э. (Кренке, 1987. С. 77). Однако важно отметить два факта. Во-первых, соотношение железных и костяных изделий в нижнем слое и в основании верхнего очень сильно разнятся. В нижнем слое костяных изделий в 20 раз больше, чем железных. В основании верхнего слоя, наоборот, железных изделий в три раза больше, чем костяных. Такая резкая разница, на мой взгляд, не может быть объяснена просто сменой населения. Скорее, это различие обусловлено хронологической лакуной.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что в основании верхнего слоя отсутствуют такие массовые для Дьякова городища находки, как привозные зо-

⁶ В культурном слое городища было найдено несколько каменных изделий эпохи неолита – ранней бронзы (автор благодарит Б.А. Фоломеева и А.Е. Кравцова за консультацию в атрибуции этих находок). Некоторые из них, такие как пластины с ретушью, вряд ли могли быть принесены на холм в позднейшие эпохи. Скорее всего, площадка мыса посещалась людьми в неолите. Обратное даже трудно предположить, учитывая близкое расположение Дьяковской неолитической стоянки. Однако неолитической керамики на памятнике нет совсем, что указывает на отсутствие поселения.

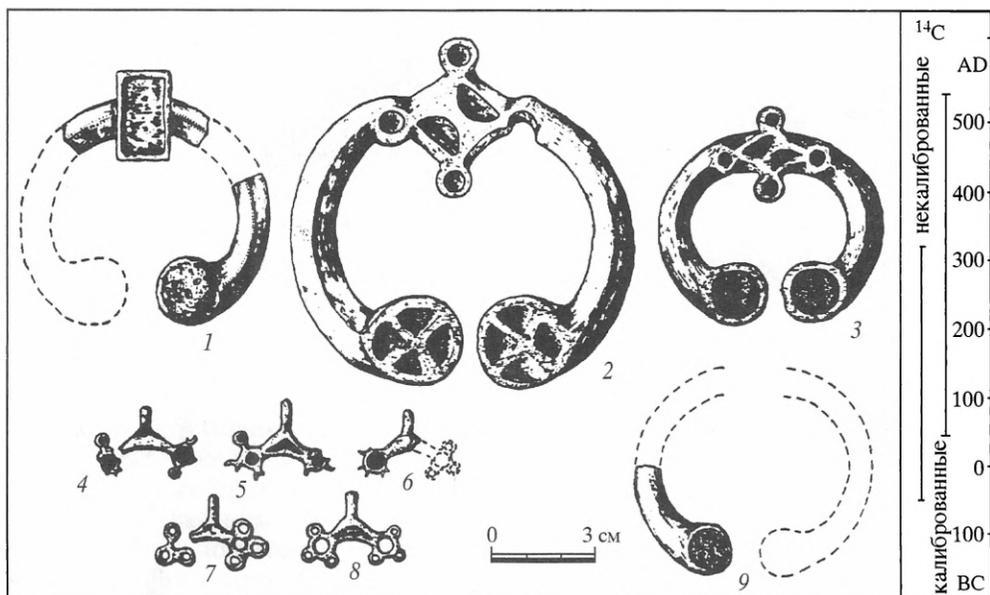

Рис. 6. Украшения с эмалью из раскопок Дьякова городища и данные о радиоуглеродной датировке горизонта культурного слоя (глубина – 170–210), где они были найдены

1, 2, 3, 9 – находки из перекопов; 4 – 8 – находки из стратифицированного слоя

лотостеклянные бусы, датирующиеся первыми веками н.э. (в среднем горизонте верхнего слоя они уже есть).

То есть с большой долей вероятия можно предполагать, что хронологическая лакуна между верхним и нижним слоем была, но длительность ее – вряд ли более столетия. Начало накопления верхнего слоя может относиться к I в. до н.э.

Наиболее насыщенный остатками построек, мусорными кучами средний горизонт верхнего культурного слоя датируется, скорее всего, в пределах I–III (IV?) вв. На это согласованно указывают как радиоуглеродные датировки, так и вещевые находки. Помимо вещей с эмальями и “круга эмалей” (пастовые красно-кирпичные плоские бусы), отсюда происходят золотостеклянные бусы, двучленная фибула, двушипные железные стрелы, застёжки-сюльгамы (рис. 7: 1), имеющие аналогии в погребениях III–IV вв. рязано-окских могильников (*Белоцерковская*, 1999; *Кренке*, 1987; *Кренке, Сулержицкий*, 1988). В этом же среднем горизонте верхнего слоя Дьякова городища были найдены такие характерные именно для городищ дьякова типа вещи, как пластина с изображением человечков с поднятыми руками, бантиковидные нашивки (рис. 7: 2). Тожественные вещи были найдены в могильнике Кораблино, погребение 72, 17 (*Белоцерковская*, 2000. С. 105). Возраст рязано-окских могильников этого круга по комплексу типологических признаков не выходит за рамки III–V вв. н.э.

Жизнь на Дьяковом городище, видимо, продолжалась в V–VII вв. н.э. Слой этого времени (верхний горизонт верхнего слоя) наиболее сильно потревожен и сохранился очень фрагментарно, комплексов сооружений нет, поэтому отсутствуют и радиоуглеродные датировки. Но имеется набор датируемых находок. Среди них бубенчики с полями и трапециевидные подвески высоких пропорций (*Кренке*, 1983. С. 65), комплекс каменных литейных формочек (*Кренке, Тавлин-*

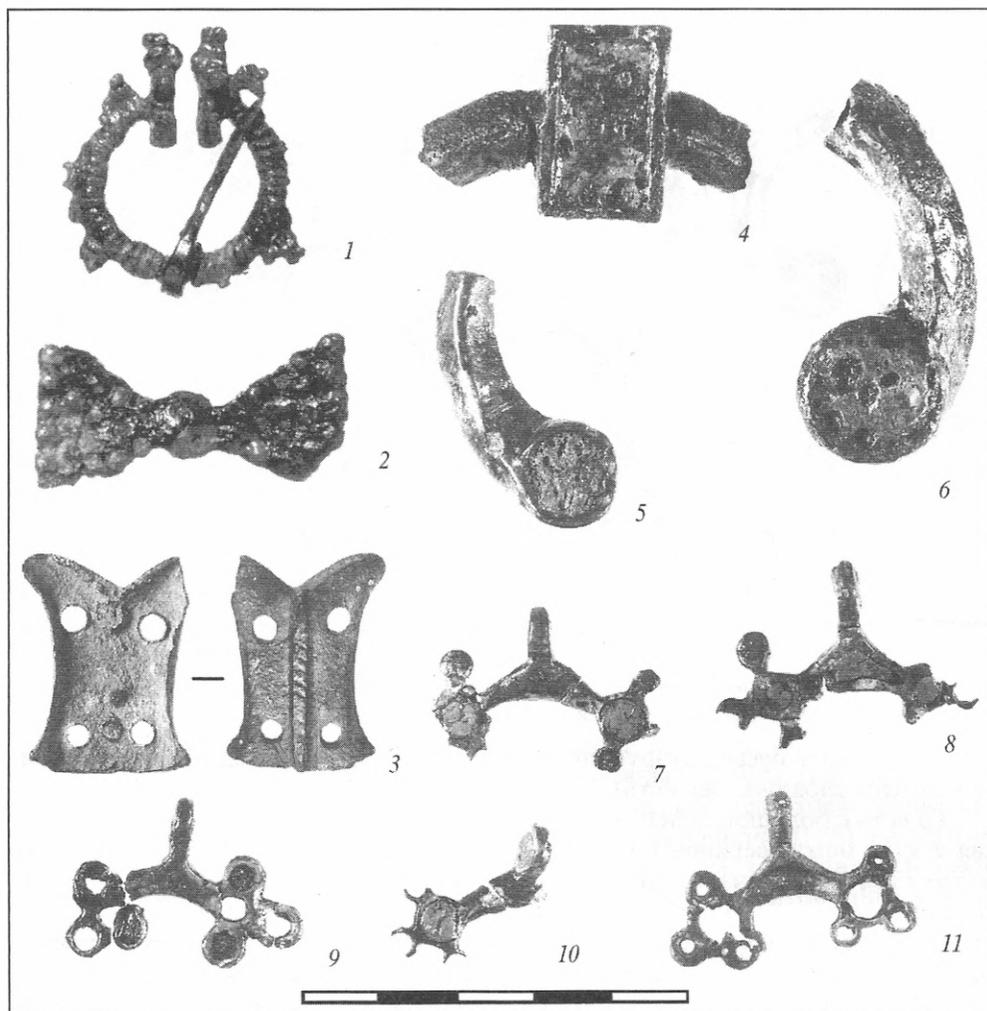

Рис. 7. Датирующие бронзовые украшения из верхнего слоя Дьякова городища

1 – застёжка сюльгама № 1369 (87 г.); 2 – бантиковидная нашивка № 1466 (87 г.); 3 – нашивная бляшка № 1384 (87 г.); 4 – фрагмент фибулы с красной эмалью № 11 (83 г.); 5 – фрагмент фибулы с красной эмалью № 1503 (87 г.); 6 – фрагмент фибулы с красной эмалью № 12 (83 г.); 7–10 – скопление лунниц с красной эмалью, найденных в одном слитке № 354 (83 г.); 11 – лунница с выемкой для эмали № 351 (81 г.)

цева, 2002), нашивная бляшка в геральдическом стиле типа “двурогих одночастных” (рис. 7: 3). В.Б. Ковалевская датировала экземпляр с Дьякова городища VII в. (устное сообщение 1988 г.). По И.О. Гавритухину, типологически сходные образцы датируются второй–третьей четвертью VII в. (Гавритухин, 1999. С. 168).

В древнерусское время довольно значительное поселение располагалось у подножья Дьякова городища со стороны реки – селище Дьяково-пойма (Кренке, 1992). На самом городище было меньшее по размерам поселение. Судя по находкам крестопрорезных бубенчиков, керамики с гребенчатым штампом и орнаментацией, выполненной прокаткой зубчатого колесика, поселение на го-

городище возникло не позднее начала XII в. Формы венчиков, которые можно было сравнить с московскими курганными/сероглиняными горшками конца XII–XIII вв., на Дьяковом городище практически не представлены.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ МЕТОДАМИ ПАЛИНОЛОГИИ, АРХЕОБОТАНИКИ И АРХЕОЗООЛОГИИ

Отбор колонок образцов для спорово-пыльцевого анализа был проведен на двух участках – в центре и на периферии площадки городища. Отбор проб производился с большим интервалом – через 15–20 см по разрезу. Общий характер полученных диаграмм совпал (Гунова и др., 1996). Образцы из основания культурного слоя указывают на то, что влияние человека на растительность было еще незначительно. Индикаторы земледелия малочисленны, коренные леса нарушены мало. Наличие пыльцы *Potentilla*, *Polygonaceae*, *Gallium*, *Plantago*, согласно мнению автора исследований В.С. Гуновой, свидетельствуют о наличии пастбищ. Пыльцевые диаграммы указывают на то, что эволюция растительности в районе городища была достаточно сложной. По Е.А. Спиридоновой, могут быть выделены несколько комплексов. Периоды более интенсивного воздействия человека на растительность сменялись периодами регенерации природной среды. Последнее, в частности, отмечено пиками пыльцы ели и увеличением доли пыльцы древесных в общем составе комплекса. Археологу трудно оценить валидность выводов палеоботаника. Однако в данном случае очевидно, что поселение пережило сложную историю в период отложения нижнего слоя. Можно выделить следующие фазы: 1 – появление поселения; 2 – запустение поселения; 3 – возобновление поселения и его интенсивная жизнь, включавшая короткие перерывы (?), вызванные пожарами; 4 – упадок поселения. Возможность установления корреляции этой модели со спорово-пыльцевыми данными остается открытым вопросом.

Пыльцевые спектры, полученные по образцам из верхнего слоя, содержат многочисленные индикаторы человеческого воздействия на растительность. Присутствует и пыльца культурных злаков и сорняков (васильки), указывающая на развитие земледелия. Открытые пространства превалировали над лесом в округе городища. Интересно сравнение этих данных с материалами XIX в. Пыльцевой спектр из погребенного дерна, сохранившегося под отвалами 1875 г., обнаруживает принципиальное сходство со спектром из верхней части культурного слоя. В обоих случаях пыльца древесной растительности составляет около 30%. По картам XIX в. можно подсчитать, что в округе Дьякова городища радиусом 1 км лесом было занято 15% площади, а в радиусе 3 км – 10%. Важно отметить, что обе пыльцевые диаграммы показывают, что максимум сведения леса приходился на средний горизонт верхнего культурного слоя. То есть палинологические данные соответствуют гипотезе о том, что хозяйственная активность в округе городища была подвержена флуктуациям, говорить о равномерном росте воздействия человека на природную среду не приходится.

Это наблюдение, касающееся древности, может быть проиллюстрировано этнографическими данными XIX–XX вв. Освоение округи городища, производившееся одной и той же крестьянской общиной села Дьякова, за эти столетия существенно менялось. Периоды значительной нагрузки, когда вся земля была распахана под огороды и занята пастбищем, сменялись частичным и значительным запустением хозяйственных угодий, что обуславливалось кризисом социальной системы.

Зерна извлекались из культурного слоя методом флотации и просева через мелкие сита. Было обработано 376 образцов. Все горизонты культурного слоя содержали зерна ячменя, пшеницы и проса. Ячмень доминировал в верхнем слое. Количество зерна в слое было очень большим, некоторые скопления насчитывали тысячи зерен. Известно, что посевы смешанных культур являются признаком примитивного земледелия. Поэтому важно отметить, что в скоплениях зерна ячменя и пшеницы не были смешаны. В верхней части верхнего слоя появляются зерна льна. Находки зерен подтверждают вывод палинологических исследований о значительном развитии земледелия у жителей Дьякова городища. Однако нужно иметь в виду, что не только земледелие было причиной сведения леса, но и потребности в топливе. Зола является чуть ли не ведущим компонентом культурного слоя городища, что подтверждает анализ фитоцитов.

При археозоологическом исследовании было определено около 21 тыс. костей млекопитающих и птиц (*Алексеева и др.*, 1996) и около 500 костей рыб (*Кренке, Цепкин*, 1991). Общее соотношение между остатками домашних и диких животных в коллекции с Дьякова городища составило 87 и 13% соответственно, что близко к данным, полученным В.И. Цалкиным по другим городищам дьякова типа.

Очевидно, что скотоводство составляло одну из основ хозяйства жителей городища на всем протяжении его существования. Важно отметить, что количественное соотношение между остатками основных видов домашних животных не оставалось неизменным, а плавно изменялось. Причем, эти изменения образуют законченный цикл – нижний слой и самый верхний горизонт верхнего слоя почти тождественны. Здесь ведущее место за остатками свиньи, затем следуют лошади, крупный рогатый и мелкий рогатый скот. Такое соотношение типично для памятников восточной части Волго-Окского междуречья (*Краснов*, 1971). Изменения, которые происходили за время накопления верхнего слоя, заключались в уменьшении доли костей свиньи. Этот процесс достигает своего максимума в средней части верхнего слоя, когда порядок видов домашних животных становится следующим: лошадь, крупный рогатый скот, свинья, мелкий рогатый скот. Памятники железного века с подобными наборами остеологических остатков разбросаны на обширной территории – Верхнее Подесенье, Верхнее Поволжье, Прикамье (*Краснов*, 1971. Рис. 72). Учитывая массовость определенного материала, можно допустить, что действительно в первых веках новой эры, в период отложения средней части верхнего слоя, роль свиньи в диете “дьяковцев” снизилась.

Более уверенно можно говорить о другом изменении в структуре диеты – а именно о падении роли мясных продуктов, предоставлявшихся животноводством в целом.

Верхний слой, в котором наблюдается уменьшение концентрации костей домашних животных, дал многочисленные свидетельства интенсификации земледелия в округе городища (палинологические данные, подтвержденные массовыми находками зерен культурных злаков в культурном слое).

Таким образом, весьма вероятным выглядит предположение, что в первые века новой эры, в период отложения средней части верхнего культурного слоя, у жителей городища изменилась структура диеты в пользу растительной пищи. Уменьшение продукции скотоводства, видимо, частично компенсировалось интенсификацией мясной охоты.

За время существования Дьякова городища дикие животные в какой-то степени использовались все время, но интенсивность их добычи изменялась весьма

существенно, в гораздо большей степени, чем использование домашних животных. Доля диких животных с учетом корректировок менялась от 4,5% в начальный период жизни поселения до 51% на заключительном этапе. Такая динамика в использовании домашних и диких животных в немалой степени объяснялась резкой интенсификацией пушного промысла, в первую очередь наиболее ценного пушного вида – бобра. По-видимому, все остальные промышлявшиеся виды, включая лося и медведя, являлись хоть и весьма желанной, но, все же в какой-то степени попутной и более второстепенной добычей, интенсивность использования которой возросла параллельно усилению пушного (бобрового) промысла.

Резкое усиление промысла можно объяснить появлением спроса на пушнину, когда последняя получает меновую ценность, а, следовательно, сам промысел приобретает как бы уже коммерческую окраску. Интересно отметить, что именно в период отложения слоя на глубине 140–200 см происходил массовый приток привозных вещей на городище. Вполне возможно, что в первые века новой эры население бассейна Москва-реки начинает интенсивно втягиваться в сеть европейских торговых связей и становится поставщиком пушнины.

Данные по бобру, полученные на Дьяковом городище, согласуются с результатами исследований соседних регионов. Так, М. Звелебил, анализируя прибалтийские остеологические коллекции железного века и средневековья, пришел к выводу, что в период с 400 по 800 г. н.э., по сравнению с предшествовавшим временем, роль пушной охоты возрастает (Zvelebil, 1985).

Но достаточно ли такого объяснения для понимания произошедших изменений в межвидовом соотношении костных остатков? Представляется, что не достаточно. И вот почему. Если бы пушной промысел и сопутствовавший ему иной промысел диких животных возрос с определенного времени именно и только в качестве дополнительного выгодного занятия населения, он как бы приплюсовывался к остальному, сложившемуся за столетия укладу жизни и ведения хозяйства. Судя же по вышеупомянутым изменениям абсолютного количества костей домашних животных и насыщенности ими культурного слоя, происходил параллельно и иной процесс – падение роли домашних животных, причем не только относительной, но и абсолютной. То есть представленная картина свидетельствует о том, что у населения не просто появилось новое доходное занятие, дополнявшее уже сложившийся до того уклад натурального хозяйства. В значительной степени произошло *изменение хозяйственного уклада*. Не исключено, что при этом, возможно, снизилась и численность населения, постоянно проживавшего на городище. Вопрос о том, могли ли столь существенные сдвиги в структуре хозяйствования быть обусловлены лишь появлением спроса на пушнину, остается открытым.

Коллекция с Дьякова городища безусловно предоставляет возможности более глубокого изучения характера охоты в железном веке и состояния популяций животных, служивших объектом промысла. Для этого необходимо дальнейшее изучение половозрастной структуры видов, представленных в коллекции, что, возможно, поможет ответить на вопрос, наблюдалась ли переэксплуатация охотничьих ресурсов.

В коллекции костей рыб наибольшее количество составляет щука. Особенно следует отметить находки костей стерляди и тайменя. Они указывают на малую загрязненность воды в Москва-реке. Присутствие костей карповых рыб указывает на то, что рыбалка происходила не только в Москва-реке, но и в старичных озерах в излучине ее левобережной поймы.

**ПОЛНЫЙ СПИСОК РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТИРОВОК
ПО ОБРАЗЦАМ, ПОЛУЧЕННЫМ ПРИ РАСКОПКАХ
ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА 1981–1987 гг.⁷**

Возраст ¹⁴ C	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, НВ-отметка или слой)
450±300	4570	<i>AD 1238 (1441) 1947</i>	уголь	кв. 25, глубина –219–236
1220±200	2789	<i>AD 643 (779) 1018</i>	уголь	зачистка материка в вост. половине раскопа
1370±250	2794	<i>AD 425 (660) 958</i>	кость	кв. 29, глубина –115–125; кв. 37, глубина –105–125; кв. 45, глубина –105–125
1420±60	3457	<i>AD 600 (643) 662</i>	уголь	кв. 107, глубина –235–245
1520±40	3461	<i>AD 474 (542) 601</i>	уголь	кв. 130, 131, 138, 139, глубина –138 поверхность под 3-й глиной
1690±30	3194	AD 263 (362, 366, 383) 409		кв. 87, глубина –195
1690±80	2795	AD 245 (362, 366, 383) 428	кость	кв. 35, глубина –170–180
1690±40	4178	AD 261 (362, 366, 383) 414	уголь	кв. 122, глубина –215
1700±50	2783	AD 258 (344, 370, 379) 414	уголь	кв. 37, глубина –155
1720±40	4573	AD 256 (263, 275, 338) 390	уголь	кв. 35, глубина –150–160
1790±40	4572	AD 144 (240) 321	уголь	кв. 153, глубина до –190
1790±70	3197	AD 131 (240) 339		кв. 82, глубина –240–250
1790±60	4575	AD 132 (240) 336	уголь	кв. 137, глубина –200, плаха
1800±60	4571	AD 131 (238) 323	уголь	кв. 153, глубина –125–130, угли в скоплении керамики
1810±30	3677	AD 134 (236) 243	обуглен. зерна ячменя	кв. 72, глубина –195
1820±40	3184	AD 131 (223) 243		Вал, кв. А–5, –285 глубина –300
1830±100	3464	AD 74 (182, 188, 215) 336	уголь	кв. 132, глубина –205–211
1830±50	4574	AD 127 (182, 188, 215) 243	уголь	кв. 16, глубина –160–165
1830±70	3908	AD 85 (182, 188, 215) 318	уголь	кв. 139, 147, глубина –270, плаха

⁷ Полу жирным шрифтом выделены даты, которые признаны соответствующими возрасту слоя, вмещающего образцы, по которым они были получены. Курсивом даны даты, которые по техническим параметрам признаны малонадежными (сделаны с большим разбавлением образца, среднее квадратическое отклонение 250 и более лет), а также даты либо очевидно более древние, чем время существования городища, либо противоречащие массиву однородных датировок, полученных для того же объекта (слоя). Калибровка производилась по программе (M. Stuiver, P.J. Raimer, версия 4.1, 2000). Вашингтонского университета. Калиброванные даты указаны с вероятностью одна сигма. Принятые сокращения: AD – Anno Domini – наша эра; BC – Before Christ – до нашей эры.

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Возраст ¹⁴ C	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, НВ-отметка или слой)
1830±40	3192	AD 129 (182, 188, 215) 241	уголь	кв. 74, 83, 87, глубина –210–220
1840±30	3195	AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238	уголь	кв. 83, 87, глубина –210–220
1840±40	3193	AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238	уголь	кв. 86, глубина –200–210
1850±40	3458	AD 89 (133) 236	уголь	кв. 131, глубина –200–205
1860±40	3459	AD 84 (131) 226	уголь	кв. 133, глубина –211–215
1870±40	3463	AD 81 (129) 218	уголь	кв. 122, глубина –180–185
1870±40	3911	AD 81 (129) 218	уголь	кв. 115, глубина –246–255
1900±40	3199	AD 68 (86, 102, 122) 131		кв. 75, глубина –200–214
1910±60	3469	AD 34 (82) 130	уголь	кв. 145(8?), глубина –130, плаха
1920±30	3460	AD 33 (78) 126	уголь	кв. 130, глубина –215
1920±40	2786	AD 31 (78) 128	уголь	кв. 11, глубина –180–182, зольное пятно
1930±70	3462	AD 2 (75) 131	уголь	кв. 105, 106, глубина –225–230
1940±40	3468	AD 24 (69) 123	уголь	кв. 140, глубина –201
1940±40	3196	AD 24 (69) 123		кв. 82, глубина –190–200
1950±40	3471	AD 4 (34, 36, 61) 117	уголь	кв. 140, глубина –169–190
1970±40	3915	BC 36 (AD 28, 41, 50) AD 76	сажа	кв. 156, 157, глубина 280–288, сажа на поверхности светлого слоя 1
1970±60	3198	BC 41 (AD 28, 41, 50) AD 116		кв. 65, глубина –260–270
1970±50	2785	BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79	уголь	кв. 5, 6, 7, глубина –228–234
1970±50	2784	BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79	уголь	кв. 29, глубина –225–234
1970±70	5114	BC 43 (AD 28, 41, 50) AD 123	уголь	кв. 198, глубина –370–375
2030±50	3456	BC 91 (41, 25, 8, 3) AD 47	уголь	кв. 145, глубина –188
2040±120	3191	BC 199 (43, 6, 4) AD 79	уголь	Вал, граница кв. А–5 и А–6, глубина –55
2050±50	3190	BC 149 (46) AD 16	уголь	Вал, кв. А–6, глубина –170
2070±60	2799	BC 170 (87, 81, 54) AD 1	почва (сажистая земля)	кв. 7, южная стенка, низ слоя 3
2090±30	4020	BC 168 (94) 49	уголь	кв. 125, глубина –390, "зола 2"
2090±60	3189	BC 197 (94) 3		кв. 83, глубина –400–410

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Возраст ¹⁴ C	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, НВ-отметка или слой)
2090±300	2778	BC 406 (94) AD 240	уголь	Вост. половина раскопа слой 2, глубина –220–250
2110±50	3186	BC 199 (161, 130, 120) 50	уголь	Вал, кв. А–6, глубина –190
2120±100 2070±180	2788	BC 354 (167) 1	уголь	сев. стенка, вост. половина раскопа, углистая прослойка на контакте верхнего слоя и слоя пепла с песком
2140±110	3906	BC 363 (195, 173) 3	уголь	кв. 123, глубина –305–309, из профиля восточной стенки
2150±80	3187	BC 357 (197, 190, 176) 54		кв. 87, материк
2160±50	3904	BC 352(199, 186, 184) 119	уголь	кв. 117, глубина –400, углистый столбик
2170±60	3183	BC 357 (200) 119	уголь	Вал, кв. А–4, глубина –345
2170±100	4179	BC 381 (200) 54	уголь	кв. 137, глубина –195–200
2180±50	3181	BC 357 (342, 324, 202) 169		Вал, средний ярус, глубина –190–200
2180±250	2779	BC 499 (342, 324, 202) AD 75	уголь	Вост. половина раскопа, слой 2, глубина –250–290
2200±200	3470	BC 408 (349, 318, 228, 221, 207) AD 16	уголь	кв. 145, глубина –127–133
2230±50	2800	BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202	уголь	кв. 6, глубина –367, плашка
2230±50	2792	BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202	кость	кв. 25–27, глубина –338–354, из коп 3а
2240±180	2907	BC 479 (360, 273, 260) 50	почва	коричневая органическая прослойка, разделяющая горизонты верхнего слоя, глубина около –240
2240±50	4021	BC 388 (360, 273, 260) 50	уголь	кв. 146, глубина –395, прослой угля с материка
2260±100	3188	BC 401 (377, 266, 264) 183	уголь	вост. половина раскопа, сооружение в материке
2290±130	2781	BC 479 (387) 183	уголь	кв. 21–23, глубина –375–385
2330±100	2793	BC 500 (397) 234	кость	кв. 30, глубина –245–250 из вымостки
2330±100	3182	BC 500 (397) 234	уголь	Вал, нижний ярус, –300
2370±60	2796	BC 502 (403) 392	почва	кв. 7, западная стенка, коп 2
2380±120	3180	BC 761 (404) 264	уголь	Вал, верхний ярус, –170–190

Возраст ^{14}C	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, НВ-отметка или слой)
2380±30	3185	BC 475 (404) 399	уголь	Вал, кв. А-5, -356-358, столбик
2390±70	3910	BC 756 (406) 395	уголь	кв. 102, 116, глубина -375, плаха
2390±100	2797	BC 760 (406) 386	почва	кв. 7, западная стенка, коп 3
2510±60	3913	792 (762, 678, 671, 607, 602) 520	уголь	кв. 149, 156, 157, глубина -360, "зола 1", жилище, плаха
2550±60	2790	BC 799 (786) 550	уголь	кв. 21-23, глубина 360-370, сер. супесь под коп 3
2620±200	3466	BC 973 (801) 411	уголь	кв. 143, глубина -208, зола
2630±110	3912	BC 897 (802) 673	уголь	кв. 133, глубина -390, "зола 2"
2740±120	3916	BC 1005 (896, 875, 862, 847, 845) 800	уголь	кв. 119, 126, 134, глубина -263-265, плаха
2790±210	2782	BC 1259 (966, 964, 921) 794	уголь	кв. 45, глубина -295-297
2870±300	3905	BC 1432 (1013) 791	уголь	кв. 112-144, доски из канавы в материке
3740±400	3465	BC 2856 (2141) 1622	уголь	кв. 166, глубина -244
5200±500	2787	BC 4536 (3982) 3383	уголь	кв. 21-23, глубина -360-370
9250±79	2780	8602 (8523, 8508, 8476) 8302	уголь	кв. 45, глубина -280-288

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А., 1996. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические Памятники Москвы и Подмосковья. М.

Белоцерковская И.В., 1999. Ажурные застезки из могильника Кораблино // Труды ГИМ. М. Вып. 103.

Белоцерковская И.В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. (Тр. ГИМ. Вып. 122).

Власов В.К., Куликов О.А., 1988. Радиотермолюминесцентный метод датирования рыхлых отложений. М.

Гавритухин И.О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Гунова В.С., Кириянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москва-реки в железном веке // РА. № 4.

Кондаков Н., Толстов И., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб. Т. 3.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.

- Краснов Ю.А.*, 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Кренке Н.А.*, 1983. Работы на территории охранной зоны заповедника “Коломенское” // АО, 1981 г. М.
- Кренке Н.А.*, 1987. Культура населения бассейна Москва-реки в железном веке и раннем средневековье. М. Рукопись канд. дис.
- Кренке Н.А.*, 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 3.
- Кренке Н.А.*, 1995. Чертов городок – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. № 3.
- Кренке Н.А., Нефедова Е.С.*, 1995. Раскопки Дьякова городища 1935 г. // Коломенское: материалы и исследования. М. Вып. 6.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.*, 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. М. Вып. 194.
- Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю.*, 2002. Литейные формы с Дьякова городища // РА. № 4.
- Кренке Н.А., Цепкин Е.А.*, 1991. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // СА. № 1.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П.*, 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Обломский А.М.*, 1990. Памятники “зарубинецкой линии развития” на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. // Археологические исследования в центральном Черноземье в 12-й пятилетке. Белгород.
- Розенфельдт И.Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Розенфельдт И.Г.*, 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Сизов В.И.*, 1897. Дьяково городище близ Москвы // Труды 9-го археологического съезда. М. Т. 2.
- Смирнов К.А.*, 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Спицын А.А.*, 1903. Предметы с выемчатой эмалью // Записки отделения русской и славянской археологии. СПб. Вып 5, 1.
- Третьяков П.Н.*, 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // МИА. М.; Л. № 5.
- Филимонов Г.Д.*, 1876. Краткое известие о раскопке Чертова городища под Москвой // Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М. Вып. 11–12.
- Finsch O.*, 1879. Reise nach West Sibirien im Jahre 1876. Berlin.
- Hackman A.*, 1912. Die Emailfibeln von Warila im Kirchspiel Palkane // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. № 26. S. 205–225.
- Moora H.*, 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. № 40. S. 75–90.
- Tallgren A.M.*, 1922. Zur Archäologie Eestis. Dorpat. Bd. 1: Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr.
- Zvelebil M.*, 1985. Iron Age transformations in Northern Russia and the Northern-East Baltic // Beyond Domestication in Prehistoric Europe. L.

А.Е. Леонтьев (Москва)
В.И. Вишневский (Сергиев Посад)

ПОСЛЕДНИЙ КУРГАН ИЗ ГРУППЫ У с. ВЕСЬКОВО НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ

В 1988 г. велась охранные раскопки поселения раннего железного века, предполагавшегося на выступе коренного берега Плещеева озера по правому берегу р. Вельсковки в 0,5 км восточнее села (*Вишневский, 1988*). В площади селища на краю мыса, ограниченного оврагом и выемкой карьера, находилась невысокая насыпь, частично уничтоженная карьером. Ее расположение, состояние, покатость поверхности, выходящий в обрез склона перекрытый насыпью культурный слой селища заставили воспринять это возвышение как результат вскрышных работ на карьере. Однако дальнейшие исследования показали, что насыпь курганная, точнее, сохранившаяся ее северо-восточная часть.

Ее размеры по основанию составляли около 19×15 м при вытянутости по линии ЮВ–СЗ в сторону берегового склона. Высота около 0,6 м. На уплощенной вершине прослеживались следы поздней ямы и бугорок с остатками межевого знака. С восточной стороны у подножия имеется пологая мелкая западина, но ровики как элемент конструкции при раскопках не были выявлены.

Насыпь сложена из материкового коричневатого суглинка с серо-коричневыми включениями культурного слоя раннего поселения, содержавшего сетчатую керамику. Очевидных следов раскопок насыпи не отмечено, хотя некоторая рыхлость грунта в ее центральной части указывает на такую возможность. Об этом же свидетельствует находка на северном склоне, ближе к основанию, берцовых и фрагментов тазовых человеческих костей – видимо, перемещенных остатков впускного погребения из верхней части кургана.

В основании на всей площади сохранился культурный слой поселения раннего железного века, маркирующий уровень поверхности на время сооружения кургана. Внутри насыпи по периметру основания на расстоянии от 2,4 м с северной стороны от современного подножия до 0,25 м с южной тянулась кольцевая канавка с плоским дном шириной 0,2–0,3 м и такой же глубины (рис. 1). В расширении канавки с юго-восточной стороны был положен плоский камень размерами $0,4 \times 0,5$ м. Каких-либо находок, за исключением керамики раннего поселения, канавка не содержала. Темный цвет заполнения, учитывая близость поверхности, объясняется, скорее всего, природной гумусированностью. Ограниченная канавкой площадка была в плане округлой, вытянутой по направлению ЮВ–СЗ и с учетом уничтоженной части кургана могла иметь размеры 16×14 м.

Погребение по обряду трупосожжения находилось в южной части кургана. Скопление углей и золы с прослойками рыхлого материкового суглинка и включениями фрагментов кальцинированных костей, керамики, предметов погребального инвентаря занимало участок неправильной формы размерами $1,7 \times 1,7$ м при толщине до 0,25 м. Ниже, охватывая более обширное пространство около 3 м в поперечнике, залегала черная сажистая прослойка с отдельными пятнами прокаленного до оранжевого цвета суглинка, крупными углями и обугленной плахой длиной 0,8 м. Основная часть вещей найдена в восточном

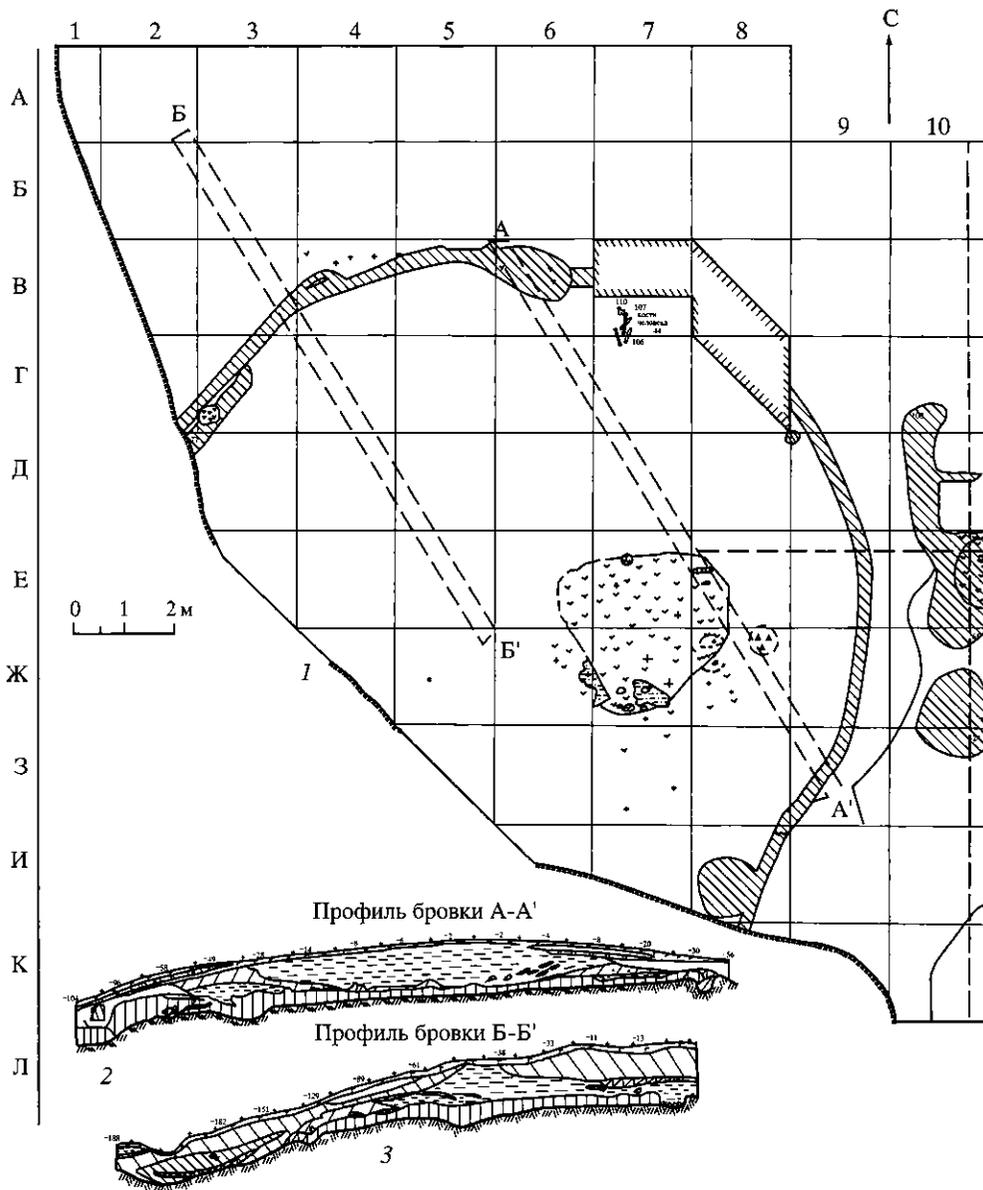

Рис. 1. Курган 1988 г.

1 – План насыпи на уровне кострища; 2, 3 – профили насыпи

секторе кострища. Кальцинированные кости относительно равномерно распределены по всей поверхности выше прослойки сажи.

Погребение можно рассматривать как совершенное на стороне. На площадке вначале переместили остатки костра, а затем остатки погребенного. В пользу такого предположения говорит сравнительно малая площадь возможного кострища и отсутствие следов большого костра на остальной площади основания кургана.

Всего было обнаружено более 60 предметов, относящихся к погребальному комплексу. Многие из них оплавлены, корродированы и не поддаются интерпретации. Из сохранившихся вещей значительная часть относится к деталям поясного набора. Это 11 экз. целых или фрагментированных выпуклых серебряных (?) бляшек, напоминающих медвежью морду (рис. 2, 13–17). С внутренней стороны – три иглы для крепления. Далее, 4 (одна из них найдена в насыпи выше кострища) Т-образные бронзовые рельефные бляшки с тремя иглами для крепления на обороте (рис. 2, 11, 12). Круглые выпуклые бляшки с насечкой по краю, четырехлепестковой розеткой в центре и двумя иглами для крепления – 7 экз. (рис. 2, 8, 9). Такие же бляшки, но без розетки в центре – 3 экз. (рис. 2, 7). Бляшки “скорлупки” с заклепками – 12 экз. (рис. 2, 3, 4). Железные поясные накладки или карабины с петлей на одном конце – 3 экз. (рис. 2, 23–25), а также плоское в сечении железное кольцо (рис. 2, 26) и круглая, плосковыпуклая в сечении, кольцевидная рамка пряжки (рис. 2, 22). К деталям одежды относятся две бронзовые шарообразные пуговицы с петлями (рис. 2, 5, 6). Неясно назначение фрагментов бронзовой проволоки (рис. 2, 18–20).

Из других предметов на кострище найдено бронзовое коромысло весов для малых взвешиваний (рис. 2, 27). В отличие от обычно встречающихся складных, это – цельное, длиной 11,3 см; в сечении овальное, с небольшими акцентированными утолщениями по краям, где в сквозных отверстиях сохранились колечки для подвешивания чашек весов. В центре коромысла имеется уплощенный выступ, который, возможно, имел треугольную форму, но в современном состоянии оказался деформирован. Среди частиц кальцинированных костей был обнаружен обгоревший фрагмент костяной орнаментированной накладки (рис. 2, 1), а также побывавшая в огне привеска-амулет из астрагала бобра (рис. 2, 2).

В толще всей линзы остатков кострища были встречены многочисленные обломки керамики. Часть из них относилась к периоду поселений бронзового и раннего железного века, но большинство (20 фрагментов) представляло собой части лепных неорнаментированных сосудов, явно связанных с погребальным комплексом. Фрагменты, судя по венчикам, принадлежали не менее, чем семи сосудам (рис. 3, 5–1). Помимо керамики, в толще кострища найдено более трех десятков обломков изделий из необожженной глины. Большая часть из них, видимо, принадлежала грубо лепленному овальному, местами округлому в сечении кольцу толщиной порядка 2 см (рис. 3, 1, 3, 4). Его внутренний диаметр, по данным возможной реконструкции, составлял около 12 см. Некоторые другие обломки позволяют рассматривать их как части другого известного ритуального предмета: глиняной лапы (рис. 3, 2).

В насыпи кургана за пределами кострища встречен небольшой серебряный диск с отверстием в центре (рис. 2, 21), однако его принадлежность к погребальному комплексу, в силу местоположения и облика находки, сомнительна.

Детальный анализ состава погребального инвентаря – тема отдельного исследования. Однако нужно отметить, что части поясного набора и возможной сбруи, при всей редкости типов бляшек и накладок, пуговицы, коромысло весов, амулет из астрагала бобра, в целом, как набор определенных предметов вполне соответствуют инвентарю ранних курганов с трупосожжением Волго-Клязьминского междуречья (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 70–74). Показательно присутствие в комплексе фрагментов глиняной лапы и кольца. Эти ритуальные предметы на территории Руси характерны для курганов центральных районов Ростово-Суздальской земли, включая Ярославское Поволжье, откуда происходит подавляющее большинство находок (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83). Вен-

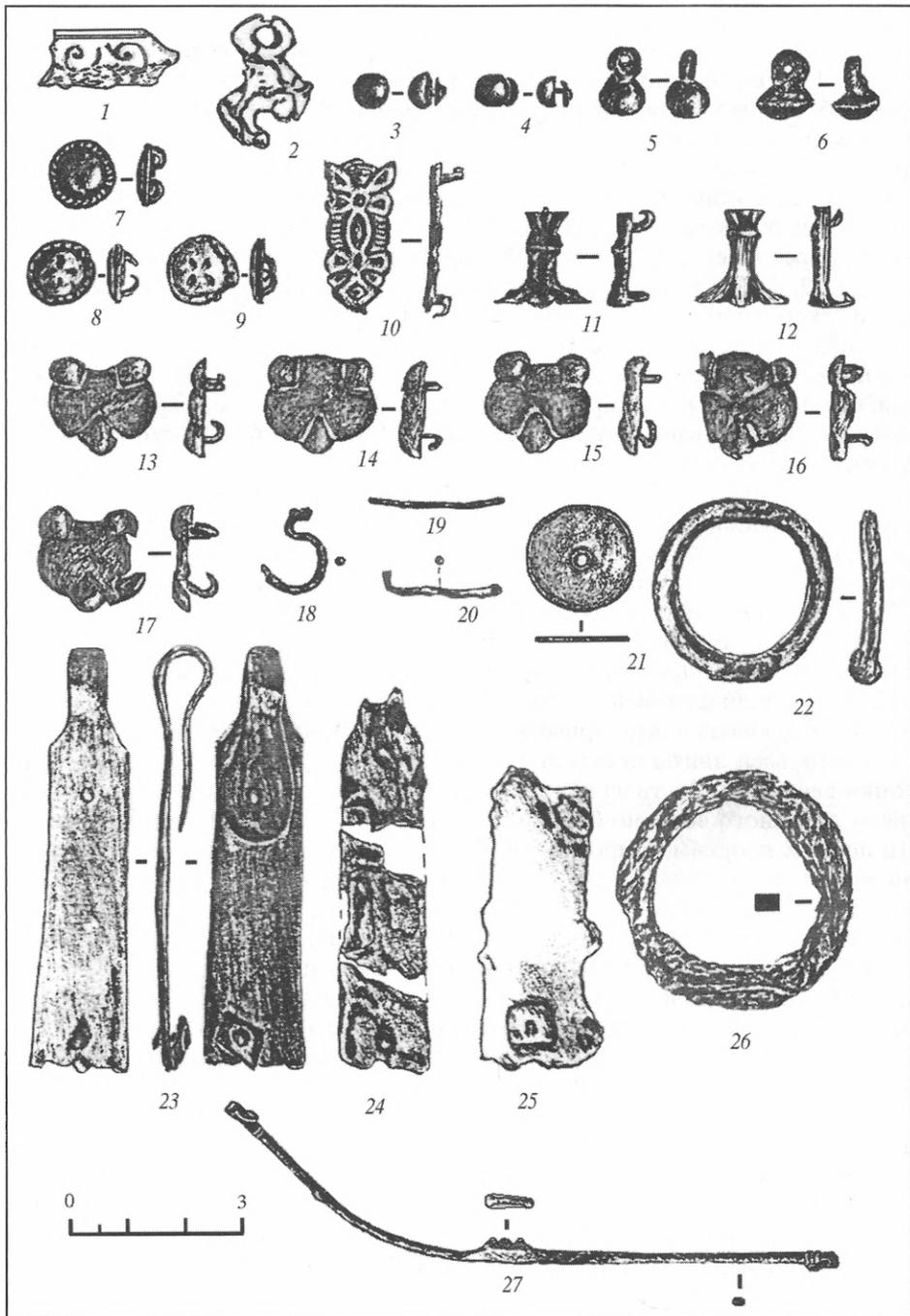

Рис. 2. Инвентарь погребения

1 – костяная накладка; 2 – подвеска из кости бобра; 3, 4, 7–17 – бляшки, 18–20 – фрагменты проволоки; 21 – диск с отверстием; 22 – пряжка; 23–25 – поясные накладки; 26 – кольцо; 27 – коромысло весов. 1, 2 – кость; 3–20, 27 – бронза; 21 – серебро; 22–26 – железо

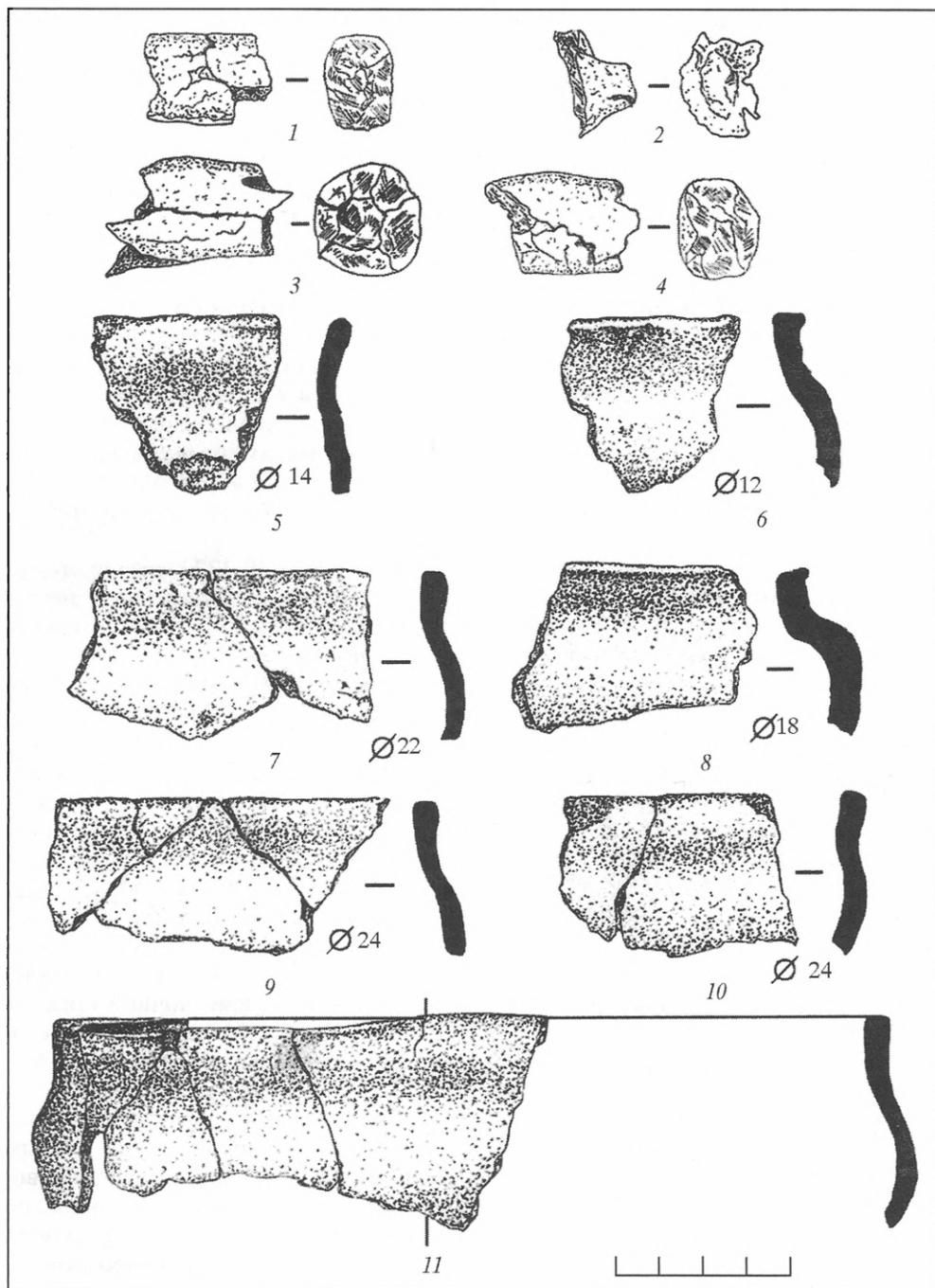

Рис. 3. Инвентарь погребения. Изделия из глины

1, 3, 4 – обломки кольца; 2 – обломок лапы; 5–11 – венчики лепных сосудов

чки сосудов из погребений схожи с керамикой как мерянских памятников (рис. 3, 5, 9, 1), так и древнерусских X – начала XI в. (рис. 3, 6–8). Бытование посуды, изготовленной в разных традициях или сочетающей различные традиционные признаки, – явление для рассматриваемого времени и территории обычное (Смирнова, 1987. С. 90–102; Лапшин, 1991; 1991а; Леонтьев, Самойлович, 1991. С. 56–63). Таким образом, рассматриваемый комплекс, видимо, является одним из захоронений первых древнерусских поселенцев X–XI вв. на побережье Плещеева озера (Леонтьев, 1996. С. 287–288).

Погребение было явно потревожено. Об этом свидетельствует расположение его остатков в стороне от центральной части кургана и неполный состав инвентаря, что заметно по малому количеству найденной керамики и осколков глиняных предметов, частей поясного набора (ср.: Мурашева, 1997. С. 71–78) и отсутствию, например, такого почти обязательного предмета, как нож. Очевидных следов повреждения на поверхности кургана не заметно. Однако грунт в центре сохранившейся и раскопанной части насыпи отличался по своему составу от окружающего (рис. 1, 2, 3), а его слои имели уклон вниз. При том, что значительная часть кургана вместе с вероятной вершиной исчезла в обрыве до начала исследований, все же можно полагать, что курган подвергался раскопкам.

К.И. Комаров посчитал насыпь остатками кургана № 1224, раскопанного П.С. Савельевым в 1853 г. (Комаров, 1995. С. 152, рис. 1, 2). Основанием для такого вывода послужило местоположение кургана, совпадающего с указанным на плане раскопок 1853 г. Точность совпадения, разумеется, относительная. Однако указание на внешнюю от села сторону (перед селом), у моста через р. Веску (существует и теперь) – ориентир достаточно определенный (Уваров, 1871. С. 814; Рябинин, 1979. С. 230, рис. 2).

Курган 1224 был примечателен тем, что, единственный из исследованных, содержал захоронения разного времени в трех ярусах. “На глубине 2½ аршина показался первый ряд могил, заключающий... в себе 3 остова... Под ним шла насыпь на 1/2 аршина глубины, на которой оказалось еще 8 могил... Далее была насыпь еще на два аршина. На самом грунте, во всю площадь кургана, оказался слой угля и жженных костей и между ними слитки бронзовых вещей, блях и стеклянных бус” (Уваров, 1871. С. 814). Реконструкция насыпи на основании сохранившихся чертежей с переводом измерений в метрическую систему осуществлена Е.А. Рябининым (Рябинин, 1979. С. 236, рис. 4. В подрисовочной подписи ошибочно отнесен к курганной группе у с. Б. Брембола). Из описания и реконструкции явствует, что П.С. Савельев исследовал курган высотой порядка 3,6 м, содержащий основное погребение по обряду трупосожжения на материке и двумя ярусами более поздних коллективных захоронений по обряду трупоположения. Периметр основания насыпи 1853 г. в целом соответствует данным 1988 г. Высота насыпи в 1988 г. составляла примерно половину высоты первоначального кургана с кремацией. Возможно посчитать такое относительное, но совпадение параметров аргументом в пользу тождества объектов раскопок 1853 и 1988 гг., тем более, что в профиле насыпи заметны следы переотложения грунта, вероятно, обширной засыпанной ямы (рис. 1). Однако полной уверенности в такой идентификации нет. Ясно лишь, что захоронение действительно было ранее потревожено.

ЛИТЕРАТУРА

Вишневецкий В.И., 1988. Отчет о раскопках селища раннего железного века, кургана X–XI вв., грунтового могильника X–XI вв. у с. Вельсково Переславского района Ярославской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13936.

Комаров К.И., 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ярославль. Вып. VIII.

Лапшин В.А., 1991. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Лапшин В.А., 1991а. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Мурашева, 1997. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (по материалам “дружинных” курганов) // Археологический сборник: Погребальный обряд. М. (Тр. ГИМ. Вып. 93).

Рябинин Е.А., 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. № 1.

Смирнова Л.И., 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2.

Уваров А.С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М. Т. II.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.

Н.В. Лопатин (Москва)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРЕДЫСТОРИИ ИЗБОРСКА

Под предысторией Изборска здесь понимаются сведения о тех культурных традициях, которые предшествовали возникновению поселения на Изборском (Трувором) городище и затем, вероятно, входили составной частью в его культуру.

В 1999 г. по инициативе В.В. Седова после 20-летнего перерыва проводились раскопки погребальных памятников в округе Изборского городища. В могильнике у восточной окраины п. Старый Изборск был избран для исследования курган 3 (по плану 1998 г. – *Королев, Харлашов, Воронкова*, 2000. С. 32). Могильник этот, по всей вероятности, изучался впервые Ф. Крузе в 1840 г., а отрывочные данные о результатах тех раскопок анализировались В.В. Седовым (*Седов*, 1988. С. 98). В процессе раскопок могильнику было дано название “Усть-Смолка III”, поскольку он тяготеет, очевидно, к селищу Усть-Смолка I-II, находящемуся поблизости.

Курган раскапывался широкой площадью. В насыпи и на прилегающей территории открыто четыре труположения, датирующиеся XI в. (*Лопатин*, 2002. С. 48–51). Однако они не были первыми захоронениями на этом месте. Погребение 5 (одно из труположений), исследованное в насыпи, было впускным. Оно нарушило более раннюю насыпь из камня и песка и практически полностью уничтожило комплекс трупосожжения (погребение 6). Подполой первоначальной насыпи обнаружено еще одно трупосожжение (погребение 3).

Погребение 3 – трупосожжение в округло-удлиненной яме 60 × 48 см, глубиной 10 см, в разрезе линзовидной (рис. 1, разрез 4–4'). Ямка была полностью заполнена кальцинированными костями с примесью угольков. Среди костей найдено два фрагмента бронзовых спиралек (рис. 3, 2, 3).

Погребение 6, предположительно, уничтожено при совершении впускного погребения 5 (на рис. 1 показана только яма последнего). К погребению 6 относятся: фрагмент железного предмета (рис. 1, в; 3, 1); небольшое количество кальцинированных костей из заполнения ямы погребения 5; скопление кальцинированных костей на древней поверхности рядом с краем ямы погребения 5 (рис. 1); насыпь удлиненной формы (3,5 × 2,2 м, высотой около 25 см) из обломков известняка. Под каменной насыпью на древней поверхности почти повсеместно прослежена зольно-углистая прослойка толщиной 2–5 см. Она имела интенсивный темно-серый, до черного, цвет.

Каменная насыпь была перекрыта насыпью из желто-серого песка, также удлиненной (5,0 × 4,1 м, высотой до 45 см, первоначально, вероятно, несколько больше). Граница песчаной насыпи реконструирована (рис. 1) на основании профилей (рис. 2), а также расположения известняковых камней, лежавших на ее поверхности (здесь на плане не показаны). Камни на поверхность насыпи попали, очевидно, в процессе выкапывания ямы погребения 5 и лежали с заметными промежутками, не составляя какой-либо цельной обкладки насыпи. Часть их попала в профили (рис. 2). С южной стороны граница песчаной насыпи почти совпадала с краем каменной, а с других сторон охватывала более значительную площадь. Зольно-углистая прослойка прослежена в профилях и в плане не повсеместно, но по совокупности документации можно судить, что она залегала как под каменной кладкой, так и под полами песчаной насыпи (рис. 2). В профи-

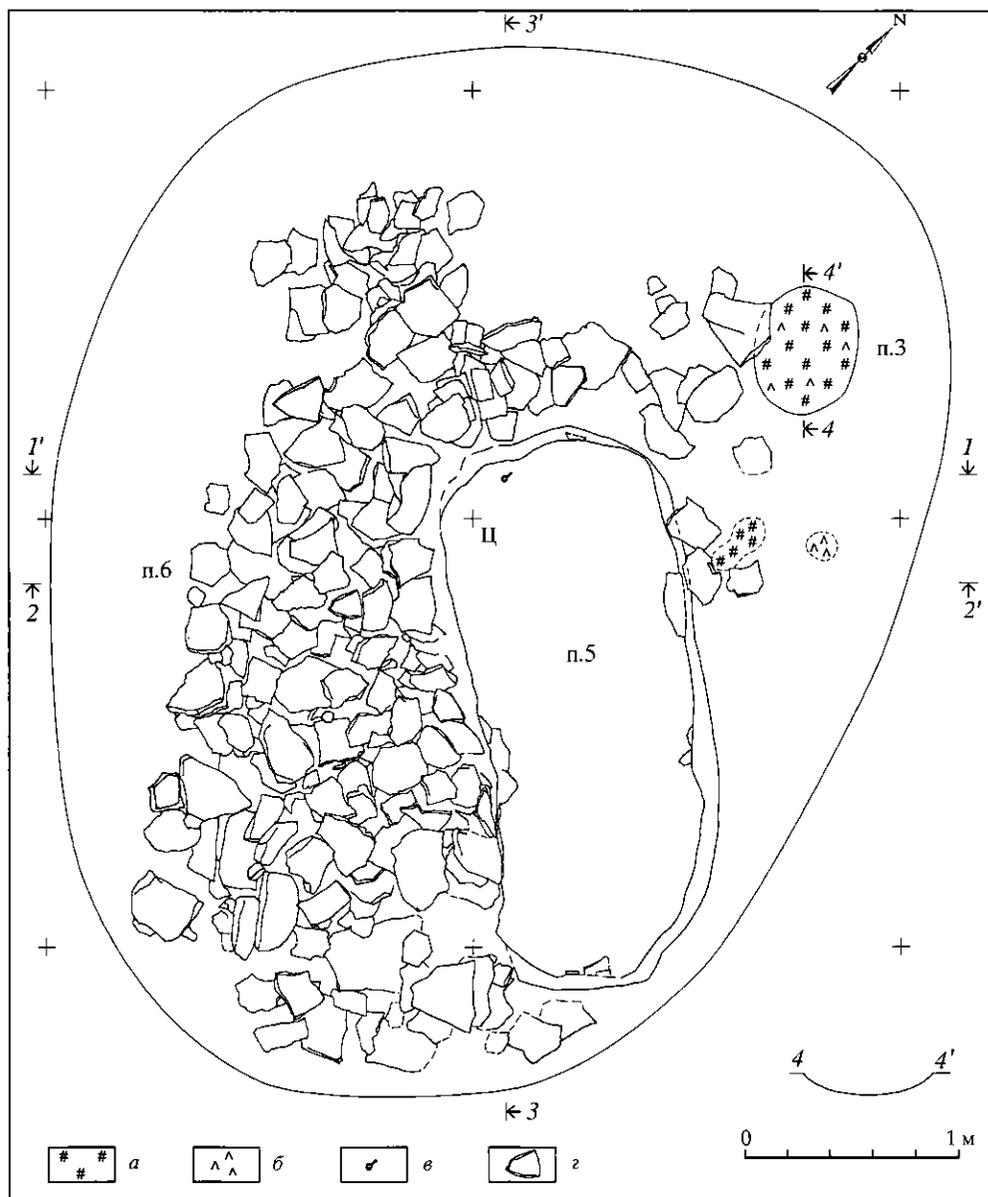

Рис. 1. Могильник Усть-Смолка III. План древнейшей части кургана 3

а – кальцинированные кости; б – угольки; в – железный предмет; г – обломки известняка

лях хорошо различаются по характеру залегания обломки известняка четырех групп: 1) относящиеся к кладке первоначальной каменной насыпи; 2) выброшенные на поверхность песчаной насыпи; 3) просевшие в яму погребения 5 после того, как сгнило его деревянное перекрытие; 4) находящиеся в позднейшей досыпке кургана, которая, вероятно, связана не с погребальным обрядом, а с расчисткой прилегающей пашни.

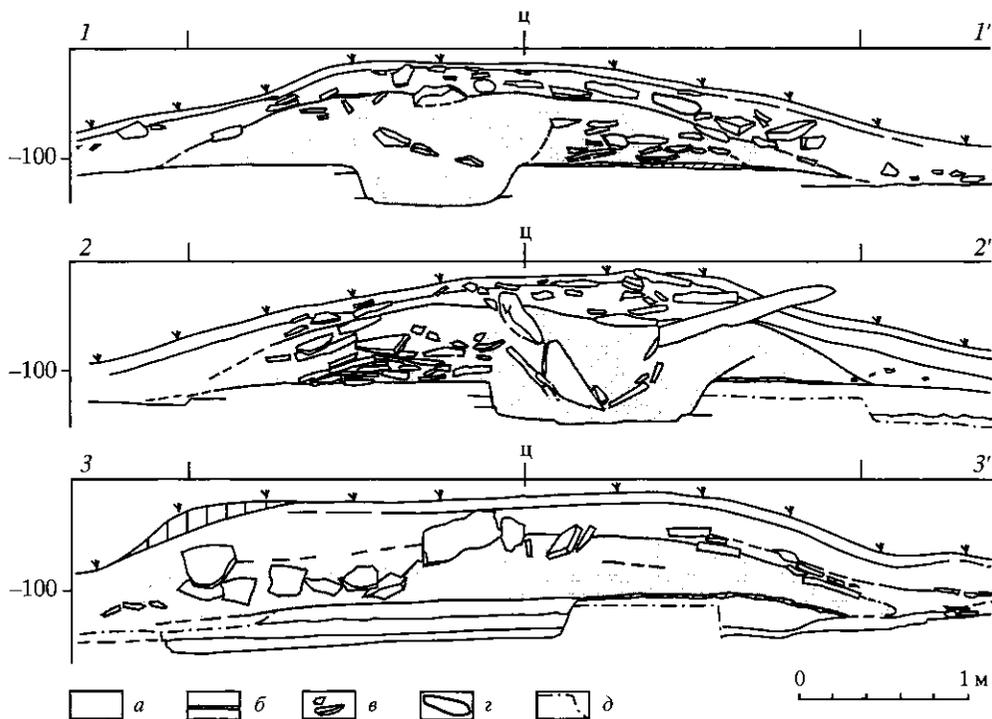

Рис. 2. Могильник Усть-Смолка III. Профили центральной части кургана 3

a – желто-серый песок; *б* – зольно-углистая прослойка; *в* – обломки известняка; *г* – валун; *д* – линия дна раскопа

Погребение 3 расположено у края первоначальной каменной насыпи и перекрыто вместе с нею насыпью песчаной. Наличие зольно-углистой прослойки под обеими насыпями и отсутствие ее за пределами песчаной насыпи свидетельствуют (вместе с вышеописанными деталями) о том, что погребение 3 было совершено вскоре после погребения 6. С погребением 6 связана каменная насыпь, а с погребением 3 – песчаная. Совершение погребений предварялось небольшими подрезками грунта. Так, верхний слой материковой желтой супеси был снят по крайней мере с северо-западной стороны прежде, чем образовалась зольно-углистая прослойка на площадке погребений (рис. 2, правые части профилей 1–1' и 3–3', левая часть профиля 2–2'). В районе ямки погребения 3 зольно-углистой прослойки не было, как и в прилегающей части профиля 1–1' (рис. 2). Пятно погребения 3 зафиксировано приблизительно на 5 см ниже уровня зольно-углистой прослойки, следовательно, вероятно, небольшой слой материкового грунта здесь был снят и перед совершением погребения 3.

Бронзовые спиральки небольшого диаметра с неопределенным (овальным) сечением проволоки (типа найденных в погребении 3 – рис. 3, 2, 3) широко распространены в древностях Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. Более редкой находкой является железный предмет (рис. 3, 1), найденный в заполнении ямы погребения 5 (в 20 см выше ее дна, у северо-западного края) и предположительно относившийся к комплексу разрушенного погребения 6. Предмет имеет вид расплющенного разомкнутого кольца, украшенного плавными

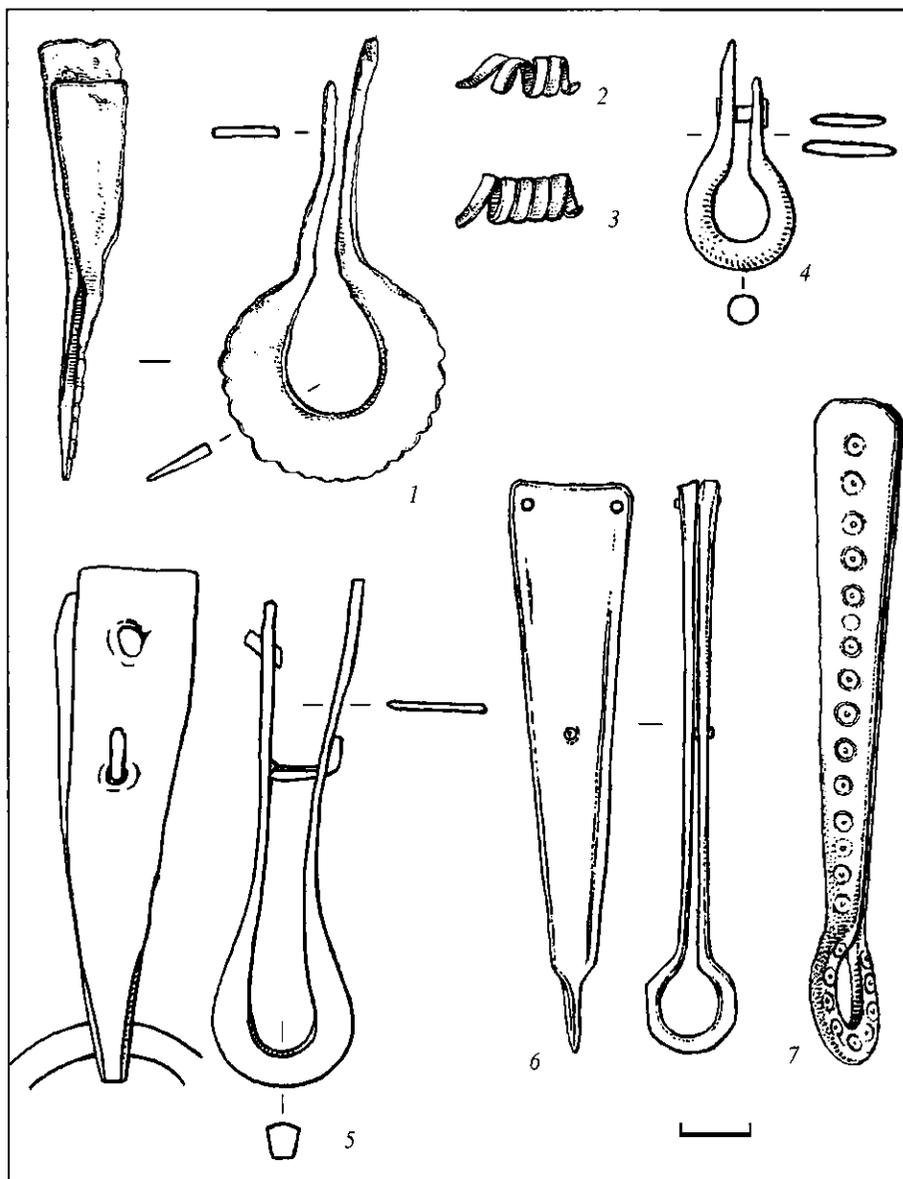

Рис. 3. Находки из кургана 3 и их аналоги

1 – Усть-Смолка III, курган 3, погребение 6 (?); 2, 3 – тот же курган, погребение 3; 4 – Гринино 2, курган 2, погребение 1 (Олейников, 2002. С. 113, ил. 1, 6); 5 – Вахрушева (ГИМ. Оп. 1371/2; Курпичников, 1973. Табл. XXIII); 6 – Halla (Thunmark-Nylen, 1995. Bd. II. Taf. 131, 7); 7 – Grotlingbo (Thunmark-Nylen, 1995. Bd. I. Abb. 51, 1). 1, 4, 5 – железо; остальные – бронза. Рисунки Н.С. Сафроновой (в том числе: 5 – по эскизу автора, 4, 6, 7 – по публикациям)

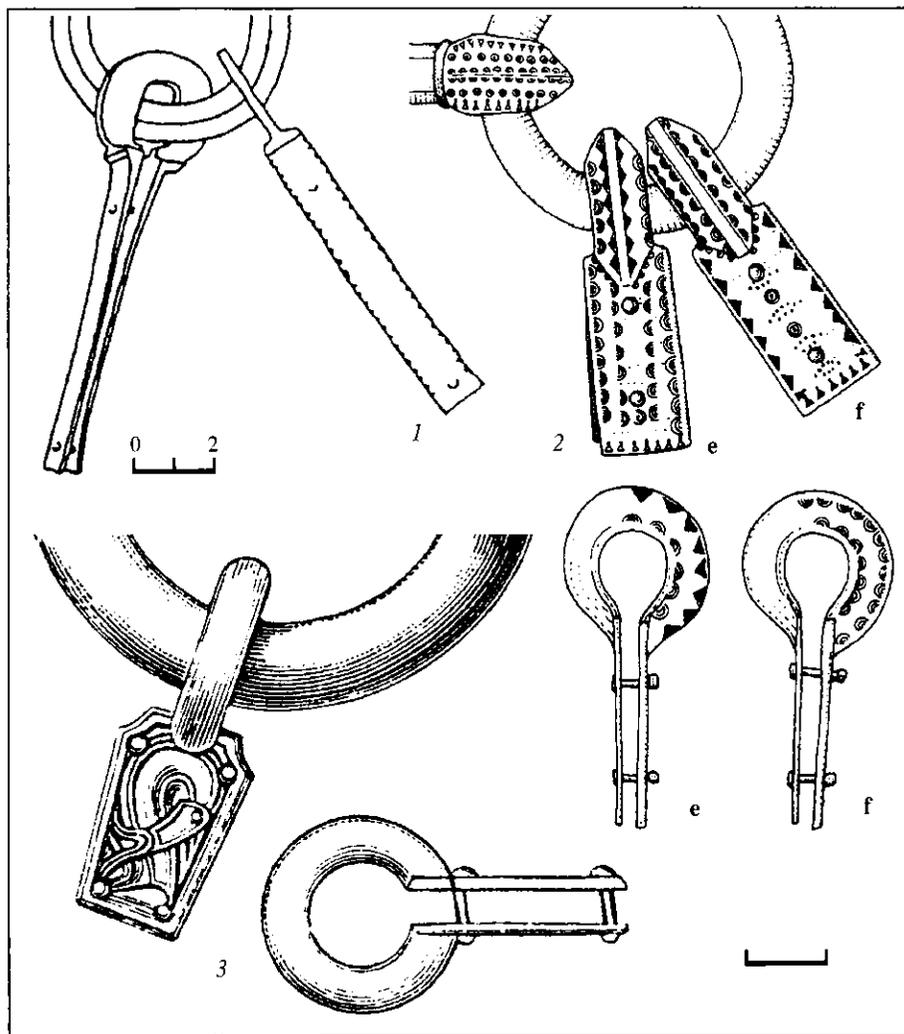

Рис. 4. Детали конской сбруи второй половины I тыс. н.э.

1 – Стёксово (Мартынов, 2001. С. 154. Табл. 154, 2); 2 – Jakuszowice (Godłowski, 1995. S. 169. Abb. 4, 2); 3 – Endre (Nerman, 1969, Taf. 77, 675). Все – цветной металл

зубцами по краю, с отходящими от него в перпендикулярной плоскости двумя трапециевидными пластинами. Вполне очевидно, что эта находка является обоймой оконечности ремешка. Зажимающие ремень пластины обломаны, поэтому заклепки не сохранились; известно, что у подобных обойм заклепки часто расположены далеко от кольца (рис. 3, 6).

Предметов, совпадающих по нескольким признакам с обоймой из Усть-Смолки, пока удалось найти немного*. Единичные бронзовые обоймы-наконечники близкой формы (с расплюснутым кольцом и длинными трапециевидными пластинами в перпендикулярной плоскости) известны в эпоху викингов на Готланде (рис. 3, 6, 7). Более обычны и многочисленны здесь подобные наконечни-

* Благодарю за помощь в поиске аналогий В.И. Кулакова и В.В. Марашову.

ки, согнутые из пластины в одной и той же плоскости. Они входили в состав поясных наборов (кстати, вместе со спиральками, подобными спиралькам из погребения 3 Усть-Смолки), завершая свисавшие с пояса ремешки. Такое использование говорит и о возможном назначении изучаемой находки, хотя специфическое оформление кольца свидетельствует, вероятно, о конкретном использовании данных ремней, например, о периодическом присоединении и отсоединении какого-то противолежащего зацепа-крючка или карабина.

Довольно близкой аналогией является обойма кожаного бича, входившая в состав плети типа I по А.Н. Кирпичникову (рис. 3, 5), датирующейся X в. (Кирпичников, 1973. С. 71–73, 109). Кольцо экземпляра из Усть-Смолки расплющено, однако, гораздо сильнее.

Более отдаленной аналогией можно считать наконечники ремней, входившие в состав уздечных наборов Западной и Восточной Европы V–VII вв. (рис. 3, 4; 4, 1–3; Ахмедов, 2002. Рис. 1, 5, 6; 6, 17, 18, 31; 7, 7, 15). Они сходны с находкой из Усть-Смолки по признаку расположения кольца и пластин во взаимно перпендикулярных плоскостях. Кроме того, можно предполагать, что орнамент в виде “волчьего зуба”, имеющийся, например, на наконечниках из Якушвиц (рис. 4, 2e), послужил прототипом для оформления края наконечника из Усть-Смолки.

Рассмотренный круг аналогий находке из Усть-Смолки позволяет в настоящее время говорить лишь о широких хронологических рамках, охватывающих всю вторую половину I тыс. н.э. Специальное изучение данной категории вещей позволит, несомненно, эту датировку со временем сузить. Но уже сейчас можно делать вывод о том, что погребальные традиции, бытовавшие в округе Изборска в середине – второй половине I тыс. н.э. и включавшие обряд трупосожжения и возведение небольших насыпей из камня и песка, не связаны непосредственно с древнерусским обрядом, распространенным здесь же в XI в. и позднее (впускное погребение 5 и др.). Предварительно можно заметить, что элементы этих погребальных традиций, включающих каменные сооружения разных форм и обряд трупосожжения (в том числе частичного), находят параллели в культуре каменных могильников Эстонии и как-то связанных с ней более поздних древностях, проникающих с запада в Южное Причудье в течение I тыс. В кругу аналогий можно перечислить такие памятники, как Конечки, Северик, Выбуты (Седов, 1988; Плоткин, 1989; Яковлев, 1997).

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., 2002. Детали конского убора с зооморфным декором в гунское и постгунское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М. (Тр. ГИМ. Вып. 135).

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня. Л. (САИ. Вып. Е1-36).

Королев А.Е., Харлашов Б.Н., Воронкова Е.В., 2000. Работы в Печорском районе Псковской области // АО, 1998 г. М.

Лопатин Н.В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков.

Мартыанов В.Н., 2001. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас.

Олейников О.М., 2002. Историческая ситуация в Тверском Поволжье во второй половине I тыс. н.э. (к проблеме реконструкции) // История и культура Тверского края. Тверь. (Тр. Филиала Гос. академии славянской культуры в г. Твери. Вып. 1).

Плоткин К.М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.

Седов В.В., 1988. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М.

Яковлев А.В., 1997. Новые раскопки могильника Выбуты близ Пскова // Памятники старины: Концепции, открытия, версии. СПб.; Псков.

Godłowski K., 1995. Das "Fürstengrab" des 5. Jhs. und der "Fürstensitz" in Jakuszowice in Südpolen // La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.

Nerman B., 1969. Die Vendelzeit Gotlands. Stockholm. Bd. II: Tafeln.

Thunmark-Nylen L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd. I: Abbildungen der Grabfunde. Bd. II. Typentafeln.

Н.А. Макаров, С.В. Меснянкина (Москва)

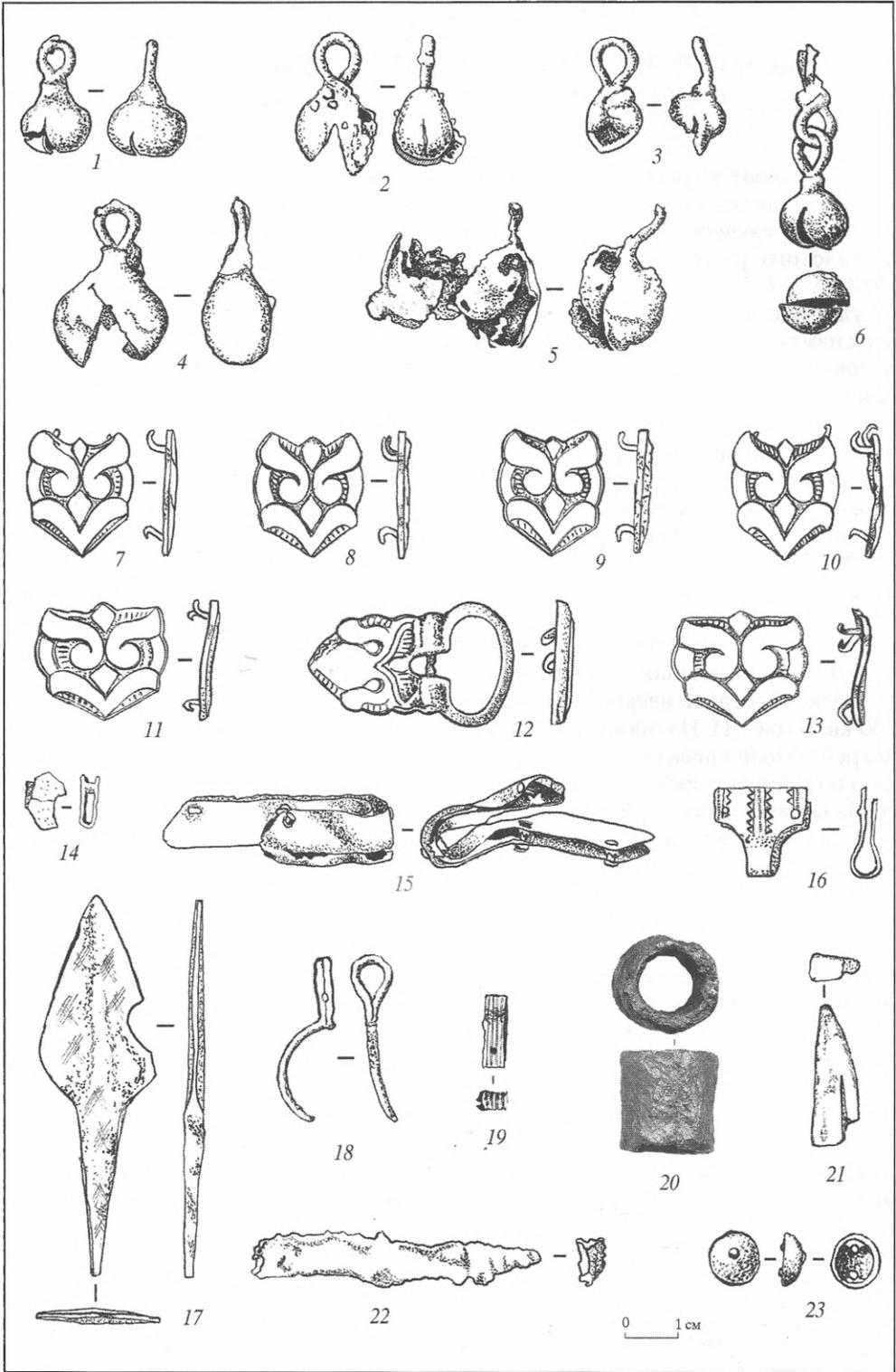
К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ С КРЕМАЦИЯМИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ¹

Курганные и грунтовые могильники с кремациями второй половины I тыс. н.э. представляют собой одну из важнейших категорий археологических источников для изучения культурной ситуации на севере Русской равнины в эпоху славянского расселения и образования Древнерусского государства (Седов, 1982. С. 5–7; 2002. С. 348–402). Многие пробелы в современном научном знании о культурных процессах этого периода связаны с недостаточной изученностью этих памятников, остающихся невыявленными в целом ряде областей. Столь же очевидно, что анализ и интерпретация многих вскрытых раскопками могильников с кремациями в настоящее время затруднены из-за неудовлетворительной полевой документации, не позволяющей в полной мере восстановить многие черты погребального обряда. Дальнейшее изучение могильников с кремациями предполагает как выявление и раскопки новых памятников, так и совершенствование методов и приемов полевых работ, более точно раскрывающих и передающих особенности исследуемых объектов.

В 1998–2002 гг. Онежско-Сухонская экспедиция ИА РАН произвела исследование двух средневековых грунтовых могильников на Кубенском озере в Вологодской области, примерно в 70 км к северо-западу от Вологды. В могильнике Монино II в раскопе площадью около 550 кв. м исследовано более 80 погребений, в том числе около 20 погребений по обряду кремации. В могильнике Владышнево II остатки нескольких кремаций выявлены в раскопе площадью около 200 кв. м (рис. 1). На обоих памятниках кремированные останки и обожженный погребальный инвентарь встречены в поддерновом и пахотном слое на площадке и в грунтовых ямах, что, по-видимому, отражает определенное единство погребальных традиций двух средневековых коллективов. Могильник Монино II использовался для погребения в течение нескольких столетий, со второй половины X в. до начала XIII в., часть погребений по обряду кремации здесь нарушена позднейшими ингумациями и постройками недавнего времени. Могильник Владышнево II функционировал в течение короткого времени, поэтому выделение комплексов и находок, относящихся к трупосожжениям, здесь может быть произведено с большей точностью и достоверностью. Материалы этого могильника существенно дополняют сложившиеся в настоящее время представления о погребальной обрядности населения северо-восточных окраин Древней Руси в конце I тыс. н.э.

Могильник Владышнево II находится вблизи западного берега Кубенского озера, на берегу впадающей в него речки Дилиялевки, в 100 м от небольшого селища Владышнево I, выше по течению реки. Местность, возвышающаяся над меженным уровнем воды примерно на 5 м, представляет собой поляну с крупными камнями, заросшую молодым сосняком. Место могильника не было обозначено какими-либо наземными сооружениями, однако характер ландшафта позволял предполагать, что соответствующий селищу некрополь следует ис-

¹ Исследование выполнено в рамках научной программы ОИФН РАН “История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте”, проект “Археология севернорусской деревни X–XIII вв.”.

←

кать именно на этом возвышенном участке. Очевидно, раскопками 2000–2001 гг. площадка могильника вскрыта почти полностью.

Основными средневековыми объектами, исследованными в раскопе, были, во-первых, слой коричнево-серой гумусированной супеси с кальцинированными костями и средневековыми вещами, залегавший под дерном по всей площади раскопа, во-вторых, 4 большие материковые ямы (№ 1, 2, 8 и 9), содержавшие кальцинированные кости, угли и погребальный инвентарь. В раскопе выявлен также незначительный по мощности слой светло-красной слабогумусированной супеси, содержавший кремневый инвентарь эпохи мезолита, и ряд ям мезолитического времени. Всего на площади раскопа собрано 579 находок эпохи первобытности, происходящих из частично переотложенного слоя мезолитической стоянки, 93 средневековых предмета, принадлежащих к комплексу могильника, и около 220 г кальцинированных костей.

Слой коричнево-серой супеси, толщина которого колебалась от 9 до 25 см, содержал мелкие рассеянные по всей площади раскопа единичные кальцинированные кости человека и животных (всего 67 г)², оплавленные и неповрежденные огнем предметы из металла и стекла, немногочисленные фрагменты лепной средневековой керамики. Из этого слоя происходит основная часть средневековых находок – всего 56 предметов (рис. 2, 1–23; 3, 1–9). Несмотря на присутствие в слое более поздних и более ранних материалов – круговой позднесредневековой керамики и кремневого инвентаря – можно полагать, что это компактный в хронологическом отношении комплекс. Кальцинированные кости, фрагменты лепной керамики и отдельные средневековые вещи залегали в пахотном слое равномерно, практически на всей площади раскопа, не образуя четко выраженных скоплений. Подобное распределение их в какой-то мере связано с тем, что гумусированный слой был поврежден распашкой, борозды которой в некоторых местах были хорошо заметны на материке, однако маловероятно, что распашка полностью видоизменила первоначальное положение остатков кремации и погребального инвентаря. Очевидно, зафиксированное в ходе раскопок рассеянное положение вещей и кремированных останков в большей или меньшей степени отражает их изначальное положение.

Большие материковые ямы (№ 1, 2, 8 и 9), выявленные в центральной и северо-восточной части раскопа, имели в плане неправильную овальную форму, их длина составляла от 3,0 до 4,1 м, ширина – от 2,0 до 2,5 м, глубина – от 60 до 85 см. У всех ям было неоднородное заполнение, основу которого образовывала серая гумусированная супесь с линзами более светлой желто-коричневой супеси, перекрывавшими более темные прослойки с обугленными кусками деревянных плашек. В центре двух ям (№ 1 и 2) находились крупные камни. По составу находок яма 2 заметно отличалась от трех других. В заполнении ее собрано около 135 г. кальцинированных костей человека разной величины и степени кремации (от белой до темно-серой окраски), хорошо очищенных от углей и пепла костра, и 32 средневековых находки, тогда как в других ямах кости и вещи были единичны.

² Определение кальцинированных костей выполнено в ИА РАН д.и.н. А.П. Бужиловой.

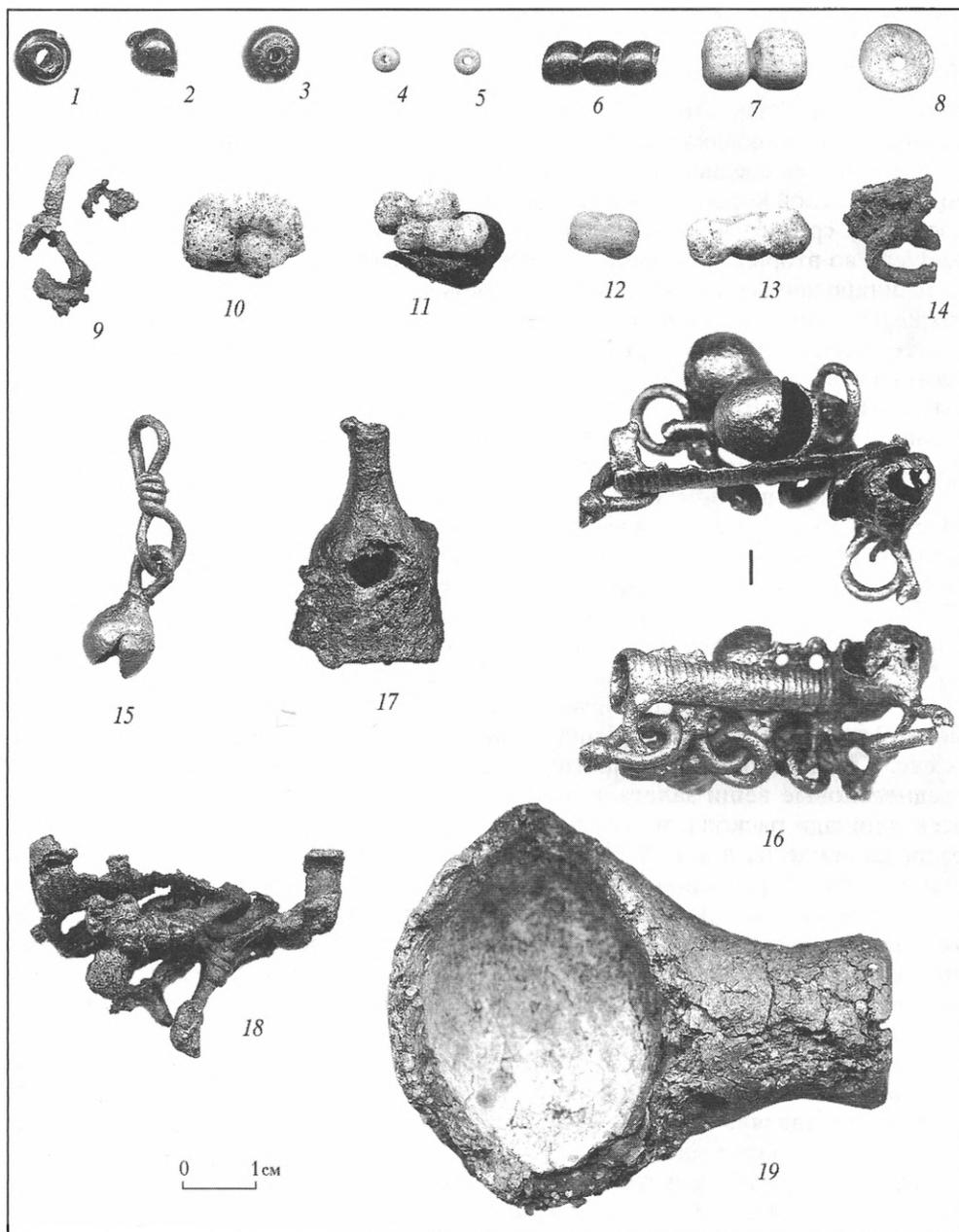

Рис. 3. Могильник Владышнево II. Находки из пахотного слоя и заполнения ямы 2
 1-9 – находки из пахотного слоя; 10-19 – из заполнения ямы 2. 1-8, 10-13 – стекло;
 14-18 – бронза; 19 – стекло

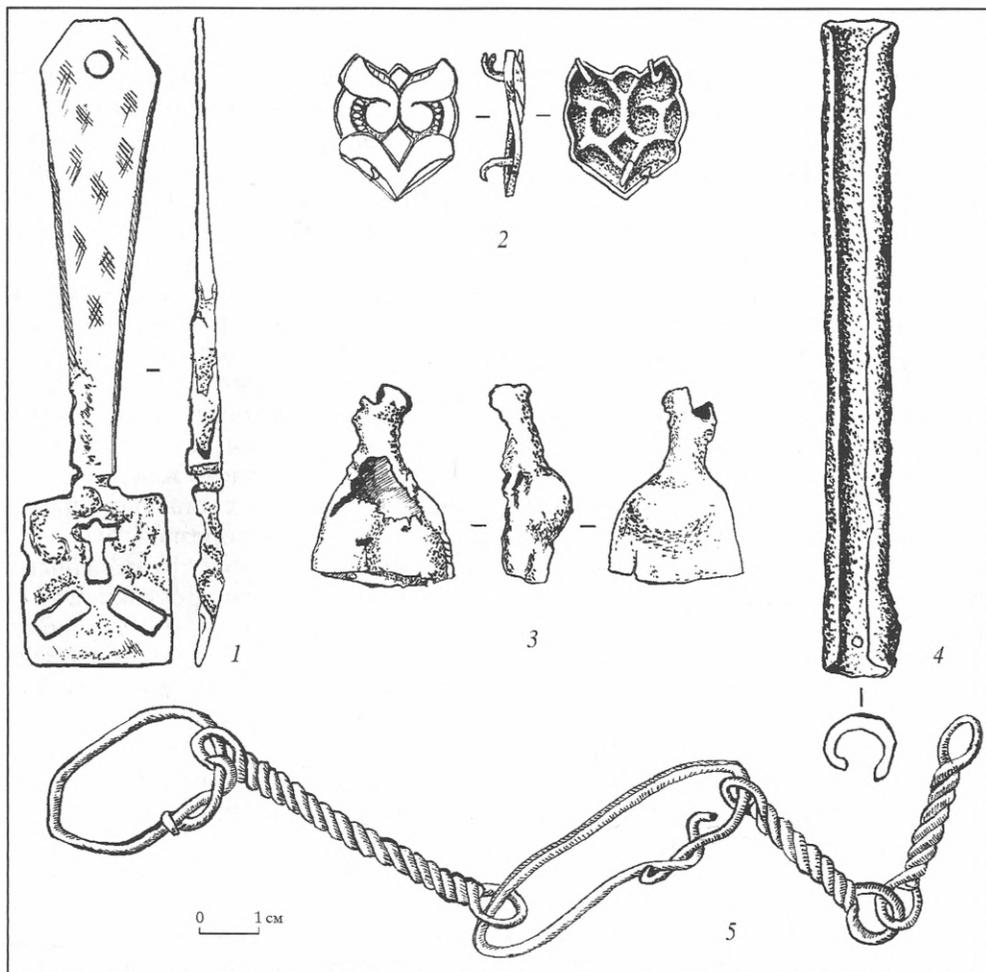

Рис. 4. Могильник Владышнево II. Находки из заполнения ямы 1 и ямы 9
1, 3 – яма 1; 2, 4, 5 – яма 9; 2–3 – бронза; 1, 4, 5 – железо

В заполнении ямы 2 прослежено нескольких линзовидных прослоек, различающихся по своей окраске. Кальцинированные кости и оплавленные вещи находились на разных глубинах в различных прослойках, однако основная их часть была расчищена в прослойке желто-серой супеси, залегавшей ближе к нижней части ямы в центре ее и с северной ее стороны.

Среди кальцинированных костей было найдено 7 оплавленных стеклянных бусин желтого и синего цвета, преимущественно лимонovidных (рис. 3, 10–13), и 25 деформированных огнем бронзовых украшений (рис. 3, 14–18). Среди последних 5 полутрубчатых горизонтальных подвесок-пронизок с привесками-бубенчиками (рис. 3, 16, 18), 3 грушевидных линейно-прорезных бубенчика (рис. 3, 15), 1 крупная бутылковидная (рис. 3, 17) и 1 колоколовидная подвески-пронизки, цепочка (рис. 3, 14), неопределимые оплавленные предметы и фрагменты. В западной половине ямы, за пределами россыпи кальцинированных костей, находилась глиняная льячка (рис. 3, 19). В заполнении ямы 2

встречены также нежженные кости рыбы и отдельные фрагменты лепной средневековой керамики.

Масса кальцинированных костей, найденных в трех других ямах, составляла от 2 до 10 г. В яме 9 была найдена бронзовая поясная накладка с растительным орнаментом (рис. 4, 2), железная проволочно-витая цепь (рис. 4, 5) и железная фитильная трубка (рис. 4, 4), в яме 1 – бронзовая бутылковидная подвеска-пронизка (рис. 4, 3) и железный ключ (рис. 4, 1). Яма 8 не содержала находок.

В составе коллекции средневековых вещей из могильника, происходящих из пахотного слоя и заполнения грунтовых ям, 15 стеклянных бус (в том числе 3 бисерины) (рис. 3, 1–8, 10–13), 9 предметов из железа – нож (рис. 2, 22), черешковый наконечник стрелы (рис. 2, 17), томар (рис. 2, 20), фитильная трубка (рис. 4, 4), ключ (рис. 4, 1), фрагмент гарпуна (рис. 2, 21) и цепочка (рис. 4, 5), 2 гвоздя, 2 предмета из глины (фрагмент тигля и льячка) (рис. 3, 19) и 63 предмета из бронзы, главным образом украшения. Наиболее многочисленны категории бронзовых вещей – части поясной гарнитуры (накладки, наконечник ремня?, пряжка – всего 25 экз.) (рис. 2, 7–13, 16, 23; 4, 2) и комплекс женских украшений, в числе которых грушевидные привески-бубенчики с линейной прорезью (9 экз.) (рис. 2, 2–6; 3, 9, 15), шаровидный крестопрорезной бубенчик (рис. 2, 1), полутрубчатые горизонтальные подвески-пронизки с грушевидными бубенчиками (5 экз.) (рис. 3, 16, 18), бутылковидные подвески-пронизки (2 экз.) (рис. 3, 17; 4, 3), колоколовидная подвеска-пронизка и пластинчатая трапециевидная подвеска (?). Среди найденных бронзовых предметов имеются также пластинчатые оковка и ушко с заклепкой от сумки или кошелька (рис. 2, 14, 15), круглопроволочное кольцо с петельчатым ушком и пластинчатое ушко с валиком и отверстием (рис. 2, 18–19).

Состояние кальцинированных костей не позволяет установить число индивидов, кремированные кости которых были помещены на вскрытом раскопке участка. Можно предположить, что основная часть вещей, найденных в пахотном слое, и немногочисленные находки из ямы 9, составляли инвентарь одного мужского погребения. 21 пятиугольная ременная накладка с растительным декором и пряжка с аналогичным декором, очевидно, принадлежали одному набору поясных украшений. В состав этого же комплекта мужских вещей могли входить детали сумки, наконечник стрелы, железный томар, фитильная трубка и железная цепочка. Вероятно, основная часть кальцинированных костей этого погребения и сопровождающий инвентарь были помещены непосредственно на поверхности земли.

Судя по составу находок, яма 2 содержала кремированные останки женщины. Обнаруженные здесь полутрубчатые подвески и бубенчики составляют единый комплект женских украшений. Находки льячек характерны для женских погребений конца I тыс. н. э. в различных финно-угорских памятниках на широкой территории от Поочья до Белозерья.

Неясным остается характер трех других крупных ям, расчищенных в центральной и северо-восточной части раскопа. Форма и состав заполнения этих ям близки яме 2, однако, в отличие от нее, они содержали небольшое количество кальцинированных костей и лишь единичные вещи. Найденные в яме 9 поясная бляшка, железная цепь и фитильная трубка относятся, вероятно, к комплекту мужских вещей из пахотного слоя. Можно определенно полагать, что эти ямы не предназначались специально для помещения остатков кремации.

Образцы древесного угля из каждой ямы были датированы радиоуглеродным методом (см. табл.).

Радиоуглеродные даты образцов древесного угля

Образец	Возраст по ^{14}C	Калиброванная дата, 1 сигма	Калиброванная дата, 2 сигмы
Ле-6045 Яма 1, уголь	565+/-30 BP	1327-1413 л.н.э.	1305-1423 л.н.э.
Ле-6046 Яма 2, уголь	1210+/-45 BP	731-887 л.н.э.	689-955 л.н.э.
Ле-6048 Яма 8, уголь	835+/-30 BP	1189-1255 л.н.э.	1131-1273 л.н.э.
Ле-6047 Яма 9, уголь	620+/-30 BP	1303-1393 л.н.э.	1297-1399 л.н.э.

Калиброванная дата угля из ямы 2, содержащей кальцинированные кости и погребальный инвентарь, близка дате, определяемой по вещевому материалу. Возраст остальных образцов моложе на 400–650 лет. Принимая во внимание серийность поздних дат, в расчищенных объектах можно видеть либо ямы, вырытые на площадке могильника в период его функционирования и оставленные незасыпанными, так что их углистое заполнение продолжало формироваться в течение нескольких столетий, либо следы промысловых или сельскохозяйственных работ, производившихся спустя несколько столетий после того, как могильник перестал использоваться для захоронений.

Таким образом, в могильнике Владышнево II представлены две разновидности обряда кремации, одна из которых предполагала помещение кальцинированных костей и остатков сгоревших украшений в глубокую грунтовую яму, а другая – на поверхность земли *россытью*. В последнем случае, по крайней мере, часть погребального инвентаря не помещалась на костер в момент кремации, так как большинство стеклянных и бронзовых вещей, составляющих комплекс мужского погребения, не пострадало от огня.

Вещевой инвентарь могильника включает как предметы, имевшие сравнительно широкое распространение на Севере и Северо-Востоке Русской равнины в конце I тыс. н. э. (ключ, наконечник стрелы, фитильную трубку, глиняную льячку), так и ряд украшений, характерных для волжско-финских памятников. Среди последних бутылковидные подвески-пронизки, бубенчики и полутрубчатые рифленые подвески с петлями и крепившимися к ним грушевидными бубенчиками с линейной прорезью. Трубчатые и полутрубчатые подвески известны по находкам в муромских и мордовских могильниках на Оке и Цне (Финно-угры и балты..., 1987. С. 282–283, табл. XXXIV, 13; табл. XXXV, 11; Материальная культура..., 1969. Табл. 12; 14, 11), на поселениях и могильниках Костромского края (городище Попово на Унже, могильник Большое Молочное; *Леонтьев*, 1996. С. 253, рис. 118, 13; С. 266, рис. 128, 4, 5), в Ярославском Поволжье (Ярославское Поволжье, 1963. С. 36–37, рис. 21, 2) и на Белоозере (*Голубева*, 1973. С. 140, рис. 51, 21).

Наиболее выразительная серия вещей в коллекции из могильника Владышнево II – набор поясных накладок и пряжка с растительной орнаментацией. Хотя традиция носить пояса, украшенные металлическими наборами, как теперь выясняется, в X в. получила широкое распространение у населения лесной полосы Восточной Европы, причем не только в среде дружинников и населения

городов и торгово-ремесленных поселений, находки богатых поясных наборов, подобных обнаруженному в могильнике Владышнево II, на памятниках северной периферии Древней Руси исключительно редки.

Свидетельства западных связей – бронзовая обоймица, орнаментированная “волчьим зубом”, и железная цепочка. Короткие железные цепочки, нередко состоящие всего из двух звеньев, известны по находкам в Приладожских курганах, Гнёздове и могильнике Залахтове и предназначались для крепления к поясу кресал, оселков и других предметов походного снаряжения (*Бранденбург*, 1895. Табл. VII, 14; *Сизов*, 1902. Табл. VIII, 12, 14, 21).

Время бытования большинства вещей, найденных в могильнике, определяется в рамках IX–XI или X–XI вв. Для уточнения верхней даты могильника существенно присутствие в коллекции полутрубчатых подвесок и крупных бутылковидных подвесок-пронизок – украшений, характерных для поволжско-финских древностей последней четверти I тыс. н.э. и лишь спорадически использовавшихся в более позднее время. В комплексах белозерских могильников с ингумациями XI в. эти вещи не встречены ни разу. Набор бус из раскопа, включающий бесцветный и бледно-голубой рубленый бисер, синие и желтые лимонки (в том числе ребристую) и синие прозрачные навитые бусы, характерен для X – первой половины XI в. Время бытования пятиугольных бляшек со стилизованным изображением трилистника с парными лепестками над цветком и углубленным фоном, относящихся к подвиду 1Б класса XIV по В.В. Мурашёвой, определяется X–XI вв. В своде В.В. Мурашовой учтено около 38 бляшек из курганного могильника Шокшова в Суздальском Ополе, 1 бляшка из неизвестного комплекса Владимирских курганов и 1 бляшка из Березовецкого могильника. Найдки из Шокшова датируются в широких рамках X–XI вв., бляшка из Березовецкого могильника найдена в комплексе XI в. (*Мурашёва*, 2000. С. 38–39, 113). Аналогичные бляшки, найденные на поселениях Волжской Булгарии (I Семеновское селище, VI Алексеевское селище) и в Веселовском могильнике на Ветлуге (*Казаков*, 1991. Рис. 44, 58; *Руденко*, 2001. С. 70, рис. 38, 2), К.А. Руденко датирует концом X – началом XI в. Преимущественно X в. датируются фитильные трубки, представленные в комплексах тимерёвских, приладожских, владимирских и гнёздовских курганов (Ярославское Поволжье, 1963. С. 51; Гнёздовский могильник..., 1999. С. 130, рис. 16, 1.13; с. 131, рис. 17, 1.19; с. 135, рис. 21, 1.117–123), в культурном слое Рюрикова городища (*Носов*, 1990. С. 97) и Сарского городища (*Леонтьев*, 1996. С. 144), и кошельки с бронзовыми оковками, наиболее крупная серия которых зафиксирована в Марийском Поволжье (*Архинов*, 1984. С. 124).

Если рассматривать набор вещей из Владышнево II как единый комплекс, что вполне правомерно, учитывая небольшие размеры могильника, то он должен быть датирован серединой – второй половиной X в. В этом наборе нет вещей, входящих в обиход в начале – середине XI в. Хотя нельзя исключить бытование таких вещей, как крупные бутылковидные подвески-пронизки, фитильные трубки, полуцилиндрические подвески с привесками, кошельки с бронзовыми оковками, в XI в., совместное нахождение их характерно скорее для X в. С другой стороны, пятиугольные поясные накладки с трилистником едва ли могут быть отнесены к первой половине X в. Археологическая дата близка калиброванной радиоуглеродной дате угля из заполнения ямы 2. Предложенная датировка могильника довольно точно соотносится с датировкой соответствующего ему поселения Владышнево I, время существования которого по вещам определено в рамках второй половины X – начала XI в. Скорее всего, малодворное по-

селение вблизи устья р. Дяляевки существовало в течение лишь нескольких десятилетий, чем и объясняется малое число погребений в могильнике.

Характеристика кремаций, исследованных в другом кубенозерском могильнике – Минино II – не входит в задачу настоящей публикации. Отметим лишь значительное сходство между трупосожжениями, открытыми на обоих памятниках. Для обоих характерно сочетание кремаций, остатки которых помещались на поверхности земли или в неглубокие ямы, с кремациями, остатки которых ссыпались в более глубокие сужающиеся ко дну ямы округлой или овальной в плане формы. Общими чертами является также присутствие в составе инвентаря как пережженных, так и нетронутых огнем вещей и наличие в сопровождающем инвентаре мужских погребений таких категорий вещей, как поясные бляшки, обоймицы от кошельков, железные томары, шумящие украшения, изготовленные в наборной технике.

Кубенозерские могильники с трупосожжениями обнаруживают определенные черты сходства с широким кругом погребальных памятников Балтийского ареала и Северо-Западной Руси, для которых характерны поверхностные кремации. В средневековье подобный обряд господствовал, например, на территории Финляндии. Поверхностные кремации выявлены и на памятниках, не связанных с прибалтийско-финскими традициями – например, в ровиках волховских сопок (*Петренко*, 1994. С. 44–68) или в могильниках близ Которска на р. Плюссе, исследованных С.Л. Кузьминым (*Кузьмин и др.*, 2000. С. 70). Территориально наиболее близкие к Кубенскому озеру памятники этой традиции – могильники Юго-Западного Белозерья, в которых остатки трупосожжения помещались в неглубокие грунтовые ямки, на поверхность земли и в срубные конструкции, получившие название “домики мертвых”, или в оконтуривавшие их ровики (*Башенькин*, 1985. С. 77–81; 1995. С. 3–29; *Макаров*, 1997. С. 64). На площадках некоторых из этих могильников, например, в Пугине и Усть-Ситском III, выявлены отдельные глубокие ямы, содержавшие остатки трупосожжений. Принципиальная разница между кубенозерскими и белозерскими могильниками с кремациями заключается в том, что наиболее характерный элемент последних – срубные конструкции типа “домиков мертвых” – на Кубенском озере отсутствует. Отметим также, что трупосожжения кубенозерских могильников существенно отличаются по своему характеру от кремаций в могильниках Ветлужско-Вятского и Волго-Клязьминского регионов, для которых характерно сочетание кремации и ингумации, с помещением останков на дно прямоугольных грунтовых ям, как правило, образующих рядовые структуры.

По характеру погребального обряда кубенозерские памятники близки двум грунтовым могильникам с кремациями, один из которых – Большое Молочное – исследован в среднем течении р. Костромы (*Леонтьев*, 1996. С. 263–267), а второй – Минино 7 – на р. Большой Юг, левом притоке р. Шексны, в среднем ее течении (*Кудряшов*, 2001). Для обоих этих могильников характерны небольшие размеры (исследовано соответственно 6 и 8 погребений), помещение остатков кремации в грунтовые ямы овальной или круглой формы, возможно, в сочетании с помещением кальцинированных костей на поверхности земли и неполный сбор остатков кремации с погребального костра, при котором в ямы попадала лишь часть сожженных останков умершего. К этой же группе памятников должны быть отнесены и несколько более ранние могильник Попово на р. Унже (*Леонтьев*, 1996) и могильник на Ратницком городище в верховьях р. Дубны (*Вишневский*, 2002. С. 550–557), в которых остатки кремаций и погребальный инвентарь также находились в округлых в плане ямах глубиной до 0,7 м,

а также (в могильнике на Ратницком городище) в верхнем гумусированном слое. Эти памятники рассматриваются как принадлежащие поволжско-финскому населению – мерянскому или родственному мере.

Значение материалов, собранных при раскопках могильника Владышнево II, определяется прежде всего тем, что они позволяют надежно документировать редкие и малоизученные формы погребального обряда, на возможность широкого распространения которых указал В.В. Седов (Седов, 2002. С. 402). Разумеется, ни кремации с поверхностным размещением остатков сожжения, ни кремации с помещением остатков сожжения в округлые ямы не уникальны для погребальной обрядности севера лесной полосы России, однако во Владышневе их удалось зафиксировать точнее и достовернее, чем на других памятниках. Вместе с недавно исследованными грунтовыми могильниками близ Которска и на площадке Ратницкого городища материалы из Владышнево позволяют полагать, что традиция устройства могильников с размещением останков кремации в неглубоких ямах или на поверхности земли получила во второй половине I тыс. н. э. широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы. Часть подобных памятников могла быть стерта распашкой еще в средневековье, по мере развития колонизации и нарастания интенсивности использования сельскохозяйственных угодий. Постепенно выясняется, что погребальный обряд северных областей Руси конца I тыс. н. э. характеризуется значительным разнообразием форм и вариантов, отражающим, по-видимому, не только различия этнокультурных традиций средневекового населения, но и некоторые фундаментальные черты языческого мировоззрения и обрядовой практики.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г.А., 1984. Дубовской могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 8.
- Башенькин А.Н., 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси: Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3.
- Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб. № 18.
- Вишневский В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5. С. 550–557.
- Гнёздовский могильник: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Часть 1. (Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI.)
- Голубева Л.А., 1973. Веси и славяне на Белом озере. М.
- Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань.
- Кудряшов А.В., 2001. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., 2000. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum plus. № 5.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.
- Материальная культура средне-двинской мордвы VIII–XI вв. / Под ред. А.Е. Алиховой. Саранск, 1969.
- Мурашѣва В.В., 2000. Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб.

- Руденко К.А.*, 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань.
- Седов В.В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).
- Седов В.В.*, 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Сизов В.И.*, 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб. № 28.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Под ред. В.В. Седова. М., 1999. (Археология СССР).
- Ярославское Поволжье: X–XI вв. М., 1963.

П.Д. Малыгин, А.П. Ланцев (Тверь)
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОМПЛЕКС
У Д. ГОРОДИЩЕ САНДОВСКОГО РАЙОНА
ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Этот уникальный археологический памятник, расположенный за сотни километров от крупных городов, на стыке Тверской, Новгородской и Вологодской областей, к сожалению, не нашел еще достойного места в основополагающих трудах по раннему средневековью Восточной Европы.

Дореволюционная история его изучения восстанавливается по сводным работам А.К. Жизневского (*Жизневский*, Б.г. Стб. 47–48) и В.А. Плетнева (*Плетнев*, 1903. С. 496–504).

Впервые о сопках в количестве более 50 у д. Городище Весьегонского уезда Тверской губернии стало известно с 1850-х годов. С этого же времени становится известной легенда о “большом городе, разоренном Литвой, стоявшем на месте д. Городище”.

В 1873 г. Лукинское (с. Лукино находится в 1,5 км к СЗ от д. Городище) волостное правление отмечает здесь 23 сопки.

В 1875 г. П.П. Воскресенский насчитывает уже 33 сопки и отмечает рядом “небольшую земляную крепость”, вал которой он частично раскапывает и находит железные шлаки. Один из крестьян передает П.П. Воскресенскому “шести-конечный нательный крест, найденный им во время пашни на площади крепости”. Выясняется также, что в окрестностях д. Городища, помимо сопки, “есть два древних кладбища, одно из них уже распахано, другое поросло лесом”.

В 1877 г. окрестности д. Городища были осмотрены членом археологического и географического императорских обществ И.А. Виноградовым. В это же время Д.А. Воронцов сообщает о 300 (!) сопках при д. Городище. По его данным, “по разрытию сопки находили в них по одному человеческому костяку среди угольев; сбоку скелета глиняный горшок”.

В 1878 г. И.Д. Карауловым было раскопано 5 сопки у отмеченных 90 “сквозными траншеями” и “послойно”. В одной из сопки были обнаружены пережженные кости впускного погребения, в другой – обкладка основания сопки из двух концентрических каменных кругов. Находки из раскопок И.Д. Караулова поступили в Тверской музей и здесь в 1921 г. были определены А.А. Спицыным как бронзовые спиральки, оплавленные бусы, железные футляры для фитилей и железная пряжка. Все они были датированы IX–X вв. (*Спицын*, 1921. Л. 27).

Первую попытку составить схему памятников у д. Городище сделали еще до 1917 г. члены ТУАК (*ГАТО*. Ф. 103)¹.

В 1970 г. Городищенские сопки в количестве 36 были включены в свод “Новгородские сопки” В.В. Седова. К сожалению, в этой работе единый комплекс был разнесен по двум пунктам (435 и 439), последний из которых ошибочно попал в Новгородскую область (*Седов*, 1970. С. 49).

¹ Благодарим И.В. Исланову, указавшую нам на этот документ.

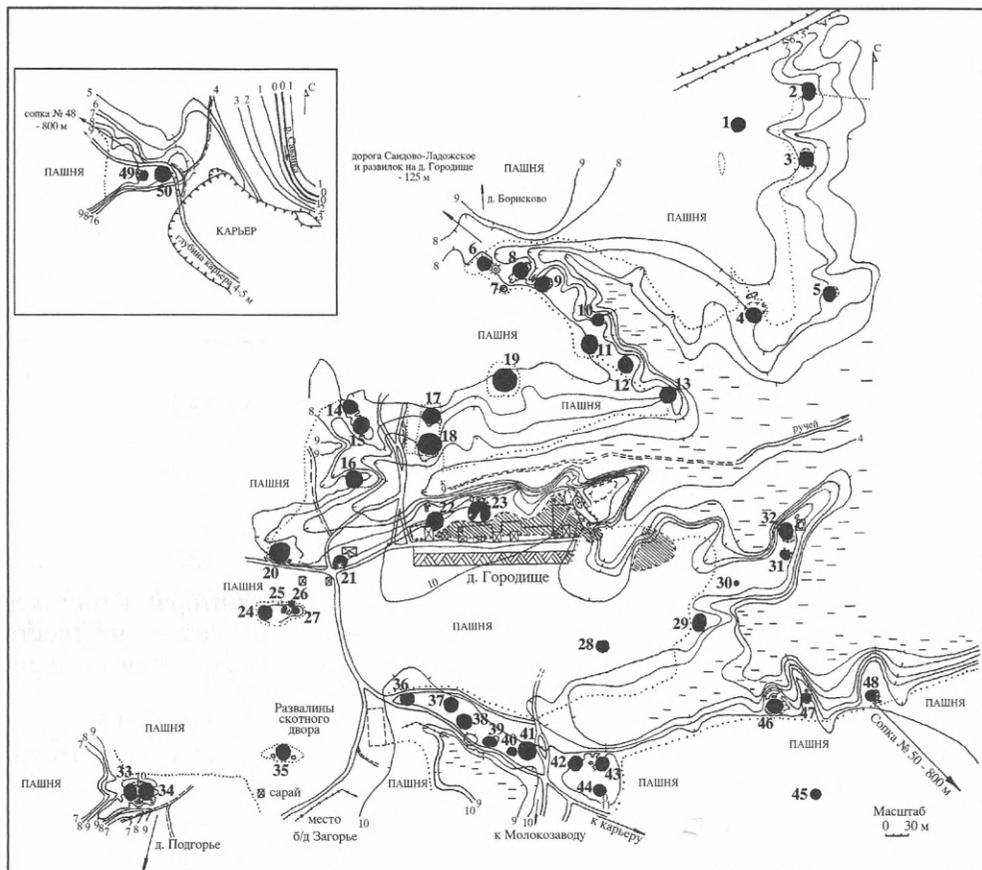

Рис. 1. Раннесредневековый археологический комплекс у деревни Городище Сандовского района Тверской области

В 1978 г. городище и 41 сопка у д. Городище в рамках составления свода археологических памятников были паспортизированы В.М. Воробьевым. Им же к ЮВ от городища выявлено селище (№ 1) (Воробьев, 1979).

В 1988 г. директором Лукинской восьмилетней школы В.Н. Веселовым вместе с учениками проведены обмеры городища и 42 сопки. На сопках были установлены охранные металлические таблички с присвоенными насыпям номерами, составлен подробный отчет обследования со схемами, хранящийся в школе с. Лукино.

Наконец, в 1990 г. археологический комплекс был обследован авторами данной статьи в составе совместной археологической экспедиции Тверского объединенного музея и Тверского гос. университета. Впервые удалось снять план всего комплекса (рис. 1), при этом дополнительно к 42 известным насыпям было выявлено еще 8, а с напольной стороны городища, на огородах д. Городища зафиксировано еще одно селище (№ 2). Основные итоги этого обследования были кратко изложены в специальной работе, где впервые был опубликован план комплекса (Малыгин, 1994. С. 122–124, рис. 5).

Археологический комплекс у д. Городище расположен на правом коренном берегу р. Саванка (правый приток р. Ратыны, правого притока р. Мологи) (рис. 2) на высоте 7–10 м над уровнем воды. Комплекс занимает территорию 1,5 × 1,5 км.

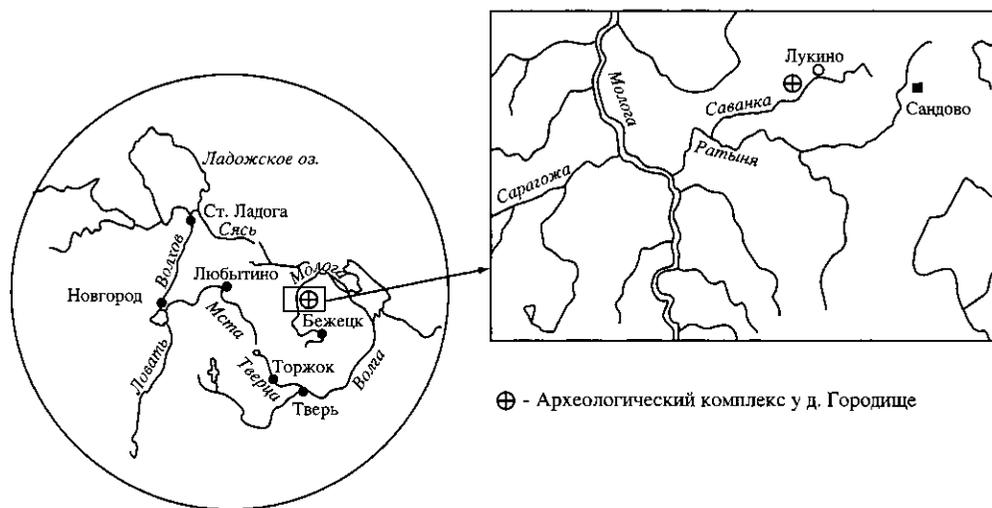

Рис. 2. Карта-схема расположения памятника

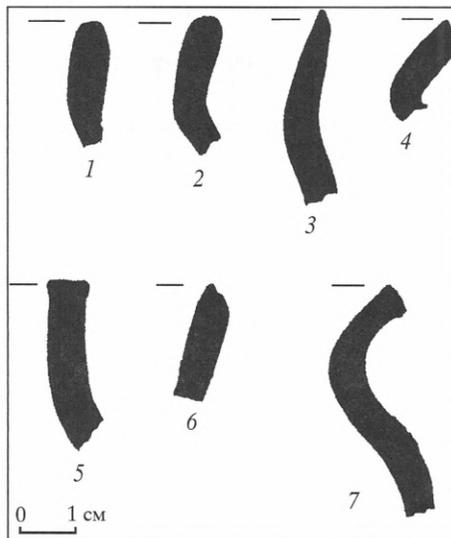
Почвы представлены легким суглинком. Большая часть территории комплекса распаивается, остальная занята “островами” сосновых боров. Рельеф местности сильно пересечен заболоченными оврагами, которые составляют единую систему с долиной безымянного ручья, правого притока р. Саванки.

Центральную часть комплекса занимают городище и два селища. Городище расположено на небольшом мысу моренной гряды, сложенной суглинком с гравием. Это укрепление мысового типа площадью примерно 5500 м². Периметр площадки городища около 300 м. Протяженность напольного дугообразного вала 65 м при максимальной высоте 2,5 м и ширине в основании до 10 м. У северной оконечности вала четко прослеживается въезд на площадку городища, а также спуск в долину ручья. Слой подзола (0,17 м) на территории городища связан с распашкой, которая проводилась на городище еще 40 лет назад. Никаких находок в зачистках не найдено. По-видимому, это было городище-убежище. Напольный ров городища практически не прослеживается. От подножия вала начинается селище 2, протянувшееся вдоль берега ручья полосой размерами 200 × 25–55 м. Мощность культурного слоя (черно-коричневый гумус) – до 0,9 м. Материал представлен лепной и раннекруговой керамикой (рис. 3) и железным шлаком.

Еще одно селище (№ 1) к ЮВ через овраг от городища имеет размеры 55 × 70 м и мощность культурного слоя (темно-коричневый суглинок) до 0,4 м. Материал также представлен лепной и раннекруговой керамикой (рис. 3).

Практически со всех сторон поселенческий комплекс окружен 50 погребальными насыпями, из которых 43 – сопки. В прошлом количество насыпей было большим, так, 2 сопки были срыты при строительстве дороги Сандово – Лукино – Ладожское. Большинство сопки расположены цепочками вдоль берегов оврагов (рис. 1). Сопки в подавляющем большинстве не имеют рвов в основаниях, однако часто расположены на мысах между небольшими оврагами, образованных, судя по всему, выборкой грунта для насыпки сопки. Наиболее четко следы такой выборки прослеживаются вокруг сопки № 46. Все сопки округлые в плане, диаметром от 9 до 33,5 м при высоте от 2,5 до 9,1 м. У ряда насыпей в основании прослеживается обкладка из камней-валунов. 7 насыпей, включенные в общее число 50, отличаются небольшими размерами (диаметр 5–11,5 м, высота – не более

Рис. 3. Венчики лепных и раннекруговых сосудов
1-4 – селище 1; 5-7 – селище 2; 1, 2, 5 –
фрагменты лепных сосудов

2 м). Курганообразные всхолмления (в общем количестве не включены) прослеживаются и у подножия сопок № 49 и 50². По данным местных жителей, близ нескольких сопок располагались жальники (местное название “жальницы”), которые были распаханы. Близ сопок № 31 и 32, по местному преданию, располагалось древнее кладбище, а сохранившиеся здесь же следы фундамента связываются с остатками церкви. В XIX в. это был “четырёхугольный квадрат, обнесённый со всех сторон валом из камня и земли” (Плетнев, 1903. С. 498).

Более подробные данные о погребальных насыпях приводятся в таблице (см. Прил.).

Археологический комплекс у д. Городище ждёт своих будущих исследователей. Но уже сейчас можно говорить о том, что это выдающийся памятник. Справедливо (правда, почему-то без ссылки на наши исследования) Е.Н. Носов и В.Я. Конецкий ставят Городищенский комплекс в один ряд со скоплениями сопок в окрестностях Старой Ладogi и в долине р. Белой в Помостье (Носов, Конецкий, Иванов, 2002. С. 21). Живописный и величественный ландшафт, очень хорошая, благодаря заботе В.Н. Веселова и его учеников, сохранность большинства сопок и городища в полной мере соответствует природно-археологическому заповеднику, который мог бы быть организован в окрестностях д. Городище и с. Лукино Сандовского района Тверской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьев В.М., 1979. Отчет об археологических работах в Калининской области в 1978 году / Архив ИА РАН. Р-1.
ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 231.
Жизневский А.К., Б.г. Курганы и находки каменного века Тверской губернии. Б./м.
Малыгин П.Д., 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 1.
Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю., 2002. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли: Любытинский археологический сборник. Любытино. Вып. 1.
Плетнев В.А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь.
Седов В.В., 1970. Новгородские сопки. М. (САИ. Вып. Е1-8).
Спицын А.А., 1921. Археологический очерк Тверской губ. 1921 г. Рукопись // Архив ТГОМ. Оп. 1. Ед. хр. 233.

² На территории современного кладбища с. Лукино, в 0,3 км к СВ от сопки № 2 выявлена курганная группа из 4 насыпей диаметром 3–8 м и высотой 0,5–1,5 м.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ НАСЫПИ У Д. ГОРОДИЦЕ

№ насыпи	Диаметр (м)	Высота (м)	Конструктивные особенности	Повреждения	Растительность
1	15,5–17	5,0		На вершине заплывшая яма диаметром 1 м, глубиной 0,2 м. Основание насыпи опажено. С и СВ полы повреждены ямами глубиной до 0,3 м	Береза, осина, рябина, черемуха
2	15–20,4	3,5		На вершине траншея 3 × 8,8 м, глубиной 2,5 м. В СВ поле яма глубиной до 0,5 м	Осина, ольха, ель
3	19,5–20,7	4,0	В основании с С и Ю – ровики шириной до 3 м и глубиной до 0,5 м	На вершине 2 ямы диаметром 1 м и глубиной до 0,4 м	Ольха, береза, черемуха
4	20,5–24	6,5	Вершина уплощена, диаметр площадки 2 м. В насыпи с ЮВ – валуны	На вершине яма 2 × 2,5 м, глубиной 1,6 м	Береза, сосна
5	15,5–16	3,5	С СВ ровик глубиной 0,2 м	З и В склоны раздернованы. На вершине яма 1 × 1 м	Береза
6	15–19,5	5,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 2 м	В ЮЗ поле заплывшая яма диаметром 1,5 м и глубиной 0,2 м. В С поле яма 4 × 4 м и глубиной 1 м	Береза, осина, рябина
7 (курган)	7,7 × 9	1,7			
8	20–23,5	7,0	В основании ровики глубиной до 1 м	В В поле яма 1,5 × 1,5 м	Ольха, бузина
9	18,5–19	5,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 3 м. В основании с ССЗ ровик шириной 3 м	На ВСВ склоне заплывшая яма диаметром 1 м	Ель, рябина, береза
10	9–9,7	2,5		На вершине яма диаметром 1,5 м	
11	20–21,3	5,0		В З поле траншея 1,5 × 3 м, глубиной 0,6 м, в С поле траншея 1 × 3 м, глубиной 0,6 м, В ЮВ поле яма 2 × 2 м, глубиной до 0,8 м	Осина, ольха, береза, сосна

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ насыпи	Диаметр (м)	Высота (м)	Конструктивные особенности	Повреждения	Растительность
12	17	2,5–3,0		На В склоне траншея 0,5 × 1,5 м, глубиной 0,4 м	
13	22,5–24	6,0		На вершине траншея 2 × 4 м, глубиной 0,6 м, на СВ склоне две заплывшие ямы диаметром 0,6 м и глубиной 0,1 м	Сосна, рябина, осина
14	20,5–21	8,6	Вершина уплощена, диаметр площадки 2 м	Северная поля опакана, в С поле заплывшая яма диаметром 1 м и глубиной 0,2 м. В Ю поле яма 0,4 × 0,4 м, глубиной 0,4 м. В СЗ поле – две заплывшие ямы диаметром до 1 м	Сосна
15	17–25	8,1	В северной поле валун	На вершине и в З поле яма 3 × 8 м, глубиной 2,5 м	Сосна, рябина
16	20–21,5	8,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 2 м		Сосна, рябина
17	21–24	9,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 1 м	Северная поля опакана, на З склоне заплывшая яма диаметром 1 м	Сосна, рябина
18	27–31	9,1	Вершина уплощена, диаметр площадки 4 м	На вершине заплывшая яма диаметром 0,2 м и глубиной 0,1 м. В Ю поле яма диаметром 1 м и глубиной 0,3 м и траншея 1 × 2 м, глубиной до 1 м	Сосна
19	30,5–33,5	7,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 7 м	На вершине две заплывшие небольшие ямы	Сосна, осина
20	22–23,7	7,7		В поля повреждена ямой	Сосна, береза, рябина
21	15,5–19	3,0		Насыпь разрушена ямой 8 × 11 м. Ю поля подрезана деревянной улицей	Береза, сосна, рябина

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ насыпи	Диаметр (м)	Высота (м)	Конструктивные особенности	Повреждения	Растительность
22	20–24,5	3,1	Вершина уплощена, диаметр площадки 7,8 × 8,7 м	На вершине –заплывшая яма	Рябина, береза, сосна
23	30–30,6	7,6	С СВ в основании ровик шириной 1,5 м и глубиной 0,3 м. Вершина уплощена, площадка 6 × 3 м	ЮЮЗ пола срезана. ВЮВ пола повреждена ямой диаметром 3 м и глубиной 0,5 м. В З поле две ямы диаметром 3,5 м и 1,5 м	Сосна, осина, рябина, черемуха
24	17,5–20,5	6,0		Основание опажано	Сосна
25 (курган)	5,5–8	1,7		Основание опажано	Береза, сосна, рябина
26 (курган)	5 × 6,5	1,0		С пола опажана в центре насыпи яма 0,5 × 1 м	Сосна
27	9,5–10	2,2		По вершине проходит тропа, основание опажано	Сосна, рябина, осина
28	12,8–14,8	3,0	Вершина уплощена	С пола срезана, основание опажано	Береза, сосна
29	18–24	9,0		ЮЮВ пола оплыла, на вершине яма	Сосна, рябина, осина
30 (курган)	6,2	0,6		На вершине яма диаметром 0,8 м	
31	11,5–16	4,0	В основании с С и СЗ ров шириной 1–5 м, глубиной до 0,5 м	На вершине заплывшая яма 1 × 1,5 м. В Ю поле нора	Сосна, рябина
32	16–21	5,6	Вершина уплощена, диаметр площадки 3,5–4 м. В основании с Ю ров шириной 2 м, глубиной 0,5 м	Ю пола оплыла на вершине яма 1 × 1,5 м. В В поле яма диаметром 1,5 м	Сосна, ель
33	18,5–25	6,0	Вершина уплощена. СВ общий ров с № 34. С СЗ ров глубиной 0,5 м	На вершине яма 1,5 × 2,5 м	Сосна, береза
34	21,5–24	6,0	В основании с СЗ и З рвы шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м	С и ЮЮВ полы срезаются ямами	Сосна, береза
35	19,5–20	6,0		В ЮВ поле яма	Осина, ива, рябина

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ насыпи	Диаметр (м)	Высота (м)	Конструктивные особенности	Повреждения	Растительность
36	16–19	5,0		Раскопана ямой 6 × 9,5 м и глубиной 3 м, ориентированной по сторонам света. С пола подрезана дорогой	Осина, рябина
37	15,5–18,5	5,5		ЮЗ пола срезана, в С поле яма диаметром 0,8 м	Береза, рябина, черемуха
38	22–22,5	6,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 5 м	В Ю поле яма 1 × 1,5 м	Рябина, черемуха
39	15–20	6,7	Вершина уплощена, диаметр площадки 3 м. В основании с СВ заплывший ров шириной 2 м	ЮЗ пола подрезана дорогой, В пола срезана	Сосна
40 (курган)	9 × 11,5	1,2			
41	23–23,5	до 2,0		Раскопана	Сосна
42	19,5–20	4,6	Вершина уплощена, диаметр площадки 5 м	На вершине яма диаметром 1,2 м	Сосна
43	18–20,5	2,5	Площадка на вершине имеет наклон с В на З (перепад 0,5 м)	У основания 3 полы яма	
44 (курган?)	10,5–11,5	2,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 3 м	На вершине яма диаметром 1,2 м, в СВ поле яма диаметром 1 м	
45 (курган?)	9–11,5	2,0		Основание опухано	
46	19,5–25	5,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 6 м	На вершине две ямы диаметром 0,5–0,8 м и глубиной 0,5 м. В З поле яма диаметром 1 м	Сосна
47	12,5–13,5	2,8	Вершина уплощена, размеры площадки 2 × 3 м. Кольцевой ровик. Обкладка камнями	Насыпь оплыла	Сосна, рябина, черемуха
48	16–17	4,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 3 м. С СВ и В следы ровика. С ЮВ скопление камней		Сосна, береза

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

№ насыпи	Диаметр (м)	Высота (м)	Конструктивные особенности	Повреждения	Растительность
49	8,5–10,5	3,5	Вершина уплощена, диаметр площадки 3 м. В основании ров шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м		Сосна
50	21,5–23,5	6,0	Вершина уплощена, диаметр площадки 4 м. С 3 остатка рва шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м	На вершине яма диаметром 1,5 м и глубиной 2 м	Сосна, береза

Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЭТАПА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА¹

Вопросы о социальном составе тех или иных групп древнего населения обычно решаются на археологических материалах раскопок захоронений, которые позволяют оценить всю совокупность сопутствующего погребального инвентаря и рассмотреть его на фоне остальных погребений как данного могильника, так и иных памятников. Много сложнее решать подобные вопросы, опираясь на результаты раскопок древних городов, не говоря уже о рядовых сельских поселениях. Тем не менее, ставить и рассматривать их, несомненно, надо, обращая внимание на различные специфические черты памятников.

В данной небольшой статье мы попытаемся показать, сколь любопытные заключения можно сделать, анализируя отдельные категории археологического материала из раскопок одного из ключевых памятников Северной Руси – Рюрикова городища в истоке Волхова.

В настоящее время можно считать доказанным тот факт, что первое торгово-ремесленное и военно-административное поселение в Северном Приильменье располагалось именно на Городище. Оно возникло в середине IX в., но имеются некоторые данные, что это произошло и ранее. По своей материальной культуре поселение в IX–X вв. представляло собой симбиоз восточноевропейских и североевропейских древностей. По летописным данным, с начала XII в. Городище являлось резиденцией новгородских князей, и можно думать, что она располагалась здесь и в предшествующий период.

Во время раскопок и сборов накопилась значительная коллекция североевропейских и общебалтийских древностей, которая лишь частично введена в научный оборот. Количество разнообразных находок подобного облика таково, что по их числу Рюриково городище на территории Восточной Европы может быть сопоставлено лишь с Гнёздовом на Днестре (предшественник Смоленска) и с крупнейшими центрами самой Скандинавии, такими, к примеру, как Бирка в Швеции или Хедебу в Ютландии. Даже Ладога в низовьях Волхова – ворота из Восточной Европы в Балтийский мир, по количеству ювелирных украшений пока не идет в сравнение с Рюриковым городищем.

Одной из интереснейших категорий находок, встреченных на поселении, являются кольцевидные булавки или, как их часто называют в отечественной литературе, кольцевидные фибулы с длинной иглой. Последний термин для обозначения данного типа украшений не точен, так как между фибулами и булавками имеется принципиальная разница в способе использования. При скалывании одежды фибулой игла, прокалывая ткань, фиксируется на дуге, кольцо же на булавке имеет, прежде всего, декоративную роль. Дж. Грэхем-Кэмпбэлл отмечал, что булавки были обычным типом застежек мужских плащей в эпоху викингов. Они восходят к ранним примитивным булавкам из костей животных, а

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (проект № 10115-218 “Северная Русь и народы Балтики”).

судя по находкам в погребениях, ясно, что плащ скреплялся на правом плече, что давало свободу правой руке (*Graham-Campbell*, 1980. P. 30). Среди европейских древностей периода средневековья имеются и фибулы с длинной иглой, но их не следует смешивать с булавками (*Sjövold*, 1974. Pl. 45-b; *Graham-Campbell*, 1980. № 194–198).

Кольцевидные булавки на территории Древней Руси являются по происхождению скандинавскими (их прототипы известны на Британских островах) и не имеют определенных местных параллелей к востоку от Балтики (*Янссон*, 1999. С. 27). По своему облику застежки состоят из двух частей – круглого кольца диаметром от 2,5 до 4,7 см и прикрепленной к нему длинной иглы (до 15 см). Наряду с многочисленными булавками, имеющими простое кольцо с более узкой перемычкой, на которую крепилась обычная игла, расплющенная и завернутая в спираль в основании, выделяется серия изделий, кольцо которых и навершие иглы украшены звериным или плетеным орнаментом в стиле Борре. Очень важной деталью булавок является ее форма, которая отечественными археологами часто не принимается во внимание, а отсюда происходят ошибки в атрибутике не полностью сохранившихся предметов. Дело в том, что если основная часть булавки имеет округлую в сечении форму, то ее нижняя часть и конец не всегда, но в подавляющем большинстве уплощены. Это позволяет вполне определенно отличать иглы рассматриваемых булавок от игл иных фибул.

Находки кольцевидных булавок обычно единичны на памятниках Восточной Европы, причем не только на поселениях, но даже и в могильниках. На момент составления каталога скандинавских фибул на территории Древней Руси В.С. Дедюхиной (1967. С. 191–206) было учтено 39 экземпляров булавок, происходящих, в основном, из могильников. Среди них 10 найдено в Гнёздове на Днепре, 6 – в курганах Юго-Восточного Приладожья, 9 – в погребениях верхневолжских могильников (Тимерево, Петровское, Михайловское), 3 – в Киевском некрополе (*Дедюхина*, 1967. С. 203–206, № 1–39). Не ставя своей целью полный учет соответствующих кольцевидных булавок, поступивших в распоряжение археологов в последние десятилетия, следует подчеркнуть, что существенного перелома в картине распространения скандинавских кольцевидных булавок на территории лесной зоны Восточной Европы не произошло.

Так, материалы раскопок, проведенных в Белоозере и Изборске (пунктах, упомянутых в легенде о призвании варягов), не дали ни одной находки подобного рода украшений (*Голубева*, 1979; *Седов*, 2002). Кольцевидные булавки отсутствуют в Новгороде (*Седова*, 1981) и во всем Ильменском бассейне. Не найдены они и при исследовании памятников между Белым озером и р. Печорой (*Макаров*, 1997). Во время планомерных раскопок И.В. Дубова селища у д. Тимерево была найдена лишь одна игла от подобной булавки (*Дубов*, 1982. Рис. 40–15). По данным А.Е. Леонтьева, при исследовании Сарского городища зафиксированы один экземпляр целой роскошно орнаментированной булавки и две иглы от них (*Леонтьев*, 1996. С. 172). Однако, судя по приведенным рисункам, иглы мало напоминают иглы кольцевидных булавок, имеющих характерную уплощенность конца. В обоих случаях концы имели квадратное сечение (*Леонтьев*, 1996. С. 155, рис. 66, 5, 6). Один обломок декорированного в зверином стиле кольца булавки происходит с территории среднего Поволжья. Украшение было найдено при раскопках болгарского поселения Красная Река I (*Вискалин, Ледяйкин, Семькин*, 1989. С. 10, рис. 1). В Ладоге за последние годы исследований встречено шесть находок – пять игл, одна из них с навершием в стиле Борре, и целая простая серебряная фибула с насечками по кольцу. Две находки опубликованы

(Кирпичников, Сарабьянов, 2003. С. 66, 69), остальные происходят из раскопок А.Н. Кирпичникова разных лет и хранятся в фондах Староладожского музея.

По опубликованным данным, в Пскове известны только два украшения: одно на городище, а другое в погребении № 46 псковского некрополя (Белецкий, 1980. С. 11, 12, рис. 6–22; Sedov, 1992. С. 145–146; Волочкова, Закурина, 1996. С. 124). Еще два неопубликованных обломка игл от кольцевидных булавок происходят из раскопок С.А. Таракановой в Кремле (инвентарные № 2208/211 и 2208/257). Кроме того, на территории Псковской области были встречены две иглы. Одна простой формы (в настоящее время представлена на археологической выставке музея) найдена на селище у д. Ерошиха (Плоткин, 1989. С. 167, рис. 2–4; Александров, 2001. С. 191, ил. 26). Вторая, с орнаментированным навершием, была обнаружена на городище у д. Подоржевка Бежаницкого района. В настоящее время она утеряна, сохранился лишь рисунок Б. Койшевского².

Наибольшее количество рассматриваемых застежек обнаружено опять же в Гнёздове. В настоящее время мы не можем полностью оценить коллекцию Гнёздовского археологического комплекса, так как материалы современных исследований не введены в достаточной степени в научный оборот. Однако, судя по сводным данным о численности скандинавских фибул в Гнёздове, опубликованных Н.В. Ениосовой (Ениосова, 2001, С. 84, табл. 1), в последние годы было найдено еще 7 кольцевидных булавок, так как общее их число, по ее подсчетам, достигло 17 (по Дедюхиной было 10). Известно, что две из них происходят из культурного слоя поселений. Одна была найдена на Центральном Городище, а другая на Западном селище при раскопках В.А. Булкина (Ениосова, 2001. С. 91, табл. 3; Вешнякова, Булкин, 2001. С. 47). Последняя находка представляла собой навершие иглы, выполненное в грубой манере. Остальные украшения, видимо, происходят из погребений.

По количеству находок кольцевидных булавок Гнёздово несомненно выделяется среди многих археологических памятников Восточной Европы, но пока это происходит прежде всего за счет украшений из погребальных комплексов этого самого крупного могильника данной территории. На этом фоне редким феноменом выглядят материалы Рюрикова городища, связанное с которым кладбище вообще не известно. Всего в настоящее время имеются сведения о 21 находке от кольцевидных булавок. Большинство из них происходит, как и многие другие городищенские скандинавские вещи, из сборов подъемного материала. Однако 6 украшений были найдены во время раскопок, причем две непосредственно при разборке комплексов IX–X вв.

Среди городищенской коллекции выделялось три булавки, основу орнаментальной композиции кольца которых в нижней части составляли два плоских дисковидных круга, оконтуренных плетеным орнаментом. Одна из них сохранилась практически полностью, обломана лишь нижняя часть иглы, верхняя же ее часть была украшена роскошным орнаментом “тюльпановидной формы” с тремя сквозными отверстиями, придававшими ей ажурность. Под навершием иглы прослеживался валиковый орнамент (рис. 1, 1). От второго экземпляра этой же серии сохранилось лишь кольцо, частично обломанное в верхней части, там, где находилась перемычка для крепления иглы (рис. 1, 2). Она происходит из шурфа 1983 г., заложенного М.В. Шориным на южном берегу Сиверсова канала, из

² Мы признательны сотруднику Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника А.А. Александрову за любезную консультацию по поводу находок кольцевидных булавок на территории Пскова и его округи.

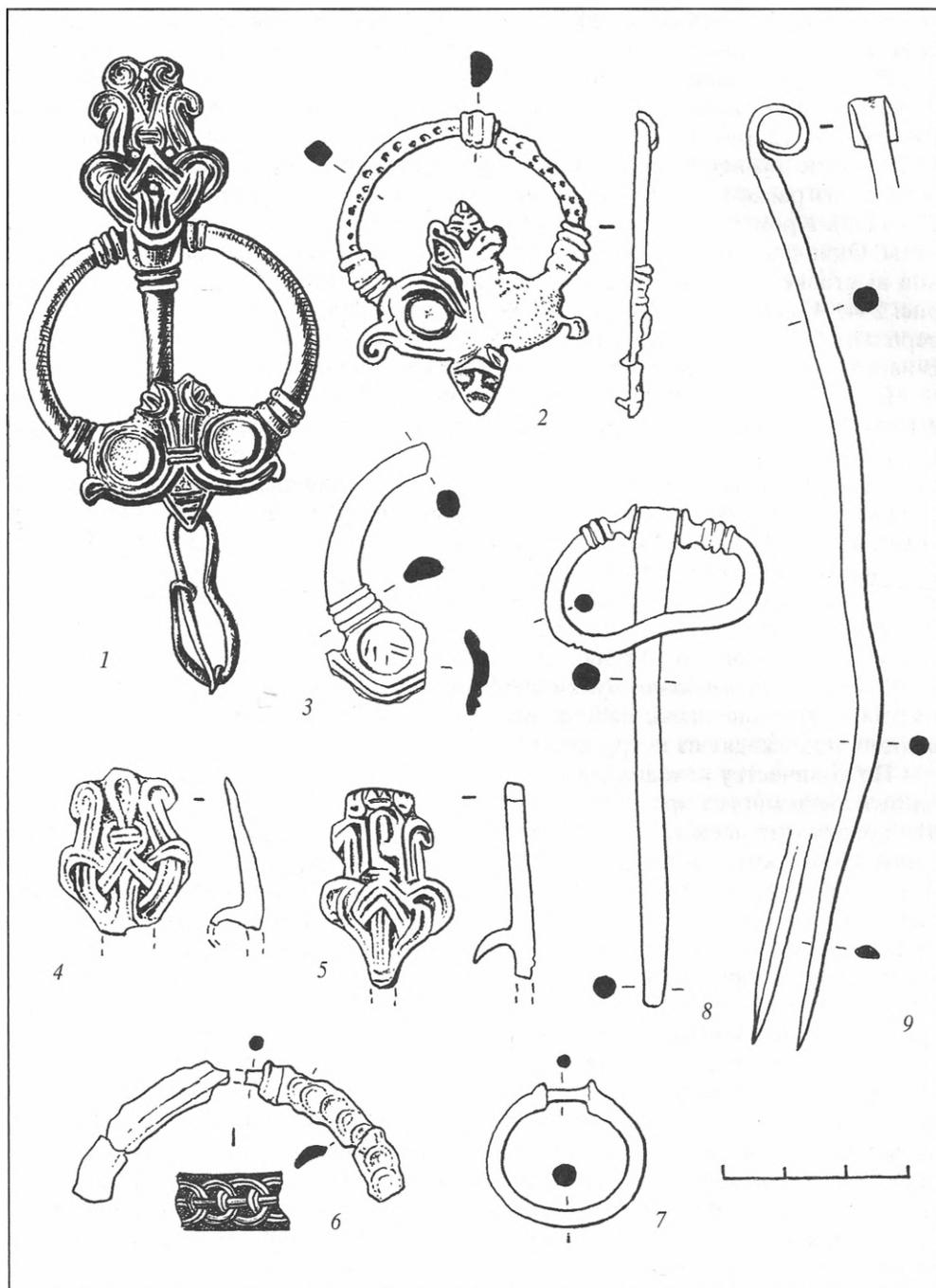

Рис. 1. Кольцевидные булавки с Рюрикова городища

раннего коричневого слоя с органикой рядом с настилом, который имеет дендрохронологическую дату 900 г. (Носов, 1990. С. 47). Таким образом, находка, несомненно, относится к самому рубежу IX–X вв. Часть кольца данной булавки была корродирована. Однако сохранившаяся часть орнаментальной композиции вокруг дисков показывает, что она несколько отличалась от уже рассмотренной нами булавки. Здесь вверху и внизу композиция симметрично завершалась выступами с изображениями головок животных. Третий экземпляр сохранился лишь в обломке части дуги кольца с характерным дисковидным кругом внизу (рис. 1, 3). Судя по первому экземпляру данной серии, а также по многочисленным аналогиям, булавки с кольцами, украшенными в нижней части дисковидными кругами и орнаментом в стиле Борре, не всегда, но часто имели декорированные в том же стиле навершия. Таких наверший от кольцевидных булавок на Городище найдено шесть. Четыре из них разной сохранности имели “тюльпановидную” форму и завершались в центре удлинённым петлевидным лепестком, а с двух сторон от него, изгибаясь, поднимались “рифленные ленты”, завивающиеся во внешние стороны в волуэты (рис. 1, 4). Одно из наверший, по общей конфигурации похожее на них, имело несколько иное завершение. Несмотря на неотчетливый характер орнамента, здесь ясно прослеживается зооморфное изображение (две лапы по бокам и мордочка в середине) (рис. 1, 5). Еще два навершия имели коронообразную форму. Одно из них было увенчано четырьмя выступами-завитками, украшенными на лицевой стороне плетеным орнаментом. На навершии фиксировались три сквозных отверстия, а в нижней части фрагмент зооморфного изображения (уши животного). Другое навершие, худшей сохранности и со следами ремонта, имело пять выступов-завитков (верхний был отломан). У всех наверший обратная сторона была гладкой, и в ряде случаев сохранился крючок для крепления иглы на кольцо.

Кольцевидные булавки, орнаментированные в стиле Борре с двумя дисковидными кругами внизу кольца, имеют аналогии на территории Швеции, прежде всего в Бирке. По типологии, разработанной Л. Тунмарк-Нулен, они относятся к типу V, в который входят и другие роскошно декорированные украшения. Рассмотренные нами изделия по характеру орнамента выделяются ею в группу “a” (*Thunmark-Nylén*, 1984. S. 9). Следует подчеркнуть, что среди подобного рода украшений трудно найти совершенно одинаковые изделия. Практически все они индивидуальны по характеру узора. Общими для них являются лишь стиль, мотив и техника изображений. Булавки с кольцами, в нижней части которых в узоре имелась пара кругов, встречаются и на территории Восточной Европы (*Дедюхина*, 1967. С. 193, рис. 27).

Кроме того, в составе городищенской коллекции имеются два обломка дуги сегментовидного в сечении кольца с оригинальным рельефным орнаментом – цепочка из двойных колец, переплетенная по центральной оси лентой из двух тонких полос (рис. 1, 6) (*Носов*, 1990. С. 123, рис. 45, 4). То, что это обломки кольцевидной булавки, доказывает наличие на дуге кольца обломанного выступа от перемычки, на которую крепилась игла, а также характер самого декора. Различные по конфигурации плетеные орнаменты из двойных рельефных лент известны на кольцевидных булавках Швеции (*Arbman*, 1940. Taf. 42-3, 43-5, 7). Полная же аналогия характеру декора дуги в виде “двойной цепочки” имеется на украшении, происходящем с болгарского поселения Красная Река I (*Вискалин, Ледяйкин, Семькин*, 1989. С. 10, рис. 1).

Наряду с изысканными орнаментированными экземплярами на территории Скандинавии преобладали булавки простых форм (*Arbman*, 1940. Taf. 44, 45).

Две подобные булавки были найдены на Городище. Одна из них имела деформированное кольцо (диаметр 3,6 см) и обломанную иглу. В месте перехода кольца к перемычке, на которую была закреплена игла, дуга кольца оформлялась рельефными валиками и расширялась (рис. 1, 8). От второго изделия сохранилось только неорнаментированное кольцо (диаметр 2,5 см), расширяющееся к перемычке (рис. 1, 7).

Остальная часть городищенских кольцевидных булавок представлена иглами или их обломками (рис. 1, 9). Среди них выделяются две иглы с чеканным орнаментом “волчий зуб”. В одном случае была орнаментирована вся лицевая поверхность иглы, в другом – овальная уплощенная площадка в верхней части. Ближайшие аналогии последней игле имеются в материалах Гнёздовского могильника (Спицын, 1905. С. 62, рис. 105). Следует подчеркнуть и такую деталь, как отсутствие на поселении простых железных булавок.

Как оценить коллекцию кольцевидных фибул с Рюрикова городища в целом? Во-первых, в настоящее время это самая значительная коллекция подобного материала в Восточной Европе, тем более происходящая исключительно с поселения. Во-вторых, нельзя не отметить определенную изысканность находок: более половины кольцевидных булавок украшены звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы. Учитывая, что рассматриваемые украшения являлись деталями мужской одежды, очевидно, что на Рюриковом городище присутствие данного типа находок отражает не только этнический, а может быть, прежде всего социальный состав его обитателей. В конце IX–X вв. поселение играло ведущую роль в центре формирующейся Северной Руси. Здесь концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов. Всех их привлекало экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией и одним из важнейших центров формирования дружинной, воинской культуры Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А.А., 2001. Во времена княгини Ольги. Псков.

Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения городов) // КСИА. Вып. 160. С. 3–18.

Вешнякова К.В., Булкин В.А., 2001. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Археологический сборник: Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. С. 83–92. (Тр. ГИМ. Вып. 124).

Вискалин А.В., Ледяйкин Ю.А., Семькин Ю.А., 1989. Работы экспедиции Ульяновского пединститута в 1987–1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. С. 98–100.

Волочкова О.К., Закурина Т.Ю., 1996. Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопок V, XI, XII) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. С. 119–130.

Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Дедюхина В.С., 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 191–206. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Енисова Н.В., 2001. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздово // Археологический сборник: Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. С. 83–92. (Тр. ГИМ. Вып. 124).

Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д., 2003. Старая Ладога: Древняя столица. СПб.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

- Макаров Н.А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материала археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Носов Е.Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Плоткин К.М.*, 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
- Седов В.В.*, 2002. Изборск – протогород. М.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
- Спицын А.А.*, 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. Вып. 15.
- Янссон И.*, 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Arbman H.*, 1940. Birka I: Die Gräber: Tafeln. Stockholm.
- Sedov V.*, 1992. Skandinavische Elemente im frühmittelalterlichen Pskow // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter: Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Baltica Stockholmiensia. Stockholm. T. 9.
- Graham-Campbell J.*, 1980. Viking Artefacts: A Select Catalogue. Scarborough.
- Sjøvold T.*, 1974. The Iron Age Settlement of Arctic Norway // Tromsø museums skrifter. Tromsø; Oslo; Bergen. Vol. X/2.
- Thunmark-Nylén L.*, 1984. Ringnadeln // Birka II. 1: Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.

В.Е. Родинкова (Москва),
А.А. Седин (Могилёв, Беларусь)

БРАСЛЕТЫ НИКОДИМОВСКОГО ГОРОДИЩА¹

Городище Никодимово, расположенное в Верхнем Поднепровье, в Горечком районе Могилёвской области Республики Беларусь, с момента появления первых посвященных ему публикаций привлекает самое пристальное внимание специалистов. Одной из причин повышенного интереса к памятнику является обширная коллекция связанных с ним изделий из металла, в частности, украшений и аксессуаров костюма. А.А. Сединым, проводившим на городище раскопки в 1986–1992, 1995, 2003 гг., опубликованы фибулы, которые имеют прямые аналогии среди раннесредневековых древностей Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, в кладах типа Мартыновского, Гапоновского, Козиевского-Новоодесского (*Седзін*, 1994; 2000. С. 37, 38, рис. 4). Достоянием научной общественности стали также найденные в Никодимове детали мужского поясного набора и мелкие нашивные бляшки из свинцово-оловянного сплава (*Седин*, 1994; *Седзін*, 2000. С. 39, 40, рис. 5; 6–17, 18–25). Настоящая работа посвящена браслетам, которые являются весьма интересной частью упомянутой вещевой коллекции, однако изображения и детальное описание которых до сих пор не публиковались.

В 1986–1995 гг. на городище Никодимово было зафиксировано около 20 находок браслетов, которые принадлежат к двум основным типам: изделия с расширенными сегментовидными (или плоско-выпуклыми) и с округлыми в сечении концами. Первый тип представлен тринадцатью экземплярами. Приведем их описания.

1. Фрагмент (примерно 1/3 часть) литого крупного массивного бронзового² браслета с овальным по форме сечением средней части и сильно расширенным сегментовидным в сечении концом (рис. 1, 1). В месте наибольшего расширения, вдоль торцевого края на внешней стороне украшения по всей его ширине имеется отчетливо оформленный выступ подпрямоугольной в сечении формы, лицевая поверхность которого покрыта насечками. На внутренней стороне браслета вдоль торца также фиксируется удлиненный выступ, но более аморфных очертаний, меньший по размерам и неорнаментированный. Изделие богато украшено четкой и качественно выполненной гравировкой в линейно-геометрическом стиле. Основным орнаментальным элементом являются треугольники, составленные из косых линий и расположенные рядами, параллельными торцевому краю вещи, вершинами к узкой части. Ряды треугольников отделены друг от друга вертикальными или слегка наклонными глубоко врезаемыми двойными линиями, пространство между которыми иногда заполнено поперечной штриховкой или точечными вдавлениями. На лицевой поверхности браслета в его суженной части и вдоль верхнего края замет-

¹ Статья написана при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”.

² Металл, из которого изготовлены браслеты, определен при визуальном осмотре, его спектральный анализ не производился.

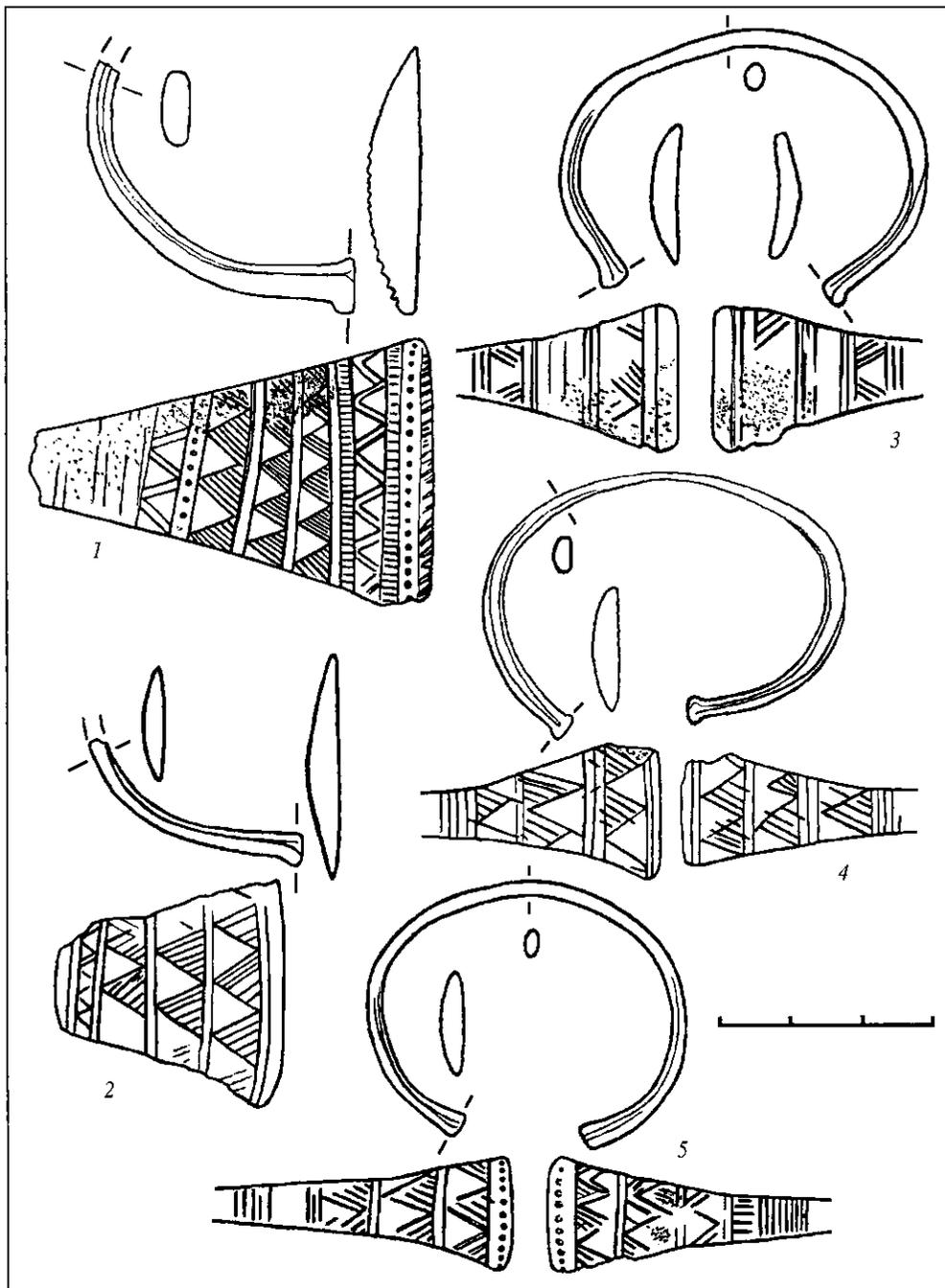

Рис. 1. Браслеты городища Никодимово. Бронза

ны следы коррозии, однако в целом сохранность металла хорошая, он покрыт патиной зеленого цвета. Угол, образованный соединением нижнего и торцевого краев, слегка обколот.

2. Фрагмент (примерно 1/4 часть) литого бронзового браслета с сильно расширенным концом (рис. 1, 2). В сечении имеет форму сегмента, ближе к торцу на его внешней поверхности намечено сглаженное горизонтальное ребро. Вдоль торцевого края, в месте наибольшего расширения изделия отлит валикообразный вертикальный выступ, имеющий плавные очертания. Лицевая поверхность браслета покрыта неглубокой гравировкой. Орнаментальная композиция, стилистически близкая композиции предыдущего украшения, но сравнительно более простая, состоит из крупных треугольников, заштрихованных наклонными отрезками. Треугольники размещены вершинами к узкой части браслета и образуют ряды, перемежающиеся двойными вертикальными линиями. Сохранность предмета средняя, металл бурого цвета, покрыт пятнами зеленой патины. Пatina частично отслоилась; это привело к повреждению орнамента, который в отдельных местах не читается или читается нечетко. Верхний и нижний края вещи неровные, со следами коррозии.

3. Браслет литой бронзовый (рис. 1, 4). Его средняя часть в сечении, вероятно, была округлой или овальной, однако она сильно корродирована и в настоящий момент представляет собой тонкий бесформенный стержень. Повреждены также углы, образованные верхними и торцевыми краями изделия на обоих концах. Концы расширены по отношению к средней части, имеют сегментовидное сечение, вдоль торцевых краев по всей своей ширине снабжены незначительными аморфными выступами, прослеживающимися как с внешней, так и с внутренней стороны украшения. Орнамент состоит из расположенных рядами и обращенных вершинами к широким концам браслета треугольников, пространство внутри которых заполнено мелкими косыми глубоко врезанными в металл штрихами. Ряды треугольников разделены вертикальными параллельными линиями, которые, в отличие от косых штрихов, выгравированы слабо и почти не видны. В целом орнамент выполнен достаточно грубо и неаккуратно.

4. Браслет литой бронзовый (рис. 1, 3), округлый в средней части, с расширенными сегментовидными в сечении концами. Внутренняя поверхность левого конца практически плоская, правого – несколько вогнутая. Вдоль торцевых краев на внешней стороне обоих концов имеются сглаженные выступы в виде вертикально расположенных валиков. Неглубоко выгравированный орнамент характеризуется зональностью и состоит из параллельных вертикальных и наклонных линий. Вероятно, он покрывал всю лицевую поверхность концов браслета, однако из-за плохой сохранности находки значительная его часть утрачена. На изделии заметны следы коррозии, верхний и нижний края правого конца обколоты.

5. Браслет литой бронзовый (рис. 1, 5). Имеет овальное сечение средней части и расширенные сегментовидные в сечении, несколько утолщенные к торцам концы. Украшен, как и все предыдущие экземпляры, выгравированным линейным орнаментом, основным элементом которого являются размещенные рядами и заполненные косой штриховкой треугольники. Дугообразно выгнутая лицевая поверхность у торцевых краев браслета подчеркнута расположенными в ряд точечными углублениями. На левом конце изделия орнамент выполнен четче и резче, на правом он выглядит более бессистемным и неаккуратным. Сохранность предмета средняя, металл бурого цвета, кое-где покрыт пятнами зеленой патины. Внешняя поверхность и нижний край правого конца украшения слегка корродированы.

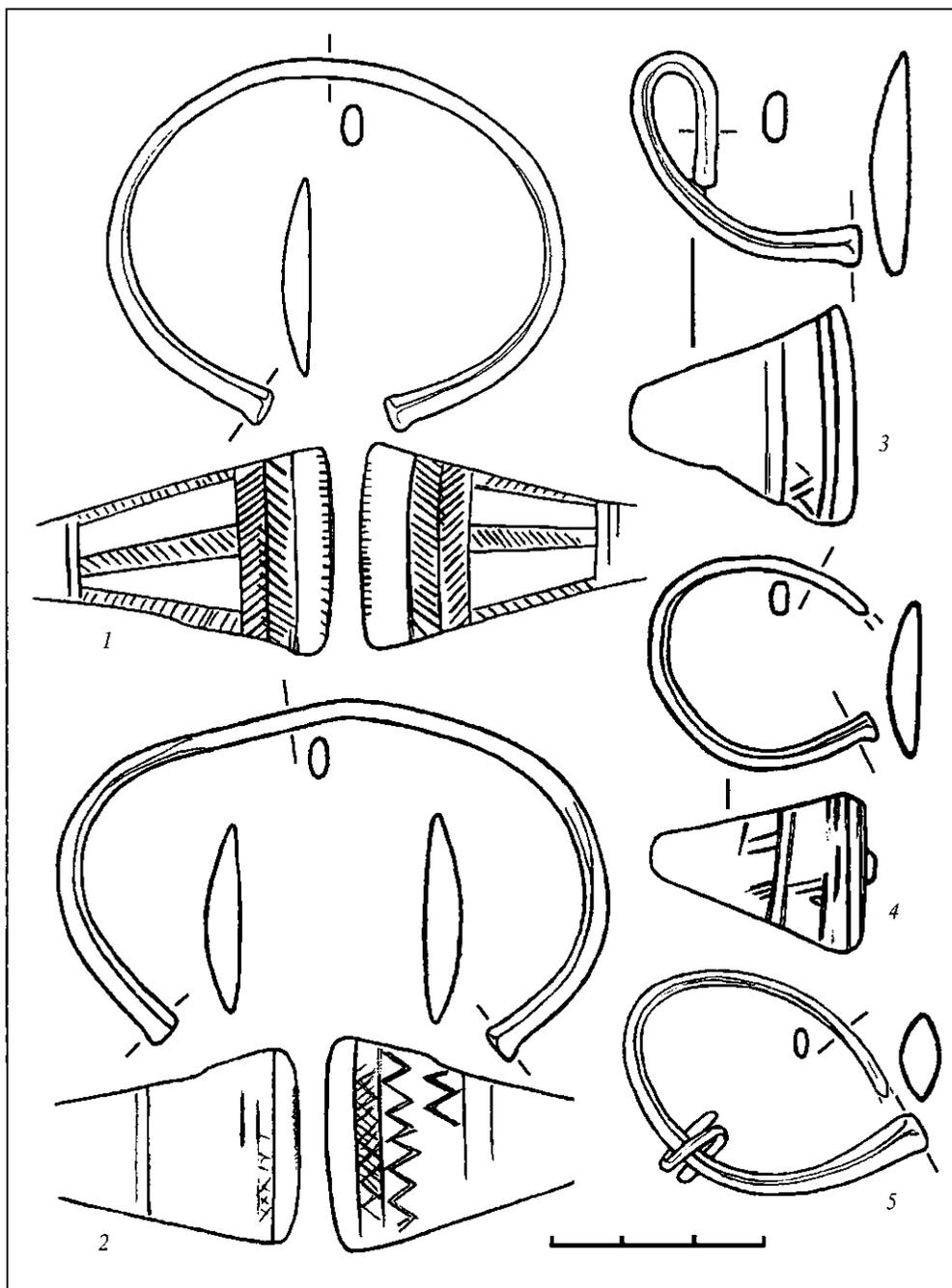

Рис. 2. Браслеты городища Никодимово. Бронза

6. Браслет литой бронзовый крупный (рис. 2, 2), овальный в плане, с сильно отстоящими друг от друга концами. Характеризуется овальным сечением относительно тонкой средней части и сегментовидным сечением расширенных концов. Вдоль торцевых краев на внешней стороне обоих концов браслета во всю их ширину намечены незначительные выступы аморфных очертаний. Сохранность изделия плохая, на бурой поверхности металла со следами сильной коррозии иногда заметны небольшие пятна патины зеленого цвета. Зафиксированы остатки врезного геометрического орнамента, расположенного зонально и состоявшего из прямых вертикальных (наиболее четко прочерченных), зигзагообразных и перекрещивающихся линий. Очевидно, ранее орнамент покрывал всю лицевую сторону концов браслета, однако был выгравирован неглубоко и после отслоения основной массы патины оказался большей частью утрачен.

7. Браслет литой бронзовый (рис. 2, 1) с овальной в сечении средней частью и расширенными концами, имеющими сегментовидное сечение. Вдоль торцевых краев изделия отлиты небольшие сглаженные выступы в виде вертикальных валиков, лицевая поверхность которых подчеркнута короткими неглубоко врезанными насечками. Характер гравировки, зафиксированной на данном изделии, отличает его от рассмотренных ранее экземпляров. Орнаментальная композиция состоит из нескольких вертикальных и горизонтальных поясов, ограниченных длинными прямыми линиями и заполненных наклонной штриховкой, которая выполнена довольно небрежно. Изучение частных деталей и особенностей орнамента в некоторых случаях позволяет определить последовательность его нанесения. Так, на левом конце браслета вначале была выгравирована вертикальная “елочка” из сходящихся под углом коротких отрезков, а затем по ним прочерчена средняя линия, разделившая два вертикальных орнаментальных пояса. На правом конце браслета сначала оказались нанесены штрихи левой, ближней к торцу части “елочки”, потом – правой, и уже после этого посередине между ними была проведена длинная вертикальная прямая. Сохранность украшения средняя, оно покрыто слоем светло-зеленой патины. Орнамент отчетливо виден на патинированных участках, но в местах, где патина отслоилась, на бурой поверхности металла заметны лишь слабые следы гравировки.

8. Браслет литой бронзовый (рис. 3, 2) овальный в плане. Имеет тонкую овальную или округлую в сечении среднюю часть и расширенные линзовидные в сечении концы с несколько выпуклой внутренней поверхностью. Каждый из концов браслета украшен композицией из двух рядов глубоких подпрямоугольных вдавлений, расположенных параллельно торцевым краям; на правом конце орнамент читается четче. Сохранность изделия средняя, металл бурого цвета частично покрыт зеленой отслаивающейся патиной.

9. Браслет литой бронзовый (рис. 3, 1), состоит из двух фрагментов, деформирован. Средняя его часть имеет в сечении форму вытянутого овала, концы расширены, сегментовидной формы. В наиболее широких частях изделия, вдоль его торцов на лицевой поверхности отлиты едва заметные выступы; на правом конце выступ оформлен несколько четче. Кроме того, на внешней стороне правого конца браслета ближе к торцевому краю намечено ребро. Данная вещь, вероятно, была украшена гравированным геометрическим орнаментом, который утрачен из-за коррозии верхнего слоя металла. От него сохранилось лишь несколько слабо читаемых неглубоких линий у верхнего края одного из концов. Сохранность предмета плохая, поверхность металла имеет бурый цвет.

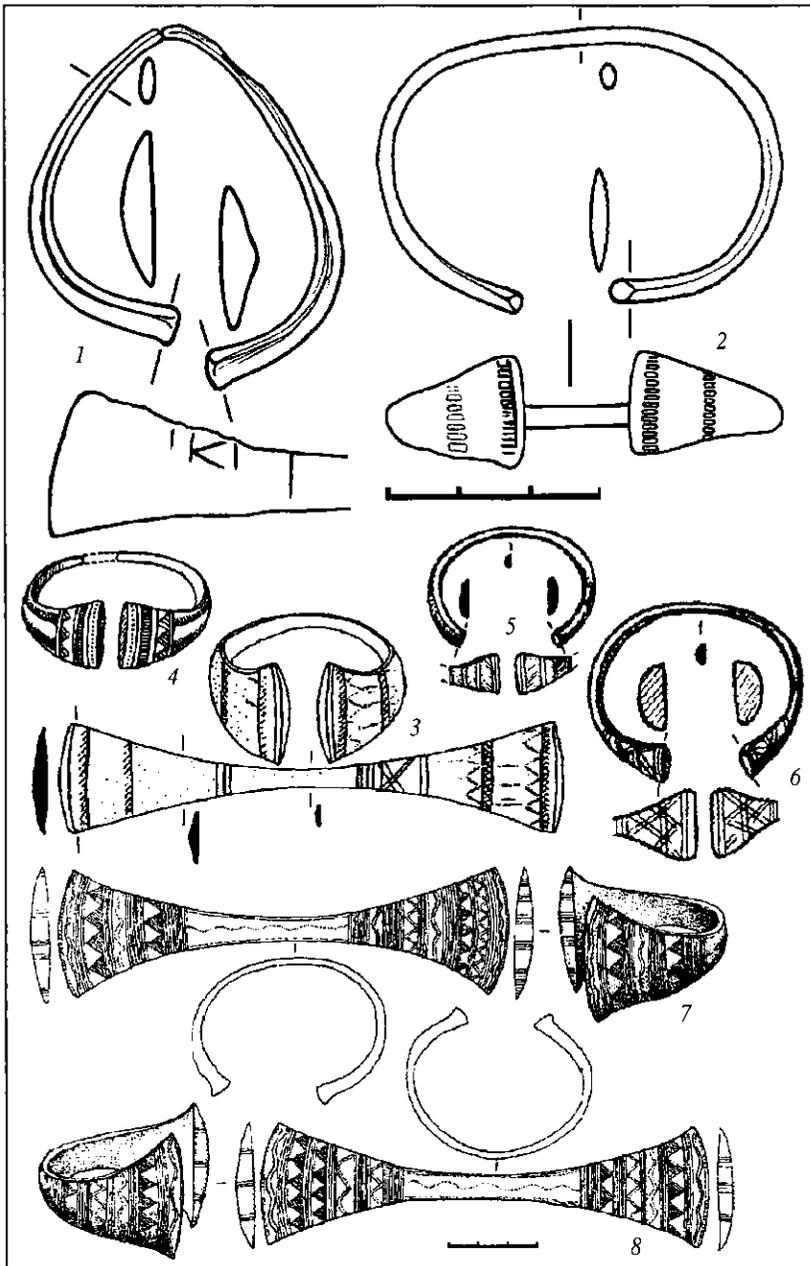

Рис. 3. Браслеты городища Никодимово и их аналоги

1, 2 – Никодимово; 3 – окрестности Торопца (по И.И. Еремееву); 4 – Банцеровщина (по А.Г. Митрофанову); 5, 6 – Кисели (по О.Н. Левко и Ю.В. Колосовскому); 7, 8 – Вежки (по Ю.В. Колосовскому). Бронза

10. Браслет литой серебряный крупный (рис. 4, 1), овальный в плане, с далеко отстоящими друг от друга концами. Состоит из двух фрагментов. Обладает округлой в сечении средней частью и расширенными концами сегментовидной формы. Вдоль торцевых краев обоих концов слегка намечены выступы в виде нешироких вертикальных валиков, просматривающиеся как на внешней, так и на внутренней сторонах украшения. На лицевой поверхности левого конца имеется несколько сглаженное ребро. Орнамент не зафиксирован. Сохранность предмета хорошая, металл в нескольких местах покрыт темно-зеленой патиной.

11. Фрагмент (примерно 1/2 часть) литого бронзового браслета с овальным по форме сечением средней части и расширенным сегментовидным в сечении концом (рис. 2, 4). Вдоль торцевого края по всей ширине изделия отлит небольшой выступ, на его лицевой поверхности заметна неглубоко прочерченная вертикальная линия. Орнамент, от которого сохранилось лишь несколько параллельных торцевому краю линий и расположенных под углом к ним коротких штрихов, прочерчен неглубоко и читается слабо. Сохранность металла средняя, его поверхность подверглась патинизации.

12. Фрагмент (примерно 1/2 часть) литого массивного бронзового браслета с овальной в сечении средней частью и сильно расширенным сегментовидным концом (рис. 2, 3), деформирован (согнут). Выступ на дугообразно выгнутой лицевой поверхности вдоль торцевого края едва намечен. Орнамент гравированный, от него сохранились две пары тонких параллельных торцевому краю украшения линий и между ними несколько расположенных зигзагом штрихов. Сохранность металла средняя, он покрыт темно-зеленой патиной. Нижний край браслета слегка поврежден.

13. Фрагмент (более 1/2 части) литого бронзового браслета с тонкой овальной в сечении средней частью и расширенным утолщенным концом линзовидной в сечении формы, с выпуклой внешней и внутренней поверхностью (рис. 2, 5). Согнут. Выступ на лицевой стороне вдоль торцевого края изделия практически отсутствует. На обломок браслета надето кольцо из согнутой в полтора оборота округлой в сечении проволоки. Орнамент не зафиксирован. Сохранность металла средняя, на его поверхности заметны следы коррозии.

Второй тип найденных в Никодимово браслетов представлен изделиями с округлыми или близкими к округлым в сечении концами. Таких находок шесть.

1. Браслет литой бронзовый (рис. 4, 3) массивный, крупный, обладает овальной в плане формой и далеко отстоящими друг от друга концами. Сечение как средней части, так и концов округлое, концы утолщены. Ближе к торцам нанесен выполненный в технике глубокой гравировки и покрывающий как внешнюю, так и внутреннюю часть изделия орнамент. Композиционно он состоит из двух поясов параллельных торцевым плоскостям кольцевых линий, пространство между которыми заполнено косой "сеткой" перекрещивающихся отрезков. Орнамент резкий, отчетливый, выполнен весьма качественно, однако на левом конце браслета он выглядит незавершенным. Сохранность предмета хорошая, поверхность металла покрыта плотным слоем темно-зеленой патины.

2. Браслет литой бронзовый (рис. 4, 2) сравнительно тонкий, маленького диаметра, с заходящими друг за друга концами. Обладает округлым сечением и в средней части, и на слегка утолщенных концах. У торцов браслета заметен орнамент – неглубоко и неаккуратно врезанные и из-за этого местами слабо читаемые кольцевые линии, дополненные несколькими перпендикулярными к ним короткими штрихами. Сохранность вещи хорошая, поверхность металла патинирована.

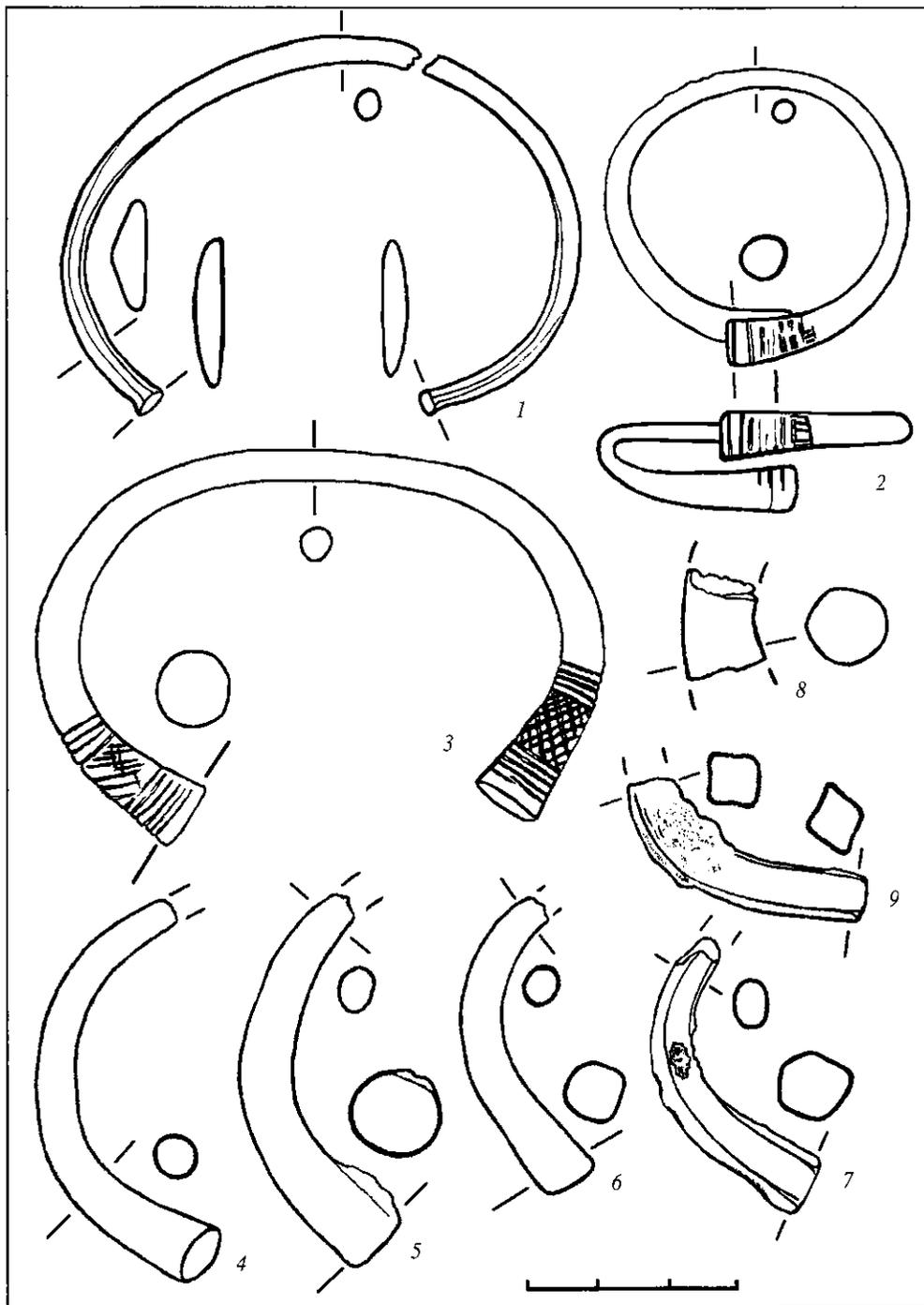

Рис. 4. Браслеты городища Никодимово
 1 – серебро; 2–9 – бронза

3. Фрагмент (примерно 1/3 часть) литого бронзового браслета (рис. 4, 6). Характеризуется округлым сечением в средней части и близким к округлому – на несколько утолщенном конце. Орнамент не зафиксирован. Сохранность изделия средняя, поверхность металла несет следы коррозии.

4. Фрагмент (примерно 1/3 часть) литого бронзового крупного массивного браслета (рис. 4, 5). Обладает близким к овалу сечением в средней части и неправильно-округлым сечением утолщенного конца. Неорнаментирован. Сохранность металла средняя, его поверхность повреждена, ближе к торцу изделие деформировалось под воздействием коррозии.

5. Фрагмент (чуть меньше 1/2 части) литого браслета с утолщенным концом (рис. 4, 4). Сечение как в средней части так и на конце – округлое. Браслет не орнаментирован. Сохранность средняя, поверхность металла патинирована.

6. Фрагмент (примерно 1/4 часть) литого бронзового браслета с утолщенным концом (рис. 4, 7). На конце изделия слабо намечено несколько граней, поэтому его сечение приближается по форме к пятиугольнику со скругленными углами; сечение средней части браслета овальное. Орнамент не зафиксирован. На поверхности металла прослеживаются каверны – литейный брак. Сохранность украшения средняя, оно подверглось коррозионной деформации.

В составе коллекции Никодимовского городища присутствует, кроме того, пара находок, которые выглядят как части бронзовых сырьевых слитков, ожидающие дальнейшей переплавки (рис. 4, 8, 9). Однако форма и размеры этих вещей не позволяют исключать и возможность их интерпретации в качестве технологического брака, результата неудачной попытки изготовления браслетов с утолщенными округлыми концами.

Литые браслеты с расширенными (или утолщенными) округлыми в сечении концами являются одной из наиболее распространенных, но в то же время и одной из самых неразработанных категорий украшений. В раннем средневековье они известны на многих памятниках и входили в металлический убор населения, принадлежавшего различным культурам лесной и лесостепной зон Европы. В этом контексте их присутствие в Никодимове свидетельствует о том, что обитатели городища занимали свое место в ряду прочих племен и народов, подпавших под влияние глобальной европейской традиции. Изучение различий в размерах, деталях формы, орнамента, технологических особенностях браслетов с расширенными округлыми концами должно привести к разделению данного типа на более мелкие таксоны – подтипы, варианты и проч., – отражающие этническую, культурную, хронологическую и другую специфику ряда древних сообществ. Но до тех пор, пока систематизация и детальный анализ подобных украшений не проведены, делать какие-либо определенные выводы на основании никодимовских находок невозможно.

Несколько иначе обстоит дело со вторым из рассматриваемых в настоящей работе типов браслетов. Одной из характерных особенностей этих вещей, как уже было отмечено, являются сильно расширенные, обладающие плоской внутренней и выпуклой наружной поверхностью концы, в сечении имеющие форму вытянутого уплощенного сегмента. Вообще изделия подобного рода встречаются среди раннесредневековых восточноевропейских древностей. Например, отдаленно напоминающие браслеты из Никодимова экземпляры с сечением в форме “высокого” сегмента, с расширенными концами и иногда с намеченным ближе к торцевому краю горизонтальным ребром, известны в лесостепном Поднепровье, в Балтийском регионе (*Корзухина*, 1996. С. 398, кат. 81, 36, 38, 41, 43, табл. 50, 3, 5, 8, 10; *Latvijas PSR arheologija*, 1974. Tab. 42, 26; *Kazakevičius*,

1993. Рав. 187, 5; Vaitkunskienė, 1995. Рав. 123, 3; 176, 4–6). В Балтии, а кроме того – в Верхнем Понеманье, в составе клада с городища у д. Родогоща, найдены также украшения, имеющие в сечении форму “низкого” сегмента (Latvijas PSR arheologija, 1974. Tab. 41, 27, 33; Зайкоўскі, 1995. С. 132–136, мал. 8, 1, 2, 4, 5; 9, 1, 3–8). Особо укажем на браслет из погребения 118 могильника Плинкайгалис, обладающий сильно расширенными сегментовидными концами: по форме и пропорциям он является одним из наиболее близких аналогов никодимовских изделий (Kazakevičius, 1993. Рав. 187, 1).

Другой деталью, отличающей браслеты городища Никодимова от прочих, в том числе и вышеперечисленных, подобных находок, является длинный вертикальный выступ, фиксируемый на лицевой стороне изделий в местах их максимального расширения, вдоль торцевых краев, и наиболее четко оформленный у экземпляра на рис. 1, 1. Кроме того, рассматриваемые вещи характеризуются достаточно специфичной орнаментальной схемой, прямых соответствий которой найти не удалось, несмотря на то, что линейно-геометрический гравированный орнамент в принципе не является редкостью, он часто присутствует на различных типах раннесредневековых украшений.

Таким образом, сочетание особенностей формы и орнаментации делает интересующие нас изделия весьма своеобразными. Массовые аналогии им пока неизвестны, однако существует несколько отдельных находок, точно подходящих под описанные параметры. Прежде всего это два браслета из состава клада, обнаруженного на городище у д. Вежки Дубровенского р-на Витебской обл. Республики Беларусь (рис. 3, 5, 6). Они парные, бронзовые, с сильно расширенными концами, имеющими в сечении вид уплощенного сегмента. Украшены гравировкой в линейно-геометрическом стиле, причем одним из основных элементов их орнаментальной композиции являются перемежающиеся параллельными вертикальными линиями ряды треугольников, заполненных наклонной штриховкой. Аналогичные браслеты, со следами пребывания в огне, встречены и в культурном слое городища (Колосовский, 1997. С. 38, рис. на с. 75). Среди материалов верхнего слоя городища Банцеровщина также зафиксировано подобное изделие (рис. 3, 4), бронзовое, с сильно расширенными концами, украшенными сочетанием точечного и линейного орнамента. Сечение его средней части овальное, концов – эллипсоидное (Митрофанов, 1967. С. 259, рис. 2, 14; 1978. С. 111). Очевидно, к выделенному варианту следует отнести и два браслета, происходящих из культурного слоя городища Кисели Толочинского р-на Витебской обл., которые характеризуются сегментовидным сечением и в средней части, и на расширенных концах, покрытых гравировкой из вертикальных и наклонных скрещивающихся параллельных линий (Левко, Колосовский, 2003. С. 184, рис. 6, 13, 14). Наконец, последняя находка, выказывающая близкое сходство с никодимовскими, сделана случайно и происходит из Верхнего Подвинья, с территории Смоленской обл.³ (рис. 3, 3). Это бронзовый браслет с сильно расширенными концами, которые характеризуются сегментовидной или линзовидной в сечении формой и снабжены продольным ребром. Орнамент данной вещи – композиция из вертикальных и наклонных перекрещивающихся линий и коротких косых штрихов, образующих треугольники, – выглядит упрощенной репликой орнамента браслетов из Никодимова, Вежек, Банцеровщины (Еремеев, 2002. Рис. 6, 2; 7; Шарковская, 2003. С. 278, рис. 1, 1).

³ Рисунок, публикуемый в настоящей статье, сделан И.И. Еремеевым, которому авторы выражают искреннюю признательность за возможность его использования.

Как видим, все перечисленные экземпляры происходят со сравнительно небольшой территории, ограниченной верховьями Немана и Березины, Оршанским Поднепровьем и верхним течением Западной Двины, что дает основания считать их локальной разновидностью украшений. При этом их сколько-нибудь представительные серии связаны только с городищами Вежки и Никодимово, в Торопце и Банцеровщине это – единичные находки. Следовательно, не исключено, что эпицентром распространения моды на такие вещи является Верхнее Поднепровье, район Вежки-Никодимово. Вопрос, когда и под влиянием каких традиций сложилась их своеобразная форма, при современном состоянии изученности материала остается открытым. В качестве их отдаленных прототипов, может быть, стоит рассматривать браслет с поселения Воробьевка-2 с сильно расширенными овальными в сечении концами, которые украшены гравировкой из вертикальных, горизонтальных и наклонных перекрещивающихся линий, а также весьма близкий ему по форме и стилю орнаментации фрагмент браслета из кургана 6 в Полибине (*Горюнов*, 1981. Рис. 14, 6; *Седов*, 1974. Табл. 26, 11). Но весьма вероятно, что указанные изделия в действительности не имеют никакого отношения к браслетам варианта Вежки-Никодимово, и сложение последних происходило на основе украшений других типов. Анализ никодимовской коллекции позволяет только предположить, что практически все входящие в нее браслеты с сегментовидными расширенными концами представляют собой более или менее точное подражание общему образцу. Таким образом, судя по качеству отливки и обработки поверхности, существенно более высокому, чем у прочих браслетов рассматриваемого памятника, может быть украшение, фрагмент которого изображен на рис. 1, 1. Во всяком случае для него массивный четко оформленный подпрямоугольный в сечении выступ на лицевой поверхности вдоль торцевого края кажется важной формообразующей деталью, в то время как у прочих экземпляров он воспроизводится, вероятно, механически, утрачивает четкость очертаний, а в некоторых случаях практически полностью редуцируется. Принципы построения орнамента, как и его основные структурные элементы (зональность, ряды “заштрихованных” треугольников, сочетание длинных вертикальных линий с короткими горизонтальными и наклонными), общие у большинства браслетов Никодимовского городища, также могут быть заимствованы у изделия на рис. 1, 1, у которого они проступают наиболее ярко.

Интересно, что по характеру оформления торцевых краев и по общему стилю и качеству орнаментации ближайшими параллелями указанному браслету (рис. 1, 1) являются вещи из состава клада, открытого на городище Вежки (рис. 3, 5, 6). Однако решить, вышли ли они из одной и той же мастерской, а также определить место – Никодимово, Вежки или какой-либо третий пункт, – где эта мастерская локализовалась, пока, до полной публикации материалов обоих памятников и до появления новых подобных находок, затруднительно.

Определение хронологии браслетов из Никодимова также сталкивается с рядом проблем. Изделия с округлыми расширенными концами в целом датируются в литературе довольно широко, третьей четвертью I тыс. н.э. или V–VI вв., однако в частных случаях, очевидно, время их бытования может выходить за указанные рамки. Оснований для уточнения этой даты публикуемые в настоящей работе вещи не предоставляют. Браслет с расширенными сегментовидными в сечении концами на городище Банцеровщина обнаружен в верхнем горизонте культурного слоя, который, по мнению А.Г. Митрофанова, накапливался в VI–VIII вв. (*Митрофанов*, 1967. С. 261). Средний слой городища Вежки, в котором встречены аналогичные украшения, Ю.В. Колосовский датирует VII в.

(Колосовский, 1997. С. 39). Браслеты городища Кисели входят в состав вещевого комплекса третьей четверти I тыс. н.э. (Левко, Колосовский, 2003. С. 184). Для городища Никодимово достаточно уверенно можно определять верхний хронологический рубеж его существования. Судя по многочисленным находкам фибул “антского” облика, памятник подвергся разрушению не ранее третьей четверти VII в. н.э.: именно в это время в Среднем Поднепровье выпали ранне-средневековые клады I группы (Гавритухин, 1996. С. 95). А если учесть, что в Никодимове зафиксирована малая пальчатая фибула (Седзін, 1994. Рис. 1, 3), его гибель можно отнести даже к концу VII – началу VIII вв. н.э.⁴ Столь же четкое определение нижней даты этого памятника на основании вещевого материала затруднено, для решения данной проблемы необходимо привлечь к анализу другие категории находок, в частности, керамику.

Таким образом, рассмотренные в настоящей работе изделия, с одной стороны, по-видимому, могут быть косвенным признаком вовлечения жителей Никодимовского городища в некие глобальные процессы, объединявшие значительную часть лесной и лесостепной зон Восточной Европы и выразившиеся в том числе в существовании общей моды на браслеты с утолщенными округлыми в сечении концами. С другой стороны, специфические экземпляры с расширенными сегментовидными в сечении концами, являясь локальным вариантом украшений, свидетельствуют об определенной территориальной обособленности части населения Верхнеднепровского региона. Однако браслеты, как уже было неоднократно отмечено, – лишь одна из многих составляющих обширной археологической коллекции городища Никодимово, возможности изучения которой еще отнюдь не исчерпаны. Дальнейший анализ материалов этого сложного и неоднозначного памятника позволит лучше понять и представить суть происходивших в Верхнем Поднепровье в эпоху раннего средневековья культурных, этнических и социальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Гавритухин И.О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С. 58–95.

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Еремеев И.И., 2002. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб. Альбом // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 603.

Зайкоўскі Э.М., 1995. Раскопки каля Радагошчы // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 7. С. 120–140.

Колосовский Ю.В., 1997. Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча. Мінск. С. 37–39.

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Симферополь. Вып. V. С. 352–435.

Левко О.Н., Колосовский Ю.В., 2003. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья: Материалы по археологии Беларуси. № 8. С. 182–208.

Митрофанов А.Г., 1967. Банцеровское городище // Белорусские древности. Минск. С. 243–261.

⁴ Возможности датирования некоторых типов пальчатых фибул Восточной Европы концом VII – началом VIII в. специально рассмотрены в нашей статье, которая еще не опубликована.

- Митрофанов А.Г.*, 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Седзін А.А.*, 1994. Пальчатая фібулы з Нікадзімава // *Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый*. Магілёў. С. 128–132.
- Седзін А.А.*, 2000. Никодимово – городище третьей четверти I-го тысячелетия н.э. в Восточной Беларуси // *Край: Дыялог на сумежжы культур*. Магілёў. С. 31–43.
- Седин А.А.*, 1994. Клад из городища Никодимово // *Магілёўшчына*. Магілёў. Вып. 5. С. 16–19.
- Седов В.В.*, 1974. Длинные курганы кривичей // *САИ*. Вып. Е1-8.
- Шарковская Н.Ю.*, 2003. Материалы железного века и раннеславянские древности в археологическом собрании ВОКМ (обзор коллекции) // *Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья: Материалы по археологии Беларуси*. № 8. С. 278–279.
- Kazakevičius V.*, 1993. Plinkaigalių kapinynas // *Lietuvos archeologija*. Vilnius. № 10.
- Latvijas PSR archeologija*, 1974. Rīga.
- Vaitkunskienė L.*, 1995. Pagrybio kapinynas // *Lietuvos archeologija*. Vilnius. № 13.

Вл.В. Седов (Москва)

НИКОЛЬСКИЙ СОБОР В ИЗБОРСКЕ

В последнее время памятникам архитектуры Изборска уделяется все больше внимания в научной литературе. Это связано как с проведенными масштабными археологическими раскопками, раскрывшими новые стороны истории и культуры этого пограничного древнерусского города, так и с новым этапом в изучении древнерусского искусства: рядом с построением концепций все время присутствует внимательное исследование отдельных памятников, подтверждающее или опровергающее концепции. Стоящий внутри изборской крепости на Жеравьей горе Никольский собор является наиболее ярким сооружением Изборска и одной из самых значительных построек Северо-Западной Руси первой половины XIV в. (рис. 1)

Изучение храма началось очень поздно: только в 1929 г. Н.И. Брунов кратко охарактеризовал храм, находившийся тогда на территории Эстонии, как типично новгородское здание XIV в. (Брунов, 1929. С. 99). Е.Н. Морозкина в своей диссертации “Зодчество Пскова как наследие” тоже датировала собор XIV в. и отметила особый характер его сводов: это был, по ее мнению, “первый вариант ступенчатых сводов” (Морозкина, 1967. С. 6; 1975. С. 88–92; 1986. С. 91–96). В.В. Косточкин датировал собор в более узких границах, второй четвертью XIV в., предположил восьмискатное покрытие храма, характер его сводов объяснил оборонными нуждами, а также подчеркнул его сходство с новгородскими памятниками (Косточкин, 1971. С. 67–70). Краткое описание собора дал в статье В.В. Седов, отнесший храм “к той поре, когда зодчество только начинало обособливаться от храмового строительства Новгорода, в нем ощущается новгородское начало” (Седов В.В., 1988. С. 62–63).

Автор данной статьи посвятил Никольскому собору несколько строчек в 1986 г., опубликовал более подробную статью о памятнике в 1989 г. и включил очерк о храме в книгу о псковской архитектуре XIV–XV вв. (Седов В.В., 1985. С. 17–18; 1989. С. 17–26; 1992. С. 51–60). В этих работах храм рассматривается как памятник новгородской архитектуры на псковской почве. Храм был датирован временем между строительством церкви Михаила Архангела на Городце в Пскове (1339 г.) и сообщением об освящении придела на полатах собора (1349 г.). И план с квадратными столбами и одной апсидой, и членения фасадов с узкими лопатками и лопастными арками, и такие черты, как аркатура на барабане и окна с треугольным завершением, – все было включено в круг новгородских аналогий первой половины – середины XIV в. К тому же кругу были отнесены такие черты конструкции и объемно-пространственного построения изборского памятника, как хоры с угловой палаткой, коробовые своды в угловых частях, ступени сводов рукавов креста и восьмискатное покрытие. Во всех публикациях автор настоящей статьи подчеркивал, что формы последующей псковской архитектуры, собственно псковской архитектурной школы, возникновение которой приходится на последнюю четверть XIV в., т.е. время после постройки Троицкого собора в Пскове (1365–1367 гг.), не зависят от собора в Изборске и не связаны с ним напрямую. Этот памятник рассматривался нами как пример экспорта новгородской архитектурной традиции: и мастера, и формы “перемещены” из Новгорода, собственно псковского в изборском соборе ничего нет.

Рис. 1. Никольский собор в Изборске. Вид с востока. Фото Б.С. Скобельцына

По-другому видит Никольский храм А.И. Комеч (*Комеч*, 1993. С. 85–97; 2003. С. 85–97). В своей книге, посвященной псковской архитектуре XIV – начала XVI в., исследователь сначала подробно описывает и разбирает основные формы и конструкции памятника, а затем делает вывод о присутствии в нем форм, характерных для псковской архитектуры. Эти псковские формы не называются, они, скорее, подразумеваются А.И. Комечем, который декларирует тезис о бесспорном своеобразии псковских церквей, связанном “не с вариантами иконографии, а с пропорциями форм, особой выразительностью пространства и массы, трактовкой поверхностей”. “Все суммируется в облике памятников в живом целом, и сведение анализа к изучению схем и систем может оказаться тупиковым для суждения о художественном процессе” (*Комеч*, 1993. С. 98). Иссле-

дователь формулирует тезис о формировании в Пскове (на основе новгородской традиции) уже в 1330-е годы своего композиционного варианта здания, “в котором, несмотря на известную ремесленность и примитивность форм, уже чувствуется особая художественная и духовная атмосфера жизни Пскова” (*Комеч*, 1993. С. 99).

К приведенной историографии интересующего нас памятника, в настоящее время уже достаточно обширной и представительной, должна быть добавлена и небольшая статья Е.В. Солениковой (*Соленикова*, 1995а. С. 108–112). Эта исследовательница в целом поддерживает и даже объединяет выводы автора данной работы и А.И. Комеча относительно характера отдельных форм собора, а также предлагает свою датировку памятника. По ее мнению, храм в Изборске был построен в 1329–1330 гг., когда в Новгороде не было каменного строительства, а в Изборске сооружались каменные стены вокруг города, перенесенного на Жеравью гору¹.

Как видим, мнения относительно архитектуры и даже датировки Никольского собора в Изборске достаточно сильно расходятся. При этом, если в исследовании самого изборского храма и других памятников Псковской земли первой половины – середины XIV в. за последние 10 лет не было сделано значительных дополнений, то в истории новгородской архитектуры того же времени прибавилось достаточно много дополнительных сведений и поправок, позволяющих по-новому оценить как весь период в целом, так и отдельные памятники (*Штендер*, 1991. С. 89–109; *Седов Вл.В.*, 1997а, С. 393–412; 1999а. С. 391–404; 1999б. С. 264–270; 2000. С. 47–80; *Булкин*, 2002. С. 246–259). Кроме того, выпущена книга, посвященная архитектуре пограничного новгородско-псковского региона, долины реки Шелонь (*Седов Вл.В.*, 2001). Несколько статей, посвященных тому же периоду, написано Е.В. Солениковой (*Соленикова*, 1995б. С. 224–230; 1996. С. 35–37; 1998. С. 100–105). А.И. Комеч посвятил отдельную работу архитектуре новгородской церкви Успения на Волотовом поле (*Комеч*, 1998/99. С. 113–121; 2002. С. 230–245).

В данной работе автор пытается еще раз поставить храм Николая Чудотворца в Изборске в контекст современной ему архитектуры Северо-Западной Руси.

Собор Николая Чудотворца в Изборске² стоит в южной части каменной крепости на Жеравьей горе, начало строительства которой относится к 1330 г. В этом году, по сообщению псковских летописей, город Изборск был перенесен со старого места (ныне называемого Труворовым городищем) примерно на 1000 м южнее, на Жеравью гору. Точная причина такого перенесения остается неизвестной, но можно предположить, что жители города и власти Пскова и Новгорода сочли неудобным прежнее расположение города (тут не было воды и противоположный берег оврага, отделяющего Труворово городище от Славенского поля, выше самой площадки города). В результате город был перенесен и получил на новом месте планировку, принципиально схожую с планиров-

¹ Дату “1329 г.” для начала строительства крепости в Изборске установил С.В. Белецкий, на исследование которого ссылается и Е.В. Соленикова (*Белецкий*, 1995. С. 102). Более привычно следование летописной дате, прямо указывающей на перенесение города и начало строительства в 1330 г.

² Собором, по В. Далю, называется не только и не столько кафедральный храм, но и “главная церковь в городе или части его, бесприходная, соборная церковь” (*Даль*, 1935. С. 144). Для города Изборска Никольский храм являлся собором.

кой прежнего поселения: сохранилась мысовая система с периметральной стеной и выступающей стеной с напольной стороны, система двух въездов по сторонам напольной стены и башня, стоящая на мысу. Все это было в каменной крепости Труворова городища XI в., все это было повторено в крепости на Жеравьей горе. Было, по всей видимости, повторено и посвящение городского храма: на Труворовом городище в XVI в. существовала монастырская церковь Николая Чудотворца, которая сохраняла место (у южного, “правого” от поля въезда) и посвящение старого городского собора. Собор на Жеравьей горе, которому посвящена настоящая работа, сохранял, таким образом, место в общей планировочной схеме города, перенесенной с Труворова городища.

Строительство каменной крепости на Жеравьей горе, фактически городских укреплений нового города, начавшееся в 1330 г., должно было продолжаться несколько лет. Нет никаких оснований считать именно 1330 г. началом создания каменного городского собора. Дело в том, что создание каменных укреплений совершенно не обязательно должно было сочетаться с сооружением каменного храма. Так, например, в Порхове каменные укрепления начали строить в 1389 г., а каменный храм Николы здесь был выстроен только в 1412 г., а до того на его месте, по всей видимости, стоял деревянный храм того же посвящения.

Датировка Никольского собора определяется все же в довольно четких границах: после 1330 г. (до переноса города и начала строительства каменных стен возведение каменной церкви невозможно) и до 1349 г., когда “на полатех” храма был освящен придел Спаса Преображения (Псковские летописи. С. 20). То, что в 1341 г. в Изборске был впервые упомянут “дом святого Николы” (Псковские летописи. С. 18), ничего не значит для датировки: “домом святого имярек” называется по главному храму весь город, как “домом святой Троицы” называется Псков, а Остров – “домом святого Спаса”. Для такого названия необходим городской собор, но он может быть и деревянным. Промежуток с 1330 по 1349 г., в который, по всей видимости, был выстроен каменный городской собор Изборска, вряд ли может быть значительно сокращен. Ранее мы предположили, что каменный храм в Изборске не могли построить раньше каменного храма в Пскове (в 1339 г. в Пскове начали строить храм Михаила и Гавриила Архангелов с Городца), но такое допущение, сужающее промежуток строительства до 1339–1349 гг., все же остается очень сомнительным: храм в Изборске могли построить и раньше храма в Пскове.

Храм в Изборске строится в тот период, относительно которого нет ясности в одном из основных вопросов: был ли в это время Псков (Псковская земля) уже независим от Новгорода. Определенная независимость Пскова, обычно связываемая с Болотовским договором, упомянутым в рассказе о событиях под Ореховом в 1348 г., получена несколько ранее этого времени, по предположению В.Л. Янина, – в 1329 г. (Янин, 1992. С. 3–14). Но в течение всей первой половины и середины XIV в. зависимость псковичей от Новгорода все еще была довольно значительной, на что указывает еще и строительство в 1365–1367 гг. нового каменного Троицкого собора в Пскове, сооруженного, по всей видимости, новгородскими мастерами и освященного новгородскими церковными властями.

Облик Никольского собора в результате перестроек и достроек был в достаточной степени изменен (рис. 2). Где-то в XV или XVI в. на круглой башне у собора была построена характерная псковская двухпролетная звонница с круглыми столбами, но в начале XX в. она была разобрана и известна только по старым рисункам и фотографиям. В конце XVII в. Спасо-Преображенский

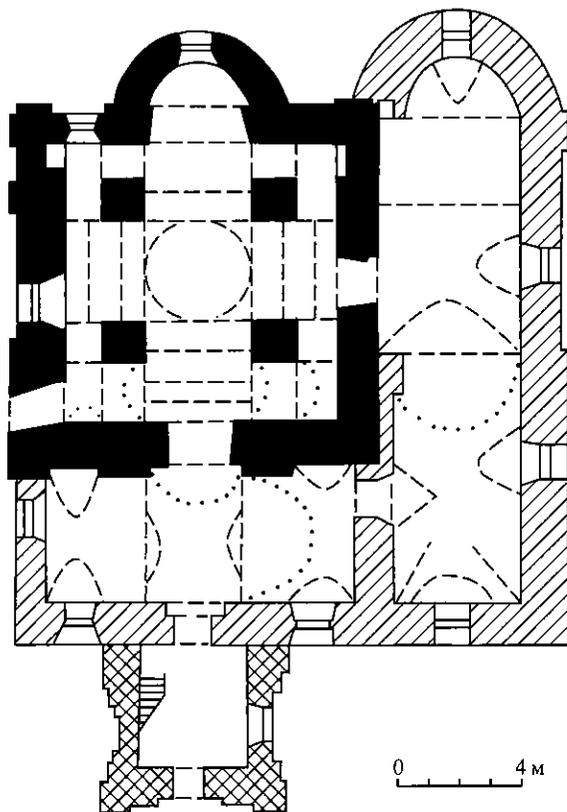

Рис. 2. План собора с поздними пристройками

придел был “спущен” с полатей (где он находился еще в 1585 г.³), и для него с юга от древнего храма был выстроен невысокий придел, похожий на притвор с многолопастной аркой и двускатным покрытием. С востока к этому объему примыкает полукруглая апсида, с запада – несколько пониженная трапезная, а над кровлей основного объема возвышается круглый глухой барабанчик, украшенный полихромными изразцами с характерным рисунком: вазоны с тюльпанами в них. Такой рисунок изразцов, достаточно широко распространенный в памятниках Средней России конца XVII в., в Псковской земле известен только в одном храме – в псковской церкви Михаила и Гавриила Архангелов с Городца, барабан и верхние части которой были перестроены в 1694–1696 г. (Чистова, 1994. С. 33–35; 1995. С. 51–53). По всей вероятности, примерно к этому же времени следует отнести и возведение нынешнего Спасо-Преображенского придела, закрывшего нижние части южного фасада древнего храма.

Не совсем ясно, когда был пристроен притвор с запада, возможно, что он одновременно с Спасо-Преображенскому приделу, т.е. сооружен в самом конце XVII в. Вполне вероятно, что в то же время первоначальное покрытие, пощип-

³ “Да в городе же церковь Николы Чудотворца камня, а на церкви той крест железной, позолочен, да на палатах придел Преображения Спасова” (Сборник Московского Архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI. С. 18).

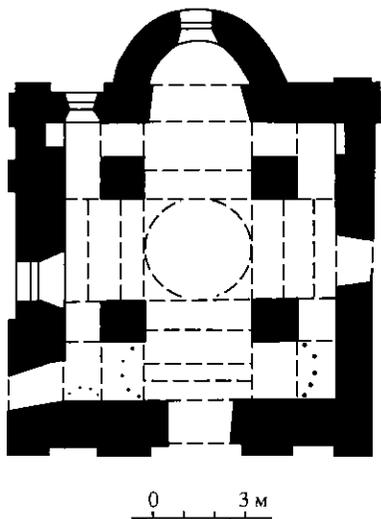

Рис. 3. План древней части собора с элементами реконструкции

цовое восьмискатное или полопастное, было переделано на существующее четырехскатное. Колокольня с запада была выстроена, как выясняется из клировых ведомостей, уже в 1849 г. и несет, как и купол на основном барабане собора, отпечаток провинциального позднего классицизма.

К первоначальному периоду относится, таким образом, только четырехстолпный одноапсидный и одноглавый объем (размер четверика примерно 12×12 м) (рис. 3), фасады которого разделены на три прясла характерными узкими лопатками, связанными с новгородской традицией (в псковской архитектуре со второй

половины XIV в. используются широкие лопатки, восходящие к домонгольским памятникам). Лопастные двухступчатые арки, стягивающие лопатки вверху, позволяют реконструировать первоначальное покрытие на 8 скатов (с меньшей вероятностью – полопастное).

В компактном объеме собора с выступающей из массивного кубообразного объема пониженной апсидой, ясно и просто организованными фасадами и высоким световым барабаном, нижняя часть которого сейчас закрыта четырехскатной кровлей, во всех объемах и формах чувствуется сила традиции, для которой подобная архитектура была обыденной и типичной. Такой традиции в первой половине XIV в. мы не найдем в Пскове и Псковской земле, где просто не было непрерывного каменного строительства, которое, по нашему мнению, является самым главным индикатором существования собственных строительных кадров. Отдельные постройки, такие как стена Пскова 1309 г., собор Снетогорского монастыря (1311–1312 гг.), стены Изборска (с 1330 г.), а также церковь Михаила и Гавриила Архангелов в Пскове (1339 г.) и сам Никольский собор в Изборске не складываются в единую и непрерывную линию (которая позволила бы предположить наличие собственных мастеров) и, к тому же, храмы из этого списка показывают значительное количество форм новгородских. Чего-то специфически псковского в этих постройках нет, как нет псковской специфики и в кладке из местного плитняка, встречающейся в новгородских крепостях и новгородских храмах вне Новгорода, где с местной плитой и ракушечником чаще всего соседствует кирпич.

Речь несомненно идет о новгородской традиции храмового зодчества, причем в истории этой традиции изборский храм занимает особое место. Эта традиция в конце XIII – первой половине XIV в. освоила и использовала только четырехстолпный вариант храма византийского в основе типа “вписанный крест”, причем с одной апсидой и одним световым барабаном с куполом. В одноапсидном виде и с полопастным покрытием этот новгородский тип восходит к памятникам, построенным в Новгороде смоленскими мастерами в начале XIII в. В конце XIII в. этот тип вновь был использован в церкви Николы на Липне (1292 г.). В этом памятнике в восточных угловых частях вновь появились и полукротовые своды, имеющие также смоленское происхождение и присутству-

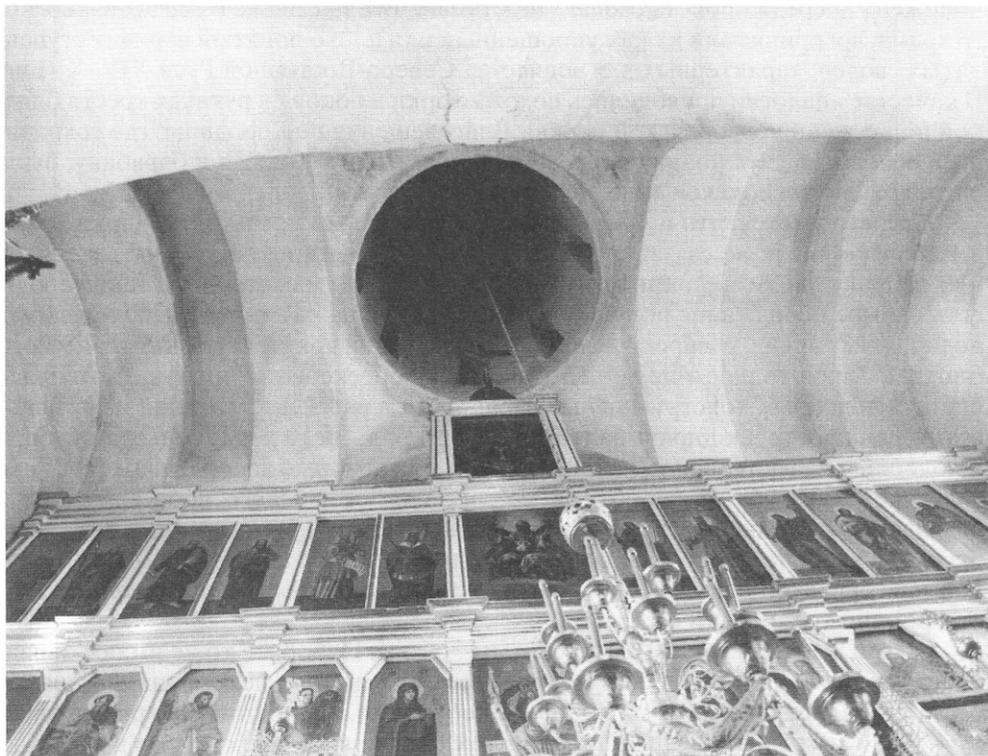

Рис. 4. Вид на своды собора. Фото В.М. Рудченко

ющие в перекрытиях домонгольского храма Рождества в Перыньском скиту под Новгородом. Использование не полукоробовых, а просто коробовых сводов в соборе в Изборске во второй четверти XIV в. говорит об определенной оглядке мастеров назад. Однако следует подчеркнуть, что это особенность не только изборского храма, но и некоторых других памятников новгородской архитектуры того же времени: такие своды есть в угловых частях церквей Спаса-Преображения на Ковалево (1345 г.) и Успения на Волотовом поле (1352 г.). В остальном и тяжеловатые квадратные в сечении столбы, и темный интерьер основного объема, и палатки на хорах, и пониженные подпружные арки под барабаном находят себе аналогии в таких новгородских памятниках, как церкви Николая Белого (1312–1313 гг.), Благовещения на Городище (1342–1343 гг.) и Георгия на Торгу (1356 г.). Даже барабан с восьмью окнами, из которых четыре диагональных были позже заделаны, находит себе аналогию в барабане церкви Спаса-Преображения на Ковалево (1345 г.).

Ни в пропорциональном строе, ни в каких-то отдельных деталях нет и следа какой-либо местной специфики, наоборот – все находится в русле новгородской традиции, усредненной и понятой привычно и почти без дополнений.

Впрочем, дополнения все же есть: это дополнительные пониженные арки, которыми снабжены своды рукавов пространственного креста храма (рис. 4). В северном и южном рукавах эти арки как бы отвечают подпружным под барабаном и находятся у стен храма, тогда как в западном рукаве похожая арка рас-

положена посреди пролета свода, а не у стены. Все писавшие о сводах изборского храма, воспринимали их как упрощенный или плохо понятый вариант ступенчатых сводов, характерных для зодчества Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. В качестве аналогии приводились похожие арки в боковых рукавах креста близкой по времени новгородской церкви Благовещения на Городище, где сохранились основания двух пониженных арок, причем та, что ближе к барабану, была расположена несколько выше, чем другая.

Представляется, что и арки церкви Благовещения и, тем более, арки храма в Изборске никак не связаны с зарождением в Новгороде ступенчатых сводов или неправильным пониманием тех же сводов. Нам кажется, что такие своды есть прямое подражание полуциркульным сводам на ритмично расположенных подпружных арках, распространенным в романской архитектуре католического Запада⁴. Такое толкование арок в храмах в Изборске и на Городище позволяет вписать подобные конструктивные странности в ряд заимствований из романско-готических построек циркумбалтийского региона. В самом Никольском соборе к подобным заимствованиям относятся еще и некоторые декоративные формы, такие как аркатура на барабане (без сомнения романского происхождения и восходящая к позднероманским памятникам северной Германии и Дании), а также окна барабана с треугольным верхом, имеющие ряд аналогий в одновременной новгородской архитектуре, но восходящие все к тем же позднероманским или романско-готическим образцам.

С этой же точки зрения сами фасады храма в Изборске тоже имеют западноевропейское происхождение. Дело в том, что система декорации фасада собора, с тремя пряслами, разделенными лопатками, и лопастными арками сверху, тоже имеет западноевропейское происхождение. Такая система в архитектуре Северо-Западной Руси появилась только в начале XIV в.: она известна в уже упоминавшейся новгородской церкви Николая Белого (1312–1313 гг.) и, возможно, появилась в Новгороде где-то в самом начале XIV в. До этого под влиянием Смоленска в новгородской архитектуре использовалась система с трехлопастной аркой, как бы покоившейся на фланкирующих фасад лопатках (церкви в Перыни и на Липне). В какой-то момент мастера вновь ввели на фасады промежуточные лопатки, разделив тем самым фасады на три прясла, а романскую аркатуру, бахромой обходящую лопастные арки церкви на Липне, заменили на ее отрезки в виде лопастных арок. Эта перемена случилась где-то в начале XIV в. (изборский собор – второй известный памятник в ряду с тройными фасадами и лопастными арками), но произошло ли это под влиянием архитектуры Запада или самостоятельно – было неизвестно. Л.А. Мацулевич даже предположил, что подобная система фасадной декорации новгородских и псковских храмов оказала влияние на фасадную декорацию ряда домов средневекового Таллина (Ревеля), датирующихся XV в. (Мацулевич, 1941. С. 47–53). Вполне можно было бы предположить обратное, но поздняя дата таллинских домов заставляла ожидать находки более ранних памятников в романско-готической архитектуре.

И действительно, такие памятники существуют (рис. 5). Речь, прежде всего, идет о соборе в датском городе Роскильде, сооруженном около 1230 г. (*Sestoft, Christiansen*, 1995. Р. 48–49; *Kjersgaard*, 1997). На фасаде его южного трансепта в щипце несколько лопаток, стянутых лопастными арками, составляют основу фа-

⁴ См., например, довольно большое количество примеров из романской архитектуры у О. Шуази (*Шуази*, 1937. С. 187–209).

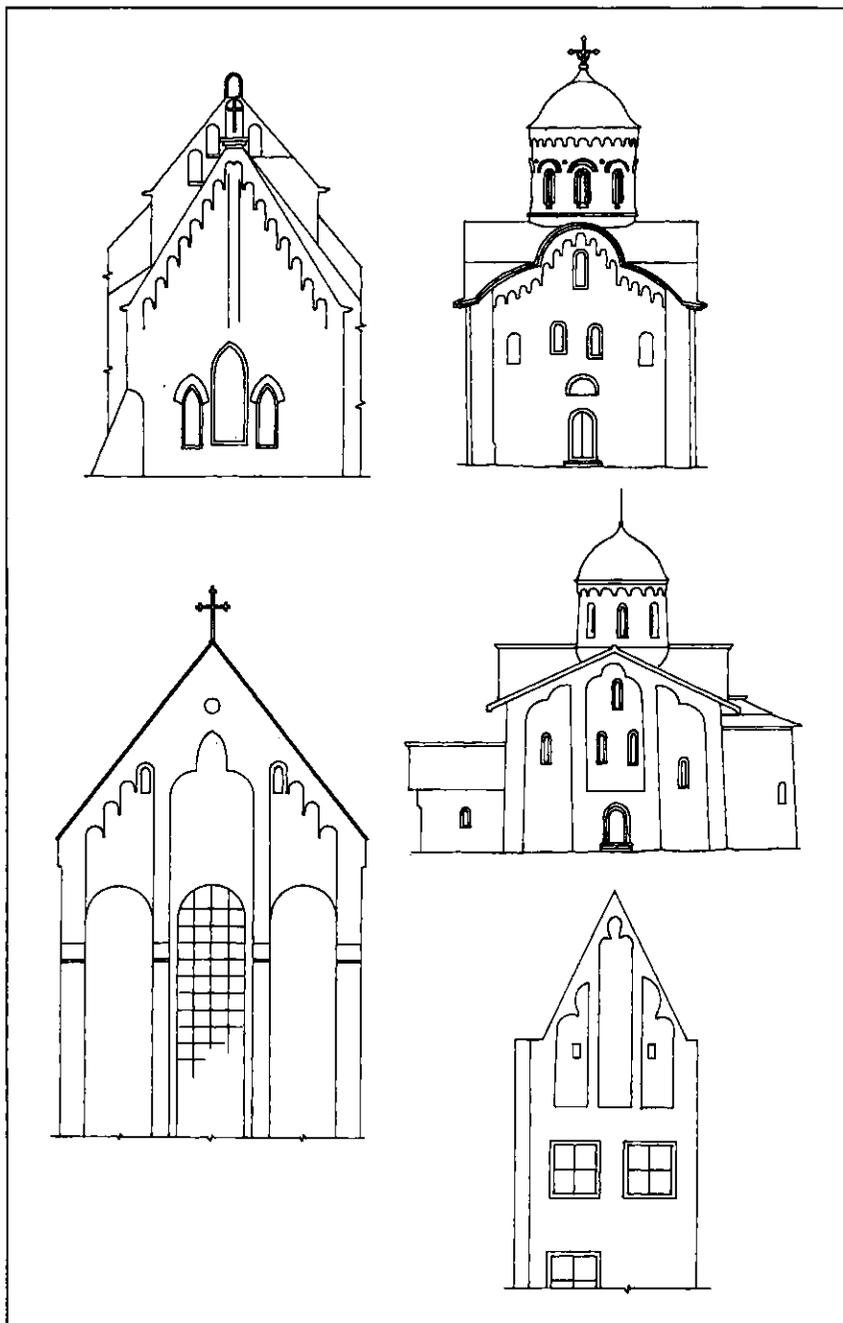

Рис. 5. Фасады новгородских памятников и их прототипы. Вверху – церковь в Нью и церковь Николы на Липне. Внизу – фасад южного трансепта собора в Роскильде, южный фасад церкви Николы Белого в Новгороде и фасад жилого дома в Таллинне

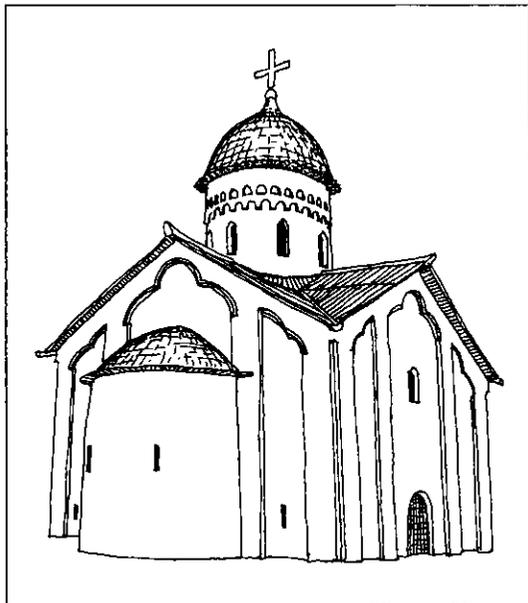

Рис. 6. Собор в Изборске. Реконструкция автора и Д.А. Петрова

садной декорации. Этот ранний памятник дает ключ к пониманию процесса возникновения новой фасадной декорации в новгородской архитектуре: она появилась в Новгороде в уже готовом виде из храмов романо-готического круга в самом начале XIV в. и является следующим по времени крупным заимствованием – после лопастных арок с романской аркатурой в храме на Липне 1292 г. Кроме собора в Роскильде, такие формы известны в щипцах уже упоминавшихся домов Таллинна, а также на фасадах некоторых храмов – следует упомянуть щипец южного выступа трансепта в датском Риббе (*Sestoft*,

Christiansen, 1995. P. 54–55) – между 1225 и 1250 гг., а также западный щипец приходской церкви в Хейнерсдорфе (*Die Bau- und Kunstdenkmale*. S. 248) в Бранденбурге (второй половины XIII в.) и на щипцах башен замков Северной и Центральной Европы – можно назвать щипец башни замка в Пастухове в Силезии – XVI в. (*Guerquin*, 1957. S. 67; II. 276), так что эта система была в достаточной степени распространена. В архитектуре же Северо-Западной Руси на протяжении XIV в. она постепенно стала преобладающей и сохранялась в значительном числе храмов в XV и даже XVI вв.

С точки зрения архитектурного качества, Никольский собор в Изборске отнюдь не является шедевром. Это достаточно рядовая постройка, в которой общий абрис форм, структура интерьера и пропорциональный строй находятся в пределах некой новгородской нормы. Весь объем здания, его тип и детали говорят о принадлежности храма к основной линии новгородской архитектуры, соединяющей церковь Николы Белого (1312–1313 гг.) с храмами Федора Стратилата (1360–1361 гг.) и Спаса на Ильине улице (1374 г.). Следов композиционных или пропорциональных исканий и отклонений от основной линии, заметных в храмах на Городище (1342–1343 гг.) и на Ковалево (1345 г.) или в храмах Успения на Волотове (1352 г.) и Михаила Архангела на Сковородке (1354 г.), в Изборском соборе нет.

Но несколько странных форм и конструкций и несколько обычных деталей, поставленных в не совсем обычный контекст, делают этот памятник важным свидетельством тех процессов, которые происходили в новгородской архитектуре первой половины XIV в. Речь идет об уже упоминавшихся дополнительных подпружных арках, романской аркатуре на барабане, романо-готической форме некоторых окон, а также о романо-готической по происхождению системе декорации фасадов с лопастными арками. Весь перечисленный “набор” говорит о том, что в 1330-е–1340-е годы, когда был сооружен храм в Изборске, новгородская архитектура продолжала заимствовать формы из построек Запада, и заимствование это приводило как к возникновению форм странных (это касает-

ся подпружных арок), так и к дальнейшему насыщению фасадов романо-готическими элементами (рис. 6).

Именно этот процесс поисков и заимствования, то затухавший, то усиливавшийся в первой половине XIV в., привел около 1360 г. к созданию целостной системы фасадной декорации, включившей, наряду со смоленскими и местными домонгольскими, значительное количество форм из кирпично-каменной северо-европейской романо-готической и раннеготической архитектуры (*Седов Вл.В.*, 1997а. С. 3–43). Никольский собор в Изборске свидетельствует о продолжении этого процесса во второй четверти XIV столетия и позволяет заполнить лауну в наших знаниях о новгородской архитектуре первой половины XIV в. Этот памятник дает представление о медленных процессах накопления западноевропейских форм, осторожном экспериментировании с ними и даже своеобразном жонглировании (где-то формы добавляются, где-то исчезают), характеризующем развитие новгородской архитектуры до создания пышного стиля второй половины XIV столетия. Эта архитектура, византийская в своей основе, ищет новые декоративные (и, как мы видим в Изборске, даже конструктивные) формы, но в условиях отрыва от Византии она обращается к западным соседям⁵ и поначалу осторожно, а потом все смелее включает элементы романо-готической архитектуры в арсенал своих форм.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий С.В., 1995. О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье. СПб.

Брунов Н.И., 1929. К вопросу о раннемосковском зодчестве // Труды секции археологии РАНИОН. М. Т. IV.

Булкин В.А., 2002. Знаменская церковь XIV в. в Новгороде // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура: Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева. СПб.

Веселовский А., 1906. Западное влияние в новой русской литературе. М.

Даль В., 1935. Толковый словарь. М. Т. 4.

Комеч А.И., 1993. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI века. М.

Комеч А.И., 1998/99. Церковь Успения на Волотовом поле в Новгороде: Соотношение канона и творчества // Зограф. Београд. № 27 (КЗ).

Комеч А.И., 2002. Церковь Успения на Волотовом поле в Новгороде: Соотношение канона и творчества // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура: Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева. СПб.

Комеч А.И., 2003. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI века. 2-е изд. М.

Косточкин В.В., 1971. Тропой легендарного Трувора. М.

Мацулевич Л.А., 1941. Новгород и Таллин: (К вопросу о генезисе архитектурных форм) // КСИИМК. М.; Л. Вып. X.

Морозкина Е.Н., 1967. Зодчество Пскова как наследие: Автореф. дис. ... канд. архит. М.

Морозкина Е.Н., 1975. Псковская земля. М.

Морозкина Е.Н., 1986. Псковская земля. 2-е изд. М.

Псковские летописи, 1941. М.; Л. Вып. I.

Сборник Московского Архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI.

Седов В.В., 1988. Древний Изборск // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования. М.

Седов Вл.В., 1985. Псковская архитектура первой половины XIV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

⁵ Подобный процесс обращения к западноевропейским сюжетам и литературным формам видим в фольклорной и письменной литературе Новгорода. (См. краткий очерк: *Веселовский*, 1906. С. 10–13.)

Седов Вл.В., 1989. Никольский собор в Изборске и псковская архитектура середины XIV в. // Традиции и современность: Актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры. М.

Седов Вл.В., 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков. М.

Седов Вл.В., 1997а. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.

Седов Вл.В., 1997б. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. М. Вып. IX.

Седов Вл.В., 1999а. Собор Михаила Архангела Сквородского монастыря // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 5: История и культура древних и средневековых славян.

Седов Вл.В., 1999б. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Седов Вл.В., 2000. Церковь Спаса-Преображения на Ковалево // Новгородские древности. М. (Архив архитектуры. Вып. XI).

Седов Вл.В., 2001. Новгородская архитектура на Шелони. М.

Соленикова Е.В., 1995а. Никольский собор в Изборске // Церковная археология. СПб.; Псков. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура.

Соленикова Е.В., 1995б. Новгородская архитектура конца XIII – первой половины XIV в.: Типология строительства // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.

Соленикова Е.В., 1996. Псковско-новгородские отношения первой половины XIV в. и архитектура Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1995. Псков.

Соленикова Е.В., 1998. Новгородско-балканские архитектурные связи XIV в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога.

Чистова В.А., 1994. Изразцы с вазонами XVII в. в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1993: Материалы семинара. Псков.

Чистова В.А., 1995. К атрибуции “изразца с вазоном” XVII века из фондов музея “Абрамцево” // “Абрамцево”: Материалы научных конференций 1989–1993 годов. Сергиев Посад. Вып. 7.

Штендер Г.М., 1991. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. М.

Шуази Огюст, 1937. История архитектуры. М. Т. 2.

Янин В.Л., 1992. “Болотовский” договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. № 6.

Die Bau- und Kunstdenkmale in der DDR. Bezirk Frankfurt/Oder. В., 1980.

Guerquin B., 1957. Zamki Slaskie. W-wa.

Kjersgaard E., 1997. Roskilde Domkirke. Roskilde.

Sestofi J., Christiansen J.H., 1995. Guide to Danish Architecture. Copenhagen. Vol. 1: 1000–1960.

М.В. Седова (Москва)

ИКОНКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ "ГРОБА ГОСПОДНЯ", РУБЕЖА XIV–XV ВЕКОВ

В 1956–1962 гг. В.В. Седов вел раскопки в восточной части Владимирской области, в Вязниковском р-не, на селище и городище у с. Пировы городищи (Седов, 1961; 1956–1962). Пирово селище расположено на правом берегу р. Клязьма, в подножье одноименного городища, являющегося остатками древнерусского города Ярополча Залесского (Седова, 1978).

В 1958 г. во время раскопок селища в верхнем слое под дерном была найдена сильно корродированная медная литая иконка (пл. 1 кв. 254, № 31). Первоначально она была атрибутирована как изделие позднего старообрядческого литья. Однако сама форма иконки, благородная патина металла и иконография заставляют заново обратиться к этому изделию.

Найденная иконка имеет нижние прямые углы и арочное верхнее завершение. Размеры ее – 5,3 × 4,3 см при толщине 0,2 см. На лицевой стороне иконки помещена сложная композиция, изображающая сцену Жен мироносиц у Гроба Господня. В центре композиции расположен саркофаг прямоугольной формы, поверхность которого покрыта косой решеткой или зигзагообразным орнаментом, заканчивающимся внизу тремя овалами. К гробу сверху прильнула фигура апостола Петра. В правом нижнем углу помещена фигура сидящего на камне ангела с рипидой в левой руке. В левом нижнем углу изображены три женские фигуры мироносиц в рост, держащие в руках сосуды для миро – алавастры. Четвертая, по-видимому, мужская фигура стоит слева перед Гробом Господним на коленях (возможно, Иоанн Богослов). В изголовье гроба помещена свеча. Над гробом размещен трехчастный кувуклий, украшенный жгутом или косой насечкой, причем с центральной арки кувуклия свисают три лампы, а с боковых – по одной. Над арками кувуклия помещены в фас три поясные фигуры ангелов. По краю иконки проходит кайма, украшенная растительным вьюном (ширина ее 0,4 см) – рис. 1.

Изображения на иконке односторонние, обратная сторона гладкая, но прослеживаются следы припайки ушка. Первоначально, по-видимому, описываемая иконка являлась створкой мощевика – ковчега, носившегося на груди. Об этом свидетельствует двухчастное ушко в нижней части иконки. Верхнее ушко отсутствует, но следы его просматриваются, а для крепления иконки на шнурагайтане проделаны позднее два отверстия. Сглажены также бортики на оборотной стороне*.

По-видимому, первоначальное изделие неоднократно подвергалось тиражированию, отливке по оттиску в глине, причем некоторые детали при этом утрачивались. Однако лицевая сторона иконки во многом сохранила свои художественные достоинства: уравновешенную композицию, четко проработанные детали, выразительность поз и фигур, общую живописность сцены.

* Сделан анализ материала изделия (Лаборатория рентгеноспектрального анализа геофака МГУ, ас-599, автор Р.А.Митоян, метод анализа ED RFX): Cu-78,92; Sn-10,51; Pb-7,31; Zn-1,66; Ag-0,97; Sb-0,62.

Рис. 1. Бронзовая иконка рубежа XIV–XV вв. из Ярополча Залесского

Среди памятников медного литья древнерусского времени изделия с изображением сцены Жен мироносиц у Гроба Господня встречаются крайне редко. Поэтому находка из Ярополча представляется уникальной, хотя в каменной мелкой пластике сюжет этот является довольно распространенным. Т.В. Николаева в своей сводной работе о древнерусской мелкой пластике из камня XI–XV вв. указывает 48 изделий, включающих этот сюжет. Она отмечает, что изображение Гроба Господня имело целительное значение и поэтому было в каменной пластике одним из наиболее популярных на протяжении XIII–XV вв. Особенно многочисленны иконки с этим изображением в Новгороде, где в XIV–XV вв. существовала, види-

мо, мастерская, выпускавшая сходные произведения (Николаева, 1983. С. 31, 157, 158). А.В. Рындина вообще связывала с Новгородом большинство произведений с сюжетом “Гроб Господень” (Рындина, 1978. С. 112, 113).

Находка медной иконки в восточной части Владимирской земли заставляет заново взглянуть на вопрос о месте создания изделий с подобным сюжетом. Вряд ли новгородское произведение попало бы в отдаленные районы княжества. Видимо, оригинал иконки резался в камне на самой Владимирской земле. Это подтверждает и находка иконки с аналогичным сюжетом в Плесе (Ицкова, 1989. С. 11). Об этом свидетельствуют и своеобразие композиции, и некоторые детали, присущие произведениям каменной пластики Северной Руси. Так, на иконке, происходящей из собрания Остроухова (XV в.) и хранящейся в ГТГ, изображен трехчастный кувуклий пятикупольного храма. Из центральной арки, как и на нашей иконке, спускаются три лампы, из боковых арок – по одной. Близка характерная разделка самого Гроба овалами и косой решеткой. Так же косой решеткой обозначен камень за спиной ангела. Т.В. Николаева датирует эту иконку концом XV в., а А.В. Рындина – XIV–XV вв. (Николаева, 1983. С. 110, табл. 43, 1, № 242; Рындина, 1978. С. 30. Ил. 40). Орнаментация косой штриховкой и бегущим вьюном присутствует на произведениях XV в. из Сольвычегодска (Николаева, 1983. Табл. 48, 4, № 275). Некоторую композиционную близость представляет иконка конца XIII – начала XIV в. из Ярославского музея (Николаева, 1983. Табл. 50, 7, № 284). Параллель в изображении арки кувуклия в виде дуги, украшенной косой насечкой или жгутом, можно найти на иконке XIII в. из собрания ГИМ. Правда, А.В. Рындина датирует этот предмет ранним XIV в., что, по моему мнению, более вероятно (Николаева, 1983. Табл. 2, 10, № 13; Рындина, 1978. С. 136. Ил. 12). Как видим, отдельные детали изображе-

ний, близкие нашему изделию, имеют довольно широкий диапазон от рубежа XIII–XIV вв. до XV в. И все же общий живописный стиль произведения, несущий элемент готики, заставляет, скорее всего, отнести время создания его к концу XIV – началу XV в. Любопытно отметить, что все приведенные в качестве параллелей каменные иконки имеют одну и ту же форму: с нижними прямыми углами и широкой уплощенной аркой наверху. Все они имеют также кайму по краю, а оклады их орнаментированы растительным узором. Эти особенности каменной пластики повторяет наша бронзовая иконка, отлитая, по-видимому, путем оттиска с изделия из камня. Следует отметить, что в медном литье этого времени также довольно часто встречается узорная кайма из растительного вьюна (*Гнупова, 1993. Рис. 7, 8*).

Интересные сведения об описании часовни над Гробом Господним, сделанные священником из Новгорода Варсонофием в середине XV в., приводит в своей работе А.В. Рындина. По сведениям источника, непосредственно над Гробом в куполе часовни располагались мозаичные изображения херувимов и серафимов (*Рындина, 1978. С. 112*). На нашей иконке они как раз и изображены. Вообще кажется более вероятным, что изображена именно часовня над Гробом, а не сам храм, так как нет ни барабанов, ни куполов, обычно помещаемых на каменных произведениях. Особо следует отметить круглое украшение, свисающее с правой арки. На нем виден древний солярный знак – свастика. Ни на одном известном каменном изделии аналогов ему нет. Возможно, это отображение реального оформления иерусалимского храма Гроба Господня, как и мозаичные фигуры ангелов, как и “три круга” (или овала) на самом Гробе. “Иерусалимская святыня была хорошо знакома паломникам уже в XII в. и несомненно адекватно воспринималась русскими мастерами” (*Беляев, 1996. С. 97*). Таким образом, исследуемая медная иконка является оригинальным произведением прикладного искусства Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. с присущим ей своеобразием композиции и орнаментики сюжета.

Появление этого предмета в культурном слое Ярополча Залесского можно связать с тем обстоятельством, что жизнь на месте разоренного татарами в XIII в. города постепенно восстанавливалась, хотя и не очень интенсивная. Видимо, Ярополч становится центром волости. В конце XIII – XIV вв. Ярополчская, Гороховецкая и Бережецкая волости входили в состав Суздальско-Нижегородского княжества, но уже в конце XIV в. все Поклязьменье влилось в Московское великое княжество. Видимо, в конце XIV – начале XV в. Ярополчской волостью владели боровские князья, находившиеся на службе великих князей московских. Ярополч упомянут в договорной грамоте серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича с московским князем Василием Дмитриевичем (1390 г.): “А ци каким делом отоиметься от тебе Ржева, и дати им тебе, во Ржевы место Ярополч да Медуши” (Духовные и договорные грамоты... С. 38, № 13). В культурном слое городища была найдена серебряная монета 1410–1416 гг. боровского князя Семена Владимировича, сына Владимира Андреевича (*Седова, 1978. С. 127*), подтверждающая эти данные.

Таким образом, находка медной иконки наряду с монетой и другими предметами констатирует существование жизни на памятнике в XIV–XV вв. Как по своим стилистическим особенностям, так и по чисто историческим обстоятельствам иконка может быть отнесена к концу XIV – началу XV в.

В заключение хочется отметить то обстоятельство, что нижнее Поклязьменье издревле являлось средоточием художественных промыслов Владимирской земли. Такие центры, как Палех, Холуй, Мстера, возникли в пределах Старо-

дубского княжества. В позднейший период именно Мстера, а также Никологоры (Вязниковского р-на Владимирской обл.) стали центрами старообрядческого художественного литья. Поэтому найденная медная иконка “Жены мироносицы у Гроба Господня” является прекрасной иллюстрацией древности традиций художественного литья и своеобразия в решении традиционных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л.А.*, 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Гнутова С.В.*, 1993. Становление местных типов в новгородской металлопластике XIV в.: Меднолитые иконы-энколпии // Древнерусская скульптура. М.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Ицкова Л.В.*, 1989. Каменная иконка из Плёса // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Плёт. Вып. 1–2.
- Николаева Т.В.*, 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М. (САИ. Вып. Е1-60).
- Рындина А.В.*, 1978. Древнерусская мелкая пластика. М.
- Седов В.В.*, 1961. Древнерусское поселение близ города Вязники // КСИА. Вып. 85.
- Седов В.В.*, 1956–1962. Архив ИА РАН. Р-1, № 1282, 1449, 1751, 1893, 2293, 2794, 3509.
- Седова М.В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.

О.А. Щеглова (Санкт-Петербург)

ТИСНЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ
ДЛЯ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮБШЕ, ЛАДОГЕ И ИЗБОРСКЕ¹

Среди находок из Старой Ладоги, отнесенных О.И. Давидан к древнейшему слою поселения, существовавшего на месте Земляного городища, присутствует сохранившаяся не полностью круглая плоская бляшка с жемчужными выпукликами по краю, тисненая из тонкого серебряного листа на свинцово-оловянной основе (Давидан, 1994. С. 156, 158, рис. 1, 14) – (рис. 1, 1). Исследовательница связала это изделие с кругом балтских древностей на основании того, что техника изготовления украшений из тисненого серебряного листа на свинцовой основе распространена в Литве начиная с V в. н.э. (Давидан, 1994. С. 156). Однако если учитывать не только технику исполнения, но и форму изделия, оказывается, что наиболее близкие аналогии, соответствующие ладожской бляшке по форме, орнаментации и технике изготовления, происходят из числа прессованных розетковидных украшений, в большом количестве встреченных на памятниках аварского круга в Центральной Европе (рис. 1), что было отмечено А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, Сарабьянов, 2003. С. 134). И.О. Гавритухин, предложивший схему эволюции таких украшений в аварских памятниках Подунавья, показал, что достаточно простая композиция из полусферических выпуклин разного диаметра особенно характерна для раннего (могильники Гатер, погребение 11; Кернье, погребение 23 и 78) и среднего (Штурово, погребение 49; Желовце, погребение 328) периодов аварской хронологии, но не исключена и для позднеаварского (Цико, погребение 532/533), т.е. формируясь во второй половине VI в., доживает во всяком случае до VIII в. (Гавритухин, 1997. С. 46, 57, рис. 5). В обобщающей работе по археологии авар, изданной на русском языке, Ф. Дайм особо подчеркивает, что сам технологический прием заполнения свинцовым сплавом тисненых деталей поясного набора может считаться одним из характерных хронологических индикаторов раннеаварского периода, т.е. второй половины VI – первой половины VII в. (Дайм, 2002. С. 288, 301). Тиснение производилось с внутренней стороны пластины с помощью шаблонов-маточников с позитивным изображением орнамента или с внешней стороны с помощью негативной матрицы. Маточники для изготовления круглых блях с жемчужными выпукликами, близкие ладожской по размеру и декору, известны в Среднем Поднепровье (две случайные находки с городища Княжа Гора и одна без четкой привязки к определенному пункту) и приводятся Г.Ф. Корзухиной в каталоге “древностей антов” (Корзухина, 1996. С. 356, кат. № 19, 13, 14; 4146 кат. № 102, 58; 682, табл. 92; 12–14) (рис. 1, 2–4).

Разумеется, единственной находки из Ладоги было бы недостаточно для того, что бы связывать появление тисненых изделий на свинцово-оловянной основе на северо-западе Восточной Европы с традициями мастеров Подунавья. Од-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 03-06-80431 “Любшанское городище в Нижнем Поволжье: Материалы и междисциплинарные исследования”.

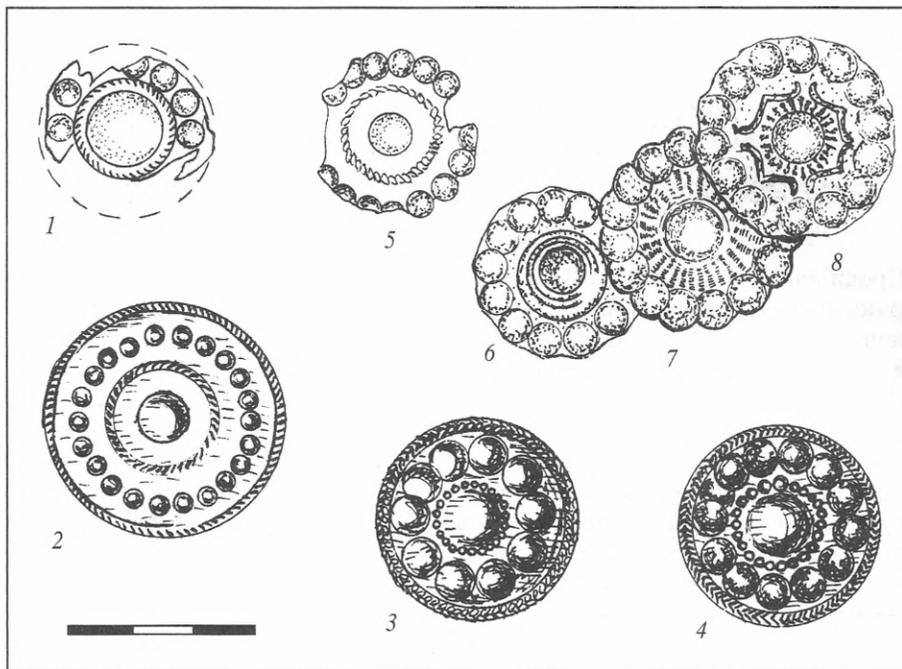

Рис. 1. Круглые тисненные украшения (1, 5–8 – серебро на свинцово-оловянной основе) и шаблоны для их изготовления (2–4 – медный сплав)

1 – Ладога (по О.И. Давидан); 2, 3 – Княжа Гора (по Г.Ф. Корзухиной); 4 – Среднее Поднепровье (по Г.Ф. Корзухиной); 5 – Цико (позднеаварский период, по И.О. Гавритухину); 6 – Кернье; 7, 8 – Гатер (раннеаварский период, по И.О. Гавритухину)

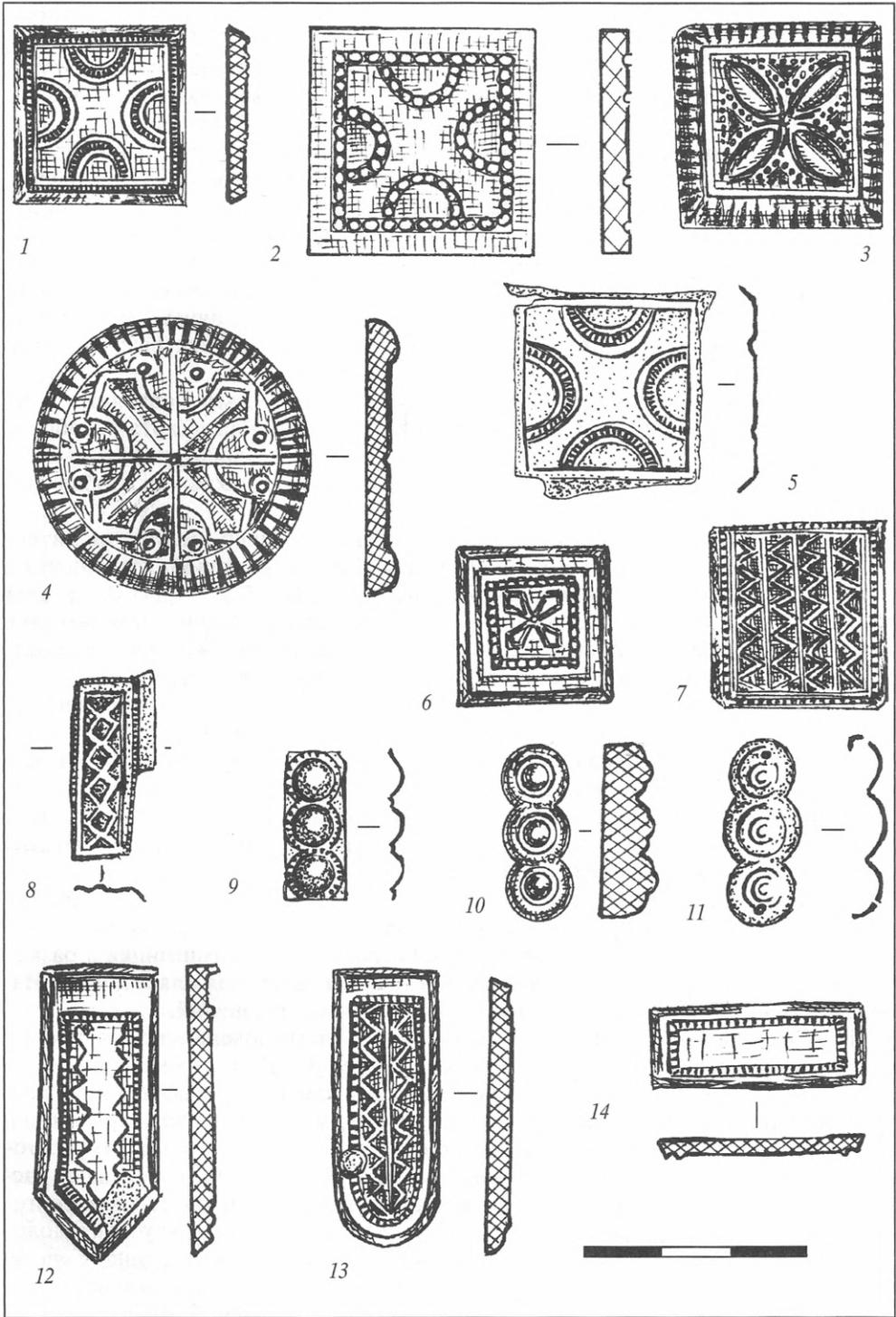
нако при исследовании Любшанского городища на правом берегу Волхова, в слое, связанном с периодом существования каменно-земляной крепости (VIII – вторая половина IX в. – *Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 200–203*), в составе достаточно представительной коллекции слитков металлического сырья, полуфабрикатов и готовых ювелирных изделий, а также инструментов для их изготовления, были обнаружены два шаблона-маточника и несколько изделий, выполненных в технике тиснения (*Рябинин, Коротенко, 2003. С. 200, 204*).

Шаблон-маточник № Л-99/146 представляет собой литую из медного сплава квадратную пластинку 24 × 23 мм, толщиной 2 мм. Обратная сторона изделия плоская, гладкая. Лицевая сторона украшена выпуклой рубчатой полосой по периметру и симметрично намеченными такой же рубчатой полосой полукружьями, расположенными так, что свободное пространство вдоль диагоналей квадрата образует косой крест со слабо расширяющимися концами. Боковые стороны пластинки слабо скошены (рис. 2, 1). Шаблон мог использоваться не только

Рис. 2. Тисненные украшения (5, 8, 9 – серебро на свинцово-оловянной основе; 11 – позолоченная бронза) и инструменты для их изготовления (3, 4, 6, 7, 10, 12–14 – медный сплав; 2 – камень)

1, 5, 8, 9, 12 – Любшанское городище; 2 – Труворово городище, Изборск; 4 – Петербург (по Х. Фирку); 3, 6, 7 – Бискупие (по Д. Чалланю); 10 – Кунстсентмартон; 11 – Бекешсаба (по Е. Гарам); 13 – Якушовице (по Х. Цолль-Адамиковой); 14 – Городище на Сяси

в процессе тиснения, но и для изготовления лицевой створки разъемной глиняной литейной формочки.

Тисненая пластина № Л-97/18, квадратная, 22 × 21 мм по верхнему контуру, сделана из тонкой (0,3 мм) пластинки серебристого сплава, края пластины отогнуты, образуя углубление с оборотной стороны (рис. 2, 5). На тыльной стороне пластины сохранился налет, оставленный выкрошившимся свинцово-оловянным заполнением, который не позволяет достоверно определить, каким способом оттиснута пластина. Позитивный орнамент на лицевой стороне очень похож на рисунок, украшающий маточник № Л-99/146, что позволило Е.А. Рябинину утверждать, что пластина изготовлена при посредстве именно этого шаблона (Рябинин, Коротенко, 2003. С. 200). Однако при детальном сопоставлении становится ясно, что однотипные узоры на вещах не идентичны – у пластины отсутствует рубчатая полоса по периметру квадрата, и общие размеры чуть меньше.

Квадратные пластинки, подобные описанной, были весьма популярны и использовались в разных целях. Они могли быть частью вайнаги (хотя подобрать точную аналогию среди балтских древностей нам не удалось), нашиваться на ткань, быть частью какого-нибудь изделия. Серебряное покрытие вообще может отсутствовать.

Наиболее близкая аналогия декору любшанских вещей имеется на литейной формочке с городища Камно из раскопок С.А. Таракановой, хранящейся в фондах Псковского музея-заповедника (ПОМЗ № 2492/260 – рис. 3, 1). Она предназначена для отливки квадратной нашивки, так как наличие помимо двух литейных каналов еще и двух канавок для вставки проволоки, предполагает, что на второй створке формочки были выемки для отливки петелек.

Похожий, но не идентичный, узор присутствует на щитке перстня, негатив которого вырезан на другой формочке из Камно (ПОМЗ № 2492/263 – рис. 3, 2).

Но наиболее интересная аналогия шаблону-маточнику происходит из раскопок Изборска. В 1979 г. в яме IX на участке 38 Труворова городища была обнаружена известняковая квадратная плоская пластинка толщиной 4 мм, размерами 30 × 29 мм, на одной из плоскостей которой был вырезан квадрат со стороной 24 мм, декорированный точно так же, как и шаблон-маточник из Любши (Седов, 1980. Рис. 129, 20; экспозиция Изборского музея-заповедника № 788 (17/95–180) – рис. 2, 2). Рубчатые линии, образующие декор, на каменной пластинке переданы более грубой “жемчужной строчкой”, но композиция и размеры изображения не оставляют сомнений в том, что каменная пластинка из Изборска также служила для тиражирования тисненых украшений.

В работе, посвященной шаблону для производства ювелирных украшений в эпоху Меровингов в Западной Европе, Х. Фирк показал, что находки самих шаблонов находятся, как правило, на периферии или за пределами района распространения продукции, изготовленной с помощью инструментов такого типа, причем сам этот район может быть удален от места находки шаблона на расстояние от 50 до более чем 300 км (Capelle, Vierck, 1971. S. 83–89). В частности, рассматривается пространственное распределение находок тисненых “брактеатообразных” фибул с крестом в бассейне Мозеля по отношению к находке шаблона-маточника для их изготовления в Петербурге, недалеко от Бонна (Capelle, Vierck, 1971. S. 57, 83; Fig. 1). Найдки датируются VII в. Для нас они представляют особый интерес, потому что декор круглых фибул (рис. 2, 4), несмотря на разницу в форме, совпадает с декором для квадратных тисненых и литых пластин с российского Северо-Запада. Однако если для круглых фибул в Германии

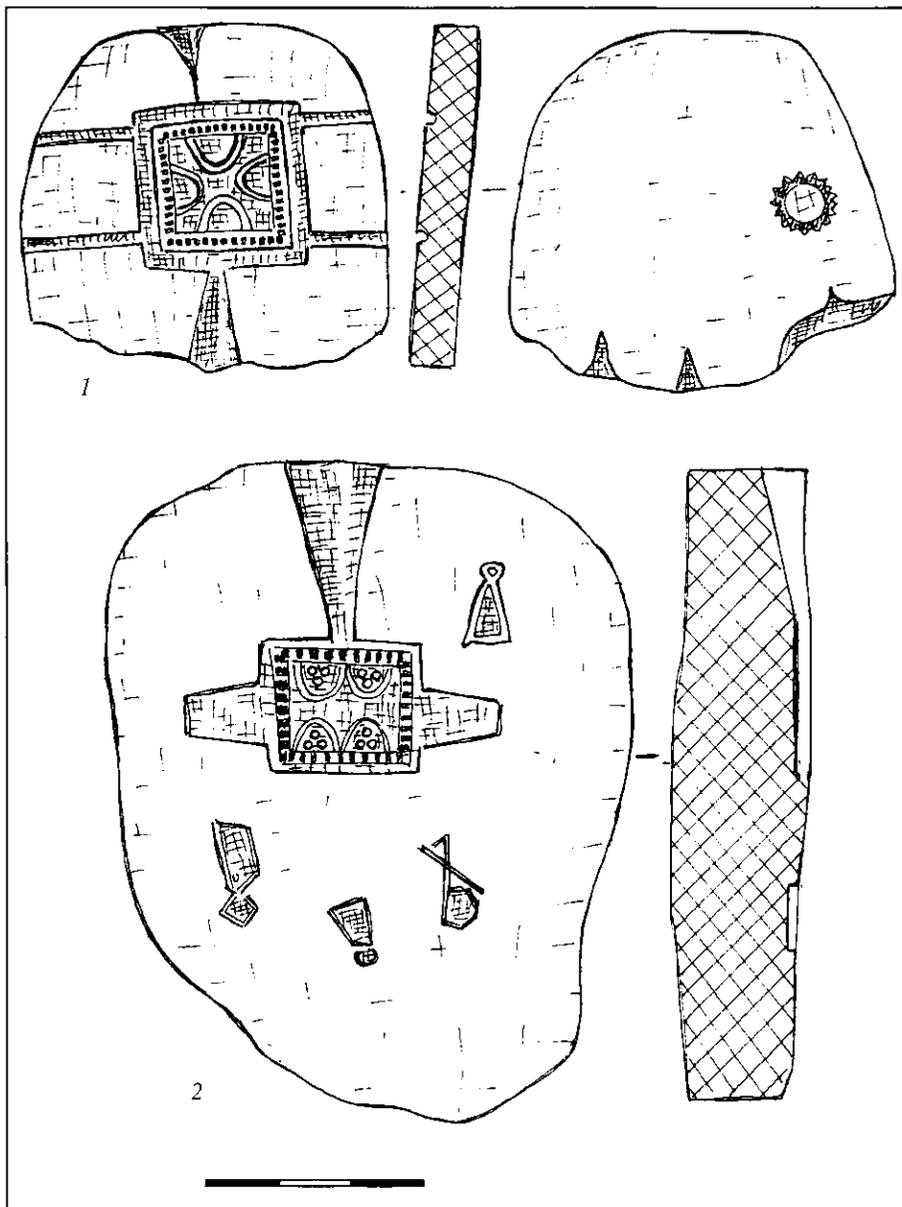

Рис. 3. Каменные литейные формы с городища Камно

находке одного шаблона соответствует десять находок изделий, в нашем случае известны 4 инструмента (2 шаблона-маточника и 2 формочки), находки которых разнесены на расстояние более 300 км, и только одно изделие этого типа, причем выполненное с помощью пятого инструмента.

Находки инструментов для изготовления однотипных украшений, выполнявшихся в разных техниках, но сохранивших размеры и декор, именно в Любше, Камно и Изборске не являются случайными. Они органично включаются в

ряд соответствий находкам из поселений Южного Причудья и Повеличья, которые фиксируются в материалах Любшанского городища. Это костяные гребни (Рябинин, Коротенко, 2003. С. 188), литейные формочки (Рябинин, Коротенко, 2003. С. 198–199), железные подковообразные фибулы (Рябинин, Коротенко, 2003. С. 208), некоторые типы ножей и стрел.

Шаблоны-маточники для производства тисненых квадратных пластинок со стороной от 20 до 25 мм, украшенные рубчатыми линиями и косым крестом, образованным пересечением симметричных полукружий, происходят из комплекса в Бискупие (Csallany, 1933. Tab. VIII, 15, 16 – рис. 2, 3, 6), который датируется рубежом VII–VIII вв., а сами накладки имеются в Желовце (погребение 371 – Čilinská, 1973. S. 102–103, 220, Taf. LXIII). Из Бискупие происходят также шаблоны-маточники для тиснения квадратных и пятиугольных пластинок с рубчатой полосой по периметру и решетчатым орнаментом (Csallany, 1933. Tab. VIII, 6, 21 – рис. 2, 7).

Прямоугольная тонкая пластинка из медного сплава, украшенная подобным образом, имеется в Любше (№ Л-97/34). Размеры пластинки – 24 × 6 мм, толщина – 0,3 мм. Сохранился кусочек скошенной боковой стороны высотой 2 мм, на обороте пластинки – следы свинцово-оловянного заполнения (рис. 2, 8). Судя по размерам длинней стороны пластинки, можно предполагать, что она могла входить в комплект квадратных и прямоугольных накладок на свинцово-оловянной основе.

Еще одна маленькая, возможно, незаконченная тисненая пластина из Любши представляет собой прямоугольник из тонкого листа медного сплава размерами 19 × 8 мм, заполненный композицией из трех вплотную примыкающих друг к другу полусферических выпуклин с рубчатым ободком (№ Л-2000/131 – рис. 2, 9). Судя по отсутствию четких следов шаблона на тыльной стороне изделия, оно изготовлено не с использованием позитивного маточника, а выдавлено в негативную матрицу.

На первый взгляд, это изделие должно принадлежать к тому же кругу, как и в деталях исследованная Н.В. Енисовой медная матрица из Гнёздова, обнаруженная в составе комплекса середины X в. (Енисова, 1999). Однако гнёздовская матрица и аналогичные ей предметы из Скандинавии рассчитаны на изготовление двух, трех или пяти отдельных розеток. На пластинке из Любши близкие по форме и размерам розетки оттиснуты вплотную друг к другу, образуя цепочку из трех звеньев. Аналоги таким украшениям, правда, выполненные в другом материале, снова обнаруживаются в Подунавье. Так, шаблон-маточник для тиснения тройных розеток такого же размера найден в знаменитом комплексе ювелира из Кунтсентмартона (комитат Сольнок, Венгрия) (Csallany, 1931. Tab. II, 16 – рис. 2, 10). Позолоченные бронзовые тисненые тройные розетки в количестве 22 штук украшали головной убор погребенной в могиле раннеаварского времени в Бекешсаба (комитат Бекеш, Венгрия) (Garam, 1992. S. 139, 170, 186. Taf. 14, 1–22). Тройные розетки большего размера из серебряного листа на свинцово-оловянной основе известны в Мартыновском кладе (Pekarskaja, Kidd, 1994. S. 133. Taf. 40, 6, 7). Техника заполнения свинцово-оловянным сплавом вогнутой тыльной стороны тисненого изделия была достаточно широко распространена и далеко выходила за границы Дунайского региона. Так, поясные или уздечные наборы, состоящие из нескольких изделий, изготовленных не только в одной технике, но и в одном стиле, происходят из Гапоновского клада (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 36, 205, рис. 30, 6–15; Егорьков, Щеглова, 2000. С. 57, рис. 1, 2–4; Шаблавина, 2002.

С. 188–189), с городища Никодимово (*Седин*, 1994. С. 17–19), по-видимому, достаточно большое количество таких украшений было в кладе Козиевки/Новой Одессы (*Корзухина*, 1996. С. 644, табл. 54, 31, 40). Но если в аварских древностях эта техника характерна для раннеаварского периода, то упомянутые комплексы из Восточной Европы датируются чуть более поздним временем – от середины до конца VII в. н.э.

Появление “раннеаварской” техники в ювелирном деле населения Восточной Европы представляется закономерным результатом взаимного влияния ремесленных традиций. Нам уже приходилось говорить о двух типах организации ювелирного дела в раннеславянских культурах: первом, домашнем, дешевом и нетрудоёмком, связанном с обработкой легкоплавких сплавов, и втором – профессиональном, связанном с работой странствующих мастеров (*Шеглова*, 2002. С. 205–206). Естественно, что из всего многообразия приемов достаточно высоко развитого ювелирного дела Аварского каганата восточные соседи заимствовали те, которые были связаны с использованием издавна усвоенной обработки свинцово-оловянных сплавов, а именно – изготовление тисненых украшений со свинцово-оловянным заполнением. С другой стороны, формочки для изготовления нашивок и подвесок из свинцово-оловянных сплавов, столь характерные для вещевого комплекса раннеславянских городищ (Зимно, Шелиги и Хачки) и открытые поселений типа Бернашевки, попадали и в синхронные аварские могильники, но там они являются достаточно редкими находками (см., например: *Tettamanti*, 2000. S. 32, 133. Taf. 5; 140-8; *Fischl*, 2000. S. 135, Taf. 20).

Из “жилого слоя” Любшанского городища происходит еще один шаблон-маточник для изготовления поясных наконечников (№ Л-01/104). Он представляет собой литую пластину из медного сплава, толщиной 3,5 мм, в форме вытянутого прямоугольника 14 × 37 мм с заостренным концом (рис. 2, 12). Лицевая сторона украшена по периметру рубчатым валиком, так же, как у многих шаблонов из упоминавшихся выше комплексов ювелирных инструментов из Бискупие и Кунстсентмартона. Наиболее близок любшанскому шаблон из Якушовице, отнесенный Х. Цолль-Адамиковой к числу импортов среднеаварского периода в Польшу (*Zoll-Adamikova*, 1992. S. 299, 303, 309–310) (рис. 2, 13). Шаблон для изготовления прямоугольной поясной накладки с такой же рубчатой разделкой пояса по периметру найден в заполнении сооружения 12 на поселении у д. Городище на р. Сясь (СЛМЗ № Гор. 97-140 – рис. 2, 14). Эти предметы могли использоваться как посредники при изготовлении глиняных литейных форм и как шаблоны-маточники для тиснения. Готовых изделий, которые могли быть сделаны с помощью этих инструментов, нам пока не известно.

Рассмотренные выше тисненые изделия со свинцово-оловянным заполнением тыльной стороны и инструменты для их изготовления принадлежат к одному ювелирному комплексу с литейными формочками для работы с низкотемпературными сплавами². На северо-запад Восточной Европы этот комплекс приходит из районов распространения раннесредневековых славянских памятников Подунавья, Поднестровья, Побужья и Польши, где техника литья свинцово-оловянных сплавов в двусторонние разъемные каменные формочки зафиксирована еще на рубеже VI–VII вв. (*Шеглова*, 2001. С. 46–55; 2002. С. 145–147). Но в

² Найденный в горизонте Д в Ладоге симметричный шаблон-маточник с личинами принадлежит к другому кругу древностей и к другой производственной традиции (*Давидан*, 1980. С. 63, 66).

самых этих районах более сложная техника изготовления тисненых изделий со свинцово-оловянной заливкой появляется во время и под влиянием контакта с ремесленными традициями Аварского каганата, где, как уже упоминалось выше, эта техника является одним из характерных индикаторов раннеаварского периода. Интересно, что на территории Румынии наблюдается своеобразный переход к новой технике, когда для тиснения используются не шаблоны-матрицы или маточники для отдельных изделий, а костяные или каменные пластины с несколькими углубленными негативами изделий, отличающиеся от литейных формочек только отсутствием литников (Костешты, Кукутень, Радень – *Szmoniewski*, 2002. Р. 120–122). Б. Шмоньевский относит появление таких матриц на памятниках Румынии ко времени не ранее рубежа VII–VIII вв., не исключая, однако, вторую половину VII в. (*Szmoniewski*, 2002. Р. 130).

На территории Поднепровья тисненые элементы ременных наборов со свинцово-оловянным заполнением встречены в составе “антских кладов”, датируемых серединой VII в. н.э.

На этом фоне не выглядит удивительным, что аналогии наиболее ранним тисненым украшениям со свинцово-оловянной заливкой из Ладоги и Любши происходят из числа инструментов для изготовления таких предметов на территории Поднепровья и Подунавья.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавритухин И.О.*, 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 12.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Давидан О.И.*, 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Сб. 21.
- Давидан О.И.*, 1994. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. СПб. № 9.
- Дайм Ф.*, 2002. История и археология авар // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IX.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.*, 2000. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов “древностей антов” // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. Київ. Вип 4.
- Ениосова Н.В.* 1999. Медная матрица из Гнездова: функция и контекст // Великий Новгород в истории средневековой Европы: (К 70-летию В.Л. Янина). М.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.*, 2003. Старая Ладога: Древняя столица Руси. СПб.
- Корзухина Г.Ф.*, 1996. Клады и случайные находки вещей круга “Древностей антов” в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. Симферополь. Вып. V.
- Рябинин Е.А., Дубаинский А.В.*, 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволжье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Рябинин Е.А., Коротенко И.А.*, 2003. У истоков Северной Руси: Новые открытия. СПб.
- Седин А.А.*, 1994. Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. Магілёў. Вып. V.
- Седов В.В.*, 2002. Изборск – протогород. М.
- Седов В.В.*, 1980. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1979 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 7400.
- Шаблавина Е.А.*, 2002. Техника изготовления серебряных поясных наборов из Гапоновского клада // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников IX и X коллоквиумов семинара Государственного Эрмитажа. СПб.
- Щеглова О.А.*, 2000. Ювелирные изделия и инструменты в раннесредневековых славянских культурах Восточной Европы: К вопросу о характере ювелирного дела и его периодизации // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников IX и X коллоквиумов семинара Государственного Эрмитажа. СПб.
- Щеглова О.А.*, 2001. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках “типа Камно-Рыуге” // Миграции и оседлость

от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры: Пятое чтение памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 2000 г.: Материалы к чтению. СПб.

Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Capelle T., Vierck H., 1971. Modeln der Merowinger- und Wikingerzeit // Frühmittelalterliche Studien: Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin; N.Y. Bd. 5.

Csallany D., 1933. Goldschmiedegrab aus der Avarzeit von Kunszentmarton (Ungarn). Szentes.

Čilinská Z., 1973. Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava.

Fischi K., 2000. Szóreg – C (Szóreg – Sziv Utca) Bronzkori temetője I. // Studia Archaeologica Szeged. T. VI: A Móra Ferenc Múzeum Evkönyve.

Garam E., 1992. Die münzdatierten Gräber der Avarzeit // Avaren Forschungen. Wien. Bd. I.

Pekarskaja L., Kidd D., 1994. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck.

Szmoniewski B., 2002. Production of Early Medieval Ornaments made of non-ferrous Metals: dies from archaeological Finds in North-East Romania // Acta Archaeologica Carpatica. Vol. XXXVII.

Tettamanti S., 2000. Das avarzeitliche Gräberfeld in Vač – Kavicsbánya // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest. Vol. 4.

Zoll-Adamikova H., 1992. Zur Chronologie der avarzeitlichen Funde aus Polen // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.

“ЯДРЕЙ ПИСАЛ”

В обильном материале русской сфрагистики домонгольского времени имеется разряд печатей, должностная принадлежность которых оказывается в высшей степени затруднительной. Речь идет о буллах, несущих на одной стороне изображение какого-либо святого, а на другой – фигуру Христа или его символов. Подобных печатей в изданиях насчитывается 79, происходят они из разных мест, но больше всего из Новгорода и окраинных районов его земли (Янин, 1970. С. 224–226, № 324–347; Янин, Гайдуков, 1998. С. 155–158; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 348; Янин, Гайдуков, 2000. С. 300; Янин, Гайдуков, 2001. С. 189–190; Янин, Гайдуков, 2002. С. 166–167).

Не исключено, что новая находка, обнаруженная в 2002 г., способна прояснить давнюю проблему. Имеем в виду буллу размером 16,5–18 мм и толщиной 2,5–3,5 мм с поясным изображением св. Феодора на одной стороне и процветшего креста – на другой (рис. 1). Это уже четвертый экземпляр, оттиснутый одной и той же парой матриц. Первый был найден на Белоозере в 1983 г., второй – в Новгороде на Троицком раскопе в 1988 г. (Янин, Гайдуков, 1998. С. 156, № 340а-1, 340а-2), третий – на Белоозере в 1980-х годах (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 348, № 340а-3), четвертый – на Белоозере в 2002 г.¹ Концентрация подобных печатей в Белоозере сама по себе достаточно красноречива. Однако она усугубляется еще одной интереснейшей находкой, обнаруженной здесь же еще в 1997 г., а с 1999 г. хранящейся в Государственном Эрмитаже (КП 3315/5985). Небольшой плоский слиток свинца размером 33 × 39 мм и толщиной 12 мм был в древности использован, по-видимому, для опробования матриц описанных выше печатей (рис. 2), что свидетельствует о том, что эти матрицы употреблялись именно в Белоозере².

Найденная в 2002 г. четвертая печать с изображением св. Феодора и процветшего креста имеет некую неповторимую особенность. На ее гурте можно различить процарапаную надпись **ЯДРЕЙ ПСИ** (“Ядрей писал”) (рис. 3, 4). Буквы надписи были вырезаны на заготовке печати еще до оттискивания матриц. После сильного сжатия буллотиром заготовка расплющилась, и буквы в некоторых местах деформировались. Автографические надписи-граффити очень широко представлены среди средневековых надписей, процарапанных на стенах древнерусских зданий. По заключению исследователей – это одна из самых многочисленных тематических групп подобного вида эпиграфических источников (Высоцкий, 1966. С. 55; Медынцева, 1978. С. 16). Как правило, слово “писал” передается несколькими буквами. Но встречаются также надписи, где это слово, подобно надписи на белозерской печати, сокращается до начальной буквы “пси” (Медынцева, 1978. С. 81, 246, № 85; С. 156, 289, № 217; С. 162, 291, № 227; С. 163, 294, № 233).

Носитель имени, вырезанного на рассматриваемой печати, хорошо известен в источниках. В 1194 г. «идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядремь; и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затво-

¹ Печать хранится в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике, КП 42865-11.

² Вес свинцового слитка составляет 94,058 г. Не исключено, что он мог быть изготовлен в Белоозере и использовался в качестве гири.

Рис. 1. Печать с изображениями св. Феодора и процветшего креста из Белоозера (№ 340а-4). Увеличено в 2 раза

Рис. 2. Свинцовый слиток из Белоозера с такими же изображениями. Увеличено в 2 раза

ришася въ граде, и стояша подъ городомъ 5 недель; и высылаху къ нимъ Югра, льстьюю рекуще тако, яко “копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани”, а лъстяще ими, а вое копяче». Заманив Ядрея в город и с ним “30 муж вачьших”, югорцы их убили, а вслед за тем и еще 50 Ядреевых мужей (НПЛ, 1950. С. 40–41, 232–233). “Житие св. Варлаама Хутынского” утверждает, что воевода Ядрей был отцом Добрыни Ядрейковича, ставшего впоследствии новгородским архиепископом Антонием, хотя это родство вызывает у исследователей определенные сомнения (см., например: *Дмитриев*, 1973. С. 15).

Соединение в одном комплексе белозерских находок и имени воеводы, возглавлявшего поход за данью в окраинные районы Новгородской земли, позволяет высказать предположение о том, что печати с изображением святого и символов Христа прямо связаны с процедурой сбора даней, назначавшихся светской власти и в виде “десятины” – церковной власти³. Если это так, то изобра-

³ В этой связи напомним о найденной в Новгороде в 1990 г. в слоях середины XII в. берестяной грамоте № 724, автор которой Сава, выступающий в той же роли, что и Ядрей, информирует о конфликте, случившемся в процессе сбора даней в Заволочье. См.: *Янин, Зализняк*, 2000. С. 22–25.

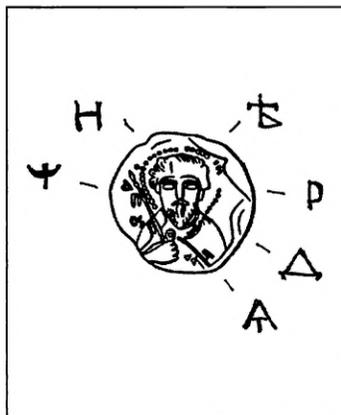
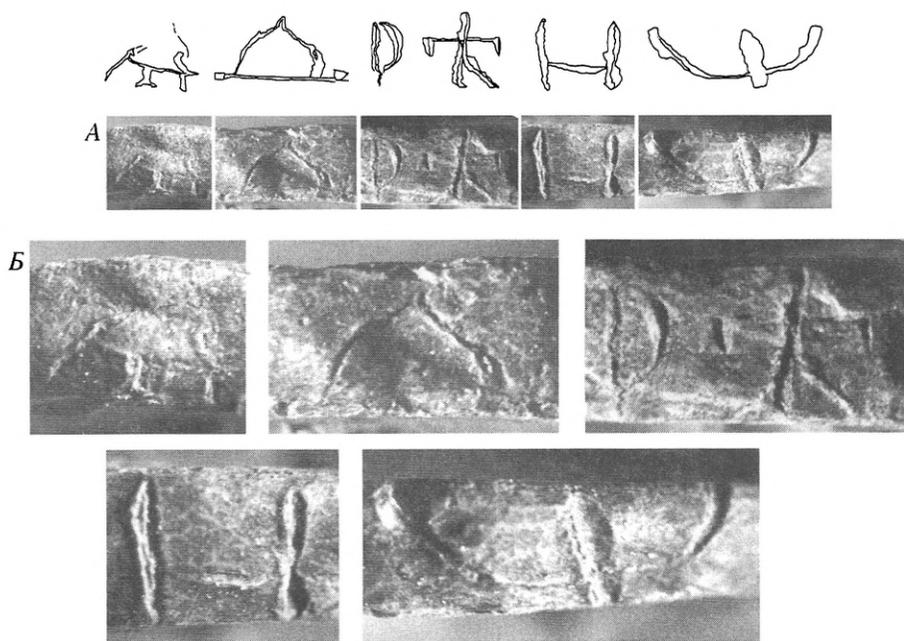

Рис. 3. Прорись печати с отметками местоположения букв надписи-граффити

Рис. 4. Надпись-граффити на печати из Белоозера. Фото и прорись

А – увеличено в 3,5 раза. Б – увеличено в 7 раз

жение святого может соответствовать светским институтам, а Христа (или его символов) – церковным. Заметим, что очевидным современником Ядрея был новгородский князь Мстислав Давидович (1184–1187), которого в крещении звали Феодором.

Известно, что реалиями сбора государственных доходов Новгорода в окраинных промысловых районах были деревянные бирки-цилиндры, массовое употребление которых прослеживается с конца X в. до конца первой четверти XII в. (Янин, 2001). Не пришли ли им на смену печати рассматриваемого типа, которыми могли скрепляться не только донесения сборщиков, но и связки шкур, качество и количество которых такими буллами удостоверилось?

Уместно вспомнить сообщение ал-Гарнати о “славянском обычае” скрепления связок пушнины “кусочком черного свинца, припечатывая его печаткой, на которой имеется изображение царя” (Большаков, Монгайт, 1971. С. 36; “изоб-

ражение царя” – в переводе О.Г. Большакова; В.Ф. Минорский в переписке с В.Л. Яниным уточнил: “изображение царства/государства”, т.е. символ государственности. См.: Янин, 1970а. С. 323).

ЛИТЕРАТУРА

- Большаков О.Г., Монгайт А.Л.*, 1971. Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.
- Высоцкий С.А.*, 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев. Вып. 1: X–XIV вв.
- Дмитриев Л.А.*, 1973. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л.
- Медынцева А.А.*, 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: X–XIV вв. М.
НПЛ, 1950. М.; Л.
- Янин В.Л.*, 1970. Актовые печати древней Руси. М. Т. 1.
- Янин В.Л.*, 1970а. Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII–XV веков. М.
- Янин В.Л.*, 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998. Актовые печати древней Руси. М. Т. 3.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998а. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗ. Вып. 12.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 2000. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // ННЗ. Вып. 14.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 2001. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // ННЗ. Вып. 15.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 2002. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // ННЗ. Вып. 16.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.*, 2000. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг. М.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

В.Д. Баран (Киев, Украина)

АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

Начало археологических исследований древней столицы Галицко-Волынского княжества положили археологи-любители в середине XIX в. Внимание ценителей древностей – краеведов привлекают еще заметные на поверхности остатки развалин церквей княжеского времени, хорошо сохранившиеся земляные валы, курганы, стены Старостынского замка. Первым из этих краеведов был церковный историк А. Петрушевич. Будучи археологом-любителем, он провел поверхностные обследования сохранившихся укреплений и остатков архитектуры. Свои наблюдения он изложил в статьях на страницах “Галицької Зорі”. А. Петрушевич поставил один из важных и, как оказалось в дальнейшем, один из самых сложных вопросов исторической топографии Галича: где, на котором из имеющихся на его территории нескольких городищ, находился галицкий детинец, кафедральный собор, резиденции князей. Некоторые аспекты этого вопроса не решены и сегодня. А. Петрушевич княжеским городом считал современный Галич над Днестром. По его мнению, княжеский двор находился на Замковой горе под Старостынским замком. Церковь Рождества Христова он считал кафедральным собором Успения Пресвятой Богородицы.

Эту концепцию А. Петрушевич отстаивал до конца своей жизни, хотя ее подвергали ревизии множество раз (*Петрушевич*, 1854; 1883; 1884).

Уже следующие после него исследователи-любители – профессор истории Львовского университета И. Шараневич и священник из с. Залуквы, расположенного на землях галицких пригородов, Лев Лаврецкий, которые сообщали о начале первых зачистки еще заметных на поверхности остатков древнегалицких храмов, высказали свое видение проблемы месторасположения княжеской столицы. И. Шараневич видит ее на Залуквовской возвышенности между р. Лимницей (Чечвой) и Днестром, западнее современного Галича (*Шараневич*, 1880а; 1880б).

К 1882 г. Л. Лаврецкий провел раскопки на Залуквовском плато и открыл остатки фундаментов трех каменных построек. Одна из них, в урочище Карпица, определена И. Шараневичем как церковь Спаса, вторая, в урочище Диброва, вслед за историком-искусствоведом Й. Пеленським – как церковь Кирилла и Мефодия. Остатки третьей постройки – Ротонды – известны в археологической литературе как “Полигон”.

В 1884 г. Л. Лаврецкий открыл остатки еще трех церквей: Св. Илии в урочище Прокалиев Сад на правом берегу Мозолевого потока, церкви Благовещения в урочище Церквиська, в которой хорошо сохранилась часть пола, сло-

женного из глиняных орнаментированных галицких плиток. Остатки третьей постройки И. Шараневич считал то церковью Благовещения, то доминиканским костелом Св. Анны. В конце полевого сезона в том же году Л. Лаврецкий открыл остатки фундаментов небольшой Воскресенской церкви-ротонды (*Лаврецкий, Шараневич, 1883*).

В 80–90 годах XIX в. И. Шараневич и О. Чоловский в поисках кафедрального Успенского собора провели шурфовку вокруг действующей Успенской церкви XVI в. в с. Крылос. По мнению О. Чоловского, в случае удачи возможно решение вопроса о Крылосском городище как центре древнего Галича, где находились резиденции князей Ростиславичей и Романовичей (*Czolowski, 1890*). Как известно, О. Чоловский фундаментов кафедрального Успенского собора не обнаружил. Однако среди выявленных в шурфах материалов имелись отдельные каменные архитектурные детали более ранних монументальных построек. Возможно, они и стали главным аргументом для Я. Пастернака, который в 1936 г. нашел место постройки Успенского собора рядом с существующей церковью.

Важное место в изучении архитектурных памятников древнего Галича занимают исследования искусствоведа-историка Й. Пеленского в 1900-х годах. Ему принадлежит первое серьезное обследование единственной более или менее удовлетворительной сохранности церкви Св. Пантелеймона в современном поселке Шевченково. Й. Пеленский провел поверхностные обследования значительной территории между современным Галичем, Крылосом и Залуквой. Он отметил еще несколько новых мест с выходом на поверхность остатков древних каменных построек, не замеченных раньше. В поисках кафедрального собора Пеленский заложил еще несколько шурфов вокруг современной Крылосской церкви, не давших искомым результатов. Тем не менее, Й. Пеленский считал Крылосское городище столицей Галицко-Волынского княжества. Он писал: "... Высокая скала в виде языка в XII ст. Крылосом звана была столичным городом русских летописей и рассказов Длугоша. На ней стояла посредине наибольшая твердыня – Кафедральный собор Успения Богородицы з тесаного камня" (*Pelenski, 1914. S. 108*). Несколько позднее это подтвердили раскопки Я. Пастернака.

Очень полезные работы по исследованию древнего Галича провели Л. Чачковский и Я. Хмилевский (*Чачковский, Хмилевский, 1938*). В 1921–1932 гг. они произвели обследования всей территории древнего Галича и его пригородов и картографировали все урочища, укрепления, "церквища", курганы, в том числе и летописную Галичину могилу (рис. 1), дали их краткое описание. Они фактически на двух картах дали историческую топографию древнего Галича. Карта издана в их общей работе "Княжий Галич" в 1938 г., уже после смерти Л. Чачковского. Эти материалы использованы всеми последующими исследователями древнего Галича, особенно Я. Пастернаком, и переходят из книги в книгу. Л. Чачковский и Я. Хмилевский на основании своих наблюдений и произведенных ранее археологических исследований определили границы древнего Галича. По их данным, это был довольно большой, хотя и несколько разбросанный средневековый город с подолом и многими пригородами, протянувшийся от Днестра на севере до лесного массива Диброва у с. Сокола на юге. Его сердцевиной – детинец – обозначен на Крылосской горе между рекой Луквой и Мозолевым потоком. С юга он защищен несколькими рядами валов. Л. Чачковский и Я. Хмилевский нанесли на карту почти все оборонительные системы древнего Галича, храмы и монастыри. Крылосский детинец, по мнению исследователей, состоял из двух частей. В его южной части стоял собор Успения Пресвятой Богородицы, тогда еще не выявленный, а в северной, в урочище Золотой Ток,

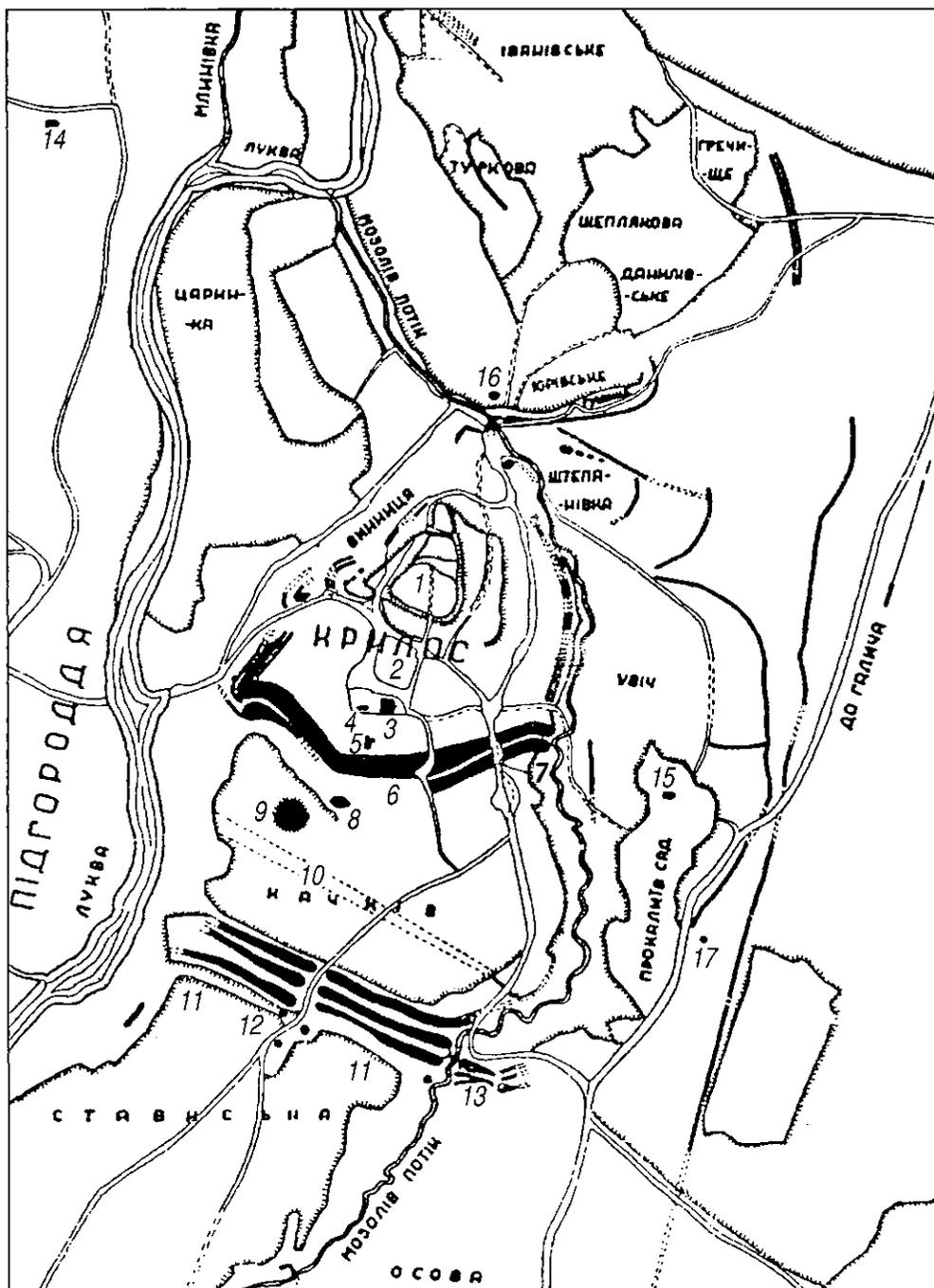

Рис. 1. Городище Крылос (по Л. Чачковскому и Я. Хмилевскому)

1 – “Золотой Ток”; 2 – Базар; 3 – Успенский собор; 4 – действующая церковь XVI в.; 5 – Митрополичьи палаты; 6 – внутренний вал; 7 – “Воротище”; 8 – оборонительная башня; 9 – “Галичина могила”; 10 – разрушенный вал; 11 – напольные валы; 12 – оборонительные башни; 13 – остатки земляных укреплений вдоль Мозолевого потока; 14 – Благовещенская церковь; 15 – церковь пророка Илии; 16 – Воскресенская церковь; 17 – оборонительная башня

по их представлениям, должны находиться остатки княжеских резиденций из Володимирковой придворной церкви Спаса.

Между кафедральным собором и Золотым током обозначена площадь – постоянное место купцов и прочан. Сегодня она полностью застроена, но сохранила свое древнее название – Базар.

Относительно первой, южной части крылосского детинца, то с открытием Я. Пастернаком фундаментов Успенского собора, предположения Я. Чачковского и Я. Хмилевского были блестяще подтверждены. Что касается Золотого тока, то ни Я. Пастернак, ни все последующие экспедиции не нашли там ни следов княжеских палат, ни Спасской церкви.

В своей работе “Старий Галич” Я. Пастернак вслед за Я. Чачковским и Я. Хмилевским настаивает на том, что княжеский двор находился на Золотом токе. Однако в свете археологических раскопок последних лет появляется все больше доказательств того, что он, как и кафедральный собор, был построен Ярославом Осмомыслом и находился несколько выше и южнее Успенского собора, возле сохранившихся до наших дней Митрополичьих палат, а возможно, частично и под ними. Во всяком случае, наши совместные раскопки с Б. Томенчуком и Ю. Лукомским на указанном участке дали материалы (остатки системы деревянных фундаментов и находки XII–XIII вв.), указывающие на существование тут больших деревянных сооружений с подвальными помещениями и кухней, где одновременно использовалось около 20 больших глинобитных печей бытового назначения. Резиденцию Володимирка Володаревича, очевидно, следует искать в урочище Карпица, откуда хорошо просматривается, по упоминанию Летописи, дорога на Бовшев, по которой выехал из Галича посол киевского князя Изяслава. Под Бовшевом, название которого сохранилось и до сегодня, нами в 1960 г. открыты поселения XII–XIII вв.

Новый этап в археологических исследованиях древнего Галича открывают раскопки Я. Пастернака (*Пастернак*, 1944). Они начались в 1934 г. и продолжались до второй мировой войны. Финансировались митрополитом Украинской греко-католической церкви Андреем Шептицким. Я. Пастернак поставил перед своей экспедицией две первоочередные задачи: найти и исследовать фундаменты Успенского собора, локализация которого определяет местонахождение княжеской столицы Ростиславичей и Романовичей, и второе, получить ответ на вопрос, когда началось в Крылосе строительство древнего Галича.

Начал он с решения второго вопроса раскопками Галичиной могилы. Она находится в урочище Качков на наиболее высокой точке Крылосского городища, между внутренними и внешними валами. Летописное упоминание Галичиной могилы относится к 1206 г. (Летопис Руський, 1989. С. 371). Уже само название могилы, созвучное с названием города, и сам факт ее упоминания в Летописи указывают на ее значимость для истории Галича.

Летописец упоминает могилу в связи с восстанием галичан против Бенедикта – венгерского воеводы короля Андрея. На помощь галичанам подошел с небольшой дружиной пересопницкий князь Мстислав Ярославич, прозванный Немым. Он не пробился в город. Перед отходом его в Пересопницу один из галицких бояр, Илья Щепанович, привел его к Галичиной могиле и сказал: “Княже, уже еси на Галичиной могиле посидел, так и в Галиче княжил еси”. Летописец обещает еще раз вернуться к рассказу “о Галичиной могиле и начале Галича, откуда он постал” (Летопис Руський, 1989. С. 371).

Хотя своего обещания летописец не исполнил, эта приписка послужила основанием для выдвижения М. Грушевским предположения, что в Галичиной мо-

гиле захоронен “... Какой-то Галич (Галица) – фундатор эпонима города” (*Грушевский*, 1992. С. 466). М. Грушевский высказался и относительно местонахождения центра древнего Галича: “...более менее на линии между устьем р. Лимницы и современным Галичем...” Во втором томе “Истории Украины-Руси” М. Грушевский изменил свое мнение: “Ничего невозможного нет и в том, что Галич со своими предместьями занимал с некоторыми перерывами все это пространство от Лимницы до Крылоса и современного Галича”. Этот вопрос, по его мнению, лучше оставить открытым.

Относительно Галичиной могилы, с которой начал свои исследования Я. Пастернак, то в 1934 г. он застал ее уже почти сгнившей. Безрезультатные раскопки Т. Заменцкого в 1883 г. и Й. Пеленского в 1911 г. и особенно постройка в насыпи кургана двух блиндажей во время первой мировой войны (1915 г.) привели к разрушению памятника. Не удалось проследить следов погребения и Я. Пастернаку. Он интерпретировал Галичину могилу как “историческое место”, где осуществлялись интронизации галицких князей задолго до Ростиславичей, потом запрещенные церковью. “Могилка осталась историческим местом...” (*Пастернак*, 1944. С. 51, 52). Это как будто бы устроило и предшественников, и последователей Я. Пастернака. До 1991 г. никто из археологов, исследующих Галич, не попытался испытать свое счастье в исследовании Галичиной могилы. Остатки погребения в Галичиной могиле были открыты лишь в 1990–1991 гг. общей экспедицией Института археологии НАН Украины и Ивано-Франковского краеведческого музея.

Важные успехи Я. Пастернака связаны с открытием и исследованием Успенского собора, Золотого тока, ряда курганных погребений, в том числе с захоронениями угров IX–X вв., и многих других объектов. Раскопки храма производились в 1937–1938 гг. Он открыт полностью. В притворе найден каменный саркофаг с останками князя Ярослава Осмомысла (1153–1187), которым был возведен кафедральный Успенский собор. Рядом с саркофагом Ярослава Осмомысла открыто погребение молодой девушки или женщины, по мнению исследователя, дочка Осмомысла, не упомянутой в письменных источниках.

В монографии “Старый Галич” Я. Пастернак дает также краткую характеристику других известных ему церквей древнего Галича. В 1939–1941 гг. им было обследовано и окружение Успенского собора. Выявлены поздние средневековые гробы, перекрывающие погребения княжеских времен, а также жилища и хозяйственные ямы более раннего времени. Среди них – полуземлянка с печью-каменкой, которую исследователь интерпретировал как баню.

Упоминания заслуживают исследования Я. Пастернака на Золотом Токе Крылосского детинца в 1938–1939 гг. Он разрезал валы и открыл значительную площадь на плато. Открыто несколько хозяйственных ям, собрано значительное количество керамики XII–XIII вв., металлических изделий преимущественно сакрального назначения, епископские печати. Однако никаких следов ни княжеского замка, ни церкви Спаса, что было целью его раскопок, не нашел. Их не обнаружили и последующие экспедиции М. Каргера, В.В. Аулиха, Ю. Лукомского, Б.П. Томенчука совместно с нами. Из этого следует, что их на Золотом Токе не было. Анализ всех открытий на территории древнего Галича требует отказаться от интерпретации Золотого Тока как места княжеских резиденций.

Заслуживают внимания раскопки Я. Пастернака в урочище Юривское в 1939 и 1941 г. Открыт ряд производственных комплексов: бронзолитейных, ювелирных, стеклоделательных, а также гончарная печь. Найденны матрицы, бронзовые шлаки, заготовки, отходы производства. Я. Пастернак называет

Юривское "... промышленным комбинатом" древнего Галича. Результаты своих и более ранних исследований Я. Пастернак обобщил в монографическом издании "Старий Галич".

Прежде чем перейти к характеристике почти двадцатилетних исследований Галицкой археологической экспедиции Института общественных наук АН Украины и Ивано-Франковского краеведческого музея, возглавляемой В.В. Аулихом, необходимо отметить эпизодические, но результативные раскопки на территории древнего Галича киевских археологов В.И. Довженка и В.К. Гончарова и ленинградских исследователей М.К. Каргера и О.М. Иоаннисяна (*Гончаров*, 1955; *Каргер*, 1960. С. 61–71; *Иоаннисян*, 1981).

Два первых исследователя открыли ряд новых жилищных, производственных и хозяйственных объектов, вторые в основном изучали монументальную церковную архитектуру. Произведены повторные исследования церковей пророка Ильи, Спаса, неизвестного названия в урочище Цвинтариска, Квадрыфолия в с. Побережжя, "Полигон" в урочище Карпов Гай и др. В поисках княжеских резиденций М.К. Каргером произведены небольшие раскопки и на Золотом Току.

Свои исследования древнего Галича В.В. Аулих начал в 1969 г. Они охватили как детинец крылосского городища, так и подол над р. Луквой и ряд пригородов. Открыто и исследовано значительное количество жилищных, хозяйственных и ремесленных сооружений, погребальных комплексов (*Аулих*, 1980а; 1980б).

В составе экспедиции работали два отряда, исследовавшие галицкую архитектуру (Ю.В. Лукомский) и памятники Галицкой округи (Б.П. Томенчук).

Провести обстоятельный анализ результатов экспедиции В.В. Аулиха в краткой статье не представляется возможным.

Обратимся к его исследованиям в 1980–1981 гг. на южном участке Крылосского городища, на его стрелке в усадьбе Шевчуков.

Добытый в жилищных и производственных объектах материал – самый богатый за всю историю археологических исследований. В помещении галицкого мастера найдены 142 целые и 15 фрагментов глиняных тигельков, бронзовые матрицы (98 экз.), три каменные и две бронзовые иконки, пряжки, застежки, бляшки, подвески, бронзовый сосуд, шахматная фигурка ферзя из слоновой кости, 6 обломков крестиков-энколпионов, две железные секиры, замок, ключи, каменные бруски, свинцовый грузик, 31 фрагмент стеклянных браслетов и керамика XII в. На том же участке открыта погибшая в пожаре полуземлянка XII–XIII вв. В одном из углов жилища расчищен женский скелет. На полу жилища найдены чересло, две косы-горбуши, два фрагмента кольчуги, три секиры, сверло, ножи, фрагменты шпор, стремян, конские путы, заготовки, бусы, 7 точильных брусков, 91 фрагмент стеклянных браслетов, костяной наконечник стрелы. Отрядом Ю.В. Лукомского, который продолжил исследования в урочище Даринка, в 1986–1992 гг. открыты четыре ранее неизвестные сакральные постройки, существовавшие в разные хронологические периоды, а также исследована часть могильника княжеского периода. Заслуживает внимания деревянная трехапсидная церковь-усыпальница XII–XIII вв., на месте которой в середине XIII в. началось строительство каменной церкви, от которой уцелела лишь часть фундаментов. Ее строительство было прервано в 1241 г. монголо-татарским нашествием. Во второй половине XIII в. там построили деревянную каплицу, вокруг которой продолжали хоронить жителей галицкого подола (*Лукомский*, 1994; 1992–1996). Значительные работы в конце восьмидесятых годов про-

шлого века осуществлены на Замковой горе в современном Галиче. Открыты объекты и собраны материалы XI и XII–XIII вв. Таким образом, установлено, что Старостинский замок был построен на городище древнерусского времени.

Начиная с 1991 г. продолжила исследования древнего Галича Галицкая археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины, Ивано-Франковского краеведческого музея и Прикарпатского университета. Свои работы мы с Б.П. Томенчуком начали с исследований Галичиной могилы, которая раскапывалась до нас трижды, но безрезультатно. Открытое нами под курганной насыпью погребение знатного дружинника в долбленном челне, покрытом парчой, вышитой золотой ниткой, как будто подтверждает мнение М. Грушевского, который, исходя из ее названия, зафиксированного в летописи, считал, что в Галичиной могиле был захоронен основатель Галича. Найденные в челне вещи – наконечник дротика, наконечники стрел, скрамасакс, два топора, тесло и др. – могут датироваться концом X – началом XI в., т.е. временем сооружения первых монументальных укреплений Галицкого городища. В настоящее время Галичина могила музеефицирована.

Впервые обстоятельно обследована оборонительная система Крылосского городища. Установлено, что строительство трех линий напольных валов и основного вала, окружающего с юга детинец, начато в X в. Основная средняя фаза с деревянными клетями, сожженными татаро-монголами в 1241 г., датируется XII–XIII вв., т.е. временем Ростиславичей и Романовичей, а последняя поздняя фаза – XV–XVII вв. – временем Галицкой метрополии.

В 1995–1996 гг. на западном эскарпе Крылосского городища, примерно напротив Успенского собора с его западной стороны, открыты выразительные следы столбовых ям значительного диаметра, обозначающие стены большой двухэтажной гридницы длиной 26 м и шириной 15 м. Судя по материалам (шпоры, стремена, писало, многочисленный амфорный материал), она была предназначена для постоянной княжеской дружины, охраняющей стольный град.

В последующие годы в урочище Сад, т.е. на территории детинца, открыто около десятка жилищ XII в. рядовых горожан в виде полуземлянок с печью-каменкой, типичной для этой территории начиная с конца IV в.

Внимания заслуживает открытие большого мощеного белым камнем двора, упирающегося своим северным концом в Успенский собор, а южным – в упомянутую выше большую деревянную постройку с мощными дубовыми фундаментами и подвальными помещениями. Полагаем, что ее можно считать остатками дворца Ярослава Осмомысла, построенного им одновременно с Успенским собором или несколько раньше. Раскопки на этом участке продолжаются.

Но даже то, что мы действительно исследуем княжий двор Ярослава Осмомысла на Крылосском детинце, еще не доказывает, что все Ростиславичи и Романовичи имели свои резиденции в Крылосе. Первые резиденции как Ростиславичей, так и Романовичей могли находиться, и, как нам кажется, находились на других галицких городищах, где открыты церкви Спаса и Пантелеймона (*Баран, Томенчук, 2002. С. 213–216*).

Сегодня можно быть уверенным лишь в том, что в периоды наивысшего подъема Галицко-Волынского княжества во времена Ярослава Осмомысла и Даниила Галицкого их резиденции находились на стратегически выгодном и наиболее укрепленном Крылосском детинце.

ЛИТЕРАТУРА

- Аулих В.В.*, 1980а. Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Киев.
- Аулих В.В.*, 1980б. Раскопки галичского городища // АО, 1979 г. М.
- Баран В., Томенчук Б.*, 2002. Археологічні дослідження давнього Галича у 1991–2002 роках // Українознавство. Київ. № 4.
- Гончаров В.К.*, 1955. Археологічні дослідження давнього Галича у 1951 році // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. 5.
- Грушевський М.*, 1992. Історія України-Руси. Київ. Т. I.
- Иоаннисян О.М.*, 1981. О раннем этапе развития галицкого зодчества // КСИА. Вып. 164.
- Каргер М.К.*, 1960. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // КСИА. Вып. 81.
- Лаврецкий Л., Шараневич И.*, 1883. Про розкопи в Галичі // Діло. Львів. № 89.
- Літопис Руський, 1989. Київ.
- Лукомський Ю.*, 1992–1996. Звіти архітектурного загону науково-реставраційного інституту “Укрзахідпроектреставрація” про польові дослідження у 1992–1996 рр.
- Лукомський Ю.*, 1994. Архітектура давнього Галича. Галич.
- Пастернак Я.*, 1944. Старий Галич. Краків; Львів.
- Петрушевич А.*, 1854. О соборной Богородичной церкви и святителях // Зоря Галицкая. Львів. № 2–14.
- Петрушевич А.*, 1883. Критико-історическія розсуждения о наддністрянском городе Галичі і его достопамятностях // Вестник Народного Дома з року 1882. Львів. № 1.
- Петрушевич А.*, 1884. О городе Галиче за Луквою // Вестник Народного Дома. Львів. № 18–25, 26–37.
- Чачковський Л., Хмилевський Я.*, 1938. Княжий Галич. Станиславів.
- Шараневич И.*, 1880а. Старорусский княжий город Галич. Львів.
- Шараневич И.*, 1880б. На котором местци стояв Галич // Зоря. Львів. № 10–13
- Szołowski A.*, 1890. O położeniu starego Halicza. Lwów.
- Pelenski J.*, 1914. Halicz w dziejach sztuki sredniowiecznej. Kraków. S. 108.

А.Г. Векслер (Москва)

ЦЕРКОВЬ Св. ТРОИЦЫ "СТАРАЯ" В МОСКВЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕФИКАЦИЯ

Храмом исключительного почитания, имевшим особое значение, издревле являлась церковь Св. Троицы "у Старых Полей", стоявшая до 1930-х годов в центре Москвы между улицей Никольской, Третьяковским и Театральным проездами, у Лубянской площади, поблизости от донныне стоящего памятника первопечатнику Ивану Федорову (*Тихомиров*, 1957).

Название церкви варьируется в источниках как:

- Старая Троица (ПСРЛ, 1901. С. 237);
- В Полях Старая Троица (Синодальная летопись № 365. Цит. по: *Соловьев*, 1887. С. 9);
- Храм Живоначальная Троицы у Старых Полей (Акты исторические, 1841. С. 283; Материалы..., 1884. С. 386; Переписная книга 1626 г. С. 7, 9);
- На Старых Полях (Переписная книга города Москвы 1638 г. С. 18);
- На Старых Полях в Китае городе у стены; Троицы в Китае, близ Никольских ворот, что на Лубянку (Материалы..., 1884. С. 386, 387; Выписка из Строительной книги 1657 г. С. 19).

Историк Храма священик Н. Соловьев справедливо полагал, что название Церкви "в Полях" не следует понимать "что на месте сем было поле, но принимать в смысле поединка" (*Соловьев*, 1887. С. 9). Названия "Поля" – места судебных поединков, были характерны для средневековой судебной практики Москвы (Судебники XV–XVI вв., 1952. С. 201, 203).

Первое упоминание о Троицкой церкви отмечено в Никоновской летописи под 1493 г. в связи с большим пожаром: "Того же месяца Июля в 28, в неделю, в 7 час дни, загорелся церковь от свечи святыи Никола на Песку... А из города торг загорелся, и оттоле посад выгоре возле Москву-реку до Зачатия на Востром конце, и по Васильевский луг, и по Все Святыи на Кулишке, и оттоле по Иоанн Богослов и по Старую Троицу, и Сретенская улица вся выгоре до всполия..." (ПСРЛ, 1901. С. 237). Из этого сообщения следует, что церковь уже в то время называлась "Старой", т.е. была построена задолго до 1493 г.

По мнению И.Е. Забелина, граница городского Посада в конце XIV в. началась "...от Церкви Старой Троицы в Полях, стоявшей тогда у самого Кучкова Поля (Лубянская площадь)" (*Забелин*, 1995. С. 52). По версии классика истории Москвы, храм Старой Троицы в древности являлся приходской церковью села Кучкова, располагавшегося на этой территории по берегу реки Неглинной (*Забелин*, 1995. С. 52). На месте деревянной Троицкой церкви, обветшавшей и не однажды горевшей, в XVI в. был сооружен каменный храм, о чем "Летопись о временах царя Ивана Васильевича Грозного 1563–1567 гг." сообщает под 1565 г. (Русская историческая библиотека, 1876. С. 281, 282). Наиболее раннее изображение каменного храма имеется на Годуновском плане начала XVII в., где эта церковь показана стоящей по левой стороне Никольской улицы у стены Китай-города. Рядом с ней стоит другая, небольшая, видимо, деревянная церковь, до этого нигде не упоминавшаяся.

Сложившаяся в этом месте к XVII в. планировочная ситуация зафиксирована в Переписной книге Москвы 1626 г.: "Церковь каменная Живоначальная

Троица у Китая-города у стены, что у старых Поль, от церкви до дворов четыре сажени без четверти, по другую сторону от дворов, по деревянную паперть, шесть сажени без полчетверти, на том же монастыре церковь деревянная” (Переписные книги города Москвы, 1881. С. 12). По предположениям, эта деревянная церковь была посвящена Великомуученику Св. Георгию и именовалась также “в Полях” (Москва или исторический путеводитель..., 1827. С. 320). По-видимому, вскоре она была разобрана или же сгорела и не была восстановлена, так как на планах Олеария и Мериана она отсутствует и в каких-либо документах в дальнейшем не упоминается. Другой храм был поставлен рядом на “Троицкой земле во имя Преподобного Чудотворца Сергия”, на что указывает Строильная книга 1657 г., как “строение стольника князя Ивана Алексеевича Воротынского” (Материалы по истории..., 1891. Стб. 21). Троицкая церковь на протяжении веков неоднократно перестраивалась; в XVII–XVIII вв. объем храма получил дальнейшее развитие: появились приделы, трапезная, колокольня. В 1830-х годах здание было кардинально перестроено в стиле ампир и просуществовало в таком виде до 1930-х годов. В непосредственной близости от храма находились и древние фортификационные сооружения. В конце XIV в. территория Великого Посада была обнесена земляным валом, в 1535–1538 гг. по той же трассе были возведены кирпичные стены Китая-города, причем одно из прясел крепости проходило вдоль храма северо-западнее здания.

Современный историк Москвы С.К. Романюк с горестью отмечает, что “церковь Троицы ушла от нас совсем не исследованная... В 1934 году в этом районе был осуществлен тотальный снос всех зданий, и вместо необыкновенно живописного уголка города с главами и куполами церквей, башней и старинной крепостной стеной, явилось взору унылое пустое пространство, окруженное глазами плоских стен” (Романюк, 1992. С. 60).

В 1999 г. в связи с предстоящим благоустройством территории, проведением реставрации комплекса зданий и скульптурного памятника Первопечатнику Ивану Федорову и строительством подземного гаража по Третьяковскому проезду, Центром археологических исследований Главного управления охраны памятников г. Москвы (в дальнейшем ЦАИ) были организованы до начала земляных работ охранные раскопки с целью изучения комплекса сооружений Троицкого храма, окружавшего его некрополя и в последующем возможной музеефикации основания древнего здания¹.

В соответствии со специально разработанными в ЦАИ Историко-археологическим опорным планом и Проектом организации археологических работ в зоне древнего храма были проведены раскопки на площади 620 м², которые позволили получить значительную информацию как по истории архитектурных сооружений, так и по освоению самой территории.

Серьезной удачей исследования оказалось обнаружение в северной части котлована сохранившегося белокаменного основания церкви, состоящего из четверика размерами 900 × 930 см, сориентированного длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. С востока к четверику примыкала апсида шириной 800 см (с обеих сторон она отступала от углов четверика примерно на 0,5 м) и длиной 510 см. Размеры церкви, таким образом, составляли 14 × 9 м.

¹ Обработка краниологического и остеологического материала некрополя произведена научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Д.В. Пижемским.

Фундаментные кладки имели ширину от 130 до 170 см – более широкими были западные и восточные стенки четверика, а также стенки апсиды, сохранившиеся на высоту от 150 до 200 см. Подошва же кладки фундамента практически повсеместно находилась на двухметровой глубине, независимо от подстилающих грунтов, причем во многих местах фундамент стоял на рыхлом могильном перекопе. Кладка фундамента состояла из чередующихся 7–8 рядов грубо отесанного белого камня и валунов, скрепленных прочным известковым раствором. В верхнем горизонте кладки локально вкраплялись гладко отесанные блоки белого камня размерами 25–35 × 20–30 × 15–25 см, составлявшие цоколь кладки. Кроме известняковых квадров и валунов в кладке фундамента были использованы обломки и целые белокаменные надгробные плиты, характерные для XVI в.

В основании кладок и четверика, и апсиды были встречены также обломки кирпичей, по размерам датирующихся XVI в.

Кирпичная кладка самих стен церкви не сохранилась. Однако, в южной части апсиды были встречены фрагменты кладки кирпича XVI в., уложенного на известковом растворе.

В фундаментном рве как внутри четверика, так и в апсиде были отмечены индивидуальные находки, среди которых самыми поздними являлись медные монеты – “пула” московские с изображением сирены, датирующиеся первой половиной XVI в., а также встречены красноглиняная, чернолощенная, ангобированная расписная керамика типов, характерных для XVI в.

Таким образом, археологическая датировка сооружения укладывается в пределы середины – второй половины XVI в. и не противоречит летописной дате сооружения каменного храма Троицы в Полях 1565 г.

К западу от четверика были зафиксированы остатки пристроек к раннему каменному храму: трапезной и галереи с колокольней, возведенных, по данным раскопок, не ранее середины XVII в.

Кроме того, при исследованиях были вскрыты фундаменты ампиричного Троицкого храма, выстроенного в первой трети XIX в и разрушенного в 1934 г.

Кроме архитектурно-археологических исследований храма и фрагмента кирпичной Китай-городской стены, раскопки позволили с большей полнотой изучить значительный участок средневекового приходского кладбища XIII–XVIII вв., примыкавшего к Троицкой церкви с юга и запада. Всего было прослежено 258 погребений, и кроме того, в переотложенном положении встречены останки, принадлежавшие еще не менее чем 127 покойным².

Датировка захоронений получена по стратиграфии при наличии ряда белокаменных надгробий и саркофагов, среди которых отмечены образцы, датирующиеся по классификации Л.А. Беляева временем от XIII в. до XVII в. (*Беляев*, 1996. С. 287, 297 и др.). В целом, комплекс плит составил 65 находок, большинство из которых представлены в виде фрагментов, причем практически все плиты орнаментированы. В числе погребений с сопровождавшими их надгробиями оказалось совершенное в 1697 г. захоронение известной по документам видной исторической персоны – княгини боярыни Настасьи Львовны Воротынской.

² Оперативное руководство работами ЦАИ осуществляли В.А. Беркович и В.Ю. Коваль. Заказчиком являлась Дирекция Международного Неправительственного фонда “Вечная память солдатам”. Исполнительный директор В.А. Полторакевич. Опережающие геофизические изыскания произведены АОЗТ “Фром”. Консервацию каменных кладок вело РПП “Таргет Цель”, руководитель – В.И. Суслин.

Рис. 1. Москва, Театральный проезд. Музеефицированное белокаменное основание церкви Троицы Старой, 2003 г.

Из инвентаря погребений большой интерес представляет коллекция 55 нагельных и наперсных крестов, а также целый ряд разного типа погребальных сосудов – елейниц.

Среди находок мелкой пластики выдающийся интерес представляет находка двустороннего каменного резного образка с сюжетами “Сошествия во ад” и св. Георгия, с датировкой первыми десятилетиями XIV в. и уникальный тельный крест с изображением св. Сергия (*Векслер, Мединцева, 2001. С. 108, 113*). Находки не случайны, поскольку церкви, посвященные Св. Георгию и Св. Сергию, входили в единый архитектурный комплекс со зданием Старой Троицы.

Из слоя некрополя происходит комплекс из 222 серебряных и медных монет, обнаруженных в заполнении могильных ям, причем в некоторых случаях найденных непосредственно в погребениях на костяках *in situ*. Монеты, несомненно, связаны с погребальными традициями населения средневековой Москвы (*Векслер, Петухов, 2002. С. 203, 206*).

Особый интерес представляют находки, относящиеся к эпохе до монгольского нашествия, в числе которых вятические семиплопастное височное кольцо, решетчатые перстни, привеска с лунницами, характерная керамика типа серой и курганной, что подтверждает раннее освоение территории и допускает возможность интерпретации первоначальной церкви как приходской, стоявшей в ближнем к древнему граду подгородном поселении (в селе Кучкове?). О наличии в древности в окрестностях церкви железодельного производства свидетельствует ряд находок криц, оказавшихся во вторичном залегании в четверике храма и в одной из могильных ям.

Результаты охранных исследований Троицкой церкви и примыкающего к ней некрополя свидетельствуют о том, что данный памятник можно отнести к числу выдающихся. Это редчайший случай в московской археологии, когда удалось методически раскопать значительную часть средневекового некрополя и первый прецедент, когда вообще исследовалось кладбище, непрерывно функционировавшее с XIII по XVIII в.

Научный интерес архитектурно-археологических исследований комплекса Троицкой церкви, историю развития территории и эволюцию форм которой удалось проследить с XIII до начала XX в.³, не вызывает сомнений.

Поэтому чрезвычайную важность, по нашему мнению, представляли сохранение и последующее экспонирование основания белокаменного храма XVI в. (и фрагмента стены Китай-города, исследование которого составляет отдельный сюжет). После раскрытия и архитектурного исследования описанное сооружение подверглось специальной консервации, а затем, в соответствии с решением Правительства Москвы, впервые в столице стало архитектурно-археологическим музеем “под открытым небом” (рис. 1). Отметим, что в зоне белокаменных кладок церкви одновременно экспонируются *in situ* обнаруженные в процессе раскопок белокаменные надгробия и архитектурные детали. Информация по результатам археологических исследований представлена на специально подготовленном щите, размещенном на участке музеефицированного основания храма (*Векслер, Кориунов, 2001. С. 40*).

³ Исследования в зоне Троицкой церкви проводились при постоянном участии специалистов Института археологии РАН. Пользуюсь приятной возможностью выразить искреннюю благодарность руководителю отдела полевых исследований академику В.В. Седову за неизменную поддержку “спасательных” (охранных) работ в г. Москве и главному консультанту архитектурных раскопок д.и.н. Л.А. Беляеву.

Раскрытие и введение в современную городскую среду музеефицированного памятника археологии, уникального утраченного произведения московского зодчества эпохи Ивана Грозного, является наглядным воплощением живой связи времен и тем обогащает архитектурный облик исторического ядра столицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты исторические, 1841. СПб. Т. III.
- Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Векслер А.Г., Коришунов В.Ф., 2001. Опыт музеефикации архитектурно-археологических памятников Москвы // Древности московской земли: Проблемы современной археологии. М. Авторы проекта музеефикации архитектор Моспроект-2 Б.М. Могильников и археолог А.Г. Векслер.
- Векслер А.Г., Мединцева А.А., 2001. Новая находка каменного образка при раскопках на Великом Посаде Москвы // КСИА. Вып. 211.
- Векслер А.Г., Петухов С.П., 2002. Обол Харона в погребениях средневекового некрополя церкви Святой Троицы в Старых Полях, г. Москва // 10 Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. М.
- Выписка из Строильной книги 1657 г.
- Забелин И.Е., 1995. История города Москвы. М. Ч. 2: Посад.
- Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы / Под ред. И.Е. Забелина. М., 1884. Ч. 1. М., 1891. Ч. 2.
- Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского, 1827. М. Ч. 2.
- Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881.
- Переписные книги города Москвы. Сост. в 1738–1742 гг. (С прил. Переписной книги 1626 г.) М., 1881.
- ПСРЛ, 1901. СПб. Т. 12.
- Романюк С., 1992. Москва: Утраты. М.
- Русская историческая библиотека (РИБ), 1876. СПб. Т. 3.
- Соловьев Н., 1887. Летопись московской Троицкой что в Полях церкви. М.
- Судебники XV–XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л. 1952.
- Тихомиров М.Н., 1957. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.

А.Н. Кирпичников (Санкт-Петербург),
Н.В. Ениосова (Москва)

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛИТКОВ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Изучение культурных напластований X–XI вв. Земляного городища Старой Ладogi (раскоп № 3), проводившееся археологической экспедицией ИИМК РАН в 2002 г., позволило проследить три строительных горизонта с сооружениями различной сохранности. Они были насыщены разнообразными предметами числом свыше 3000, отражающими различные стороны жизни горожан (*Кирпичников*, 2003. С. 81).

Среди находок выделяется небольшая группа инструментов литейщика, содержащая целый и фрагментированные тигли (4) и литейные формы (3). Все они происходят из верхнего черного гумусированного слоя с остатками построек, уничтоженных пожаром. Сохранившаяся полностью изложница и обломки глиняных экземпляров для отливки ювелирных слитков являются редкими находками не только для Старой Ладogi, но и для Восточной Европы в целом (*Ениосова, Сарачева*, 1997. С. 296).

Каменная форма представляет собой хорошо отполированную плитку (94 × 50 × 30 мм) прямоугольной формы, вырезанную из светлого зеленовато-коричневого камня (рис. 1). Визуальный осмотр, проведенный на кафедре геохимии геологического факультета МГУ Д.А. Бычковым, позволил установить, что материал изложницы представляет собой породу метаморфического происхождения – слюдястый сланец. На трех гранях формы – одной широкой и двух боковых – вырезаны негативные углубления для воспроизведения слитков. На второй широкой плоскости также остался след руки резчика – он начал вырезать углубление для литниковой чаши и негатив для отливки неопределимого предмета, но по каким-то причинам оставил эту работу незаконченной. Ни в одной из литейных плоскостей следов металла не обнаружено¹. Сохранившиеся без повреждений негативы для слитков позволяют полностью реконструировать их форму и размеры, а также определить приблизительный вес для экземпляров из серебра или сплавов на основе меди.

На широкой плоскости изложницы помещено углубление для отливки массивного слитка (72 × 11 × 7 мм) с широкими прямоугольными концами. Объем полученной полости составляет примерно 5 мл, что, исходя из удельной плотности различных металлов, соответствует серебряному слитку весом в 50 г или слитку из сплава на основе меди весом в 40 г. На одной из боковых граней формы вырезаны два углубления для отливки более узких и тонких слитков (70 × 6 × 5 и 75 × 6,5 × 6 мм), на другой – полость для массивного экземпляра (70 × 9 × 8 мм). Несмотря на небольшую разницу в размерах, объем, а, следовательно, и вес узких слитков примерно одинаков (V – 3 мл): 30 г для серебра или 24 г для медного сплава. Объем массивного слитка составляет 4 мл, что соответ-

¹ Рентгено-флуоресцентный анализ проводился в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ Р.А. Митояном.

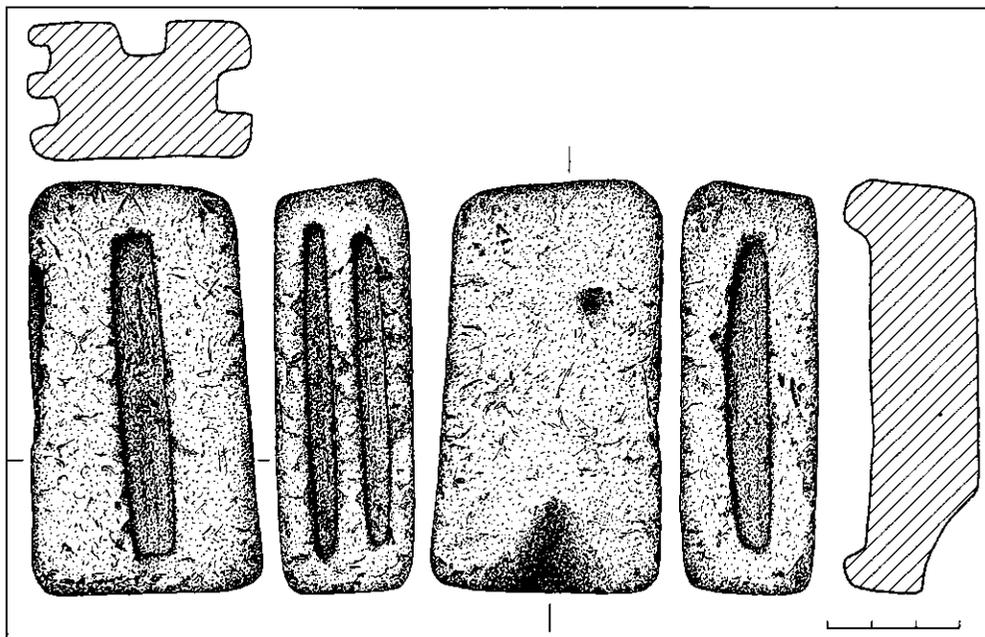

Рис. 1. Литейная форма для слитков из слюдяного сланца. Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2002 г.

ствует 40 г серебра или 32 г сплава на основе меди. Концы всех трех экземпляров округлые. Таким образом, литейная форма служила для производства слитков практически стандартной длины с одинаковым трапециевидным сечением, но разного объема и веса.

Глиняные фрагменты также использовались для отливки слитков трапециевидного сечения. В двух изложницах сохранились отпечатки слитков с прямоугольными концами (9 × 5 мм), в третьей получали тонкий слиток-палочку с округлым окончанием (5 × 4 мм). Размер сохранившихся фрагментов не позволяет судить об их длине (рис. 2). Все формы сделаны из глиняного теста с примесью крупного песка. Ошлакованная поверхность свидетельствует, что они подвергались воздействию высоких температур.

Староладожские находки относятся к литейным формам открытого типа. Их использовали для производства полуфабрикатов и заготовок, предназначенных для последующих литейных или кузнечных операций. С каждой заливкой металла репродукционные свойства негатива ухудшались, но при получении слитков четкость негатива и качество поверхности отливки не играли столь существенной роли, как при изготовлении готовых изделий – украшений, бытовых предметов и др. (Bayley, 1992a. P. 201–202).

Для отливок, полученных методом свободного литья в открытые полости, характерны усадочные раковины – прогибы поверхности и множественные газовые поры, образованные на открытых участках формы. По мнению Р.С. Минаяна, соблюдение баланса между нагревом расплава и формы перед заливкой металла позволяло получать слитки более высокого качества. Литье в холодные формы, напротив, приводило к образованию множественных дефектов (Минаян, 1995. С. 170–171). Не исключено, что открытые формы снабжались глиняными или деревянными крышками, которые также препятствовали захва-

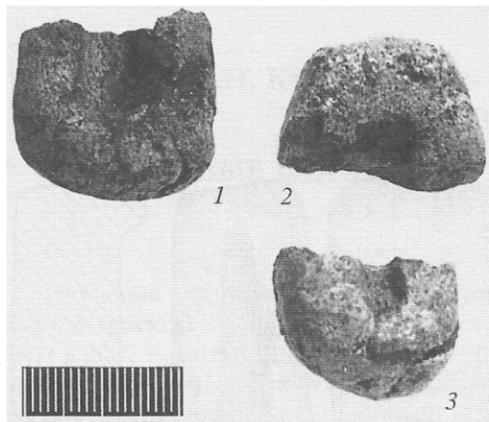

Рис. 2. Фрагменты глиняных литейных форм для слитков. Раскопки 2002 г.

ту воздуха и быстрому остыванию отливок.

Эти наблюдения хорошо согласуются с результатами металлографического анализа ювелирного слитка X в., обнаруженного при раскопках центрального городища в Гнёздове. На его поперечном разрезе хорошо видны многочисленные газовые поры, количество которых резко возрастает у открытой в момент литья грани слитка. Кроме того, в процессе кристаллиза-

ции металла образовались крупные разветвленные дендриты, что свидетельствует о медленной скорости затвердевания сплава в форме. Эффект снижения теплопроводности формы достигался благодаря ее сильному предварительному нагреву и использованию крышки. Несмотря на относительно хорошее качество гнёздовского экземпляра, после изъятия из формы он был обработан абразивом, оставившим на поверхности слитка риски, идущие в одном направлении. Финальная полировка придавала сырьевому продукту “товарный” вид.

Для производства ювелирных и платёжных слитков из медных сплавов и драгоценных металлов помимо каменных использовали глиняные и металлические изложницы, что документируется редкими находками из культурного слоя средневековых поселений. Слитки из легкоплавких металлов отливали также и в деревянные формы. Об их использовании мы можем судить по следам древесины на поверхности уникальных экземпляров из клада середины IX в., обнаруженного на городище Выжегша в Волго-Клязьминском междуречье (Леонтьев, 1996. С. 206–210). И, наконец, теоретически мы можем предположить, что массивные слитки, длина которых превышала 20–25 см, отливали в опоку или формовочную землю, а также в канавки, вырытые в полу мастерских (Bayley, 1992b. P. 781). Понятно, что в археологических материалах обнаружить свидетельства этого вида литья практически невозможно.

Список литейных форм для слитков из Старой Ладogi не исчерпывается находками 2002 г. Кроме них на Земляном городище в горизонте E2 (840–860 гг.) обнаружен обломок более массивной изложницы (96 × 92 × 48 мм) из светлого песчаника. В форме вырезан единственный негатив, по сохранившейся части которого можно заключить, что в нем отливали большие слитки с округлой спинкой полуовального сечения (высота – 10 мм, ширина – 13 мм). В более поздних культурных отложениях – горизонте Д (930–970 гг.) обнаружена достаточно редкая для производства слитков глиняная изложница. Она представляет собой массивную керамическую прямоугольную плитку (150 × 23 × 21 мм), в которой отливали тонкие длинные слитки-палочки полуовального сечения (130 × 6 × 5 или 135 × 8 × 7 мм) с округлыми концами (рис. 3) (Давидан, 1980. С. 65). Четвертый экземпляр – случайная находка с территории Никольского монастыря – сохранился в виде большого фрагмента формы (46 × 37 × 14 мм) из светлого песчаника с негативом для массивного слитка треугольного сечения (Старая Ладога – древняя столица Руси, 2003. С. 68; № 76).

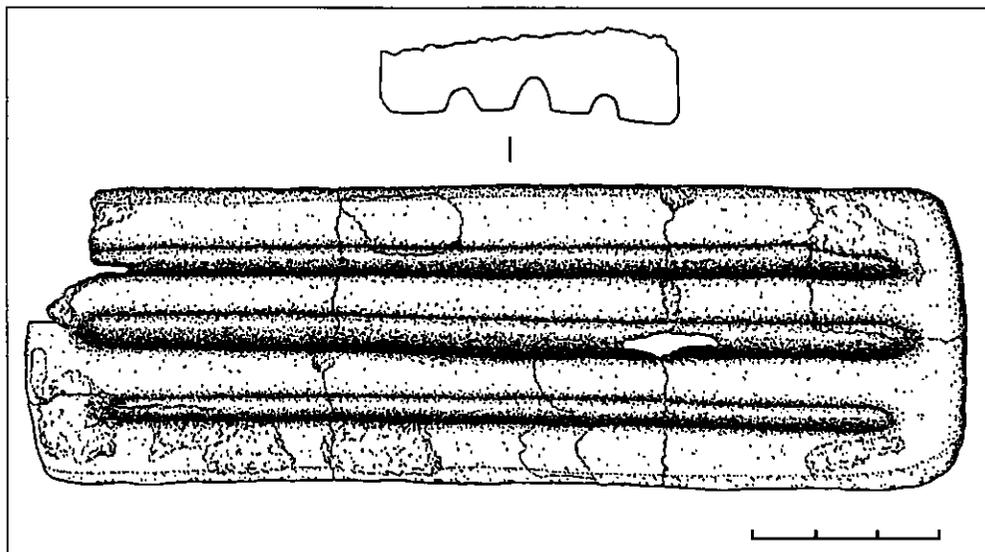

Рис. 3. Литейная форма для слитков из глины. Старая Ладога. Земляное городище (по О.И. Давидан)

Формы 2002 г. происходят из горизонта, ниже которого залегают два яруса с остатками деревянных сооружений, вероятно, частью приблизительно одно-временных. По данным дендрохронологического анализа, они датируются в целом между 958 и 980 гг. (Кирпичников, 2003. С. 81–82). Следовательно, новые экземпляры можно предварительно датировать временем не ранее двух последних десятилетий X в. Таким образом, эти находки – самые поздние из всех старолadoжских изложниц, имеющих стратиграфическую привязку.

Для домонгольской Руси литейные формы для отливки слитков – большая редкость. Помимо ладожских изложниц следует упомянуть случайную находку – обломок с Рюрикова городища (рис. 4). Она сделана из стеатита – мыльного камня и предназначена для отливки 4 различных по форме и весу слитков (Янссон, 1999. С. 32; Кирпичников, 2003. С. 88, рис. 2).

Восемнадцать фрагментов глиняных форм для слитков-брусков обнаружены на селище Кентескалнс в Латвии. Они датируются концом VIII – началом IX в. (Стубавс, 1959. С. 204). Две массивные металлические изложницы XII–XIII вв., найденные на городищах Межотне² и Тервете, также предназначались для изготовления слитков. На последней форме были вырезаны клейма, которые воспроизводились на отливках (Дайга, 1960. С. 90, рис. 2: 12).

Однако наиболее близкие аналогии старолadoжским литейным формам происходят из Скандинавии, Северной Германии и Британских островов. Самые ранние экземпляры из глины и песчаника обнаружены в северо-западной Шотландии и Ирландии на памятниках V–VIII вв. Следовательно, в этом регионе они появились задолго до прихода скандинавов (Craddock, 1989. P. 174). В эпоху викингов здесь чаще встречаются каменные экземпляры. Они обнаружены в Йорке и Дублине в слоях X в. В Йорке найдено также уникальное свидетельст-

² Музей истории Латвии, A11429:766.

Рис. 4. Обломок литейной формы из мыльного камня. Рюриково городище, случайная находка

во вторичного использования римской черепицы в качестве изложницы для отливки миниатюрных слитков (Hall, 1984. P. 56–57).

Наиболее ранние литейные формы для слитков с трапециевидным сечением, относящиеся к эпохе викингов, происходят из датского города Рибе. Семь из девяти встреченных там экземпляров – глиняные, два – из мыльного камня. Все они датируются второй четвертью VIII – первой четвертью IX вв. (Sindbæk, 2001. S. 175–176). Коллекция изложниц из Бирки насчитывает 11 каменных экземпляров, 9 из которых вырезаны из темно-серого песчаника, 2 – из мыльного камня. В них получали небольшие слитки трапециевидного сечения или слитки с плоским основанием и округлой спинкой. Все они обнаруже-

ны во время раскопок поселения “Черная Земля” в 1871–1881 гг. и не имеют стратиграфических привязок. Их принято датировать суммарно временем существования Бирки, 750–970 гг. (Sindbæk, 2001. S. 177–178).

Единичные находки каменных форм для слитков эпохи викингов известны также в Фюркате, Треллеборге, Каупанге, Ольденбурге, Сигтуне, Лунде и на Готланде (Sindbæk, 2001. S. 66). Однако самая обширная коллекция литейных форм для слитков происходит из Хедебю. Она включает 234 экземпляра из мыльного камня, 67 из них сохранились целиком (Resi, 1979. S. 61–64). Х. Реси делит их на формы первичного (из блоков мыльного камня) и вторичного использования, вырезанные из обломков сосудов и других использовавшихся прежде изделий. Автор установил также, что в изложницах из Хедебю можно было отливать короткие (длина 1,1–5,3 см), средние (6–7 см) и длинные (9–11 см) слитки. Как и в случае с литейными формами из Бирки, находки из Шлезвига можно датировать в целом 810–1050 гг.

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что на протяжении всей эпохи викингов при производстве слитков выбор литейщиков зависел в большей мере от доступности тех или иных материалов. Чаще всего они использовали мягкие, хорошо поддающиеся обработке породы камня (стеатит, песчаник) и глину. В некоторых случаях сырье для изложниц попадало в мастерские торгово-ремесленных центров в результате дальней торговли. Так, например, с помощью минералогического анализа установили, что мыльный камень поступал в Хедебю из месторождения Квикне, расположенного в северо-западной норвежской провинции Хедмарк (Alfsen, Christie, 1979. S. 170–183). Вторичное использование обломков других изделий для изготовления литейных форм служит дополнительным аргументом в пользу того, что стеатитовые изложницы для слитков вырезали именно в Хедебю.

Ареал находок литейных форм дает основание связывать происхождение и распространение слитков из цветных и драгоценных металлов VIII–XI вв. с североевропейской металлургической традицией. Однако сами слитки эпохи викингов встречаются гораздо чаще и распространены значительно шире, чем инструменты для их производства.

Принято считать, что в это время слитки выполняли несколько функций. Во-первых, они были производственным сырьем и служили средством хранения металла, предназначенного для дальнейшего изготовления украшений, бытовых предметов или орудий. Оставшийся в тиглях сплав и лом изделий, вышедших из употребления – главные источники для получения и хранения различных порций излишков металла в мастерской. С технологической точки зрения не было необходимости в стандартизации ювелирных слитков по форме и весу: для легкоплавких, медных или драгоценных сплавов использовали одинаковые изложницы. Не исключено, однако, что в мастерских, выпускавших слитки, сортировали лом и контролировали его состав по цвету и ковкости (*Sindbæk, 2001. S. 44*). Ювелирные слитки встречены практически на всех торгово-ремесленных поселениях эпохи викингов Балтийского региона. В крупнейших производственных центрах – Рибе и Бирке – их количество достигает несколько десятков: 24 и 84 экземпляра соответственно. В Хедебю найдено более 105 отдельных слитков и клад из 25 экземпляров (*Sindbæk, 2001. S. 52–53*). На территории Древней Руси “производственные” слитки северного происхождения IX–X вв. найдены в Старой Ладогe, Тимереве, Гнёздове, на Рюриковом, Сарском и Супрутском городищах. Самые большие серии ювелирных слитков обнаружены в Старой Ладогe (7 экземпляров), на Рюриковом городище (5 экземпляров) и в Гнёздове (11 экземпляров). Вес самых маленьких целых экземпляров не превышает 5 г, самые большие весят более 100 г (*Давидан, 1980. С. 65; Sindbæk, 2001. S. 173; Енисова, 1999. С. 150*).

Во-вторых, слитки наряду с проволокой, монетами и ломом служили в качестве средства перемещения металла, попадая в ювелирные мастерские в результате торгово-обменных операций. В этой связи следует упомянуть три клада слитков из сплавов на основе меди, которые относят предположительно к поздней стадии эпохи викингов. Клад из 25 массивных латунных слитков весом от 106 до 158 г найден в гавани Хедебю (*Ulbricht, 1992. S. 252*). Несмотря на значительные вариации веса, слитки имеют практически стандартную форму и сходный химический состав. Они часто рассматриваются как ценный груз, прибывший в Хедебю либо готовый к отправке (*Sindbæk, 2001. S. 46–47*). Два других обнаружены на Готланде (*Kamänget* и *Murgvälde*). Клад из Камэнгет содержал 14 целых и 9 фрагментированных слитков, вес целых варьирует от 237 до 297 г. находка из Мюрвэльде состояла из 17 целых латунных слитков и 5 обломков весом от 376 до 418 г (*Oldeberg, 1966. S. 45*). Визуальная стандартизация слитков из готландских кладов и большой вес расцениваются как свидетельства их участия в дальнейшей торговле (*Sindbæk, 2001. S. 49*).

И, наконец, слитки вместе с монетами и украшениями из драгоценных металлов можно рассматривать как средство накопления богатства. Не случайно золотые и серебряные экземпляры чаще всего происходят из кладов и редко встречаются в производственном контексте. Выступая как средство обмена или платежа, слитки должны были иметь стандартный вес и форму. Об этом как будто свидетельствует сообщение Ибн-Фадлана (921/922 г.) о том, что русы в торговых целях использовали не только дирхемы, но и платежные слитки “в виде стандартных брусков металла” (Путешествие Ибн-Фадлана по Волге, 1939.

С. 79). Однако исследователи кладов серебра эпохи викингов отмечали, что лишь немногие находки содержали слитки стандартного веса. К ним относят два клада из Шлезвига второй половины IX – первой половины X в., один готландский конца IX – начала X в. и несколько отдельных слитков из кладов Южной Скандинавии и Готланда: вес этих экземпляров привязан к фунту и составляет 50, 100 и 200 г. Однако основная часть серебряных слитков эпохи викингов демонстрирует большой разброс веса и не может рассматриваться в качестве средства платежа. Самый ранний клад с юстированными по весу слитками, найденный на Готланде (Stale), датируется серединой XI в. (Hårdh, 1996. P. 142).

Подводя итог сказанному выше, можно заключить, что староладожские литейные формы, так же как и изложницы, обнаруженные в Скандинавии, Северной Германии и на Британских островах, служили преимущественно для производства сырьевых продуктов ювелирного производства. Несмотря на отсутствие стандартизации по форме и весу, в эпоху викингов они получили широкое распространение в результате торговли, обмена и перемещения ремесленников-ювелиров.

ЛИТЕРАТУРА

- Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладoge // АСГЭ. Л. Вып. 21.
- Дайга Й.В., 1960. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. № 3.
- Енисосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения): Дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М.
- Енисосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.
- Кирпичников А.Н., 2003. Ладога на международных торговых путях эпохи раннего средневековья: Новые археологические подтверждения // Великий Волжский путь: Материалы II этапа Международной научно-практической конференции. Казань. Часть II.
- Минасян Р.С., 1995. Способы изготовления платежных слитков // Петербургский археологический вестник. СПб. № 9.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.
- Старая Ладога – древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб. 2003.
- Путешествие Ибн-Фадлана по Волге. Л., 1939.
- Стубавс А.Я., 1959. Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Alfsen B., Christie O., 1979. Massenspektrometrische Analysen von Specksteinfinden aus Haithabu und wikingzeitlichen Specksteinbrüchen in Skandinavien // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 14.
- Bayley J., 1992a. Metalworking Ceramics // Medieval Ceramics. L. [Fasc.] 16.
- Bayley J., 1992b. Non-ferrous Metalworking from Coppergate // The Archaeology of York: The Small Finds. L. [Vol.] 17/7.
- Craddock P.T., 1989. Metalworking techniques // “The work of Angels”: Masterpieces of Celtic Metalwork, 6th–9th centuries AD. L.
- Hall R., 1984. The Viking Dig: The Excavations at York. L.
- Hårdh B., 1996. Silver in the Viking Age: A Regional-Economic Study. Stockholm.
- Oldeberg A., 1966. Metallteknik under vikingatid och medeltid. Stockholm.
- Resi H.G., 1979. Die Specksteinfunde aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 14.
- Sindbæk S.V., 2001. Ruter og rutingsering: Strukturationen af vikingetidens fjernudveksling i Skandinavien og Nordvestrusland // Magisterkonferensspeciale i forhistorisk arkæologi (FHA 504). Københavns Universitet.
- Ulbricht I., 1992. Messingbarrer // Viking og hvidekrist. Norden og Europa 800–1200: (katalog). København.

И.К. Лабутина (Псков)

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАСТРОЙКИ ПСКОВА XV–XVII вв.

В период 1983–1990 гг., когда Валентин Васильевич Седов был руководителем Псковской объединенной археологической экспедиции ИА АН СССР и Псковского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, он, несмотря на большую загруженность координационной работой по производству обширных археологических раскопок в разных частях Пскова, в течение ряда сезонов был начальником нескольких раскопов. Самые широкие исследования в названные годы проводились на улице Ленина, где шло изучение территории, ограниченной в XIV веке “стеной посадника Бориса” (1309 г.). В.В. Седов руководил здесь раскопами IX (1984 г.), VI (1985 г.), XI (1986 г.), IXa (1987 г.) (рис. 1) (Лабутина, 1996. С. 28, 37–41). Предлагаемый в статье сюжет связан с одним из этих раскопов (VI).

VI раскоп находился в центре южной половины комплекса раскопов на ул. Ленина. Раскопки в его границах проводились одновременно с изучением слоя на соседних раскопах V и VII в 1983–1985 гг. В течение первых двух сезонов (1983, 1984 гг.) работами руководила В.Г. Миронова. В 1985 г., в связи с переходом В.Г. Мироновой в Старорусскую экспедицию, руководство раскопом принял на себя В.В. Седов.

Площадь раскопа VI равнялась 544 кв.м. Мощность культурного слоя – 2,8–3,45 м; его хронологический диапазон XI–XVIII вв. В составе слоя были открыты остатки 14 ярусов застройки (от 13 до 0). Большая часть сооружений относилась к жилой дворовой застройке.

В западной части раскопа были изучены многоярусные замощения улицы, проходившей в северном – северо-западном направлении через раскопы VII, VI, V, VIII, A (Рис. 1, 1). И.О. Колосова привела убедительные аргументы в пользу идентификации этой магистрали с летописной Острой лавицей (Колосова, 1992. С. 24; 1997. С. 162). В составе вещевой коллекции раскопа – берестяная грамота № 5, свинцовая вислая печать (“Яведова печать”), свинцовая заготовка для печати, “денга Псковская”, клад из 664 медных монет, чеканенных при Алексее Михайловиче.

Культурный слой подстилался песчаными отложениями, сохранившимися, как и на соседних раскопах, следы древнерусского курганного кладбища X – начала XI в. Здесь было выявлено и изучено 8 погребений (Милютина, 1996; Лабутина, 1996. С. 43–45, рис. 25).

Культурные отложения этого раскопа были серьезно потревожены при строительстве конца XVIII–XX вв. Особенно пострадали западная и центральная части раскопа, где размещались каменные фундаменты здания XII/1 (начало XX в.), XIII/6 (конец XIX – начало XX в.), XIV/7 (начало XX в.) и связанные с ними инженерные коммуникации (Яковлева, 1996. С. 54–57, 64–66. Табл. 1. Рис. 3 (вклейка); Табл. 2, 36–50). Эти нарушения достигали 8–12 пластов и уничтожили значительные участки застройки 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0 ярусов (с XIV по XVII–XVIII вв.). Многие сооружения западной половины раскопа, относившиеся к 4–6 и более ранним ярусам, вплоть до 11-го, оказались разрушенными котлованом для подземной части

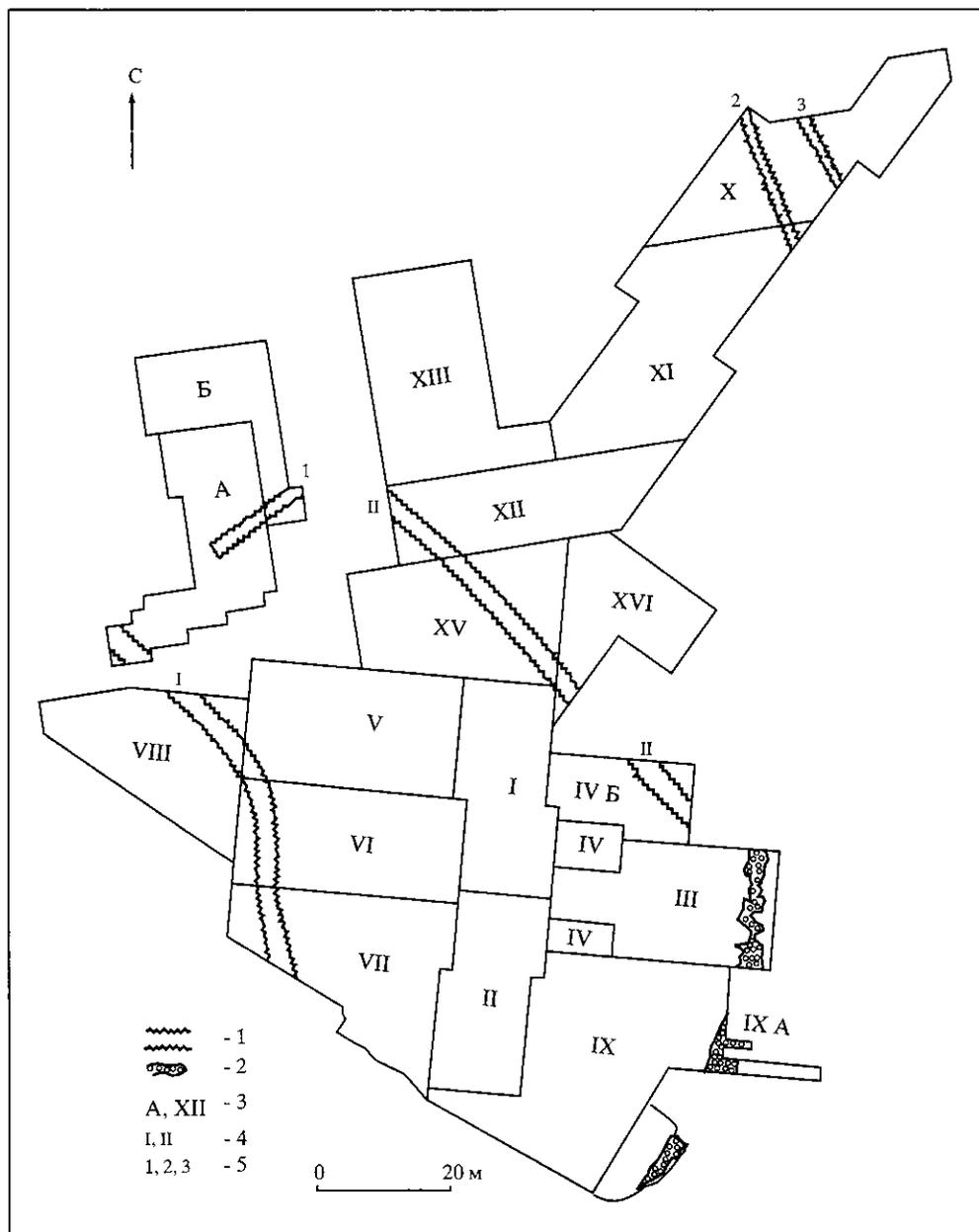

Рис. 1. Схема взаиморасположения раскопов на ул. Ленина с обозначением открытых раскопками уличных магистралей и остатков стены 1309 г.

1 – улицы; *2* – основание крепостной стены 1309 г.; *3* – обозначения раскопов; *4* – обозначения улиц, присутствующих на плане 1740 г.; *5* – обозначения уличных магистралей, отсутствующих на плане 1740 г.

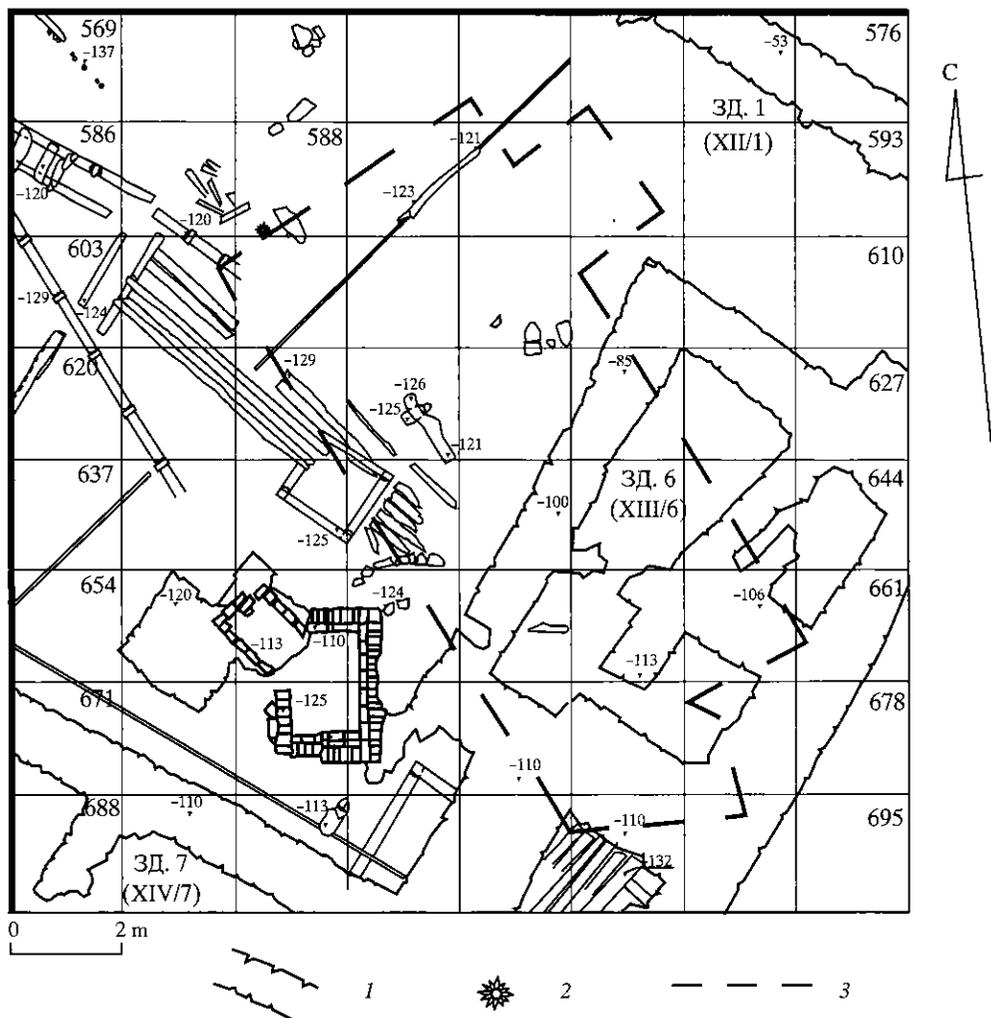

Рис. 2. Западная часть раскопа VI на уровне 7-го пласта

1 – контуры каменной (известняковой) кладки; 2 – место находки клада; 3 – границы котлована постройки 26

постройки 26 – сооружения, временная принадлежность которого в полевых условиях определялась ориентировочно как “позднее” (Седов и др., 1984а. Л. 71), XVIII – начало XIX в. (Седов и др., 1985а. Л. 46).

Здесь рассматривается именно эта постройка, значимая по своему объему и конструктивным особенностям. Исследования последних лет позволили уточнить хронологическую принадлежность здания и дополнить его характеристику.

Наземных остатков постройки 26 не сохранилось. При раскопках 1983–1984 гг. в контурах тогда еще не выявленного ее подвального помещения отмечался аморфный слой нарушения, по цвету и составу отличавшийся от участков ненарушенного слоя раскопов. В.Г. Миронова писала в отчете: “...общая картина, наблюдаемая с уровня 7 пласта, продолжает оставаться неизменной:

восточная часть раскопа представлена темно-коричневой землей, содержащей большое количество органических остатков; в западной же части раскопа (уч. К, Л, О, П, Р) культурный слой представляет собой более рыхлую темно-серую землю со значительными включениями битого камня, кирпича, щебня. Особенно это характерно для кв. 588–590, 605–607, 622–624, 640–641, 656–658, 674–675, 691–692, в которых наблюдается еще слой позднего перекопа...” (Седов и др., 1984а. Л. 62).

На рис. 2 можно наблюдать поздние сооружения в сочетании с проецируемым на уровень 7-го пласта планом постройки 26. Именно на этом уровне, на границе 7-го и 8-го пластов (глубина – 140–144) в кв. 588 был найден клад медных монет XVII в. “Монеты лежали в разбросанном виде... пятном диаметром 0,5–0,7 м... россыпь отдельных экземпляров растягивалась до западного края квадрата” (Седов и др., 1983. Л. 105). Исследователи участка отмечали, что перекоп, проявлявший себя в 7–9-м пластах, имел место и ниже и в основном в тех же границах, в квадратах, входящих в контур постройки. В 12-м пласте площадь перекопа сокращается, сохраняясь в кв. 605–607, 623–625, 640–641, 658, где характеристика слоя перекопа сходна с вышележавшими отложениями. В 13-м пласте площадь распространения темно-серого слоя связывается с кв. 623–624, 640–642, 676–677; на площади котлована больше включений органических остатков (Седов и др., 1985а. Л. 36). Вероятно, нижний уровень слоя засыпки подземной части постройки 26 приходился на 12–13-й пласты, так как на уровне 14-го пласта темно-серого рыхлого слоя уже не отмечалось.

Строительные остатки постройки 26 были открыты на контакте культурного слоя и песчаного материка, содержавшего древнерусские погребения. Глубины материка под постройкой и на соседних с ней квадратах уместались в диапазон отметок 14–16-го пластов (–278–312 см) и относились преимущественно к 15-му пласту. Возможно, местами котлован для постройки затронул материк, но границы соответствующей ему ямы в материке не прослежены. Ниже оставались небольшие ямы.

Некоторые элементы сооружения (отдельные вертикальные конструкции, часть конструкций крыльца, колодец у юго-западного угла постройки) стали проявляться на уровне 9-го и 10-го пластов. Полный план постройки 26 стал очевиден на уровне 13–14-го пластов (рис. 3). Сводный план остатков сооружения (рис. 4) составлен на основе подробной графической документации – полевой и отчетной (Седов и др., 1985б; ПГОИАХАМЗ. Архив отдела археологии; ПГОИАХАМЗ. Древлехранилище).

Описание постройки дано в отчете руководителя раскопа (Седов и др., 1985а. Л. 45–47) и положено в основу предлагаемой ниже характеристики. Подземная часть постройки – прямоугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад. Общий размер постройки 10,4–1 × 5,4–5,6 м. Внутренний размер 10,1–10,7 × 4,8–5 м. Стены сооружения были сложены из бревен и полубревен большого диаметра. В основании каждой стены находилось бревно диаметром около 0,33 м, обложенное берестой. На нижнее бревно были помещены поставленные на ребро полубревна, обращенные плоской стороной внутрь помещения. Эти конструкции сохранились лишь в северной части постройки, по одному полубревну в составе северной стены и прилегающих участков западной и восточной стен (рис. 4, L-L; 5; 6). Вышележащие конструкции были, по-видимому, разобраны, так как в заполнении котлована здания они отсутствовали.

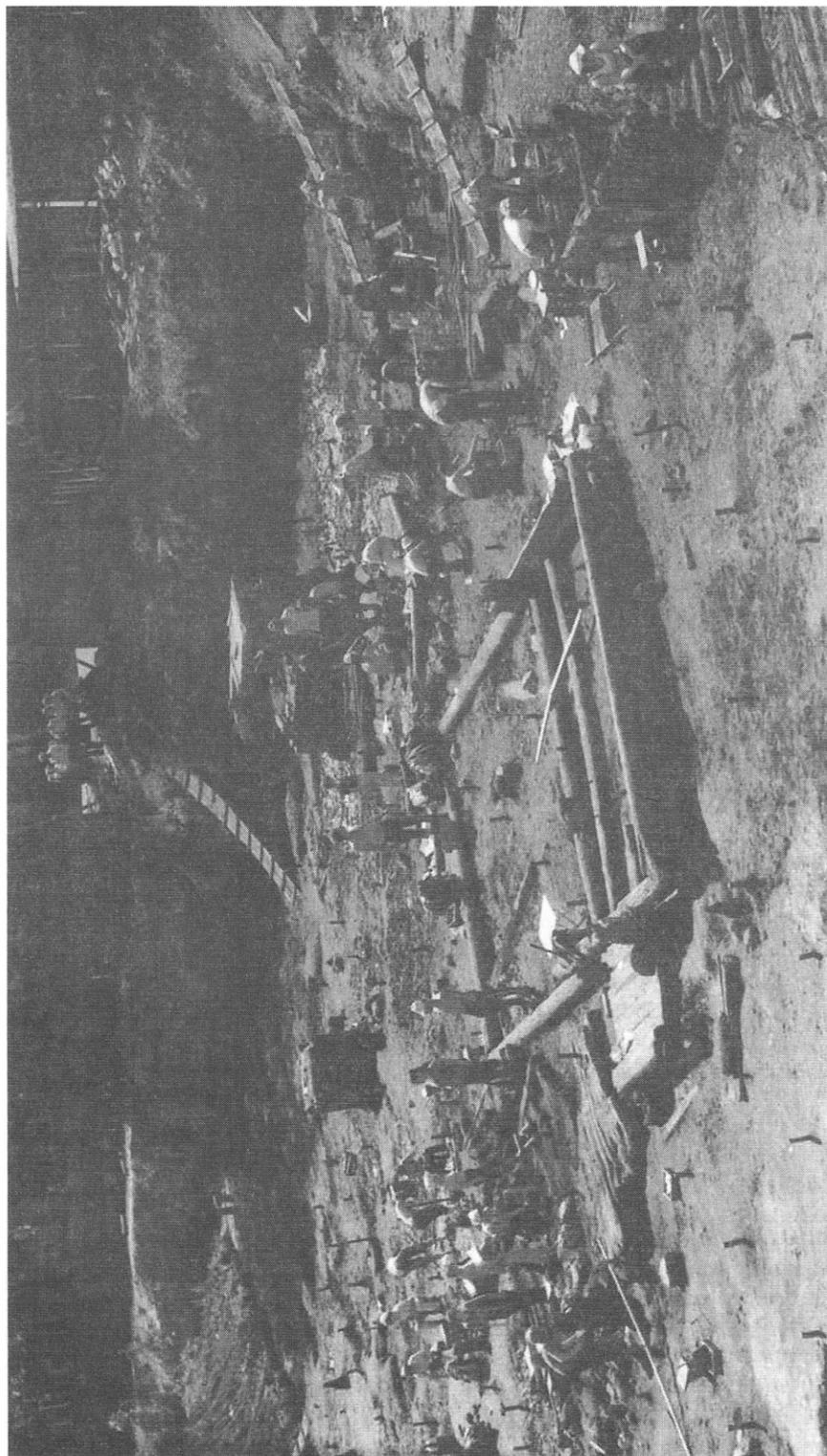

Рис. 3. Вид на раскопы VI и VII. В центре постройка 26 (с севера)

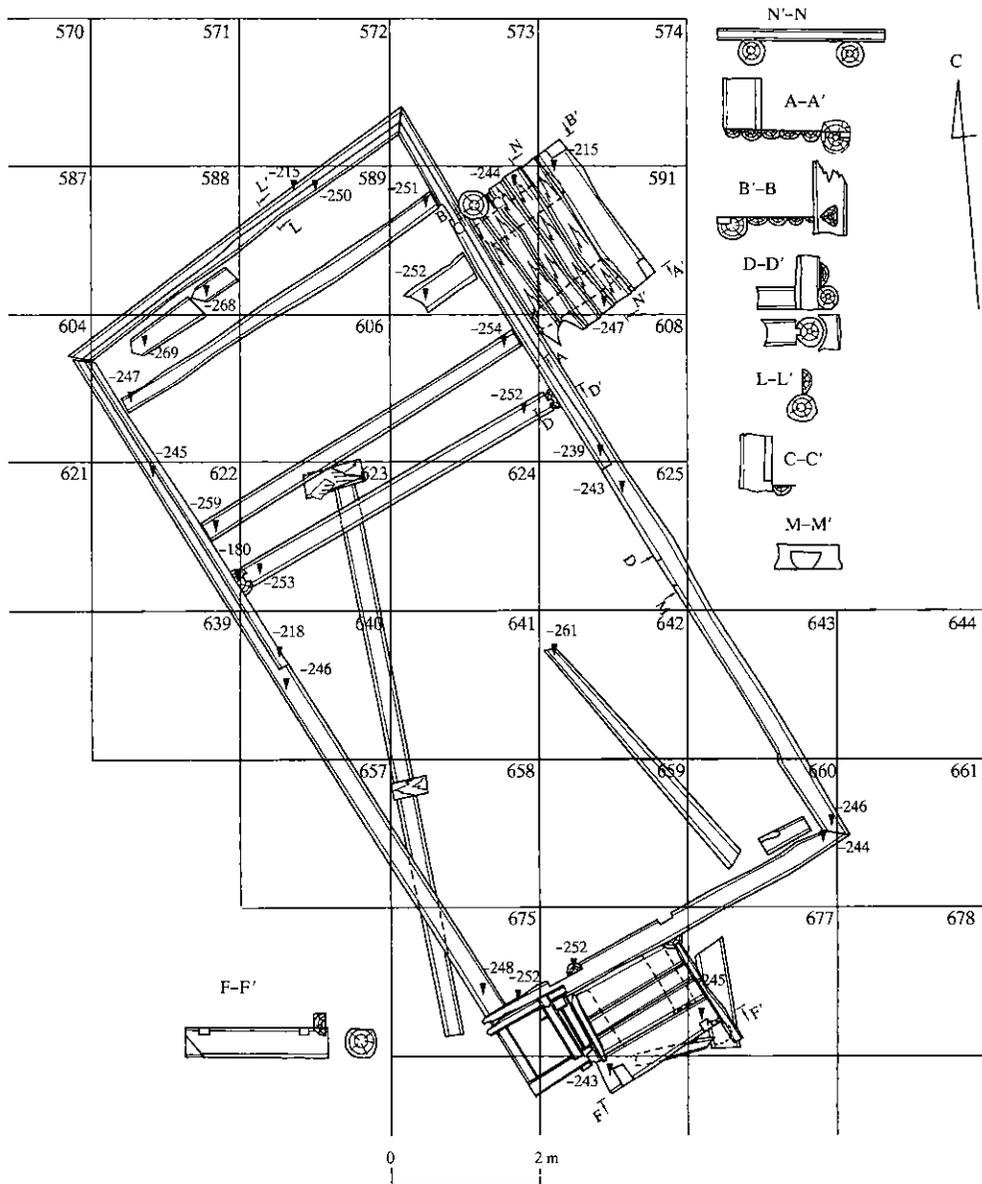

Рис. 4. План постройки 26 с разрезами

Крепление углов осуществлялось путем совмещения концов бревен и плах, спиленных или затесанных под углом 45° , “встык” (“в упор”). Дополнительным устройством для крепления стен служили бревна-стояки, плотно примыкавшие к западной и восточной стенам изнутри. В каждом из них имелся вертикальный паз, в который впускались шипы-выступы бревен, составлявших перегородку внутри помещения (рис. 4, кв. 622–624, 607, 608, разрез P-P). Сохранилось лишь нижнее из бревен, составлявших перегородку (диаметр ок. 0,3 м, верхние отметки – 252–253 см).

Рис. 5. Северная часть постройки 26 и крыльцо у восточной стены на уровне 13 пласта (кв. 590–591) – с юго-востока

Перегородка разделяла постройку на два помещения: северное ($5 \times 3,5$ м) и южное ($4,8 \times 6,3$ м). В северном помещении перпендикулярно западной и восточной стенам на глубине $-249-250$ были уложены два бревна, подходившие к стенам вплотную (лаги?). Следов настила пола не сохранилось, хотя, как отмечает в отчете В.В. Седов, его остатками могли быть разрозненные доски, найденные в заполнении постройки.

Южное помещение здания не сохранило внутренних конструкций, однако они, вероятно, существовали. Так, в нижнем бревне восточной стены имелось гнездо, служившее, вероятно, для крепления какой-то строительной детали (рис. 4, кв. 625; разрез М-М). На уровне 13–14-го пластов в юго-восточной части помещения были расчищены несколько бревен неопределенного назначения.

Наружные части постройки 26 были представлены “крыльцами” у восточной и южной стен и небольшим срубным колодцем у юго-западного угла. От крылец остались нижние площадки перед входом в северное и южное помещения. Площадь вымостки у восточной стены, в кв. 573–574, 590–591, 607–608, была равна $2,2 \times 1,7$ м. Плахи настила были положены на массивные подкладки, а крайняя западная из них плотно примыкала к восточной стене снаружи и была зафиксирована в таком положении вертикальными столба-

Рис. 6. Постройка 26 на уровне 13–14-го пластов (с юга)

ми, из которых сохранился северный (рис. 4, 5). Отметки поверхности плах (–241–249 см) соответствовали поверхности бревна восточной стены (–237–243). Пять плах, из которых был составлен настил, с восточной стороны ограничивались массивным бревном, отесанным с поверхности (диаметр 0,4 м, верхние отметки –215–220 см). Прямоугольные гнезда с наружной стороны бревна могли служить для установки лестницы наверх. На уровне 11-го и 12-го пластов над остатками крыльца (кв. 574, 590–591) зафиксирован еще один настил, имеющий боковые ограничительные плахи или бревна. На уровне 11-го пласта они несут следы обгорелости. В верхней части 12-го пласта здесь был открыт настил из досок, ориентированный так же, как вымостка из плах в 13–14-м пластах. Настил был продавлен камнями-булыжниками. Здесь же – неупорядоченные сгоревшие бревенчатые конструкции. Описание в отчете отсутствует (Седов и др., 1984б. Л. 18, рис. 7; Л. 19, рис. 1; Л. 21, рис. 9; Л. 22, рис. 1). Не исключено, что горевшие конструкции – рухнувшие вниз остатки верхней части крыльца.

В южное помещение существовал отдельный вход (рис. 4, кв. 676–677, 693). Площадь его была меньшей, чем у восточного крыльца (1,82 × 1,4 м), а устройство сходно. Здесь сохранилась огораживающая вход с востока плаха, впущенная в паз вертикального столба у стены. Настил был образован четырьмя затесанными с поверхности бревнами (диаметр 0,35–0,4 м). Пятое, ограничивающее

настил с юга бревно имело прямоугольные пазы глубиной 0,15 м для стояков перекрытия или, скорее, для установки лестницы.

Еще одна часть комплекса, связанного с постройкой 26, – небольшой сруб (колодец), примыкавший к южному крыльцу с западной стороны. В.В. Седов считал колодец поздним (несколько фрагментов посуды XIX – начала XX в., известковая крошка, битый кирпич (*Седов и др.*, 1985а. Л. 44)).

Обратим внимание на то, что колодец четко вписывается в комплекс постройки 26, не повреждая южного входа. Его ориентировка – та же, что у нашего здания. Западная стена колодца совпадает с направлением западной стены постройки, почти примыкая к ней. Наличие поздних материалов в колодце неудивительно, так как он, располагаясь в кв. 675–676, 692–693, был перекрыт и частично разрушен фундаментными конструкциями здания XIII/6 конца XIX – начала XX в. (рис. 2). Дендроспил с бревна колодца датировать не удалось. Колодец был сложен из толстых бревен. Видимо, именно этот колодец изучался в 1984 г. на уровне 9–12-го пластов. В.Г. Миронова в отчете называет те же координаты колодца, что известны по сезону 1985 г. Она определяла его размеры по внутреннему объему как 0,8 × 0,8 м, диаметр бревен – 0,2 м (*Седов и др.*, 1984а. Л. 66, 67) что близко изображению на чертежах 13-го и 14-го пластов. Верхние отметки колодца – 170–195 см. Колодец заглублялся в 17-й пласт. Некоторая нарушенность западного конца южной стены постройки 26 дает основание предполагать, что это частичное разрушение произошло при устройстве колодца: например, на позднем этапе существования постройки. Но вполне вероятно, что колодец и здание сооружались одновременно. В чертежной документации отражена конструктивная связь колодца и крыльца.

Постройка 26 обеспечивалась водоотводом: конец дренажной трубы был введен под стену перегородки внутри постройки, в пространство между нею и ближайшим бревном (лагой) в кв. 623 (рис. 4). У конца трубы (верхняя отметка – 268 см) лежали на том же уровне (–270, –273) две известняковые плиты. Под край трубы подходила поперечная плашка длиной 0,8 м, шириной около 0,4 м (глубина –280–289 см). Возможно, камни и плашка служили для регулирования поступления воды в трубу и перекрывали водосборную яму в материке (глубина –340). Дренажная труба проходила с севера на юг через квадраты 623, 640, 641, 658, 678 и далее выходила в VII раскоп. В границах раскопа VI прослеживался очевидный уклон трубы к югу (отметка поверхности в кв. 675 –278). В кв. 658 траншея для трубы и сама она были проведены под нижним бревном западной стены постройки. Недалеко от пересечения со стеной внутри дома в трубе существовало смотровое окно, перекрытое короткой доской, прижатой известняковыми камнями. Под трубой на месте смотрового окна имелась небольшая круглая яма в материке (глубина –335 см) (16-й и 17-й пласты – ПГОИХАМЗ, 1985). В северной части раскопа VII труба имела продолжение под полом столбовой постройки. Ее южный конец был впущен в дренажный колодец, из которого по мере накопления вода выводилась на запад, за территорию, охваченную раскопками.

Дендрохронологическое исследование, проведенное А.Ф. Урьевой и продолженное и завершенное М.И. Кулаковой, позволило уточнить время сооружения дома, который многие из нас, участников экспедиций 1984 и 1985 гг., не без оснований считали поздним сооружением.

Важно, что с конструкций постройки 26 было взято значительное число спилов (16), из которых 14 были датированы. В их числе спилы с бревен всех четырех стен (1483, 1477, 1482, 1483), ограничительного бревна крыльца у восточ-

ной стены (1469), бревна в северном помещении (1481), конструкций крыльца у южной стены (1483, 1481, 1482, 1470, 1473, 1475, 1476, 1477) (Кулакова, 1996. С. 195–197, 204). Временной диапазон заготовки древесины – 1470–1483 гг. Для строительства был выбран лес большого возраста (десять спилов принадлежали деревьям в возрасте от 125 до 282 лет). Итак, дендрохронология прояснила ситуацию с определением времени строительства здания. Постройка 26 соорудилась в 80-х годах XV в., не ранее 1483 г. Пока она является единственным археологически изученным сооружением Пскова XV в., давшим столь представительный материал для дендрохронологического исследования.

Однако ряд вопросов, лежавших в основе отнесения постройки к позднему периоду, требуют хотя бы краткого рассмотрения. Одной из важнейших причин, заставлявших сомневаться в принадлежности памятника средневековой застройке было расположение здания. Западный угол постройки 26 нарушал все уличные замощения с 6 яруса и глубже, выходя в центральную часть трассы в кв. 588, 605–606, 622–623, 640 (рис. 1, 4). Верхние ярусы уличного замощения, относящиеся ко времени после конца XIV в., на участках V–VII раскопов не сохранились, и неизвестно точно, как проходила улица в период строительства нашего дома. На основе полученной даты сооружения дом отнесен к 3-му ярусу, определяемому как период между крупными пожарами 1465 г. и середины XVI в. (Лабутина, 1988) (постройка 26 обозначается на планах и в описаниях яруса как 3К). В ходе изучения уличных магистралей участка и соотношений в планировке ярусов удалось установить некоторое изменение в положении улиц в застройке поздних ярусов, в частности, небольшое смещение (Колосова, 1997). На уровне 3-го и 2-го ярусов участок улицы исследовался в раскопе VIII, где сохранилось известняково-щебеночное замощение трассы, обнаруживающее подвижку трассы Острой лавицы (рис. 1, 1) к западу (рис. 7; 8, а).

Вопрос о наличии позднего строительного материала в заполнении котлована находит объяснение в существовании многократных вторжений в слой при строительстве нескольких зданий XIX и начала XX в. и прокладке коммуникаций.

Состав заполнения котлована дает некоторую информацию о процессе его засыпки. На глубинах 7–12-го пластов характерным признаком грунта засыпки был темно-серый цвет и рыхлость (аморфность), отличавшие яму от соседних участков. Другие включения варьировали в зависимости от степени современных вторжений. Однородность основы заполнения позволяет считать, что котлован был засыпан одновременно. Этому предшествовала разборка здания, в том числе деревянных конструкций нижнего этажа дома.

О времени прекращения функционирования здания можно было бы судить по вещевой коллекции и стратиграфическим наблюдениям. Наличие в вещевой коллекции предметов XIX – начала XX в. является следом строительства и функционирования синхронных сооружений. Очевидно, что постройка 26 (3К) не доживает до этого времени. Ее расположение не согласуется с планировкой конца XVIII–XX вв. и не нашло отражения на планах.

Хронологический диапазон находок из заполнения котлована широк: от древнерусских предметов XI–XII вв. (шиферные пряслица, украшения из цветного металла, древнерусская керамика) до представительной коллекции вещей XVI–XVII вв. (фрагменты зеленых изразцов, керамических киотов, чернолощеной и зеленой поливной керамики, в частности, фляг; рейнская керамика; обувь, в том числе с использованием шва “в подтай”, подковки для обуви и др.). В вещевой коллекции присутствует и множество бытовых предметов, не имеющих

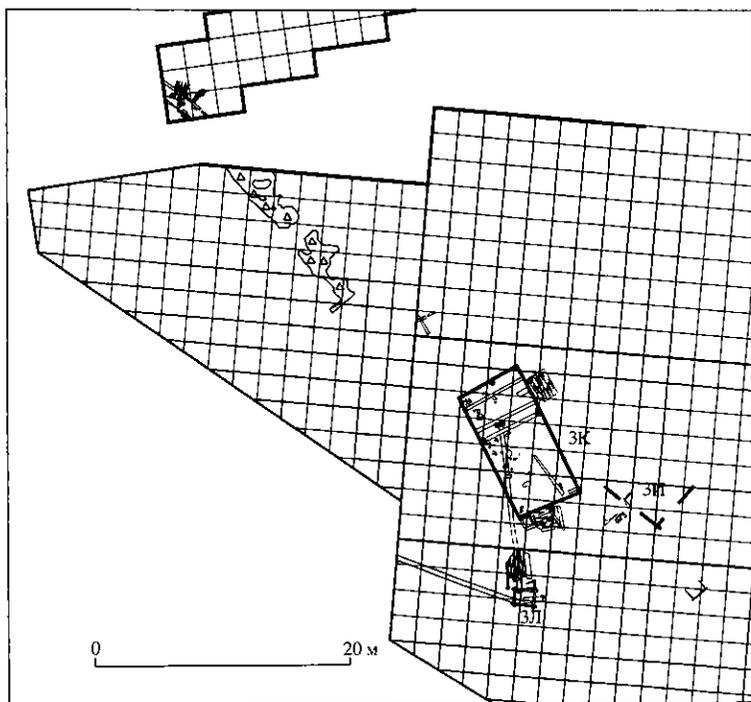

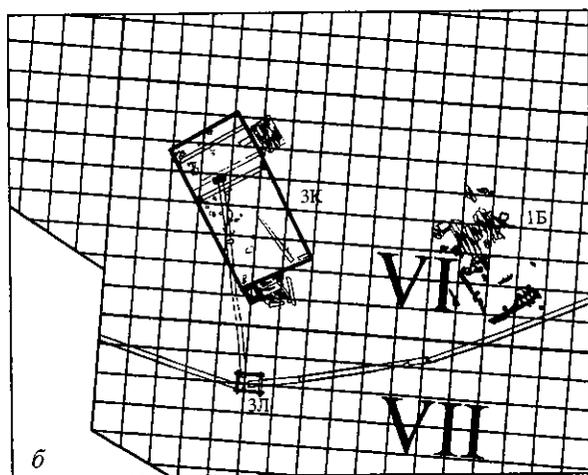
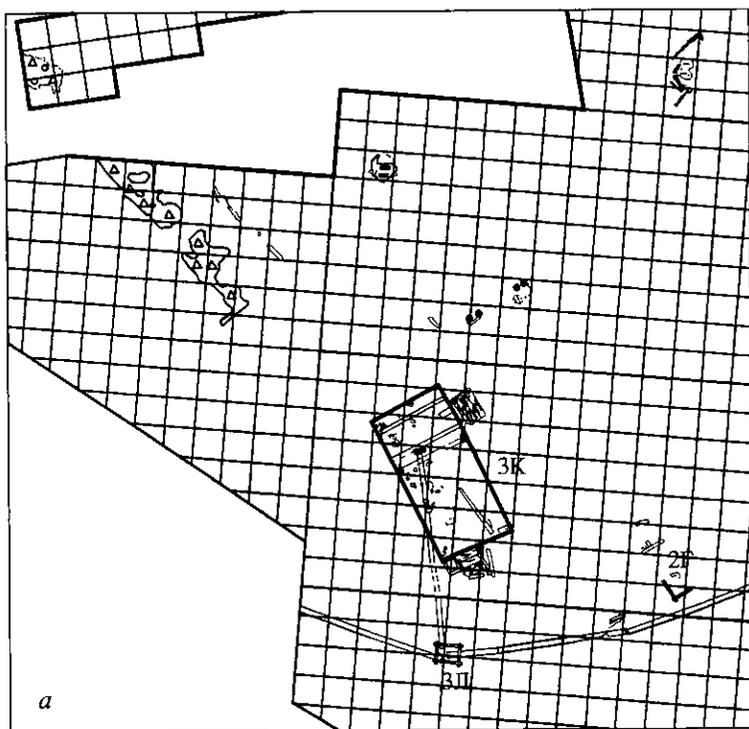
Рис. 7. Третий ярус застройки. Фрагмент с постройкой ЗК (26)

узкой датировки. К близкому по времени существования постройки времени относится “денга псковская”¹. Очевидно, что часть вещей из котлована могли происходить из осыпей его стен в ходе и после разборки деревянных конструкций нижнего этажа. Наличие предметов XVII в. на разных уровнях заполнения приводят к заключению, что дом еще существовал в XVII в.

Наблюдения за стратиграфией позволяют считать, что уровень дневной поверхности сооружения постройки близок глубинам 7-го пласта (таковы дневная поверхность построек 3-го яруса на ближайших раскопах V, I; верхний уровень темно-серого слоя заполнения котлована). Подтверждением возможности доживания здания до XVII в. (а именно – его середины) является положение клада медных монет (рис. 2). Он найден на глубине –140–144 см у самого края котлована, т.е. у северной стены наземной части дома. По-видимому он должен был быть закопан с более высокого уровня. Одной из причин зарытия клада исследователи считают мероприятия, связанные с денежной реформой 1654–1663 гг. (Шорин, 1987). Этот период, в переложении на хронологию ярусов раскопов на ул. Ленина, соотносится с началом 1-го яруса (середина XVII в.). Дневная поверхность немногочисленных построек этого яруса связывается с глубинами 5–6-го (для раскопов VI, IVБ) пластов (ок. –100) – верхней части 7-го пласта (раскоп I). Видимо, с этого уровня (–100–120) и был закопан клад.

Изложенные наблюдения позволили включить постройку 26 (ЗК) в планы 2-го и 1-го ярусов (рис. 7, 8). В этот период продолжала функционировать и рас-

¹ Коллекция раскопа VI (1983–1985 гг.) хранится в ОА ПГОИАХМЗ.

0 20 м

Рис. 8. Второй и первый ярусы застройки. Фрагменты с постройкой 3К (26)
 а – 2-й ярус; б – 1-й ярус

пространилась на более широкую территорию дренажная система, но наземные сооружения, представленные в раскопках, единичны.

В задачу автора не входили реконструкция открытого сооружения и всестороннее изучение постройки. Очевидно, что кроме нижнего, заглубленного этажа, он обязательно имел и второй, тоже деревянный. Хотелось обратить внимание на нестандартность постройки. Несомненно, она уникальна археологически, во всяком случае, для Пскова. Мы не имеем пока в Пскове археологических примеров деревянных зданий XV в. таких размеров и такого обустройства. Они обычно плохо сохраняются.

Добротность конструкций, использование качественной древесины, следы высококачественных строительных работ свидетельствуют о неординарности сооружения. Постройка имела индивидуальную дренажную систему², которая, очевидно, стала первым звеном в дренажных связях территории, развивавшихся в XVII–XVIII вв.

По новгородским материалам известны большие деревянные дома XV в. (например, в усадьбе Юрия Онцифоровича) и даже каменные сооружения (Неревский, Ильинский раскопы), связываемые с конкретными представителями элиты новгородского общества. Помогают идентификации дворов берестяные грамоты.

Принадлежность нашего дома не устанавливается. Не исключено, что это могло быть и какое-то административное здание. Обратим внимание на время его строительства. Постройка сооружалась во время “брани о смердах” 1483–1486 гг. Начало “брани” относилось к 6 мая 1483 г. Тогда “посекоша псковичи двory оу посадников: оу Якова, и оу Стефана Максимовича, и оу Зиновья посадника, и оу Миките посадника, и оу Ивана посадника, и оу Кюра посадника, и оу иных много двory посекоша” (Псковские летописи, 2003. С. 79). Дворы должны были восстанавливаться. Посадничий дом?

ЛИТЕРАТУРА

Колосова И.О., 1992. Улицы средневекового Пскова: опыт комплексного анализа источников // АИППЗ, 1991: Материалы симпозиума. Псков.

Колосова И.О., 1997. Улицы Пскова: средневековье и раннее Новое время // Тр. VI МКСА. М. Т. 2.

Кулакова М.И., 1996. Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева из раскопов по ул. Ленина (1982, 1984–1985 гг. – V, VI раскопы; 1991 г. – XVI раскоп) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.): Материалы и исследования. Псков. Т. 1.

Лабутина И.К., 1988. О датировке ярусов в раскопах на ул. Ленина в Пскове (1976, 1978, 1981–1985 гг.) // АИППЗ: Тез. докладов. Псков.

Лабутина И.К., 1996. Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.): Материалы и исследования. Псков. Т. 1.

Милютина Н.Н., 1996. Погребения псковского некрополя (раскопы VI, VIII, IX) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.): Материалы и исследования. Псков. Т. 1.

ПГОИАХАМЗ. Архив отдела археологии, 1985. Д. № 59 (раскоп VI на ул. Ленина, чертежи участков К, О, П и Л, Р, миллиметровки – планы 13–18-го пластов).

² Распределительный колодец, куда поступала вода из подвала здания, сооружался, по-видимому, одновременно с ним (дендродаты, установленные М.И. Кулаковой – 1470, 1482).

ПГОИАХАМЗ. Древлехранилище. Инв. 933, Ф. 7113 (Псковская археологическая экспедиция). № 29, 30 (раскоп VI на ул. Ленина, планы 14-го пласта: ватман, 1985); № 54 (постройка 26).

Псковские летописи, 2003 // ПСРЛ. М. Т. V, вып. 1.

Седов В.В., Лабутина И.К., Белецкий С.В. и др., 1983. Отчет о работе Псковской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 9869. Ч. 1.

Седов В.В., Лабутина И.К., Белецкий С.В. и др., 1985а. Отчет Псковской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 10120. Т. 1.

Седов В.В., Лабутина И.К., Белецкий С.В. и др., 1985б. Отчет о работе Псковской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 10122а, б.

Седов В.В., Лабутина И.К., Волочкова О.К. и др., 1984а. Отчет об археологических раскопках Псковской экспедиции в г. Пскове // Архив ИА РАН. Р-1. № 10526. Т. 1.

Седов В.В., Лабутина И.К., Волочкова О.К. и др., 1984б. Отчет о работе Псковской экспедиции в г. Пскове // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 10527а. Раскоп VI на ул. Ленина. Планы 11-го и 12-го пластов (Участки К, О, П и Л, Р).

Шорин П.А., 1987. Монетные клады из раскопок 1983 г. в Пскове // Тр. V МКСА. М. Т. III, вып. 16.

Яковлева Е.А., 1996. Поздние внеярусные сооружения (конец XVIII – начало XX в.) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991 гг.): Материалы и исследования. Псков. Т. 1.

Э. Мугуревичс (Рига, Латвийская Республика)

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЕННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКЕ ГЕРМАНА ВАРТБЕРГЕ XIII-XIV ВВ.

Герман из Вартберге является выходцем из Вестфалии (Германия), в Ливонию он прибыл в конце 50-х годов XIV в. Занимая официальное положение капеллана канцелярии при ливонском магистре Вильгельме Фримерсгейме (1364–1385), он имел возможность пользоваться архивными документами ордена, ранее написанными хрониками, такими как Генриха Латвийского, Старшей и Новой Рифмованной, анналами и другими письменными источниками (*Wartberge*, 1863. S. 9–116). По своим политическим взглядам Вартберге продолжает тенденции орденских хронистов и выступает защитником притязаний Ливонского ордена на город Ригу. В хронике описываются политические события XIII–IV вв. в Прибалтике, особенно войны Ливонского ордена с внешними врагами (литовцы, русские) и с рижским архиепископом из-за Риги.

Большая часть хроники посвящена описанию военных действий ордена против куршей, земгалов, эстов, литовцев и др. В этой связи многократно упомянуты военные укрепления – замки. На территории бывшей Ливонии находилось в средневековье около 150 замков, от большей части которых не сохранилось наземных частей или же остались лишь руины (*Loewis of Menar*, 1922. S. 41). Поэтому основными методами их исследования является детальное изучение письменных источников и проведение археологических раскопок.

Вартберге дает информацию о постройке около 60 замков крестоносцев, упоминает больше 40 замков местного населения в Ливонии и на сопредельных территориях (Литва, Россия). Во время крестовых походов местные замки были уничтожены и на их месте построены укрепления завоевателей. Ныне, когда археологически обследовано и частично раскопано много замков, упомянутых в хронике Вартберге, на основании взаимосвязей новопостроенных замков XIII–XIV вв. с местами жительства предыдущего периода (городищами, селищами), эти замки можно подразделить на три группы:

- 1) Замки местного населения, которые в XIII в., а в Литве еще в XIV в. служили опорными пунктами против агрессии крестоносцев.
- 2) Замки, возведенные крестоносцами на месте сожженных укреплений местного населения.
- 3) Замки, построенные на ранее не заселенных местах.

По использованному в строительстве материалу различаются деревянные и каменные замки. Местное население до вторжения крестоносцев строило их только из дерева, что характерно и для языческой Литвы, где в XIII–XIV вв. находилось около ста замков (*Zabiela*, 1995. P. 163–182).

Автор хроники об уничтожении замков местного населения извещает, например, следующими словами (здесь и далее использованы переводы и комментарии на немецком, русском и литовском языках: *Die livlaendische Chronik...*, 1864; *Ливонская хроника...*, 1879. С. 83–155; *Hermanas iš Vartbergés*, 1991. P. 153–199): “Магистр разрушил в Куронии два замка и именно Кретингас и Импилтес, сжегши их до тла вместе с людьми обоего пола и вообще всем, что в них

было в 1261 году” (*Wartberge*, 1863. S. 42, 43). Некоторые из замков местного населения, например, укрепление (*fortalicium*) в Сааремаа, возведенное во время восстания эстов в 1343 г., были довольно обширные. Оно было построено из больших бревен с намерением найти там убежище для женщин, детей и вещей. Кроме местных жителей там поместили и около 500 пленных христиан (*Wartberge*, 1863. S. 71). Даже в административных центрах Литвы (Кернаве, Майшиагала) главными укреплениями являлись деревянные замки, сожженные крестоносцами (*Wartberge*, 1863. S. 86). Археологические раскопки в Майшиагале (*Kulikauskienė*, 1974. P. 23–29) и Кернаве (*Vitkunas*, 1999) подтвердили существование только деревянных укреплений, которые пострадали во время пожаров. Гораздо труднее было завоевание литовского замка в Каунасе, возведенного из камня и укрепленного также высокими стенами (*castrum muratum, altis muris firmatum* – *Wartberge*, 1863. S. 81).

Следует отметить, что сами крестоносцы в XIII–XIV вв. в отдельных местах построили деревянные замки, такие как Светкалнс (*Sanctum Monte, Heiligenberg*), Межотне, Тервете и др. После первого разрушения земгальского замка в Тервете в 1271 г. на основе договоренности между орденом и архиепископом рижским был построен немецкий замок в Тервете, который земгалы через несколько лет разрушили до основания (*Wartberge*, 1863. S. 48, 49). Свидетельством тому, что Тервете считалось важным опорным пунктом немцев в борьбе с литовцами, служит тот факт, что в 1339 г. орден снова здесь построил свой замок, который в 1345 г. войско литовского короля Алгирда “разрушило огнем до тла” (*Wartberge*, 1863. S. 65). В то же время труднее было с каменным укреплением в Елгаве/Митава: “но так как замок был сложен из плит, то он не мог разрушить его”, – извещает летописец (*Wartberge*, 1863. S. 72).

Археологические раскопки в Тервете показали, что верхние слои городища относятся ко второй половине XIII в. О присутствии немцев свидетельствуют вещевая материал и печи, в конструкции которых использован кирпич (*Бривкалне*, 1959. С. 262, 263). Отдельные находки монет XIV в. очевидно объясняются строительством немецкого каменного замка в этот период. Остатки построек с кирпичными печами встречаются и на городище Межотне, которое также некоторое время в XIII в. находилось в руках крестоносцев. Причем по свидетельству Вартберге немцы в Межотне против язычников в XIV в. построили свой деревянный замок (1321 г.), который литовцы через семь лет полностью разрушили (*Wartberge*, 1863. S. 60, 77), убив комтура, братьев, прислугу и поселян. Как в Тервете, так и здесь добыты монеты XIV в. (*Pelda/Ducmane*, 1978. Lpp. 130, 131). Подобных деревянных замков, которые использовались местным населением или некоторое время иноземцами, в XIII–XIV вв. было сравнительно много. О некоторых из них повествуют другие летописцы и документы указанного периода (*Mugurēvičs*, 1983. Lpp. 6–8).

Из хроники следует, что главная роль замков в XIV в. была в охране границ Ливонии. Для ландесгерров Ливонии первостепенное значение имела безопасность восточных и южных рубежей. В северо-восточном углу Ливонии находился замок Нарва, построенный датчанами в середине XIII в., а в письменных источниках впервые упомянутый в 1277 г. (*Tuulse*, 1942. S. 65, 66). Археологические раскопки свидетельствуют, что главный корпус крепости заложен был на месте эстонского поселения X–XIII в. (*Alntoa et al.*, 1985. S. 402–406). В начале 1241 г. орденское войско овладело Водской землей и начало строить там замок Копорье (*Ruthenorum castrum nomine Caporie construxit*. – *Wartberge*, 1863. S. 30), который скоро был уничтожен новгородцами (*Кирпичников*, 1984. С. 151). Как

счастливым событием, по летописцу, охарактеризована покупка у датского короля в 1345 г. эстонских земель Харю и Вирумаа с замками Таллин/Ревель, Раквере/Везенберг и Нарва (cum castris Revalie, Wesenborch et Narve). Крепость Нарва орденом была хорошо укреплена и стала одним из сильнейших замков в пограничном районе с Русью. Сразу же были предприняты попытки разрушить Нарву, но русским в 1367 г. удалось только сжечь посад и сооружения вне замка (*Wartberge*, 1863. S. 90).

После завоевания эстонской земли Уганди и учреждения Тартуского епископства, владения крестоносцев плотно подошли к границам Псковской земли и ее главным центрам – городу Пскову и замку Изборск. Немцы старались расширить и здесь свою территорию в восточном направлении и в начале 40-х годов XIII в. на короткое время завоевали Изборск и Псков. В Пскове магистр ордена оставил двух братьев с небольшим числом людей. Новгородцы об этом узнали и сразу захватили весь оставленный там гарнизон (*Wartberge*, 1863. S. 29). Неоднократные военные походы с обеих сторон продолжались и во второй половине XIII в., и в первой половине XIV в. В 40-х годах XIV в. разгорелась борьба между Псковом и немцами, когда русские напали на пограничный замок Тартуского епископства Кирумпее. В этой ситуации Ливонский орден и тартуский епископ решили построить еще два замка против “еретиков” (*duo castra contra scismaticos* – *Wartberge*, 1863. S. 70), а именно Вастселин/Фрауенбург во владениях епископа и Алуксне/Мариенбург во владениях ордена.

В XIV в. была улучшена и обороноспособность крепостей Псковской земли. В 1367 г. немцы отказались от нападения на замок в Пскове, но успели поджечь (по наблюдениям археологов, пожар был за пределами стены 1309 г. и охватывал территорию до будущей стены 1465 г. – *Кулакова*, 1994. С. 176) город (*ante castrum Plescow girando, suburbia concremando* – *Wartberge*, 1863. S. 89). Перемены касались и Изборска, так как это укрепление в 1330 г. было перемещено на более обширное, лучше защищенное место, расширена площадь посада (*Артемьев*, 1998. С. 15–36, рис. 1–8. Табл. 1–8). Поэтому, когда немцы осадили замок Изборск в 1368 г., осада была безуспешной, несмотря на двухнедельное наступление и применение разных боевых машин (*Wartberge*, 1863. S. 91). В свою очередь, русские напали на Кирумпее в 1369 г., взяли замок и подожгли посад (*Wartberge*, 1863. S. 94). Такая же участь, как Кирумпее, двумя годами ранее постигла новый орденский замок Вастселин, где псковичи сожгли замковый посад (*ante novum castrum Frowenborch suburbium incenderunt* – *Wartberge*, 1963. S. 90).

В юго-восточной части Ливонии недалеко от границы с Русью находились два орденских замка – Дюнабург/Вец–Даугавпилс и Резекне. Оба замка были построены во второй половине XIII в. и являлись важными административными и военными центрами. В Дюнабурге сидел комтур, а в Резекне – фогт. После того как псковичи опустошили латгальские села на территории резекненского фогта, магистр ордена вместе с начальниками упомянутых замков и другими рыцарями организовали военные походы на южную часть Псковской земли, где находились округ Остров и русские крепости (*Кирпичников, Васильев*, 1977. С. 15, 16; *Артемьев*, 1998. С. 36–49. Табл. 9–14 и др.) Велье и Воронач (*Velie, Warnatz* – *Wartberge*, 1863. S. 89–95). Например, в 1370 г. замок Велье был окружен со всех сторон и держался в осаде пять дней.

Несколько военных сражений, по описанию летописца, состоялись в замковом округе Дюнабург и ближе к Полоцку. Первоначально немецкий замок был построен в 70-е годы XIII в. из дерева и рассматривался как орденская крепость для защиты от литовцев и русских (*Mugurēvičs*, 1984. S. 105–115). Гарнизон со-

стоял из рыцарей и слуг. Первый замок, однако, долго не простоял, так как был разрушен во время нападения литовцев. Он был заново отстроен немцами в 1313 г., а в 1348 г. замок и посад дополнились и усовершенствовались четырьмя башнями и каменными стенами (*cum quatuor turtibus et suburbium ibidem muravit et melioravit – Wartberge, 1863. S. 76*). В 70-е годы XIV в. полоцкие и одриские князья с войском продвинулись к замку Дюнабург, захватили весь скот комтура и жителей посада. В следующий раз полоцкий князь подошел со всей своей конницей и ладьями к замку, сжег все сено, увел с собой людей и лошадей и угнал скот, в котором комтур нуждался целый год (*Wartberge, 1863. S. 108–110*).

В свою очередь дюнабургский комтур совершал набеги на Новый замок в Литве по ту сторону Дюнабурга (вероятно, в Друе, Белоруссия). Вместе с магистром ордена он побывал у Нового замка русских (Диена или Дрисса в Белоруссии) в 11 милях за Дюнабургом (*Wartberge, 1863. S. 111–113*). У замка русских они поставили четыре осадные машины, а также два других военных орудия, так называемые гуки. Наступающие осаждали этот замок тринадцать дней, но ничего не достигли, что говорит о большой выносливости защитников замка.

О роли замка в обеспечении безопасности передвижения по дорогам средневековой Ливонии говорят события около орденского замка в Клайпеде (Литва), описанные Вартберге. Первый орденский замок в Клайпеде/Мемеле располагался на левом берегу старого русла реки Дане у Балтийского моря. Для постройки в 1253 г. нового каменного замка был выбран участок на правом берегу реки, рядом с будущим городом. Вещевые находки свидетельствуют о том, что в северо-восточной части замчища в XIV–XV вв. был форбург (*Zulkus, 1994. P. 7–9*). В 1328 г. Ливонский орден уступил своим прусским братьям, т.е. Тевтонскому ордену, замок в Клайпеде со всеми доходами и расходами на “вечные времена” (*Wartberge, 1863. S. 63*). Когда в 1372 г. ливонский магистр и орденские начальники после большого капитула в Мариенбурге (Мальборк, Польша) на обратном пути прибыли в орденский замок Розиттен (поселок Рыбачий, Калининградская обл.; *Кулаков и др., 2001. С. 12–23*), клайпедский комтур послал им навстречу письмо с предупреждением, что литовцы у морского берега устроили засаду и что он об этом известил орденского фогта в замке Гробиня (г. Гробиня, Латвия). Когда немцы прибыли в Клайпеду, их встретил гробинский фогт с несколькими братьями и воинами из Курляндии с заявлением, что опасности нет. Посланные разведчики также подтвердили это (*speculares idem dixerunt – Wartberge, 1863. S. 102*). Несмотря на эту предосторожность, на дороге при реке Свентая на них напали литовцы, которые, по сведению летописца, благодаря мужеству рыцарей все-таки были отбиты.

Вартберге дает много интересной информации о боях литовцев с Тевтонским орденом и о роли крепостей вдоль Немана, но это уже тема другого специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев А.Р.*, 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.
Бривкалне Э., 1959. Городище Тервете и его историческое значение // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1.
Кирпичников А.Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
Кирпичников А.Н., Васильев М.Е., 1977. Открытие крепости Велье // АО, 1976. М.
Кулаков В.И., Тепляков Г.Н., Пузакова Г.С., 2001. Остров Розиттен: История заселения. Калининград.

Кулакова М.И., 1994. Пожары в Пскове XIII–XVIII вв. // АИП / Отв. ред. В.В. Седов. Псков. Вып. 2.

Ливонская хроника Германа Вартберга / Пер. Е. Чешихина // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 11.

Altoa K., Aus T., Tamm J., 1985. Die bauarchaeologischen Untersuchungen der Burg Narva in den Jahren 1984–1985 // Eesti NSV Teaduste Akadeemia toimetised. № 35.

Die livlaendische Chronik Hermanns von Wartberge / Aus dem Lateinischen uebersetzt von E. Strehlke. Berlin; Reval, 1864.

Hermanas iš Vartbergés, 1863. Livonijas kronika parengta Dr. E. Strelkés. Leipcigas // Henrikas Latvis. Hermanas Vartbergé. Livonijos kronikos / Iš lotyno kalbos verté, įvudo ir paaiškinimus parašé akad. Juozas Jurginis. Vilnius, 1991.

Kulikauskiené R., 1974. Maišiagalos piliakalnio tyrinėjimai 1972 ir 1973 m. // Archeologiniai ir etnografiniai tyrenėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 metais. Vilnius.

Loewis of Menar K., 1922. Burgenlexicon fuer Alt-Livland. Riga.

Mugurēvičs E., 1983. Latvijas viduslaiku piju klasifikācijas un arheoloģiskās izpētes jautājumi // Arheoloģija un etnogrāfija. Riga. [T.] XIV.

Mugurēvičs E., 1984. Die archaeologischen Ausgrabungen im Burgflecken bei der alten Duenaburg // Homburger Gespraech vom 12. bis 14. September 1984. Bad Homburg. H. 6.

Peldai/Ducmane K., 1978. Latvijas viduslaiku dzīvesvietās atrastas 13. gs–16. gs pirmās puses monētas // Arheoloģija un etnogrāfija. Riga. [T.] XII.

Tuulse A., 1942. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat.

Vitkunas J., 1999. Kernavé. Vilnius.

Wartberge, 1863. Hermannii de Wartberge Chronicon Livoniae // Scriptorum rerum Prussicamm / Hrsg. von E. Strehlke. Leipzig. Bd. II.

Zabiela G., 1995. Lietuvos medines pilys. Vilnius.

Žulkus V. Klaipėdos istorijos ir topografijos braožai XIII–XVII a. // Acta Historica Universitatis Klaipėdensis. Klaipėda. [T.] II.

М.Д. Полубояринова (Москва)

КАМЕННЫЕ КОТЛЫ ИЗ БОЛГАРА

В последние десятилетия при раскопках древнерусских городов все чаще попадаются предметы восточного импорта – парадная поливная золотоордынская и иранская посуда, золотоордынские монеты и костяные весы для их взвешивания, кашинные и некоторые типы стеклянных бус и т.д. Известна пока только одна находка обломков каменного котла – во Владимире в слое XII–XIII вв. (*Родина*, 1997. С. 149).

Обломки каменной посуды постоянно встречаются на средневековых памятниках Средней Азии. Их находки отмечали исследователи при раскопках поселений Хорезма (*Вактурская*, 1958. С. 488; *Вишневецкая*, 1958. С. 440, 460; *Рапопорт*, 1958. С. 414; *Кдырниязов*, 1989. С. 99 и сл.), Южной Туркмении (*Атагарриев*, 1973. С. 82; 1986. С. 82; *Кураева*, 1969. С. 217 и сл.), Ферганы (*Ахраров*, 1965. С. 9 и сл.), Восточного Приаралья (*Толстов*, 1969. С. 185). Известно, что каменная утварь была распространена в Иране и прилегающих районах Средней Азии со средневековья до XX в. В Средней Азии каменные сосуды датируются X–XIV вв., причем особенно много их в золотоордынский период. Их изготавливали из различных разновидностей талька.

Обломки каменных сосудов со временем привлекли к себе внимание археологов, изучающих городские поселения Поволжья (как домонгольского, так и золотоордынского периодов) и Северного Кавказа, причем их среднеазиатское происхождение не вызывало сомнений. Н.Г. Гражданкиной и Э.В. Ртвеладзе были опубликованы находки каменных котлов с Маджарского золотоордынского городища на Северном Кавказе (*Гражданкина, Ртвеладзе*, 1971. С. 130, 131). Археологи, изучающие города Золотой Орды в Нижнем Поволжье – Селитренное городище, Царевское городище, Водяное городище – также отмечали находки каменных котлов (*Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев*, 1970. С. 102; *Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева*, 1974. С. 97, 118; *Егоров, Федоров-Давыдов*, 1976. С. 132, 139).

В городах Волжской Болгарии обломки каменных котлов встречаются как в домонгольских, так и в золотоордынских слоях, например в Биляре и Болгаре (*Хузин, Дроздова*, 1986. С. 84 и сл.). Находки эти всегда рассматривались исследователями как свидетельство торговых связей Волжской Болгарии во все периоды ее существования со Средней Азией. Эта уверенность в среднеазиатском происхождении каменных сосудов основывалась на том, что в горах Султан-Уиздага в Хорезме были открыты древние горные разработки тальковой породы, которая шла на изготовление котлов (*Массон*, 1953. С. 10, 15, 18, 24; *Юсупов, Маньолов*, 1968. С. 61–67; *Пругер*, 1975. С. 229, 230).

О добыче “горшечного камня” в Хорезме и в Хорасане сообщают некоторые письменные источники. О хорасанских месторождениях говорят арабские путешественники X в. Ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Ал Макдиси (Материалы, 1939. С. 172, 183, 200). Сведения о хорезмийских залежах тальковых пород, видимо, содержатся в книге Бируни “Минералогия” (середина XI в. *Ал-Бируни*, 1963. С. 159). О Хорезме повествует и сочинение арабского автора первой половины XIV в. Ал-Омари: “Находится там камнеломня: из нее добываются камни, из которых делают котлы (для варки), держится такой котел около 60 лет, не

портясь”. В примечании В. Тизенгаузен указывает, что по другому списку этого сочинения указан меньший срок службы каменных котлов – 2 года (*Тизенгаузен*, 1884. С. 242).

Между авторами, изучающими вопрос о добыче “горшечного” камня и выделки из него сосудов, существуют разногласия по вопросу о месте изготовления котлов – прямо на месте добычи сырья или в каком-то удаленном ремесленном поселении.

Дату функционирования рудников Султан-Уиздага и распространения каменных сосудов по окружающим районам исследователи определяют как X–XIV вв., при этом в золотоордынский период их производство было особенно развито. В это время, как пишет М.-Ш. Кдырниязов, котлы из Хорезма вывозились далеко на Запад – в низовья Сыр-Дарьи, на Северный Кавказ и в города Нижнего Поволжья (*Кдырниязов*, 1989. С. 105). Однако материалы Биляра, опубликованные Г.И. Дроздовой и Ф.Ш. Хузиным, доказывают, что и в домонгольское время среднеазиатские каменные котлы достигали Восточной Европы (*Хузин, Дроздова*, 1986). Интересны в этом отношении и находки Болгара.

Обломки каменных сосудов в Болгаре представляют собой довольно редкую находку. Они присутствуют обычно в богатых комплексах. Целых форм нет, кроме одного обломка, дающего полный профиль сосуда. Обломки принадлежат котлам – крупным кухонным сосудам, в которых варили пищу на костре или очаге.

Подавляющее большинство фрагментов каменных котлов найдены в золотоордынском слое Болгара. Отмечены также редкие находки в домонгольских отложениях. Так, например, в 1984 г. на раскопе LX стенка каменного котла была найдена в домонгольской яме XII – начала XIII в. (рис. 1, 9). Возможно также, что в золотоордынский период какие-то находки из перекопанного домонгольского слоя попадали в более поздние напластования. Но безусловно, основная масса находок относится к периоду Золотой Орды. В настоящей статье описаны около 50 обломков каменных котлов, которые хранятся в коллекциях Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАЗ) и происходят из раскопов и сборов с 1969 по 1989 г. Коллекция эта достаточно представительна и может служить основанием для характеристики этой категории вещей.

Поскольку целые формы почти отсутствуют, классификация каменных сосудов проведена отдельно по венчикам и днищам. Стенки служат для характеристики толщины, орнамента, способа обработки поверхности.

По форме венчиков и верхней части котлов выделяются следующие типы. **Тип I** (12 экз.) (рис. 1, 1–5, 7, 8; 2, 7). Венчик отсутствует. Ровный по толщине, горизонтально срезанный край имеет округлое или прямоугольное сечение. Стенки наклонены внутрь. Диаметр по краю 17–30 см, преобладает 20–25 см. Толщина стенок 3–15 мм, преобладает 8–11 мм. Более чем у половины фрагментов стенки ровные по толщине на всю сохранившуюся высоту. У остальных стенки или утолщаются ко дну сосуда, или у половины – утоньшаются. На шести фрагментах сохранились ручки-выступы, расположенные у самого края сосуда. Они имеют разную форму: небольшие четырехугольные с вертикальным ребром по внешней стороне (рис. 1, 5); треугольные в вертикальном сечении с горизонтальным ребром по внешней стороне (рис. 2, 7); в виде многогранника. Помещаются ручки у края сосуда или немного ниже (рис. 1, 3).

Отдельные фрагменты, относящиеся к типу I, орнаментированы рельефными валиками, идущими в горизонтальном или вертикальном направлении, обра-

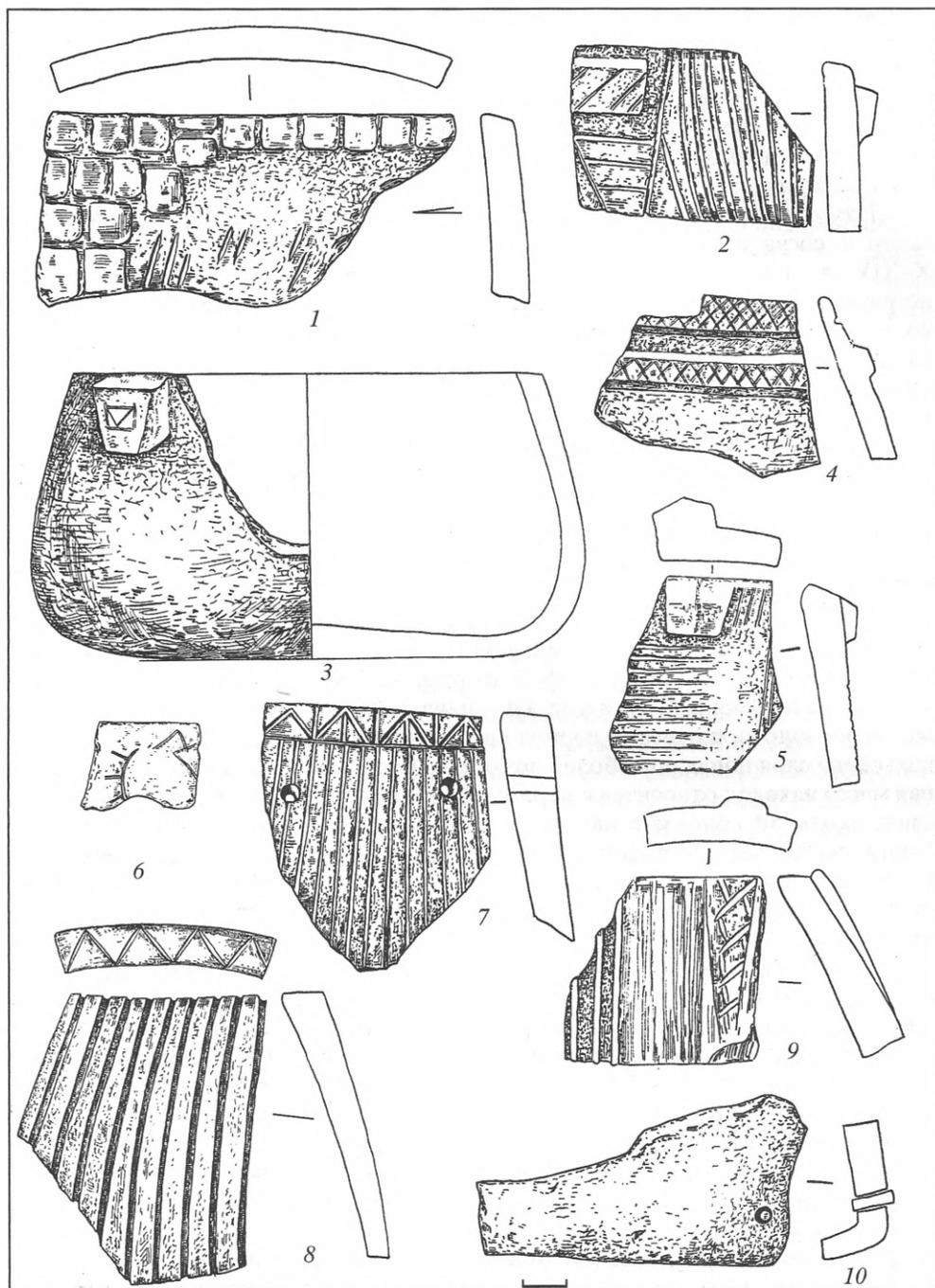

Рис. 1. Фрагменты каменных котлов с Болгарского городища
 1–5, 7–9 – венчики типа I; 6 – знак на стенке; 10 – фрагмент придонной части

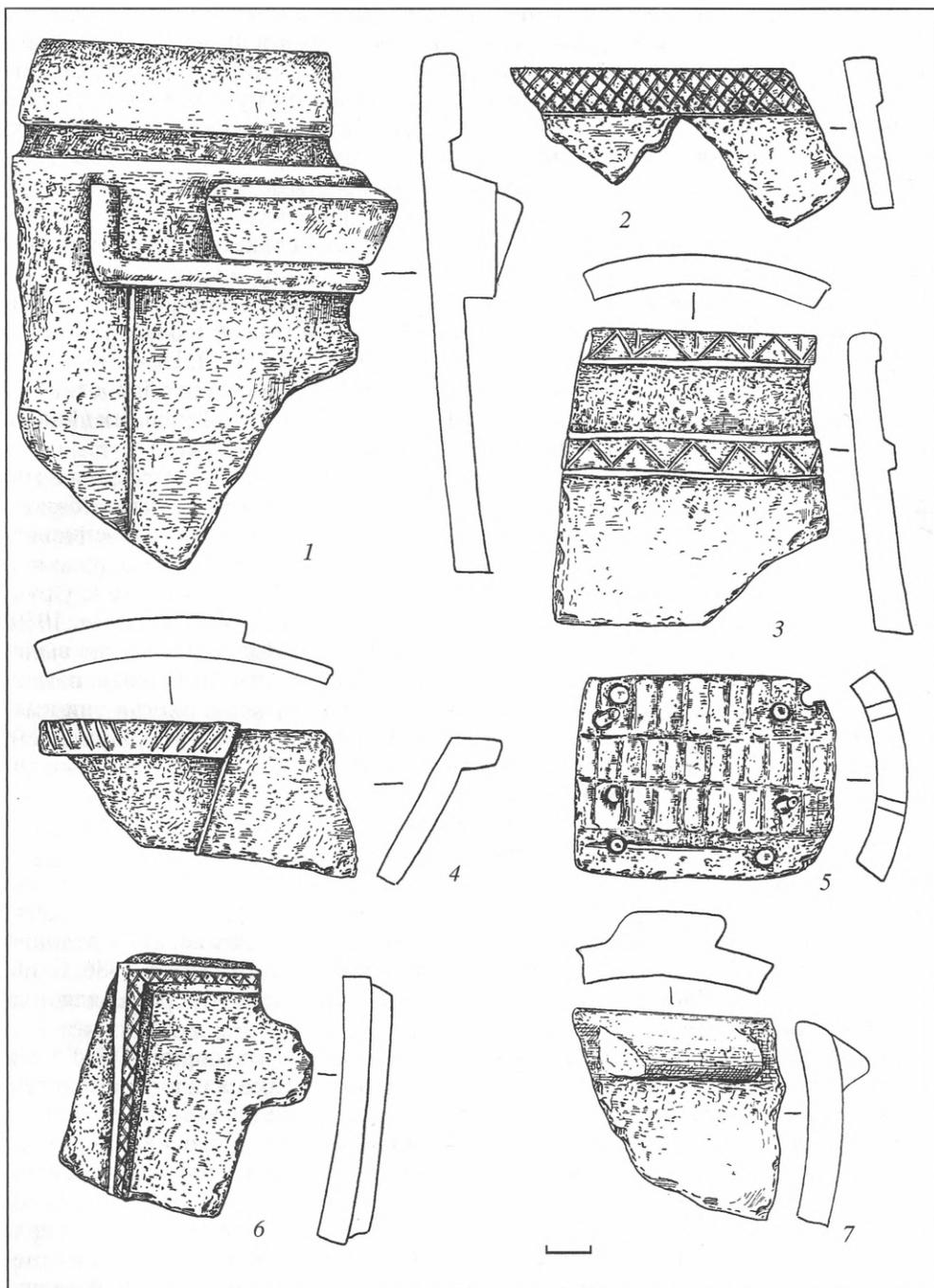

Рис. 2. Фрагменты каменных сосудов с Болгарского городища
 1-3 – венчики котлов типа II; 7 – венчик типа I; 4 – сковорода

зую прямые углы. Валики в сечении трапециевидные или прямоугольные, по внешней грани они бывают украшены параллельными или пересекающимися насечками. Ширина валиков 6–10 мм, высота 4–10 мм. Встречаются валики, идущие вертикально от края сосуда, они помещаются между ручками (рис. 1, 9). Их длина достигает 5–6 см, высота у края от 10 мм, постепенно сходит на нет. Внешняя поверхность сосудов типа I часто украшена вертикальными бороздками – каннелюрами, расстояние между которыми 3–7 мм. Ширина самих бороздок 1,0–1,5 мм. Каннелюры начинаются у самого края сосуда или ниже орнаментальной полосы, идущей по краю сосуда. Под ручками такие же бороздки идут в горизонтальном направлении (рис. 1, 5, 7, 8).

Орнаментальные полосы по краю сосуда встречены на двух фрагментах типа I. Они покрыты гравированным рисунком – косой сеткой в одном случае и зигзагом с дополнительными черточками в другом (рис. 1, 4, 7). Помимо каннелюр, встречается так называемая “панцирная” или чешуйчатая обработка поверхности, которая достигается скалыванием четырехугольных чешуек (1 экз.). Чешуйки квадратные, 12 × 12 мм и расположены рядами (рис. 1, 1).

Каменные котлы, подобные по форме болгарскому типу I, известны в материалах средневековых городищ Хорезма, где выделяются котлы “баночной” формы. У таких котлов обычно бывает 4 ручки-выступа, трапециевидные в сечении, между ручками иногда высечены короткие вертикальные выступы – ребра. Поверхность таких котлов покрыта каннелюрами: между ручками вертикальными, а под ручками – горизонтальными (Кдырнязов, 1989. С. 100, рис. 24, 5). Днища плоские. Дата – XIII–XIV вв. Подобные котлы выделены Л.А. Кураевой среди находок с южнотуркменских средневековых памятников – Мерва и Нисы. Ручки также в виде выступов у края, иногда они имеют отверстия для подвешивания над очагом. Стенки обработаны рифлением, вертикальным и горизонтальным. На ручках также бывает “рифление” – в виде елочки и под углом. Л.А. Кураева отмечает, что, хотя такие котлы есть в Мерве, Нисе, Хульбуке, но наиболее распространены они в Хорезме XI–XIII вв. (Кураева, 1969. С. 219. Рис. 1, 7–9). Судя по данным М.-Ш. Кдырнязова, этот тип котлов характерен и для Хорезма XIV в. Котлы такой формы найдены в виде полуфабрикатов в руднике Казантау в горах Султан-Уиздага, что опять-таки подтверждает их хорезмийское происхождение. На Среднюю Волгу они попадали еще в домонгольское время (Хузин, Дроздова, 1986. С. 88. Рис. 1, 7, 9, 11, 12). Часть ручек от котлов этого типа имеет отверстия для подвешивания над очагом.

Тип II (Рис. 2, 1–3). Венчик прямой утолщенный. Его ширина 0,8–1,5 см. Край слегка закруглен или срезан горизонтально. Стенки наклонены внутрь. Диаметр 21–25 см. Толщина стенок 7–10 мм. Книзу стенок немного утолщаются. В двух случаях на фрагментах сосудов типа II частично сохранились ручки-выступы, помещенные на 1,5 см ниже венчика, т.е. на 3,5 см ниже края сосуда. Ручки имеют в разрезе форму треугольника, помещенного на прямоугольный выступ. Сбоку и снизу эти ручки обведены выпуклым валиком, идущим под прямым углом. Ширина валика 6–7 мм, высота 8 мм. Валик прямоугольный в сечении (рис. 2, 1). На одном фрагменте венчика имеется горизонтальный валик, расположенный на 3,5 см ниже края сосуда и на 2,5 см от венчика. Валик орнаментирован гравированным зигзагом, а венчик – зигзагом с дополнительными черточками. Венчик еще одного сосуда орнаментирован косой сеткой (рис. 2, 3). На самом крупном фрагменте котла типа II по внутренней поверхности заметны следы вертикальной струйчатой обработки.

Каменные котлы с венчиком такого типа Л.А. Кураева выделяет в материалах Мерва и Нисы. Обработка их поверхности бывает чешуйчатая, каннелированная, изредка поверхность отшлифована (Кураева, 1969. С. 218. Рис. 1, 6).

В экспозиции БГИАЗ помещена часть каменного сосуда, единственного сохранившего полный профиль (рис. 1, 3). Это низкий котел (высота 15 см) с наклоненными внутрь стенками и ручкой у края в виде многогранного выступа. Переход к плоскому дну округлый. Толщина стенок 8 мм. По отсутствию венчика этот котел может быть отнесен к типу I. Похожие низкие котлы, но с выделенным венчиком, есть в материалах Мерва и Нисы (Кураева, 1969. Рис. 1, 1). Низкий котел из Шехр-Ислама опубликован Е. Атагарриевым (Атагарриев, 1973. Рис. 26, 12).

Кроме котлов, в Болгаре встречена еще одна форма сосудов – сковорода, только в 1 экз. Это фрагмент верхней части сосуда с отогнутыми кверху стенками, без венчика, с ручкой в виде выступа по краю. Диаметр по верху – 21 см, сохранившаяся высота 5 см, толщина – 7 мм. Ручка – горизонтально помещенный выступ толщиной 7 мм с косой насечкой по наружному краю. Ниже венчика по поверхности фрагмента идет косой уступ высотой 2 мм (рис. 2, 4). Подобные раскрытые кверху сосуды с ровными стенками и, иногда, с ручками публикует М.-Ш. Кдырниязов. Он отмечает их в предмонгольском и золотоордынском Хорезме (XII–XIV вв.) (Кдырниязов, 1989. С. 100, 101. Рис. 24, 4, 4а).

Кроме одного, описанного выше фрагмента, дающего форму низкого котла, нет находок, позволяющих соотнести формы днищ с формами венчиков. Поэтому днища рассматриваются отдельно. Найдено 10 фрагментов днищ и придонных частей сосудов. В одном случае дно совершенно плоское, и наклоненные внутрь стенки образуют с ним острый угол (рис. 1, 3). Диаметр этого дна – 27 см, толщина дна и стенок – 1 см. У остальных фрагментов переход от стенок ко дну округлый (рис. 1, 10). Диаметры днищ – 14–28 см, в основном 24–28 см. Толщина 4–14 мм, в основном 7–14 мм. Одно из днищ утолщено к центру, два к центру утоньшаются, остальные ровные.

Отдельных фрагментов стенок, не связанных с определенными днищами или венчиками, в этой коллекции 17 экз. Стенки котлов и, возможно, других сосудов, имеют толщину 3–14 мм, в основном – 7–11 мм. Всего пять фрагментов стенок не несут никаких следов орнаментации, кроме мягких прерывистых штрихов – след обработки камня. Орнаментация остальных стенок представлена или выпуклыми валиками или гравированным рисунком. Валики, образующие прямой угол, или их отдельные участки отмечены на 5 фрагментах стенок (рис. 2, 6). Все они трапецевидные в сечении, высотой 4–10 мм, высота уменьшается к концу валика. Ширина валиков 3–12 мм, причем она также не одинаковая на всем протяжении валика, к концу они сужаются. В трех случаях на внешней грани валика помещена орнаментация – параллельные насечки или косая сетка. В двух случаях валики изломаны под прямым углом. Судя по описанному выше верхним частям сосудов, вертикальные валики отходили между ручками от края сосуда, постепенно снижаясь и сужаясь. Валики, образовывавшие прямые углы, в одном случае окаймляли ручку сосуда. Видимо, такие рельефные валики под прямым углом могли помещаться и ниже ручек на стенках сосудов. Вертикальные валики, идущие от края сосуда и украшенные гравированной косой сеткой, есть в Шехр-Исламе (Атагарриев, 1973. Рис. 26, 5), в Мерве (Кураева, 1969. Рис. 3), в городах Хорезма (Кдырниязов, 1989. Рис. 24, 1а) и, наконец, в Биляре (Хузин, Дроздова, 1986. Рис. 1, 9). Валиков, изогнутых под прямым углом, в опубликованных среднеазиатских материалах найти не удалось.

Гравировка поверхности каменных котлов применялась очень широко. Среди обломков стенок, как и среди венчиков, встречаются каннелюры – желобки, расположенные вертикально или под ручками – горизонтально. Вертикальные каннелюры несколько сужаются книзу и заканчиваются остроугольно. Иногда каннелюры заменены вертикальными линиями.

На стенках встречается также одиночный линейный орнамент. На одном фрагменте процарапана тамга, состоящая из полукруга с отходящими от него лучами и двух “галочек” (Рис. 1, б). Одна из стенок, примыкающая, видимо, ко дну, покрыта чешуйчатым орнаментом, подобный орнамент отмечен выше на одном венчике. В данном случае “чешуйки” имеют размер 15 × 6 мм и также расположены горизонтальными рядами (Рис. 2, 5). Чешуйчатая или панцирная обработка поверхности встречается на котлах из Биляра (*Хузин, Дроздова, 1986. С. 87*).

Девять фрагментов из числа найденных в Болгаре имеют следы ремонта – просверленные дырочки, в которых иногда сохраняются железные или медные штырьки, вокруг которых обматывалась проволока, скрепляющая куски разбитого сосуда (Рис. 1, 7, 10; 2, 5). Характерно, что ремонтировали каменную утварь не только в Поволжье, далеко от центров ее производства, но и в самой Средней Азии. Это отмечают все авторы, упоминающие о находках каменных котлов. Частые находки фрагментов с проволокой, скрепляющей отдельные куски, заставили в свое время Ю.А. Рапопорта предположить, что каменную посуду изготавливали из отдельных деталей, а потом скрепляли проволокой в единое целое (*Рапопорт, 1958. С. 414*). Позднее археологи объясняли ремонт котлов большой ценностью этих предметов. Тем более должны были они цениться в городах Волжской Болгарии и Золотой Орды – перевезенные на большие расстояния тяжелые каменные котлы должны были подорожать в несколько раз.

Среди описываемой коллекции фрагментов каменных котлов с Болгарского городища найдено шесть ручек, но нет ручек с отверстиями для подвешивания, хотя такие ручки часто встречаются в Средней Азии, есть они и в Биляре. Возможно, это объясняется небольшим числом находок в коллекции БГИАЗ. Авторы статьи о котлах Биляра считают, что котлы с ушками подвешивались над очагом, а котлы без ушек вмазывались в очаг (*Хузин, Дроздова, 1986. С. 89*). Ими отмечено, что котлы, не приспособленные для подвешивания, обычно лишены орнамента, так как, если котел вмазан в печку, то орнамент все равно не виден. Последнее наблюдение не подтверждается находками в Болгаре: 26 фрагментов из 44 так или иначе орнаментированы, в том числе те, на которых есть ручки без отверстий. Лишены орнамента обычно лишь придонные части сосудов.

Рассмотренные обломки каменных сосудов, найденных в Болгаре, как и опубликованные ранее находки из Биляра, безусловно доказывают, что каменные сосуды были импортом с территории Средней Азии. С государствами среднеазиатского региона Волжскую Болгарию, а позднее всю Золотую Орду связывали прочные торговые отношения. Выделенные исследователями Средней Азии два древних района добычи талькового камня и выделки из него котлов и других предметов – местность Тус в Хорасане и Султануиздагские горы в Хорезме – давали, вероятно, не вполне идентичную продукцию как по материалу, так и по деталям формы, орнаментации и т.д. К сожалению, это различие пока не установлено. Поэтому пока не представляется возможным точно определить место изготовления того или иного сосуда, найденного в Поволжье или на золотоордынских памятниках Северного Кавказа, где до XIV в. каменные котлы не были известны (*Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 130*). Тем более это касается единственной находки из Владимира.

Торговые связи Поволжья и Средней Азии в средние века прослеживаются по многим категориям находок – например, по стеклу (*Полубояринова*, 1988. С. 213, 214), по изделиям из полудрагоценных камней (*Полубояринова*, 1991. С. 107, 108). Каменные котлы являются еще одним доказательством развитых торговых отношений с Востоком государств Средней и Нижней Волги в домонгольский и золотоордынский периоды их истории. Через эти государства изделия восточных мастеров могли попадать на Русь.

ЛИТЕРАТУРА

- Ал-Бируни* 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей: (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого; Статьи и примеч. А.М. Беленицкого и Г.Г. Леммлейна. Л.
- Атагарриев Е.*, 1973. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад.
- Атагарриев Е.*, 1986. Средневековый Дахистан. Л.
- Ахраров И.А.*, 1965. Каменные котлы средневековой Ферганы // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент.
- Вактурская Н.Н.*, 1958. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ. М. Т. II.
- Вишневецкая О.А.*, 1958. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ата // Тр. ХАЭЭ. М. Т. II.
- Гражданкина Н.Г., Ртвеладзе Э.В.*, 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.
- Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.*, 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Кдырниязов М.-Ш.*, 1989. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус.
- Кураева Л.А.*, 1969. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XIV.
- Лунина С.Б.*, 1962. Гончарное производство Мервы X – начала XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XI.
- Манылов Ю.П.*, 1972. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья (археолого-топографическое исследование Султануиздага): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
- Массон М.Е.*, 1953. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент.
- Материалы*, 1939. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л. Т. I: VII–XV вв.: Арабские и персидские источники.
- Полубояринова М.Д.*, 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.
- Полубояринова М.Д.*, 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Пругер Е.Б.*, 1975. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА. № 2.
- Пугаченкова Г.А.*, 1958. Ниса. Ашхабад.
- Рапопорт Ю.А.*, 1958. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ. М. Т. II.
- Родина М.Е.*, 1997. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. № 3.
- Тизенгаузен В.*, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I: Извлечение из сочинений арабских.
- Толстов С.П.*, 1969. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.*, 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.*, 1974. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевское городище) // Города Поволжья в средние века. М.
- Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И.*, 1986. Каменная и металлическая посуда // Посуда Биляра. Казань.
- Юсупов Н., Манылов Ю.П.*, 1968. К изучению горного дела Султан-Уиздага/ Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР. № 2.

Е.А. Рыбина (Москва)

ДЕРЕВЯННЫЕ ОПРАВЫ СТЕКЛЯННЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ

Вопрос о бытовании зеркал в средневековой Руси, в том числе и в Новгороде, никогда прежде даже не обсуждался в археологической литературе, поскольку эта категория предметов средневекового быта практически не обнаруживалась при раскопках древнерусских городов. В самой представительной по количеству и разнообразной по составу новгородской коллекции содержится лишь одно бронзовое зеркало восточного происхождения, найденное при раскопках Новгорода в слое XII в. (Седова, 1981). Фрагмент подобного зеркала известен из раскопок Суздаля. Между тем в последние годы удалось атрибутировать одну группу находок из Новгорода, Пскова и Москвы как металлические складные оправы стеклянных зеркал (Rybina, 1996, S. 131–141; Рыбина, 1999, С. 101–121).

Среди разнообразных деревянных изделий, собранных при раскопках в Новгороде, имеется группа находок круглой формы, названных в литературе точеными коробочками или пиксидами, предназначенными якобы для хранения кремов, мазей или мелких предметов (Колчин, 1968. С. 43). Оставив в стороне вопросы средневековой косметики, замечу, что к этой группе отнесены предметы существенно различающиеся по размерам (их диаметр колеблется от 3 до 20 см), форме и конструкции. В их число входят крышечки с вытянутой в центре шаровидной ручкой, части коробочек с высокими стенками и другие. В своде, опубликованном Б.А. Колчиным, таких изделий насчитывается более двухсот. Вместе с тем среди них автор выделил самую массовую, компактную группу с наиболее распространенным диаметром в 4–5 см, бытовавшую в XIII–XIV вв. (Колчин, 1968. С. 43), которая была названа крышечками.

В коллекционных описях Неревского, Троицкого и других раскопов было выявлено около 130 подобных предметов в слоях середины XIII – начала XV вв. Все они чрезвычайно напоминают детали современной пудреницы или мелкой коробочки, имеющей на внутренней стороне бортик высотой около 2 мм. У одних экземпляров этот бортик находится на расстоянии 2–3 мм от края, у других расположен строго по краю, образуя как бы стенку изделия. Внешняя сторона у всех крышечек – гладкая. Диаметр этих предметов колеблется от 3–4 см до 6–7 см, но преобладают крышечки почти стандартного размера диаметром 4–5 или 4,5–5,5 см (рис. 1, 3–6). Разрозненность находок не позволяла надежно определить их назначение в каждом отдельном случае.

Наряду с разрозненными деталями еще в 1972 г. при раскопках на Михайловой улице (Кировский раскоп) в слое начала XIV в. была найдена целая коробочка, состоящая из двух деталей описанной выше формы (рис. 1, 1). Аналогичная находка была обнаружена в 1988 г. на Троицком раскопе в слое конца XIV в. (рис. 1, 2). На рисунке хорошо видны способы соединения двух деталей коробочек, при этом обращает на себя внимание очень маленькое внутреннее пространство предмета (всего 4–5 мм по высоте), в котором трудно поместить косметическое снадобье или какие либо мелкие предметы.

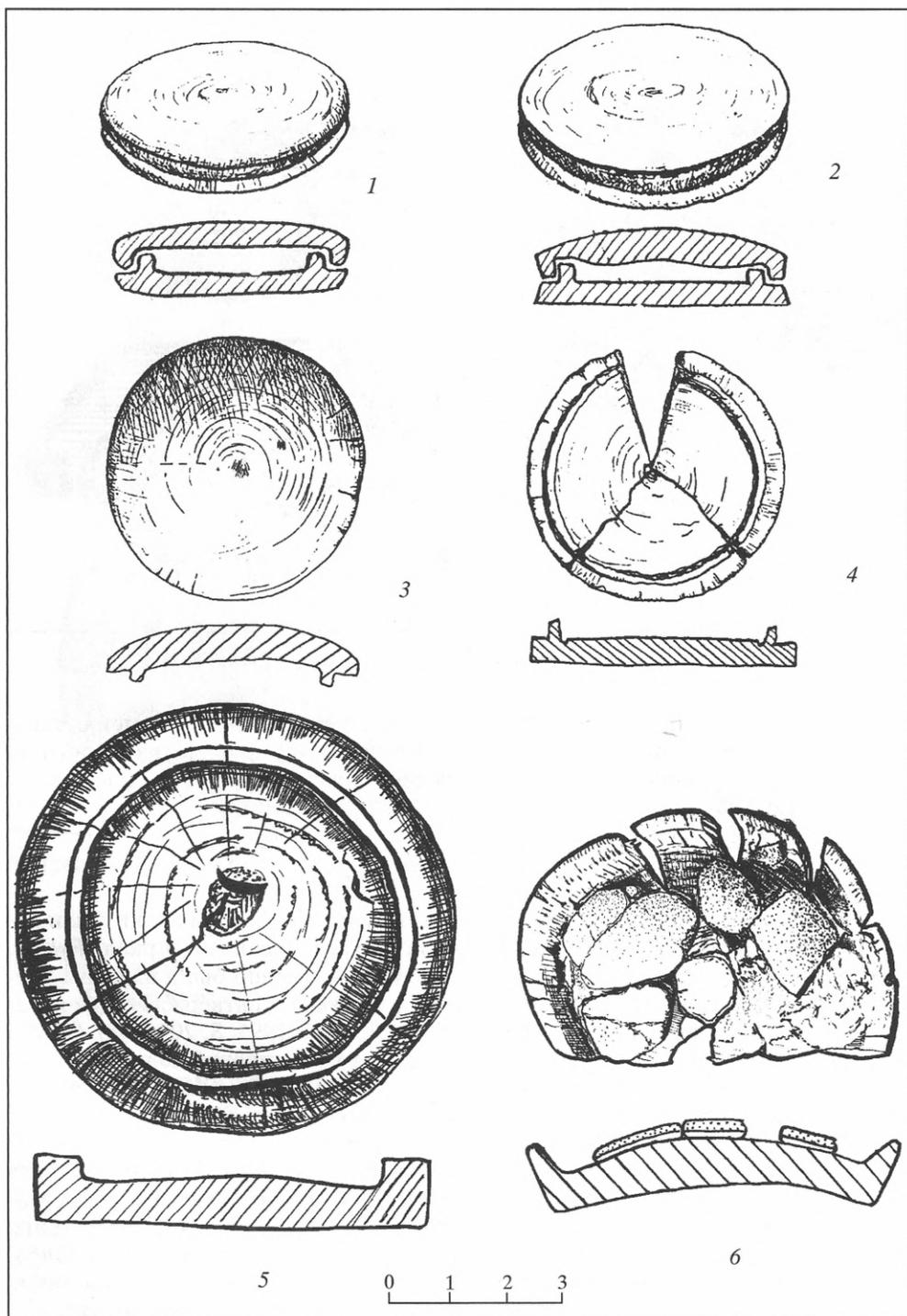

Рис. 1. Деревянные складные оправы стеклянных зеркал и их детали. Новгород

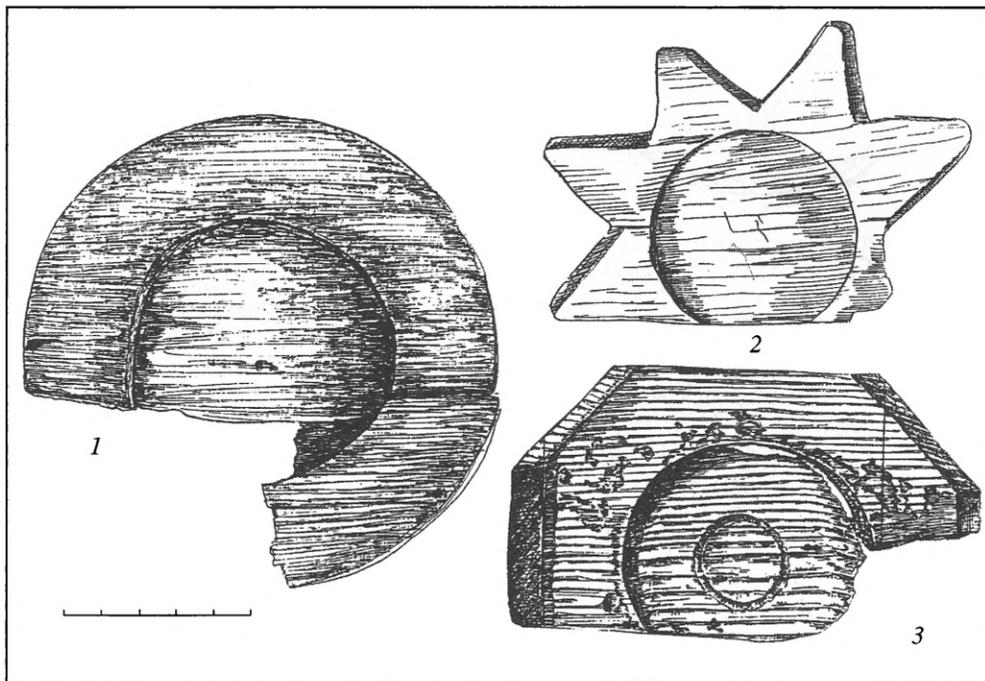

Рис. 2. Рамочные оправы стеклянных зеркал. Новгород

В течение долгих лет функциональное назначение этих крышечек оставалось неясным. Несколько лет назад была предпринята попытка их атрибуции по аналогии с металлическими крышечками, которые были определены как кустодии, т.е. хранилища для восковых печатей (*Rybina*, 1992. P. 201, fig. VI.3, 1; *Рыбина*, 1993. С. 156–157). Металлические и деревянные кустодии, конструктивно очень близкие нашим крышечкам, хорошо известны в Западной Европе.

Между тем благодаря новым находкам металлические крышечки были надежно атрибутированы как части складных оправ стеклянных зеркал (*Rybina*, 1996. S. 131–141; *Рыбина*, 1999. С. 101–121). Одновременно были найдены убедительные аналогии в западноевропейском материале, подтверждающие предпринятую мною атрибуцию (*Krueger*, 1990. S. 233–313; 1995. S. 209–248). Оказалось, что в Западной Европе стеклянные зеркала на свинцовой подкладке в оправе из кости, металла и дерева широко распространились с XIII в. и бытовали в течение нескольких столетий до изобретения амальгамы.

Таким образом, в результате длительных поисков и обнаруженных аналогий в составе деревянных изделий, найденных при раскопках Новгорода, была выявлена новая категория городского быта – оправы стеклянных зеркал. Собранные за годы раскопок в Новгороде эти оправы делятся на две группы: 1. Складные оправы в виде круглых миниатюрных коробочек (рис. 1); 2. Оправы в виде рам (рис. 2). Первый тип представлен десятками крышечек описанной выше конструкции, а также, как уже отмечено, двумя целыми складными коробочками (рис. 1, 1, 2). На внутренней поверхности некоторых крышечек содержалась какая-то масса, в нескольких случаях с гладкой поверхностью (рис. 1, б). Очевидно, это были остатки стекла на подложке.

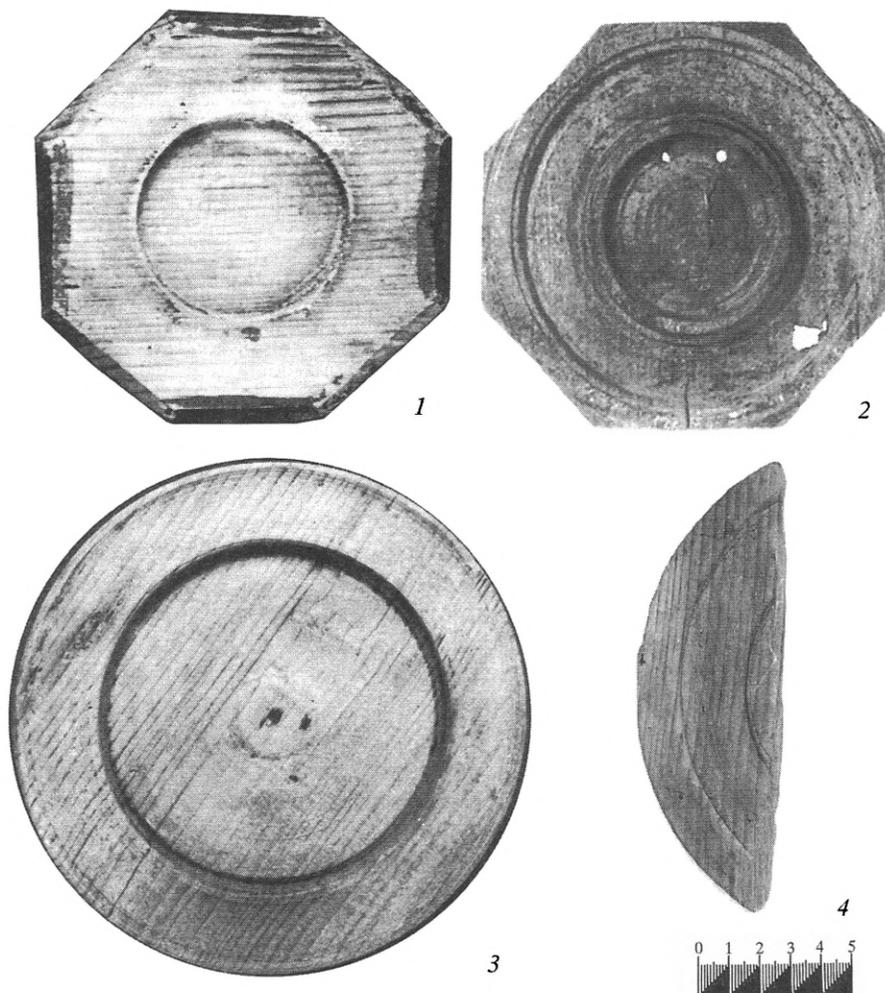

Рис. 3. Рамочные оправы стеклянных зеркал

1, 3 – Фрайберг (Германия), 2 – Амстердам (по И. Крюгер); 4 – Новгород, Неревский раскоп

По аналогии с сохранившимся частично стеклянным зеркалом в металлической оправе можно восстановить (представить), как было устроено такое зеркало. Внутреннее пространство нижней половины коробочки заполнялось вначале какой-нибудь аморфной массой, в частности глиной с соломой, которая покрывалась тонкой свинцовой фольгой. Поверх этой фольги укладывалось круглое, тщательно отполированное стекло. Такие складные коробочки со стеклянными зеркалами помещались в кожаные футляры, которые удобно было носить с собой, положив в карман или в сумку, или привязав к поясу. Среди кожаных изделий, в большом количестве находимых при раскопках Новгорода в слоях XIII–XIV вв., выделяются кожаные футляры для самых разнообразных бытовых предметов: ложек, проколов, писал, ножниц, топоров и др. Несомненно, что в коллекции кожаных изделий найдутся и футля-

ры для зеркал, которые теперь необходимо выявить, описать и каталогизировать.

Второй тип оправ стеклянных зеркал был выявлен в новгородской вещевой коллекции только благодаря публикациям Ингеборг Крюгер (*Krueger*, 1990; 1995), в которых рассмотрены аналогичные предметы (рис. 3, 1–3). Эти оправы представляют собой плоские деревянные пластины круглой или многогранной формы диаметром от 12 до 20 см, толщиной 1–2 (рис. 2; 3). В Новгороде, наряду с указанными формами, была обнаружена оправа звездчатой формы (рис. 2, 2). В центре этих пластин делалось небольшое углубление, в которое и помещалось круглое стеклянное зеркало диаметром 4–6 см. Иногда поверхность оправ украшалась различными металлическими орнаментированными накладками. В составе новгородской коллекции имеются оправы, у которых вокруг центральной части с зеркалом было вырезано еще одно углубление, заполненное, очевидно, какой-то инкрустацией (рис. 3, 4). Точно такие же оправы известны и в западноевропейском материале (рис. 3, 2). Оправ второго типа, по сравнению со складными оправками, найдено в Новгороде сравнительно немного (не больше 20 экз.). Их коллекция пополнилась еще несколькими находками в 2002–2003 гг.

Обы типа оправ обнаруживаются в Новгороде в слоях XIII – начала XV в. главным образом на усадьбах, где концентрируются другие западноевропейские находки.

Хочется надеяться, что выявленная в составе новгородской вещевой коллекции новая категория средневекового быта послужит стимулом для обнаружения подобных предметов в музейных собраниях других древнерусских городов и поможет правильно атрибутировать археологические находки при раскопках средневековых памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Колчин Б.А.*, 1968. Новгородские древности: Деревянные изделия. М. (САИ. Вып. Е-55).
- Рыбина Е.А.*, 1993. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 7.
- Рыбина Е.А.*, 1999. Зеркала в средневековой Руси (проблема атрибуции, публикация оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XIV вв. М.
- Krueger I.*, 1990. Glasspiegel im Mittelalter: Fakten, Funde und Fragen // *Bonner Jahrbücher*. Bd. 190.
- Krueger I.*, 1995. Glasspiegel im Mittelalter. II: Neue Funde und neue Fragen // *Bonner Jahrbücher*. Bd. 195.
- Rybina E.A.*, 1992. Trade links of Novgorod established through archaeological data // *The Archaeology of Novgorod, Russia: The Society for medieval Archaeology. Monograph Series*. Lincoln. № 13.
- Rybina E.*, 1996. Spiegelfunde aus dem spätmittelalterlichen Novgorod // *Zwischen Novgorod und Lübeck: Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*. Lüneburg.

А.С. Хорошев (Москва)

СЕДЛО НАЧАЛА XIII в. ИЗ НОВГОРОДА*

Деревянная лука седла была обнаружена в 1984 г. на Троицком VII раскопе (начальник раскопа А.Н. Сорокин) в юго-западной части исследовавшейся площади усадьбы Ж (кв. 597) на уровне 7-го пласта (глубина 120–140 см). Предмет цельнодеревянный, длиной 35 см и высотой 14 см (рис. 1). В разрезе лука крыловидной формы с шириною в нижней части 6,5 см и 2 см в верхней. Лицевая плоскость несколько отогнута наружу. Центральная часть внутренней поверхности имеет округленную, оконтуренную валиком выемку, шириной 12 см и высотой 6,8 см. Нижняя часть луки дугообразно вырезана. Там же по бокам имеются две симметричные пары отверстий. Диаметр отверстий – 0,7 см. Они расположены на расстоянии 1,5 и 6,5 см от боковых сторон и отстоят от нижнего края луки на 2 и 3 см.

При обнаружении находки на верхней кромке ее внутренней поверхности частично сохранялись костяные орнаментальные пластины, а на плоскости читались отверстия от крепления резных костяных накладок, обнаруженных в непосредственной близости. О них ниже.

Напластования в месте находки – влажный рыхлый зольный слой. Лука обнаружена на расстоянии 2 м к югу от южных торцов настила мостовой Черницыной улицы 12-го яруса. Дендрохронологическая датировка мостовой – середина 50-х годов XII в. – начало 10-х годов XIII в.

Вблизи находки вскрыта небольшая хозяйственная постройка (1 × 1 м), рубленая в обло из тонких (8–10 см) бревен. Постройка ориентирована по сторонам света с отклонением к юго-западу, параллельно трассе мостовой Черницыной улицы. Верхний уровень сооружения зафиксирован на глубине 130 см. Северная и западная стены постройки сохранились на один, восточная – на два, а южная – на три венца. Нижний уровень залегания постройки – 163 см. Вблизи сооружения, к западу, вскрыта дворовая вымостка, подходившая к Черницыной улице.

Непосредственно с лукой седла и костяными накладками обнаружены рядовые находки: обломок темно-коричневого крученого стеклянного браслета, каменное грузило, оплетенное берестой, серьга с бусиной, обломок деревянной стрелы, обломок гладкого зеленого стеклянного браслета, дужка замка цилиндрического, подвеска из светлого металла, оселок. Из массы бытовых предметов выделяется находка берестяной грамоты № 626. Грамота – фрагмент правого края документа, основная часть которого сторела (*Янин, Зализняк, 1993. С. 29–30*).

Следовательно, нет никаких сомнений в том, что седло не является переотложенной находкой и датируется серединой XII – началом XIII в. Впрочем, учитывая мощный зольный слой пожарища, есть основание датировать находку верхней датой – началом XIII в., когда территория усадебной застройки вдоль Черницыной улицы подверглась поджогу и разорению в ходе выступления нов-

* Статья подготовлена в рамках проекта “Новгород Великий в системе этнокультурных связей средневековья” по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

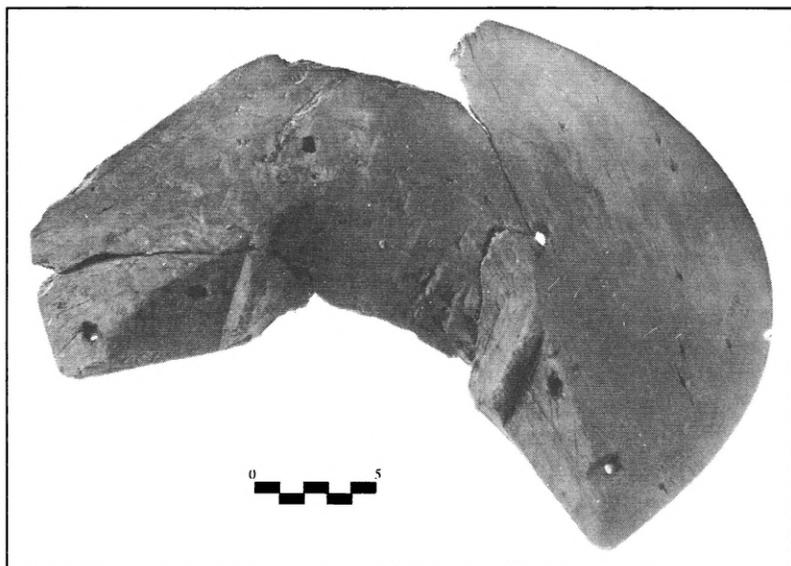

Рис. 1. Задняя лука седла. Дерево (Фото С.А. Орлова)

городцев против боярского семейства Мирошкиничей (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 43, 59, 79, 136–138).

В месте находки лука седла и на соседних квадратах обнаружена масса костяных накладок – элементов убранства седла. Все накладки можно разделить на три группы.

К первой (рис. 2) относятся изогнутые неорнаментированные узкие брусковидные накладки шириной 1–1,1 см, толщиной 0,4 см, имеющие выпуклый залощенный верх и дуговидную выемку снизу. Длина – до 16 см. Часть из них фрагментирована, их длина 3,8–4 см. Брусковидные накладки имеют стандартные отверстия для крепления диаметром 0,4 см. Крепились накладки костяными гвоздиками длиной 1,1–1,2 см с выпуклой шляпкой диаметром 1–1,1 см. Накладки использовались для обшивки торцов лука седла.

Вторая группа – костяные уплощенные орнаментированные пластинчатые накладки различной конфигурации (рис. 3, 4). Ширина пластин 2,4–2,5 см, толщина 0,2–0,22 см. Накладки имеют повторяющийся узор, выполненный в технике циркульного орнамента из двух глазков, при котором окружность внешнего глазка не пересекает окружность следующего и предыдущего, а доходит только до их внешних сторон. В результате получается лента простой плетенки, внутрь которой вписаны глазки. Подобный рисунок распространен в средневековой пластике. Накладки с узорным пояском были деталями орнаментики седла. Пластины двух видов – ленточные (рис. 3), которые каймой опоясывали плоскость лука (частично они были зафиксированы *in situ*). Другие накладки – четыре арочных медальона (рис. 4).

Третий набор накладок – резные изображения зооморфных существ. В эту группу входят пять пар пластин. Первые четыре – изображения существ, пятая – растения.

Первая пара – изображения двух орлиноголовых крылатых существ (рис. 5, 1, 2). Размеры резных пластин 9 × 9 см. Верхняя часть туловища обработана по

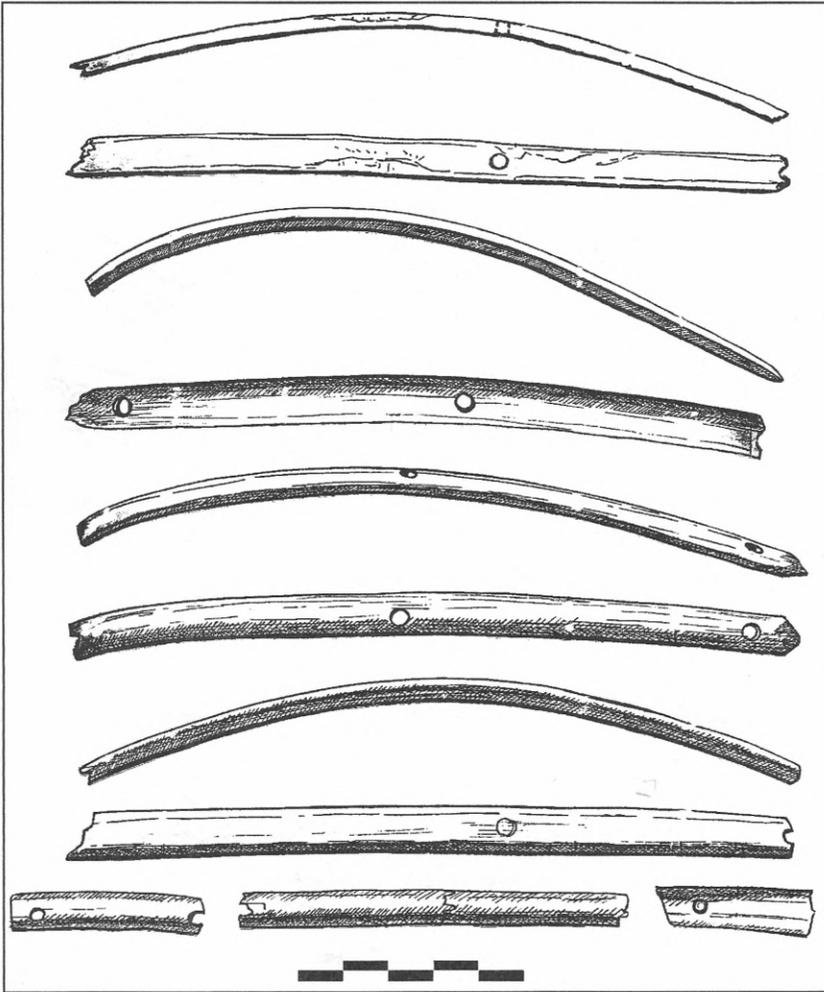

Рис. 2. Торцевые накладки. Кость

краю насечкой. Вплотную к линии насечки с заходом на нижнюю часть туловища, лапы, хвост и крыло располагается сплошная лента глазкового орнамента. По шее – поясок из двух линий глазков. Диаметр глазков 0,3 см. От горла отходит шиповидный отросток, загнутый к шее. На ушастой клювообразной голове расположен миндалевидный глаз со зрачком-кружком. Глаз заключен в S-образную бровь, вытянутую до линии ушей. Крыло серповидное. Ширина крыла в нижней части 2 см, длина 5,5 см. Заостренный верх крыла загнут к голове. Плоскость крыла в нижней части разделена на пять полос, из которых две доведены до верхнего края. Центральная полоса орнаментирована глазками, две полосы – насечками и две не орнаментированы. Передние лапы существа короткие, мощные. Задние лапы утрачены. Хвост вытянут вверх с наклоном к голове. Конец хвоста раздвоен в форме растительного побега. Головы существ повернуты в разные стороны: налево и направо.

Есть утраты крыла и хвоста у одной из фигур (рис. 5, 1), но общий рисунок и пространственный объем представляются достаточно четкими.

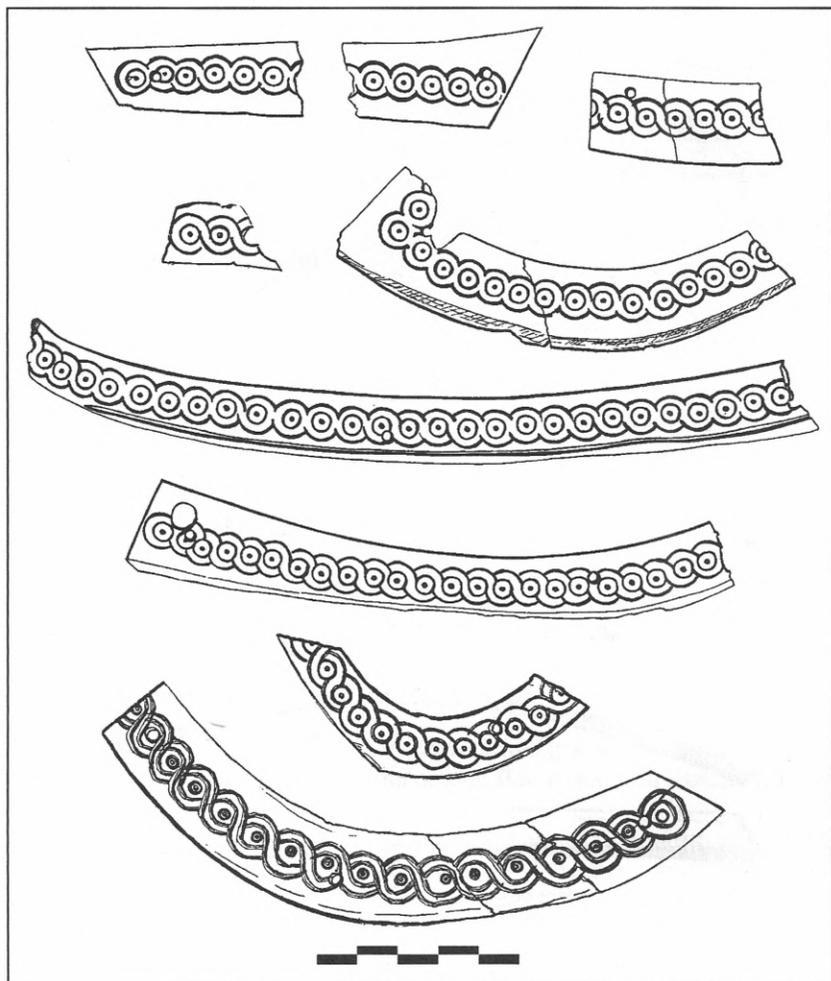

Рис. 3. Орнаментальные пластины. Кость

Вторая пара накладок – резные полнопрофильные изображения стоящих или идущих животных (рис. 5, 3, 4). Длина резных пластин – 15,5 см, высота в холке животных 4,5 см. Пасти зверей раскрыты. Глаза миндалевидные без зрачков. Хвост у одного животного вытянут вниз по линии спины. Хвост длинный – 7 см, почти равный длине туловища (8,5 см). У второго зверя хвост змееобразно закручен. Его конец утрачен. Морды по краю изображений орнаментированы насечкой. Холки и подбрюшье зверей гравированы линиями, передающими шерстистость зверя. На шее резной поясок шириной 0,4 см. У одной фигуры поясок орнаментирован насечкой (рис. 5, 4), у другой орнамент отсутствует (рис. 5, 3).

Третья пара изображений – погрудно переданные существа размерами 4,5 см на 5 см (рис. 5, 5) и 3,5 см на 3,5 см (рис. 5, 6). В отличие от двух ранее описанных, головы этих существ повернуты в одном направлении: слева направо. Одна из пластин сохранилась лучше (рис. 5, 5). Она представляет собой погрудное изображение животного с раскрытой пастью. Глаз миндалевидный с зрач-

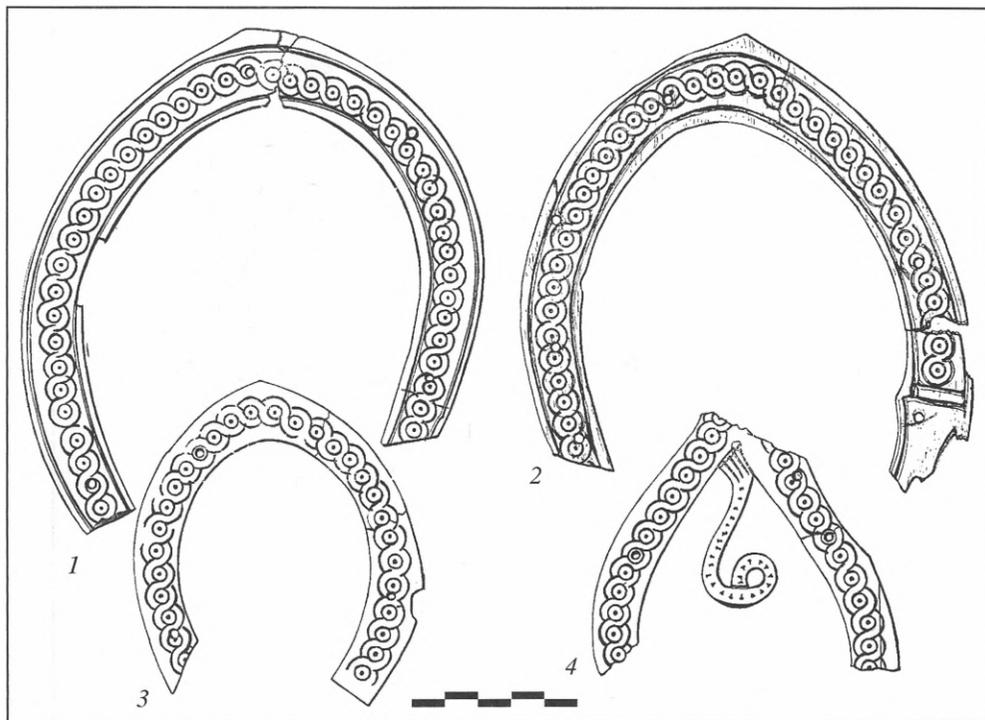

Рис. 4. Арочные накладки-медальоны. Кость

ком-глазком и удлиненной бровью, переходящей в загнутое ухо (рог?). Шея подчеркнута двойной резной линией-пояском. Морда и полутуловище по краю окантованы насечкой. Полутуловище украшено лентой глазкового орнамента, размещенного по контуру животного и вдоль него, посередине. Полоса насечки и орнаментальная лента подчеркивают, что изображение цельное, а не фрагментированное. В пластине помимо стандартных (0,2 см) отверстий для крепления имеется отверстие диаметром 0,6 см.

Рисунок второго, частично сохранившегося изображения животного (рис. 5, б) при определенной схожести с первым имеет отличия: отсутствует линия насечки по контуру головы и туловищу, нет пояска гравировки на шее, спина выгнута по окружности, лента глазкового орнамента овальная, а не подтреугольная, как у первого зверя. В центре туловища располагалось большое отверстие, диаметром, вероятно, как у предыдущего изображения.

От четвертой пары резных пластин сохранились два фрагмента (рис. 5, 7, 8). Животные на них изображены погрудно анфас. Высота пластин – 3,7 и 2,6 см; ширина – 2,8 и 3,5 см. Морды животных и их детали переданы гравировкой. Глаза миндалевидные с глазком-зрачком, отодвинутым от носа. Нос (читается на одном фрагменте), выгравирован в форме удлиненной призмы, широкой стороной вверх (рис. 5, 7). Уши выступают над контуром морды острыми треугольниками с выемкой ушной раковины. На морде зверей и шее глазковый орнамент. Возможно, глазковыми линиями выделялся контур носа на второй пластине (рис. 5, 8). Волнистой гравировкой передана грива животных.

Группа изображений растительного характера представлена двумя криновидными пластинами (рис. 6). По форме резные пластины принадлежат к тра-

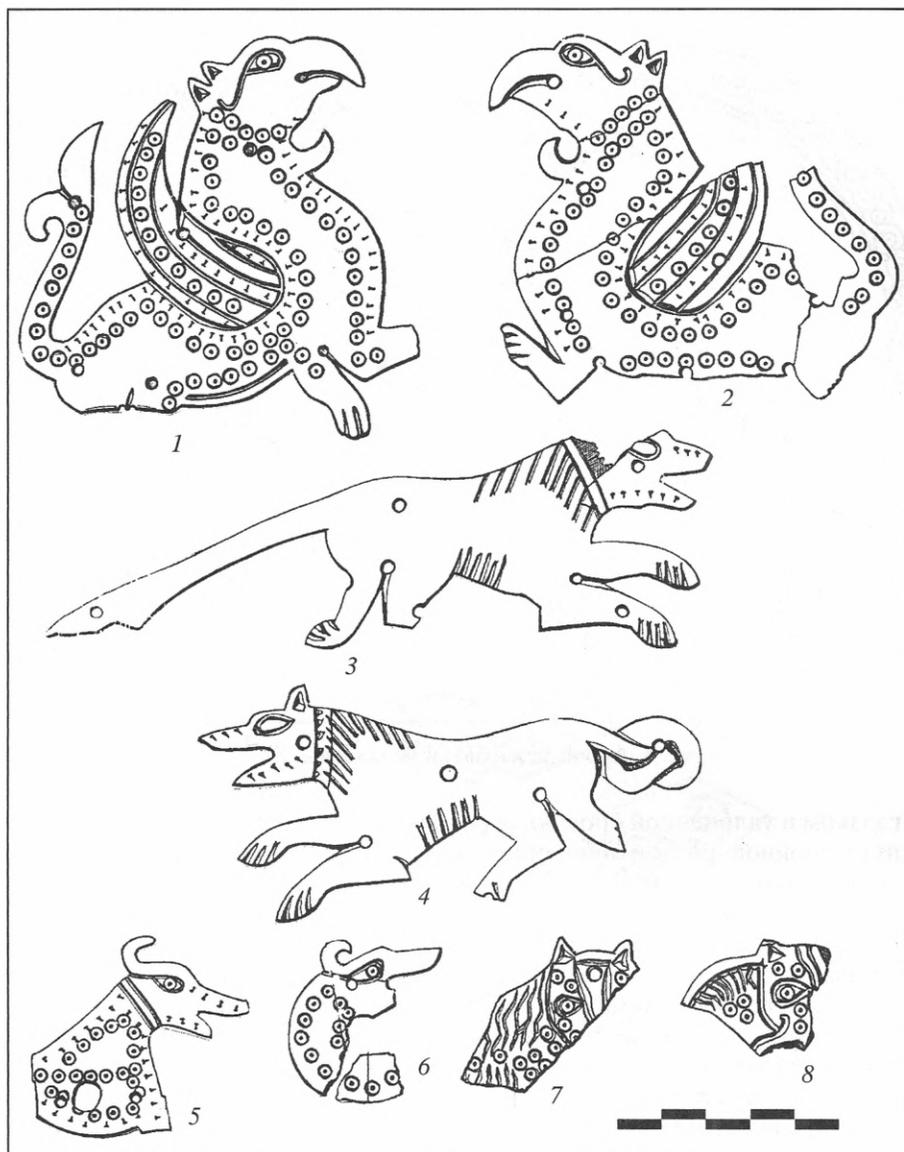

Рис. 5. Резные зооморфные накладки

1 – грифоны; 2 – барсы; 3 – драконы (?); 4 – львы. Кость

диционному в древнерусском искусстве изображению “древа жизни”. Одна пластина сохранилась практически полностью (рис. 6, 1), вторая фрагментирована (рис. 6, 2).

Целая накладка высотой 11 см и шириной 6 см. Основание – треугольное, традиционное для подобных изображений. Структура дерева образована двумя опущенными вниз, раздвоенными заостренными на концах побегами и ромбовидным завершением ствола. Контур рисунка подчеркнут сплошной линией гравировки и орнаментальной лентой глазков. Внутренний отросток побега ко-

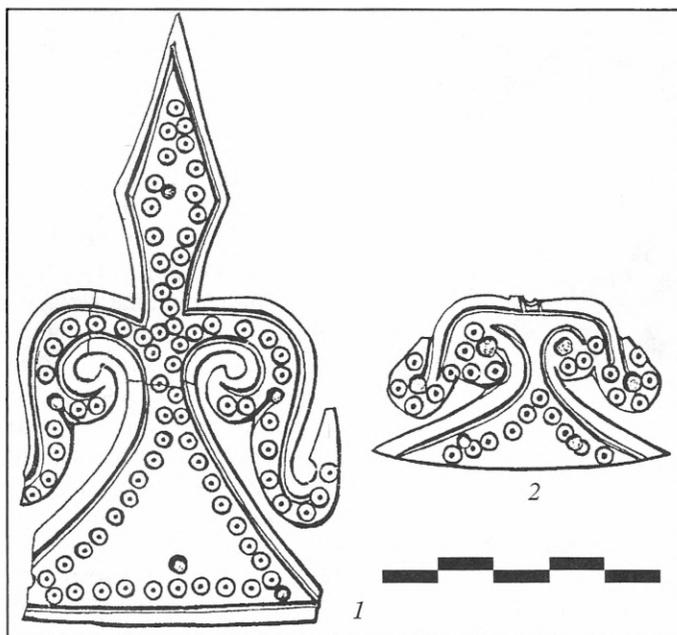

Рис. 6. Кринovidные накладки. Кость

роткий и вывернут к стволу. Внешний – спущен вниз ствола и круто загнут вверх.

У второй кринovidной пластинки (рис. 6, 2) утрачен верх ствола. Изображение того же типа: ствол вырастает из треугольника, имеет две ветви, заканчивающиеся раздвоенными на концах ростками. При очевидной схожести фрагментированная пластина проигрывает целой накладке в пропорциональности, тщательности рисунка и отделке поверхности изделия. Рисунок приплюснут. Ширина треугольного основания крина – 5,5 см, что только на 0,5 см меньше, чем у целого изображения, но высота плечей ветвей равна 3 см против 6 см у первого экземпляра. Глазковый орнамент нанесен небрежно, а по нижнему краю треугольника орнаментальная полоса отсутствует. Ветви короче и вплотную соединены со стволом. Рисунок отростков читается по изгибам ленты орнамента.

Трудно перечислить все древнерусские памятники искусства и быта, на которых изображен мотив дерева жизни, оберегаемого парой фантастических существ, зверей или птиц с головами, повернутыми друг к другу либо в противоположные стороны. Наличие двух кринovidных накладок на четыре пары животных требует проведения выбора персонажей для организации сцены охраны дерева жизни. Третья и четвертая пара животных не отвечают параметрам кринovidных пластин. Кроме того морды зверей у третьей пары повернуты в одну сторону, а животные четвертой пары даны анфас, что не соответствует критериям композиции¹.

Первая сцена организуется парой птицеголовых крылатых существ с туловищем зверя – грифонами. Они вполне вероятно размещались внутри арочных

¹ Организация сцен охраны дерева жизни предложена В.И. Поветкиным.

Рис. 7. Накладка с изображением грифона в арочном медальоне. Кость. Фото С.А. Орлова

медальонов (рис. 7). Головы существ могли быть повернуты друг к другу или в противоположные стороны. В эту композицию была вписана целая криновидная пластина, располагавшаяся традиционно в центре (рис. 8).

Изображения орлиноголовых грифонов с телом хищного зверя известны в дохристианской Руси. Два грифоновидных изображены на одном из знаменитых турьих рогов из Черной могилы (*Вагнер*, 1976. С. 254,

рис. 113). В средневековой Руси грифоны достаточно рано ассоциировались в христианскую символику. Наряду со львом грифон относится к числу “благородных животных”. Им приписывались охранительно-покровительские функции. В росписи киевской Софии два грифона помещены по сторонам хризмы – там, где обычно изображались ангелы (*Древности Российского государства*, 1871. Табл. 32). Многочисленны рельефы грифонов во владими́ро-суздальской архитектурной пластике. Только в Георгиевском соборе Юрьева-Польского насчитывается двенадцать изображений грифонов (*Вагнер*, 1966. С. 116).

Если характер композиции (охрана древа жизни) бесспорен, а трактовка существ (грифоны) благодаря многочисленным аналогиям однозначна, то место размещения сцены неопределенно. По крайней мере скомпоновать пластины на поверхности найденной луки седла невозможно. Высота луки – 14 см, но выемка внизу сокращает поле для размещения орнаментальных пластин до 9 см. В то же время высота крины – 11 см, а арочных медальонов – 14 см.

Следовательно, сцена охраны древа жизни грифонами размещалась на более крупном предмете. Им была вероятно передняя лука седла, которая всегда была больше задней в полтора–два раза². Поэтому размещение в ее центральной части сцены охраны грифонами древа жизни вполне вероятно.

Вторая композиция охраны древа жизни была организована двумя полнопрофильными изображениями стоящих или идущих животных. Между ними размещалась фрагментированная криновидная пластинка: ее высота соответствует высоте зверей.

Сцена помещена внутрь слабоизогнутой ленты плетеночно-глазкового орнамента. Вверху полоска накладок изогнута вовнутрь. Изгиб дополняется треугольным фестоном, членящим поверхность на два равных сектора, в каждый из которых вписывается изображение животного (рис. 9). Нет сомнений в размещении композиции – задняя лука седла (рис. 10).

Сложнее с отождествлением животных – хранителей древа. Круг претендентов достаточно широк: собаки или волки, тигры или барсы, львы или полиморфные существа.

² Благодаря сотрудникам Государственного Исторического музея И.Р. Ахмедова и А.П. Мошинского за консультативную помощь при подготовке публикации.

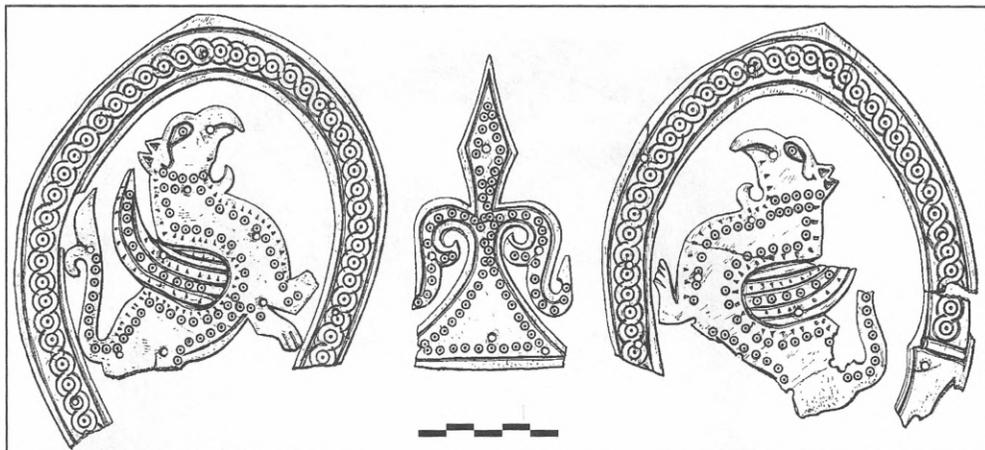

Рис. 8. Композиция охраны дерева жизни на передней луке (?). Кость

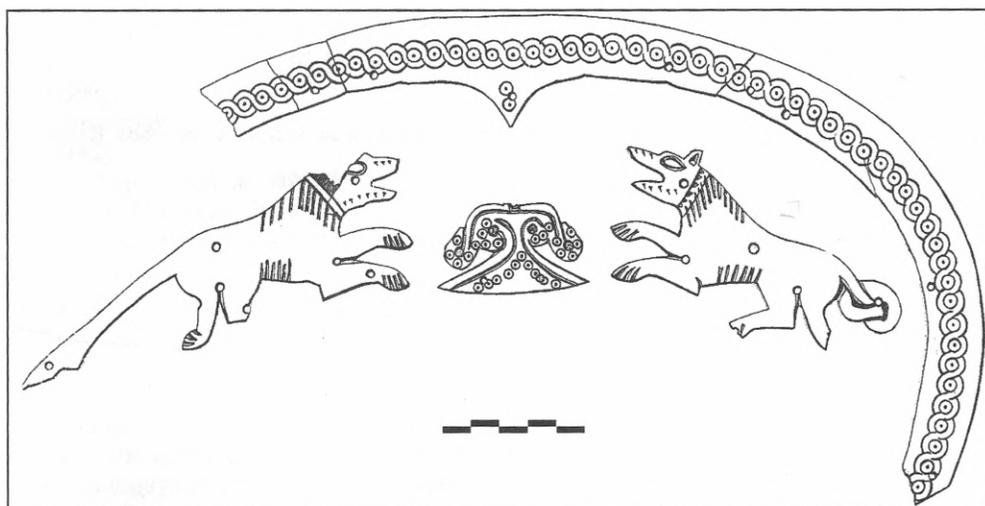

Рис. 9. Вторая композиция охраны дерева жизни. Кость

Начнем с первой пары претендентов. Надо сразу отметить, что в древнерусской пластике достаточно распространено использование протом собак или волков (голова, лапы) в сочетании с элементами птиц и рептилий для рисунка драконов. Собственно изображения собаки или волка неизвестны. Образ собаки непопулярен и в древнерусской мифологии. Больше фигурирует волк, которому приписывались такие качества, как неутомимость, мудрость, но охранительные функции отсутствуют. Хотя собаке они присущи.

Отождествлению накладок с волко-собакой противоречит рисунок костяных пластин. Пропорции фигур: приземистое мощное туловище, крупные короткие лапы, длинный хвост, наличие рисунка шерсти на загривке и в подбрюшье свидетельствуют о принадлежности изображений скорее к кошачьим (тигр, барс), нежели к волко-собакам. Тигр широко использовался в средневековом

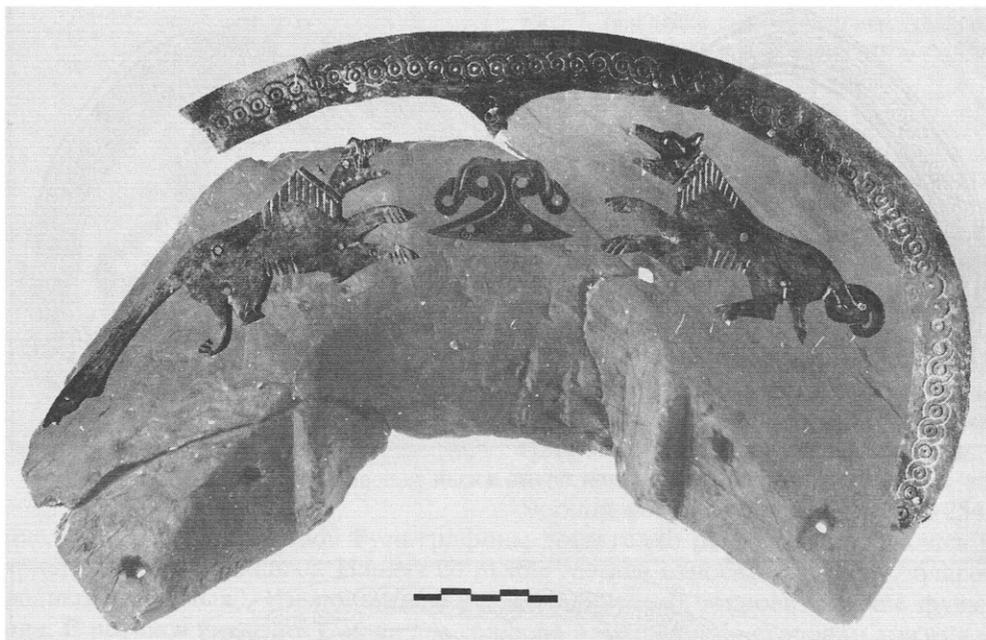

Рис. 10. Вторая композиция охраны дерева жизни (кость) на задней луке (дерево). Компьютерная графика С.В. Трояновского

зверином стиле, что определяется многогранностью символики, причем преобладает охранительное значение.

В рельефах владими́ро-суздальской архитектуры 82 крупных изображения тигра. Притом они занимали самые важные места в архитектуре зданий: по бокам окон и дверей, что всеми связывается с охранительными функциями животных.

Однако голова тигра никогда не дается с собакоподобной мордой. Подобный рисунок присущ группе животных, которых Г.К. Вагнер называл “барсовидные звери” (Вагнер, 1969. С. 274). Барс не фигурирует в христианской символике, но активно использовался в пластике. Вагнер считал, что на Руси изображение барса стало известно благодаря Византии (Вагнер, 1969. С. 276).

Барсовидные звери отмечены на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. Здесь размещается около 100 изображений барсов (Вагнер, 1969. С. 276). Звери изображены в сценах охраны дерева жизни. Головы животных повернуты в профиль. Позы различны: звери стоят, идут, подняв переднюю лапу, подняты на дыбы. В парных композициях барсы сгруппированы головами друг к другу или в разные стороны. Язык чаще всего вытянут, но не всегда (Вагнер, 1969. С. 277; 1997. Табл. 114, 31–38). Охранительное значение животных несомненно.

В пользу того, что на пластинах изображены львы, служит рисунок гривы и шерсти на подборюшье. Однако разворот головы в профиль нехарактерен. Традиционным является изображение морды льва анфас (Вагнер, 1997. Табл. 114, 17–30). Охранительные функции зверей подтверждаются многочисленными изображениями в каменном узорочье владими́ро-суздальских храмов (Вагнер, 1969. С. 268).

Последний вариант отождествления животных на костяных накладках – собакоголовые драконы. Изображения этих полиморфных существ широко распространены в европейском средневековье. Сходство рисунков собакоголовых драконов с новгородскими накладками бесспорно, хотя на большинстве изображений из пасти существ высунут язык, чего нет на новгородских пластинах. Отметим, что достаточно характерным элементом полиморфных существ является змеевидный хвост. Подобный рисунок и на одной из новгородских пластин. Но есть отличия, на наш взгляд, существенно важные: драконовидные существа имеют крыло, иногда рудиментарно выраженное по отношению к пропорциям тела, но постоянно присутствующее. Кроме того, туловища драконов чаще всего сбиты в плотную массу, практически всегда – это тело льва, нередко покрытое чешуей, чего нет на новгородских накладках.

Таким образом, из всех рассмотренных вариантов, правомернее (хотя и не без сомнений) отождествление изображений на новгородских пластинах с барсовидными животными.

Третья пара существ – погрудно изображенные собакоголовые с рогом (рис. 5, 5, 6) – по рисунку морды похожи на пару барсовидных, но у тех отсутствуют рога. Если принять во внимание, что у фрагментированной накладки (рис. 5, 6) змеевидно передано туловище, то можно осторожно предположить, что на третьей паре пластин изображены собакоголовые драконы. В.А. Богусевич отождествлял подобный рисунок драконов с древнерусским Симарглом (Богусевич, 1961. С. 83–84). Однако славянский Симаргл, подобно восточному Сэнмурву – существо крылатое, собако-птица (Рыбаков, 1953. С. 284; Тревер, 1937).

Накладки вероятнее всего размещались на наружных сторонах ленчиков седла. Предлагаемый вариант объясняет одинаковый поворот голов.

На ленчиках делались парные отверстия для крепления подгрудного ремня. Отверстия на парадных седлах украшались накладками. В новгородском комплекте имеется только одна пластина под пару отверстий. Вторая утрачена. Накладка восьмеркообразная, украшена двумя линиями глазкового орнамента и имеет три отверстия (рис. 11, 1). Подгрудный ремень крепился внахлест на внутренней стороне ленчика и пропускался через боковые отверстия накладки (их диаметр – 1 см), а центральное, меньшее по диаметру отверстие (0,7 см) предназначено для крепления пластины.

Учитывая увеличенные отверстия для крепления пластин с собакоголовыми и восьмеркообразной накладкой, можно предполагать, что они крепились к ленчику не костяными, а бронзовыми гвоздями, усиливая орнаментику седла.

Трактовка последней, четвертой, пары животных представляется достаточно определенной: это львы. Изображения зверя в древнерусской бытовой пластике и архитектурной орнаментике широко распространены (Вагнер, Воробьева, 1997. С. 197–199). Традиционно тело животного передавалось профильно, а морда анфас (Вагнер, 1997. Табл. 114, 17–30). На новгородской пластине лев изображен анфас. Вероятно, накладки с рисунками львов помещались внутри арочных медальонов (рис. 11, 2). Пропорции внутреннего пространства медальона и накладок с изображениями львов соответствуют друг другу.

Возникает вопрос о размещении пластин, вписанных в арочные медальоны. Организация деталей аналогична компоновке накладок с грифонами. Это заставляет предполагать, что две пары изображений животных, вписанные в медальоны, размещались вместе, на одном предмете. Форма передней луки седла – дугообразная, с удлиненными боковинами, которые крепились к ленчикам сед-

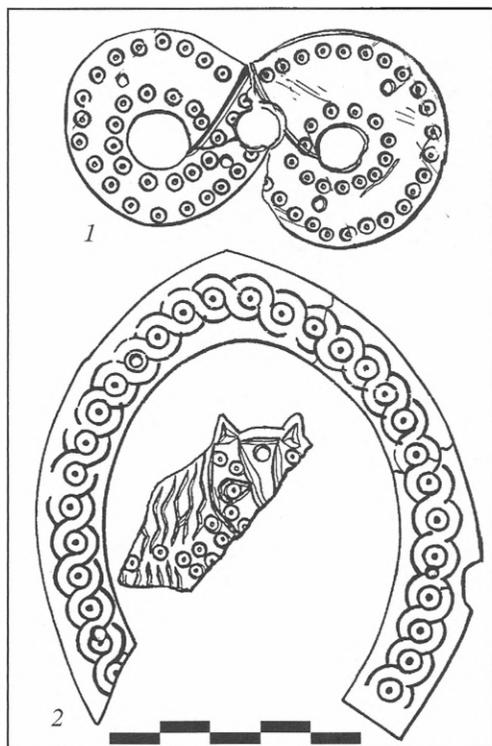

Рис. 11. Накладки

1 – окантовка отверстий для подгрудного ремня; 2 – оформление боковин передней луки (?). Кость

ла, – предоставляет такую возможность. Пластины с изображением морд львов, вписанные в арочные медальоны, вероятнее всего размещались на боковинах передней луки седла. Предлагаемый вариант представляется гармоничным. В центре луки – крупномерная сцена охраны грифонами дерева жизни, а на удлинённых боковинах – накладки с мордами львов анфас, чем подчеркивается плоскостность детали луки. Медальоны, в которые вписаны животные обеспечивают единство орнаментики.

Остается непонятным назначение медальона с вырезанным внутри него хвостом животного (рис. 4, 4). Пластина цельнорезная. Можно предположить, что арочная накладка не имеет отношения к комплекту седельных орнаментальных пластин, что сомнительно.

Второе возможное объяснение: компоновка накладок на седле не была завершена, и хвост должны были удалить для размещения внутри медальона пластины с изображением льва, но седло попало в пожар. Впрочем, и это объяснение спорно.

Если признать предлагаемый вариант размещения пластин, то, учитывая параметры элементов композиций, появляется возможность полностью реконструировать новгородское седло.

Среди евразийских средневековых древностей типологически и хронологически к новгородской находке наиболее близки аланские седла XI–XII вв., обнаруженные в катакомбных могилах у станицы Змейской в Северной Осетии (Куссаева, 1961; Кузнецов, 1961).

Из аланских седел, описанных, к сожалению, весьма фрагментарно, примечательна находка из катакомбы № 14. Кожаная обтяжка этого седла была обита бронзовыми золочеными пластинами со штампованными фигурами животных и птиц. Деревянная лука змейского седла почти аналогична по размерам и форме с новгородским седлом, в том числе по наличию округленной, оконтуренной валиком выемки в нижней части предмета. На поверхности аланской луки был вырезан орнамент в виде плетенки с круглыми стеклянными вставками (Кузнецов, 1961. Табл. VI; XI, 9–15).

Змейские находки, по мнению специалистов, представляют собой тип довольно развитого кавалерийского седла, состоящего из двух ленточков, передней и задней луки. К тому же типу принадлежит и новгородская находка. Вероятно, подобные седла были в средневековье общеупотребительными и у кочевников, и на Руси.

Новгородское седло – элемент парадного конского снаряжения, свидетельствующий о заметном социальном положении владельца. Усадьба, на площади которой были обнаружены детали седла, входила в состав городских владений боярской семьи Мирошкиничей (Янин, Зализняк, 1993. С. 15). Посадник Мирошка Нездинич в период обострения новгородско-владимирских отношений два года (в 1196–1197 гг.) был почетным заложником (“за Новгород”) у великого князя Всеволода (Арциховский, Янин, 1978. С. 98–99). Безусловно, боярин удерживался во Владимире не один, а с сопровождавшими его в посольстве приближенными. В этой связи примечательно, что резные седельные накладки, изображающие животных, повторяют наиболее употребительные персонажи рельефов владимирских соборов и достаточно близки по рисунку, насколько это возможно при учете разного поделочного материала и назначения изображений. Может быть, совпадение не случайное?

Несомненно, что характер сюжетов, персонажей, символика, техника исполнения, аналогии в бытовой пластике и архитектурном декоре свидетельствуют об изготовлении парадного седла русским мастером-косторезом.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962–1976 гг.). М.

Богусевич В.А., 1961. Зображення Сімаргла в древньоруському місцеві // Археологія. Київ. Вып. 12.

Вагнер Г.К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М.

Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси: XII век: Владимир. Боголюбово. М.

Вагнер Г.К., 1976. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Вагнер Г.К., 1997. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII веков: Орнаментальная подсистема // Археология: Древняя Русь: Быт и культура. М. Табл. 114.

Вагнер Г.К., Воробьева Е.В., 1997. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Археология: Древняя Русь: Быт и культура. М.

Древности Российского государства, 1871. Киево-Софийский собор. СПб. Вып. I–III.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Кузнецов В.А., 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.

Куссаева С.С., 1961. Змейский катакомбный могильник XI–XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.

Рыбаков Б.А., 1953. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI веков и южно-русских княжеств XII–XIII веков // История русского искусства. М, Т. I.

Тревер К.В., 1937. Сэнмуров-Паскундж, собако-птица. Л.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.

А. Цауне (Рига, Латвийская Республика)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА В РЕКОНСТРУКЦИЯХ ПЛАНИРОВОК ГОРОДА РИГИ XII–XIII ВЕКОВ

Проблема возникновения города Риги вот уже более ста лет занимает умы исследователей. Город возник в те времена, от которых сохранилось скудное количество письменных источников. Эти противоречивые сведения переведены и интерпретированы по-разному, в них или полностью отрицалось донемецкое существование Риги, или делались попытки представить донемецкую Ригу крупным городом, центром торговли. Историков уже с XIX в. интересовал вопрос, каковы были облик и планировка Риги в первые столетия ее существования. Следует отметить, что древнейшие сохранившиеся планы города относятся к XVII в., а первое известное изображение Риги – панорама со стороны Даугавы – создано только в XVI в. Поиск сведений об облике города раннего периода проводился в письменных исторических источниках. Древнейшим и самым пространственным письменным источником истории Риги является “Хроника Ливонии” Генриха Латвийского, написанная в конце 20-х годов XIII в. Сведения, содержащиеся в “Хронике Ливонии”, скудны и противоречивы. По этой причине возникло более десяти вариантов реконструкции древнейшей планировки Риги (Caune, 1988; 2000). Не будем подробно анализировать вклад каждого исследователя, однако укажем на общие недостатки. Во всех этих реконструкциях не были использованы материалы археологических раскопок. То есть в распоряжении исследователей не было метода проверки правильности выдвигаемых гипотез.

Археологические раскопки в Старой Риге начали производить в конце 30-х годов XX в., они продолжаются и в наши дни. Первые попытки археологов реконструировать планировку Риги донемецкого периода появились в конце 70-х годов XX в. (Caune, Vilsone, 1977). По мере накопления археологического материала появилась возможность усовершенствовать реконструкцию планировки Риги, осуществленной археологами ранее.

Первая заселенность на территории нынешней Старой Риги, как свидетельствуют отдельные находки древности, возникла уже в XI–XII вв. Первое поселение сформировалось на полуострове площадью в 28 га, образованном на правом берегу Даугавы при впадении в нее небольшой речки Риги. В рельефе современного старого города контуры этого древнего полуострова исчезли. Речка Рига была засыпана в XVII–XVIII вв. Вся территорию бывшего полуострова покрывает культурный слой толщиной 2,5–5 м. Так как места археологических раскопок были найдены почти во всех кварталах Старой Риги, можно определить толщину культурного слоя на всей этой территории и реконструировать первоначальный рельеф полуострова (Caune, 1973), уточнить размеры русла речки Риги и древние контуры берега Даугавы.

Побережье полуострова поднято только на 1 м относительно среднего уровня Даугавы. Его центральная часть была выше уровня реки до 3 м. В свою очередь, речка Рига в нижнем ее течении расширялась почти на 50 м, формируя так называемое озеро Ригас, что было удобной естественной гаванью. Полуостров в его средней части пересекала естественная впадина, которая позднее была углублена как канава (рис. 1, 3). Трасса этой впадины прослеживается в геологи-

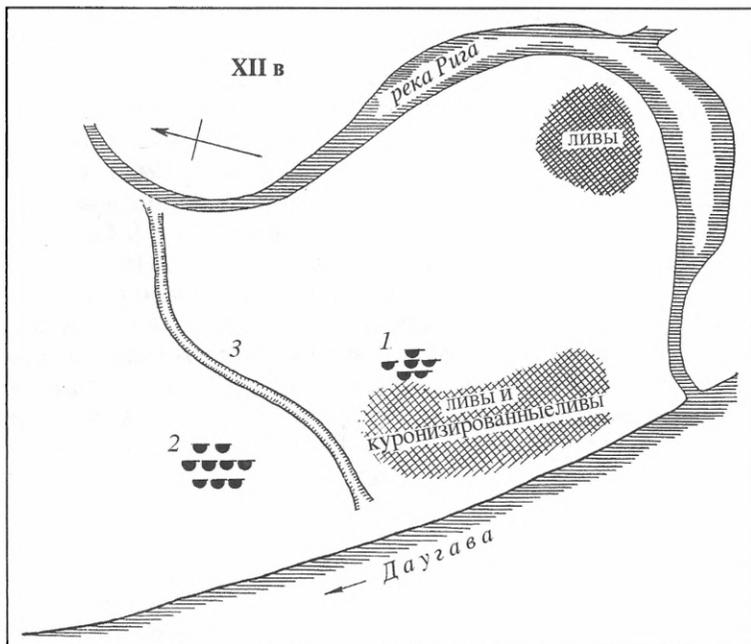

Рис. 1. Реконструкция планировки Риги XII в.

1 – могильник ливов; 2 – могильник куронизированных ливов; 3 – пересекающая полуостров естественная впадина

ческих скважинах и частично обнаружена в 1937 г. при проведении надзорных археологических работ в квартале между улицами Смилшу и Зиргу (Caune, 2000. Lpp. 262–263). Возможно, что вдоль этой впадины были построены и первые рижские оборонительные укрепления – деревянный забор, который со стороны суши защищал расположенное далее на полуострове поселение.

Если отметить на современном плане старого города места, где обнаружены древности в единичных находках и в археологических раскопках, характерные для местных этнических групп XI–XIII вв., вырисовываются два выраженных района. В обоих этих районах Старой Риги вскрыты свидетельства местной деревянной застройки. Здесь также имеются места древнейших донемецких поселений. Одно из них находилось в юго-восточной части полуострова, на правом берегу озера Ригас. На современном плане города это поселение располагается в окрестностях площадей Вецпилсетас и Алберта. Остатки деревянной застройки XII в. обнаружены при раскопках на площади Алберта (Vilsona, 1973).

Второе поселение находилось на берегу Даугавы, в западной части полуострова. На современном плане города его можно найти на полосе шириной 50–100 м, идущей вдоль берега Даугавы, начиная от Ратушной площади до улицы Марсталою. На этой территории деревянные строения XII в. обнаружены в раскопках 1974–1976 годов на углу улиц Пелду и Уденсвада (Caune, 1983). Точные размеры обоих этих поселений определить мы не можем, но думается, что каждое из них занимало площадь в несколько гектаров.

Почему на небольшом полуострове сформировались недалеко одно от другого два отдельных поселения? Ответ на этот вопрос дают два открытых в конце XX в. могильника, относящихся к Риге донемецкого периода. Они свидетель-

ствуют, что в Риге до XIII в. жили представители двух родственных этнических групп – даугавские ливы и пришедшие из Северной Курземе куронизированные ливы. Думается, что язык представителей этих этнических групп был еще похожим, но в материальной культуре куронизированных ливов наблюдается сильное влияние куршей. Могильник куронизированных ливов открыт в раскопках у восточного конца Домского собора (рис. 1, 2) (Caune, 1988), а могильник даугавских ливов – в северо-восточной части Ратушной площади (рис. 1, 1) (Caune, 2001). Территория обоих этих могильников не превышала 0,3 га.

Археологические раскопки предоставили также свидетельства о формировании Рижского озера – древнейшей гавани. Рижское озеро возникло в древнем рукаве Даугавы, максимальная ширина которого достигала 50 м, а максимальная глубина – 2–3 м. Портовые набережные в пору существования поселения ливов укреплены еще не были. Корабельные пристани формировали направленные от берега к середине реки мостки, положенные на вбитые сваи (Caune, 1996).

Как показывает сравнение археологического материала Риги с материалами других исследованных археологических памятников в нижнем течении Даугавы, изученных в зоне затопления Рижской ГЭС, Рижское поселение среди других поселков как место торговли начало формироваться только в конце XII в. До этого Рига представляла собой рядовой поселок, похожий на остальные расположенные на берегах Даугавы поселения ливов. Ни по занимаемой площади, ни по числу найденных импортных предметов вплоть до конца XII в. Рига среди прочих поселений не выделялась (Caune, 1992).

Некоторые авторы в древнейших реконструкциях планировки Риги донемецкого периода старались показать также подворья немецких или русских торговцев (Caune, 1998. Сpp. 89). Именно свидетельств письменных исторических источников относительно существования в Риге таких подворий торговцев нам недостает. Археологический материал также пока не дает нам свидетельств наличия таких подворий торговцев вблизи поселений ливов XII в. Следует отметить, что в Риге найдено известное число ввезенных из Древней Руси украшений. Однако в раскопках они встречаются вместе с украшениями местных народностей, и потому их следует определять как импорт, но не как свидетельство места поселения русских торговцев. Можно указать на некоторые различия. В раскопках на площади Алберта найдено более ста фрагментов ввезенных из Руси стеклянных браслетов, а в раскопках на улицах Пелду-Уденсвада, где площадь исследования ничуть не меньше, чем на площади Алберта, найдено только около двух десятков таких фрагментов. Количество стеклянных браслетов, найденных при раскопках других поселков ливов в нижнем течении Даугавы, ничтожно мало. Нынешний археологический материал конкретно не подтверждает существования поселений торговцев в Риге. Этот вопрос требует выяснения при проведении дальнейших раскопок.

Как свидетельствует “Хроника Ливонии” (4, § 3), епископ Алберт на третьем году своего правления (т.е. в 1201 г.) переместил из Икшкиле в Ригу свою епископскую резиденцию и свой епископский собор. Таким образом, этот год мы и можем считать началом Риги – средневекового немецкого города. Рига начала формироваться как опорный пункт немецких купцов, центр завоевания новых земель и миссионерства. В последующие годы начинается стремительный территориальный рост нового города. О величине и планировке этого первого немецкого города у нас также не имеется непосредственных сведений. Место нахождения этого первого немецкого поселения нам помогают определить еще сохранившиеся или констатированные в археологических раскопках каменные

строения, упомянутые в “Хронике Ливонии” при описании событий в Риге, относящихся к первым десятилетиям XIII в.

Это первый епископский замок, замок Ордена Меченосцев, капелла Св. Юра, построенная горожанами церковь Св. Петра. Все упомянутые постройки расположены недалеко одна от другой и образуют ядро первого немецкого поселения. Оно находилось в восточной части полуострова на берегу речки Риги, рядом с уже существующими двумя поселениями представителей местного населения.

Архитектор, историк искусств Вилхелм Нейман в начале XX в., анализируя план Старой Риги, выдвинул гипотезу о территориальном развитии немецкой Риги в XIII в. (*Neumann, 1911*). Он считал, что в XIII в. территория немецкой Риги была расширена в четыре раза. Его основной вывод, который в дальнейшем позаимствовали все более поздние авторы для своих реконструкций древнейшего плана города, заключался в том, что вначале на берегу речки Риги были построены замки епископа и Ордена Меченосцев, а возле них вырос новый город, намечая полукружью улиц вокруг первых больших каменных строений. Как свидетельствует существующая сеть улиц в центре старого города, выводы Неймана могли быть верными. Второе предположение Неймана относительно того, что территория города расширилась в четыре раза и каждый раз вокруг новой территории продлевалась оборонительная крепостная стена, ошибочно. Археологические раскопки не подтверждают эту гипотезу Неймана. Осуществленные в 90-е годы минувшего столетия обширные раскопки на Ратушной площади и улице Грециниэку, в кварталах, в которых, по мнению Неймана, находилась оборонительная крепостная стена, окружавшая первое немецкое поселение – будущий город, не дали никаких свидетельств о существовании подобных поселений. Не была констатирована и возможная канава и земляной вал или деревянный забор (*Caune, 1998*. Лрр. 89). То есть, укреплений вокруг первого немецкого поселения не было.

В археологических раскопках на месте бывшей улицы Лиела Яунаваас были открыты основания древнейшей защитной крепостной стены (*Ose, 2002*), которая шла вдоль края упомянутой в начале статьи пересекающей полуостров впадины (*Ose, 2003*). Следовательно, первые городские укрепления сразу охватили всю южную часть полуострова, где находилось и первое немецкое поселение, и оба поселка новообращенных ливов.

Первая городская крепостная стена была построена из доломитовых камней. В нижней части ширина ее составляет 2,7 м, выше – 2 м. Так как земля сохранилась только в самой нижней части стены, то высота стены для нас остается неизвестной. Имела ли башни первая защитная крепостная стена, построенная в начале XIII в.? Вопрос остается открытым. В письменных источниках первой половины XIII в. таковые в Риге не упоминаются. Однако на первом изображении печати города Риги от 1225 г., которое уже содержит главные элементы герба Риги, видна городская защитная крепостная стена с воротами, над которыми возвышаются две башни.

Так как о существовании башен в начале XIII в. у нас нет и надежных археологических свидетельств, эти городские укрепления на реконструкции плана начала XIII в. (рис. 2) не обозначены. В древнейшей крепостной стене имелись ворота. Таковые открыты в раскопках в двух местах старого города – на территории площади Алберта и замка Ордена Меченосцев. По мере роста культурного слоя упомянутые двое ворот были заложены, а на их месте на надстроенной стене новые ворота сделаны не были.

В письменных исторических источниках упоминаются только так называемые Ратушные, или Большие ворота, которые обычно историки Риги ищут в кон-

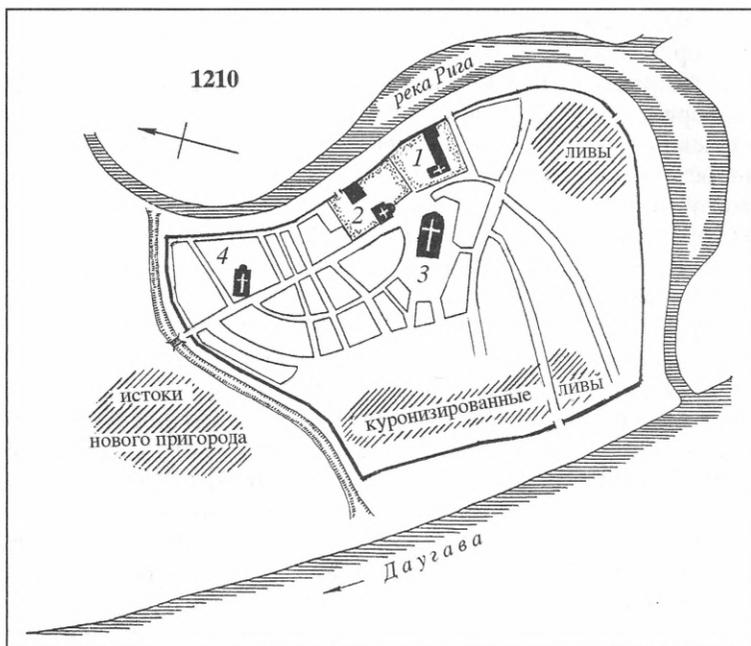

Рис. 2. Реконструкция планировки Риги 1210 г.

1 – замок епископа; 2 – замок Ордена Меченосцев; 3 – церковь Петра; 4 – первый Домский собор

це нынешней улицы Шкюню. Как свидетельствуют более поздние планы города, ворота в стене укреплений находились также в концах всех магистральных улиц.

В “Хронике Ливонии” (§ XIV), в описании нападения куршей на Ригу, упоминается поселок за стенами города, который рижане, ожидая куршей, сами сожгли. Во второй раз эта часть города за крепостной стеной упоминается в дарственном акте, согласно которому епископ Алберт в 1211 г. дарит землю для строительства в Риге нового Домского собора (Liv-, Est- und Kurlandisches Urkundenbuch, 1853). В документе упоминается, что имеющиеся на этом месте участки земли, принадлежащие ливам и немцам, подлежат обмену на другие. Многие историки после этих сведений из “Хроники Ливонии” на месте Домского собора искали древнейшее населенное место – поселок ливов, который существовал до начала строительства немецкой Риги.

Проведившиеся в 1980–1983 гг. обширные раскопки в восточной части Домского собора показали, что на этом месте изначально находился могильник куронизированных ливов. Позднее, в начале XIII в., на краю могильника начали строить жилые дома. Раскопки обнажили один строительный горизонт, рядом находящиеся остатки двух построек: одна – срубная постройка, вторая – большее строение фахверковой конструкции. Различающиеся строительные конструкции и имеющиеся в постройках различные виды отопления позволяют первое из них считать строением, характерным для ливов, а второе – строением немецких пришельцев (Caune, 1993). Думается, что подобные свидетельства можно обнаружить и далее в нераскопанной части Домского собора. Оба строения погибли в результате пожара и не были восстановлены. Позднее, после возведения Домского собора, вокруг него было образовано кладбище. Судя по археологическому материалу, до XIII в. застройка не существовала. Следовательно,

на этом месте не было поселка ливов донемецкого периода. Следует отклонить до сих пор существовавшее мнение относительно поиска донемецкой Риги на месте Домского собора. В этом месте города могло бы быть положено начало “нового города”, упомянутого в письменных исторических источниках XIII в., который до 30-х годов XIII в. за короткий срок вырос за первой крепостной стеной, пересекающей полуостров между речкой Ригой и Даугавой (рис. 2).

Третий этап роста Риги (рис. 3) начался после крупного пожара 1215 года, когда, согласно сведениям “Хроники Ливонии” (XVIII, § 6), сгорела большая часть старого города. После этого несчастья началось строительство нового Домского собора за пределами крепостной стены, на месте, уже в 1211 г. указанном епископом. Неподалеку от возводимого собора на берегу Даугавы строился и новый епископский замок. Позднее в новом городе строились и другие церкви и монастыри.

Первый торговый договор, открывший рижским купцам путь на Русь, по данным “Хроники Ливонии” (XIV, § 9), был заключен с полоцким князем в 1210 г. Думается, что вскоре после заключения этого договора в новом городе Риги было сооружено подворье русских купцов. До тридцатых годов XIII в. вокруг нового города была построена оборонительная крепостная стена, в результате чего город был окружен единой оборонительной системой. Постепенно разрушается та часть крепостной стены старого города, которая была некогда построена вдоль упомянутой в начале статьи впадины, пересекавшей полуостров в его средней части.

Следует отметить, что из воздвигнутых в XIII в. каменных построек до наших дней сохранились только пять церквей, в большей или меньшей степени перестроенных. Остальные строения с течением веков исчезли с поверхности земли. Однако по сведениям письменных источников имеется возможность определить места нахождения всех главных каменных построек в кварталах города. Задачей археологических раскопок является определение планировок этих построек и выявление оставшихся в культурном слое свидетельств строительства.

Рассмотрим несколько подробнее, как выглядела Рига в конце XIII в., когда все главные каменные постройки города уже были возведены, и город занимал всю ту территорию, в пределах которой оставался вплоть до конца XVI в. В городе находились два замка феодальных сеньоров – замок Ливонского ордена, преемника Ордена Меченосцев (рис. 3, 1), построенный в 1202–1209 гг. на берегу речки Риги, и новый замок епископа, позднее – архиепископа (рис. 3, 2), построенный в 1215–1234 гг. и находившийся на берегу Даугавы недалеко от Домского собора. Четыре монастыря: Доминиканский, Св. Яня (рис. 3, 3), основан в 1234 году и находился на территории первого епископского замка. Францисканский монастырь Св. Катрины (рис. 3, 9) основан около 1235 г., по мнению многих историков, на месте бывшего первого Домского собора; Цистерцианский женский монастырь Марии Магдалины (рис. 3, 6), основан около 1255 г., построен в новом городе недалеко от церкви Св. Екаба.

В непосредственной близости от Домского собора находилось обиталище членов домского капитула – Домский монастырь, построенный после 1215 г. (рис. 3, 5). В каждом монастыре находилась своя церковь, капеллы были в обоих замках сеньоров. Кроме этих монастырских церквей в городе были еще три главных храма – принадлежавшая городу церковь Св. Петра (рис. 3, 4), построенная уже до 1209 г., и принадлежавшая приходу изначального пригорода церковь Св. Екаба (рис. 3, 7), построенная в 20-е годы XIII в. Домский собор, который в средние века был самым большим строением в Балтии (рис. 3, 5), постро-

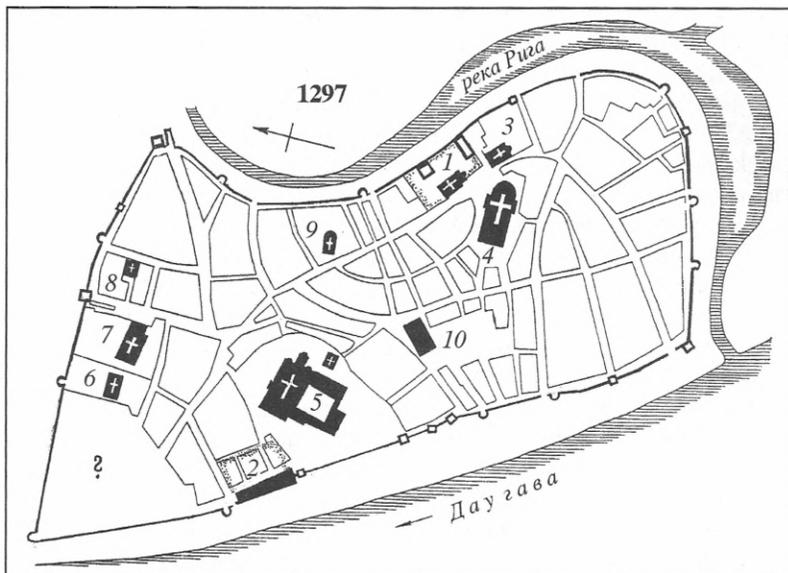

Рис. 3. Реконструкция планировки Риги 1297 г.

1 – замок Ливонского ордена; 2 – замок архиепископа; 3 – доминиканский монастырь с церковью Св. Яня; 4 – церковь Св. Петра; 5 – Домский собор и монастырь домского капитула; 6 – монастырь цистерцианцев и церковь Марии Магдалины; 7 – церковь Св. Екаба; 8 – подворье русских купцов и церковь Св. Николая; 9 – францисканский монастырь и церковь Св. Катрины; 10 – новая ратуша

ен после 1215 г. В подворье русских купцов находилась православная церковь Св. Николая, которая в документах впервые упомянута в 1299 г. (рис. 3, 8).

Места расположения церкви Св. Николая, а также небольшой церкви Св. Павла неизвестны. По констатированным раскопками кладбищам можно предположить, что церковь Св. Николая находилась у улицы Алдару (рис. 3, 8), а церковь Св. Павла – в восточной части Домского собора, у улицы Юниела.

Уличная сеть и границы земельных участков в Старой Риге претерпели мало изменений до наших дней, только в самом северо-западном углу города, где после 1330 г. построили новый орденский замок. Недостаточно представление о сети улиц и границах земельных участков в XIII в. Местами открытые археологическими раскопками на небольших площадях древние мощеные улицы показывают, что планировка современного города отличается от существовавшей в XIII в.

Хотя морские суда весь XIII в. использовали также порт в устье реки Риги, главным портом города Риги стала Даугава. Городская ратуша, которая первоначально находилась в конце улицы Шкюню, позднее была перенесена в центр города, недалеко от порта на Даугаве. Нет прямых свидетельств письменных источников о том, когда это произошло. Рядом с новой ратушей (рис. 3, 10) была обустроена новая рыночная площадь, которая частично перекрывала древний могильник ливов.

Уже в 30-е годы XIII в. старый город Рига слился с новым городом, и их окружила общая оборонительная крепостная стена. От этой крепостной стены, простоявшей вплоть до XVII в., до наших дней сохранились только отдельные фрагменты. Самый большой восстановленный участок крепостной стены находится между улицами Трокшню и Торню. Как свидетельствуют материалы ар-

хеологических раскопок, первоначально крепостная стена была на 3–4 м ниже видимой ныне (Caune, 2003). Крепостная стена была перестроена и надстроена в XV в.

До XXI в. сохранились только 4 башни из более чем 20 упомянутых за период с XIII в. Древнейшие башни на крепостной стене строились четырехугольными в плане. Как свидетельствует открытое в 2003 г. основание башни Св. Духа, во дворе нового рижского орденового замка уже в конце XIII в. были построены полукруглые в плане башни. Поэтому неверным является существовавшее мнение, что полукруглые башни на крепостной стене Риги появились только в XV в. (Vaga, 1967. S. 311). Места нахождения башен, равно как места нахождения ворот на концах магистральных улиц определяются по городским планам XVII в.

Намеченное в статье развитие территории Риги на протяжении двух столетий показывает, как возник и вырос один из крупнейших городов Восточной Балтии в начальный период его истории. С изменением исторических условий на рубеже XII–XIII вв. небольшое поселение местных жителей, благодаря выгодному географическому положению, в короткий срок выросло в значимый центр транзитной торговли, опорный пункт миссии католической церкви и молодой средневековый город, от которого пошло дальнейшее завоевание земли.

ЛИТЕРАТУРА

Caune A., 1966. Kaianlagen der Rigaer Hafeus im 12.–13. Jahrhundert // *Słowiańszczyzna w Europie Średniowiecznej*. Wrocław. P. 97–102.

Caune A. 1973. Arheoloģiskās liecības par pirmatnējo zemes līmeni un reljefu Vecrīgā // *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1972. gada ētījumu rezultātiem*. Rīga. Lpp. 19–23.

Caune A., 1983. Arheoloģiskie pētījumi Rīgā laikā no 1969. līdz 1980. gadam // *Arheoloģija un Etnogrāfija*. Laid. 14. Rīga. Lpp. 86–124.

Caune A., 1988. Jauni atklājumi Rīgas 12. gs. kapulaukā un to nozīme pilsētas pirmsākumu skaidrojumā // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. N 10. Lpp. 104–112.

Caune A., 1992. Die Rolle Rigas im Dünamindungsgebiet Während des 10.–12. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Ostforschung* (Marburg/ Lahn). Jg. 41, Heft 4. S. 489–500.

Caune A., 1993. Archäologische Zeugnisse über die älteste Siedlung am Ort der heutiger Domkirche zu Riga // *Zeitschrift für Ostforschung* (Marburg/Lahn). Jg. 42, Heft. 4. S. 481–506.

Caune A., 1998. Kā radās un veidojās priekšstats par pirmsvācu Rīgu // *Senā Rīga 1: Pētījumi pilsētas arheoloģijā un vēsturē*. Rīga. Lpp. 73–106.

Caune A., 2000. Bīskapa Alberta laika Rīgas plānojuma rekonstrukciju meklējumi // *Senā Rīga 2: Pētījumi pilsētas arheoloģijā un vēsturē*. Rīga. Lpp. 233–269.

Caune A., 2001. Rīgas lībiešu 12. gadsimta kapulauks // *Senā Rīga 3*. Rīga. Lpp. 13–28.

Caune A., 2003. Rīgas 13.-15. gs. aizsargmūra būvperiodi pēc 1971.–1973. g. arheoloģisko izrakumu materiāliem Trokšņu un Torņa ielā // *Senā Rīga 4*. Rīga. Lpp. 183–201.

Caune A., Vilsons M., 1977. Rīgas XII gs. plānojuma rekonstrukcija // *Muzeju un kultūras pieminekli*. Rīga. Lpp. 14–18.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1853. Bd I. Reval. № 21.

Neumann W., 1911. Der Stadtplan als geschichtliche Urkunde // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*. Rīga. Bd. 21. S. 84–99.

Ose I., 2002. Arheoloģiskie pētījumi Rīgā, Kungu un Kaļķu ielā // *Arheologu pētījumi Latvijā 2000. un 2001. gadā*. Rīga. Lpp. 273–282.

Ose I., 2003. Viduslaiku Rīgas aizsargmūris // *Senā Rīga 4*. Rīga. Lpp. 240.

Vaga V., 1967. Die mittelalterliche Stadtbefestigung Rigas // *Nordisk medeltid: Konsthistoriska studier tillägnade Armin Tuulse*. Uppsala. S. 311.

Vilsons M., 1973. Muzeja arheoloģiskie izrakumi Rīgā un to nozīme pilsētas vēstures izpētē // *Rīgas vēstures un kuģniecības muzejs 1773–1973*. Rīga. Lpp. 110–142.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АИП – Археологическое изучение Пскова
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АО – Археологические открытия. Москва.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
ВВ – Византийский временник
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік, Мінск.
ГАСК – Государственная академия славянской культуры
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГВН и П – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГИН – Геологический институт РАН, Москва
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКСА – Международный Конгресс славянской археологии
НАНБ – Нацыянальная Акадэмія навук Беларусі.
НИС – Новгородский исторический сборник
ННЗ – Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород
ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ОА ПГОИАХМЗ – Отдел археологии Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея заповедника
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПЛ – Псковские летописи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РГБ – Российская государственная библиотека
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
ТАС – Тверской археологический сборник
ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия
CSNB – Corpus scriptorum historiae Byzantinae
LA – Lietuvos archeologija. Vilnius.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Васильевич Седов	3
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

<i>Г.Г. Литаврин</i> (Москва). Пелопоннесская магнатка Данилиха: легенда и действительность	20
<i>П.Ф. Лысенко</i> (Минск, Беларусь). К вопросу об учреждении Туровской епархии	27
<i>Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт</i> (Москва). Культурно-исторический процесс на Кавказе и на Балканском полуострове на стадии формирования цивилизации	33
<i>П.П. Толочко</i> (Киев, Украина). В поисках загадочного Русского каганата	44
<i>Б.Н. Флоря</i> (Москва). Купеческая организация в средневековом Пскове и псковское боярство	52
<i>А.А. Формозов</i> (Москва). Исторические сочинения Н.Г. Леклерка и П.Ш. Левека и русская историография	57
<i>Б.Н. Харлашов</i> (Псков). Погосты в Псковской земле и процесс сельского расселения	159
<i>В.Л. Янин</i> (Москва). Новгород и Венеция (об изображении на новгородских монетах)	164

КУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>А.А. Егорейченко</i> (Минск, Беларусь). Об ареале культуры поздней штрихованной керамики	70
<i>И.В. Исланова</i> (Москва). Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса по данным археологии)	77
<i>С.И. Кочкуркина</i> (Петрозаводск). Карелы, вепсы и славяне	92
<i>В.И. Кулаков</i> (Москва). Эстии, венецы и германцы на Самбии	100
<i>М. Михельбертас</i> (Вильнюс, Литовская Республика). Находки перекладчатых фибул типа А96 в Литве	109
<i>А.М. Обломский</i> (Москва). О территориальных границах двух групп памятников киевской культуры в Среднем и Верхнем Посеймье	117
<i>Н.И. ШUTOVA</i> (Ижевск). Средневековые святилища Камско-Вятского региона: опыт идентификации	129
<i>Ю.Л. Шапова</i> (Москва). К проблеме периодизации истории древностей	138

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>А.Р. Артемьев</i> (Владивосток). Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в.	143
<i>В. Жулкус</i> (Клайпеда, Литовская Республика). Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье	153
<i>В.И. Завьялов</i> (Москва). Археологическая металлография: историографические заметки	164
<i>Н.А. Кренке</i> (Москва). Дьяково городище: методы исследований (по материалам раскопок 1980-х гг.)	172
<i>А.Е. Леонтьев</i> (Москва), <i>В.И. Вишневецкий</i> (Сергиев Посад). Последний курган из группы у с. Вельково на Плещеевом озере	193
<i>Н.В. Лопатин</i> (Москва). Новые данные о предистории Изборска	200
<i>Н.А. Макаров</i> , <i>С.В. Меснянкина</i> (Москва). К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере	207
<i>П.Д. Малыгин</i> , <i>А.П. Ланцев</i> (Тверь). Раннесредневековый комплекс у д. Городище Сан-довского района Тверской области	218
<i>Е.Н. Носов</i> , <i>Н.В. Хвоцинская</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища	227
<i>В.Е. Родикова</i> (Москва), <i>А.А. Седин</i> (Могилёв, Беларусь). Браслеты Никодимовского городища	234
<i>Вл.В. Седов</i> (Москва). Никольский собор в Изборске	247
<i>М.В. Седова</i> (Москва). Иконка с изображением “Гроба Господня”, рубежа XIV–XV веков	259
<i>О.А. Щеглова</i> (Санкт-Петербург). Тисненные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладогe и Изборске	263
<i>В.Л. Янин</i> , <i>П.Г. Гайдуков</i> (Москва). “Ядрей писал”	272

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

<i>В.Д. Баран</i> (Киев, Украина). Археология древнего Галича	276
<i>А.Г. Векслер</i> (Москва). Церковь Св. Троицы “Старая” в Москве: Археологические исследования и музеефикация	284
<i>А.Н. Кирпичников</i> (Санкт-Петербург), <i>Н.В. Енисова</i> (Москва). Литейные формы для производства слитков из Старой Ладогои	290
<i>И.К. Лабутина</i> (Псков). Из истории средневековой застройки Пскова XV–XVII вв.	297
<i>Э. Мугуревичс</i> (Рига, Латвийская Республика). Характеристика военных укреплений Восточной Прибалтики в Ливонской хронике Германа Вартберге XIII–XIV вв.	311
<i>М.Д. Полубояринова</i> (Москва). Каменные котлы из Болгара	316
<i>Е.А. Рыбина</i> (Москва). Деревянные оправы стеклянных зеркал из раскопок в Новгороде	324
<i>А.С. Хорошев</i> (Москва). Седло начала XIII в. из Новгорода	329
<i>А. Цауне</i> (Рига, Латвийская Республика). Археологические свидетельства в реконструкциях планировок города Риги XII–XIII вв.	342
Принятые сокращения	351

Восточная Европа В Средневековье

ISBN 5-02-009869-8

9 785020 098695

НАУКА